

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

**12
2025**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ардашев Р.Г. Технологии противодействию экстремизму в молодежной среде	6
Вершинина И.А. Дискурсы о городах в современной социологической теории	11
Кравченко А.И. Улицы – артерии городской инфраструктуры	20
Полуэктов Д.А. Роль инноваций и технологий в развитии строительной отрасли как социального института	25

Сушко В.А., Русаков И.А. Оценка презентативности данных социологических исследований в области интеллектуальной собственности, проведенных в онлайн- и онлайн- режимах, на примере судебной практики	32
--	----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Маслодудова Н.В. Информационная культура личности в условиях цифровизации социальной среды	38
Медведев А.В. Онлайн-обучение: тенденции и перспективы в новых образовательных реалиях	45
Туркова В.Н. Коррупция в спорте: выбор без выбора	50

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Григорян Г.Г. Нормативно-правовой механизм сохранения и воспроизводства этнической идентичности армян Юга России.....	55
Магранов А.С. Традиционные российские ценности в восприятии работающей молодежи	61
Пантелеев В.Г., Шевченко О.М. Гражданская идентичность и степень принятия иностранных мигрантов (по материалам массового опроса в Ростовской области)	67
Храмова М.В. Связь с общественностью в органах внутренних дел: история и современность	74

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Ван Цзыжуй. Исследование миграции населения этнических меньшинств в северо-западных районах Китая в период Республики Китай.....	78
Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н., Маторкина Т.Г. Система ценностей регионального социума.....	83
Гнатюк М.А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования	88
Дорцев К.Д. Фондовый рынок как транслятор культурных ценностей современного общества.....	94
Крганов Р.Р. Актуальные практики автономности руководителя в условиях военной организации: от мирного времени к специальной военной операции..	102
Мигалов Е.А., Барбакова Е.В. Проблемы и перспективы местного самоуправления в урбанизированных поселениях Ямalo-Ненецкого автономного округа как фактор социальной безопасности Арктического макрорегиона.....	107

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечать: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziolog.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); **Силласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарьян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренькова Екатерина Владимиrowna** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукчевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кромп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любомиша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антимо Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сapienza) **Чжан Шухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларусь (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилен Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИЦ РАН) **Хунагов Рашид Думалиевич** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченков Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.01.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Рычихина Э.Н., Спиченко А.А. Система управления кадетским образованием в современной России.....	113
<i>Субочева О.Н., Моторина И.Е.</i> Специфика трансформации организационной культуры банка в условиях развития цифровых технологий	119
<i>Шестаков С.А., Осуховский Г.В.</i> Адаптивная архитектура управления: ключевой фактор устойчивости современного производственного предприятия в условиях неопределенности	124
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
Альнуров Д.Ю. Репрезентация цивилизационной идентичности России и Индии в национальном кинематографе.....	130
<i>Вахнина Е.А.</i> Культурные символы в создании положительного образа России	139
<i>Волошинова Т.Ю., Волошинова А.Д., Климов А.М.</i> Особенности восприятия малых литературных форм читателями-профессионалами и читателями-любителями	143
<i>Ежикова Е.Г.</i> Фразеологические единицы и идиомы в английском языке: происхождение и современное использование	148
<i>Ибрагимов А.З., Титова А.С., Каракчев Д.А., Гурбанов Т.М.</i> Физическая культура и спорт как многофункциональный инструмент укрепления здоровья	151
<i>Лукьянец А.С., Летуновский А.А.</i> Акторы и механизмы трансформации семейных ценностей: исследование молодежной среды российского мегаполиса	157
<i>Николаев Р.Ю., Никифоров Н.Ю., Горюхов И.А., Храмичева О.А., Баширова Н.С.</i> Технологический парадокс современного спорта: как цифровые инструменты меняют физическую активность молодежи	163
<i>Солдатова О.Д., Максимова Е.Ю.</i> Личностные ресурсы психологической безопасности: выбор и самодетерминация	169
<i>Шкrebko A.H., Goroхova T.A., Проходимов A.A., Плещёva T.H.</i> Физическая активность в профилактике хронических заболеваний: клинический подход и социальные стратегии	173
ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Иванова Е.Р., Ильиниев Р.И., Чупрова Т.О.</i> Искусственный интеллект в гуманитарных науках: перспективы и вызовы	179
<i>Цыденов А.Б.</i> Кочевники в цифровую эпоху: адаптация, неравенство и изменения повседневности в монгольских степях	186
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Беломыцев А.А.</i> Трансформация религиозного сегмента цифрового медиадискурса в условиях глубокой медиатизации: от персонализированных новостных лент к вызовам генеративного искусственного интеллекта	191
<i>Караев А.М.</i> Логосная антропология Максима Исповедника: византийская философия и богословие	198

<i>Чжан Сюаньюй.</i> Переосмысление понятий «божественный дух» и «навь» в конфуцианской традиции: от Конфуция к Ван Янмину	202
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>Абрамова О.Ю.</i> Трудная проблема сознания: социогуманитарные импликации в контексте технологической трансформации	209
<i>Брусиловский Д.А., Апсаматова Э.Д., Карабалаева С.Б.</i> Философско-правовая парадигма в обеспечении экологической безопасности	212
<i>Нандингна Мануэл Мора Кампал.</i> Тенденции социальной трансформации современной Африки в условиях глобализации	218
<i>Пашак И.В.</i> Человек и человеческое существование в творчестве А.П. Чехова	222
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Ахчиев И.М., Маркосян А.А.</i> Цифровое общество: политico-социологический анализ (на примере Республики Албания)	226
<i>Лутошкина В.Н., Демидова Т.Е., Сысоева Е.К., Goncharova E.B., Свирина М.Г.</i> Информатизация общества и социальные сети: их влияние и роль на формирование новой социальной культуры современного общества	233
<i>Тимофеева Р.А., Бондаренко Л.М., Бондаренко М.В.</i> Вопросы управления волонтёрской программой в образовательном учреждении высшего образования	237
<i>Воскресенский А.А., Данила А.И.</i> Футурология и инноватика: история мысли о новом	243
<i>Инь Сяојун, Чжао Личжоу.</i> Исследование механизма межведомственного сотрудничества в целях продвижения государственного общеупотребительного языка и письменности	252
<i>Кидямин А.А.</i> Война как проявление «традиций» в развитии типа социальной философии России	261
<i>Лин Хуанье.</i> Либертарианские партии и факторы их популярности	267
<i>Макшаев Н.М.</i> Вахтовая форма организации труда как фактор трансформации института семьи и локальных сообществ	273
<i>Низамов Р.Р., Харисов А.Р.</i> Влияние настольных ролевых игр (НРИ) на концептуальный дизайн и архитектуру современных компьютерных ролевых игр (RPG)	278
<i>Павлов О.И., Павлова О.Ю.</i> Зависимость результатов ЕГЭ и успеваемости учащихся в учреждениях профессионального образования	281
<i>Солдатов И.С.</i> Смысл истории как предмет исторического сознания: К. Ясперс, А. Тойнби, О. Шпенглер	285
<i>Сушко Н.Г., Чуба А.Ю., Бакшеев А.И., Карзенкова А.В., Борисова Т.Д.</i> Цифровизация и ее роль в повышении эффективности социального обеспечения населения России	290
<i>Ходжатов К.Б.</i> Определение понятия «мигрант» в миграционных исследованиях: от национально-ориентированного подхода к транснационализму	296

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Ardashev R.G. Technologies for countering extremism among youth.....	6
Vershinina I.A. Urban discourses in contemporary sociological theory.....	11
Kravchenko A.I. Streets are the arteries of urban infrastructure	20
Poluektov D.A. The role of innovation and technology in the development of the construction industry as a social institution.....	25
Sushko V.A., Rusakov I.A. Assessment of the representativeness of data from sociological research in the field of intellectual property conducted in offline and online modes, using the example of judicial practice	32

EMPIRICAL STUDIES

Maslodudova N.V. Individual Information Culture in the Context of Digitalization of the Social Environment	38
Medvedev A.V. Online Learning: Trends and Prospects in the New Educational Realities	45
Turkova V.N. Corruption in sports: a choice without choice	50

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

Grigoryan G.G. The regulatory and legal mechanism for the preservation and reproduction of the ethnic identity of Armenians in Southern Russia	55
Magranov A.S. Traditional Russian values in the perception of working youth	61
Panteleev V.G., Shevchenko O.M. Civil identity and the degree of acceptance of foreign migrants (based on a mass survey in the Rostov region).....	67
Khramova M.V. Public Relations in the Internal Affairs Bodies: History and Modernity.....	74

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Wang Zirui. A study of the migration of ethnic minority populations in the north-western regions of China during the republic of China.....	78
Vishnyakova N.A., Kurmyshkina O.N., Matorkina T.G. The value system of the regional society	83
Gnatyuk M.A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Sectoral identity as a sociological category: boundaries, structure, and institutional sources of formation	88
Dortzev K.D. Stock market as a transmitter of modern cultural values.....	94
Krganov R.R. Actual practices of executive autonomy in a military organization: from peacetime to a special military operation.....	102
Migalov E.A., Barbakova E.V. Problems and Prospects of Local Self-Government in Urbanized Settlements of the Yamalo-Nenets Autonomous District as a Factor of Social Security in the Arctic Macroregion.....	107

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, Knorus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziolog.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: Albert Ivanovich Kravchenko (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); Zheltov Viktor Vasilyevich (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); Mamedov Agamali Kulam-Ogly (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); Sillaste Galina Georgievna (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); Rakhmanov Azat Borisovich (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); Grabelnykh Tatyana Ivanovna (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); Burmykina Irina Viktorovna (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); Marshak Arkady Lvovich (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); Osipov Aleksandr Mikhailovich (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); Afonin Yuri Alekseevich (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov) Vukicevic Slobodan (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro) Kropp Fredrik (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)) Mitrović Ljubiša (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)) Titarenko Larisa Grigoryevna (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus) Farro Antimo Luigi (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome) Zhang Shuhua (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad») Sokolova Galina Nikolaevna (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk))

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University) Skvortsov Nikolay Genrikhovich (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University) Osipova Nadezhda Gennadieva (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University) Ivanov Vilen Nikolaevich (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) Khunagov Rashid Dunalichevich (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) Volkov Yuri Grigorovich (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University) Ivchenkov Sergey Grigorievich (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky)

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2

Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 01/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

Rychikhina E.N., Spichenko A.A. The management system of cadet education in modern Russia	113
Subocheva O.N., Motorina I.E. The specifics of the transformation of the bank's organizational culture in the context of digital technology development	119
Shestakov S.A., Osuhovskiy G.V. Adaptive management architecture: a key factor in the sustainability of modern manufacturing enterprises in uncertain times	124
SOCIOLOGY OF CULTURE	
Alnurov D.Yu. Representation of the civilizational identities of Russia and India in national cinema	130
Vakhnina E.A. Cultural Symbols in Creating a Positive Image of Russia	139
Voloshinova T.Yu., Voloshinova A.D., Klimov A.M. Peculiarities of perception of small literary forms by professional and amateur readers.....	143
Ezhikova E.G. Phraseological units and idioms in English: origin and modern usage	148
Ibragimov A.Z., Titova A.S., Karakchiev D.A., Gurbanov T.M. Physical education and sports as a multifunctional tool for health promotion.....	151
Lukyanets A.S., Letunovsky A.A. Actors and mechanisms of transformation of family values: a study of the youth environment in the russian metropolis	157
Nikolaev R.Ju., Nikiforov N.Yu., Gorokhov I.A., Khramicheva O.A., Bashirova N.S. The technological paradox of modern sports: how digital tools are changing the physical activity of young people	163
Soldatova O.D., Maximova E.Yu. Personal resources of psychological safety: choice and self-determination	169
Shkrebko A.N., Gorokhova T.A., Prohodimov A.A., Pleshcheva T.N. Physical activity in the prevention of chronic diseases: clinical approach and social strategies....	173
ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY	
Ivanova E.R., Ilmiev R.I., Chuprova T.O. Artificial intelligence in the humanities: prospects and challenges	179
Tsydenov A.B. Nomads in the Digital Age: Adaptation, Inequality, and Transformations of Everyday Life on the Mongolian Steppe.....	186
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE	
Belomytsev A.A. Transformation of the Religious Segment of Digital Media Discourse under Deep Mediatization: From Personalized News Feeds to the Challenges of Generative Artificial Intelligence	191
Karaev A.M. The Logos Anthropology of Maximus the Confessor: Byzantine Philosophy and Theology	198
Zhang Xuanyu. Rethinking the "Divine Spirit" and "Navi" in Confucianism: from Early Thinkers to Wang Yangming	202

SOCIAL PHILOSOPHY

Abramova O.Yu. The hard problem of consciousness: socio-humanitarian implications in the context of technological transformation	209
Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D., Karabalaeva S.B. The philosophical and legal paradigm in ensuring environmental safety.....	212
Nandingna Manuel Mora Kampal. Trends of social transformation in modern Africa in the context of globalization.....	218
Paschak I.V. Man and human existence in the works of A.P. Chekhov	222
INTERDISCIPLINARY RESEARCH	
Akhtsieva I.M., Markosyan A.A. Digital society: political and sociological analysis (on the example of the Republic of Albania).....	226
Lutoshkina V.N., Demidova T.E., Sysoeva E.K., Goncharova E.V., Svirin M.G. The informatization of society and social media: their impact and role in the formation of a new social culture in modern society	233
Timofeeva R.A., Bondarenko L.M., Bondarenko M.V. Issues of volunteer program management in an educational institution of higher education	237
Voskresenskiy A.A., Ivanov D. Futurology and innovation studies: a history of thought about the new	243
Yin Xiaorong, Zhao Lizhou. A Study of the Mechanism of Interdepartmental Cooperation for Promoting the standard spoken and written Chinese language.....	252
Kidaykin A.A. War as a Manifestation of "Tradition" in the Development of a Type of Social Philosophy in Russia	261
Lin Huangye. Libertarian parties and factors of their popularity.....	267
Makshaev N.M. Shift work as a factor in the transformation of the family and local communities.....	273
Nizamov R.R., Kharisov A.R. The Influence of Tabletop Role-Playing Games (TRPGs) on the Conceptual Design and Architecture of Modern Computer Role-Playing Games (RPGs)	278
Pavlov O., Pavlova O. The relationship between the results of the unified state exam and the academic performance of students in vocational education institutions	281
Soldatov I.S. The meaning of history as an object of historical consciousness: K. Jaspers, A. Toynbee, O. Spengler	285
Sushko N.G., Chuba A.Yu., Baksheev A.I., Karzenkova A.V., Borisova T.D. Digitalization and its role in improving the efficiency of social security in Russia	290
Hojatov K.B. Defining the Concept of «Migrant» in Migration Studies: From the NationOriented Approach to Transnationalism	296

Технологии противодействию экстремизму в молодежной среде

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье проводится краткий анализ проблемы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества. Разбираются критерии и факторы, а также особенности проявления и развития экстремизма в молодежной среде. Приводятся результаты авторского исследования об эффективных стратегиях применения различных технологий противодействия экстремизму. Выделяются девять направлений профилактики экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, противодействие экстремизму.

В современном обществе все чаще встают вопросы экстремизма. Особенно если мы говорим о молодежной среде. Именно в молодёжной среде множество экстремистских проявлений, так как еще не сформировались четкие ценностные ориентиры, они подвержены множеству кризисов, которые сопровождаются конфликтами с окружением и поиском смыслов жизни.

Экстремизм опирается на определенное мировоззрение или уже оформленную идеологию. И далеко не всегда он опирается на исключительность и превосходство одного человека над другим, одной культуры, религии, нации над другой, одной политической, экономической или экологической доктриной над другой.

Сочетание различных действий позволяет считать их экстремистскими, если они соединяют в себе один или несколько следующих критерий.

Первый. Действия, направленные против общественного порядка, существующего государственного строя или против представителей правоохранительных органов. Эти действия осуществляются через разрушение, клевету и дестабилизацию существующих устоев, порядков, правил и ценностей. Они могут содержать прямые или косвенные призывы к насилию. Такая деятельность является экстремистской, так как несет в себе общественно опасные последствия и регулируется законодательством РФ.

Второй. Определяется масштабом деструктивного воздействия в контексте любых общественно-значимых вопросов. Когда одиозные идеи перестают быть мыслями одного человека и становятся дискурсивным пространством для многих, а также подкрепляются их реализацией в жизни (то есть они находят выражение в общественной активности), то они становятся экстремистскими убеждениями или экстремистской идеологией. Например, элементы нацистской символики могут быть представлены в книгах или музеях как элементы истории и культуры, но когда они становятся символами пропаганды тиражируемыми в медиийном пространстве, то они становятся элементами экстремистской идеологии.

Экстремистская риторика и идеология в молодежной среде имеет свои особенности.

Во-первых, идеология экстремизма зарождается и развивается в маргинальной среде. Так как молодые люди регулярно находятся в состоянии неопределенности, неуверенности в себе и своем окружении, своих возможностях и перспективах. У них нет понимания того, на что и на кого они мо-

гут опираться, поэтому экстремистская идеология может стать для них опорой.

Во-вторых, экстремизм более легко вписывается в сознание, когда в сообществе готовы к нарушению или уже нарушают существующие нормы и правила, противостоят общественности и работе социальных институтов, не признают существующую власть или законы и проч. Иными словами, среда «не согласных» с чем-либо людей становится фокусом притяжения для экстремистской идеологии.

В-третьих, экстремистская идеология легко вписывается в сознание тех, кто уже обесценил личность, не соблюдает права человека, нет самоуважения и уважения к другим. Это состояние обесценивания личности как основы социального

развития и нивелировании значимости целых социальных групп, состоящих из таких же «растоптанных» личностей.

В-четвертых, экстремизм становится близок тем, кто пропагандирует идеологию насилия, не разбирается в методах достижения цели (цель оправдывает средства), отсутствуют нравственные ориентиры и убеждения. В пространстве отсутствия ценностей появляются значимые, «громкие идеи», которые становятся опорами для молодежи, так как дают смысл, дают ценности, дают поддерживающее окружение и предлагают четкие цели для реализации идеологии.

На этом фоне, причинами появления экстремизма в молодежной среде являются различные факторы (представлены в таблице 1).

Таблица 1. Факторы развития экстремизма в молодежной среде

Фактор	Характеристика проблем	Пример	Экстремистский фокус
Социальная напряженность в молодежной среде	Уровень и качество образования	Реформы образования не дают четкого понимания – какие знания нужны, на кого стоит учиться, как стать хорошим специалистом	Позволяет найти «врагов» среди тех, кто «не тому», «не так» учит. Или же обозначить, «кто виноват» в проблеме образования, обучения и проч.
	Проблемы на рынке труда	Нет работы. Нет работы с достойной оплатой.	Наши рабочие места заняли мигранты, беженцы или кто-то еще. Наши деньги уводят за границу (мигранты, чиновники или кто-то еще)
	Социальное неравенство	У одних есть шансы, у других нет и это критерий по территории проживания (город / село, столица / провинция), гендерным или возрастным особенностям и т.д.	Те, кто живут там (место N) забрали у нас все, они виноваты в наших бедах. Те, кто обладает каким-то статусом, положением – виноваты в том, что у нас так не получается
Криминализация сфер жизни	Вовлечение молодежи в криминальные структуры	Фильмы, музыка с героизацией криминальной культуры	Формирование криминальных паттернов поведения (драки, агрессивное общение)
	Криминальная культура как ценность («блестящая» кулуара)	Распространение криминальной культуры в обычной жизни	Татуировки на теле, атрибуты и символы с идеологией криминальной культуры, речевые обороты (сленг) криминальной культуры
Рост сепаратизма и нацизма	Использование идеологии экстремизма для реализации социально-политических целей	Обсуждение инициатив о депортации определенных граждан или вовлечение в национально-этнические или политические конфликты в других государствах	Идеологическое конструирование образа врача, против которого надо активно действовать
Незаконное производство, хранение оружия, взрывчатых веществ	Под досуговой деятельностью может скрывать подпольное производство оружия, химикатов	В молодежных сообществах в качестве «кружков» могут предлагать мастер-классы по созданию взрывчатки	Это основа для того, чтобы тем, что сделали в молодежной среде или сохранили – воспользовались против общества
Искусственное создание и поддержание агрессии и иных агрессивных психологических состояний	Манипулирование идеологами и руководителями экстремистских сообществ агрессивными молодежными настроениями	Организация драк, поджогов, дебошей	Под «хулиганскими» акциями могут формироваться реальные стратегии по устранению отдельных лиц или целых сообществ
Использование сети Интернет	Широкий доступ к аудитории	Создание экстремистских сообществ в социальных сетях приводит к формированию активных и пассивных участников экстремистских акций в разных точках страны	Благодаря виртуальному присутствию происходит «Идеологическая промывка мозгов», что позволяет постепенно подготавливать кадры для организации экстремистских акций

Сегодня, молодежный экстремизм формируется в неформальных молодежных сообществах, имеющих целью противоправные действия. Распространение экстремизма в молодежной среде – это результат развития асоциальных установок и проблем в социальной адаптации и социализации молодёжи. Итогом этого становится противоправное поведение в рамках экстремистской идеологии.

В литературе достаточно обширно представлено влияние СМИ на общественное мнение и его роль в развитии молодёжного экстремизма (Р.Г. Ардашев, А.А. Смаилова, Т.Т. Шамурзаев [1–4, 17]); обесценивание и нивелирование значимости ценности жизни другого человека (П.А. Баев [5, 6], О.А. Полюшкевич, И.А. Журавлева, А.В. Завьялов [12–16]), особенности развития экстремизма в молодежной среде (Р.В. Иванов [7–11]) и т.д.

Особенности исследования

Мы провели экспертный опрос ($n = 16$), где эксперты выступали представители правоохранительных органов, психологи и педагоги, общественные деятели и депутаты, вовлеченные в работу профилактики экстремистских настроений среди молодежи. Опрос проводился в виде полуструктурированного интервью, длительность каждого интервью от 1,5 до 2 часов. Далее, материалы кодировались и обрабатывались в программе Atlas.ti.

Анализ результатов исследования

Анализ экспертных оценок показал высокую долю неэффективной антиэкстремистской деятельности. Но причины, данной ситуации эксперты видели в разных позициях.

Одни говорили о проблемах макроинститутов (32%). *Разрушение самой социальной ткани общества приводит к тому, что появляются экстремистские организации, они проявляют то, что институты изнутри сгнили и лишь показывают это несовершенство через свою деструктивную деятельность.* (И. Ю., преподаватель высшей школы, доктор наук, профессор, 56 лет). *Экстремистская молодежная организация – это пример разрушения социальных основ общества, его воспроизведения на принципах гуманности и толерантности. Если это не работает, то включается противоположный вектор – саморазрушения. Экстремистская деятельность – пример саморазрушения общества.* (О. А., общественный деятель, 47 лет).

Трансформация духовных и мировоззренческих ориентиров (28%). *Вестернизация современного общества привела к расслоению и утрате базовых гуманных установок, что были характерны для советского общества. Сейчас мы утрачиваем скрижали прошлого, на агрессию, депрессию, насилие, да и в целом на экстремизм, во всех его*

проявлениях.

(Н. Н., депутат, 38 лет). Массовая культура привела к обесцениванию традиционных ценностей, перевернула смыслы жизни, смыслы социального взаимодействия, служения, результатом этого стал экстремизм как форма мышления и мировоззрения для молого поколения.

(Д. Н., руководитель отдела по противодействию экстремизму в полиции, 42 года).

Отсутствие социальных перспектив и психологических условий для реализации молодого человека (25%). *Молодые люди не видят для себя возможности обретения опоры, смысла жизни и социальной реализации.* Этим пользуются экстремистские организации, подменяя смыслы, манипулируя и извращая цели и ценности – они создают новую идеологию для молодых людей, идеологию, основанную на насилии и экстремизме.

(Д. Ю., преподаватель высшей школы, кандидат наук, доцент, 32 года). *Обесценивание личности, не значимость жизни других – это деструктивные ценности, которые транслируются экстремистскими организациями и внедряются в сознание молодых людей через ложные установки, техники управления вниманием и кодирование или зомбирование молодежи.* Это возможно из-за слабости духа и сознания молодых людей – не способных сопротивляться внешнему воздействию.

(Г. Г., психолог, 33 года).

Открытость медийного пространства (СМИ и сеть Интернет) для деятельности экстремистских сообществ в социальных сетях (15%). *Сегодня в социальных сетях множество сообществ, которые напрямую не пропагандируют идеи экстремизма и терроризма, но на мировоззренческом уровне «подготавливают почву», достаточно одного события или факта, чтобы такую подготовленную молодежь направить на реализацию экстремистских актов.* (Л. А., психолог, 28 лет). В сети Интернет сложно отследить и привлечь к ответственности руководителей и кураторов экстремистских сообществ, так как они прикрываются медицинскими образами, сюжетами фильмов, музыкальными клипами и так далее, формируя определенную атмосферу – результатом чего становится подготовленная к своронению экстремистских и террористических акций молодежь.

(М. С., сотрудник полиции, работающий в отделе противодействия экстремизму, 45 лет).

Эксперты указывали на условную эффективность существующих программ профилактики экстремизма среди молодежи. Наиболее эффективными выступают публичные профилактические мероприятия, мастер-классы (35%), далее идут программы профилактики реализуемые представителями правоохранительных органов совместно с психологами (28%), на четвертом месте педагогические профилактические мероприятия, осуществляемые педагогами и психологами с привлечением родителей в школах и вузах (22%). Помимо этого, 15% занимают информационные со-

общения в медийном пространстве об опасностях экстремизма и способах ему противостоять.

Все эксперты указывали, что для эффективной профилактики экстремизма в молодежной среде необходимо готовить специализированные кадры, обладающие максимально полной информацией о том, какие виды, типы, особенности экстремистской деятельности существуют, каким образом происходит вербовка молодых людей и как этому противостоять. Причем, необходимо повышать квалификацию, так как техники вербовки в экстремистские сообщества постоянно модернизируются.

А также, необходим постоянный мониторинг активности экстремистских сообществ и перспектив социального контроля и закрытия данных организаций и групп. Для этого, необходимо расширить финансирование данного направления работы и комплексного подхода к решению ключевых вопросов.

Помимо этого, эксперты сформулировали ряд направлений для осуществления профилактики экстремизма в молодежной среде:

1) информационно-просветительские мероприятия с молодежью, направленные на информирование об опасности экстремизма и технологиям противостояния ему;

2) участие представителей правоохранительных органов на родительских собраниях в школах и встречах со студентами в вузах;

3) внимание родственников за тем, какую информацию потребляет подросток или молодой человек в сети интернет, в каких социальных группах состоит;

4) пропагандировать ЗОЖ;

5) проводить социально-психологические тренинги для молодежи направленные на повышение терпимости и толерантности к представителям других культур, народов, религий и проч.;

6) повышение социальной компетентности молодых людей через мастер-классы и практикумы, которые помогут им развить в себе эмпатию, сочувствие и сострадание;

7) бороться со стереотипами и предубеждениями в отношении представителей других групп и сообществ, через социальный диалог, участие в совместных творческих, спортивных, научных и других мероприятиях;

8) ценить жизнь, права и достоинства жизни любого человека;

9) формирование альтернативных сфер деятельности, для того чтобы потенциал молодых людей уходил не в деструктивную экстремистскую деятельность, а был направлен на спорт, творчество и любую другую реализацию.

Предложенные направления являются лишь точкой отсчета в борьбе с молодежным экстремизмом, но требуют пристального и регулярного внимания со стороны правоохранительных орга-

нов, психологов, педагогов, родителей молодых людей. Поэтому, необходимо постоянно проводить мероприятия мониторинга и противодействия экстремизму.

Литература

- Ардашев Р.Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.
- Ардашев Р. Г., Смаилова А.А. Основы психологии молодежного экстремизма. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2025. 127 с.
- Ардашев Р. Г., Шамурзаев Т.Т. Профилактика спортивного экстремизма // Теория и практика физической культуры. 2024. № 11. С. 76.
- Ардашев Р. Г., Шамурзаев Т.Т., Смаилова А.А. Угроза терроризма на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 9. С. 51.
- Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
- Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
- Иванов Р.В. Анализ методов борьбы с молодежным экстремизмом // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 9. С. 99–104.
- Иванов Р.В. Особенности противодействия экстремизму в молодежной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 434–445.
- Иванов Р.В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
- Иванов Р.В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–135.
- Иванов Р.В. Эмпирический анализ экстремистских настроений молодёжи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 232–242.
- Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159–164.
- Полюшкевич О.А. Правовая культура и ментальные установки современников // I Восточно-Сибирский юридический форум.

- Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 367–369.
14. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
 15. Полюшкевич О.А. Экспертная оценка социальных индикаторов сплоченности // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 226–229.
 16. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В., Журавleva И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа Интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
 17. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р.Г. Экстремизм в спорте: социально-правовые и психологические предпосылки // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 59.

TECHNOLOGIES FOR COUNTERING EXTREMISM AMONG YOUTH

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

This article provides a brief analysis of the problem of youth involvement in extremist communities. It examines the criteria and factors, as well as the characteristics of the manifestation and development of extremism among young people. The author presents the results of his research on effective strategies for applying various technologies to counter extremism. Nine areas of extremism prevention among young people are identified.

Keywords: extremism, youth extremism, countering extremism.

References

1. Ardashev R.G. The Influence of the Media on the Formation of Public Opinion about Crime // Sociology. 2023. № 5. Pp. 90–97.
2. Ardashev R. G., Smailova A. A. Fundamentals of the Psychology of Youth Extremism. Study Guide. Irkutsk, Irkutsk State University, 2025. 127 p.
3. Ardashev R. G., Shamurzaev T.T. Prevention of Sports Extremism // Theory and Practice of Physical Education. 2024. № 11. P. 76.
4. Ardashev R. G., Shamurzaev T.T., Smailova A.A. The Threat of Terrorism at Sports Competitions // Theory and Practice of Physical Education. 2024. № 9. P. 51.
5. Baev P.A. Civic and National Identity of Russians // Sociology. 2023. № 4. Pp. 69–76.
6. Baev P.A. Expert Analysis of Moral Authorities of Modern Youth // Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World. Collection of Scientific Papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
7. Ivanov R.V. Analysis of Methods of Combating Youth Extremism // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2023. № 9. Pp. 99–104.
8. Ivanov R.V. Features of countering extremism among young people // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. 2020. Pp. 434–445.
9. Ivanov R.V. Conditions for countering extremism among young people: results of a regional study // Sociology. 2020. № 1. Pp. 301–311.
10. Ivanov R.V. Extremist sentiments of young people: myths and realities of a provincial region // Sociology. 2019. № 1. Pp. 130–135.
11. Ivanov R.V. Empirical analysis of extremist sentiments of young people // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2019. № 10. Pp. 232–242.
12. Polyushkevich O.A. Norms of Solidarity after Mass Violence // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2019. № 10. Pp. 159–164.
13. Polyushkevich O.A. Legal Culture and Mental Attitudes of Contemporaries // I East Siberian Legal Forum. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 367–369.
14. Polyushkevich O.A. Social Security and Social Tension // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
15. Polyushkevich O.A. Expert assessment of social indicators of cohesion // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 226–229.
16. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The impact of the terrorist attack of October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and media // Human ecology. 2021. № 8. Pp. 42–49.
17. Shamurzaev T. T., Ardashev R.G. Extremism in sports: socio-legal and psychological prerequisites // Theory and practice of physical education. 2025. № 8. P. 59.

Дискурсы о городах в современной социологической теории

Вершинина Инна Альфредовна,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: urbansociology@yandex.ru

В статье показано, что социологическая урбанистика является одним из перспективных направлений современных исследований. Автор подчеркивает, что предметное поле социологической урбанистики довольно неоднородно и включает в себя множество разнообразных тем и направлений исследований. При этом в статье предпринимается попытка вычленения ключевых дискурсов современной социологической урбанистики, к которым автор относит следующие: необходимость возрождения сообщества; трансформация пространственных форм; особенности функционирования городов в условиях глобализации; мультикультурность городов; умные города. Перечисленные дискурсы не исчерпывают полностью весь спектр, вопросов, которые сегодня находятся в центре внимания социологической урбанистики, однако помогают систематизировать данную предметную область.

Ключевые слова: город; урбанистика; сообщество; глобализация; неравенство; цифровизация.

Введение

Современность понимается многими социологами как оформление и функционирование национальных государств, то есть эпоха модерна (Бек, Гидденс, Терборн и др. [Beck, 2006; Giddens, 1990; Therborn, 2011]). Концепция современности в данном прочтении основывается на бинарной концептуализации социальных возможностей мира, которую Валлерстайн характеризует следующим образом: скорее договор, чем статус; скорее общество (*Gesellschaft*), чем сообщество (*Gemeinschaft*); органическая солидарность, а не механическая и т.д. [Wallerstein, 2000: 26–27]. Таким образом, внимание социологии на протяжении ее существования концентрируется на истории общества модерна, получившего оформление в виде национального государства. В последней трети XX столетия можно констатировать наличие значительно большего многообразия направлений исследований, что Валлерстайн связывает, в том числе, и с критикой социологии вследствие наличия у нее ряда методологических проблем [Wallerstein, 2000: 25]. Одним из перспективных направлений исследований является социологическая урбанистика, которая может предложить решение методологических проблем социологической науки.

В современных условиях по-новому конституируются пространство и социальность. Социологическая урбанистика предлагает альтернативный подход к анализу социальной жизни, поскольку она позволяет рассматривать различные пространственные формы вместо привычных для социологии общества и национального государства. Это особенно важно в эпоху глобализации, когда начинаются дискуссии о возможности анализа обществ [Beck, 2006; Touraine, 2007; Urry, 2000], происходит смена контейнерной теории общества новой, идет становление космополитического мировоззрения и т.п.

Э. Соя называет конец ХХ – начало ХХI веков самым подходящим и своевременным моментом для развития критического городского и пространственного сознания, потому что эта тема привлекает внимание представителей множества наук, среди которых социология играет особую роль [Soja, 2003: 280]. Всплеск интереса к городам, характерный для многих академических дисциплин связан с расширением области городских исследований, что стало следствием значительного преобразования урбанистического пространства. За последние несколько десятилетий вследствие

процесса глобализации города значительно расширили сферу своего влияния и сконцентрировали множество функций, часть из которых является новыми для них. Происходящие изменения требуют серьезного осмыслиения и находят свое отражение в многообразных концепциях города и урбанизации.

Дискурс о городах в современной социологической теории довольно неоднороден, зачастую противоречив, поэтому очевидна необходимость систематизации и типологизации ключевых концепций для создания теоретико-методологических основ изучения современных урбанистических территорий и тенденций их развития как в мире, так и в России.

Многообразие современной социологической урбанистики

Французский социолог Лефевр – одна из ключевых фигур в «новой социологии города», с которым связано не только возрождение интереса к данной области исследования, но также и выявление основных тем, получающих свое развитие и сегодня. Его концепция «производства пространства» [Lefebvre, 2000], согласно которой города являются творениями своих жителей и отражают идеи сообществ, которые их создают. Исключение их из этого процесса, которое Лефевр наблюдает в капиталистическом обществе, провоцирует кризисные явления, которые могут быть преодолены, с точки зрения французского социолога, на основе возвращения «права на город» его жителям [Lefebvre, 2015].

Историко-культурный подход Сеннета демонстрирует трансформацию повседневной жизни горожан в соответствии с различными этапами развития общества [Sennett, 1994; Sennett 2018]. Особое внимание американский социолог уделяет религиозным и культурным детерминантам урбанистического пространства и прослеживает, как оно меняется вследствие индустриализации и становления капиталистического общества, а затем и в результате глобализации.

Иной ракурс рассмотрения истории городов предлагает Терборн, который демонстрирует, что политические представители власти в городском пространстве постепенно уступают место экономическим, заказчиками которых являются уже не национальные государства, а транснациональные корпорации [Therborn, 2017]. На примере столичных городов социолог показывает, что сегодня наблюдается ослабление политической иконографии и замена ее на новую, глобальную.

Для Кастельса главной темой является социальное неравенство в капиталистическом городе, который вследствие углубляющейся поляризации становится дуальным [Castells, 1989]. Новые формы социального неравенства рассматриваются им как результат реструктуризации рынка труда

и развития информационно-коммуникационных технологий в условиях глобализации.

Социальное неравенство и социальная несправедливость также находятся в центре внимания Харви, который считает их пространственным выражением капитализма, функционирующего сегодня в условиях глобализации [Harvey, 2006; Harvey, 2009]. Современная урбанизация так же, как и глобализация, характеризуется им как неолиберальная, то есть ведущая к дальнейшему росту социального неравенства. Вслед за Лефевром исследователь полагает, что жители должны вернуть себе «право на город», тем самым возлагая большие надежды на новые социальные движения.

Сассен сосредоточивает свое внимание на социально-экономических эффектах глобализации, рассматривая появление глобальных городов как становление новой глобальной «социальной географии», ведущей к оформлению новых социальных практик, стилей жизни и новой повседневности [Sassen, 1991]. Значимым для нее является и такой аспект, как влияние транснациональных корпораций на социальное пространство современных городов. Сассен доказывает, что несмотря на развитие информационно-коммуникационных технологий, позволяющих перевести многие взаимодействия в дистанционный формат, роль некоторых городов, а именно глобальных, растет, поскольку они представляют собой стратегические пространства постиндустриальной экономики, предоставляющие транснациональным корпорациям весь комплекс необходимых им услуг.

Так, современная социологическая урбанистика представляет собой множество различных тем и направлений исследований, среди которых, тем не менее, можно попытаться выделить несколько основных.

Ключевые дискурсы в современной социологической урбанистике

Дискурс о необходимости возрождении сообщества можно назвать одним из самых активных в современной социологии. Ряд исследователей (Джекобс, Гейл, Зукин и др. [Jacobs, 1961; Gehl, 2010; Zukin, 2010]) указывает на необходимость планирования «городов для людей», что должно способствовать активизации местных сообществ и их участия в решении значимых для города вопросов. История социологии в целом выстраивается через два ключевых понятия – общество и сообщество. И классические городские исследования базируются на изучении именно сообществ, которые рассматриваются как формы взаимодействия в городском пространстве, поэтому в чем-то можно зафиксировать возвращение к классике.

В классической социологии урбанистика оформлялась на основе изучения сообщества как

ключевой формы социальной жизни. Общество было связано с национальным государством, внутри которого продолжали функционировать сообщества, связанные с городами, поскольку именно сообщество традиционно понималось в социологии как форма существования городов.

Амбициозные проекты по конструированию социальной реальности и даже созданию нового человека создаются в СССР в 1920-е годы. Сегодня также разрабатываются стратегии трансформации социальной жизни в городе на основе внедрения архитектурных решений, предусматривающих увеличение числа общественных пространств, создающих условия для взаимодействий.

Американский исследователь Мамфорд рассматривает историю цивилизации как историю городов и критикует планирование промышленных городов. С его точки зрения, они ориентированы не столько на дальнейшее развитие человека и человечества, сколько на извлечение краткосрочной выгоды, что губительно для цивилизации в целом [Mumford, 1961]. Он считает необходимым участие местного сообщества в конструировании городской среды, поскольку это единственный способ учесть интересы жителей.

Активную борьбу против основных трендов городского планирования первых двух третей XX века вели и американка Джекобс, доказывая на примере своего района в Нью-Йорке, Гринвич Виллидж [Jacobs, 1961], что основой безопасного и комфортного города являются не широкие магистрали, а условия для консолидации местного сообщества.

Распространение принципов гуманистического подхода к городскому планированию, учитывающих особенности повседневной жизни в постиндустриальном обществе, сегодня рассматривается как один из наиболее эффективных способов как возрождения сообщества, так и повышения качества жизни современных горожан. Данные принципы предполагают, во-первых, учет потребностей людей при городском планировании, которые должны быть первичными по отношению к интересам архитекторов, организации транспортной системы и т.д., во-вторых, создание условий для социальных взаимодействий в городской среде, способствующих повышению социальной сплоченности в современном обществе. Реконструкция городского пространства в соответствии с гуманистическим подходом способствует снижению остроты как традиционных, так и новых социальных проблем, а также возрождению городского сообщества и соседства, роль которых снижалась на протяжении XX столетия.

Изучается влияние на сообщество этажности застройки, хотя этот показатель может фигурировать лишь косвенно через плотность населения, при этом район многоэтажек с большими общественными пространствами может иметь ту же

плотность населения, что и район малоэтажной, но более плотной застройки. Тем не менее, анализ архитектурных особенностей позволяет выявить специфику социальных отношений и моделировать их. Во второй половине XX века становится очевидно, что архитектура начинает модифицироваться вследствие серьезной критики своих социальных и философских основ [Fuentes, 2013: 174], разрабатываются новые подходы к городскому планированию, учитывающие культурные особенности и экономическое положение стран, для которых они предназначены. Мамфорд, Джекобс и Гейл [Mumford, 1961; Jacobs, 1961; Gehl, 2010] выполняют функции своеобразных социальных технологов, предлагающих новые проекты реорганизации городского пространства. Все они указывают на важность социальных взаимодействий в городах, поскольку только эффективная коммуникация может помочь в артикуляции интересов жителей и их защите перед городскими властями.

Промышленный город навязывает стандартизованные унифицированные решения, предлагающие максимальную функциональность и эффективность использования пространства. Архитекторы и планировщики первых двух третей XX века идеализируют рационализацию и рассматривают ее как возможность исправить социальные проблемы и «иррациональную» беспорядочность домодерновых культур и городов [Fuentes, 2013: 169]. Одним из первых подобный подход реализовал глава французской столицы барон Осман при реконструкции Парижа в третьей четверти XIX века, снеся беспорядочную домодерновую застройку и все упорядочив на основе рационализации. Соответственно, на протяжении большей части XX века идет формирование однотипных, как правило, монофункциональных районов (жилых, деловых и т.д.) во имя достижения однородности, которая должна обеспечить физический и пространственный порядок, «рационализирующий» все аспекты жизни людей и помогающий в решении социальных проблем [Fuentes, 2013: 169]. Однако с серединой прошлого столетия возведение многочисленных стандартизованных зданий, кварталов и городов становится объектом критики.

Сегодня функционалистские решения рассматриваются как одна из главных ошибок в градостроительстве вследствие множества негативных эффектов, в конце XX века стало очевидно, что унифицированные решения не позволяют учсть разнообразные социальные интересы и потребности жителей городов, на что и указывают Мамфорд, Джекобс и Гейл [Mumford, 1961; Jacobs, 1961; Gehl, 2010]. Новая организация городской жизни с ее требованиями к качеству пространства – это новая тенденция в трансформации одного из самых важных аспектов городской культуры. Деятельность Гейла в качестве архитекто-

ра способствует преобразованию городского пространства в разных странах. Его идеи – результат многочисленных исследований, которые продолжаются и сегодня. Богатый практический опыт свидетельствует о том, что датский архитектор хорошо понимает принципы функционирования современных городов.

Города и новые урбанистические образования не должны рассматриваться как пассивные пространства, наоборот, они является арендой для агрегирования интересов и их представительства. Городская социология по-прежнему имеет высокую эвристическую ценность, рассматривая такие вопросы, как формирование сообществ, местных систем благосостояния и других форм социальной организации [Perry, Harding, 2002: 849].

Дискурс о трансформации пространственных форм. Сложный процесс, конструирующий урбанистический мир, характеризуется социальным неравенством, заставляющим перестраивать города и искать оптимальные пространственные модели, сменяющие представление о городе в его административных границах (Готтман, Соя, Ханна и др. [Gottmann, 1961; Soja, 2000; Khanna, 2016]). Современный этап урбанизации характеризуется появлением сети общественного транспорта, который расширяет границы индустриальных городов. Общественный транспорт используется для передвижения по городу большей частью жителей, пока во второй половине XX века не начинается постиндустриальная урбанизация, которая связывается с распространением личных автомобилей. Это способствует строительству огромных торговых центров и интенсификации потребления, расширяются пригороды, происходит стирание границ между городами и окружающими их территориями, появляются новые урбанистические образования.

Это требует переосмысления методов городского планирования и проектирования, упорядочивания новых урбанистических форм на основе уже существующих реалий, многие из которых формируются стихийно. Необходимо отметить неоднородность процесса урбанизации в разных странах мира: в Китае наблюдается концентрация населения в городах в невиданных масштабах, в ряде регионов мира, напротив, отмечается субурбанизация, ставшая следствием распространения постфордистской гибкой экономики с соответствующими типами занятости.

Готтман одним из первых предлагает анализировать не только города, но и более крупные территориальные образования и сосредоточивает свое внимание на мегаполисе – это часть атлантического побережья США от Бостона до Вашингтона, включающая в себя довольно много больших американских городов и окружающих их пригородов [Gottmann, 1961]. Исследователь полагает, что развитие транспортных сетей не только ускоряет

передвижение людей, но и требует «выхода» научных исследований за пределы городов, которые начинают сливатся друг с другом в обширные социально-экономические единые пространства. Готтман способствует появлению нового направления исследований урбанизации, предполагающего изучение не городов, а более сложных территориальных образований.

Изучение современных урбанистически реалий многие связывают с Лос-Анджелесом, который, во-первых, стал одним из центров изучения урбанизации на рубеже XX–XXI веков, а, во-вторых, сам обладает довольно интересной морфологией. Вследствие этого некоторые американские исследователи считают Лос-Анджелес столицей конца XX века, полагая, что представитель Франкфуртской школы Беньямин абсолютно справедливо называет столицей XIX столетия Париж [Dear, Flusty, 2002: 9]. Тем не менее, они одновременно используют несколько терминов применительно к Лос-Анджелесу, называя его в одной из статей агломерацией (*agglomeration*), мегаполисом (*megacity*) и метрополисом (*metropolis*) [Soja, Scott, 1998: 1–3]. Тем самым, американские исследователи, с одной стороны, подчеркивают сложность и неоднозначность современных урбанистических образований, которые уже невозможно анализировать, используя центральное понятие Чикагской школы – «город» (*city*), с другой стороны, сами продолжают усугублять и без того существующую терминологическую неразбериху.

Постиндустриальный характер урбанизации, с точки зрения Соя, лучше всего отражает трансформации капитализма, демонстрируя одновременно черты глобального процесса урбанизации и ее региональные особенности [Soja, 2000]. Он фиксирует переход отmonoцентричного промышленного метрополиса к полицентричному постметрополису, который отражает основные тенденции урбанизации на рубеже XX–XXI веков, в первую очередь связанные с функционированием агломераций, ведущих к появлению новых форм таких традиционных социальных проблем как неравенство, эксклюзия, преступность и так далее.

Если Готтман и Соя [Gottmann, 1961; Soja, 2000] рассматривают крупные урбанизированные образования, расположенные на территории одного государства, то Ханна [Khanna, 2016] делает предположение, что для современных мегаполисов даже государственные границы не являются препятствием, и предлагает акцентировать внимание не столько на разделяющих людей, общества и государства границах, сколько на связях, которые между ними существуют и могут давать конкурентные преимущества в глобальном мире. Тем самым, он разрабатывает концепцию функциональной географии, альтернативную национально-государственному подходу к анализу современности.

При этом, как отметил Ганс, социологи при проведении исследований либо игнорируют проблему существования, кроме городов, других урбанистических образований, либо изобретают прилагательные для характеристики отдельных поселений и их районов: центральные, внутренние и внешние города (*central, inner, and outer cities*), но теперь также внутренние и внешние пригороды (*inner and outer suburbs*); окраинные, бескрайние, города-спутники и глобальные (*edge, edge-less, satellite, and global cities*), а также метрополисы и мегаполисы (*metropolis and megacities*) [Gans, 2009: 214]. Выделяют несколько видов пригородов (промышленные, жилые и т.д.), что еще больше затрудняет проведение границ между урбанизированными и сельскими районами.

Дискурс об особенностях функционирования городов в условиях глобализации. В центре внимания ряда концепций (Кастельс, Сассен, Сеннет, Харви и др. [Castells, 1989; Harvey, 2006; Harvey, 2009; Sassen, 1991; Sennett, 2005]) находятся социальные последствия неолиберальной глобализации, в результате которой города вступают в принципиально новый период экономической, политической и социальной организации, становятся «глобальными», «дуальными», «мультикультурными». Как следствие, начинаются дискуссии о взаимосвязи локальных и глобальных процессов, обсуждается «денационализация» городского пространства и формирование новых претензий со стороны транснациональных акторов, провоцирующих серьезные социально-экономические трансформации, ставшие следствием глобализации и появления новых информационно-коммуникационных технологий.

Названные выше авторы связывают социальное неравенство и социальную несправедливость, характерные для современных городов, с функционированием капитализма и глобализацией. Город предстает в их концепциях как часть капиталистической мировой системы, где формируется новый урбанистический порядок, не совпадающий с национально-государственным. Претензии, предъявляемые субъектами, борющимися за признание, требование их права на город имеют долгую историю, однако эпоха глобализации привносит свои новшества, в частности, способствуя все большей унификации и гомогенизации социального пространства.

В современных городах отмечается рост «делинквентности» (например, повреждение автомобилей и витрин, ограбление и поджог магазинов), что, например, Сассен связывает с традиционной для городов проблемой социального неравенства. Она полагает, что «восстания последних десятилетий в крупных городах развитого мира являются показателем обостренного социально-экономического неравенства – пропасти между городской гламурной зоной и городской зоной вой-

ны и выживания» [Sassen, 2000: 162], конфликт между которыми углубляется. Так, Сассен отмечает безразличие и жадность новых элит, с одной стороны, и безнадежность, а также озлобленность бедных, с другой. Неравенство – традиционная социальная проблема городов, однако его проявления меняются (в том числе появляются новые формы, такие как цифровое неравенство). Как следствие, происходит и трансформация социального конфликта, который в условиях глобализации становится транснациональным.

Сассен, акцентирует свое внимание на глобальной экономике, которая концентрируется в глобальных городах, кардинально меняя их облик. Она одной из первых обращает внимание на то обстоятельство, что глобализационные процессы не снижают значимость «места», а наоборот, повышают ее, поскольку транснациональные корпорации базируются в тех городах, которые могут им предложить весь комплекс необходимых услуг. Глобальные города почти неизбежно вынуждены выходить далеко за рамки привычных стандартов оказания услуг, так как между ними также существует ожесточенная конкуренция.

Глобальный город, по мнению Сассен, характеризуется выполнением, прежде всего, экономических функций. Этого достаточно для включения его в состав глобальных городов, хотя впоследствии может привести к росту роли города в других сферах, в том числе в политической и культурной. Например, музеи глобальных городов, получив доступ к ряду сложных юридических, бухгалтерских и страховых инструментов, могут участвовать в международных обменах и выйти на новый для себя уровень. При этом, если сначала она рассматривает глобальные города как мультикультурные образования [Sassen, 1991], то позднее приходит к выводу, что в них начинает доминировать глобальная деловая культура [Sassen, 2016], уничтожающая культурное многообразие.

Дискурс о мультикультурности городов. Отдельно следует отметить изучение взаимовлияния экономических и культурных процессов (Зукин, Маркузе, Сассен и др. [Zukin, 1995; Marcuse, 2010; Sassen, 2016]). Взаимоотношения между культурой и экономикой можно считать классической городской темой, связанной с эстетизацией товара, демонстративным потреблением, практиками культурных презентаций. Все вышеперечисленное указывает на глубокую взаимосвязь между культурой и экономикой, которая находит свое отражение в городском пространстве, в том числе и через различие в стилях жизни.

В частности, переезд из сельской местности в город далеко не всегда сразу ведет к трансформации образа жизни и появлению того, что Л. Вирт называет «урбанизмом» [Wirth, 1938]. В развивающихся странах, где урбанизация идет наиболее интенсивно, исследователи отмечают наличие райо-

нов с высокой степенью концентрации населения, то есть урбанизированные, но при этом с низким уровнем урбанизма, то есть образа жизни, своего-ственного городам [Palen, 2008: 11]. Одной из причин данного несоответствия является довольно высокий процент мигрантов, родившихся за пределами городов, в которых они живут. Они являются горожанами по своему месту жительства, но их менталитет и поведение во многом остаются сельскими.

Маркузе полагает, что города могут быть разделены по многим основаниям, далеко не все из которых являются социальными [Marcuse, 2010: 477]. Некоторые из них связаны с действиями горожан, другие – с решениями представителей власти. Кроме того, как он указывает, жители городов различаются по национальности, принадлежности к классам, доходам, профессиям, образованию, религии, возрасту, продолжительности проживания, стилю жизни и т.д. Пространственное расположение зачастую коррелирует с социальными различиями, обуславливающими неравенство, например, высшие слои населения имеют больше шансов занять экологически благоприятные районы.

В некотором роде Маркузе демонстрирует преемственность с идеями Парка, к которым по-прежнему довольно часто обращаются социологи. В частности, не потерял своей актуальности его тезис, согласно которому «социальные отношения часто и неизбежно коррелируют с пространственными отношениями; потому что физические расстояния настолько часто бывают или кажутся индексами социальных расстояний» [Park, 1926: 18]. При этом влияние социальных и пространственных отношений взаимно: социальные конфликты могут способствовать возведению высоких стен между районами, но и территориальная близость, напротив, может способствовать достижению взаимопонимания. Эти тезисы нутрачивают своей актуальности и сегодня, когда культурное разнообразие большинства городов оказывается значительно шире, чем в начале XX столетия.

Сегодня на культуры и креативные индустрии многие возлагают большие надежды, связанные с тем, что города, рынок труда которых прежде был ориентирован на промышленное производство, сталкиваются с депрессией и оттоком населения, спровоцированными автоматизацией и деиндустриализацией. Тем не менее, некоторым успешно удается не только диверсифицировать рынок труда, но и найти новые драйверы для развития. Ими могут быть не только экономические достижения, но и различного рода культурные события.

Одним из классических примеров того, как культура смогла стать драйвером для развития, – испанский город Бильбао. Экономическая депрессия сменилась резким подъемом благодаря по-

явлению в городе в конце XX века новой точки притяжения – музея Гуггенхайма, здание которого столь необычно, что повлекло за собой изменение облика всего Бильбао, являющегося сегодня одним из туристических центров Испании. Тем не менее, необходимо отметить, что власти Бильбао также провели огромную работу по повышению качества городской среды и совершенствованию транспортной системы, что позволило много-кратно усилить эффект от появления необычного культурного объекта.

Еще одна актуальная проблема ряда современных городов, имеющих свой «ржавый пояс», – ревитализация их бывших промышленных зон. Адаптивное повторное использование промышленных сооружений зачастую позволяет зданиям обрести вторую жизнь благодаря их включению в культурную жизнь города. Таким образом, в современном обществе, которое характеризуется как постиндустриальное и информационное, именно культура зачастую становится тем драйвером, который помогает городу адаптироваться к новым условиям и преодолеть негативные последствия деиндустриализации.

Одним из самых противоречивых сегодня можно назвать **дискурс об умных городах**. Они рассматриваются как результат технического прогресса, однако социальные последствия их распространения нельзя назвать однозначными (Китчин, Комнинос, Холландс и др. [Kitchin, 2016; Komninos, 2002; Hollands, 2008]). Следует отметить, что единого понимания умного города среди исследователей нет, причем подходы к его определению иногда кардинально расходятся. Это во многом объясняет и тот факт, что в многочисленных рейтингах умных городов их позиции могут довольно существенно различаться вследствие того, что разными исследователями оцениваются различные их характеристики.

Для одних умный город представляет собой максимально возможное число современных технологий, автоматизирующих процессы управления и принятия решений, а также цифровых приложений, упрощающих повседневную жизнь горожан и экономящих их время; для других – это, прежде всего, умное сообщество, вовлеченнное в жизнь города и способное участвовать в решении актуальных для него проблем для преодоления эксклюзии и расширения жизненных шансов каждого из жителей. Представители последнего подхода к пониманию умного города указывают на ряд социальных рисков, связанных с процессами цифровизации, поэтому для них главное не столько количество используемых городом технологий, сколько готовность к этому горожан, которые должны не только обладать соответствующими цифровыми навыками, но и понимать возможности технологий, а также осознавать связанные с ними угрозы.

Интересно, что сегодня сохранение личной приватности и автономии далеко не всегда является главными приоритетами горожан. Наоборот, многие из них слишком часто делятся своими персональными данными, даже не задумываясь об этом, что может создавать вполне реальные риски для их безопасности. Например, выкладывая фотографии и видео в социальных сетях, многие не задумываются о том, что делятся информацией о своем местонахождении. Сегодня довольно активно обсуждается так называемый «парадокс приватности», который представляет собой конфликт между социальными установками «личной защищенности в интернете», «защищенности личных данных» и между реальным поведением человека.

Кроме того, необходимо учитывать экологические следы, связанные с использованием цифровых технологий, поскольку они связаны с довольно высоким энергопотреблением, использованием редкоземельных металлов и образованием опасных отходов, если рассматривать полный цикл их существования, включающий этапы разработки, обучения и эксплуатации интеллектуальных систем и поддерживающей их инфраструктуры.

Заключение

Перечисленные дискурсы не исчерпывают полностью весь спектр, вопросов, которые сегодня находятся в центре внимания социологической урбанистики, однако помогают систематизировать данную предметную область. Следует отметить, что урбанизация слишком сложный и многогранный процесс для того, чтобы предложить какую-то единую схему его анализа. Многомерность современного этапа урбанизации во многом стала причиной типологизации существующих концепций, которые весьма разнообразны и дополняют друг друга, но вряд ли могут быть встроены в некую единую модель. Тем более, что и сам процесс урбанизации во многом противоречив, имеет свою логику развития и особенности по странам, как например, в России весьма значимым фактором выстраивания урбанистической системы являются климатические условия, что не характерно для большинства других стран.

Современный мир требует гораздо более гибких подходов к управлению городами и городскому планированию, которые учитывали бы не только местные особенности, но предлагали бы решения существующих социальных проблем, которые имеют существенные отличия в разных странах. Архитекторы, дизайнеры, психологи, географы, экономисты, политологи, социологи и представители других наук принимают активное участие в междисциплинарных исследованиях городов и обсуждении способов улучшения быстро меняющихся социокультурных, экологических, политических, технологических и эстетических реа-

лий, существующих в урбанистическом пространстве. Совместные усилия позволяют найти ответы на вопросы, сложность которых возрастает по мере стремительного увеличения доли городского населения, которая наблюдается со второй половины XX века.

Изучение влияния архитектурных решений на социальную активность изучается многими современными социологами, например, Кастьельсом [Castells, 2002: 556–557], рассматривающим разные уровни социальных взаимодействий в современных городах. Соответственно, социология начинает активно опираться на разработки в области архитектуры, в центре внимания которых находятся социальные последствия городского планирования. Концепции Мамфорда, Джекобса и Гейла позволяют понять, каковы причины ряда социальных проблем в современных городах и сформулировать практические рекомендации по реорганизации пространства, способные повысить качество жизни.

Американский исследователь Соя указывает на тот факт, что социальную теорию большей части XX века можно рассматривать как антигородскую, поскольку она до конца столетия не рассматривает возможность поиска объяснений социальных явлений и социального развития в процессе урбанизации [Soja, 2003: 275]. При этом никто не отрицает тот факт, что многие социальные процессы протекают в городах, однако мало кто признает, что города сами по себе оказывают значительное воздействие на социальную жизнь, что историческое развитие человеческих обществ происходит не только в городах, но также значительно зависит от городов и определяется ими.

Однако сегодня науке в целом и в социологии в частности фиксируется онтологическая и эпистемологическая коррекция пространственного мировоззрения [Soja, 2008]. Пространство начинают рассматривать как динамическое, развивающееся, наполненное идеологией и действием, конструируемое социальными процессами и явлениями, а не просто как некую физическую среду. Современная социологическая урбанистика расширяет предметное поле социологии как исторически, так и предметно, поскольку предлагает новое прочтение традиционных социологических проблем, расширяет ее методологические возможности и понятийность. Современная социологическая теория сложна и многослойна, некоторые ее проблемы можно изучать с опорой на разработки социологической урбанистики, для которой традиционно свойственно противостояние сообщества и общества, города и национального государства. Таким образом, социология позволяет изучать как глобальные социальные процессы, так и локальные повседневные практики, поскольку исследователи акцентируют свое внимание на различных, наиболее значимых, с их точки зрения, аспектах социальной жизни в городе.

Литература

1. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006.
2. Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*. Oxford; Malden: Blackwell, 1989.
3. Castells M. Local and Global: Cities in the Network Society // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. № 5.
4. Dear M.J., Flusty S. *The Resistible Rise of the L.A. School// From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory* ed. by M.J. Dear. SAGE Publications, 2002.
5. Fuentes G. *The real new urbanism: Engaging developing world cities // The Journal of Space Syntax*. 2013. Vol. 4. № 2.
6. Gans H.J. *Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community*. 2009. Vol. 8. № 3.
7. Gehl J. *Cities for People*. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.
8. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press, 1990.
9. Gottmann J. *Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.
10. Harvey D. *Social Justice and the City: Revised Edition*. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009.
11. Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, New York: Verso, 2006.
12. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial? // *City*. 2008. Vol. 12. № 3.
13. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961.
14. Khanna P. *Connectography: Mapping the Global Network Revolution*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016.
15. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science // *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2016. Vol. 374. № 2083.
16. Komninos N. *Intelligent Cities: Innovation, Knowledge Systems and Digital Spaces*. London: Spon Press, 2002.
17. Lefebvre H. *La production de l'espace*. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000.
18. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015.
19. Marcuse P. The forms of power and the forms of cities: building on Charles Tilly // *Theory and Society*. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule.
20. Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.
21. Palen J.J. *The Urban World*. London: Paradigm Publishers, 2008.
22. Park R.E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // *The Urban Community: Selected papers from the proceedings of the American sociological society*, 1925 ed. by E.W. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1926.
23. Perry B., Harding A. The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 4.
24. Sassen S. *The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community*. Vol. 15. № 2. June 2016.
25. Sassen S. *The Global City*. New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.
26. Sennett R. *Building and Dwelling: Ethics for the City*. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018.
27. Sennett R. *Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion /* ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.
28. Sennett R. *Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization*. New York, London: W.W. Norton Company, 1994.
29. Soja E.W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford, Malden: Blackwell, 2000.
30. Soja E. Taking space personally // *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.
31. Soja E. Writing the city spatially // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2003. Vol. 7. № 3.
32. Soja E.W., Scott A.J. *Introduction to Los Angeles: City and Region // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century* ed. by A.J. Scott, E.W. Soja. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998.
33. Therborn G. *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. London: Verso, 2017.
34. Therborn G. *The World: A Beginner's Guide*. Cambridge: Polity Press, 2011.
35. Touraine A. Sociology after sociology // *European journal of social theory*. Vol. 10. № 2.
36. Urry J. *Sociology beyond Societies: Mobilities for the twenty-first century*. London and New York: Routledge, 2000.
37. Wallerstein I. From sociology to historical social science: prospects and obstacles // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.
38. Wirth L. *Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. № 1.

39. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. New York: Oxford University Press, 2010.
40. Zukin S. *The Cultures of Cities*. Oxford, Malden: Blackwell, 1995.

URBAN DISCOURSES IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORY

Vershinina I.A.

Lomonosov Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article demonstrates that sociological urban studies is a promising area of contemporary research. The author emphasizes that the subject field of sociological urban studies is quite heterogeneous and encompasses a wide variety of topics and research areas. At the same time, the article attempts to identify key discourses in contemporary sociological urban studies, which the author identifies as follows: the need for community revitalization; the transformation of spatial forms; the functioning of cities in the context of globalization; the multicultural nature of cities; smart cities. The listed discourses do not fully exhaust the entire spectrum of issues that are currently at the center of attention of sociological urban studies, but they help to systematize this subject area.

Keywords: city; urban studies; community; globalization; inequality; digitalization.

References

1. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006.
2. Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*. Oxford; Malden: Blackwell, 1989.
3. Castells M. Local and Global: Cities in the Network Society // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. № 5.
4. Dear M.J., Flusty S. *The Resistible Rise of the L.A. School // From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory* ed. by M.J. Dear. SAGE Publications, 2002.
5. Fuentes G. The real new urbanism: Engaging developing world cities // *The Journal of Space Syntax*. 2013. Vol. 4. № 2.
6. Gans H.J. Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // *City & Community*. 2009. Vol. 8. № 3.
7. Gehl J. *Cities for People*. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.
8. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press, 1990.
9. Gottmann J. *Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.
10. Harvey D. *Social Justice and the City: Revised Edition*. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009.
11. Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, New York: Verso, 2006.
12. Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial? // *City*. 2008. Vol. 12. № 3.
13. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961.
14. Khanna P. *Connectography: Mapping the Global Network Revolution*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016.
15. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science // *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2016. Vol. 374. № 2083.
16. Komninos N. *Intelligent Cities: Innovation, Knowledge Systems and Digital Spaces*. London: Spon Press, 2002.
17. Lefebvre H. *La production de l'espace*. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000.
18. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015.
19. Marcuse P. The forms of power and the forms of cities: building on Charles Tilly // *Theory and Society*. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule.
20. Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.
21. Palen J.J. *The Urban World*. London: Paradigm Publishers, 2008.
22. Park R.E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // *The Urban Community: Selected papers from the proceedings of the American sociological society, 1925 ed.* by E.W. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1926.
23. Perry B., Harding A. The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 4.
24. Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // *City & Community*. Vol. 15. № 2. June 2016.
25. Sassen S. *The Global City*: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.
26. Sennett R. *Building and Dwelling: Ethics for the City*. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018.
27. Sennett R. *Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion* / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.
28. Sennett R. *Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization*. New York, London: W.W. Norton Company, 1994.
29. Soja E.W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford, Malden: Blackwell, 2000.
30. Soja E. Taking space personally // *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.
31. Soja E. Writing the city spatially // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2003. Vol. 7. № 3.
32. Soja E.W., Scott A.J. Introduction to Los Angeles: City and Region // *The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century* ed. by A.J. Scott, E.W. Soja. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998.
33. Therborn G. *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. London: Verso, 2017.
34. Therborn G. *The World: A Beginner's Guide*. Cambridge: Polity Press, 2011.
35. Touraine A. Sociology after sociology // *European journal of social theory*. Vol. 10. № 2.
36. Urry J. *Sociology beyond Societies: Mobilities for the twenty-first century*. London and New York: Routledge, 2000.
37. Wallerstein I. From sociology to historical social science: prospects and obstacles // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.
38. Wirth L. *Urbanism as a Way of Life* // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. № 1.
39. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. New York: Oxford University Press, 2010.
40. Zukin S. *The Cultures of Cities*. Oxford, Malden: Blackwell, 1995.

Улицы – артерии городской инфраструктуры

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Социология имеет дело с улицей, по крайней мере, в двух ипостасях. В одном случае она для неё предмет изучения и тогда надо говорить о социологии улицы. В другом – поле или объект исследования, ибо респонденты в социологическом опросе находятся на улице.

Выражение «выйти на улицу» подразумевает, что вы присоединяетесь к людям. Выражение «сесть за руль» означает, что вы используете улицу как инструмент, промежуточную среду. Улицы – это социальная среда, дороги – транспортные магистрали. Первое – место назначения, второе – инструмент их достижения. Идете пешком – улица, едите по ней на велосипеде – магистраль.

Широкие улицы так же плохи, как заброшенные, узкие и однобразные, где кроме стен домов ничего нет. Это коридоры – транспортные магистрали для пешеходов и велосипедистов. Мелкая торговля оживляет улицу, превращая ее из магистрали в привлекательное место. Здания и ширина улицы должны быть пропорциональными: на широких – небоскрёбы, на узких – домики.

Ключевые слова: улица, инфраструктура, система, здания, город.

Если сравнивать город с живым организмом, то проспекты и улицы выполняют роль кровеносной системы, которую можно назвать городской инфраструктурой. Она – коллективные условия существования людей, а ваши артерии – индивидуально для вас. Она важнее многих прочих органов тела, скажем, руки или ноги, слуха или зрения.

Города издревле обладали инфраструктурой – например, дорогами и канализационными коллекторами. **Инфраструктура** – система механизмов и устройств, обеспечивающих людям удобство проживания в городе: электростанции, транспортные магистрали, канализация, водопровод, электрические сети и т.д. Городская инфраструктура аналогична внутреннему каркасу здания: подобно тому, как каркас является базовой опорой здания, городская инфраструктура является базовой структурой города [1].

Социальная инфраструктура города, подобно скелету в нашем организме, формирует повседневную жизнь простых людей. Она к нам ближе, чем нам кажется. Не опаздывают ли автобусы на маршрутах, хватает ли в городе такси, бесперебойно ли функционирует метро, удобно ли проложены тротуары и хватает ли их людям, хватает ли пешеходных переходов и насколько они безопасны для людей. Эти и многие другие вопросы лежат в сфере действия городского транспорта, городской безопасности и т.д. Проводится великое множество социологических опросов по таким темам во всех городах мира. И не только опросы.

Социальную инфраструктуру города составляют: поликлиники, больницы, аптечная сеть, службы санитарно-эпидемиологического и ветеринарного надзора, иные лечебно-профилактические учреждения; детские дома, дома престарелых и инвалидов, центры социального обслуживания, социальные приюты; общеобразовательные школы, детские дошкольные учреждения, учреждения среднего и высшего профессионального образования, специализированные образовательные учреждения, научные организации, расположенные на территории города; библиотеки, музеи, кинотеатры, театры, дома и дворцы культуры, в крупных городах цирки, концертные залы, филармонии, специализированные учебные заведения культуры и искусства, памятники истории и культуры; стадионы, спортивные площадки, плавательные бассейны, специализированные спортивные школы; парки, скверы, пляжи [2] (рис. 1).

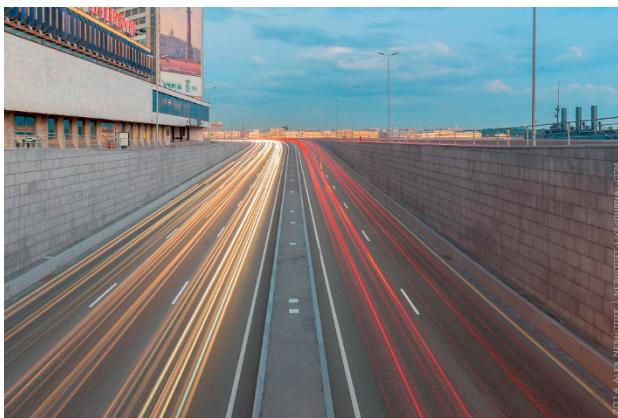

Рис. 1. Потоки красных и белых телец (треков от фар проезжающих машин) по кровеносным сосудам мегаполиса

Социальная инфраструктура – совокупность отраслей и предприятий, функционально обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения. Сюда относятся: жилье, его строительство, объекты социально-культурного назначения, вся сфера жилищно-коммунального хозяйства, предприятия и организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания; предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом; розничная торговля, общественное питание, сфера услуг, спортивно-оздоровительные учреждения; пассажирский транспорт и связь по обслуживанию населения; система учреждений, оказывающих услуги правового и финансово-кредитного характера (юридические консультации, нотариальные конторы, сберегательные касы, банки) и др.

Это – пассажирский транспорт, коммунально-бытовые объекты, учреждения образования, здравоохранения, досуга. Это жилые дома, предприятия торговли и общественного питания, пассажирский транспорт, система водоснабжения и канализации, различные медицинские учреждения, школы, средние специальные и высшие учебные заведения, организации профессионально-технической подготовки, почтово-телеграфные и финансовые учреждения, культурно-зрелищные предприятия, спортивные и оздоровительные сооружения (стадионы, Дворцы спорта, плавательные бассейны, парки, дома отдыха) и другие объекты.

Городскому населению приходится соприкасаться с бытовыми услугами: ателье по пошиву верхней одежды, кожаных и трикотажных изделий, парикмахерские, мастерские по ремонту часов, обуви и телерадиоаппаратуры, станции техобслуживания автомобилей, фотоателье, прокатные пункты и пункты химических чисток и т.д.

Улицы – основной элемент городской инфраструктуры. Традиционно они предназначались для проезда транспорта и прохода пешеходов, доставки товаров и обеспечения социального взаи-

модействия. Раньше они служили в качестве каналов для отходов, а в наше время – подземных канализационных, газовых, электрических и водных путей. На поверхности улицы необходимы для доступа горожан к рабочим местам, рынкам и домам. «Московские чиновники называют инфраструктурой все то, что создаётся и поддерживается на городские деньги, то, существование и нормальное функционирование чего составляет собственную сферу компетенции городских властей. Это не только дороги, мосты, склады, общественный транспорт, телекоммуникационные системы, системы водоснабжения, электроснабжения, газоснабжения, канализации и утилизации мусора, – то, что входит в минимальный перечень объектов инфраструктуры, – и не только больницы, школы, детские сады, спортивные сооружения, административные и прочие здания городского подчинения, парки, пляжи, рынки, ярмарки, памятники, кладбища и другие элементы городской среды, расходы на обслуживание которых заложены в городском бюджете. Это также оптимальное распределение объектов инфраструктуры в пространстве города» [3].

Улицы и дороги – это принципиально разные пространства. Дороги служат только для движения автотранспорта. Безопасность на них обеспечивают не бордюры, столбики и металлические разделители полос, но высокая скорость движения, соблюдение правил и исправность дорожного полотна. Улицы – это многофункциональные пространства, вмещающие тротуары для людей и дороги для машин. Безопасность на них возможна только при уменьшении скорости движения автотранспорта. Общемировая тенденция: скорость движения транспорта можно пожертвовать ради безопасности людей. Вылетные магистрали – самые быстрые, внутривартальные улицы – самые медленные.

В справочной литературе, в том числе Википедии, приводится следующая классификация улиц.

Улица – классическая дорога с тротуаром или пешеходная дорога.

Аллея – озеленённая дорога

Бульвар – озеленённая дорога с возможностью пеших прогулок и скамейками для отдыха

Линия – название дорог в некоторых городах России, Латвии, Финляндии и Украины

Взвоз, съезд, спуск, раскат, подъём – сравнительно короткие дороги, соединяющие низменные и возвышенные места в городах.

Набережная – дорога, одна сторона которой выходит к водоему (ср. Набережная Дзаттере в Венеции).

Тракт – тип дороги, как правило, выходит или исторически выходил за пределы городской черты

Тупик – дорога, не имеющая сквозного проезда

Шоссе – магистральная улица, выводящая за пределы населённого пункта

Переулок – небольшая дорога, соединяющая две улицы

Проспект – центральная магистральная дорога

Проезд, разъезд – короткие непешеходные дороги

Мост – дорога через реку по мосту

Авеню – зарубежное название ряда проспектов

В практике градостроительства выработаны принципиальные схемы построения уличной сети: прямоугольная, прямоугольно-диагональная, радиально-кольцевая, свободная и др. (рис. 2).

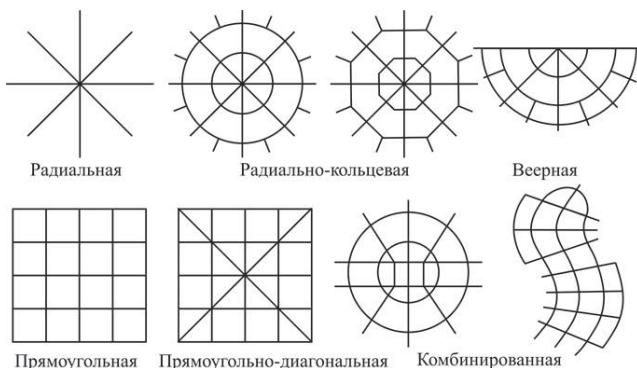

Рис. 2. Основные схемы уличной планировки

Пространственная форма средневековых и ренессансных городов и поселений следовала схеме деревни, распространяясь вдоль улицы или перекрёстка по кругу или прямоугольнику. Большинство улиц были не более чем пешеходными дорожками – скорее средством общения, чем транспортом, и даже в крупных европейских городах мощение было широко распространено не ранее XII века (1184 г. в Париже, 1235 г. во Флоренции и 1300 г. в Любеке). По мере роста населения города стены расширялись, но лишь немногие города того времени превышали милю в длину [4].

Поскольку улицы – это общественные места, то при их строительстве и при контроле за ними учитываются политические, социальные и идеологические соображения. Улица – место соблюдения и одновременно нарушения общественного порядка. Начиная с середины XVIII века, Лондон устанавливает стандарт благоустройства улиц. Вестминстерский закон «О дорожном покрытии» 1762 г. переложил ответственность за содержание улиц с владельцев домов на уполномоченных по дорожному покрытию, которым подчинялся оплачиваемый персонал и имелось право взимать налоги за благоустройство улиц. К 1800 г. Лондон имел водосточные желоба, мощение из гладких камней, канализацию, ливневые стоки, водопровод и тротуары [5].

Улица как инструмент передвижения автотранспорта имеет давнюю историю. Первые наемные кареты в массовом количестве появились на улицах Лондона в 1620-х годах. Первая регулярная служба парижских конных извозчиков начала работать с 1630 г. В обоих городах муниципальные

власти установили строгие правила, регулирующие работу платных омнибусов [6]. Прямоугольный автобус, *carrosse à cinq sols* (пятипенсовый автобус), курсировал по фиксированным маршрутам, стоил недорого и отправлялся, независимо от того, заполнен он или нет [7]. Однако в отличие от современных омнибусов, простым людям запрещалось им пользоваться. Автобусы – городской транспорт для высших классов вплоть до XIX века. А низшие классы работали и общались в пешей доступности от своих домов [8]. Великой эпохой общественного транспорта считается XIX век, когда рост населения и промышленности заставили европейские города покрыться сетью транспортных магистралей (рис. 3).

Рис. 3. Омнибус, Лондон, конец XIX века

В Париже началось мощение улиц и улучшение городской инфраструктуры. К середине XIX в. было построено 112 новых улиц, сооружена современную сеть парижских дорог. Количество конных общественных извозчиков в Париже увеличилось с 2542 в 1819 г. до 13655 в 1907 г. После 1907 г., по мере увеличения количества моторных такси, их число значительно сократилось [9]. Такси явились идеальным транспортным средством для туристов и парижской буржуазии. Первоначально омнибус больше обслуживал средний класс, чем парижских рабочих. Первые омнибусные маршруты пролегали в центре зажиточных жилых районов Парижа.

В середине XIX века омнибусы начинали работать в 8 часов утра, что было слишком поздно для большинства рабочих, отправлявшихся на работу. Для городского транспорта у парижан ещё была небольшая кольцевая железнодорожная линия, не заходившая в центр города. С 1867 г. по Сене ходили паровые лодки, в 1870-х годах запущено несколько трамвайных маршрутов на конной силе, а в 1890-х годах их перевели на моторную тягу [10].

Тогда Лондон отставал от Парижа в развитии массового городского транспорта: трамваи курсировали только в пригородах, а в центре Лондона запрещались; рабочие добирались из пригородов по Темзе, проезд на омнибусе был очень до-

рогим. Зато в 1863 г. в столице Великобритании открылась первая в мире линия подземки, куда уже в первые полгода ежедневно спускалось более 26 тыс. пассажиров [11]. В XX веке метро стало мировым трендом общественного транспорта, а в XXI веке его начали теснить сверхскоростные надземные транспортные линии. Наземная и подземная кровеносная система европейских городов в XX веке дополнилась надземной. На самолеты возложили то, чем раньше занимались телеги, автомобили, поезда и корабли.

Многие города были основаны на пересечении дорог или водных путей, например, Берлин, Гамбург, Валенсия, Севилья, Нью-Йорк, Лондон или Амстердам. На этом перекрестке происходил обмен товарами и идеями, а в городское ядро входили гавань, рынок, биржа, палата мер и весов, церковь, ратуша, центральная площадь. Крепостная стена, отделявшая город от сельской местности, постепенно превратилась в исторический артобъект. Расширение торговли, открытие новых ремесел и приток населения расширили подъездные пути, которые через столетие напоминали международные магистрали. Деревни уже не втекали в мегаполис, а вытекали из него, став сервисными центрами.

Главные улицы города когда-то представляли грунтовые дороги, совпадали с естественными маршрутами сезонных движений и водными путями, обеспечивая связь с внутренними районами страны. Социально-экономическая жизнь проходила на площадях, улицах, набережных, мостах и рынках. Названия многих улиц отражают те функции, которые они выполняли (торговая, рыночная, ткацкая) или место на карте города (центральная, набережная, заречная).

Чёткого разделения между частным и общественным не было, на втором этаже товары изготавливались, на первом – выставлялись на улицу. Лавки и киоски – торгово-сервисная часть уличного фасада. С позднего средневековья переходная зона между улицей и домом оформлялась крыльцом или навесом. Приподнятая плита-ступенька не позволяла тележкам подходить слишком близко к дому и выставлять товары. Улица состояла из ряда отдельных ступеней и площадок, раздёлённых скамейками и оградами.

В городах северной Италии, таких как Болонья, аркады образовывали проход между домом и улицей, создавая уютную тень. В XV и XVI веках двери были открыты весь день – заглянуть и войти внутрь мог любой желающий. В следующие века уличный ландшафт фасадов, цоколей и крылец стали подводить под общий стандарт [12].

На улицах города разворачивается широкий спектр политической деятельности – сквоттинг, демонстрации против жестокости полиции, борьба за права иммигрантов и бездомных, политика культуры и идентичности, политика геев, лесбия-

нок и квир, а также политика на родине, которую проводят многие диаспорические группы.

Город буквально выплёскивает себя на улицы, выливая гнев, раздражение или восхищение. После полёта Юрия Гагарина в космос именно улицы стали местом всенародного праздника и ликования. Напротив официальные торжества проходят в больших залах общественных зданий за закрытыми дверями. Подаяние нищие просят на улице, а субсидии на новое вооружение для армии – в залах. Здание – род закулисья, а улица – театральной сцены.

Многое из этого становится видно на улице. Большая часть городской политики носит конкретный характер, реализуется людьми, а не зависит от массовых медиа-технологий. Уличная политика делает возможным формирование новых типов политических субъектов, которые не должны проходить через формальную политическую систему.

Когда-то и долгое время улицы являлись прообразом социальных сетей. Сегодня социальные сети перебрались в здания – комнаты, кабинеты, кафе, библиотеки, клубы. Они захватили цифровое пространство, освободив пространство уличное.

Улицы, а не здания суть те пространства, где происходят массовые мероприятия: демонстрации, шествия, паника, мятежи, карнавалы, восстания, революции. А вот государственные перевороты и заговоры таятся в закрытых помещениях. Здесь же издаются законы и постановления, указы и приговоры, которые доносят до народа на улице.

«Уличная демократия» – стихийное выражение недовольства народных масс в открытом публичном пространстве. Улица – это горизонталь общественной структуры, а власть – всегда «вертикаль власти». Таким образом, улица предназначена для народа, а кабинеты – для власти. «Картина недовольства, которую является собой улица: каждый отталкивается от того места, где стоит, чтобы уйти», – отмечал Франц Кафка в своих «Дневниках».

«Коридоры власти» – закрытые от общественности сферы принятия политических решений, инфраструктура закулисья. Коридоры в отличие от улицы не открывают нечто, а закрывают или скрывают его. Они напоминают тайные лесные тропы, по которым пробираются живые существа. Они тёмные и малолюдные. Напротив, улицы многолюдные, шумные, освещённые социальные arterии. Вдоль улиц тянутся здания, окна и памятники, вдоль коридоров – комнаты и двери. «Коридоры власти» ведут в «кабинеты власти» и особняки олигархов.

Литература

1. Papaianis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // Encyclopedia of European Social History. Dec 2. 2020.

2. Социология социальной сферы / под ред. М.М. Акулич, В.Н. Кузнецов. М.: Гардарики, 2007; Региональные трансформации: социологический мониторинг: Социальная инфраструктура современного города через призму общественного мнения населения. Саратов, 2015; Федолов С.П. Социальная инфраструктура современного российского города // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 122–125.
3. Ганжа А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве // Философско-литературный журнал «Логос», № 1 (85), 2012, С. 306.
4. Fainstein Susan S. Urban planning. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/urban-planning>
5. Hohenberg Paul M., Lees Lynn H. The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge, Mass., 1985.
6. О мнибус – многоместная закрытая повозка на конной тяге прямоугольной формы на 14 пассажиров.
7. Jordan David P. Transforming Paris: The Life and Labors of Baron Haussmann. Chicago, 1996.
8. Dyos H.J. Exploring the Urban Past: Essays in Urban History / Ed. by David Cannadine and David Reeder. – Cambridge, U.K., 1982.
9. Papayanis N. The Coachmen of Nineteenth-Century Paris: Service Workers and Class Consciousness. Baton Rouge, La., 1993.
10. Evenson N. Paris: A Century of Change, 1878–1978. New Haven, Conn., 1979.
11. Barker T.C., Robbins M. A History of London Transport: Passenger Travel and the Development of the Metropolis. 2 vols. London, 1963.
12. The City at Eye Level – Second and Extended version (2016) // <https://thecityateylevel.com/stories/history-of-the-city-street-and-plinth/>

STREETS ARE THE ARTERIES OF URBAN INFRASTRUCTURE

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal “Sociology”

Sociology deals with the street in at least two ways. In one case, it is the subject of study, and then we must speak of the sociology of the street. In the other, it is the field or object of study, since respondents in a sociological survey are on the street.

The expression “going out onto the street” implies joining the people. The expression “getting behind the wheel” means using the street as a tool, an intermediate environment. Streets are a social environment, roads are transportation arteries. The former is a destination, the latter a means of reaching it. If you walk, it's a street; if you bike, it's a highway.

Wide streets are just as bad as abandoned, narrow, and monotonous ones, where there's nothing but the walls of buildings. These are corridors – transport arteries for pedestrians and cyclists. Small retail activities enliven the street, transforming it from a highway into an attractive destination. Buildings and street widths should be proportional: skyscrapers on wide streets, small houses on narrow ones.

Keywords: street, infrastructure, system, buildings, city.

References

1. Papayanis N., Wakeman R. The Urban Infrastructure // Encyclopedia of European Social History. Dec 2. 2020.
2. Sociology of the Social Sphere / edited by M.M. Akulich, V.N. Kuznetsov. Moscow: Gardariki, 2007; Regional Transformations: Sociological Monitoring: Social Infrastructure of a Modern City through the Prism of Public Opinion. Saratov, 2015; Fedolov S.P. Social Infrastructure of a Modern Russian City // Sociological Research. 2000. № 4. Pp. 122–125.
3. Ganzha A. Mobilis in mobili: On the Features of the Formation of Public Spaces in the City of Moscow // Philosophical and Literary Journal “Logos”, № 1 (85), 2012, P. 306.
4. Fainstein Susan S. Urban planning. Access mode: <https://www.britannica.com/topic/urban-planning>
5. Hohenberg Paul M., Lees Lynn H. The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge, Mass., 1985.
6. Omnibus – a multi-seat, closed, horse-drawn carriage of rectangular shape for 14 passengers.
7. Jordan David P. Transforming Paris: The Life and Labors of Baron Haussmann. Chicago, 1996.
8. Dyos H.J. Exploring the Urban Past: Essays in Urban History / Ed. by David Cannadine and David Reeder. – Cambridge, U.K., 1982.
9. Papayanis N. The Coachmen of Nineteenth-Century Paris: Service Workers and Class Consciousness. Baton Rouge, La., 1993.
10. Evenson N. Paris: A Century of Change, 1878–1978. New Haven, Conn., 1979.
11. Barker T.C., Robbins M. A History of London Transport: Passenger Travel and the Development of the Metropolis. 2 vols. London, 1963.
12. The City at Eye Level – Second and Extended version (2016) // <https://thecityateylevel.com/stories/history-of-the-city-street-and-plinth/>

Роль инноваций и технологий в развитии строительной отрасли как социального института

Полуэктов Дмитрий Александрович,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
и технологий (СГНТ) НИУ МГСУ

В статье исследуются механизмы взаимодействия инноваций, информационных и цифровых технологий с социальными институтами строительной отрасли: государственным регулированием, профессиональным сообществом, рынком труда и общественным благом. Цель: проанализировать существующие подходы к внедрению инноваций и технологического обновления в строительной отрасли как социального института, выявить противоречия между требованиями регуляторов, практиками бизнеса и ожиданиями общества, предложить концептуальную рамку для управления инновациями и технологическими изменениями, ориентированную на устойчивое развитие и социальную ответственность. Методы: при написании работы использовался обзор литературы по инновациям в строительстве, цифровой трансформации и теории социальных институтов, системный и сравнительный анализ существующих подходов к внедрению BIM, IoT, роботизаций, ИИ и связанных регуляторных инициатив, контент-анализ нормативных документов, отраслевых стандартов и регуляторных актов.

Результаты: в результате показано, что эффективное внедрение технологий требует синергии между регуляторной политикой, образовательными инфраструктурами, адаптивной организационной культурой и стратегиями капитальных инвестиций. Статья имеет практическую значимость для исследователей в области инфраструктурных инноваций, специалистам по управлению проектами и представителям строительной индустрии, ориентированным на социально устойчивое развитие. Вывод: предлагаемые стратегические направления по внедрению инноваций и технологий в развитие строительной отрасли будут способствовать повышению производительности, безопасности, экологичности и доступности жилья и инфраструктуры.

Ключевые слова: инновации в строительстве, цифровая трансформация, социальные институты, регуляторика, управление технологическими изменениями.

Введение

Современная строительная отрасль характеризуется радикальной сменой технологий и практик благодаря цифровизации, веб- и мобильным платформам, BIM (Building Information Modeling), интернету вещей (IoT), искусственно му интеллекту (ИИ) и робототехнике. Данные технологии стимулируют инновации, повышают производительность труда и способствуют развитию новых отраслей экономики, таких как цифровая торговля, финтех и e-commerce, приводят к изменению традиционных бизнес-моделей, открывая новые возможности для цифровых платформ, онлайн-сервисов и цифровых продуктов, упрощают доступ к информации, здравоохранению и образованию, делают жизнь людей более удобной и комфортной, трансформируют требования к навыкам и компетенциям рабочей силы [8].

В рамках исследования ставится задача рассмотреть, как инновации и технологии интегрируются в социально-организационные механизмы отрасли как целостного института: государственные регуляторы, отраслевые ассоциации, образовательные учреждения, страховые и финансовые институты, заказчики и общество. Анализируется противоречие между скоростью технологического прогресса и скоростью институциональных изменений, а также проблемы доступа к технологиям, инвестициям и компетенциям кадров.

Материалы и методы

Тема исследования охватывает пересечение инноваций в строительстве, регуляторику, цифровизацию и управление данными, а также институциональные аспекты развития сектора. В обзоре выделяются ключевые направления: BIM и цифровые двойники, кибербезопасность и управление рисками, регуляторная среда и сравнительный опыт регионов, а также роль робототехники и IoT в строительстве. Так, А.В Степанов и др. [8] исследуют современные направления внедрения цифровых технологий в строительной отрасли, уделяя особое внимание нормативно-правовой базе, которая оказывает влияние на практическое использование IT-инструментов. Основное внимание уделяется процессам цифровизации, законодательным механизмам, способствующим либо ограничивающим внедрение инноваций, а также проблемам,

связанным с нехваткой времени и кадровыми ресурсами в секторе. Е.П. Дорофеев [4] провел глубокий анализ использования BIM-технологий для оптимизации градостроительного проектирования. В свою очередь, К.М. Крюков и А.В. Шаповалов А.В. [6] акцентируют внимание на цифровых двойниках и цифровых паспортах, рассматривая их как ключевые инструменты для устойчивого строительства. Stefano Della Torre [12] провел комплексный анализ мировых практик цифровизации в строительной отрасли, рассматривая примеры внедрения BIM, Интернета вещей, аналитики данных и цифровых платформ, а также сравнил подходы к развитию региональных стратегий. Исследование, выполненное Shahbaz Khan [11], посвящено использованию технологий умного строительства и IoT в гражданском строительстве, при этом особое внимание уделяется процессам мониторинга, сбору информации, обеспечению безопасности на рабочих площадках и повышению эффективности за счет сенсорных систем и аналитических инструментов. В свою очередь, А.А. Гулин [3] раскрывает теоретические основы институциональных моделей управления инновациями в строительстве, анализируя влияние регуляторов, профессиональных ассоциаций и образовательных учреждений на формирование инновационной среды. А.В. Астахов [1] проводит исследование взаимосвязи между аудитом и управлением рисками в области информационной безопасности, рассматривая строительный сектор как часть критической инфраструктуры, подвергающейся цифровой трансформации. А.Н. Метельков провёл анализ зарубежных моделей регулирования вопросов кибербезопасности в сфере критической инфраструктуры, сопоставив их с российскими практиками. В работе представлены заключения относительно возможности внедрения международных методик и формирования эффективных национальных стратегий в данной области. А.Б. Колтаев и О.С. Салыкова [5] сосредоточили внимание на роли аудиторских следов в базах данных как важном компоненте обеспечения информационной безопасности. Н.В. Городнова и В.А. Лемеза [2] провели исследование, в котором сопоставили европейские и российские подходы к нормативному регулированию BIM и цифровых паспортов объектов. В их работе подробно рассматриваются требования к сертификации, инфраструктура данных и влияние регуляторики на практическую деятельность. Сборник материалов, подготовленный OECD и UN Habitat [10], предлагает обзор современных урбанистических инноваций и тенденций в строительстве. Особое внимание уделяется мониторингу инновационных городских проектов, политике устойчивого развития и нормативно-правовым аспектам, влияющим на реализацию городских инициатив. А.П. Яковлев и Д.В. Иванов [9] исследуют воздействие роботизации на строительные площадки, анализируя возникающие вызовы, риски и эко-

номические результаты внедрения робототехники. В их анализ также включены вопросы повышения безопасности труда, роста производительности и изменения капитальных затрат.

В работе проводится комплексный сравнительный анализ методов внедрения технологий BIM, Интернета вещей, робототехники и искусственного интеллекта, а также сопутствующих нормативных мер. Кроме того, анализируются примеры устойчивого проектирования и реализации крупных инфраструктурных инициатив с учётом региональных особенностей.

Результаты и обсуждение

Современные инновации в строительной отрасли требуют комплексного взаимодействия различных институтов и систем. В условиях быстро меняющихся технологий и растущих требований к качеству строительства особое значение приобретает институциональная динамика, которая определяет, каким образом новые разработки внедряются и адаптируются в отрасли. Результат инновационной деятельности – изменение технологий производства. В условиях информатизации экономики, инновационное развитие фактически тождественно продуцированию, накоплению и применению знаний [3].

Регуляторные органы играют ключевую роль в формировании условий для инновационной деятельности, создавая и обновляя нормативно-правовые акты, регулирующие применение таких инструментов, как BIM-технологии, цифровые паспорта объектов, стандарты кибербезопасности и устойчивые строительные практики. Параллельно с этим, профессиональные сообщества и отраслевые объединения выступают в качестве связующих звеньев между государством, бизнесом и общественными организациями. Они не только способствуют распространению новых технологий и методик, но и помогают адаптировать стандарты качества и безопасности, обеспечивая тем самым плавный переход отрасли к современным требованиям [1].

Особое внимание следует уделять образовательным учреждениям, которые должны динамично перестраивать учебные программы, ориентируясь на растущие запросы строительного сектора. Внедрение дисциплин, связанных с моделированием, анализом данных, робототехникой и управлением жизненным циклом проектов, позволит подготовить специалистов, способных эффективно работать с передовыми технологиями и обеспечивать инновационное развитие отрасли. Таким образом, институциональная динамика инноваций в строительстве представляет собой сложный процесс, в котором взаимосвязанное воздействие регуляторов, профессиональных организаций и образовательных институтов создает благоприятную среду для устойчивого технологического прогрес-

са и повышения конкурентоспособности строительной отрасли в целом.

Внедрение цифровых инструментов, таких как BIM (Building Information Modeling) и цифровые двойники, значительно улучшает прозрачность процессов, облегчает детальное планирование и позволяет строго контролировать качество работы. Они сократят до минимума возможность ошибочных решений в процессе как проектирования, так и в процессе строительства [4]. Это не только снижает вероятность дорогостоящих изменений в ходе строительства, но и способствует оптимизации расходов. Кроме того, 4D-моделирование на основе BIM с подробной информацией о материалах и 5D-моделирование с информацией о стоимости, может помочь в процессе строительства строительных объектов [6]. Одним из важнейших направлений является интеграция Интернета вещей (IoT) и сенсорных систем, которые обеспечивают постоянный мониторинг хода строительных работ и безопасность персонала. За счет непрерывного сбора данных о состоянии техники, материалов и окружающей среды повышается эффективность эксплуатации объектов после их ввода в эксплуатацию.

Особое значение приобретают технологии искусственного интеллекта и аналитики больших данных, которые дают возможность прогнозировать потребности в материалах, оптимизировать графики выполнения задач и своевременно выявлять потенциальные риски, такие как задержки в сроках или перегрев оборудования. Эти инструменты предлагают проактивный подход к управлению проектами, позволяя минимизировать не предвиденные ситуации.

Кроме того, робототехника и автономные системы играют важную роль в обеспечении безопасности на строительных площадках, снижая человеческий фактор в опасных операциях, а также повышают общую производительность труда за счет автоматизации рутинных процессов. Внедрение роботов, безусловно, ведет к замещению низкоквалифицированного труда, однако одновременно стимулирует потребность в новых видах специализированных рабочих, способных взаимодействовать с роботизированными системами [9]. На рис. 1 представлены социальные последствия и вызовы внедрения инноваций в развитие строительной отрасли.

Одним из наиболее острых вопросов является необходимость масштабного повышения квалификации кадров: специалисты разных уровней должны обладать не только базовыми знаниями, но и продвинутыми навыками работы с цифровыми технологиями, анализа больших данных, а также обеспечением кибербезопасности. Глобализация приводит к усилинию взаимосвязанности государственных и частных структур. Повышенная связанность информационных и киберфизических

систем создает дополнительные риски в сфере обеспечения информационной безопасности, поэтому управление системным риском требует сотрудничества и обмена информацией, побуждает к поиску новых методов и средств мониторинга, обнаружения и нейтрализации киберугроз, минимизации их последствий [7]. При этом образование должно быть непрерывным и адаптированным к стремительно меняющимся требованиям рынка труда.

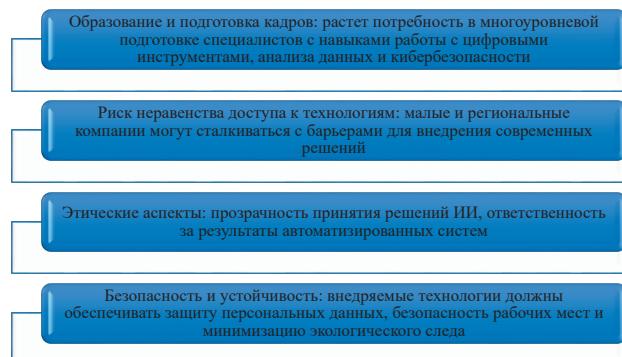

Рис. 1. Социальные последствия и вызовы внедрения инноваций в развитие строительной отрасли

Источник: Рисунок разработан на основе [9]

Особое внимание следует уделить проблеме неравного доступа к инновациям: малые предприятия и компании, расположенные в удаленных регионах, часто сталкиваются с серьезными трудностями при внедрении современных цифровых решений. Это создает риск усиления социального и экономического разрыва, что требует разработки механизмов поддержки и интеграции таких организаций в цифровую экосистему.

Предприятия все больше зависят от технологий и должны обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность. Существует несколько принципов обеспечения информационной безопасности, таких как: конфиденциальность: доступ к информации может получить только специально уполномоченный персонал; подлинность: гарантирует, что информация или ее пользователь являются подлинными [5]. Кроме того, внедрение новых технологий должно обязательно сопровождаться мерами по обеспечению безопасности и устойчивости. Защита персональных данных пользователей становится приоритетом, а также важно сохранять рабочие места, несмотря на автоматизацию и оптимизацию процессов. Не менее важным аспектом является минимизация негативного воздействия на окружающую среду – устойчивость цифровых систем должна учитывать экологический след их эксплуатации и способствовать сохранению ресурсов.

Таким образом, социальные последствия цифровизации охватывают широкий спектр вопросов – от образования и кадровой подготовки до равного доступа и экологической ответствен-

ности. Для успешного преодоления этих вызовов необходимы скоординированные усилия государства, бизнеса и образовательных учреждений, направленные на создание инклюзивной, безопасной и устойчивой цифровой среды.

В современном мире стремительного развития технологий особое внимание уделяется вопросам этики в области искусственного интеллекта. Ключевым аспектом становится прозрачность процессов, с помощью которых принимаются решения автоматизированными системами. Понимание того, как и почему ИИ делает ту или иную выборку, играет важную роль в формировании доверия со стороны пользователей и общества в целом. Кроме того, крайне важно определить, кто именно несет ответственность за последствия, возникающие в результате работы таких систем. Это включает в себя как разработчиков, так и организации, внедряющие ИИ в свои процессы. Проблема ответственности становится особенно острой в ситуациях, когда автоматизированные решения приводят к ошибкам или негативным последствиям. Таким образом, ясность в вопросах этики и ответственности является необходимым условием для безопасного и справедливого использования искусственного интеллекта в различных сферах жизни. В конечном итоге, только при соблюдении этих принципов можно обеспечить гармоничное

взаимодействие человека и машины, минимизируя риски и повышая эффективность новых технологических решений.

В разных странах наблюдается баланс между требованием соответствия и стимулами к инновациям. Страны с активной государственной поддержкой BIM, цифровых паспортов и устойчивых стандартов чаще достигают большей прозрачности и эффективности, но нередко сталкиваются с регуляторной бюрократией и требованиями к квалификации кадров. BIM-моделирование показало свою эффективность в процессе возведения сложных, насыщенных сетью коммуникаций и оборудованием технологических строительных объектов, при реализации комплекса расчетов по проектам со многими практическими задачами, связанными с выбором материалов и конструкций, а также с обоснованием объемов капиталовложений и текущих затрат [2]. Регуляторика кибербезопасности становится обязательной для крупных проектов в большинстве стран, следуя глобальным тенденциям по защите данных и эксплуатации критической инфраструктуры. Доступ малого бизнеса к инновациям во многом зависит от наличия грантов, налоговых льгот и доступности инфраструктуры для обучения и сертификации. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Региональные программы по регуляторике и стратегии внедрения (составлено автором на основе [10])

Страна/регион	Основной фокус регуляторики	Примеры обязательных требований	Степень поддержки инноваций	Основные барьеры	Примеры регуляторных инициатив
Россия	Регуляторика информационной безопасности, госзаказы и регулятивное упорядочение	ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001, цифровые паспорта по проектам	Инвестиции через гос. программы	Неоднородность региональных практик, ограниченность инфраструктуры	Регуляторные инициативы по трансформации строительства, госпрограммы модернизации инфраструктуры
ЕС	Унификация стандартов, безопасность данных, цифровые паспорта	BIM, кибербезопасность, сертификация систем	Высокая через гранты и госзаказы	Разница в национальной реализации, бюрократия	Директивы по цифровым паспортам объектов, поддержка OpenEIR
США	Риск-ориентированное управление, кибербезопасность, стандартные рамки	NIST-CSF, ISO 27001, требования к цепочке поставок	Высокий уровень частных инвестиций, государственные программы	Стоимость соответствия, координация между штатами	NIST CSF, DHS/FTC регулятивные инициативы
Германия	Регулирование для устойчивого строительства, цифровизация госзаказов	EN alike, BIM-уровень 3, устойчивые стандарты	Высокий уровень поддержки через госзаказы	Сложность внедрения в существующую практику	ГОСТ-подобные немецкие стандарты, BIM-Guide 4.0

В России основное внимание уделяется вопросам информационной безопасности, государственным закупкам и упорядочению нормативных процессов. Важной составляющей являются обязательные требования, такие как соблюдение стандарта ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001 и внедрение цифровых паспортов, которые используются

в различных проектах. Государство активно поддерживает инновации, направляя инвестиции через программы государственного финансирования. Тем не менее, одним из главных препятствий остается неоднородность практик в разных регионах страны, а также ограниченное развитие соответствующей инфраструктуры. Для преодоления

этих барьеров реализуются масштабные регуляторные инициативы, направленные на трансформацию строительной отрасли и модернизацию инфраструктуры.

В европейском пространстве приоритетом является унификация стандартов, обеспечение высокого уровня безопасности данных и развитие цифровых паспортов объектов. Среди обязательных требований лидируют технологии BIM (Building Information Modeling), меры кибербезопасности и обязательная сертификация систем. Инновации в ЕС получают значительную поддержку, особенно через грантовые программы и государственные заказы, что способствует активному внедрению новых решений. Однако европейские страны сталкиваются с вызовами, связанными с разницей в национальной реализации нормативных актов и избыточной бюрократией. Для повышения эффективности регулирования принимаются директивы, устанавливающие требования к цифровым паспортам, а также осуществляется поддержка инициатив, таких как OpenEIR, способствующих открытости и совместимости данных.

Таким образом, и в России, и в ЕС регуляторика играет ключевую роль в формировании благоприятной среды для инновационного развития, но при этом каждая сторона сталкивается со своими уникальными трудностями и ищет пути их преодоления через специализированные инициативы и программы поддержки. В итоге, эффективность цифровой трансформации во многом зависит от баланса между жесткими стандартами и гибкой поддержкой инновационных проектов.

В современном мире обеспечение информационной безопасности и устойчивого развития становится приоритетом для многих стран, включая США и Германию, которые применяют различные подходы и стандарты в этих сферах. В Соединенных Штатах акцент делается на риск-ориентированное управление и кибербезопасность, что отражается в использовании таких рамок, как NIST CSF и стандарт ISO 27001. Помимо этого, значительное внимание уделяется требованиям к безопасности цепочек поставок, что обусловлено как государственными программами, так и активными инвестициями частного сектора. Тем не менее, предприятия сталкиваются с вызовами, связанными с затратами на выполнение нормативных требований и необходимостью эффективной координации между различными штатами. В ответ на эти вызовы американские регулирующие органы, включая DHS и FTC, продолжают развивать инициативы, ориентированные на повышение кибербезопасности и укрепление регулирующей базы.

В Германии фокус смешён на экологическую устойчивость и цифровизацию государственных закупок, что проявляется в использовании европейских стандартов, схожих с EN, и внедрении BIM-технологий. Особое значение придаётся

устойчивым строительным нормам, которые пропагандируют развитие зелёных технологий и энергоэффективности в строительной отрасли. Государственная поддержка госзаказов способствует широкому внедрению данных стандартов, однако интеграция новых требований в существующие процессы вызывает определённые сложности. Немецкие аналоги ГОСТ, а также специализированные рекомендации, такие как BIM-Guide 4.0, служат фундаментом для повышения качества и согласованности строительных проектов в условиях цифровизации.

Таким образом, страны стремятся к созданию эффективных и адаптивных систем управления рисками и устойчивого развития, опираясь на международные и национальные стандарты. США делают особый упор на кибербезопасность и регулирование цепочек поставок, а Германия – на устойчивое строительство и цифровизацию государственных процессов. Несмотря на различия в подходах, обе модели требуют значительных инвестиций и слаженного взаимодействия на всех уровнях, что подчеркивает необходимость комплексного и инновационного подхода к решению современных вызовов.

Проанализировав опыт внедрения инноваций в различных странах, можно обозначить практико-ориентированные стратегические направления внедрения инноваций в развитие строительной отрасли (рис. 2).

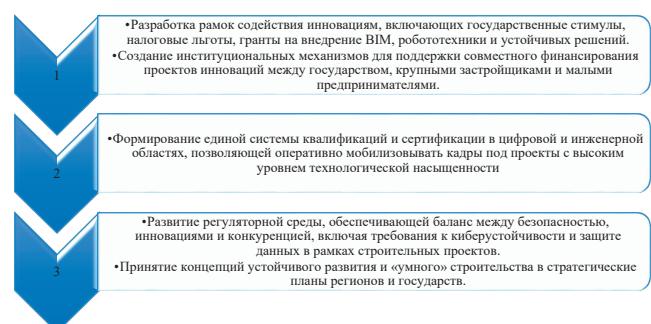

Рис. 2. Практико-ориентированные стратегические направления внедрения инноваций в развитие строительной отрасли

Источник: Рисунок разработан на основе [12]

Таким образом, одним из ключевых факторов прогресса станет создание межрегиональных инновационных кластеров, которые объединят строительные компании, научно-исследовательские институты и регулирующие органы. Эти площадки будут способствовать активному обмену опытом, развитию передовых практик и усилиению сотрудничества между специалистами разных уровней и направлений. Переобучение и повышение квалификации работников строительной сферы играют важную роль в успешном переходе к цифровому производству. Особое внимание следует уделить развитию цифровых навыков и внедрению

безопасных технологий труда, что позволит повысить не только эффективность, но и безопасность всех процессов. Помимо этого, критически важным элементом становится создание современной инфраструктуры для открытого доступа к данным, а также организация совместной работы над цифровыми моделями и виртуальными двойниками объектов. Такая цифровая база будет использоваться на всех этапах жизненного цикла проектов – от планирования и проектирования до эксплуатации и обслуживания.

Комплексный подход к реализации цифровизации, включающий экспериментальные проекты, образовательные программы, сотрудничество между разными институтами и эффективную информационную поддержку, создаст устойчивую платформу для модернизации строительной индустрии и повышения ее конкурентоспособности. Только благодаря объединению усилий всех заинтересованных сторон можно достичь значительного технологического прогресса и улучшить качество инфраструктуры в целом.

Выводы

Иновации и технологии в строительной отрасли выступают не только техникой обновления процессов, но и важным социально-институциональным преобразованием. Для отрасли как социального института критически важно переходить от фрагментарного внедрения технологий к целостной стратегии, включающей образовательную модернизацию, финансовые механизмы и развитие регуляторной культуры, ориентированной на устойчивое развитие, безопасность и социальную ответственность. В рамках предлагаемой концепции акцент делается на интеграции технологических решений в жизненный цикл проектов и соотношении между инновациями, регуляторикой и человеческим капиталом. Этого требует современная реальность: скорость изменений растет, а общественные ожидания в отношении качества, доступности и экологичности инфраструктуры становятся более требовательными. В перспективе целесообразно продолжить эмпирическое изучение факторов успешности внедрения инноваций в разных странах и регионах, моделирование последствий политических и образовательных стратегий, а также разработку методик оценки социально-экономических эффектов цифровой трансформации строительной отрасли.

Литература

1. Астахов А. Взаимосвязь процессов аудита и управления рисками // URL: <https://infosecrisk.ru/vzaimosvyaz-processov-audita-i-upravleniya-riskami/> (дата обращения: 05.12.2025).
2. Городнова Н.В., Лемеза В.А. Применение BIM-технологий в цифровой экономике: мировой

опыт и российская практика // Журнал экономики, предпринимательства и права. 2022. № 8. С. 2242–2260.

3. Гулин А.А. Институциональный подход к управлению инновационным развитием на примере строительной отрасли // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 3 <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN317.pdf>
4. Дорофеев Е.П. BIM – системы как инновационные инструменты в проектировании и строительстве // Экономика строительства. 2023. № 2. С. 55–57.
5. Колтаев А.Б., Салыкова О.С. Информационная безопасность: исследование аудиторского следа в системах баз данных // EurasiaScience. 2020. С. 75–76.
6. Крюков К.М., Шаповалов А.В. Использование технологии цифровых двойников в строительстве // Инженерный вестник Дона. 2022. № 5. С. 1–9.
7. Метельков А.Н. Киберучения: зарубежный опыт защиты критической инфраструктуры // Правовая информатика. 2022. № 1. С. 51–59.
8. Степанов А.В., Матвеева М.В., Пешкова Е.С. Цифровизация строительной отрасли: перспективы и вызовы // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2024. Т. 14. № 2. С. 356–366. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2024-2-356-366>. EDN: SJHNKT.
9. Яковлев А.П., Иванов Д.В. Использование робототехники в строительной отрасли в наши дни // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11. С. 272–275.
10. OECD/UN Habitat, Global Monitoring Report on Urban Innovation // Organisation for Economic Co-operation and Development, United Nations Human Settlements Programme. 2021–2023. // URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 05.12.2025).
11. Shahbaz Khan. Challenges of Implementing the Internet of Things in the Development of Smart Cities // URL: <https://www.link.springer.com> (дата обращения: 04.12.2025).
12. Stefano Della Torre. Digital transformation of real estate design, construction, and management processes//URL: <https://www.link.springer.com> (дата обращения: 04.12.2025).

THE ROLE OF INNOVATION AND TECHNOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY AS A SOCIAL INSTITUTION

Poluektov D.A.
NIU MSCU

This article examines the interactions between innovation, information technology, and digital technologies with the social institutions of the construction industry: government regulation, the professional community, the labor market, and public good. Objective: To analyze existing approaches to the implementation of innovation and technological renewal in the construction industry as a so-

cial institution, identify contradictions between regulatory requirements, business practices, and societal expectations, and propose a conceptual framework for managing innovation and technological change focused on sustainable development and social responsibility. Methods: This paper utilized a literature review on construction innovation, digital transformation, and social institution theory, a systemic and comparative analysis of existing approaches to implementing BIM, IoT, robotics, AI, and related regulatory initiatives, and a content analysis of regulatory documents, industry standards, and regulations.

Results: The study demonstrated that effective technology implementation requires synergy between regulatory policy, educational infrastructure, adaptive organizational culture, and capital investment strategies. This article has practical implications for researchers in the field of infrastructure innovation, project management professionals, and construction industry representatives focused on socially sustainable development.

Conclusion: The proposed strategic directions for the implementation of innovations and technologies in the development of the construction industry will contribute to increased productivity, safety, environmental friendliness, and accessibility of housing and infrastructure.

Keywords: construction innovation, digital transformation, social institutions, regulation, technological change management.

References

1. Astakhov A. The Relationship between Audit and Risk Management Processes // URL: <https://infosecrisk.ru/vzaimosvyaz-protsessov-audita-i-upravleniya-riskami/> (date of access: 05.12.2025).
2. Gorodnova N.V., Lemeza V.A. Application of BIM technologies in the digital economy: global experience and Russian practice // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2022. No. 8. Pp. 2242–2260.
3. Gulin A.A. Institutional approach to managing innovative development: the example of the construction industry // Online journal "Science Studies". 2017. Vol. 9. No. 3 <http://naukovedenie.ru/PDF/49EVN317.pdf>
4. Dorofeev E.P. BIM systems as innovative tools in design and construction // Construction Economics. 2023. No. 2. Pp. 55–57.
5. Koltayev A.B., Salykova O.S. Information security: a study of the audit trail in database systems // EurasiaScience. 2020. Pp. 75–76.
6. Kryukov K.M., Shapovalov A.V. Using digital twin technology in construction // Engineering Bulletin of the Don. 2022. No. 5. Pp. 1–9.
7. Metelkov A.N. Cyber Drills: Foreign Experience in Protecting Critical Infrastructure // Legal Informatics. 2022. No. 1. Pp. 51–59.
8. Stepanov A.V., Matveeva M.V., Peshkova E.S. Digitalization of the Construction Industry: Prospects and Challenges // News of Universities. Investments. Construction. Real Estate. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 356–366. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2024-2-356-366>. EDN: SJHHKT.
9. Yakovlev A.P., Ivanov D.V. Use of Robotics in the Construction Industry Today // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2024. No. 11. Pp. 272–275.
10. OECD/UN Habitat, Global Monitoring Report on Urban Innovation // Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations Human Settlements Programme. 2021–2023. // URL: <https://www.oecd.org> (accessed: 05.12.2025).
11. Shahbaz Khan. Challenges of Implementing the Internet of Things in the Development of Smart Cities // URL: <https://www.link.springer.com> (accessed: 04.12.2025).
12. Stefano Della Torre. Digital transformation of real estate design, construction, and management processes // URL: <https://www.link.springer.com> (accessed: 04.12.2025).

Оценка репрезентативности данных социологических исследований в области интеллектуальной собственности, проведенных в оффлайн- и онлайн- режимах, на примере судебной практики

Сушко Валентина Афанасьевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
социологии государственного управления, социологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

Русаков Иван Андреевич,
главный государственный эксперт отдела судебного
представительства Центра «Палата по патентным спорам»
ФГБУ ФИПС
E-mail: ivan.rusakov@rupto.ru

Статья посвящена роли социологического исследования, проводимого в рамках рассмотрения споров, касающихся правовой охраны товарных знаков, которое обладает доказательственным значением, в том числе, если представляется возможным проверить достоверность (репрезентативность) данных, полученных посредством социологического опроса. Показано какими критериями и подходами должен обладать социологический опрос. Цель исследования – разработка рекомендаций, позволяющих совершенствовать проведение социологических исследований в сфере интеллектуальной собственности. Новизна и практическая ценность заключается в проведении сопоставительного анализа двух подходов к проведению социологических опросов на конкретных примерах судебных дел, и выявлении влияния формата опроса на доказательственную силу социологического исследования. Приведены примеры конкретных дел, принятых Судом по интеллектуальным правам, касающихся споров относительно охраны товарных знаков. По результатам проведенного анализа социологических исследований в оффлайн- и онлайн-формате и полученных данных, сформулированы уточняющие подходы к проведению подобного рода исследований, а также рекомендации, на которые стоит опираться в таких исследованиях с учетом методических и методологических принципов построения социологического опроса.

Ключевые слова: судебная практика, правовая охрана товарных знаков, социологический опрос, методические и методологические принципы построения социологического опроса, репрезентативность данных, достоверность данных.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности» «Разработка основных подходов к модернизации социологического исследования в отношении средств индивидуализации».

Социологические исследования в отношении средств индивидуализации вызывают активные дискуссии в профессиональном сообществе. Вопросы, касающиеся использования опросов мнения потребителей в делах о защите прав на средство индивидуализации, освящаются в научных работах на протяжении десятилетий [1]. В начале изучения данных вопросов речь в основном шла о факте использования социологических методов в юриспруденции [2, 3]. Однако в последние годы все больше и больше исследователей и экспертов задаются вопросами о достоверности социологических исследований, качестве их проведения и требованиях к анкетам [4].

Как следует из пункта 3 раздела V Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением пунктов 2, 4, 5, 8 и 9 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного постановлением Суда по интеллектуальным правам от 20 февраля 2020 года № 21/4¹, для целей применения положений статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации необходимо учитывать ассоциативные связи, возникающие у современных российских потребителей-адресатов конкретных товаров или услуг в отношении конкретного спорного обозначения.

Социологическое исследование при правильном его проведении может быть прямым доказательством фактического восприятия соответствующей аудиторией товарного знака. При оценке социологического исследования на предмет его достоверности важно установить его репрезентативность [5].

При этом в соответствии с пунктом 2.2.1 Информационной справки о выявленной методологии оценки судами результатов опроса мнения

¹ Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением пунктов 2, 4, 5, 8 и 9 статьи 1483 ГК РФ, утвержденный постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.02.2020 № СП-21/4 // Журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. – URL: <https://ipcmagazine.ru/news/1733455/> (дата обращения: 01.10.2025).

потребителей в спорах о защите товарных знаков, утвержденной постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 августа 2022 года № СП-21/15¹, социологическое исследование проводится среди респондентов, отобранных для конкретного исследования (выборка) из общего числа потенциальных респондентов (целевая аудитория).

Выборка в целевой аудитории конкретных товаров и услуг, среди которых собираются данные опроса мнения потребителей, должна оставаться репрезентативной для целевой аудитории как множества. Характеристики опрошенных респондентов должны соответствовать показателям, отражающим всю целевую аудиторию, с учетом статистической погрешности. Для этого выборка должна формироваться согласно профессиональным стандартам.

В свою очередь, нерепрезентативно сформированная выборка не отражает характеристики генеральной совокупности и приводит к необъективным результатам опроса потребителей. Социологическое исследование, проведенное на основании данных такого опроса, не может быть признано достоверным доказательством по делу (часть 1 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации)².

В современном мире, стремящемся к цифровизации, все большую популярность набирают социологические опросы, проведенные в онлайн-режиме с использованием различных Интернет-платформ. В этой связи закономерно встает вопрос о достоверности и репрезентативности данных, полученных в результате проведения социологического исследования в онлайн с использованием Интернет-панелей, а также наличии или отсутствии преимуществ проведения социологических опросов в онлайн-режиме, а не офлайн.

Обращаясь к правоприменительной практике Суда по интеллектуальным правам, можно выделить множество дел, например, дела №№ СИП-62/2023, СИП-187/2025 и т.д., в которых Суд указывал на определенные недостатки в социологических исследованиях, проведенных посредством онлайн опросов. По мнению Суда по интеллектуальным правам, данные недостатки влияли на объективность исследования, в связи с чем такие социологические исследования не могли быть признаны достоверными.

¹ Информационная справка о выявленной методологии оценки судами результатов опроса мнения потребителей в спорах о защите товарных знаков, утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.08.2022 № СП-21/15 // Журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729551/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Кодекс: официальный портал. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901821334> (дата обращения: 01.10.2025)

В деле № СИП-62/2023³ рассматривался вопрос о правомерности предоставления правовой охраны товарному знаку «ЛЕКАРСТВО ДЛЯ КАРЛСОНА» по свидетельству № 523434.

Заявителем непосредственно в Суд было представлено Заключение ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН от 10 марта 2025 года № 41–2025, подготовленное по результатам социологического опроса с целью определения у потребителей ассоциаций относительно обозначения «ЛЕКАРСТВО ДЛЯ КАРЛСОНА» (далее – Заключение № 41–2025). По мнению заявителя, данное заключение свидетельствовало о неправомерности вывода оспариваемого решения Роспатента о том, что товарный знак по свидетельству № 523434 воспроизводит персонажа Карлсона мультипликационных фильмов «Малыш Карлсон» и «Карлсон Вернулся».

Роспатентом по результатам анализа представленного социологического опроса было установлено, что оно объективно не может опровергать вышеуказанный вывод оспариваемого решения, в связи со следующим.

Согласно приложению к социологическому исследованию, описывающему его методику, «в исследовании была реализована целевая выборка с элементами случайности среди пользователей Интернет-панели «oprosi.online».

Как следует из информации, размещенной на приведенном Интернет-сайте, данный сервис является сторонним ресурсом, предлагающим прохождение тестирований за оплату. Участие в данной панели «подходит курьерам, мамам в декрете, фрилансерам, пенсионерам, каждому, у кого есть 5 минут времени для дополнительного заработка».

Исходя из вышесказанного, целевой аудиторией электронного сервиса «oprosi.online» фактически являются лица, имеющие низкий либо нестабильный / непостоянный доход.

Как следствие, исследование ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН было проведено среди указанной категории респондентов. Иное не следует ни из Заключения № 41–2025, ни из иных имеющихся в материалах дела доказательств.

В свою очередь, правовая охрана оспариваемому товарному знаку предоставлена в отношении товара 30 класса МКТУ «мороженое», который относится к товарам широкого спроса – лакомствам, которые приобретаются различными категориями населения.

Учитывая изложенное, поскольку исследование ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН было проведено среди ограниченных социально-демографических групп, его результаты не могут отражать воспри-

³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.03.2025 по делу № СИП-62/2023, постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.08.2025 по делу № СИП-62/2023 // Электронное правосудие: сайт. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

ятие рядовым средним российским потребителем товара 30 класса МКТУ «мороженое» оспариваемого товарного знака.

Кроме того, необходимо отметить, что в рамках исследования ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН респондентам задавался вопрос-фильтр № S1 «Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже товаров Вы приобретаете несколько раз в месяц?». В случае, если участник исследования при отвече на данный вопрос выбирал вариант № 1 «Мороженное», он включался в выборку, а интервью продолжалось.

При этом в Заключении № 41–2025 не приведены мотивы, по которым исследовалось мнение только лиц, приобретающих мороженое с такой частой периодичностью.

Вместе с тем, мороженое представляет собой лакомство, которое приобретается по желанию, а не в силу удовлетворения каких-либо ежедневных и жизненно-важных потребностей. Также, согласно актуальным исследованиям соответствующего рынка, мороженое является сезонным продуктом, спрос которого зависит от времени года, а именно: снижается зимой и увеличивается к лету.

В связи с этим ограничение выборки респондентов лишь теми лицами, которые в феврале несколько раз в месяц приобретали мороженое, является необоснованной и необъективной.

Указанное обстоятельство также свидетельствует о том, что результаты исследования ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН, изложенные в Заключении № 41–2025, не репрезентативны, поскольку не отражают восприятие оспариваемого товарного знака рядовым средним российским потребителем товара 30 класса МКТУ «мороженое».

Суды первой и кассационной инстанций согласились с выводом Роспатента о том, что представленный заявителем социологический опрос, по мотивам приведенным выше, не подтверждает доводы заявителя о наличии ассоциативных связей спорного обозначения исключительно с его товарами.

К аналогичным выводам пришел Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении дела № СИП-187/2025¹. В рамках данного дела рассматривался вопрос сходства заявленного обозначения «**Slasty Story**» по заявке № 2023705630 с товарным знаком «**Slasty Store**» по свидетельству № 863648, а также описательности сходного элемента «**Slasty**» в обозначениях применительно к товарам 30 класса МКТУ «кондитерские изделия».

Заявителем в обоснование своих доводов об отсутствии сходства сравниваемых обозначе-

ний и описательности сходного элемента «**Slasty**» было представлено в материалы административного дела заключение ФГБУН ИС ФНИСЦ РАН от 16 сентября 2024 года № 204–2024.

Проанализировав представленное заключение, Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о том, что оно не порочит выводы, содержащиеся в оспариваемом ненормативном правовом акте Роспатента, и указал в решении следующее.

В первую очередь, Суд по интеллектуальным правам согласился с позицией Роспатента, согласно которой социологическое исследование содержит ряд недостатков, которые ставят под сомнение объективность и достоверность его выводов.

Так, согласно приложению к социологическому исследованию «в исследовании была реализована целевая выборка с элементами случайности среди пользователей Интернет-панели «oprosi.online».

Как следует из информации, размещенной на приведенном Интернет-сайте, данный сервис является сторонним ресурсом, предлагающим прохождение тестирований за оплату. Целевой аудиторией электронного сервиса «oprosi.online» фактически являются лица, имеющие низкий либо нестабильный, непостоянный доход, о чем также свидетельствует размещенная на указанном Интернет-сайте информация: «участие в данной панели «подходит курьерам, мамам в декрете, фрилансерам, пенсионерам, каждому, у кого есть 5 минут времени для дополнительного заработка».

Между тем, как товары, в отношении которых испрашивается правовая охрана заявленному обозначению, так и товары, в отношении которых представлена правовая охрана противопоставленному товарному знаку, относятся к товарам широкого спроса, которые приобретаются различными категориями населения. Принимая во внимание проведение исследования среди ограниченных социально-демографических групп, его результаты не могут отражать восприятие рядовым средним российским потребителем соответствующих товаров.

Необходимо также отметить, что в рамках представленного исследования респондентам задавался вопрос-фильтр № S1 «Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже товаров Вы приобретаете не менее 2–3 раз в месяц?». В случае, если респондент при ответе на данный вопрос не выбирал варианты № 1, 2 (десерты, кондитерские изделия), он не включался в выборку.

При этом в заключении не приведены мотивы, по которым исследовалось мнение только лишь лиц, приобретающих товары именно с такой периодичностью. Ограничение выборки респондентов лишь теми лицами, которые несколько раз в месяц приобретали данные товары, является необоснованной и необъективной.

¹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 15.07.2025 по делу № СИП-187/2025 // Электронное правосудие: сайт. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

Таким образом, Суд по интеллектуальным пришел к выводу о том, что данное социологическое исследование не опровергает правильный вывод Роспатента о наличии опасности смешения сравниваемых обозначений, сделанный с соблюдением действующих методологических походов.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что проведение опросов в онлайн с использованием Интернет-панелей действительно содержит ряд недостатков, влияющих на объективность и достоверность данных.

В свою очередь, опросы, проведенные в офлайн-режиме, при непосредственном опросе респондентов, могут позволить нивелировать выявленные недостатки, в том числе в выборке респондентов. При этом такие опросы демонстрируют иные, очевидно более объективные и достоверные сведения [6, 7].

Так, опросы, проведенные онлайн, демонстрируют ряд положительных сторон, исходя из которых их использование в социологических исследованиях в сфере интеллектуальной собственности, зачастую является предпочтительным.

В частности следующее.

1. Репрезентативность и охват генеральной совокупности. Офлайн опросы позволяют целенаправленно охватить все слои населения, включая те, что слабо представлены в интернете: пожилые люди, жители удаленных сельских районов, люди с низким уровнем дохода и образования. Это критически важно для исследований, где нужно представить мнение всего населения, а не только его «онлайн-активной» части.

Онлайн опросы исключают или сильно недооценивают группы, не пользующиеся интернетом или соцсетями, что приводит к смешению выборки.

В подобных исследованиях, как правило, опрашивается большая часть респондентов от 55 лет и старше, являющихся массовыми потребителями тех или иных товаров, поэтому необходимым является опрос таких респондентов с различными социально-демографическими характеристиками (возраст, образование, уровень дохода).

2. Контроль над ситуацией и качеством данных. В офлайн опросах интервьюер, при необходимости, может пояснить непонятный вопрос, проконтролировать последовательность ответов, убедиться, что респондент понял инструкцию. Это снижает количество случайных ошибок и необдуманных ответов.

В онлайн опросах респондент отвечает самостоятельно. Он может пролистать опрос, не вчитываясь в вопросы, бросить его на полпути, или его могут отвлечь другие вкладки в браузере. Контроль над средой проведения минимален.

3. Высокий уровень вовлеченности и доверия. При офлайн опросах большую роль играет личный контакт «глаза в глаза», который вызывает большее доверие у респондента, особенно ког-

да речь идет о конфиденциальных или социально значимых темах. Люди чаще соглашаются пройти опрос, когда общаются с живым человеком.

Ощущение респондентом того, что его мнение чем-то может помочь, приобщение к чему-то важному, играет важную роль. Это доказано еще было практически сто лет назад, когда Хоторнский эксперимент провела группа ученых Гарвардского университета во главе с профессором Элтоном Мэйо на фабрике «Вестерн Электрик» в США с 1924 по 1932 год [8].

Его важность сложно переоценить, потому что он кардинально изменил представления о том, что мотивирует людей: осознание важности происходящего, своего участия в каком-то мероприятии, внимания к себе – приводит к большему включению в процесс, в данном случае для участия в исследовании. Поэтому, когда респонденты соглашаются бесплатно пройти опрос, то достоверность полученных ответов является максимально объективной.

Онлайн-опросы часто могут восприниматься как спам или что-то несерьезное. Уровень доверия ниже, выше процент отказов и преждевременного прекращения опроса.

Значимость и возможность применения онлайн-опросов в подобных исследованиях, конечно, тоже велика. Представляется важным использовать только такую интернет-панель, которая соответствует необходимым требованиям для изучения рынка, общественного мнения, соответствует стандартам ESOMAR в области проведения исследований в сети Интернет, а также стандартам ISO 20252, в которых содержатся руководящие принципы и требования, касающиеся того, каким образом необходимо планировать и проводить исследование рынка, а также предоставлять его клиентам. При рассмотрении используемой интернет-панели необходимо видеть ее численность, структуру респондентов по социально-демографическим параметрам. При использовании профессиональной интернет-панели можно с высокой достоверностью провести верификацию участников опроса и обеспечить участие в опросе именно тех его участников, которые соответствуют заявленным ими личным данным, интернет-панель должна быть сертифицированной.

4. Возможность использования сложных методик и визуальных материалов. Практически во всех социологических исследованиях в сфере интеллектуальной собственности интервьюер использует карточки с исследуемыми изображениями. В офлайн-опросе респондент может внимательно рассмотреть карточку со всеми вариантами ответов и, соответственно, точно и объективно сформулировать свое мнение.

В онлайн-опросах хотя и можно вставить изображение, но гарантировать, что респондент рассмотрел внимательно карточку, невозможно.

5. Глубина и качество получаемой информации. В онлайн-опросах интервьюер может задавать «открытые» вопросы, что дает гораздо более богатый и детализированный материал.

Исходя из рекомендаций, изложенных в Информационной справке¹, где отмечено, что «открытые» вопросы и вопросы «без подсказок», на которые респондентам предложено ответить спонтанно, обладают наибольшей доказательной силой, для точного измерения оценок определения наличия или отсутствия сходства до степени смешения между товарными знаками и способности введения в заблуждение потребителей в отношении их производителя, необходимым является включение в анкету «открытых» вопросов относительно ассоциаций с исследуемыми товарными знаками. Исходя из этого, выбранная методика проведения опроса и формулировки вопросов, используемые при подготовке Аналитического отчета, будут соответствовать цели проводимого социологического исследования и обладать наибольшей достоверностью и репрезентативностью.

В онлайн-опросе зачастую в анкете содержатся «закрытые» вопросы с фиксированными вариантами ответов, что ограничивает глубину и спонтанность ответов. И «открытые» вопросы в онлайн-формате часто заполняются менее охотно и подробно.

Значимость «открытых» вопросов давно не вызывает сомнения среди социологов. И это один из ключевых инструментов в арсенале социолога важность их невозможно переоценить.

Они позволяют получить нюансы и оттенки мнений: мнения людей редко бывают черно-белыми. Открытый вопрос позволяет больший спектр информации. Также важна свобода ответа. Респондент не ограничен рамками, навязанными исследователем. Он сам определяет, что важно в его ответе.

Форма открытого вопроса часто воспринимается как более доверительный опрос, а не как допрос с готовыми вариантами. Открытые вопросы помогают проверить, насколько искренне и внимательно респондент отвечает на закрытые. Ответ на открытый вопрос помогает правильно интерпретировать выбор в закрытом. Например, « затрудняешься ответить » может означать как отсутствие мнения, так и то, что ни один из предложенных вариантов не подходит.

Главное, что в «открытом» вопросе социологи могут получить более точную информацию. При этом стоит отметить, что «открытые» и «закрытые» вопросы – не конкуренты, а взаимодополняющие

¹ Информационная справка о выявленной методологии оценки судами результатов опроса мнения потребителей в спорах о защите товарных знаков, утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.08.2022 № СП-21/15 // Журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729551/> (дата обращения: 01.10.2025).

инструменты. Сильное социологическое исследование, как правило, умело сочетает их: открытые вопросы помогают раскрыть глубину и смысл явления, а закрытые – измерить его распространенность и провести статистический анализ.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и сформулировать рекомендации для проведения социологических исследований в сфере интеллектуальной собственности.

1. Выбор между онлайн и онлайн исследованием – это не вопрос «что лучше», а вопрос адекватности метода целям и ресурсам исследования. Если необходимым является опрос респондентов с разными социально-демографическими характеристиками (невысокий доход, невысокий уровень образования, проживающих в небольших населенных пунктах, не являющихся активными пользователями интернета), то целесообразным представляется проведение онлайн исследования. Тем самым, российские потребители разного уровня попадут в выборку, что сделает полученные результаты более точными и достоверными, отражающими мнение российских потребителей.

2. При использовании онлайн-панелей необходимым представляется применять ту онлайн-панель, которая соответствует необходимым требованиям для изучения рынка, общественного мнения, стандартам ESOMAR в области проведения исследований в сети Интернет, а также стандартам ISO 20252, в которых содержатся руководящие принципы и требования, касающиеся того, каким образом необходимо планировать и проводить исследование рынка, а также предоставлять его клиентам. Эта информация должна быть «прозрачной» и представлена на сайте компании, использующей данную панель.

3. В вопросах анкеты следует конструировать шкалы с использованием ответов, которые принудительно не смещают возможные промежуточные ответы респондентов к крайним полюсам. В таком случае ответы будут более точными и достоверными.

Литература

- Неретин О.П., Чеканов А.А., Русаков И.А. Достоверность социологических исследований в практике защиты прав на средства индивидуализации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 6. С. 10–14.
- Медведев Н.Ю. Социологический опрос как доказательство смешения товарных знаков потребителями. – URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/doc_Medvedev.pdf (дата обращения 01.10.2025).
- Кузьмина Е.С. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых

- исследований юридической ответственности) / Е.С. Кузьмина, И.А. Кузьмин // Социология и право. 2016. № 1(31). С. 59–67.
4. Быченок П.С. Социологический опрос как доказательство в делах, связанных с нарушением прав на товарный знак: современные проблемы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 506–513.
 5. Русакова М.А. Повышение роли социологических опросов в практике защиты прав на средства индивидуализации // Вестник интеллектуального права. 2023. – URL: <https://vestnikip.ru/news/3981/> (дата обращения: 01.10.2025).
 6. Свирилова Е.А. Методология проведения социологических опросов в сфере защиты прав на товарные знаки: опыт ЕС и Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-provedeniya-sotsiologicheskikh-oprosov-v-sfere-zaschity-prav-na-tovarnye-znaki-opyt-es-i-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.10.2025).
 7. Боричевская Е.И. Специфика социологического исследования интеллектуальной собственности (на примере товарного знака) // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. № S6. С. 82–86.
 8. Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. «Человеческие отношения»: уроки Хоторнского эксперимента // ВЭПС. 2007. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-otnosheniya-uroki-hotornskogo-eksperimenta-1> (дата обращения: 01.10.2025).
 9. Информационная справка о выявленной методологии оценки судами результатов опроса мнения потребителей в спорах о защите товарных знаков», утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.08.2022 № СП-21/15 // Журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729551/> (дата обращения: 01.10.2025).

ASSESSMENT OF THE REPRESENTATIVENESS OF DATA FROM SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY CONDUCTED IN OFFLINE AND ONLINE MODES, USING THE EXAMPLE OF JUDICIAL PRACTICE¹

Sushko V.A., Rusakov I.A.

Lomonosov Moscow State University, FGBU FIPS

The article is devoted to the role of sociological research conducted in the context of the consideration of disputes concerning the legal

protection of trademarks, which has evidentiary value, including if it is possible to verify the reliability (representativeness) of the data obtained through a sociological survey. The criteria and approaches required for a sociological survey are outlined. The goal of the study is to develop recommendations for improving sociological research in the field of intellectual property. The novelty and practical value lies in conducting a comparative analysis of two approaches to conducting sociological surveys using specific examples of court cases, and identifying the influence of the survey format on the evidentiary value of sociological research. Examples of specific cases decided by the Intellectual Property Court concerning disputes regarding the protection of trademarks are given. Based on the results of the analysis of sociological research in offline and online format and the data obtained, clarifying approaches to conducting such research are formulated, as well as recommendations that should be used in such research, taking into account the methodological and methodological principles of constructing a sociological survey.

Keywords: judicial practice, trademark protection, sociological survey, methodological principles of survey design, data representativeness, data reliability.

References

1. Neretin O.P., Chekanov A.A., Rusakov I.A. Reliability of Sociological Research in the Practice of Protecting Rights to Means of Individualization // Intellectual Property. Industrial Property. 2024. № 6. Pp. 10–14.
2. Medvedev N. Yu. Sociological Survey as Evidence of Trademark Confusion by Consumers. – URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/doc_Medvedev.pdf (accessed 01.10.2025).
3. Kuzmina E.S. Sociological Methods in Jurisprudence (Based on Social and Legal Studies of Legal Liability) / E.S. Kuzmina, I.A. Kuzmin // Sociology and Law. 2016. № 1(31). Pp. 59–67.
4. Bychenok P.S. Sociological Survey as Evidence in Cases Related to Trademark Infringement: Current Issues // Voprosy Rossiyskoy Justisy. 2021. № 12. Pp. 506–513.
5. Rusakova M.A. Enhancing the Role of Sociological Surveys in the Practice of Protecting Rights to Means of Individualization // Bulletin of Intellectual Law. 2023. – URL: <https://vestnikip.ru/news/3981/> (date accessed: 01.10.2025).
6. Sviridova E.A. Methodology for Conducting Sociological Surveys in the Field of Trademark Protection: Experience of the EU and the Russian Federation // Socio-Political Sciences. 2024. № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-provedeniya-sotsiologicheskikh-oprosov-v-sfere-zaschity-prav-na-tovarnye-znaki-opyt-es-i-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 01.10.2025).
7. Borichevskaya E.I. Specifics of a Sociological Study of Intellectual Property (using a Trademark as an Example) // Economy. Business. Banks. 2017. № S6. P. 82–86.
8. Burganova L.A., Savkina E.G. “Human Relationships”: Lessons from the Hawthorne Experiment // VEPS. 2007. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-otnosheniya-uroki-hotornskogo-eksperimenta-1> (date of access: 01.10.2025).
9. Information report on the identified methodology for courts to evaluate the results of consumer opinion surveys in trademark disputes”, approved by the Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court dated 18.08.2022 № SP-21/15 // Journal of the Intellectual Property Court: website. – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729551/> (date of access: 01.10.2025).

¹ This article was prepared as part of the research project Federal State Budgetary Institution “Federal Institute of Industrial Property” (FIPS) “Development of Key Approaches to Modernizing Sociological Research Regarding Means of Individualization.”

Информационная культура личности в условиях цифровизации социальной среды

Маслодудова Наталья Владимировна,
доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ
МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматривается роль информационной культуры личности в условиях трансформации мира под влиянием цифровизации. Сравниваются социальные условия и механизмы взаимодействия с информацией и показываются векторы изменений личности под влиянием информационных потоков. В результате проведенного исследования делаются выводы о различных типах информационной культуры человека, определяющие его место и перспективы развития в дальнейшем. Делается вывод о том, что благодаря информационной культуре человека и сообщества будет формироваться новая система социального расслоения, где не достаточно иметь информацию и ей пользоваться, а необходимо понимать несколько смыслов и контекстов воздействия данной информации на человека и общества и уметь этим пользоваться.

Ключевые слова: информационная культура, личность, цифровизация, социальная среда, потребление информации, трансформация личности

Информация правит миром не одну тысячу лет. Но она стала тотальной и растет с геометрической прогрессией каждый день с учетом развития цифровых средств коммуникации, обеспечения быта и рабочих процессов. Информация преумножается через цифровые механизмы. Если раньше, распространителем информации был человек, то сегодня, в эпоху социальных сетей, Интернет-пространства распространителями информации выступают любые виртуальные платформы, опосредованные человеком или управляемые ботами.

В этой среде информационная культура личности меняется. Если ранее была установка – на потребление информации и тем самым человек становился более знающим, компетентным, то сегодня имеет место быть установка на отсечение определенной информации, нежелание погружаться в какие-то ее пласти. Кто-то не смотрит новости, а кто-то и вовсе ТВ-программы, кто-то не подписан на каналы известных в широких массах или узких кругах персон и т.д. Искусственное ограничение от информационных потоков – тоже выступает показателем информационной культуры личности, в условиях современных социальных трансформаций.

Информация – это не только слова, но и знаки, символы, позволяющие получать не просто очевидные смыслы, но и погружаться в более глубокие пласти социальных взаимосвязей, регулировать образные и смысловые контексты как для одного человека, так и для сообществ людей, принадлежащих к одному поколению, профессиональной, возрастной, гендерной или какой-то другой группе. Информация становится критерием определения места человека, его социальных связей и перспектив социального моделирования общественных процессов социального воспроизведения.

Информационная культура влияет на нескольких уровнях:

- когнитивном, когда формируются, потребляются и развиваются знания и умения;
- эмоциональном, когда формируются установки, оценки, отношения;
- поведенческом, когда выстраивается реальное и потенциальное поведение.

Это воздействие можно типологизировать по разным макро- и микро-сферам жизни: социокультурное, социально-экономическое, социально-

политическое и проч. Например, социокультурное влияние информационной трансформации личности складывается из воздействия массовой культуры, процессов вестернизации на изменение мировоззренческих принципов. Информация становится критерием моральности, этичности, законности и в общем понимании «нормальности» (взаимодействия норм и табу) на обычательском уровне, а также на уровне взаимодействия социальных институтов (О.А. Полюшкевич [38–42], Е.А. Кузнецова [25–29], Н.В. Маслодудова [30–37]). Социально-экономические трансформации приводят к новым смыслам экономической деятельности, отношения к трудовой деятельности и понимания труда в условиях цифровой культуры и множества информационных каналов получения знаний, которые можно в последующем трансформировать в опыт профессиональной деятельности (П.А. Баев [5–13], И.А. Журавлева [16–20], В.А. Скуденков [43–46]). Социально-политические трансформации меняют условия социальной и политической активности личности, готовой проявлять себя, отставать свои интересы и регулировать социальные отношения на уровне района, города, страны. Это может проявляться как в социальной активности, так и гражданской ответственности (Р.Г. Ардашев и А.Н. Адилов [1–4], П.А. Баев [14, 15], М.Н. Корелин [23, 24], П.А. Треккин [47–49]).

Все указанные исследования – показывают разностороннюю включенность информационных потоков в повседневную жизнь современных россиян. Для понимания механизмов влияния информационных потоков в условиях цифровизации общества необходимо проводить регулярный мониторинг. Данная работа, является попыткой осмысления трансформации места информации и информационных потоков в жизни современников.

Особенности исследования

Мы провели опрос молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ, Новосибирске, Тюмени, Томске, Омске ($n = 1400$, по 200 человек в каждом городе). Квотами отбора участников исследования выступало наличие страницы в социальных сетях, которой пользуются не менее 3-х раз в неделю (опрос проводился путем рассылки анкеты, после запроса на согласие участия в исследовании), возраст, пол и место проживания. В исследовании приняли участие 55% девушек и 45% юношей. Только учатся – 45%, учатся и работают – 28%, только работают – 27% опрошенных.

Результаты исследования

Информационное пространство влияет на все, особенно на молодежь, так как именно она погружена в информационные потоки максимально глубоко.

Первый тип – инфо-актер (25%). Для этого типа молодых людей, информация выступает полем, где они могут себя проявить (от обустройства быта, до получения славы, денег, положения). Мессенджеры и социальные сети определяют логику поведения таких людей. Их ценности: скорость получения информации, оперативность реакций, умение использовать информацию прямо сейчас. Поведенческие реакции: клиповое сознание, фрагментарное поверхностное восприятие, склонность к хайпу, трендам. Они постоянные покупатели маркет-плейсов, доставок еды, регулярно участвуют в виртуальных челенджах, они получают обучение soft-skills онлайн, находят работу в виртуальном мире (это чаще фрилансеры или изначально работники на удаленном формате работы).

Второй – эко-информационщик (22%). Этот тип молодых людей ценит устойчивость и приватность информации, проверяет достоверность и только потом – может распространять дальше. Находится всегда в больших потоках информации и вычленяет самое важное самостоятельно. Его ценности: безопасность, минимизировать цифровой след, прозрачность источников, достоверность выводов. Поведенческие особенности: контроль за личными данными, общение только в приватном режиме, фильтрация рекламы и всех источников информации, никому не верит. Они всегда опираются на работу антивирусных программ, подчищают переписку и другие свои следы, онлайн-покупки делают с анонимных карт, проверяют возможность возврата товара и проч. Это лучшие специалисты по безопасности (даже работающие удаленно), частные детективы (или их помощники).

Третий – когнитивный архитектор (18%). Люди, которые сознательно формируют свой виртуальный имидж. Часто они имеют несколько профилей, где выполняют разные роли. Их ценности: критическое мышление, последовательность поведения, осмысленность действий. Поведенческие особенности: в виртуальном пространстве они ведут себя согласно той роли, которую олицетворяет аватар на персональной странице (несколько страниц – несколько ролей). Они формируют стереотипные поведенческие стратегии для каждой роли, наполняют карту знаний и ментальные модели поведения (часто опираются на персонажей из онлайн игр, где в процессе прохождения уровней можно приобретать определенные качества и характеристики). Они переносят данную стратегию на свое личное взаимодействие в онлайн пространстве уже вне игры и под этот принцип подстраивают весь свой коммуникативный контент.

Четвертый – социальный детектор (15%). Он там, где много активностей (это и социальные вопросы и сообщества – например, волонтеры, там же акции протesta, фиксация новостей и участие в обсуждении каких-то событий и проч.). Они часто выступают модераторами каких-то групп,

активно комментируют что-либо и в целом легко устанавливают онлайн контакты. Их ценности: открытое общение, высокий уровень доверия миру, кругу лиц с которыми взаимодействуют (даже не знакомыми лично, но объединёнными общими интересами). Поведенческие особенности: для них важна коллективная валидизация и свое поведение они выстраивают исходя из ее, важна репутация участников, легко видят манипулятивные стратегии и технологии в виртуальном общении. У них высокий уровень социальной эмпатии к виртуальным партнерам по социальному взаимодействию.

Пятый – харизматичный лидер (20%). Это люди умеющие управлять вниманием, они, как правило, имеют свои блоги, часто выступают онлайн, легко находят контакт с аудиторией. Они имеют уникальный стиль подачи, харизму. Ценности: эмоциональная вовлеченность, ясность, легкость и доступность изложения того, что волнует, чему посвящено сообщество или чем увлечена группа. Поведенческие особенности: умеют рассказывать истории (анекдоты), легко владеют вниманием аудитории, легко оперируют фактами, могут использовать эмоции и речевые обороты для привлечения внимания и расстановки внимания зрителей или слушателей.

Управлять представленными типами достаточно сложно, так как в потоке информации они самостоятельно выбирают ту информационную ленту, что подходит им. На глобальном уровне, управление данными типами возможно через создание информационных потоков под каждый тип молодых людей, для управления их вниманием и созданием условий для социального регулирования общественного воспроизводства вне цифрового формата. Хотя и внутри его – управление виртуальной активности каждого типа также может быть достаточно эффективно.

Эти типы выражены именно в молодежной среде (от 18 до 35 лет). Каждый тип представляет собой уникальное соединение разных информационных потоков, которые формируют виртуальную реальность человека и его окружения. Социальные условия выводят новый механизм взаимодействия. Это позволяет говорить нам о новом информационном типе культуры, так как то, во что верит молодежь сегодня и как выстраивает свою жизнь – так будут жить все завтра, так как молодежь повзрослеет, но основные установки остаются те же.

На рисунке 1 представлено облако слов – смыслов информационной культуры современного молодого человека. Оно позволяет судить о ключевых коннотациях, определяющих информационную культуру. В основном это смыслы управления и создания нового смысла жизни (смысла реальности, смысла деятельности и проч.).

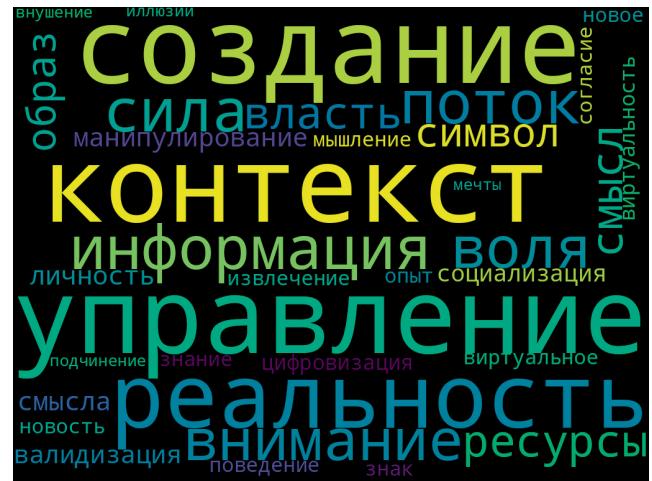

Рис. 1. Облако слов – смыслов информационной культуры современного молодого человека

Таким образом, информация престаёт быть просто инструментом коммуникации и способом получения власти. Важно уметь видеть смыслы и контексты получаемой информации, просчитывать варианты ее влияния на человека, отдельные группы людей и все общество. Умение этими данными манипулировать – приводит к новым возможностям. А это и есть способ нового расслоения общества, который станет основой социального взаимодействия в недалеком будущем. Не просто информация правит миром, а смыслы, которые в себе скрывает. Умение их увидеть, а еще лучше создать самим – определит тех, кто будет стоять на вершине социального моделирования, а остальные будут лишь потребителями информации.

Полученные обобщенные типы молодых людей, нашедшие свои инструменты формирования информационной культуры личности определяют несколько ключевых векторов общественного воспроизводства:

- социальное развитие в сторону усиления виртуализации в контексте дублирования реальной жизни;
- личные стратегии взаимодействия все больше осуществляются в онлайн формате, а не реальном общении;
- обучение, воспитание, работа, досуг все больше становятся виртуальными и поэтому не дают возможности лично взаимодействовать со средой;
- информация сама по себе увеличивает свои масштабы и объём, приумножаясь за счет ложных утверждений и фейков, но отделить истинную и ложную со временем будет все сложнее;
- мышление и сознание одно человека меняется под условиями виртуализации, а мышление целой социальной группы (молодежь) меняет приоритеты и возможности поколения.

Литература

1. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
2. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
3. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
4. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
5. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
6. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
7. Баев П.А. Трудовые трансформации в условиях виртуализации общества: вызовы и перспективы // Социология. 2025. № 6. С. 30–34.
8. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
9. Баев П. А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
10. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
11. Баев П.А. Креативная реализация трудовых ценностей молодежи // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 19–25.
12. Баев П.А. Трудовые и профессиональные притязания студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 26–29.
13. Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений // Социология. 2024. № 8. С. 82–86.
14. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
15. Баев П.А. Права и обязанности гражданина России: оценка осведомленности студентов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 204–207.
16. Журавлева И.А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Поплюшкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
17. Журавлева И.А. Самообразование молодежи в виртуальной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 888–891.
18. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
19. Журавлева И.А. Экспертный анализ социального моделирования виртуального обучения // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 254–259.
20. Журавлева И.А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 361–363.
21. Журавлева И.А. Окно возможностей дистанционного обучения // Социология. 2024. № 7. С. 6–11.
22. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
23. Корелин М.Н. Молодежь и спорт: патриотическое воспитание в условиях социокультурных трансформаций // Социология. 2025. № 9. С. 100–104.
24. Корелин М.Н. Патриотизм и спортивная деятельность: оценки молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 37–41.
25. Кузнецова Е.А. Воспитание молодежи в условиях виртуальной социализации // Социология. 2025. № 6. С. 256–262.

26. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
27. Кузнецова Е.А. Онлайн-активность и цифровая социализация молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 42–48.
28. Кузнецова Е.А. Стратегии и механизмы виртуальной цифровой социализации молодежи в информационном пространстве // Социология. 2025. № 5. С. 30–36.
29. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
30. Маслодудова Н.В. Воздействие информационного пространства на медиасреду: оценки молодежи // Социология. 2025. № 4. С. 79–84.
31. Маслодудова Н.В. Досуговые практики онлайн пространства молодежи // Социология. 2024. № 5. С. 207–214.
32. Маслодудова Н.В. Интернет-зависимость молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 117–124.
33. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
34. Маслодудова Н.В. Онлайн-знакомства как альтернативное поле потенциального брачного рынка // Социология. 2024. № 2. С. 113–120.
35. Маслодудова Н.В. Понимание молодежью «дружбы» в социальных сетях // Социология. 2024. № 3. С. 44–51.
36. Маслодудова Н.В. Социальная активность молодежи в условиях неопределенности // Социология. 2023. № 3. С. 110–119.
37. Маслодудова Н.В. Социокультурные особенности информационного пространства // Социология. 2025. № 3. С. 149–155.
38. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
39. Полюшкевич О.А. Межкультурные отличия в восприятии нарушения социальных норм // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, 2023. С. 341–345.
40. Полюшкевич О.А. Молодежь и моральные ценности // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 188–192. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
41. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения есте-ственного и социального в обществе и человеческе. 2022. № 13. С. 41–48.
42. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 195–199.
43. Скуденков В.А. Экономические притязания молодежи 2014–2024 гг // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 498–502.
44. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 104–109.
45. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 243–245.
46. Скуденков В.А. Экономическое сознание и кредитная культура молодежи // Социология. 2024. № 12. С. 88–93.
47. Трескин П.А. Просоциальные практики гражданской активности молодежи: история и современность // Социология. 2025. № 8. С. 85–92.
48. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 177–180.
49. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей // Социология. 2024. № 3. С. 52–59.

INDIVIDUAL INFORMATION CULTURE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE SOCIAL ENVIRONMENT

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the role of individual information culture in the context of the world's transformation under the influence of digital-

ization. Social conditions and mechanisms for interaction with information are compared, and the vectors of personality change under the influence of information flows are demonstrated. The study concludes on the various types of individual information culture, determining their place and prospects for future development. It is concluded that the information culture of individuals and communities will shape a new system of social stratification, where it is not enough to simply have information and use it; it is necessary to understand the multiple meanings and contexts of how this information impacts individuals and societies, and to be able to use them.

Keywords: information culture, personality, digitalization, social environment, information consumption, personality transformation.

References

1. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 21–27.
2. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. Pp. 6–11.
3. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // Sociology. 2025. № 1. Pp. 26–30.
4. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. Pp. 6–11.
5. Baev P.A. Virtualization and Digitalization of Professions and Labor // Sociology. 2024. № 9. Pp. 159–163.
6. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. Pp. 27–31.
7. Baev P.A. Labor Transformations in the Context of the Virtualization of Society: Challenges and Prospects // Sociology. 2025. № 6. Pp. 30–34.
8. Baev P.A. Labor Values and Orientations of Regional Youth in the Context of Digitalization // Sociology. 2024. № 7. Pp. 37–42.
9. Baev P. A., Kopalkina E.G. Labor Orientations of Young People: Virtual Conditions // Sociology. 2024. № 5. Pp. 31–38.
10. Baev P.A. Virtualization and Digitalization of Professions and Labor // Sociology. 2024. № 9. Pp. 159–163.
11. Baev P.A. Creative Implementation of Young People's Labor Values // Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 19–25.
12. Baev P.A. Labor and Professional Aspirations of Students // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2025. № 4. Pp. 26–29.
13. Baev P.A. Labor Values of Different Generations // Sociology. 2024. № 8. Pp. 82–86.
14. Baev P.A. Civic and National Identity of Russians // Sociology. 2023. № 4. Pp. 69–76.
15. Baev P.A. Rights and Responsibilities of a Citizen of Russia: Assessing Students' Awareness // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 204–207.
16. Zhuravleva I.A. Virtual Education: The Choice of Modern Youth // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. Pp. 368–372.
17. Zhuravleva I.A. Self-education of young people in a virtual environment // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 888–891.
18. Zhuravleva I.A. Social security in virtual educational strategies of young people // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 83–86.
19. Zhuravleva I.A. Expert analysis of social modeling of virtual learning // Expert institutions in the 21st century: civilization-al and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 254–259.
20. Zhuravleva I.A. Educational Strategies in the Information Society // Philosophy and Culture of the Information Society. Eighth International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. Saint Petersburg, 2020. Pp. 361–363.
21. Zhuravleva I.A. Window of Opportunity for Distance Learning // Sociology. 2024. № 7. Pp. 6–11.
22. Zhuravleva I.A. Social Security in Virtual Educational Strategies of Young People // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 83–86.
23. Korelin M.N. Youth and Sports: Patriotic Education in the Context of Sociocultural Transformations // Sociology. 2025. № 9. Pp. 100–104.
24. Korelin M.N. Patriotism and Sports Activity: Young People's Assessments // Sociology. 2025. № 8. Pp. 37–41.
25. Kuznetsova E.A. Young People's Education in the Context of Virtual Socialization // Sociology. 2025. № 6. Pp. 256–262.
26. Kuznetsova E.A. The Internet as a Factor in Young People's Socialization // Sociology. 2023. № 6. Pp. 19–26.
27. Kuznetsova E.A. Online Activity and Digital Socialization of Young People // Sociology. 2025. № 8. Pp. 42–48.
28. Kuznetsova E.A. Strategies and Mechanisms of Virtual Digital Socialization of Young People in the Information Space // Sociology. 2025. № 5. Pp. 30–36.
29. Kuznetsova E.A. Digital Socialization of Young People // Sociology. 2023. № 3. Pp. 59–66.
30. Maslodudova N.V. The Impact of the Information Space on the Media Environment: Young People's Assessments // Sociology. 2025. № 4. Pp. 79–84.
31. Maslodudova N.V. Leisure Practices of the Online Space of Young People // Sociology. 2024. № 5. Pp. 207–214.
32. Maslodudova N.V. Internet Addiction of Young People // Sociology. 2024. № 4. Pp. 117–124.
33. Maslodudova N.V. Information Space of the Modern World // Sociology. 2023. № 6. Pp. 27–34.
34. Maslodudova N.V. Online Dating as an Alternative Field of the Potential Marriage Market // Sociology. 2024. № 2. Pp. 113–120.
35. Maslodudova N.V. Young People's Understanding of "Friendship" on Social Networks // Sociology. 2024. № 3. Pp. 44–51.
36. Maslodudova N.V. Social Activity of Young People in Conditions of Uncertainty // Sociology. 2023. № 3. Pp. 110–119.
37. Maslodudova N.V. Sociocultural Features of the Information Space // Sociology. 2025. № 3. Pp. 149–155.
38. Polyushkevich O.A. Irrational Foundations of Social Identity Formation under the Influence of Virtuality // Sociology. 2020. № 5. Pp. 163–176.
39. Polyushkevich O.A. Intercultural Differences in Perception of Violation of Social Norms // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, 2023. Pp. 341–345.
40. Polyushkevich O.A. Youth and Moral Values // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 188–192. Polyushkevich O.A. Morality and Social Identity in Prosocial Practices // Sociology. 2023. № 1. Pp. 79–85.
41. Polyushkevich O.A. Morality and Play in Modern Society // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2022. № 13. Pp. 41–48.
42. Polyushkevich O.A. Social Governance through the Prism of Norms // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical

- Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 195–199.
43. V. A. Skudenkov. Economic Aspirations of Young People 2014–2024 // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 498–502.
44. V. A. Skudenkov. Economic Aspirations: Effects of Transformations in Modern Society // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 104–109.
45. Skudenkov V.A. Economic Statuses in the Virtual World: Students' Views // Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Development Vectors. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. Pp. 243–245.
46. Skudenkov V.A. Economic Consciousness and Credit Culture of Young People // Sociology. 2024. № 12. Pp. 88–93.
47. Treskin P.A. Prosocial Practices of Youth Civic Engagement: History and Modernity // Sociology. 2025. № 8. Pp. 85–92.
48. Treskin P.A. The Role of Youth Public Organizations in the Formation of Civil Society // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 177–180.
49. Treskin P.A. The Role of Youth Public Organizations in the Formation of Civic Consciousness, Patriotism, and Moral Values // Sociology. 2024. № 3. Pp. 52–59.

Онлайн-обучение: тенденции и перспективы в новых образовательных реалиях

Медведев Андрей Витальевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры
«Транспортные и технологические системы» ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет»
E-mail: medvedevav@tyuiu.ru

В статье рассматриваются современные тенденции и перспективы развития онлайн-образования в условиях цифровой трансформации общества. Анализируется влияние технологических инноваций, демографических изменений и экономических факторов на развитие дистанционного обучения. Особое внимание уделяется роли цифровых технологий, искусственного интеллекта и виртуальной реальности в модернизации образовательного процесса. Исследуется опыт массового перехода на дистанционный формат в период пандемии COVID-19, демонстрирующий адаптивность образовательной системы. Представлен анализ государственной политики в сфере цифровизации образования на примере национального проекта «Образование».

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное обучение, цифровая трансформация, непрерывное образование, цифровизация, государственная поддержка.

Расширение масштабов и рост востребованности онлайн образования представляют собой закономерный итог масштабных трансформационных процессов, определяющих облик современного мира. Решающую роль в этом сыграла всеобъемлющая цифровая революция, которая кардинально переформатировала механизмы передачи знаний и профессиональной подготовки. В настоящее время подавляющее большинство населения планеты обладает непрерывным доступом к высокоскоростному интернету и располагает современными цифровыми устройствами – смартфонами, планшетами и персональными компьютерами. Такая технологическая оснащенность создаёт принципиально новые возможности: люди могут осваивать знания и поддерживать коммуникацию в режиме, максимально адаптированном к их индивидуальным потребностям и расписанию.

Сформировавшаяся цифровая экосистема послужила основой для возникновения целого спектра специализированных образовательных сервисов и платформ. Среди них – инструменты видеоконференций (Zoom, Google Meet, Microsoft Teams) и системы управления обучением (LMS), такие как Moodle и Canvas [11]. Эти технологические решения эффективно устраняют географические ограничения, открывая доступ к качественному образованию независимо от места проживания. Кроме того, они обеспечивают участникам образовательного процесса высокий уровень комфорта, гибкость форматов взаимодействия и широкие возможности для персонализации учебного опыта.

Глобальные вызовы последнего десятилетия стали мощным катализатором эволюции онлайн-образования. Наиболее драматичным и показательным примером выступила пандемия COVID-19, которая спровоцировала масштабный кризис традиционной образовательной модели: все вузы России с марта 2020 года перешли на дистанционный формат по приказу Минобрнауки, а свыше 16,8 млн школьников обучались дистанционно до конца учебного года. В результате значительная доля образовательного процесса – более 80% вузов – в экстренном порядке переместилась в цифровую среду [2].

Этот беспрецедентный опыт продемонстрировал два ключевых аспекта. Во-первых, он выявил впечатляющую адаптивность образовательной системы, способной в сжатые сроки перестраиваться под кардинально новые условия: число

студентов на дистанционных программах выросло с 998,9 тыс. в 2019 году до 2,26 млн в 2020-м (+126,3%) [7]. Во-вторых, он наглядно раскрыл потенциал цифровых технологий как эффективного инструмента антикризисного реагирования – способности обеспечивать непрерывность обучения даже в экстремальных обстоятельствах, с ростом уровня адаптации в вузах к 2020/21 году [10].

За сравнительно короткий период миллионы студентов и педагогов освоили инновационные цифровые инструменты и методики преподавания: с 3,1 млн в 2019 году до 8,1 млн онлайн-студентов к 2024 году (рост в 2,6 раза) [1]. Этот массовый переход не просто позволил сохранить образовательный процесс в кризисный момент – он сформировал прочный фундамент для последующей трансформации учебных практик. Приобретённые компетенции и накопленный опыт стали отправной точкой для системного совершенствования образовательных моделей, открывая путь к устойчивому развитию цифрового обучения в долгосрочной перспективе.

Другим фактором существенного воздействия на стремительное расширение сегмента онлайн-образования является трансформация демографической структуры общества. В условиях ускоряющейся технологической революции и постоянной смены профессиональных требований всё более актуальной становится концепция непрерывного обучения в течение всей жизни (*lifelong learning*), кардинально меняющая образовательные стратегии различных социальных групп: 98% взрослого населения России знают об онлайн-образовании, а 64% имеют личный опыт обучения в интернете [6]. Ключевую роль здесь играет активное трудоспособное население, которое сталкивается с объективной необходимостью постоянно актуализировать имеющиеся компетенции, осваивать смежные области знаний и приобретать новые навыки, востребованные на современном рынке труда: за 2019–2024 годы число студентов онлайн выросло с 3,1 млн до 8,1 млн (+2,6 раза), из них 2,8 млн – исключительно на дистанционных программах [7]. При этом люди вынуждены гармонично совмещать образовательный процесс с профессиональной деятельностью, семейными обязанностями и другими жизненными приоритетами, что создаёт высокий запрос на гибкие форматы обучения.

Именно в этом контексте онлайн-образование раскрывает свой стратегический потенциал, предоставляя уникальные возможности: гибкое расписание, позволяющее учиться в удобное время без привязки к жёсткому графику; модульное освоение материала, адаптированное под индивидуальный темп обучения; мобильный доступ к знаниям с любого устройства при наличии интернет-соединения. Данная аудитория предъявляет высокие требования к качеству образовательных про-

дуктов, формируя новые стандарты цифрового обучения – от интуитивно понятных интерфейсов и адаптивных алгоритмов, динамически подстраивающих сложность материала, до персонализированного контента с индивидуальными траекториями обучения, интерактивных форматов, стимулирующих вовлечённость, и оперативной поддержки на всех этапах освоения знаний: в 2024 году 50,97% студентов вузов (2,28 млн человек) обучались с использованием электронных технологий [13]. Таким образом, демографические изменения не просто стимулируют количественный рост рынка онлайн-образования, но и становятся катализатором его качественного преобразования: они побуждают разработчиков внедрять инновационные подходы, совершенствовать эргономику платформ и создавать максимально релевантный контент. В совокупности эти процессы формируют принципиально новую парадигму обучения, в основе которой лежат гибкость, персонализация и непрерывность образовательного процесса.

Одним из ключевых экономических драйверов, стимулирующих образовательные организации к внедрению дистанционных форматов обучения, выступает отчётливо выраженная финансовая целесообразность такого перехода. Трансформация традиционных образовательных моделей в цифровую плоскость открывает перед учебными заведениями широкие возможности для оптимизации затрат: исключаются или существенно сокращаются расходы на содержание дорогостоящей инфраструктуры (кампусов, аудиторий, лабораторий), обслуживание материально-технической базы, коммунальные платежи, а также транспортные издержки, связанные с перемещением преподавателей и обучающихся – исследования показывают снижение затрат вузов на организацию учебного процесса на 32–45% при использовании дистанционных форм [8]. Особую значимость эти экономические преимущества приобретают в регионах с дефицитом квалифицированных педагогических кадров: по данным Минобрнауки, дефицит учителей в РФ в 2024 году составил 16,8 тыс. человек, где дистанционные технологии позволяют привлекать экспертов удалённо [5].

Дистанционные технологии позволяют преодолеть географические ограничения и выстроить принципиально новую модель кадрового обеспечения: образовательные учреждения получают возможность привлекать ведущих экспертов и преподавателей из любых точек мира, формируя мультидисциплинарные команды без привязки к локации. Такой подход не только нивелирует региональные диспропорции в доступности качественного образования, но и создаёт условия для трансляции передовых знаний и методик независимо от территориальной удалённости участников образовательного процесса. Кроме того, цифровизация обучения способствует рационализации

административных расходов: автоматизация рутинных процессов (учёт посещаемости, проверка заданий, формирование отчётности) снижает нагрузку на управленческий персонал и высвобождает ресурсы для решения стратегических задач; при этом масштабируемость платформ позволяет обслуживать в 2–3 раза больше студентов без пропорционального роста затрат [9].

В совокупности перечисленные факторы формируют убедительный экономический кейс в пользу дистанционных образовательных решений. Онлайн-формат демонстрирует высокую конкурентоспособность по соотношению «цена – качество», обеспечивая: эффективное распределение бюджетных средств (снижение на инфраструктуру до 30%); расширение охвата аудитории без пропорционального роста затрат; доступ к экспертному потенциалу глобального масштаба; устойчивость к локальным кризисам (например, эпидемиологическим или транспортным).

Современный технологический прогресс радикально трансформировал сферу образования, выведя качество и многообразие образовательных услуг на принципиально новый уровень. Прорывные цифровые технологии формируют новую образовательную парадигму, где обучение становится персонализированным, наглядным и максимально эффективным.

Ключевую роль в этой трансформации играет искусственный интеллект, открывающий беспрецедентные возможности для индивидуализации учебного процесса. Интеллектуальные алгоритмы способны всесторонне анализировать особенности каждого учащегося – от уровня подготовки до когнитивных способностей. На этой основе система автоматически адаптирует темп и сложность материала, выстраивает персональную образовательную траекторию с учётом интересов и профессиональных целей, а также предлагает релевантные дополнительные ресурсы для углублённого изучения тем. Такой подход позволяет максимально раскрыть потенциал обучающегося, исключая как чрезмерную нагрузку, так и недооценку его способностей.

Не менее революционным стало внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), создающих эффект полного погружения в изучаемую предметную область. Эти инструменты превращают абстрактные концепции в наглядные интерактивные модели [16]. С их помощью учащиеся могут: совершать виртуальные экскурсии по историческим местам и мировым музеям; безопасно проводить сложные научные эксперименты, включая химические реакции и физические процессы; визуализировать трёхмерные структуры – от биологических клеток до космических объектов; отрабатывать профессиональные навыки в реалистичных симуляциях (например, хирургические операции или управление техни-

кой). Подобная иммерсивность не только повышает вовлечённость, но и способствует глубокому пониманию материала через практическое взаимодействие.

Существенный вклад в оптимизацию образовательного процесса вносят мощные инструменты для непрерывного мониторинга успеваемости, выявления закономерностей усвоения материала и прогнозирования потенциальных пробелов в знаниях [15]. На основе объективных данных преподаватели могут оперативно корректировать учебные программы, учитывая как коллективные, так и индивидуальные потребности учащихся. Кроме того, детализированная статистика, формируемая системами Big Data, становится основой для стратегического планирования образовательных программ, позволяя прогнозировать тренды и адаптировать содержание под меняющиеся требования рынка.

Государственная политика выступает одним из ключевых детерминантов динамики развития сферы онлайн-образования, задавая стратегические ориентиры её эволюции и определяя масштабы внедрения цифровых решений в образовательный процесс. На глобальном уровне органы власти всё активнее включаются в формирование благоприятной экосистемы для цифровых инноваций в образовании, реализуя комплекс системных мер – от нормативного регулирования до прямого финансирования перспективных инициатив.

Особенно показателен в этом отношении опыт Российской Федерации, где государственная поддержка онлайн-образования приобрела характер масштабной стратегической программы в рамках национального проекта «Образование» с общим бюджетом 1,066 трлн рублей на 2019–2024 годы, из которых 79,8 млрд рублей выделено на федеральный проект «Цифровая образовательная среда» (ЦОС). Российский подход к цифровой трансформации образовательной среды носит многоуровневый характер и охватывает сразу несколько ключевых направлений [12].

Прежде всего, осуществляется целевое финансирование проектов по модернизации 26 тыс. школ и вузов, причём основной акцент делается на интеграцию электронных образовательных ресурсов и цифровых платформ, что позволило подключить 100% школ к высокоскоростному интернету к 2024 году. Параллельно ведётся активное создание инфраструктурных объектов – в частности, федеральных электронных библиотек нового поколения, которые консолидируют верифицированные учебные материалы и научные публикации в едином цифровом пространстве, обеспечив доступ для 1,5 млн школьников и 220 тыс. преподавателей [14].

Не менее значимым направлением является разработка специализированных инструментов: интерактивных образовательных сервисов, со-

временных систем управления обучением (LMS) и адаптивных тренажёров, позволяющих персонализировать образовательный процесс [4]. Одновременно с этим власти уделяют серьёзное внимание популяризации высококачественных онлайн-курсов – через национальные образовательные порталы и выстраивание партнёрских отношений с ведущими университетами страны, что привело к регистрации 20 тыс. образовательных организаций в ЦОС. Важнейшим элементом государственной стратегии стала стандартизация требований к дистанционному обучению по ФГОС, обеспечивающая единство подходов к качеству образовательного контента, методам оценки результатов и вопросам защиты персональных данных [3].

Реализуемые меры решают комплекс взаимосвязанных задач. Во-первых, они формируют технологическую базу для бесшовной интеграции цифровых решений в традиционный образовательный процесс. Во-вторых, обеспечивают равный доступ к современным образовательным ресурсам для жителей разных регионов, эффективно нивелируя географическое неравенство. В-третьих, создают условия для масштабирования успешных педагогических практик за счёт тиражирования проверенных онлайн-форматов. В-четвёртых, стимулируют развитие отечественного EdTech-сектора через госзаказы и грантовую поддержку инновационных стартапов.

Системный характер государственной политики даёт ощутимые результаты. Прежде всего, он позволяет существенно ускорить темпы цифровизации образования без ущерба для качества обучения. Кроме того, формируются прозрачные критерии оценки эффективности онлайн-программ, что повышает доверие к дистанционному формату. Расширяется доступность профессиональной подготовки для различных социальных групп, а учебные программы актуализируются в соответствии с потребностями цифровой экономики, что способствует формированию необходимого кадрового потенциала [13].

Литература

1. Агранович М. Л., Ермачкова Ю.В., Ливенец М.А. Онлайн-обучение в период пандемии COVID-19 и неравенство доступа к образованию // Федерализм: теория, практика, перспективы. 2020. № 3. С. 188–206. – DOI: 10.21686/2073-1051-2020-3-188-206.
2. Глава Минобрнауки сообщил о переходе 80% вузов на дистанционное обучение (23 марта 2020) // <https://www.interfax.ru/russia/700462>
3. Господдержка EdTech: как государство проникает в онлайн-образование [Электронный ресурс] // EdTechs. – 2023. – URL: <https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/gospodderzhka-edtech-kak-gosudarstvo-pronikaet-v-onlajn-obrazovanie/> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Исаева Е.С. Современные LMS платформы дистанционного обучения: анализ и сравнение // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. № 6. С. 1045–1050.
5. Кадры и образование в цифровой экономике России [Электронный ресурс] // Tadviser. 2025. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Кадры_и_образование_в_цифровой_экономике_России (дата обращения: 12.12.2025).
6. Нетология, РБК Тренды. 58% респондентов планируют обучаться онлайн в 2026 году [Электронный ресурс] // РБК Тренды. – 2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/692412399a79474b2d95a90f> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Онлайн-образование (рынок России) [Электронный ресурс] // Tadviser. – 2025. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Онлайн-образование_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Онлайн-образование_(рынок_России)) (дата обращения: 12.12.2025).
8. Попова Е. И., Баландин А.А., Дедюхин Д.Д. Дистанционное образование: современные реалии и перспективы // Образование и право. 2020. № 7. С. 203–209.
9. Севостьянова Е. С., Штепа А.А., Губа О.П. Экономические аспекты дистанционного образования: плюсы и минусы // Экономика и управление. 2021. № 71–5. С. 142–146.
10. Титаренко Л.Г. Адаптация к ускоренной цифровизации в условиях пандемии: сравнительное исследование систем высшего образования России и Беларуси // Высшее образование в России. 2022. № 3. С. 58–68. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-58-68>
11. Умбетбекова К. М., Жакипова М.Н. Moodle и Zoom как инструменты дистанционных технологий в преподавании русского языка в полиязычном образовательном пространстве // Art Logos. 2020. № 4 (13). С. 129–143.
12. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс] // Министерство просвещения РФ. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 12.12.2025).
13. Число обучающихся в вузах с помощью онлайн-формата с 2020 года выросло в 1,5 раза [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24011971> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Юхта Н. М., Пивоварова И.И. Роль электронных библиотек и баз данных в системе дистанционного обучения // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2022. № 1. С. 75–83.

15. Журавлева И.А. Окно возможностей дистанционного обучения // Социология. 2024. № 7. С. 6–11.
16. Журавлева И.А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 475–480.

ONLINE LEARNING: TRENDS AND PROSPECTS IN THE NEW EDUCATIONAL REALITIES

Medvedev A.V.

Tyumen Industrial University

The article examines modern trends and prospects for the development of online education amid society's digital transformation. It analyzes the impact of technological innovations, demographic changes, and economic factors on the evolution of distance learning. Special attention is given to the role of digital technologies, artificial intelligence, and virtual reality in modernizing the educational process. The study explores the experience of the mass transition to a distance learning format during the COVID-19 pandemic, which demonstrates the adaptability of the educational system. An analysis of state policy in the field of education digitalization is presented, using the national project "Education" as an example.

Keywords: online education, distance learning, digital transformation, lifelong learning, digitalization, state support.

References

1. Agranovich M. L., Ermachkova Yu. V., Livenets M.A. Online learning during the COVID-19 pandemic and inequality of access to education // Federalism: theory, practice, prospects. 2020. № 3. Pp. 188–206. – DOI: 10.21686/2073-1051-2020-3-188-206.
2. The head of the Ministry of Education and Science announced the transition of 80% of universities to distance learning (March 23, 2020) // <https://www.interfax.ru/russia/700462>
3. State support for EdTech: how the state is penetrating online education [Electronic resource] // EdTechs. 2023. – URL: <https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/gospodderzhka-edtech-kak-gosudarstvo-pronikaet-v-onlajn-obrazovanie/> (date of access: 12.12.2025).
4. Isaeva E.S. Modern LMS platforms for distance learning: analysis and comparison // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2021. № 6. Pp. 1045–1050.
5. Personnel and education in the digital economy of Russia [Electronic resource] // Tadviser. – 2025. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Personnel_and_education_in_the_digital_economy_of_Russia (date of access: 12.12.2025).
6. Netology, RBC Trends. 58% of respondents plan to study online in 2026 [Electronic resource] // RBC Trends. 2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/692412399a79474b-2d95a90f> (accessed: 12.12.2025).
7. Online education (Russian market) [Electronic resource] // Tadviser. – 2025. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Онлайн-образование_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Онлайн-образование_(рынок_России)) (accessed: 12.12.2025).
8. Popova E. I., Balandin A.A., Dedyukhin D.D. Distance education: modern realities and prospects // Education and Law. 2020. № 7. P. 203–209.
9. Sevostyanova E. S., Shtepa A.A., Guba O.P. Economic Aspects of Distance Education: Pros and Cons // Economics and Management. 2021. № 71–5. P. 142–146.
10. Titarenko L.G. Adaptation to Accelerated Digitalization in the Context of a Pandemic: A Comparative Study of the Higher Education Systems of Russia and Belarus // Higher Education in Russia. 2022. № 3. Pp. 58–68. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-58-68>
11. Umbetbekova K. M., Zhakipova M.N. Moodle and Zoom as Tools of Distance Technologies in Teaching Russian in a Multilingual Educational Space // Art Logos. 2020. № 4 (13). Pp. 129–143.
12. Federal Project "Digital Educational Environment" [Electronic resource] // Ministry of Education of the Russian Federation. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (date of access: 12.12.2025).
13. The Number of Universities Studying Online Has Increased by 1.5 Times Since 2020 [Electronic resource] // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24011971> (date of access: 12.12.2025).
14. Yukhta N. M., Pivovarova I.I. The role of electronic libraries and databases in the distance learning system // Scientific and analytical journal "Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2022. № 1. Pp. 75–83.
15. Zhuravleva I.A. Window of opportunity for distance learning // Sociology. 2024. № 7. Pp. 6–11.
16. Zhuravleva I.A. Distance education in a modern university: student assessments // Social reality of virtual space. Proceedings of the II International scientific and practical conference. Irkutsk, 2020. P. 475–480.

Коррупция в спорте: выбор без выбора

Туркова Валентина Николаевна,
старший преподаватель кафедры юриспруденции, Института
экономики, управления и права, Иркутского национального
исследовательского технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье рассматривается вопрос коррупции в спорте как выбор без выбора в контексте воздействия внешней среды и как личный приоритет и осознанный выбор каждого коррупционера в спорте. Рассматриваются как глобальные последствия коррупции в спорте как утрате доверия общественности, подрыва спортивных состязаний, разрушении в целом социальных норм, также коррупция рассматривается как социально-политический, социально-правовой, социально-психологический, социокультурный и социально-экономический акт общественного воспроизведения. Помимо этого, выделяют локальные последствия, выраженные в снижении мотивации к честным спортивным состязаниям среди молодого поколения спортсменов. Приводятся результаты исследования оценки коррупции в спорте и механизмах их профилактики, выделяются основные принципы антикоррупционной политики и антикоррупционной пропаганды будущего: принцип прозрачности, этичности, правой ответственности, зрелищности, поддержки победителей через публичность и финансовые поощрения со стороны государства и официальных спонсоров.

Ключевые слова: коррупция в спорте, профилактика коррупции, мотивы коррупции, социальное развитие, антикоррупционная пропаганда.

Коррупция – негативное социальное явление. Оно возникает в результате желания отдельных людей или целых сообществ обойти правила и решить вопросы через перераспределение ресурса. Коррупция разрушает доверие между теми, кто участвует в нелегитимном процессе и теми, кто становится его свидетелем (в моменте коррупционного акта или после него, если информация распространялась через СМИ и сеть Интернет).

Особо остро воспринимается коррупция в спорте, так как спорт сам по себе предполагает состязательный эффект, где побеждает сильнейший. А коррупция этот принцип проведения спортивных соревнований – уничтожает. Доверие, как спортсменов, так и болельщиков, а также простых зрителей утрачивается, разрушаются принципы социального партнерства и опоры на принципы легитимности.

Спорт – это опора идеологии государства. Через спортивные достижения возможно формирование патриотического сознания граждан страны. Поэтому, коррупция в спорте подрывает идеологию и легитимность власти. Коррупция в спорте – это пример разрушения социально-правовых норм, по которым живут рядовые граждане. Без принятия этого факта – нет понимания будущего развития общества.

Коррупция в спорте нарушает нормы:

- состязательности и конкуренции;
- уважения к силе противника;
- ценности и значимости личных достижений;
- идентичности спортсменов;
- солидарности и идентичности болельщиков;
- финансового обмена;
- психологической реализации и социального самочувствия.

Выбор без выбора для коррупции в спорте включается тогда, когда внешние ограничивающие условия (низкая зарплата, отсутствие условий для тренировок, невозможность позаботиться о близких и проч.), вместе с внутренними условиями (амбициями победы любой ценой, социальной значимостью достижений и т.д.) толкают к безальтернативным деструктивным действиям. Более того, когда данные явления становятся достояниями общественности, через СМИ и сеть Интернет, это подрывает веру в спорт и спортивные состязания на уровне общественности, обесценивает спортивную карьеру и не позволяет спортивному интересу руководить молодыми поколениями спортсменов, желающими себя видеть в спортивной карьере (мотивом вовлечения в спортивную де-

ятельность может как раз и служить мотив материального обогащения, а не спортивного первенства).

Реализация нелегитимных практик коррупции в спорте приводит к разрушению социального договора. Это один из способов разрушения социальной структуры общества изнутри. Как, впрочем, и другие коррупционные или иные нелегитимные практики, коррупция в спорте осуществляется подмену истинных целей и ценностей свойственных изучаемым категориям и ложных, основанных на противоречивых, а порой банальных условиях ведения социального взаимодействия.

Ряд работ Р.Г. Ардашева [1–5], совместно с автором раскрывают специфику коррупции в спорте [13–16], помимо этого, авторские работы также углубляют проблему коррупции в спорте [17–20], в исследованиях П.А. Баева [6, 7] дается оценка молодежных трансформаций восприятия приемлемого, этичного, нормального в повседневной жизни и в спортивной деятельности (в том числе оцениваются и коррупционные практики), исследования О.А. Полящекевич [8–10] и экономических притязаний в современном обществе, в том числе среди спортсменов (В.А. Скуденков [11, 12]).

На основе обобщения исследования коллег, мы можем говорить о том, что коррупция в спорте может выступать как:

- социально-политический акт – когда спортивные интересы рассматривают на уровне политики и те или иные решения в спорте, могут влиять на государственную политику. Коррупция тут может выступать как способ лоббирования государственных интересов или способ давления на противников;
- социально-правовой акт – несовершенство законодательства может создавать условия или двойные стандарты для лоббирования решений в спортивных состязаниях в сторону спортсменов не по реальным заслугам, а по факту наличия чьих-то интересов;
- социально-психологический акт – личная установка на победу любой ценой, готовность добиваться желаемого всеми доступными средствами;
- социокультурный акт – механизм, приемлемый для отстаивания своих интересов с опорой на исторический и культурный опыт спортсмена/ов, вне зависимости от реальных достижений и статусов спортсменов;
- социально-экономический акт – способ заработать для тех, кто принимает решения в спорте или же тех, кто состязается на условиях договоренности, а не реального первенства победителя.

Эти формы коррупции достаточно легко пересекаются между собой, укрепляя коррупцию как социальное явление. Поэтому, мы задались целью выявить реальные условия развития коррупции

в спорте и насколько нет выбора у тех, кто вовлекается в спортивные коррупционные схемы.

Особенности исследования

Исследование проводилось в Иркутске, среди жителей города в возрасте от 18 до 65 лет, 57% женщин и 43% мужчины, занятые в разных сферах экономики. Уровень образования: среднее – 12%, средне-специальное – 38%, высшее – 50%. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Результаты исследования

Среди опрошенных, 72% слышали о коррупции в спорте в других странах, 52% слышали о коррупции среди российских спортсменов. Ничего не слышали о коррупции в спорте 13%, остальные затруднились с ответом.

Коррупция – это следствие разрушения социальных устоев общества, полагают 29% россиян; это отсутствие морально-этических принципов, регулирующих профессиональное поведение отмечают 26%; это показатель социально-экономического расслоения общества (25%); это способ адаптации к новым условиям жизни и способ реализации социальных, экономических и психологических притязаний (20%).

По мнению респондентов, противодействие коррупции строится как на внутренних ограничениях и ориентирах, так и на внешних формах регулирования анткоррупционного поведения. Например, на страхе наказания за коррупционные правонарушения – 32%, убежденности в первенстве принципа состязательности и победы сильнейшего – 25%, открытости и публичности работы министерств, спортивных клубов, тренеров и спортсменов – 23%, освещению спортивных соревнований в СМИ – 15%, другое – 5%.

Респонденты уверены, что наибольшая эффективность противодействия коррупции возможна при открытом диалоге власти и общественности, СМИ и людей, связанных со спортом, то есть максимальный диалог, публичность и открытость как принципы социального партнерства – 52%. Стоит отметить, что 39% уверены, что противостоять коррупции невозможно, так как она масштабна, многовариантна и не истребима как социальное явление.

Большая часть опрошенных, высказывается за ужесточение наказания за коррупционное поведение (66%), 30% за просветительские и образовательные мероприятия и 4% затруднились с ответом. Необходимо ужесточить наказание за участие в коррупционной схеме для всех участников этого негативного явления – полагает 42% опрошенных. Необходимо усилить ответственность и наказание за ее нарушение у чиновников и всех кто контролирует и создает условия для осущест-

вления спортивных соревнований. Необходимо запретить букмекерские конторы, которые не имеют официального разрешения и лицензии на ведение данного вида деятельности (35%).

И те и другие отмечают, что большинство планов по борьбе с коррупцией формальны (66%). Они опираются на громкие слова, но не предлагают реальных эффективных решений по борьбе с коррупцией в спорте.

Поэтому, механизмы противостояния коррупции в спорте могут строиться на следующих принципах:

- прозрачности (открытость информации и прозрачность распределения бюджетных средств на спортивную деятельность; открытость конкурсов для постройки спортивных сооружений);
- этичности (участие в спортивных состязаниях только на условиях этики и норм, которые разделяются всеми и известны всем, как маркер профессионализма);
- правой ответственности (наказание за коррупционные схемы показательно, регулируемо по всей строгости с последующим запретом заниматься любой деятельностью связанной со спортом);
- зрелищности (для привлечения внимания зрителей и потенциальных спортсменов);
- поддержки победителей через публичность и финансовые поощрения со стороны государства и официальных спонсоров и проч.

Таким образом, меры по борьбе с коррупцией мало эффективны. Они опираются на общие идеалы, а не на реальные условия работы. Без постоянного диалога государства и других социальных институтов, чьи интересы пересекаются со сферой спорта – невозможно построить долгосрочного партнерства, способного регулировать социально-этические, нормативно-правовые и спортивно-состязательные отношения в спортивной сфере общества. А также необходимо перенимат более успешный опыт противостояния коррупции в спорте в других странах.

Выводы

Механизмы противостояния ей разрабатываются регулярно, но это не искореняет проблему саму по себе, так как жажда победы – является приоритетом для тех, кто участвует в спортивных соревнованиях. Далеко не всегда, жажду победы могут удовлетворить честные правила конкуренции. Более того, низкое качество жизни и не достаточная удовлетворенность базовых и более высоких по качеству потребностей толкает участников спортивных соревнований (не только спортсменов, но и тренеров, владельцев клубов, руководителей федераций и проч.) на нарушение профессиональной этики, включение в спортивные коррупционные схемы.

Коррупция как форма незаконной деятельности, разрушающая спорт как социальное явление, обесценивает и тех, кто участвует в спортивной сфере. Последствия этого меняют установки общественности на перспективы социального развития в спорте (так как взятки могут менять право первого быть первым). Взятка, подкуп, фальсификация – разнообразные формы коррупционных практик, что меняют принципы работы спорта как социального института.

Спортивные ценности и принципы взаимоуважения во время состязаний, важности спортивной этики являются базовыми для развития спорта среди населения и спорта как личной и профессиональной реализации для спортсменов. На страже ценностей спорта стоят спортивные федерации и другие организации, которые регулируют отношения перед, во время и после соревнований.

Процессы глобализации и виртуализации существенно трансформировали формы и механизмы коррупционных схем. Это приводит к тому, что существующие меры борьбы с коррупцией не столь эффективны. Поэтому, необходимо активизировать разработку новых инструментов противостояния коррупции в спорте.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, КНИТУ, 2021. С. 15–19.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020. С. 44–49.
3. Ардашев Р.Г. Социальный фокус коррупции в спорте (рецензия на монографию В.Н. Турковой «Социологический анализ коррупции в спорте») // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 597–598.
4. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Антикоррупционная культура среди спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 4. С. 102.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолида-

- ция и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
 8. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 7.
 9. Полюшкевич О.А. Межкультурные различия в восприятии нарушения социальных норм // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 341–345.
 10. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
 11. Скуденков В.А. Иллюзия правовой компетентности // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 147–150.
 12. Скуденков В.А. Угрозы трансформации социально-экономических притязаний // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 152–155.
 13. Туркова В.Н. Коррупция как угроза социальной стабильности // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 75–78.
 14. Туркова В.Н. Коррупция на спортивных соревнованиях: оценка общественного мнения // Социология. 2023. № 3. С. 67–73.
 15. Туркова В.Н. Механизмы конструирования общественного мнения о коррупции в спорте // Социология. 2023. № 6. С. 63–70.
 16. Туркова В.Н. Роль коррупции в деконсолидации общества // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, Вол НЦ, 2023. С. 186–189.
 17. Туркова В.Н. Социальные условия коррупции: истина где-то рядом // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 76–79.
 18. Туркова В.Н. Спорт: антикоррупционные меры // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 334–337.
 19. Туркова В.Н. Экспертный анализ коррупции в спорте // Социология. 2023. № 4. С. 146–155.
 20. Туркова В.Н., Архипова А.Н. Коррупция в спорте // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 57.

CORRUPTION IN SPORTS: A CHOICE WITHOUT CHOICE

Turkova V.N.

Irkutsk National Research Technical University

This article examines corruption in sports as a choice without choice in the context of external influences and as a personal priority and conscious choice for each corrupt official in sports. The article examines the global consequences of corruption in sports, including loss of public trust, undermining of sporting competitions, and the destruction of social norms in general. It also examines corruption as a socio-political, socio-legal, socio-psychological, socio-cultural, and socio-economic act of social reproduction. Furthermore, it highlights local consequences, such as a decrease in motivation for fair sporting competitions among younger athletes. The article presents the results of a study assessing corruption in sports and mechanisms for its prevention, highlighting the key principles of anti-corruption policy and anti-corruption propaganda for the future: transparency, ethics, legal responsibility, spectacular performance, and support for winners through publicity and financial incentives from the state and official sponsors.

Keywords: corruption in sports, corruption prevention, motives of corruption, social development, anti-corruption propaganda.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious Images of Russia's Anti-Corruption Policy // Anti-Corruption Practice: Problems and Achievements. Proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Kazan, KNITU, 2021. Pp. 15–19.
2. Ardashev R.G. Irrational Perceptions of Young People about Anti-Corruption Culture in Russia // Anti-Corruption Culture and Young People in Russia and China: Modern State, Business, Society. A Collection of Articles. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2020. Pp. 44–49.
3. Ardashev R.G. Social Focus of Corruption in Sports (review of V.N. Turkova's monograph "Sociological Analysis of Corruption in Sports") // Eurasian Law Journal. 2024. № 12 (199). P. 597–598.
4. Ardashev R. G., Turkova V.N. Anti-corruption culture among athletes // Theory and practice of physical education. 2023. № 4. P. 102.
5. Ardashev R. G., Turkova V.N. Athletes' attitudes toward violation of moral and legal norms at sports competitions in the context of sociological analysis // Theory and practice of physical education. 2023. № 7. P. 65.
6. Baev P.A. What Russian youth is proud of and what is it ashamed of // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Pro-

- ceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. P. 129–132.
- 7. Baev P.A. Expert Analysis of Moral Authorities of Modern Youth // Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World. Collection of Scientific Papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 512–515.
 - 8. Polyushkevich O.A. Truth is Modeled // In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2022. Pp. 7.
 - 9. Polyushkevich O.A. Intercultural Differences in Perception of Violation of Social Norms // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 341–345.
 - 10. Polyushkevich O.A. Social Management through the Prism of Norms // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 195–199.
 - 11. Skudenkov V.A. The Illusion of Legal Competence // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 147–150.
 - 12. Skudenkov V.A. Threats of Transformation of Socioeconomic Claims // Methodology of Threat Prevention in the 21st Century.
 - Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 152–155.
 - 13. Turkova V.N. Corruption as a Threat to Social Stability // Methodology for Preventing Threats in the 21st Century. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2022. Pp. 75–78.
 - 14. Turkova V.N. Corruption at Sports Competitions: An Assessment of Public Opinion // Sociology. 2023. № 3. Pp. 67–73.
 - 15. Turkova V.N. Mechanisms for Constructing Public Opinion on Corruption in Sports // Sociology. 2023. № 6. Pp. 63–70.
 - 16. Turkova V.N. The Role of Corruption in the Deconsolidation of Society // Consolidation of Russian Society in New Geopolitical Realities. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Vologda, Vol NC, 2023. Pp. 186–189.
 - 17. Turkova V.N. Social Conditions of Corruption: The Truth Is Out There // In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 76–79.
 - 18. Turkova V.N. Sport: Anti-Corruption Measures // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 334–337.
 - 19. Turkova V.N. Expert Analysis of Corruption in Sports // Sociology. 2023. № 4. Pp. 146–155.
 - 20. Turkova V. N., Arkhipova A.N. Corruption in Sports // Theory and Practice of Physical Culture. 2024. № 7. P. 57.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Нормативно-правовой механизм сохранения и воспроизведения этнической идентичности армян Юга России

Григорян Геворк Григорьевич,
аспирант Института социологии и регионоведения Южного
федерального университета
E-mail: gevorkrnd@mail.ru

Статья посвящена анализу нормативно-правового механизма сохранение этнической идентичности армянской диаспоры Юга России. Цель работы – исследование многоуровневой системы правового регулирования по принципу «Конституция – федеральная стратегия – региональные институты». На основе структурно-функционального анализа Конституции РФ, Стратегии госнацполитики до 2036 года и положений консультативных советов при губернаторах Ростовской области и Краснодарского края показано, как правовые гарантии культурного многообразия и гражданского единства адаптируются к местным условиям. Делается вывод о создании в целом благоприятных правовых условий, где этнокультурная специфика рассматривается как компонент общероссийской идентичности, а региональные советы выступают ключевым механизмом диалога между властью и диаспорой. Обозначается проблемное поле практической реализации норм и перспективы для социологического исследования.

Ключевые слова: армянская диасpora, этническая идентичность, государственная национальная политика, Конституция Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики, этнокультурное многообразие, языковая политика, Юг России, законодательство, интеграция.

Проживание в течение нескольких столетий вне исторической родины актуализирует вопрос самоидентификации и культурного воспроизведения представителей армянской общности на Юге России. Данный регион, в частности Ростовская область и Краснодарский край, традиционно является одним из значимых центров армянской диаспоры, численность которой существенно возросла в результате миграционных волн с начала 90-х гг. XX века [3, с. 412]. В условиях полигэтничного российского общества сохранение и развитие этнической идентичности диаспоральных групп осуществляется в рамках правового поля, определяемого федеральной и региональной политикой в сфере межнациональных отношений.

Современная правовая основа, гарантирующая права народов России на культурную самобытность, заложена в Конституции Российской Федерации [1]. В частности, статья 68 закрепляет право всех народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а статья 69 обязывает государство защищать права коренных малочисленных народов и гарантирует права национальных меньшинств в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Эти конституционные нормы создают фундамент для реализации этнокультурных потребностей всех этнических общин, включая армян [4, с. 58].

Базовым стратегическим документом, определяющим принципы и механизмы государственной политики в данной сфере на долгосрочную перспективу, является Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [2]. Стратегия формулирует в качестве одной из ключевых целей «сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов» (п. 2), а также закрепляет принцип «равенства условий для развития народов, этнических общин» (п. 36). В документе прямо указано, что государственная национальная политика направлена на «поддержку этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации» (п. 5а). Особое зна-

чение имеет закрепленное в Стратегии понятие «национально-культурных потребностей (этно-культурных потребностей)» – потребностей, связанных с самоидентификацией, сохранением и развитием своей культуры, языка и традиций (п. 5ж). Реализация этих потребностей рассматривается как важный фактор гармонизации межнациональных отношений и укрепления гражданского единства.

Важнейшим практическим механизмом, через который федеральная стратегия и региональное законодательство адаптируются к местным реалиям, выступают специализированные консультативные органы при главах субъектов Федерации. Как анализ документов показывает, в Краснодарском крае с 2015 года функционирует Совет при Губернаторе по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями, в состав которого входит официальный представитель Армянской Апостольской Церкви, что создает для общины прямой канал диалога с властью по вопросам культуры, языка и профилактики конфликтов (Совет при Губернаторе Краснодарского края, п. 3) [6]. Аналогично, в Ростовской области в 2024 году был создан Консультативный совет по межэтническим отношениям, решения которого носят для исполнительных органов обязательный характер и где армянская диаспора представлена двумя голосами – от религиозной и национально-культурной организаций (Распоряжение Губернатора Ростовской области от 16.11.2024 № 6, п. 4.8; Приложение № 2) [5]. Данные институты являются ключевыми элементами вертикали управления в сфере национальной политики, обеспечивая операционную связь между общероссийскими правовыми гарантиями и конкретными потребностями этнических групп на местах.

Таким образом, сохранение этнической идентичности армянской общины Юга России происходит в контексте комплексной нормативно-правовой системы, сочетающей конституционные гарантии, федеральную стратегию и региональное законодательство. Целью настоящего исследования является анализ влияния нормативно-правового механизма на процессы сохранения и воспроизведения этнической идентичности армян, проживающих на Юге России.

Конституция Российской Федерации [1], выступая в качестве акта высшей юридической силы и прямого действия, формирует фундаментальную правовую основу для реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений и защиты культурного многообразия. Принятая в 1993 году и обновленная в 2020 году, Конституция в своей новой редакции не только подтвердила, но и значительно усилила акцент на защите исторической памяти, культурной самобытности и роли русского народа как государствообразующего, что в совокупности формирует

новый концептуальный каркас для понимания места всех этнических общностей в российском обществе.

Ключевое значение для исследуемой проблемы имеет статья 68 Конституции. В части 1 за русским языком закрепляется статус государственного языка на всей территории России. Вместе с тем часть 2 данной статьи гарантирует всем народам Российской Федерации право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития. Эта норма является прямой конституционной гарантией, позволяющей армянской диаспоре легитимно ставить перед государственными органами вопросы о поддержке изучения армянского языка в формате факультативов, воскресных школ или в рамках реализации региональных образовательных компонентов. Часть 3 статьи 68 предоставляет республикам право устанавливать свои государственные языки, что, с одной стороны, подчеркивает федеративный характер России, а с другой – создает прецедент и общий правовой климат уважения к многоязычию, распространяющийся и на диаспоральные группы в других субъектах Федерации.

Принципиально важное дополнение 2020 года, имеющее непосредственное отношение к вопросам идентичности, содержится в статье 69 Конституции [1]. Она была дополнена положением о том, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, а также гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Это положение переводит культурные права народов из плоскости декларации в область прямой конституционной защиты. Для армянской общины Юга России это означает, что ее деятельность по сохранению языка, традиций, праздников и исторической памяти получает высший уровень правового обеспечения. Государство, согласно Основному закону, обязано не просто не мешать, но и создавать условия для такого развития.

Особый смысл в контексте диаспоральной идентичности приобретает обновленная статья 671 Конституции [1]. В ней культура провозглашается уникальным наследием многонационального народа России, поддерживается и охраняется государством. Данная формулировка задает важную рамку: культурное наследие армян, веками проживающих на территории России, рассматривается не как нечто чужеродное, а как органичная часть общего культурного фонда страны. Это создает прочную основу для легитимации культурных практик диаспоры и их интеграции в общероссийское культурное пространство без требования ассимиляции. Кроме того, государство берет на себя обязанность защищать культурную самобытность всех народов России, «сохранять культурное наследие» (ст. 671, ч. 4), что напрямую коррелирует

с задачей сохранения исторических памятников, музеев и архивов армянской общины.

Важным является и положение статьи 14 Конституции [1], провозглашающей Россию светским государством, где никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Это гарантирует свободу вероисповедания, что для армян, чья этническая идентичность тесно переплетена с принадлежностью к Армянской Апостольской Церкви, является ключевым условием свободного отправления культа и сохранения одной из важнейших скреп общины [3, с. 178].

Таким образом, Конституция РФ в своей новой редакции формирует двойственную, но внутренне непротиворечивую основу. С одной стороны, она укрепляет гражданско-политическую идентичность, основанную на едином государственном языке и признании роли русского народа. С другой – она последовательно и на высшем уровне гарантирует всем народам, включая армянскую диаспору, право на сохранение и развитие своей этнической, языковой и религиозной самобытности, встраивая ее в общее культурное наследие многонациональной российской нации. Это создает прочный правовой фундамент, на котором строятся положения Стратегии государственной национальной политики и региональные законы, непосредственно регулирующие жизнь этнокультурных сообществ.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 [2], новая Стратегия государственной национальной политики на период до 2036 года является документом стратегического планирования, операционализирующим и развивающим конституционные принципы в сфере межнациональных отношений. Если Конституция задает фундаментальные гарантии, то Стратегия определяет конкретные цели, задачи, инструменты и показатели эффективности политики, создавая детализированную «дорожную карту» для органов власти всех уровней. Ее анализ позволяет выявить как общие подходы государства к поддержке этнокультурного многообразия, так и те механизмы, которые напрямую касаются армянской диаспоры на Юге России.

Центральным концептом Стратегии, имеющим прямое отношение к диаспоральным сообществам, является «этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации», определяемое как совокупность этнических культур и языков народов России (п. 5и). Государственная национальная политика прямо ориентирована на поддержку этого многообразия (п. 37б). Принципиально важно, что в документе четко разведены понятия «общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания)» и «национальной (этнической) идентичности». Целью политики заявлено укрепление первого при сохранении второ-

го (п. 35). Таким образом, этническая идентичность армян, как и других народов, не рассматривается как угроза единству, а, напротив, признается ценным компонентом общероссийского культурного пространства, подлежащим защите и развитию [4, с. 60].

Конкретные задачи по сохранению этнокультурного многообразия, сформулированные в п. 39 Стратегии, создают обширное поле для легитимной активности армянских организаций. К ним относятся следующие.

1. Поддержка языков: создание условий для сохранения и развития языков народов России, обеспечение прав граждан на изучение родного языка. Это является правовой основой для ходатайств о включении армянского языка в образовательные программы школ и учреждений дополнительного образования Ростовской области и Краснодарского края.

2. Популяризация культуры: поддержка мероприятий по популяризации произведений литературы и искусства народов России, организация фестивалей, выставок, конкурсов. Это напрямую легитимизирует такие известные мероприятия, как фестивали армянской культуры в Ростове-на-Дону, Сочи или Краснодаре, и открывает возможности для их финансирования через грантовые программы и государственные заказы.

3. Развитие народных промыслов: содействие возрождению, сохранению и развитию народных промыслов и ремесел, что актуально для поддержки мастеров армянской ковроткацкой, керамической или ювелирной традиции.

4. Туристско-экскурсионная деятельность: формирование туристских маршрутов, популяризирующих этнокультурное многообразие, включая посещение объектов культурного наследия. Это может стать стимулом для развития этнотуризма в местах компактного проживания армян, например, вокруг памятников армянской архитектуры в Ростовской области.

Важным аспектом является учет в Стратегии институтов гражданского общества. Документ прямо указывает на необходимость обеспечения взаимодействия органов власти с ними (преамбула, п. 4) и определяет в качестве одной из задач привлечение некоммерческих организаций к проведению мероприятий по гармонизации межнациональных отношений и профилактике экстремизма (п. 40в). Для армянской общины это означает, что ее национально-культурные автономии (НКА) и общественные организации рассматриваются государством не как оппоненты, а как партнеры в реализации общей политики. Поддержка проектной деятельности таких НКО (п. 40в) и деятельности «Ассамблеи народов России» (п. 40в) создает практические каналы для привлечения ресурсов на этнокультурные проекты.

Стратегия также вводит понятие «национально-культурных (этнокультурных) потребностей» (п. 5ж), что позволяет перевести обсуждение прав диаспоры из политической в социально-управленческую плоскость. Оценка степени удовлетворенности этими потребностями становится одним из целевых показателей (п. 59г), который органы власти обязаны мониторить. Это стимулирует региональные и местные администрации к выстраиванию диалога с общинами для выявления и решения конкретных проблем – от открытия языковых курсов до предоставления помещений для культурных мероприятий.

Отдельного внимания заслуживает региональный аспект, отраженный в Разделе IV Стратегии. Документ предписывает субъектам Федерации реализовывать национальную политику с учетом местных особенностей, в том числе через разработку собственных планов мероприятий (п. 45). Это напрямую коррелирует с существующими законами Ростовской области и Краснодарского края, которые должны быть синхронизированы с положениями новой федеральной Стратегии. Таким образом, документ создает вертикаль управления, в которой региональные власти получают четкие ориентиры, но и несут ответственность за разработку адресных мер поддержки конкретных этнических групп, включая армян.

Наконец, Стратегия закрепляет систему мониторинга и отчетности (п. 49, 53, 54), включая государственную информационную систему мониторинга межнациональных отношений. Это означает, что вопросы, связанные с положением армянской диаспоры, ее конфликтами или успешными практиками интеграции, не останутся без внимания федерального центра, что повышает вероятность своевременного реагирования на возникающие вызовы.

В заключение данного раздела можно констатировать, что новая Стратегия государственной национальной политики создает для армянской диаспоры Юга России прочную и детализированную нормативную платформу. Она переводит конституционные гарантии в плоскость конкретных задач, механизмов и измеримых результатов, легитимизируя и стимулируя деятельность общины по сохранению своей идентичности в рамках общероссийского гражданского единства. Успешность реализации этих положений на практике будет зависеть от эффективности взаимодействия между активом диаспоры, региональными органами власти и федеральными структурами, ответственными за национальную политику.

Важнейшим механизмом практической реализации федеральных установок и регионального законодательства в субъектах Юга России выступают специализированные совещательные органы при высших должностных лицах регионов. В Краснодарском крае с 2015 года действует Со-

вет при Губернаторе по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Его ключевые задачи, согласно Положению, включают координацию действий органов власти и общественных объединений, подготовку предложений по реализации государственной национальной политики, а также профилактику конфликтов и содействие этноконфессиональному согласию [Совет при Губернаторе Краснодарского края, п. 3]. Принципиально важно, что в состав Совета входит 24 председателя национально-культурных организаций, а также официальный представитель Армянской Апостольской Православной Церкви. Это создает для армянской общины легитимный и структурированный канал для прямого диалога с краевой властью, обсуждения проблем сохранения языка и культуры, поиска решений по поддержке образовательных и культурных проектов [6].

В Ростовской области аналогичные функции с 2024 года выполняет Консультативный совет по межэтническим отношениям при Губернаторе. Созданный в том числе для закрепления системы взаимодействия с национально-культурными объединениями, Совет ставит своими задачами содействие сохранению этнокультурного многообразия, обеспечение равенства прав граждан и разработку предложений по развитию родных языков [Распоряжение Губернатора Ростовской области от 16.11.2024 № 6, п. 2.1, 2.5]. Существенным отличием является более формализованный статус решений Совета, которые носят для исполнительных органов области обязательный характер [Там же, п. 4.8]. При Совете также действует межведомственная рабочая группа по профилактике конфликтов, что свидетельствует о фокусе на практическом оперативном реагировании. Как следует из утвержденного состава, армянская община Ростовской области представлена в Совете двумя голосами: архимандритом (викарием) Армянской Апостольской Церкви и директором «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» [Там же, Приложение № 2]. Это позволяет не только поднимать вопросы культурного и религиозного характера, но и непосредственно участвовать в выработке региональной политики [5]. Таким образом, через данные советы федеральная Стратегия и конституционные нормы получают конкретное институциональное воплощение, предоставляя армянским организациям Ростовской области и Краснодарского края инструменты для защиты своих этнокультурных потребностей и конструктивного диалога с властью.

Проведенный анализ нормативно-правового механизма в контексте сохранения этнической идентичности армянской общины Юга России позволяет сделать вывод о формировании комплексной и многоуровневой системы правового регулирования в данной сфере. Данная система,

выстроенная по принципу «Конституция – федеральная стратегия – региональное законодательство», предоставляет диаспоре не только гарантии культурного выживания, но и конструктивные рамки для развития и институционализации.

Конституция Российской Федерации в редакции 2020 года [1] выступает в качестве краеугольного камня, закрепляющего баланс между гражданской интеграцией и культурным плюрализмом. С одной стороны, она укрепляет роль русского языка и государствообразующего народа, формируя цементирующую основу общероссийской гражданской нации. С другой – через статьи 68 и 69 она предоставляет всем народам, включая армян, неоспоримое право на сохранение родного языка и культурной самобытности, возводя защиту этнокультурного многообразия в ранг конституционной обязанности государства. Это создает прочный фундамент, легитимизирующий саму постановку вопроса о поддержке армянской идентичности как вопрос не частный, а публично-правовой.

Стратегия государственной национальной политики до 2036 года выполняет роль ключевого операционализирующего документа, который переводит конституционные принципы в плоскость конкретных целей, задач и механизмов. Введя такие рабочие понятия, как «этнокультурные потребности» и «этнокультурное многообразие», Стратегия задает новый качественный стандарт государственного управления в межнациональной сфере. Она переводит диалог с диаспоральными сообществами из политico-идеологической плоскости в социально-управленческую, предлагая конкретные инструменты: от поддержки языков и народных промыслов до финансирования проектов НКО и развития этнографического туризма. Особенно значимым является закрепление в Стратегии роли институтов гражданского общества как партнеров власти, что открывает перед армянскими национально-культурными автономиями широкие возможности для легитимного участия в разработке и реализации региональных и местных программ.

Особое значение для наполнения правовых норм практическим содержанием имеет функционирование на региональном уровне консультативных советов при главах субъектов Федерации. Так, Консультативный совет в Ростовской области и Совет в Краснодарском крае являются не просто дискуссионными площадками, а действенными механизмами диалога, где армянская община институционально представлена как религиозными, так и национально-культурными организациями. Их деятельность операционализирует федеральную Стратегию, трансформируя общие принципы поддержки этнокультурного многообразия в конкретные предложения и решения на местах, будь то вопросы изучения языка, организации фестивалей или профилактики конфликтов. Эти сове-

ты представляют собой ключевое звено в цепочке «закон – исполнение», где проверяется способность правовой системы не только декларировать, но и обеспечивать реализацию этнокультурных потребностей.

Таким образом, можно утверждать, что современное российское законодательство создает для армянской диаспоры Юга России в целом благоприятные правовые условия для сохранения и воспроизведения своей этнической идентичности [3, с. 420]. Оно предлагает модель, в которой этнокультурная специфика не противопоставляется гражданской лояльности, а рассматривается как ценный компонент общероссийского единства [4, с. 62]. Однако эффективность данной модели на практике зависит от ряда факторов: от качества правоприменительной практики и бюджетного наполнения соответствующих программ на региональном и муниципальном уровнях, от административной и экспертной компетентности чиновников, отвечающих за национальную политику, и, наконец, от уровня самоорганизации и проектной грамотности самой армянской общины. Дальнейшее социологическое исследование должно быть направлено на изучение именно этого «зазора» между формальными правовыми возможностями и их реальной реализацией, а также на анализ того, как армянская молодежь воспринимает и использует предоставленные государством инструменты для конструирования своей собственной, гибридной идентичности – одновременно армянской и российской.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007040001> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Армяне. Народы и культуры / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 647 с.
4. Маргулян Ж.А. Этническая идентичность в диаспоре: теоретические подходы и методы исследования / Ж.А. Маргулян // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 55–63.

5. О Консультативном совете по межэтническим отношениям при Губернаторе Ростовской области [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Ростовской области. Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/20355/?ysclid=mj6t6ex592677162120> (дата обращения: 10.12.2025).
6. Совет при Губернаторе Краснодарского края [Электронный ресурс] // Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. Режим доступа: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2536/> (дата обращения: 10.12.2025).

THE REGULATORY AND LEGAL MECHANISM FOR THE PRESERVATION AND REPRODUCTION OF THE ETHNIC IDENTITY OF ARMENIANS IN SOUTHERN RUSSIA

Grigoryan G.G.

Southern Federal University

The article is devoted to the analysis of the normative and legal mechanism of the preservation of the ethnic identity of the Armenian Diaspora in Southern Russia. The purpose of the work is to study a multilevel system of legal regulation based on the principle of "Constitution – federal strategy – regional institutions". Based on the structural and functional analysis of the Constitution of the Russian Federation, the Strategy of state National Policy until 2036 and the provisions of the advisory councils under the governors of the Rostov Region and Krasnodar Territory, it is shown how the legal guarantees of cultural diversity and civic unity are adapted to local conditions. The author concludes that generally favorable legal conditions have been created, where ethnocultural specifics are considered as a component of the all-Russian identity, and regional coun-

cils act as a key mechanism for dialogue between the government and the diaspora. The problematic field of practical implementation of norms and prospects for sociological research are outlined.

Keywords: Armenian Diaspora, ethnic identity, state national policy, Constitution of the Russian Federation, Strategy of state national policy, ethnocultural diversity, language policy, South of Russia, legislation, integration.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007040001> (date of request: 10.12.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/25/2025 № 858 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036" // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (date of request: 12/10/2025).
3. Armenians. Peoples and Cultures / ed. by L.M. Vardanyan, G.G. Sargsyan, A.E. Ter-Sarkisyants; N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2012, 647 p.
4. Margulyan J.A. Ethnic identity in the Diaspora: theoretical approaches and research methods / J.A. Margulyan // Sociological research. – 2015. – № 8. – Pp. 55–63.
5. On the Advisory Council on Interethnic Relations under the Governor of the Rostov region [Electronic resource] // Official portal of the Government of the Rostov region. Access mode: <https://www.donland.ru/documents/20355/?ysclid=mj6t6ex592677162120> (date of request: 12/10/2025).
6. Council under the Governor of the Krasnodar Territory [Electronic resource] // Governor of the Krasnodar Territory. Administration of the Krasnodar Territory. Access mode: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2536/> (date of request: 10.12.2025).

Традиционные российские ценности в восприятии работающей молодежи

Магранов Алексей Сергеевич,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: alex_daredevil@mail.ru

В статье предпринята попытка проанализировать особенности формирования представлений о традиционных российских духовно-нравственных ценностях у представителей работающей молодежи. Актуальность рассматриваемой проблематики определяется, с одной стороны, важной ролью молодежи в процессе общественного развития, а с другой – высокий уровень прекаризации среди молодых работников, который обуславливает неустойчивость их социального положения, которая может отражаться на их аксиологическом базисе. Выделены традиционные ценности, которые наиболее близки современной молодежи, а также могут стать, по их мнению, основой консолидации российского общества. Статья основана на результатах прикладного социологического исследования, проведенного коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН. В ходе реализации данного проекта были проведены фокус-группы с молодежью Ростовской области и новых регионов РФ (ЛНР и ДНР).

Ключевые слова: Молодежь, ценности, аксиологический базис, традиционные ценности, поведенческие установки, прекрат, консолидация.

Статья подготовлена при выполнении научных исследований по теме 1025030300104–9–5.4.1 «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» (FMUS-2025-0026) в рамках выполнения Государственного задания 075–00430–25–01 от 06.08.2025.

Введение

В последние годы Российская Федерация столкнулась с множеством вызовов, ставящих под угрозу целостность и цивилизационную идентичность нашей страны, сплоченность ее народа. Причем, если многочисленные пакеты санкций, принимаемые странами коллективного Запада, направлены на подрыв экономической сферы России, то идущее с ним параллельно воздействие деструктивной идеологии нацелено на разрушение ценностной основы российского общества. И первоначальной целью подобного воздействия является именно молодое поколение, отличающееся несформированностью мировоззрения, но играющее ключевую роль в развитии общества.

С целью сохранения аксиологического базиса и цивилизационной идентичности России в сложившихся условиях были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809). В данном законодательном акте закреплено определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Также, там обозначены ключевые традиционные духовно-нравственные ценности, сохранение которых является приоритетной задачей для государства: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [11]. Важность и актуальность принятия «Основ» заключается в том, что ценности представляют собой идейную основу построения системы государственной, общественной и личной безопасности; традиционные ценности задают ориентиры в определении объектов безопасности и средств ее обеспечения, легитимируют в общественном сознании саму госу-

дарственную деятельность, позволяя дать ей моральную оценку, а также создают ограничения для самой политики, определяя ее моральные, нравственные границы [12]. Кроме того, как отмечает А.Ф. Григорьев, в условиях противостояния России глобальному Западу, в отстаивании своих экономических, политических и гуманитарных суворенных прав проблема сохранения традиционных ценностей становится наиболее остро, и выступает экзистенциальной основой сохранения российской идентичности [4].

Обзор литературы

Различные аспекты проблемы сохранения традиционных ценностей и формирования их у представителей молодого поколения активно изучаются в последние годы отечественными исследователями. Так, например, Н.В. Афанасьева рассмотрела роль и значение традиционных ценностей в процессе обеспечении национальной безопасности, их связь с культурным наследием, а также влияние на формирование общероссийской идентичности [1]. Е.Ю. Липец проанализировала региональную специфику формирования ценностных ориентаций молодежи. Автором была рассмотрена диалектика взаимодействия традиционных ценностей и современных социокультурных трендов, а также проведен комплексный анализ динамики мировоззренческих установок молодежи в региональном срезе, выявлены ключевые факторы, влияющие на ценностные трансформации. Отмечено, что региональная культурная среда играет значительную роль в процессе ценностной социализации молодого поколения, выступая в качестве фильтра глобальных влияний и транслятора локальных традиций [8]. А.С. Макаров и В.В. Шалин изучили осмысление ценностей традиционной культуры в сознании молодежи. Основываясь на данных социологических исследований, авторы отметили существование тенденции размывания четких представлений молодого поколения об образно-символическом смысле духовно-нравственных ценностей народа, определяющих традиционную культуру. Сделан вывод о том, что молодежь в основном не признает ценность единения общества как показатель целостности государства, а также не считает традиционные ценности значимыми в современной реальности. В качестве одной из главных причин усиления данного тренда авторы выделяют зависимость молодежи от Интернета и гаджетов [9].

Одним из направлений исследований выступает изучение роли высших учебных заведений в процессе трансляции традиционных российских ценностей молодежи. Так, Е.Е. Горина и М.А. Саулина разработали теоретическую модель реализации государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей, которая может применяться в образовательных ор-

ганизациях различных видов. Основными компонентами данной модели являются: формирование правосознания, патриотическое воспитание, семейное воспитание, формирование ценности коллективных форм жизнедеятельности, национальное самоопределение, морально-нравственное воспитание, формирование трезвого образа жизни [3]. О.Г. Карпович и А.С. Чертков проанализировали особенности освоения нового учебно-методического комплекса «Основы российской государственности» в высших учебных заведениях. Авторы пришли к выводу, что образовательная среда в большинстве вузов позволяет выстроить систему овладения учащимися комплексом знаний по данной дисциплине, а также способствует большей социализации студентов и развитию межпоколенческого ценностного диалога на основе изучения традиционных духовно-нравственных ценностей России [7].

Особой когортой в структуре молодого поколения является работающая молодежь, к которой, в основном, относятся представители старшей возрастной группы (до 30 лет). Молодые люди, относящиеся к данной категории, обладают большим количеством социальных статусов: помимо работы, как правило, они уже обладают определенной профессиональной квалификацией, многие из них уже обзавелись своей семьей, в том числе с детьми. Многие аспекты, связанные с жизнью и социальным положением работающей молодежи давно находятся в поле зрения исследователей. Например, Е.С. Балабанова, А.Г. Эфендиев и А.С. Гоголева проанализировали жизненные стратегии данной когорты и выделили пять стратегий достижения благополучия: «ход в семью» (достижение баланса работы и жизни); «разумное потребление» (ориентация на умеренную и спокойную жизнь и отсутствие профессиональных амбиций); «связи и предпринимательство» (накопление социального капитала и предпринимательская деятельность); «инвестиции в профессионализм» (получение новых профессиональных знаний и навыков и наращивание трудовых усилий); «гражданский активизм» (защита своих прав и участие в общественной и политической жизни) [2]. Я.В. Дидковская рассмотрела влияние образа социального будущего, как комплексного социокультурного фактора, на реализацию инновационного потенциала работающей молодежи. На основе результатов анкетного опроса автор приходит к выводу, что мотивация к инновационной деятельности в существенной степени определяется социальным самочувствием молодых работников, в частности их настроениями относительно социального будущего [6]. Однако, в структуре такой группы как прекариат большую часть занимают именно молодые люди [10], что говорит о неустойчивости социального положения работающей молодежи. А нахождение в состоянии социальной

нестабильности, усложняемой условиями неопределенности современного российского общества и неустойчивой системы духовных ценностей молодые люди начинают стремиться к отчуждению от социума и собственной гражданской идентичности [5]. Это обуславливает необходимость изучения аксиологического базиса работающей молодежи и представленности в нем традиционных российских ценностей.

Методология исследования

В июле – октябре 2025 года коллективом Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) было осуществлено социологическое исследование «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества». В рамках этого исследования было проведено 6 фокус-групп с молодежью двух возрастных когорт: «18–24» и «25–29». Информанты являлись представителями Ростовской области и новых регионов России (ДНР и ЛНР). В каждом из регионов было проведено по одной фокус-группе с представителями каждой возрастной когорты. В данной статье приводится анализ результатов фокус-групп с представителями старшей возрастной группы (от 25 до 29 лет), относящимися к работающей молодежи.

Основные результаты исследования

В ходе проведенных фокус-групп информантам был представлен список традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в «Основах» и было предложено выбрать три, которые им наиболее близки. Как следует из полученных данных, представители работающей молодежи, в основном, склонялись к выбору ценностей больше с позиции индивидуализма. Чаще всего молодыми людьми были выбраны такие ценностные категории как «права и свободы человека»: *Права и свободы человека – это то, что нельзя нарушать, иначе в целом в обществе будут колебания* (муж., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.); *А права и свободы – это, наверное, больше история даже... Ну, вот я её выбрала, но я, наверное, даже больше про то, что хочется, чтобы, условно говоря, вот у нас есть, там, Конституция, и хочется, чтобы она соблюдалась, как написано. Потому что зачем мы составляем свод правил, законы и все остальное, если они не соблюдаются. И очень хотелось бы, чтобы новые законы, которые принимаются, они не шли в противовес со старыми* (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.) и «жизнь», которую информанты назвали основополагающей ценностью, без которой все остальные теряют смысл: *Первое – это жизнь, потому что считаю, что нет ничего ценнее и дороже человеческой*

жизни (жен., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.); *Просто мне кажется, что жизнь это, прям, база, ну из разряда «если ты не жив, то о каких ещё ценностях может идти речь?», ну то есть как бы уже всё равно. Вот, и, соответственно, если мы признаём ценность жизни, то оттуда вытекает всё, там, базовая безопасность, да, потому что если у нас обеспечивается ценность жизни, то, как бы, уже тут история про преступность должна как-то обеспечить, ну, уменьшаться и т.д. и т.п., потому что это всё создаёт угрозы жизни и так далее* (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.). Помимо этого, представители работающей молодежи признают приоритетность для себя таких нравственных категорий как «достоинство»: *И это достоинство, потому что это единственное, что не входит в права и свободы человека. Достоинство – это какая-то гарантия того, что к любому человеку будут относиться с уважением. Я считаю, что это важная ценность, поэтому я ее выбрал* (муж., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.) и «взаимопомощь и взаимоуважение»: *Взаимопомощь, взаимоуважение – это база межличностной коммуникации. Хотелось бы встречать везде уважение и не приходить в МФЦ, и не получать хамство и всё остальное. Вот. Это тоже такая история, что, ну, максимально базовая. Если к тебе относятся с уважением, если ты относишься с уважением, ты готов помогать, тебе помогают, то вы как бы всегда выберетесь из любой ситуации* (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.). Таким образом, взаимопомощь, взаимоуважение и достоинство так же считаются для молодежи основополагающими ценностями, определяющими не просто характер коммуникации между людьми, но и отношение к другим людям, восприятие их как личностей.

Также, молодыми людьми достаточно часто отмечалась ценность крепкой семьи. Причем, в эту категорию информанты относят не только семейный союз, созданный ими, но и семью в которой они выросли, включающую всех своих родственников: *Далее – крепкая семья, подразумевая здесь не только свою семью, которую ты создаешь, но и своих родителей, сестер, близких и так далее* (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.); *Крепкая семья, потому что думаю, что именно семья – это то, на чём строится и базируется какое-то, в принципе, дальнее здоровое общество* (жен., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.).

Стоит отметить, что в число значимых для работающей молодежи ценностей попала так же справедливость. Данная ценность, как следует из полученных данных, выражается для молодых людей, прежде всего, в их равенстве перед лицом закона: *Отсюда будет вытекать справедливость. Я считаю, что каждый твой поступок должен быть оценен по заслугам твоим, по справедливости, по честности, то есть никакой безнаказанности. Все четко, по факту, мужественно должен принимать любой свой сделанный поступок* (муж., Ро-

стовская область, 25–29 лет, 2025 г.); *Вот тут есть такая ценность, как справедливость. В моем понимании это должно выражаться в отсутствии двойных стандартов. То есть, чтобы если нельзя всем, так нельзя всем. Если можно всем, так можно всем. И от этого уже будет исходить дальше и равенство, и братство, и все остальное будет исходить* (муж., ДНР, 25–29 лет, 2025 г.).

Заметно реже информантами указывались как милосердие, гуманизм и высокие нравственные идеалы. Однако этот тренд не говорит о том, что данные ценности не разделяются современной молодежью, а является следствием воздействия условий окружающей действительности. Это наглядно демонстрирует оживленная дискуссия о милосердии и гуманизме во время военных действий, развернувшаяся в ходе фокус-группы с представителями ДНР.

Участник 1: *Так, а тут же нельзя в рамках, допустим, Донецкой Народной Республики говорить за милосердие, за гуманизм. В рамках войны ты можешь как-то говорить за человеколюбие, когда их убивают?*

Участник 2: *Не обязательно же убивать. Ну, не в том плане, что... Нет, ну...*

Участник 1: *Нет, я имею в виду... Нет, если про меня говорим, то да, то как бы это есть. Но если говорить в целом про системы ценностей, которые есть, невозможно полноценно понять такие понятия как гуманизм или милосердие и так далее, когда у тебя в стране, блин, война идет.*

Из зала: *Надо оставаться людьми.*

Участник 1: *Да, я согласен. В большинстве своем да, но это все равно не будет прям полноценno.*

Участница 3: *На войне, наоборот, больше, мне кажется, милосердия и гуманизма, чем у людей, которые живут просто, живут, кайфуют свою жизнь.*

Участница 4: *Ну, мы через день сталкиваемся, ладно, часто, часто сталкиваемся как раз такие с отсутствием гуманизма, то есть, зачем пускать, когда вот обстреливали, опять-таки, Ворошиловский район, зачем вы пускаете по пачке градов, по бульвару Шевченко? Ну, то есть, здесь нет никаких военных объектов, здесь ничего нет, ну, тут, типа, просто улица, на которой гуляют мамы с детьми, люди просто ходят, стоят в кафе, вы запускаете пачку градов, ну, о какой гуманности здесь может идти речь? Я не говорю, что военных убивали гуманно, нет, но просто когда намеренно ведется обстрел жилых районов, Прилетают снаряды в квартиры разносятся. О какой гуманности может идти речь?*

Участница 3: *Это же не значит, что ты перестала быть гуманной. Ты просто плохо относишься к тем, кто выпустил пакет градов. Но при этом ты просто относишься к ближнему и к человеку на улице, к бабушке, маме и так далее.*

Как видим, молодые люди признают важность гуманизма и милосердия для себя, но задаются вопросом, можно ли говорить о ценности данных категорий в обществе, когда во время боевых действий гибнут люди, в том числе и гражданские. Добавим, что продолжением данной дискуссии стало обсуждение того, может ли быть гуманным человек, который нажимает «пуск» и выпускает ракеты по мирным домам, но делает это не из личных побуждений, а выполняя приказ.

Заслуживает внимания тот факт, что достаточно малое количество информантов указали в качестве наиболее важных для себя такие коллективистские и гражданские ценности как единство народов России, патриотизм, созидательный труд, историческая память и преемственность поколений, хотя и считают их важными для развития общества: *И историческая память, и преемственность поколений. Потому что не может быть никакого патриотизма и развития какого-то дальнейшего общества, если мы не будем помнить опыт прошлых поколений. И все те знания, которые передаются, грубо говоря, от отца к сыну, Это всё очень важно и нужно для дальнейшего развития, чтобы страна развивалась, и чтобы наше общество тоже развивалось, куда-то прогрессировало в какие-то здоровые моральные тенденции* (жен., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.). Однако настороживает тот факт, что в качестве важных для себя лично из списка традиционных российских ценностей никто из информантов не назвал коллектизм, гражданственность, а также служение Отечеству и ответственность за его судьбу... Тем не менее, молодые люди, в основном, сошлись во мнении, что список традиционных духовно-нравственных ценностей, обозначенных в «Основах», является достаточно полным и не требует какой-либо корректировки: *Нет, я с перечнем абсолютно согласна. Ничего бы не стала убирать, ничего бы не стала добавлять, потому что думаю, что это именно те ценности, которые нам и нужны* (жен., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.).

Также, в ходе фокус-групп представителям молодого поколения было предложено выделить из списка традиционных ценностей те, которые, по их мнению, могут в наибольшей степени способствовать сплочению российского народа. Отметим, что в контексте данного вопроса информанты чаще называли коллективные ценности, осознавая, что для общественной консолидации требуется ценностная основа, подразумевающая идентификацию со своей страной и ее народом. Вершину данной иерархии ценностей заняли патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, единство народов России, историческая память и преемственность поколений: *И про историческую память и преемственность поколений, потому что я не представляю единого русского народа, который верит во что-то раз-*

ное, который забывает о подвигах наших предков. Допустим, как может быть русский народ единым без исторической памяти о том же подвиге в годы Великой Отечественной войны, о победе в годы Великой Отечественной войны. Поэтому это очень важно (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.), а также колLECTивизм: Но я бы еще подчеркнул колLECTивизм, поскольку в определение колLECTивизма входит какое-то объединение, поэтому я думаю, что это только всеобъемлющее понятие, которое именно для этой цели подходит прекрасно (муж., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.). Помимо этого, информанты считают, что для сплочения народа необходимо соблюдение прав и свобод человека, а также взаимопомощь и взаимоуважение: Безусловно, патриотизм, права и свободы человека, взаимопомощь и взаимоуважение. Без этого никуда, в первую очередь, я бы даже, наверное, поставил (муж., ЛНР, 25–29 лет, 2025 г.). Причем взаимопомощь и взаимоуважение необходимы в силу того, что именно данные ценности облегчают процесс консолидации: Я бы выделила взаимоуважение и взаимопомощь. Поэтому что когда ты с уважением в целом относишься ко всем, с ними легче объединяться. И взаимопомощь, в принципе, предполагает то, что ты с людьми вокруг себя делаешь какие-то общие вещи, помогаешь им и так далее (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.).

Стоит отметить, что представители работающей молодежи выделяют семью в качестве одной из главных консолидирующих ценностей: Я бы сказала, крепкая семья и историческая память и преемственность поколений. Крепкая семья, потому что чем лучше люди сохраняют свои семейные узы, ценности, традиции, передают что-то из поколения в поколение, неважно, это какая-то материальная вещь или что-то нематериальное, тем сплоченнее становится русский народ, потому что мы все так или иначе... потомки своих предков (жен., Ростовская область, 25–29 лет, 2025 г.); Для кого-то это даже может быть просто семьей. Что при наличии семьи, когда уже полноценная ячейка общества, то кого-то это может сподвигнуть к тому же созданию еще одной семьи и так далее. Ну, все что угодно (муж., ДНР, 25–29 лет, 2025 г.). Таким образом, молодые люди видят значимость ценности семьи для сплочения российского народа, с одной стороны, с позиции сохранения преемственности поколений, а с другой – в качестве важного личного примера, который демонстрирует всем необходимость осознания принадлежности к своей семье.

Заключение

Результаты проведенного социологического исследования позволили зафиксировать ряд важных тенденций, касающихся восприятия традиционных

российских ценностей представителями работающей молодежи. Прежде всего, стоит отметить, что молодые люди полностью согласны со списком ценностей, которые на законодательном уровне закреплены в качестве традиционных для России и ее народа. Однако наиболее важными для себя представители молодого поколения считают ценности, относящиеся больше к индивидуалистским. Они ценят, в наибольшей степени, такие категории как «жизнь», «права и свободы человека», «достоинство», «взаимопомощь и взаимоуважение». Причем «жизнь» и «взаимопомощь и взаимоуважение» относятся ими к разряду основополагающих. Также, большое значение молодежь придает семье как ценности. Гуманизм и милосердие остаются важными для молодежи, однако их значимость в обществе ставится ими под вопрос ввиду сложившихся социально-политических условий. Заставляет задуматься тот факт, что важнейшие колLECTивистские ценности, такие как гражданственность, колLECTивизм и служение Отечеству, ответственность за его судьбу, не были названы представителями работающей молодежи в качестве наиболее важных для себя. Тем не менее, молодые люди обладают пониманием того, что для консолидации российского общества необходимы, в первую очередь, колLECTивистские ценности: среди ценностей, способных сплотить народ были названы патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, единство народов России, историческая память и преемственность поколений.

Литература

- Афанасьева Н.В. Традиционные ценности как гарант национальной безопасности // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. Т. 10. № 4. С. 7–11. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-7-11.
- Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С. Российская работающая молодежь: стратегии достижения благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 33–52. DOI: 10.21638/spbu12.2021.103.
- Горина Е.Е., Саулина М.А. Роль образовательных организаций при реализации государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей // Социальные отношения. 2022. № 4 (43). С. 28–34.
- Григорьев А.Ф. Традиционные ценности как основа сохранения российской идентичности: аналитический обзор // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей по итогам IX международного научного форума. Москва, 2024. С. 100–106.
- Деточенко Л.С., Магранов А.С. Гражданская идентичность современной студенческой мо-

- лодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 108–116.
6. Дидковская Я.В. Работающая молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала // Социодинамика. 2020. № 1. С. 12–25. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.1.31885. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31885.
7. Карпович О.Г., Чертков А.С. Образ России будущего: восприятие цивилизационных смыслов и традиционных ценностей // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 4 (42). С. 201–217.
8. Липец Е.Ю. Формирование традиционных ценностей в молодежной среде: региональный контекст // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 12А. С. 5–12.
9. Макаров А.С., Шалин В.В. Ценности традиционной культуры и их осмысление в сознании молодежи // Человек и культура. 2024. № 2. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69566. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.2.69566.
10. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 364 с.
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. Выпуск № 46 от 14 ноября 2022 г. Статья 7977.
12. Чирков Ф.В. Содержание и назначение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 4 (15). С. 120–129. DOI: 10.31429/20785836-15-4-120-129.

TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN THE PERCEPTION OF WORKING YOUTH¹

Magranov A.S.

Southern Federal University; South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article attempts to analyze the peculiarities of the formation of ideas about traditional Russian spiritual and moral values among representatives of working youth. The relevance of the issue under consideration is determined, on the one hand, by the important role of youth in the process of social development, and, on the other, by the high level of precarization among young workers, which causes instability of their social status, which may affect their axiological

¹ The article was prepared during the implementation of scientific research on the topic 1025030300104–9–5.4.1 “Axiological attitudes of Russian youth: meanings, behavioral practices and potential for consolidation of the multicultural Russian society” (FMUS-2025-0026) as part of the implementation of State assignment 075-00430-25-01 dated 06.08.2025.

ical basis. The traditional values that are closest to modern youth are highlighted, and can also become, in their opinion, the basis for the consolidation of Russian society. The article is based on the results of an applied sociological study conducted by the staff of the South Russian branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. During the implementation of this project, focus groups were held with young people from the Rostov region and new regions of the Russian Federation (LPR and DPR).

Keywords: Youth, values, axiological basis, traditional values, behavioral attitudes, precariat, consolidation.

References

1. Afanasyeva N.V. Traditional Values as a Guarantor of National Security // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2024. Vol. 10. № 4. pp. 7–11. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-7-11.
2. Balabanova E.S., Efendiev A.G., Gogoleva A.S. Russian working youth: Strategies to achieve wellbeing // Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. Issue 1. pp. 33–52. DOI: 10.21638/spbu12.2021.103.
3. Gorina E.E., Saulina M.A. The role of educational organizations in the implementation of the state policy of preserving traditional spiritual and moral values // Social relations. 2022. № 4 (43). pp. 28–34.
4. Grigoryev A.F. Traditional Values as an Basis for Preserving Russian Identity: A Analytical Review // The cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony. Collection of scientific articles based on the results of the IX International Scientific Forum. Moscow. 2024. pp. 100–106.
5. Magranov A.S., Detochenko L.S. Civil identity of modern students: features and factors of transformation // Sociological Studies. 2018. № 8. pp. 108–116.
6. Didkovskaya Y.V. Working youth of the industrial regions of Russia: the image of social future as a development factor of innovation potential // Sociodynamics. 2020. № 1. pp. 12–25 DOI: 10.25136/2409-7144.2020.1.31885. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31885.
7. Karpovich O.G., Chertkov A.S. The Image of Russia in the Future: Perception of Civilizational Meanings and Traditional Values // The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2024. № 4 (42). pp. 201–217.
8. Lipets E. Yu. Formation of traditional values among youth: Regional context // Culture and Civilization. 2024. Vol.14. № 12A. pp. 5–12.
9. Makarov A.S., Shalin V.V. The values of traditional culture and their understanding in the minds of young people // Man and Culture. 2024. № 2. pp. 133–141. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.2.69566.
10. From precarious employment to precarious quality of life. Collective monograph / Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2022. – 364 p.
11. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // Collection of Legislation of the Russian Federation. Issue № 46 dated November 14, 2022, Article 7977.
12. Chirkov F.V. Content and purpose of traditional Russian spiritual and moral values // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2023. No.4 (15). pp. 120–129. DOI: 10.31429/20785836-15-4-120-129.

Гражданская идентичность и степень принятия иностранных мигрантов (по материалам массового опроса в Ростовской области)

Пантелейев Вадим Геннадьевич,
научный сотрудник Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН
E-mail: pwg92@mail.ru

Шевченко Ольга Михайловна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
теоретической социологии и методологии региональных
исследований Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
E-mail: omshevchenko@sedu.ru

В статье рассматривается связь между выраженной гражданской идентичностью и степень принятия иностранных мигрантов на примере Ростовской области. Данные исследования показывают, что группа респондентов с выраженной гражданской идентичностью не склонна однозначно относиться к иностранным мигрантам, наблюдается некоторый уклон в «доброжелательные» оценки. Респонденты с невыраженной гражданской идентичностью имеют тенденцию безразличного отношения к ним. При этом респонденты с выраженной гражданской идентичностью имеют тенденцию к взвешенной оценке влияния пребывания мигрантов, выделяя и позитивные, и негативные последствия. Мнение респондентов с невыраженной гражданской идентичностью относительно влияния мигрантов разделенное, без центральной тенденции. Оценки социальной дистанции по отношению к группам мигрантов по их происхождению скорее согласовываются с обобщенным отношением к иностранным мигрантам. В целом выраженная гражданская идентичность скорее не влияет на увеличение дистанции между принимающим сообществом и иностранными мигрантами.

Ключевые слова: гражданская идентичность, общероссийская идентичность, национальная идентичность, «свой/чужой»; социальная дистанция, миграция, мигранты, принимающее сообщество, Ростовская область.

Введение

В настоящее время в России как никогда являются актуальными вопросы формирования общероссийской идентичности (национальной или гражданской, подразумевая общность граждан России). Условия внешнеполитической напряженности влекут за собой актуализацию позиционирования «мы/они», а стало быть, возрастает роль общероссийской идентичности. И российское государство осуществляет политику идентичности, что отражено в различных нормативно-правовых документах [8]. С другой стороны, продолжаются миграционные процессы, сопряженные с пребыванием в России иностранных граждан. Речь идет, прежде всего, о трудовых мигрантах. Эти процессы сопряжены как с позитивными, так и с негативными последствиями для принимающего общества. Однако при этом сохраняется рациональный момент в необходимости привлечения мигрантов хотя бы с точки зрения решения демографических проблем [6]. И, следовательно, необходимы условия, при которых иностранные трудовые мигранты адаптируются и интегрируются в российское общество. Здесь играет роль и информационный фон, который сопровождает темы мигрантов последний год, и отношение к мигрантам со стороны принимающего населения. Однако возможна ситуация, при которой выраженная гражданская идентичность может влиять на отношение к иностранным мигрантам. Ученые пишут о том, что выраженная идентичность влечет за собой формирование и функционирование условного механизма, распознающего «своих» и «чужих» [5]. Это деление на «своих» и «чужих» при выраженной гражданской идентичности принимающего населения может привести к росту социальной дистанции по отношению к иностранным мигрантам. То есть, вероятна картина, при которой будет формироваться выраженная гражданская идентичность местного населения, которая будет на основе механизма «свой/чужой» формировать социальную дистанцию по отношению к иностранным мигрантам, то есть препятствовать их интеграции в российское общество. В связи с этим является важным изучение того, как выраженная гражданская идентичность влияет на социальную дистанцию по отношению к иностранным мигрантам.

Социальная дистанция между принимающим населением и иностранными мигрантами уже рассматривалась в научных исследованиях. Зачастую

исследовалась социальная дистанция по отношению к мигрантам представителей региональных социумов.

Так, при исследовании социальной дистанции трудовых мигрантов по отношению к местному населению в Пензенской, Свердловской областях и республики Мордовия в 2020 году выявлено, что у них наблюдается наименьшая социальная дистанция по отношению к русскому этносу. Исследователи отмечали наличие обратной связи между социальной дистанцией и стремлением взаимодействовать с представителями той или иной группы [1, с. 84]. При изучении механизмов формирования социальной дистанции у образовательных и трудовых мигрантов учеными выявлено, что сам характер миграции и вытекающие из него условия (образовательный или трудовой) влияют на социальную дистанцию, предопределяя в первом случае широкие границы социальной дистанции, и суженные границы во втором случае. В целом заключается, что характер социальной дистанции зависит от ценностных ориентаций и самооценки [9, с. 57].

В исследованиях взаимной социальной дистанции ученые пришли к выводу, что социальная дистанция между представителями местного сообщества и мигрантами обусловлена, с одной стороны, психологическими характеристиками (например, агрессия, тревожность) и объективными факторами культуры (вероисповедание, общая история) [4, с. 162–163]. При изучении восприятия мигрантов жителями Санкт-Петербурга в 2020 году выявлена довольно широкая социальная дистанция по отношению к мигрантам, которая сочеталась с умеренно-терпимым отношением к ним [7, с. 17–18]. Изучая социальное дистанцирование в Новосибирске на 2023 год, ученые, отмечая рост социальной дистанции, пришли к выводу, что на ее рост повлияли меры по борьбе с COVID19, что побуждает видеть в мигрантах потенциальную угрозу. Также эмпирически подтверждено, что непосредственный негативный опыт взаимодействия на почве этнической принадлежности ведет к росту социальной дистанции [2, с. 93–94]. Наконец, в культурной дистанции русских Татарстана по отношению к мигрантам исследователями отмечается рост социальной дистанции, а также возрастающий фактор влияния средств массовой информации при сокращении времени отклика на сообщения в масс-медиа со стороны тех, кто потребляет эти сообщения [3, с. 205].

Исследования социальной дистанции выявляли ее состояние между принимающим сообществом и мигрантами, выделяли значимые субъективные и объективные факторы, влияющие на уровень социальной дистанции. Отмечалось, что на расширение социальной дистанции в межэтнических отношениях оказывает влияние усиление этнической идентичности [2, с. 83]. Однако существую-

щие научные изыскания можно дополнить рассмотрением вопроса влияния выраженной идентичности с гражданами России на социальную дистанцию по отношению к иностранным мигрантам.

Методы исследования

Сбор эмпирической информации осуществлен посредством проведения массового анкетного опроса. Опрос проводился в период с сентября 2024 года по январь 2025 года. Объектом опроса выступало население Ростовской области в возрасте от 18 лет. При опросе реализована квотная выборка по полу, возрасту, типу поселения (городское/сельское). Квоты рассчитаны в соответствие с оценкой численности населения официальными органами статистики на 1 января 2024 года¹. Исходя из объема генеральной совокупности (численность населения Ростовской области в возрасте от 18 лет) был рассчитан минимальный объем выборки, соответствующий доверительной вероятности 95%, доверительному интервалу $\pm 5\%$. Минимальный объем выборки составил 384 человека. Всего было опрошено 1370 человек, квоты выдержаны. Опрос охватил 89 населенных пунктов Ростовской области.

Общая схема исследования следующая: рассматривается отношение к мигрантам и оценки социальной дистанции по отношению к группам мигрантов по региону / стране происхождения респондентов с выраженной гражданской идентичностью и респондентов с невыраженной гражданской идентичностью.

Группы респондентов. Респонденты были разделены на группы по отношению к гражданской идентичности на основе вопроса «Как бы Вы ответили сами себе на вопрос «Кто я такой?» (Не более 4-х вариантов ответа)». Из ответов вопроса была создана бинарная переменная, отражающая респондентов выбравших вариант «гражданин России» и не выбравших этот вариант. При делении респондентов по этому признаку получилось соотношение групп, которое позволяет их сравнивать между собой (61,8% выраженная гражданская идентичность, 38,2% невыраженная гражданская идентичность). Гражданская идентичность понимается в статье как идентичность с гражданами России, а не идентичность с гражданским обществом, то есть, это вариант общероссийской идентичности. Соответственно, выбор варианта «гражданин России» – означает выраженность граждан-

¹ Ростовская область \ Население\ Численность городского населения по полу и возрасту на 1 января текущего года // База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 25.07.2024); Ростовская область \ Население\ Численность сельского населения по полу и возрасту на 1 января текущего года // База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 25.07.2024).

ской идентичности; не выбор – не выраженность гражданской идентичности. Для простоты в статье первые именуются – «респонденты с выраженной гражданской идентичностью», вторые – «респонденты с невыраженной гражданской идентичностью». В случае с выраженной гражданской идентичностью предполагается работа механизма «свой / чужой» по линии принадлежности к гражданам России. В случае с не выраженной – отсутствие или слабая работа такого механизма. Соответственно, формулируем предположение, что выраженность гражданской идентичности может влечь за собой увеличение социальной дистанции по отношению к иностранным мигрантам.

Социальная дистанция. В статье рассматривается обобщенное отношение к мигрантам и оценка допустимой близости по отношению к конкретным группам мигрантов.

Обобщенное отношение к мигрантам измеряется посредством вопроса «Как лично Вы относитесь к мигрантам?» (одиночный выбор) с вариантами ответа: «Доброжелательно», «Скорее доброжелательно», «Безразлично», «Скорее недоброжелательно», «Недоброжелательно», «Затрудняюсь ответить». Параметр замеряет общее отношение к иностранным мигрантам. Для дополнительной иллюстрации этого параметра используется производная переменная ответов на вопрос «Каким образом, по Вашему мнению, мигранты оказывают влияние на условия жизни в Вашем населенном пункте?» (множественный выбор). На основе выбора респондентов были выделены три группы: выбирающие только позитивные последствия, только негативные, и негативные и позитивные.

Допустимая близость по отношению к группам мигрантов измеряется посредством вопроса «Насколько близко Вы готовы видеть следующие группы мигрантов?» (одиночный выбор). Следующие варианты оценки: «Среди членов Вашей семьи, близких знакомых», «Среди соседей, коллег по работе», «Среди жителей России», «Пускал бы в Россию только временно», «Не пускал бы их в Россию», «Затрудняюсь ответить». Категории мигрантов, по отношению к которым оценивалась допустимая близость: Средняя Азия, Закавказье, Украина, Китай, Юго-Восточная Азия. Для упрощения шкалы варианты, которые предполагают непосредственное взаимодействие с иностранными мигрантами, были соединены (круг семьи и круг коллег). Оценка допустимой близости по отношению к группам мигрантов позволит более точно говорить о влиянии гражданской идентичности на социальную дистанцию.

Результаты исследования

Обобщенное отношение к иностранным мигрантам. Обобщенное отношение к мигрантам служит выявлению тенденций восприятия мигрантов как

таковых в принимающем сообществе. Эти оценки можно соотнести с тем, как респонденты определяли допустимую близость пребывания мигрантов из других стран в России.

Респонденты с выраженной гражданской идентичностью демонстрируют разделенность мнений по отношению к зарубежным мигрантам. Приблизительно равное распределение респондентов между обобщенными оценками свидетельствует об отсутствии доминирующего мнения. Такое состояние мнений может служить основанием для того, чтобы формировать отношение к мигрантам в ту или иную сторону. При этом наблюдается некоторый уклон в сторону общего доброжелательного отношения к мигрантам, нежели в сторону отрицательного (рис. 1).

Группа с невыраженной гражданской идентичностью демонстрирует распределение ответов, которое довольно близко к тому, что можно назвать основной тенденцией. Наблюдается довольно высокая доля тех, кто демонстрирует безразличное отношение к мигрантам, доля таковых составляет практически 40%. У этой группы оценки собственного отношения к мигрантам сдвигаются в сторону безразличия, причем в большей степени за счет доброжелательного отношения (рис. 1). Таким образом, в случае этой группы респондентов все-таки наблюдается направление к центральной тенденции.

При этом можно отметить, что в обеих группах мала доля тех, кто не смог определиться с отношением к мигрантам: респонденты с выраженной гражданской идентичностью – 5,3%, респонденты с невыраженной гражданской идентичностью – 6,4%. Также можно отметить, что обе группы демонстрируют небольшую долю однозначных позитивных и негативных оценок (рис. 1).

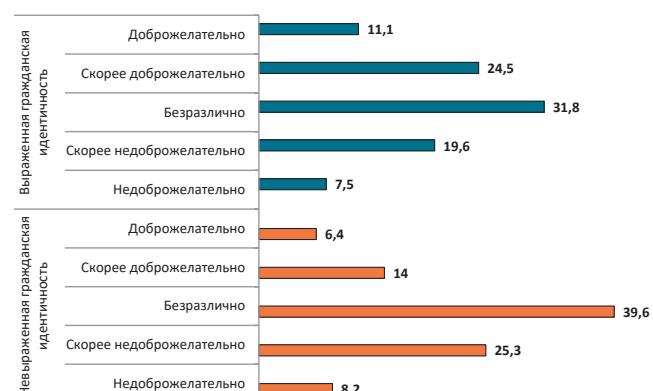

Рис. 1. Обобщенное отношение к мигрантам респондентов в зависимости от выраженной гражданской идентичности (без учета затруднившихся ответить), %

В целом данные позволяют предполагать, что выраженность гражданской идентичности влечет за собой скорее доброжелательное отношение к мигрантам при отсутствии однозначно до-

минирующей тенденции. У группы с невыраженной гражданской идентичностью наблюдается в значительной степени безразличное отношение к мигрантам при несколько большем уровне недоброжелательного отношения (рис. 2). Таким образом, гражданская идентичность, которая связана с чувством общности по отношению к гражданам России, и, стало быть, высоким уровнем отличия по признаку гражданства «своих» и «чужих», не влечет однозначно негативного отношения к иностранным мигрантам. Невыраженность гражданской идентичности влечет с большой вероятностью безразличное отношение и некоторый крен в сторону негативизма.

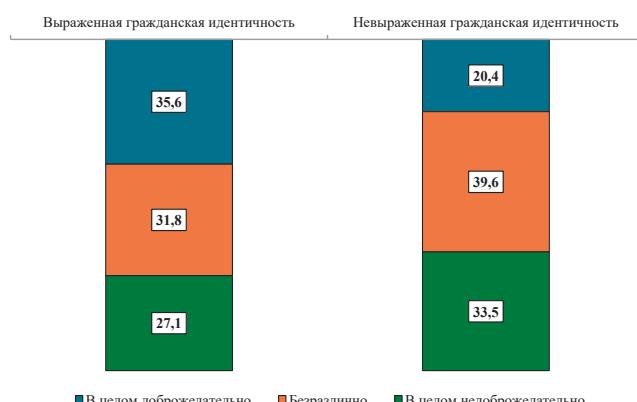

Рис. 2. Укрупненные оценки обобщенного отношения к мигрантам по выраженному гражданской идентичности (без учета затруднившихся ответить), %

Итак, распределения ответов двух рассматриваемых групп демонстрируют в некоторой степени противоречие явление. Выраженность гражданской идентичности представителей принимающего сообщества не влечет однозначно негативного отношения к «чужим» (гражданам других государств, приехавших в Россию). Из этого можно предположить, что выраженность гражданской идентичности в Ростовской области не влечет сильного влияния механизма определения «своих»/«чужих». Отсутствие однозначной тенденции в отношении к мигрантам может говорить и о понимании неоднозначности мнений о влиянии пребывания иностранных мигрантов в России.

В то же время, группа с невыраженной гражданской идентичностью, у которой, казалось бы не должно наблюдаваться по признаку гражданства выраженного деления на «своих» и «чужих», демонстрирует не благожелательность, а безразличие. Хотя отсутствие источника для жесткого деления по признаку гражданства должно было бы стать фактором для благожелательного отношения к иностранным мигрантам. Однако этого не наблюдается. Однако как при этом рассматриваемые группы оценивают последствия пребывания мигрантов в России?

В исходном вопросе в качестве вариантов ответа были перечислены последствия негативные

и позитивные. На основе выборов этих ответов были выделены группы выбирающих последствия миграции: только позитивные, только негативные, и негативные и позитивные. И здесь распределения ответов имеют обратный вид по сравнению с оценкой отношения к мигрантам. Респонденты группы с выраженной гражданской идентичностью демонстрируют тенденцию к взвешенной оценке последствий миграции, что выражается в том, что значительная часть их выбирала и позитивные, и негативные последствия пребывания мигрантов (более 40%). У группы с невыраженной гражданской идентичностью скорее наблюдается отсутствие преобладающей тенденции в оценках последствий миграции, так как ответы довольно равномерно распределяются между категориями последствий (рис. 3). Вместе с тем обе группы демонстрируют схожий уровень выбора только позитивных последствий.

Итак, у респондентов с выраженной гражданской идентичностью сочетается отсутствие доминирующей тенденции в оценке собственного отношения к мигрантам с тенденцией взвешенно оценивать последствия миграции, выделяя и позитивные и негативные моменты. У группы с невыраженной гражданской идентичностью наблюдается сочетание тенденции безразличного отношения к мигрантам с отсутствием доминирующей тенденции в оценках последствий миграции.

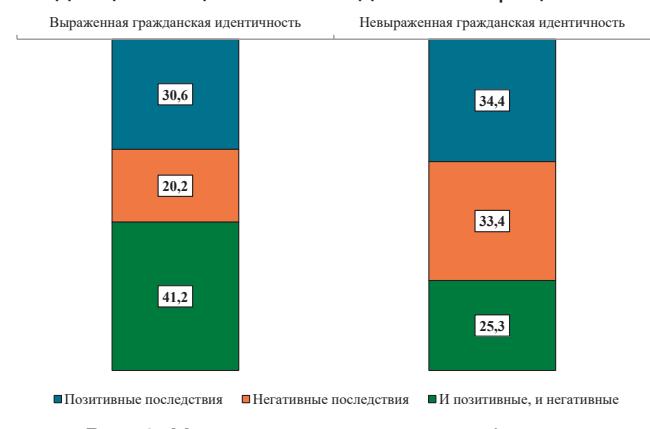

Рис. 3. Мнения о последствиях пребывания мигрантов в месте проживания респондентов по выраженному гражданской идентичности (без учета несодержательных ответов), %

В целом такие результаты позволяют полагать, что выраженность гражданской идентичности не влечет за собой однозначно негативного отношения к иностранным мигрантам. И значит, важность гражданской идентичности не влечет за собой последствий в виде жесткого разделения на «своих» и «чужих» и не мешает взвешенно оценивать последствия миграции. Невыраженная гражданская идентичность влечет безразличие к иностранным мигрантам, но не доброжелательность, которая, казалась бы, могла произойти из возможного на этом основании отсутствия жесткого разделения на «своих» и «чужих».

Допустимая близость конкретных групп мигрантов. Обобщенные оценки некой общности могут отличаться, если в ней выделить подкатегории. И здесь следует обратиться к оценкам того, насколько близко могли бы видеть респонденты представителей той или иной группы мигрантов (регион / страна происхождения). Как уже упоминалось, оценки, предполагающие непосредственное взаимодействие с иностранными мигрантами, суммировались, и такая категория получила название «конкретное присутствие». Остальные категории не менялись.

Схожие характеристики допустимой дистанции по отношению к иностранным мигрантам любых категорий наблюдаются в оценках абстрактного присутствия – среди жителей России. Для четырех из пяти категорий происхождения мигрантов не наблюдается значимой разницы между ответами рассматриваемых групп. Исключением являются мигранты из Китая: разница в пользу группы с выраженной гражданской идентичностью составляет более 5 процентных пунктов. Также имеется сходство при оценке мигрантов любого происхождения по варианту «временное пребывание на территории России». Процент выбиравших этот вариант ответа варьируется примерно от 20% до 25% для разных категорий мигрантов. В этом отношении можно констатировать наличие «согласованности» мнений определенной части респондентов в рассматриваемых группах.

Также наблюдается тенденция, согласно которой доля тех, кто затруднился с определением допустимой близости иностранных мигрантов, больше среди респондентов группы с невыраженной гражданской идентичностью. Наиболее существенной здесь является разница в оценке мигрантов из средней Азии (12,4% против 20,7%), Закавказья (12,8% против 18,9%) и Украины (13,5% против 20,1%). При оценке мигрантов из Китая и Юго-Восточной Азии разница уже несколько сглаживается: в первом случае 12,5% против 16,2%, во втором случае 16,3% против 19% (рис. 5). То есть у группы с выраженной гражданской идентичностью уровень затруднившихся ответить увеличился только при оценке мигрантов из Юго-Восточной Азии. В целом, такая разница может быть следствием того, что у группы с невыраженностью гражданской идентичности широко распространено безразличие к мигрантам на уровне обобщенной оценки.

Ключевым отличием оценок социальной дистанции по отношению к группам иностранных мигрантов является разница в уровне допущения их присутствия, предполагающего непосредственное взаимодействие. Респонденты с выраженной гражданской идентичностью больше допускали такое присутствие, нежели респонденты с невыраженной гражданской идентичностью. Эта разница начинается от 5 и может превышать 10 процентных пунктов.

Максимальная разница здесь наблюдается при оценке мигрантов из Закавказья. 33,9% респондентов с выраженной гражданской идентичностью допускают непосредственное взаимодействие с этими мигрантами, в то время как из противоположной группы – 21,5%. Также значительная разница в оценке дистанции наблюдается по отношению к мигрантам из Украины – 34,3% против 25,7% (8,6 п.п.), мигрантам из Китая – 30,7% против 22,7% (8 п.п.). При оценке допустимой близости по отношению к оставшимся двум группам мигрантов разрыв сокращается: из Юго-Восточной Азии 24,2% против 17,4% (6,8 п.п.) из Средней Азии 23,2% против 17,5% (5,7 п.п.) (рис. 5).

Итак, можно полагать, что респонденты с выраженной гражданской идентичностью более расположены к непосредственному взаимодействию со всеми группами мигрантов, нежели респонденты из противоположной группы. Таким образом, в целом наблюдается согласованность обобщенных оценок отношения к мигрантам и оценок допустимой близости по отношению к конкретным группам мигрантов. Но действительно ли здесь сказывается выраженная гражданская идентичность? Для некоторого прояснения этого вопроса можно обратиться к объектам, по отношению к которым респонденты и оценивали допустимую для них близость (рис. 4).

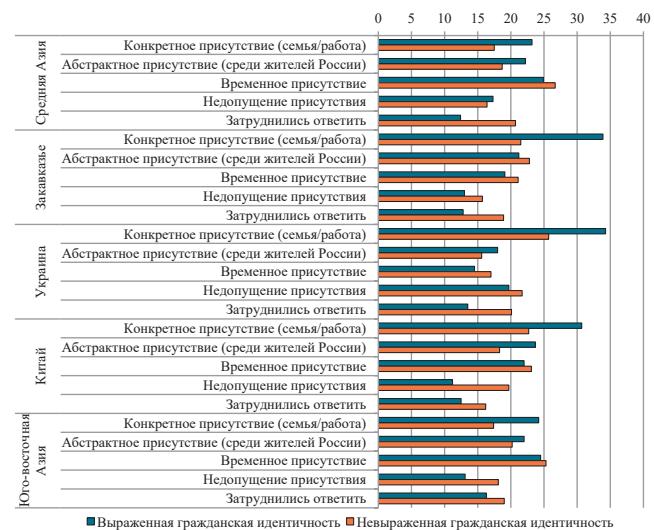

Рис. 4. Допустимая близость по отношению к различным категориям мигрантов в зависимости от выраженности гражданской идентичности (без учета несодержательных ответов), %

Примечательно, что мигранты из Закавказья являются обычным явлением для Ростовской области, в которой существуют общины армян и азербайджанцев и которые постоянно подпитываются новыми членами. То есть жители Ростовской области довольно регулярно контактируют с представителями Закавказья. Казалось бы, на этом основании не должно наблюдаться разницы в оценках допустимой близости между двумя группами респон-

дентов. С другой стороны, мигранты из Украины, которые в культурном отношении довольно близки и также не были редкими мигрантами в Ростовскую область. То есть при оценке этих мигрантов должны оказывать влияние и обыденность и культурная близость. Однако при одинаковых характеристиках мигрантов все равно наблюдается существенная разница в оценках допустимой близости рассматриваемых групп. Мигранты из Китая – культурная дистанция высокая, не являются обычными мигрантами в регионе. Но разница в допустимости непосредственного взаимодействия между группами респондентов значительная, в пользу респондентов с выраженной гражданской идентичностью.

Это, таким образом, позволяет полагать, что важность гражданства России для определения собственной идентичности оказывает влияние на отношение к иностранным мигрантам и уровень допустимости непосредственного взаимодействия с мигрантами. То есть, с большой вероятностью вытекающее из выраженности гражданской идентичности разделение на «своих» и «чужих» не влияет на принятие и допустимую близость. Тогда как невыраженность гражданской идентичности напротив, влечет снижение уровня допущения непосредственного взаимодействия.

При этом уровень недопущения присутствия в стране иностранных мигрантов не обладает существенными различиями у этих двух групп. Максимальный разрыв наблюдается при оценке дистанции мигрантов из Китая: 11,2% респондентов с выраженной гражданской идентичностью, 19,7% респондентов из противоположной группы. При этом уровень позиции недопущения той или иной категории мигрантов в Россию у респондентов с выраженной гражданской идентичностью сильно варьируется по разным группам мигрантов. При этом только в двух случаях эти показатели находятся на примерно одинаковом уровне у рассматриваемых групп. При оценке допустимой близости по отношению к мигрантам из Средней Азии (17,3% и 16,4% соответственно) и мигрантам из Украины (19,7% и 21,7% соответственно) (рис. 4). Во всех остальных случаях уровень неприятия у группы с выраженной гражданской идентичностью ниже, чем у группы, для которой гражданская идентичность не является важной. Таким образом, и показатель неприятия присутствия мигрантов разного происхождения в России позволяет говорить в пользу того, что выраженность гражданской идентичности у жителей Ростовской области скорее влечет за собой возможность принятия иностранных мигрантов, нежели их отторжения.

Заключение

Рассмотрение того, как респонденты двух групп – с выраженной гражданской идентичностью и невыраженной гражданской идентичностью – от-

носятся к иностранным мигрантам, позволяет сделать следующие выводы:

- обобщенное отношение к абстрактным иностранным мигрантам у группы с выраженной гражданской идентичностью имеет вид отсутствия доминирующей тенденции, хотя и с некоторым уклоном в доброжелательное отношение. У группы с невыраженной гражданской идентичностью наблюдается тенденция к безразличному отношению к мигрантам;
- в выборе последствий пребывания мигрантов группа с выраженной гражданской идентичностью демонстрирует тенденцию к взвешенной оценке, выбирая и позитивные, и негативные последствия. У группы с невыраженной гражданской идентичностью наблюдается отсутствие тенденции мнений по поводу последствий миграции;
- оценка респондентами двух групп допустимой близости по отношению к различным группам иностранных мигрантов показала, что респонденты с выраженной гражданской идентичностью больше расположены к непосредственному взаимодействию с мигрантами и меньше не допускают их присутствие в России. У группы с невыраженной гражданской идентичностью уровень допущения конкретного присутствия существенно ниже, а уровень недопущения – выше;
- в целом данные позволяют полагать, что выраженность гражданской идентичности у жителей Ростовской области не способствует формированию социальной дистанции высокого уровня по отношению к иностранным мигрантам. Следовательно, характерный для выраженной идентичности механизм различия «своих» и «чужих» в случае гражданской идентичности не имеет серьезного влияния на уровень социальной дистанции. Таким образом, эмпирические данные позволяют полагать, что формирование гражданской идентичности у жителей Ростовской области не повлечет за собой роста боязни «чужаков».

Литература

1. Бабаева М.В. Адаптационный процесс и социальная дистанция трудовых мигрантов в принимающем сообществе / М.В. Бабаева, В.В. Константинов // Человеческий капитал. 2021. № 3(147). С. 81–87.
2. Вавилина Н.Д. Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса / Н.Д. Вавилина, Ю.М. Шпигунова // Регион: Экономика и Социология. 2024. № 3(123). С. 75–97.
3. Козлов В.Е. Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан: «чужой», «другой», «терпимый» /

- В.Е. Козлов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2(69). С. 200–207.
4. Константинов В.В. Отношение принимающего населения к трудовым мигрантам: представления, взгляды, социальная дистанция / В.В. Константинов, Р.В. Осин // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1, № 2. С. 152–163.
 5. Левичева В.Ф. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» / В.Ф. Левичева, С.Л. Диманс // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2023. № 2. С. 73–83.
 6. Мукомель В.И. Перспективы демографического развития России: региональный аспект / В.И. Мукомель // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: Материалы форума. – Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая полиграфия», 2021. С. 55–57.
 7. Потемкин В.К. Особенности отношения принимающего населения Санкт-Петербурга к мигрантам / В.К. Потемкин, И.О. Федорова // Социология и право. 2020. № 4(50). С. 16–24.
 8. Семенец Е.В. Государственная политика идентичности РФ на современном этапе: нормативный аспект / Е.В. Семенец // Политическая наука. 2024. № 4. С. 309–333.
 9. Чернов А.Ю. Социальная дистанция, характерная для мусульман-мигрантов по отношению к представителям принимающей стороны региона нижнего Поволжья / А.Ю. Чернов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 7. С. 52–58.

CIVIL IDENTITY AND THE DEGREE OF ACCEPTANCE OF FOREIGN MIGRANTS (BASED ON A MASS SURVEY IN THE ROSTOV REGION)

Panteleev V.G., Shevchenko O.M.

South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University

This article examines the relationship between the severity of civic identity and the degree of acceptance of foreign migrants using

the example of the Rostov region. The research data show that the group of respondents with a pronounced civic identity is not inclined to unambiguously relate to foreign migrants, there is a certain bias towards «friendly» assessments. Respondents with an unexpressed civic identity tend to be treated with indifference. At the same time, respondents with a pronounced civic identity tend to make a balanced assessment of the impact of migrants' stay, highlighting both positive and negative consequences. The opinion of respondents with an unexpressed civic identity regarding the influence of migrants is divided, without a central trend. Estimates of social distance in relation to groups of migrants based on their origin are more likely to be consistent with generalized attitudes towards foreign migrants. In general, the expression of civic identity rather does not affect the increase in the distance between the host community and foreign migrants.

Keywords: civil identity, national identity, national identity, «friend / foe»; social distance, migration, migrants, host community, Rostov region.

References

1. Babaeva, M.V., Konstantinov V.V. Adaptation process and social distance of labor migrants in the receiving community // Human capital. 2021. № 3(147). Pp. 81–87.
2. Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. Social distancing as a process of social interaction in a metropolis // Region: Economics and Sociology. 2024. № 3(123). Pp. 75–97.
3. Kozlov V.E. Cultural distance and the image of a migrant among the Russian population of Tatarstan: “foreign”, “different”, “tolerable” // Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography. 2025. № 2(69). Pp. 200–207.
4. Konstantinov V.V., Osin R.V. Attitude of the host population to labor migrants: perceptions, views, social distance // Nizhny Novgorod Psychological Almanac. 2020. № 1(2). Pp. 152–163.
5. Levicheva V.F., Dimans S.L. Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe // RSUH/RGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies. 2023. № 2. Pp. 73–83.
6. Mukomel V.I. Prospects for demographic development of Russia: regional aspect / V.I. Mukomel // International demographic forum “Demography and global challenges”: Forum materials. – Voronezh: Limited Liability Company “Digital printing”, 2021. Pp. 55–57.
7. Potemkin V.K., Fedorova I.O. Peculiarities of the Attitude of the Host Population of St. Petersburg to Migrants // Sociology and Law. 2020. № 4(50): Pp. 16–24.
8. Semenets E.V. The contemporary Russian state identity policy: normative aspect. Political Science. 2024. № 4. Pp. 309–333.
9. Chernov A. Yu. Social distance characteristic of muslim migrants in relation to the representatives of the receiving side of the lower Volga region // Modern Science: actual problems of theory and practice, a Series of «Cognition». 2021. № 7. Pp. 52–58.

Связи с общественностью в органах внутренних дел: история и современность

Храмова Маргарита Вениаминовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России

E-mail: akademmoskva@yandex.ru

Актуальность: необходимость раскрыть важную роль связей с общественностью в органах внутренних дел в современный период, на этапе, когда Российская Федерация находится в сложных социально-политических условиях. **Постановка проблемы:** на протяжении советского и постсоветского периода система связей с общественностью играла ключевую роль в государственном управлении страны. Работа по изучению положительного и негативного опыта, проведенная отечественными исследователями, повлияла на управленческие решения государственных деятелей предпринять меры к реформированию. Однако в период проведения СВО выросла общая социальная напряженность в стране, что может оказывать негативное влияние на государственную систему связей с общественностью. Решением проблемы может быть использование положительного опыта связей с общественностью в органах внутренних дел и применение новых технологий. **Цель исследования:** обобщение положительного опыта в органах внутренних дел и определение возможностей его использования в современных условиях. **Методы:** анализ научных источников, контент-анализ литературы, синтез.

Выводы: при проектировании работы связей с общественностью в органах внутренних дел необходимо наряду с применением новых технологий учитывать опыт прошлых лет.

Ключевые слова: общественные связи, сотрудники органов внутренних дел, открытость и публичность, доверие граждан, противостояние негативному воздействию, социально-политические условия, новые технологии, взаимодействие с институтами гражданского общества, положительный опыт.

В настоящий период в государственном управлении Российской Федерации возросла роль подразделений по связям с общественностью.

Обусловлено это как политическими, так и социально-экономическими факторами. Проведение специальной военной операции потребовало активности от органов государственной власти в вопросе доставления достоверной информации к различным целевым аудиториям.

В истории нашего государства уже был положительный опыт информирования населения о важных политических, экономических, социальных событиях. Примером может служить информационная пропаганда в годы Великой Отечественной войны. Печатные издания и сводки от Советского информбюро, передаваемые Левитаном Ю.Б., являлись важнейшим связующим звеном органов госвласти и граждан в сложный период страны. Достоверная информация формировала чувство единения советских граждан, позволяла сохранять уверенность в скорой Победе и уважение к руководству Советского государства.

Если рассматривать деятельность общественных связей в органах внутренних дел в послевоенный период, то необходимо отметить положительную роль ведомственных средств массовой информации. Журналы и газеты МВД СССР содержали не только специальную профессиональную информацию, но в прямом смысле воспитывали сотрудников милиции, развивая духовно-нравственные качества стражей порядка. Отметим, что печатная ведомственная продукция выходила огромными тиражами и распространялась не только среди сотрудников. Простые граждане тоже имели доступ к экземплярам. Уже в тот период применялся такой метод, как обратная связь. Граждане направляли письма в редакцию и получали ответы.

Более того, Министр внутренних дел СССР Щелоков Н.А. был инициатором и консультантом таких телевизионных фильмов, как «Рожденная революцией», «И снова Анискин», «Следствие ведут Знатоки», которые оказывали положительное влияние на многомиллионную аудиторию нашей страны [1].

История помнит и отрицательные факты, когда в последнее десятилетие двадцатого столетия начали развиваться частные печатные издания, радио и телеканалы. С целью завоевания аудитории руководители медиа продвигали инфор-

мацию, которая несла в своем большинстве отрицательное воздействие: рекламу табачных изделий, алкогольных напитков, пропаганду гламурной жизни. И все это в период социальных проблем, обусловленных переходом на новые рыночные отношения, закрытием сотен предприятий и заводов, масштабной безработицей. Кроме того, это еще и в период проведения военных действий в Северо-Кавказском регионе страны. Совершенно логично, что наступил момент, когда недоверие граждан к органам государственной власти достигло своего критического предела.

В двадцать первом веке происходят изменения в государственной системе связей с общественностью. Исследователи отмечают переход от простого информирования к диалогу, который стал возможным благодаря рождению абсолютно нового публичного пространства – Интернета. В своем исследовании Намруева Э.В. и Лашенов М.С. резюмируют, что «эффективное коммуникативное воздействие органов власти с гражданами по решению социально значимых вопросов является важнейшим признаком современного демократического государства» [2].

Реформа в сфере госуправления, изменившая вектор взаимодействия с институтами гражданского общества, повлияла и на активность деятельности по связям с общественностью в органах внутренних дел. В этот период проводится ряд мер по изучению новых технологий взаимодействия милиции с гражданским обществом.

В 2011 году вступил в силу Федеральный закон «О полиции» [3], основными принципами деятельности силового ведомства которого стали открытость и публичность. В связи с этим была проведена работа по совершенствованию организации взаимодействия с общественностью.

Новые формы и методы становятся главным инструментом в сфере интернет-коммуникаций. Начинают функционировать ведомственные интернет-сайты, на которых размещается достоверная и полезная информация о деятельности полиции. Кроме этого, создаются официальные аккаунты в социальных сетях. Вводится должность официального представителя ведомства, что позволяет в случаях резонансного характера оперативно реагировать в медиапространстве.

В структуру современного ведомства входит Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества (далее – УОС МВД России), одним из главных направлений функционирования которого является информационное сопровождение деятельности Министерства.

Представляет научный интерес история подразделений, которые, используя опыт таких стран, как Англия, впоследствии эффективно внедрили основные принципы у нас. В чем же состоял секрет наших иностранных коллег? Оказывается, что еще в начале XIX века руководитель лондон-

ской полиции Роберт Пил разработал и обнародовал принципы работы департаментов с общественностью.

Так, по мнению главы английской полиции, стратегически было важно понять и соблюдать истину, которая заключается в следующем: «Каждый сотрудник полиции должен помнить, что его долг состоит в защите и оказании помощи гражданам не меньше, чем в поимке преступников» [4]. Таким образом, по мнению сэра Роберта Пила, проявляя энергию в предотвращении преступлений и в поимке преступников, полицейский осознанно обязан избрать позицию слуги и защитника общественности и общаться со всеми законопослушными гражданами, независимо от их социального положения, с неизменным терпением, вежливостью и хорошим настроением.

Кроме того, автор Инструкции считал целесообразным проявлять тактичность и выбор примирительных методов. Только такое поведение будет способствовать у граждан соблюдения даваемых им указаний.

Резюмируя, Роберт Пил, отмечал, «кто именно таким образом использует свою власть, лучше выполняет функции полицейского, чем его коллега, слишком полагающийся на силу, а поэтому рискующий столкнуться с сопротивлением и рано или поздно потерпеть поражение» [4].

На наш взгляд, нельзя не согласиться с таким мнением. На протяжении многих десятков лет соблюдение гуманных принципов остаются актуальными.

Приняв гуманистические принципы и цель деятельности за основу, в российской полиции XIX века, в 1804 году, появляется первое печатное ведомственное СМИ: «Санкт-Петербургский журнал», пропагандирующий политику имперской России в сфере правоохранительной деятельности. История показывает, что в дальнейшем развитии связи с общественностью будут продолжать развиваться на принципе человеколюбия.

Кроме информационного сопровождения деятельности ведомства, в функционал современного УОС МВД России входит поддержание партнерских отношений с Общественным советом при МВД России [4]. В настоящее время при каждом территориальном органе внутренних также действуют Общественные советы.

Членами общественных советов являются деятели образования, культуры и искусства, представители общественных организаций, ветераны органов внутренних дел и боевых действий. Активная работа Общественных советов способствует укреплению доверия российских граждан к деятельности полиции.

Другое важнейшее направление УОС МВД – круглосуточный мониторинг средств массовой информации, включая их электронные версии, с целью выявления фактов размещения негативной,

недостоверной информации о деятельности ведомства.

Исследования показали, что сотрудники органов внутренних дел постоянно подвергаются информационным угрозам, исходящих из сети Интернет [5], [6], [7]. Сейчас, в период негативного отношения к России со стороны коллективного Запада, это становится особенно актуальным.

В ходе исследования нами было установлено, что информационные угрозы и риски для профессиональной репутации сотрудников полиции существовали с появлением первых российских печатных изданий. Не случайно в целях недопущения общественного резонанса был введен институт цензуры. Однако он функционировал до 1906 года. В этот период провозглашается свобода слова и печати, что обусловило широкомасштабное усиление критики государственных учреждений, особенно МВД, в средствах массовой информации.

Глава Совета министров 1905–1906 гг. Витте С.Ю., проанализировавший ситуацию с повсеместной дискредитацией полиции, отмечал, что «этим газетам... выгодно было быть левыми, ибо этими левыми мыслями была поглощена вся читающая Россия» [4]. В защиту служащих полиции в августе 1906 года в «Правительственном вестнике» была размещена статья, в которой выражалась позиция правительства, а именно: «в обществе выработался особый неправильный взгляд на функции органов полиции, доходящий до антагонизма и полного презрения полиции» [4].

В настоящее время большая работа проводится сотрудниками УОС МВД России по созданию положительного образа сотрудников полиции. Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел принимают активное участие в специальной военной операции. Но героические поступки совершают и те стражи порядка, которые обеспечивают безопасность, заступая на службу ежедневно в городах и поселках страны. Материалы о них размещаются на официальном сайте МВД России [4].

Кроме того, стало доброй традицией проведение и освещение таких всероссийских акций, как «Зарядка со стражем порядка», «Полицейский Дед Мороз», «Безопасный Интернет детям» и т.д.

Сегодня связи с общественностью ведомства – это особая функция управления, главной целью которой является интерактив с общественностью, которая, по словам исследователей, «...помогает руководству органов внутренних дел быть информированными об общественном мнении и вовремя реагировать на него» [8].

В рамках нашей работы мы постарались обобщить положительный опыт в органах внутренних дел в контексте связей с общественностью. Думаем, что в нынешних реалиях при проектировании работы в будущем необходимо наряду с применением новых технологий учитывать опыт прошлых лет.

Литература

- Храмова, М.В. Воспитание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании: дис. ...канд. пед. наук. – Москва, 2022.
- Намруева, Э.В. Связи с общественностью в современном государственном управлении России: учебное пособие / Э.В. Намруева, М.С. Лашёнов. – Волгоград: ИП Черняева, 2025. – 112 с.
- О полиции: Федер. закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
- История УОС <https://мвд.рф/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.12.2025).
- Буданов А.В. Педагогические основы обеспечения личной безопасности безопасности сотрудников органов внутренних дел: автореферат дисс. на соиск. уч. степ.д.п.н. по научной специальности 13.00.01 общая педагогика, история педагогики и образования. – М.: Академия МВД России, 1997.
- Программа действий сотрудника ОВД по обеспечению личной профессиональной безопасности. М.: Академия России, 1996. – 1,4 п.л. (в соавторстве).
- Байков, Д.М. Формирование профессионально-личностной готовности сотрудников органов внутренних дел к противодействию информационным угрозам в сети Интернет: автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Москва, 2019.
- Кокорев В.Ю., Васильев Д.В. Связи с общественностью в органах внутренних дел: курс лекций. М., 2018. С. 19.

PUBLIC RELATIONS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: HISTORY AND MODERNITY

Khramova M.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Relevance: the need to reveal the important role of public relations in the internal affairs bodies in the modern period, when the Russian Federation is in difficult socio-political conditions. *Problem statement:* Throughout the Soviet and post-Soviet periods, the public relations system played a key role in the country's public administration. The work conducted by domestic researchers to study positive and negative experiences has influenced the management decisions of government officials to take measures for reform. However, during the period of the special military operation, there has been an increase in overall social tension in the country, which may have a negative impact on the public relations system. The solution to this problem may be to utilize the positive experiences of public relations in the internal affairs agencies and apply new technologies. The purpose of the study is to summarize positive experience in the internal affairs bodies and determine the possibilities of using it in modern conditions. *Methods:* analysis of scientific sources, content analysis of literature, and synthesis.

Conclusions: when designing public relations work in the internal affairs bodies, it is necessary to take into account the experience of previous years, along with the use of new technologies.

Keywords: public relations, internal affairs officers, openness and publicity, citizens' trust, resistance to negative influence, socio-

political conditions, new technologies, interaction with civil society institutions, and positive experience.

References

1. Khramova, M.V. Education of Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation with the Use of Mass Media in Continuing Education: Dis. ...Cand. ped. sciences. – Moscow, 2022.
2. Namrueva, E.V. Public Relations in Modern Public Administration of Russia: Textbook / E.V. Namrueva, M.S. Lashchenov. – Volgograd: IP Chernyaeva, 2025. – 112 p.
3. About the police: Fed. law of February 7, 2011. № 3-FZ // SPS ConsultantPlus.
4. The history of the UOS <https://mvd.rf/> [Electronic resource] (accessed 01.12.2025).
5. Budanov A.V. Pedagogical foundations of ensuring personal safety of security of employees of internal affairs bodies: abstract of diss. for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences in the scientific specialty 13.00.01 General Pedagogy, History of Pedagogy and Education. – Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.
6. The Action Plan of an Officer of Internal Affairs to Ensure Personal Professional Safety. Moscow: Academy of Russia, 1996. – 1.4 p.l. (co-authored).
7. Baikov, D.M. Formation of professional and personal readiness of employees of internal affairs bodies to counter information threats on the Internet: author's abstract. ... Candidate of Pedagogical Sciences. – Moscow, 2019.
8. Kokorev V.Yu., Vasilyev D.V. Public Relations in Internal Affairs Bodies: A Course of Lectures. Moscow, 2018. P. 19.

Исследование миграции населения этнических меньшинств в северо-западных районах Китая в период Республики Китай

Ван Цзыжуй,

аспирант кафедры демографии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Статья посвящена анализу миграционных процессов среди национальных меньшинств на северо-западе Китая в период Республики Китай, с акцентом на влияние миграции на социально-экономическое и демографическое развитие регионов. В статье рассматриваются основные факторы миграции, такие как войны, природные бедствия и социально-экономические условия, а также их влияние на как на места отправления, так и на места назначения мигрантов. Особое внимание уделяется последствиям миграции для трудового потенциала, демографической структуры и экологической ситуации. Методология исследования основана на анализе исторических источников, статистических материалов, а также социальных и экологических трансформаций в регионах, затронутых миграционными процессами. В качестве эмпирической базы использованы документы и научные труды, посвящённые миграции населения в Синьцзяне, Ганьсу, Нинся и Цинхае. Проведённый анализ показал, что миграция, обладая рядом позитивных эффектов – развитием торговли, формированием новых экономических связей и обменом культурным опытом, – одновременно имела и негативные последствия. Массовый отток населения привёл к снижению производственного потенциала, ухудшению состояния здоровья оставшихся жителей и усилиению социальных противоречий. Эти процессы оказали долговременное влияние на демографическую структуру, социальную стабильность и экологическую обстановку исследуемых регионов.

Ключевые слова: миграция, национальные меньшинства, Синьцзян, Республика Китай, социально-экономическое развитие, демографические изменения, природные факторы, вооружённые конфликты, трудовые ресурсы, экологические последствия.

Введение

Миграция и движение населения означают перемещение людей, временно или постоянно меняющих место жительства, переходя через определенные границы. Районы Ганьсу, Нинся, Цинхай и Синьцзян на западной окраине Китая с древних времен были важными регионами с многоэтническим населением. В период Республики Китай здесь проживали хуэйцы, уйгуры, тибетцы, казахи, монголы и другие народы. Эти районы переходили от традиционного к современному обществу, и социальная ситуация была неспокойной, что привело к военной феодализации. Военные феодалы из армии Ма в Цинхе и Нинся делили территорию. В начале и середине периода Республики Китай в Синьцзяне правили военные феодалы, такие как Ян Цзэнсинь, Цзинь Шужэнь и Шэн Шицай, которые управляли по принципу «за Юймэньгуань только я один могу править». К концу этого периода управление Синьцзяном было разделено между провинциальным правительством и тремя районами. В Ганьсу власти переходили от северного правительства к Гоминьдану, армии Шанси и армии Ма. Таким образом, в течение этих 30 лет северо-запад Китая оставался в состоянии политической нестабильности, военных конфликтов, частых стихийных бедствий, разбойников и пограничного кризиса. В этот период частая миграция населения этнических меньшинств стала одним из признаков социальной нестабильности. В статье анализируются причины и последствия этого явления.

Причины миграции

Миграция этнических меньшинств в северо-западных районах Китая в период Республики Китай была вызвана множеством факторов. Экологическая уязвимость этих территорий, усугубленная ростом населения и чрезмерной эксплуатацией ресурсов, привела к частым природным катастрофам. С 1912 по 1949 год в Ганьсу, Нинся, Цинхе и Синьцзяне ежегодно происходили наводнения, засухи, землетрясения и эпидемии, что вынуждало местное население искать новые места для выживания. Например, в 1927 году засуха уничтожила посевы и пастбища в районах Линьтан и Сяхэ, заставив людей бежать в поисках пищи [1], [2], [3].

Помимо природных бедствий, причиной миграции стали войны и внутренние конфликты. В те-

чение всего периода Республики Китай северо-западные районы находились под властью военных феодалов, что часто приводило к насилию и беспорядкам. Войны между военными группировками и бандитизм создавали условия, при которых местные жители были вынуждены покидать свои дома. Например, «Сунь-Ма бунт» 1934 года привел к разрушению половины домов и полей в Нинся, что сделало людей беженцами [4].

В период Республики Китай в северо-западных районах усиливались классовые противоречия, что приводило к частым восстаниям и беспорядкам, число которых росло. Этнические меньшинства, участвовавшие в восстаниях, перемещались с повстанческими войсками и расселялись в разных регионах. Жители пострадавших от войн районов также были вынуждены бежать. В 1928 году во время восстания в Хэтуане армия Ма Чжуныня захватывала города на северо-западе, и люди бежали перед её приходом. В округе Дао (переименованном в Линься) погибло более 7000 человек, а 14 646 семей, или 68 284 человека, стали беженцами [5].

Классовые противоречия и феодальная эксплуатация стали одним из ключевых факторов, спровоцировавших миграционным процессам. Местные крестьяне, обременённые тяжёлыми налогами, принудительными работами и поборами, нередко оказывались в положении экономической зависимости. Стремление уйти от эксплуатации и найти более стабильные условия существования побуждало их покидать родные места. Так, в 1938 году в провинции Цинхай значительная часть доходов крестьян уходила на религиозные взносы и налоги, что приводило к разорению хозяйств и массовым переселениям (Ван Чжичжун, Вэй Лиин, Исследование социальной и экономической истории Северо-Западного Китая, изд-во Sanqin, 1992, с. 290; Ян Цзэнсинь, Указ о освобождении хассов от обязательных работ в уезде Тачэн и других хасских вождей, Дополнения к архивным документам, т. 14).

Наряду с экономическими причинами миграцию усиливало политическое давление. Принудительный набор в армию, подавление восстаний и произвол военных правителей создавали атмосферу страха и нестабильности. Нередко под видом военных операций власти осуществляли грабежи и конфискации имущества, что вынуждало население искать убежище в других регионах. Эти процессы особенно тяжело отражались на этнических меньшинствах, которым приходилось покидать родные территории в поисках безопасности и более мирных условий жизни (Комитет по составлению хроник провинции Цинхай, Исторические протоколы Цинхая, Народное издательство Цинхай, 1980, с. 105, 162).

Причины частых миграций населения меньшинств в северо-западных районах Китая в пери-

од Республики Китая многогранны. Помимо основных причин, в статье упомянуты и другие, такие как торговля, учеба и т.д., но их доля мала и они связаны с добровольной миграцией. Основные потоки мигрантов того времени были ненормальными и вызваны внешним давлением, что является предметом данного исследования.

Общая ситуация и особенности миграции

В период Республики миграция народов Северо-Западного Китая была вызвана комплексом причин, включая стихийные бедствия, военные конфликты и социальные потрясения. Ярким примером служит миграция казахского населения, которая проходила в нескольких направлениях. В начале XX века около 6000 казахов переселились из Центральной Азии в Илийский регион Синьцзяна, и в 1914 году те, кто не вернулся в Россию, получили китайское гражданство. После восстаний 1916 года в Китай прибыло около 300 тысяч беженцев, часть которых осела в Синьцзяне [10]. Внутри самого Синьцзяна также происходили значительные перемещения: в 1912 году казахи перебрались в Чжэньси после нападения Внешней Монголии, а в 1930-х годах они были вынуждены бежать из-за военных кампаний Ма Чжун Ина и последующих принудительных переселений. В 1947 году в ходе войны с бандой Усмана около 10 тысяч казахов были насильно перемещены в другие районы. Засуха и эпидемия 1944–1946 годов также спровоцировали массовый исход казахского населения [11]. Особую категорию миграции составляли перемещения из-за политических репрессий: в 1936–1939 годах 2327 казахских семей переселились в Ганьсу и другие регионы, а некоторые продолжили путь в Тибет, Индию и Пакистан. После стабилизации обстановки в 1947 году начался процесс возвращения, однако многие казахи остались в Ганьсу, Цинхае и Синьцзяне [12].

Миграция малых народов северо-запада в период Республики была тесно связана с природными катастрофами и человеческими бедствиями. Хотя не каждое стихийное бедствие или трагедия приводила к массовому переселению, можно уверенно утверждать, что с увеличением частоты катастроф росло и число беженцев, особенно в условиях крупных катаклизмов и войн, которые вызывали неконтролируемые волны бегства [13]. По неполным данным, только во время великой засухи 1928–1930 годов число беженцев от бедствий в провинции Ганьсу достигло 294 579 человек [14]. В этот же период произошли крупномасштабные восстания под руководством Ма Чжунына, вынудившие представителей разных этносов покидать свои дома. Десятки тысяч хуэйцев оказались в Синьцзяне, что привело к резкому увеличению их численности в регионе. В Цинхае, по признанию самого Ма Буфана, к 1946 году количество бежавших крестьян превысило 90 тысяч человек,

что составляло около 20% от общего сельского населения провинции [15].

Для миграции малых народов Северо-Запада в период Республики были характерны определенные особенности. Хуэйцы, особенно в Ганьсу, Нинся и Цинхе, отличались высокой мобильностью, обусловленной сложными природными условиями и торговой ориентацией, и часто мигрировали в поисках работы. В отличие от них, уйгуры и тибетцы, имевшие более стабильные условия, переселялись реже. Казахи, обладавшие свободной племенной структурой, мигрировали в больших масштабах по сравнению с тибетцами [16]. Миграция в основном происходила внутри региона, причем Синьцзян стал ключевым центром притяжения для переселенцев из Ганьсу, Нинся и Цинхая. В 1928–1930 годах многие хуэйцы перебрались в Синьцзян из-за засухи, а в 1937 году, после разгрома Ма Чжуньчина, многие из них остались там жить. С 1942 по 1949 год было переселено более 14 тысяч хуэйцев. Также наблюдалась миграция казахов и других меньшинств в Синьцзян, особенно в ответ на политические репрессии [17]. Основными причинами миграции были войны, природные бедствия и поиск лучшей жизни. В то время в Синьцзяне активно развивалась промышленность, что привлекало мигрантов: например, в 1944 году здесь работали более 148 тысяч человек, многие из которых принадлежали к малым народам. Торговля, служба в армии и участие в бандитских группах также становились важными направлениями миграции, особенно среди хуэйцев [18].

Социальное воздействие миграции

В период Республики Китай социально-экологическая ситуация на северо-западе привела к массовой миграции меньшинств, что глубоко повлияло на развитие регионов с этими народами. Нормальная миграция может способствовать разрушению региональных границ, снижению демографического давления, развитию мест назначения и обмену между регионами. Однако большая часть миграции на северо-западе была вызвана катаклизмами и войнами, что привело к значительным негативным последствиям.

Во-первых, миграция привела к значительному сокращению рабочей силы в местах отъезда, особенно среди молодежи и трудоспособного населения, что повлияло на социальное развитие. Исход трудоспособных людей вызвал заброшенность сельских земель и снижение урожайности. Например, в 1930 году в округе Линьце (Ганьсу) было сдано 1445 мешков зерна, а в 1934 году только 880, что на 565 мешков меньше. Это свидетельствует о заброшенении 5650-му пахотной земли за пять лет [19]. Массовая заброшенность пахотных земель привела к экономическому упадку

в местах отъезда, что серьезно повлияло на нормальное социальное и экономическое развитие этих регионов.

Во-вторых, для регионов, куда мигрируют народы, массовое поступление мигрантов изменяет этнический состав и увеличивает нагрузку на природные ресурсы (земли, пастбища, воду, полезные ископаемые и др.). Это вызывает конкуренцию между мигрантами и местными за ресурсы, что нередко приводит к культурным конфликтам. Если ситуацию не контролировать, это может привести к обострению социальных противоречий, как, например, в восстании в Хами в 1931 году, приведшем к массовым этническим расправам.

В-третьих, постоянное движение населения среди национальных меньшинств усиливало потоки беженцев, усугубляя социальные проблемы. Для безработных «служба в армии» становилась способом выживания, что приводило к массовому поступлению. Те, кто не мог попасть в армию, становились разбойниками. Независимо от способа выживания, они использовали насилие и грабежи, что еще больше увеличивало нестабильность среди меньшинств на северо-западе.

Массовая миграция среди национальных меньшинств снижает качество населения в местах отправления, так как основная масса мигрантов – это молодежь и трудоспособные люди, а остаются в основном пожилые и больные, что ослабляет производственные способности. Бедствия ухудшают питание и здоровье оставшихся, а миграция молодежи приводит к демографическому дисбалансу в местах назначения и отправления, что влияет на воспроизводство населения [20]. Кроме того, ухудшение здоровья и психического состояния людей во время миграции оказывается на качестве будущего поколения.

Заключение

В период Республики Китай миграционные процессы среди национальных меньшинств северо-западных регионов стали характерным явлением, сформировавшим одну из ключевых особенностей трансформации этнического общества в современном Китае. Под влиянием комплекса факторов представители различных народов регулярно перемещались между территориями, что отражало специфику их социальной организации.

Данные миграционные процессы оказали существенное воздействие на социально-экономическую структуру региона. С одной стороны, они способствовали экономическому развитию и культурному обмену, но с другой – миграция, вызванная военными конфликтами и природными катастрофами, порождала серьезные социальные и экологические проблемы. Массовое перемещение населения создавало значительную нагрузку на природные ресурсы, обостряло этнические

и социальные противоречия, приводило к демографическим изменениям и снижению качества жизни как в районах исхода, так и в местах нового поселения. Особого внимания заслуживает тот факт, что эти процессы не только трансформировали структуру населения, но и имели долгосрочные последствия для физического и психического здоровья мигрантов, что в свою очередь повлияло на состояние последующих поколений.

Литература

1. Линь Пэнся. Путешествие на Северо-Запад. Народное издательство Нинся, 2000, с. 36.
2. Ся Минфан. Стихийные бедствия и сельское общество во времена Китайской Республики, Издательство Zhonghua, 2000, с. 5.
3. Краеведение Тибетской автономной префектуры Ганьнань. Издательство этнических исследований «Хроники префектуры Ганьнань», 1999, с. 244.
4. Ван Цзяньпин. Воспоминания о четырех Ма северо-запада, атаковавших Сунь Далянь. Цитируется по Чэн Юнину: «Всеобщая история Нинся», Народное издательство Нинся, 1993, с. 122.
5. Комитет по составлению хроник округа Линься. Хроники округа Линься. Вестник Ланьчжоуского университета, 1995 г., с. 26.
6. Ван Чжичжун и Вэй Линин. Исследование социальной и экономической истории Северо-Западного Китая. Издательство Sanqin, 1992, с. 290.
7. Ян Цзэнсинь. «Указ о освобождении хассов от обязательных работ в уезде Тачэн и других хасских вождей» из «Дополнений к архивным документам» том 14.
8. Комитет по составлению хроник провинции Цинхай. Исторические протоколы Цинхая. Народное издательство Цинхай, 1980, с. 162.
9. Комитет по составлению хроник провинции Цинхай. Исторические протоколы Цинхая. Народное издательство Цинхай, 1980, с. 105.
10. Чжоу Чунцзин. Население Китая» (Синьцзян), Издательство финансово-экономической литературы Китая, 1990, с. 57.
11. Фэн Жуй. Исследование процесса развития казахской этнической группы. Этническое издательство, 2004, с. 141.
12. Цзян Чунлунь. Казахская история и культура, Синьцзянское народное издательство, 1998, с. 113–117.
13. Ся Минфан. Стихийные бедствия и сельское общество во времена Китайской Республики. с. 89.
14. Чжан Юи. Материалы по истории современного сельского хозяйства Китая (вторая серия 1912–1927), издательство Санълянь, 1957, с. 898.
15. Комитет по составлению хроник провинции Цинхай. Исторические протоколы Цинхая, с. 136.
16. Ху Госин. Происхождение этнических групп Ганьсу. Издательство «Этнические группы Ганьсу», 1991, с. 165.
17. Чжан Шаньюй. Введение в географию населения. издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 1999, с. 406.
18. Комитет по составлению местных хроник Чанцзи-Хуэйского автономного округа. Хроники Чанцзи-Хуэйского автономного округа. Народное издательство Синьцзяна. 2002, с. 218.
19. Чжан Юи. Материалы по истории современного сельского хозяйства Китая (вторая серия 1912–1927), с. 911.
20. Цюй С. Исследование текущей ситуации и проблем сотрудничества Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России на фоне «стратегии поворота на Восток» // Дискуссия. – 2024. – № 1(122). – С. 47–52.

A STUDY OF THE MIGRATION OF ETHNIC MINORITY POPULATIONS IN THE NORTH-WESTERN REGIONS OF CHINA DURING THE REPUBLIC OF CHINA

Wang Zirui

Lomonosov Moscow State University

This article analyzes migration processes among national minorities in northwestern China during the Republic of China, focusing on the impact of migration on the socio-economic and demographic development of the regions. The article examines the main factors of migration, such as wars, natural disasters, and socio-economic conditions, as well as their impact on both the sending and receiving places of migrants. Particular attention is paid to the consequences of migration for labor potential, demographic structure, and the environmental situation. The research methodology is based on the analysis of historical sources, statistical materials, and social and environmental transformations in the regions affected by migration processes. Documents and scholarly works devoted to population migration in Xinjiang, Gansu, Ningxia, and Qinghai serve as an empirical base. The analysis showed that migration, while having a number of positive effects – the development of trade, the formation of new economic ties, and the exchange of cultural experiences – also had negative consequences. The massive population outflow led to a decline in productive capacity, deteriorating health among the remaining residents, and intensifying social tensions. These processes had a long-term impact on the demographic structure, social stability, and environmental conditions of the studied regions.

Keywords: migration, ethnic minorities, Xinjiang, Republic of China, socioeconomic development, demographic changes, natural factors, armed conflicts, labor force, environmental impacts.

References

1. Lin Pengxia. Journey to the Northwest. Ningxia People's Publishing House, 2000, p. 36.
2. Xia Mingfang. Natural Disasters and Rural Society during the Republic of China, Zhonghua Publishing House, 2000, p. 5.
3. Local History of Gannan Tibetan Autonomous Prefecture. Gannan Prefectural Chronicle of Ethnic Studies Press, 1999, p. 244.
4. Wang Jianping. Memories of the Four Ma of the Northwest Who Attacked Sun Dianying. Quoted in Chen Yuning: General History of Ningxia, Ningxia People's Publishing House, 1993, p. 122.
5. Linxia County Records Committee. Linxia County Records. Lanzhou University Bulletin, 1995, p. 26.

6. Wang Zhizhong and Wei Liying. A Study of the Social and Economic History of Northwest China. Sanqin Publishing House, 1992, p. 290.
7. Yang Zengxin. «The Decree on Exempting the Hass from Compulsory Labor in Tacheng County and Other Hass Chieftains» from «Supplements to the Archival Documents», volume 14.
8. Qinghai Provincial Chronicle Compilation Committee. Historical Records of Qinghai. Qinghai People's Publishing House, 1980, p. 162.
9. Qinghai Provincial Chronicle Compilation Committee. Historical Records of Qinghai. Qinghai People's Publishing House, 1980, p. 105.
10. Zhou Chongjing. The Population of China (Xinjiang), China Financial and Economic Literature Publishing House, 1990, p. 57.
11. Feng Rui. A Study on the Development Process of the Kazakh Ethnic Group. Ethnic Publishing House, 2004, p. 141.
12. Jiang Chunlun. Kazakh History and Culture, Xinjiang People's Publishing House, 1998, Pp. 113–117.
13. Xia Mingfang. Natural Disasters and Rural Society during the Republic of China.p. 89.
14. Zhang Yuyi. Materials on the History of Modern Agriculture in China (Second Series 1912–1927), Sanlian Publishing House, 1957, p. 898.
15. Qinghai Provincial Chronicle Compilation Committee. Historical Records of Qinghai, p. 136.
16. Hu Guoxing. The Origin of Ethnic Groups in Gansu. Gansu Ethnic Groups Publishing House, 1991, p. 165.
17. Zhang Shanyu. Introduction to Population Geography. East China Normal University Press, 1999, p. 406.
18. The Local Chronicle Compilation Committee of the Changji Hui Autonomous Prefecture. Chronicles of the Changji Hui Autonomous Prefecture. Xinjiang People's Publishing House. 2002, p. 218.
19. Zhang Yuyi. Materials on the History of Modern Agriculture in China (Second Series 1912–1927), p. 911.
20. Qu S. A Study of the Current Situation and Problems of Cooperation between Northeast China and the Russian Far East Against the Background of the «Strategy of Turning to the East» // Discussion. – 2024. – № 1(122). – Pp. 47–52.

Система ценностей регионального социума

Вишнякова Наталья Анатольевна,

научный сотрудник отдела – социопарк «Регионология» ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»
E-mail: vishnyakova33390@mail.ru

Курмышкина Оксана Николаевна,

старший научный сотрудник отдела – социопарк «Регионология» ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»
E-mail: mad-oksana@yandex.ru

Маторкина Татьяна Геннадьевна,

научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», аспирант кафедры социологии и социальной работы МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: matorkinat@bk.ru

В статье представлена иерархическая система ценностей регионального социума, выстроенная на основе данных социологического опроса. Доминирующими ценностями являются здоровье и семья. В первую пятерку также входят материальный достаток, взаимопомощь и любовь. Для анализа ценностных установок населения Республики Мордовии применен факторный анализ методом главных компонент. В результате которого было выделено шесть факторов, которые описывают структуру ценностных ориентаций населения: демократические и индивидуалистические ценности, ценности социального благополучия, ценности гражданской идентичности и общественной активности, индивидуальные ценности, традиционные ценности, эмоциональные и альтруистические ценности. Факторный анализ показал важность традиционных ценностей. Выявленная структура представляет собой смешанную модель, где современность и традиционность дополняют друг друга.

Ключевые слова: система ценностей, ценностные ориентации, традиционные ценности, факторный анализ, региональный социум.

Введение

Ценности представляют собой элементы внутренней структуры личности, которые формируются и закрепляются в процессе социализации и адаптации [1]. Вопросы ценностей и нравственности были в центре внимания классической социологии.

Различные социологические исследования как общероссийские, так и региональные дают основания полагать, что в стране в конце XX века зарождалась новая система ценностей, в состав которой входят: свобода, индивидуализм, частная собственность, толерантность и др. Параллельно с ней, в обществе функционируют традиционные для России ценности: семья, патриотизм, коллективизм и др. Отсутствие единой аксиологической системы создает условия либо для конфликтного взаимодействия ценностей, либо для многоуровневости системы ценностей.

В научной литературе не существует жесткого разделения понятий «ценности» и «социальные ценности». Эти понятия являются во многом тождественными. Ценности формируются в процессе деятельности индивида в объективном мире.

Понятие «ценность» впервые применил в философии И. Кант, «сопоставляя представления о должном (ценностях и нормах) и о сущем (о том, что есть)» [2]. Как философскую категорию, а именно как «особое объективно-идеальное бытие» ее рассматривал Г. Лотце [3].

Изучением ценностей занимаются представители различных гуманитарных наук: философия, психология, социология, этнология. В результате этого в отечественной науке сложилось несколько подходов к определению понятия «ценности»: философский, социологический и психологический подходы. Первым на это обратил внимание В.П. Тугаринов, именно его работа стала тем «камнем преткновения», после которого выделились эти подходы [4].

Бесспорно, приоритет в определении понятия «ценности» принадлежит философии, в частности аксиологии. Философы полагают, что ценности – это объект, значимый для человека или группы лиц (М.С. Каган, В.В. Гречанко, Л.Н. Соловьев, А.М. Корнилов, О.Г. Дробницкий и др.). Категория ценность применима только по отношению к миру человека и общества, так как ценность без человека и вне человека не существует [5].

В работах психологов (Д.Н. Узнадзе, С.А. Рубенштейн, К. Роджера и др.) ценности рассматривались как атрибут какого-то объекта. В этом

смысле слово «ценность» оказывается синонимом таких понятий как смысл и значимость [6, с. 19]. По их мнению, ценность – это субъективное явление.

Представители социологического подхода рассматривают ценности в качестве мотиватора и фундамента деятельности индивида. Одним из первых ценности изучал Э. Дюркгейм, для него «ценности – коллективные представления, которые возникают на основе кооперации и солидарности людей» [7]. По мнению М. Вебера ценности «возникают в процессе отбора и организации, имеющем отношение к объективной науке» [8]. Он считал, что «мир ценностей – это одновременно плод коллективного и индивидуального творчества».

На важную роль ценностей, как структурных элементов поведения человека в любой ситуации, впервые обратили внимание У. Томас и Ф. Знанецкий [9]. Ценности как регулятор общественного поведения также рассматривал Т. Парсонс: ценность – это представление о желательном, являющееся поведенческой детерминантой [10].

К проблеме определения понятия «ценности» обращались и другие социологи: Н. Смелзер, П.А. Сорокин, Э. Гидденс. По мнению П.А. Сорокина, именно ценности служат фундаментом всякой культуры. Н. Смелзер полагал, что культура есть система ценностей [11]. С ним согласен А.Г. Здромыслов, который считал, что в широком смысле данная система – это внутренний стержень культуры, объединяющее звено всех отраслей духовного производства, всех форм общественного созидания [12]. Такой же подход к определению системы ценностей применяют Н.П. Лапин, В.В. Гаврилюк, Н.П. Трикоз, И.М. Чудинова, И. И Кравченко. Система ценностей – это потенциал эндогенного и экзогенного характера, то есть взаимосвязь внутреннего мироощущения человека и внешней окружающей среды [13].

Объединить философский, социологический и психологический подходы пытался Д.А. Леонтьев [5], который считал, что проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших для философии, социологии и психологии. Он пытался выработать общее, единое определение понятия «ценности», в котором нашли бы свое место разные его трактовки. Разделяют точку зрения Д.А. Леонтьева такие отечественные социологи как М.Б. Кунявский, В.Б. Морин и И.М. Попова.

Все эти подходы имеют право на существование, так как понятие «ценности» – это многогранное понятие и любая наука может сделать его предметом своего анализа. Философы, социологи и психологи не вступали в активное противодействие до середины 90-х гг. ХХ в. С появлением междисциплинарного подхода возникает научная борьба между философами и представителями

интегрального подхода. Это очень ярко заметно в статье Д.А. Леонтьева и Л.Н. Соловьева [5, 14].

Все подходы дают похожие определения понятию «социальные ценности», и между ними нет неприменимых противоречий. Понятие «ценности» тесно связано с потребностями, интересами и целями человека:

- потребности выступают основой жизнедеятельность человека, и становятся предпосылкой ценности;
- интересы формируются на базе возникших потребностей и выражают осознание потребности;
- цель выступает образом ценности и обладает ею.

Современная социология располагает широким спектром методик для исследования системы социальных установок населения. Российские исследователи часто обращаются к теориям М. Рокича, Г. Хоффстеде, Р. Инглхарта и Ш. Шварца для изучения ценностей и ценностных ориентаций. Самыми известными являются методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича (терминальные и инструментальные ценности) [15], теория универсальных человеческих ценностей Ш. Шварца [16], теории модернизации и трансформации ценностей Р. Инглхарта [17], теория культурных изменений Г. Хоффстеде [18]. Не смотря на такое разнообразие подходов, основная цель исследователей – это определение иерархии ценностей личности в аксиологической системе.

Таким образом, социальные ценности, разделяемые личностью, выступающие в качестве целей жизни называются ценностными ориентациями. Иными словами, ценностные ориентации – это целевое выражение социальной ценности. Ценности в системе выстраиваются в определенную иерархию, благодаря ей человек осознает, что его жизнь приобретает смысл.

Методы

С целью изучения ценностной системы населения Мордовии в 2024 г. проведен социологический опрос «Резервы гармонизации социальных отношений населения Мордовии»¹ по квотной выборке, где презентирующими признаками выступили место жительства (город, село), пол и возраст. Объем выборочной совокупности составил 1 000 чел.

Результаты и обсуждения

Иерархическая система ценностей предполагает, что есть высшие ценности, то есть те социальные ценности, которые разделяет большинство населения. В Мордовии доминирующими ценностями являются здоровье и семья [19]. В первую пятерку

¹ Исследование проведено ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга».

также входят материальный достаток, взаимопомощь и любовь. Среди основных ценностей большая часть – терминальные ценности (ценности–цели), определяющие ориентиры и приоритеты индивидов. И только взаимопомощь относится к категории инструментальных ценостей (ценности–средства), играющих роль в достижении других значимых целей и способствующих социальной интеграции.

Среди ценностей среднего уровня значимости выделяются любовь (35%), любимая работа (28%), патриотизм (26%), образование (24%) и социальная справедливость (23%). На низких уровнях аксиологической системы находятся те ценности, которые важны для меньшего числа респондентов:

свобода мысли и демократия (9%), религия (9%), принципиальность (5%), а также частная собственность и свобода предпринимательства (4%) [20].

С целью анализа ценностных установок населения Мордовии был произведен факторный анализ, в результате которого методом главных компонент было выделено шесть факторов (покрывающих 49,2% общей дисперсии) (табл. 1).

Эти факторы описывают структуру ценностных ориентаций населения регионального социума. Процедуре факторизации подверглись 18 переменных, в группы факторов попадали те альтернативы, значения факторных нагрузок которых оказались выше 0,45.

Таблица 1. Факторный анализ ценностей

Ценности	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Свобода мыслей, демократия	0,625					
Частная собственность, свобода предпринимательства	0,615					
Принципиальность	0,540					
Социальная справедливость		0,664				
Чистота природной среды		0,642				
Уважение окружающих		0,579				
Патриотизм			0,754			
Гражданская активность			0,522			
Образование			0,467			
Взаимопомощь			0,449			
Здоровье				0,723		
Материальный достаток				0,602		
Любимая работа				0,555		
Религия					0,650	
Спокойная размеренная жизнь					0,545	
Семья					0,479	
Любовь						0,755
Бескорыстие						0,481

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлося за 9 итераций.

Полученную факторную модель можно проинтерпретировать следующим образом. Первый фактор «Демократические и индивидуалистические ценности» объединяет ценности свободы мыслей и демократия, частная собственность и предпринимательство, а также принципиальность. Выбор этих ценностей, может свидетельствовать о том, что респонденты стремятся к личной независимости и гражданским правам, воспринимают общество как пространство возможностей, с главенствующими ролями личных качеств, инициативности и независимости.

Второй фактор «Ценности социального благополучия» образуют ценности социальной справедливости, уважения к окружающим и чистоты природной среды. Выбор переменных данной группы показывает значимость условий для благополучной жизни. Для человека важным является комфорт, который включает в себя социальную и экологическую составляющие. Жить на экологически чистой территории по принципам социальной справедливости и уважения является жизненным ориентиром общества.

В третью группу «Гражданская идентичность и общественная активность» вошли ценности: патриотизм, гражданская активность, образование и взаимопомощь. Данный факт может

свидетельствовать о вовлеченности населения в гражданскую и общественную жизнь, а также о наличии социальной солидарности в обществе. В региональном обществе сформировалась определенная активная гражданская позиция, основанная на патриотизме и взаимопомощи.

В четвертый фактор «Индивидуальные ценности» включены ценности здоровья, материального благополучия и любимой работы. Он показывает, что сам человек является главным условием собственного благополучия или выживания.

Пятый фактор объединяет традиционные ценности, связанные со стабильностью (спокойная размеренная жизнь), духовностью (религия) и приоритетом семейных отношений (семья). Выбор данных переменных свидетельствуют о прочности традиционных ценностей в сознании населения.

Шестой фактор объединяет эмоциональные и альтруистические ценности, и включает любовь и бескорыстие. Данный факт подчеркивает значимость межличностных связей, основанных на близости между людьми и эмоциональной поддержке, что может также служить основой для социальной солидарности.

Выводы

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о сложности и многоуровневости системы ценностей населения. Выявленная структура представляет собой смешанную модель, где современность и традиционность дополняют друг друга, где гражданские и демократические ценности тесно переплетены с традиционными и индивидуалистиками. В этом и заключается специфика ценностной системы регионального общества. В тоже время в системе ценностей населения всегда доминируют здоровье, семья и материальный достаток, которые в большей степени ориентированы на благополучие и выживание самого человека.

Литература

1. Социология: энцикл. / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин. Мн.: Кн. Дом, 2003. – 1312 с.
2. Столович Л. Н.И. Кант и проблема ценности // Кантовский сборник. – 2009. – № 2. – С. 20–31.
3. Калиева А.Т. Этнические ценности как объект социально-гуманитарного познания // Вестник ОГУ. – 2009. – № 7. – С. 167–171.
4. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Изд-во Ленинградского университета, 1960. – 154 с.
5. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.
6. Афанасьева И.Г. Социологические ценности и ценности ориентации личности. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 59 с.
7. Быков А.В. Концепция ценностей в социологии Э. Дюркгейма // Мониторинг. – 2009. – № 3 (91). – С. 213–220.
8. Вебера М. Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер: (перевод с немецкого М. Левиной). М.: Издательство АСТ, 2021. – 352 с.
9. Американская социологическая мысль: тексты / сост. Е.И. Кравченко; под редакцией В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 495 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
11. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. / Нейл Смелзер; Науч. ред. изд. на рус. яз. [и авт. предисл.] В.А. Ядов. М.: Феникс, 1994. – 687 с.
12. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
13. Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 3–16.
14. Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86–97.
15. Рокич М. Ценностные ориентации. СПб.: Питер, 2015. – 704 с.
16. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – № 2. – С. 43–70.
17. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
18. Модель Хоффстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Пер. с англ. В.Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – № 12. – С. 9–49.
19. Мотыкин, В.Н. Ценностные установки населения Республики Мордовия: Бюллетень научного центра социально-экономического мониторинга / В.Н. Мотыкин, Н.А. Вишнякова, О.Н. Курмышкина. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2025. – 30 с.
20. Республика Мордовия глазами социологов: научный справочник. – 2-е издание, переработанное и расширенное. – Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2024. – 480 с.

THE VALUE SYSTEM OF THE REGIONAL SOCIETY

Vishnyakova N.A., Kurmyshkina O.N., Matorkina T.G.

Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, N.P. Ogarev Mordovia State University

The article presents a hierarchical system of values of the regional society, based on the data of the sociological survey. The dominant values are health and family. The first five also include material prosperity, mutual assistance and love. Factor analysis by the method of the main components is applied to analyze the value attitudes of the population of the Republic of Mordovia. As a result, six factors were identified that describe the structure of the population's value orientations: democratic and individualistic values, values of social well-being, values of civic identity and social activity, individual values, traditional values, and emotional and altruistic values. The factor analysis revealed the importance of traditional values. The identified structure represents a mixed model where modernity and tradition complement each other.

Keywords: value system, value orientations, traditional values, factor analysis, regional society.

References

1. Sociology: Encyclopedia / compiled by A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin. Minsk: Kn. Dom, 2003. – 1312 p.
2. Stolovich L. N.I. Kant and the Problem of Value // Kantovsky sbornik [Kantovsky sbornik]. – 2009. – № 2. – Pp. 20–31.
3. Kalieva A.T. Ethnic Values as an Object of Social and Humanitarian Knowledge // OSU Bulletin. – 2009. – № 7. – Pp. 167–171.
4. Tugarikov V.P. On the Values of Life and Culture. Leningrad University Press, 1960. – 154 p.
5. Leontiev D.A. Value as an Interdisciplinary Concept: An Experience of Multidimensional Reconstruction // Voprosy filosofii. – 1996. – № 4. – P. 15–26.
6. Afanasyeva I.G. Sociological Values and Values of Personality Orientation. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1989. – 59 p.
7. Bykov A.V. The Concept of Values in E. Durkheim's Sociology // Monitoring. – 2009. – № 3 (91). – P. 213–220.
8. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Max Weber: (translated from German by M. Levina). Moscow: AST Publishing House, 2021. – 352 p.
9. American Sociological Thought: Texts / compiled by E.I. Kravchenko; Edited by V.I. Dobrenkov. Moscow: Moscow State University Press, 1994. – 495 p.
10. Parsons T. The System of Modern Societies / Translated from English by L.A. Sedov, A.D. Kovaleva. Edited by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect-Press, 1998. – 270 p.
11. Smelser N. Sociology: Translated from English by Neil Smelser; Scientific editor of the Russian edition [and author's foreword] V.A. Yadov. Moscow: Phoenix, 1994. – 687 p.
12. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. Moscow: Politizdat, 1986. – 223 p.
13. Kravchenko I.I. Political and Other Social Values / I.I. Kravchenko // Questions of Philosophy. – 2005. – № 2. – P. 3–16.
14. Stolovich L.N. On Universal Values // Questions of Philosophy. – 2004. – № 7. – P. 86–97.
15. Rokeach M. Value Orientations. St. Petersburg: Piter, 2015. – 704 p.
16. Schwartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. A Reefined Theory of Basic Individual Values: Application in Russia // Psychology. HSE Journal. – 2012. – № 2. – P. 43–70.
17. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: A Sequence of Human Development / R. Inglehart, K. Welzel. – Moscow: New Publishing House, 2011. – 464 p.
18. Hofstede's Model in Context: Parameters for Quantitative Characteristics of Cultures / Translated from English by V.B. Kashkina // Language, Communication, and Social Environment. – 2014. – № 12. – Pp. 9–49.
19. Motkin, V.N. Value Attitudes of the Population of the Republic of Mordovia: Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring / V.N. Motkin, N.A. Vishnyakova, O.N. Kurmyshkina. – Saransk: National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2025. – 30 p.
20. The Republic of Mordovia through the Eyes of Sociologists: Scientific Handbook. – 2nd edition, revised and expanded. – Saransk: Scientific Center for Social and Economic Monitoring, 2024. – 480 p.

Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования

Гнатюк Максим Александрович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры «Общеобразовательные дисциплины» ОриПС, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

Пыркова Мария Андреевна,

аспирант, Приволжский государственный университет путей сообщения

Фадеев Егор Иванович,

аспирант, Приволжский государственный университет путей сообщения

Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию отраслевой идентичности как самостоятельной социологической категории, отличной от профессиональной, корпоративной и организационной идентичностей. Отраслевая идентичность понимается как уровень групповой принадлежности, связывающий индивидуальный профессиональный выбор молодого человека с определенной отраслью экономики, ее институциональной структурой, нормами, ценностями и символическим порядком. В контексте поздней модерности, кризиса идентичности и кадрового дефицита в инфраструктурных отраслях (в частности, транспортной) показано, что опора только на категорию профессиональной идентичности приводит к методологическим слепым зонам: остаются неописанными случаи несоответствия между высокой профессиональной подготовленностью и слабой готовностью связывать себя с отраслью в долгосрочной перспективе. На основе анализа философских, психологических и социологических подходов к идентичности предлагается рабочее определение отраслевой идентичности студентов отраслевых вузов, описывается ее многокомпонентная структура (когнитивный, ценностно-смысловый, эмоциональный, поведенческий уровни) и динамика в образовательной траектории. Особое внимание уделяется институциональным источникам формирования отраслевой идентичности молодежи: семье и династийным сценариям, междисциплинарному конструированию образа отрасли, образовательной среде отраслевого университета. Обосновывается тезис о том, что без введения отраслевого уровня анализа социология профессиональной идентичности и исследований кадровой политики в отраслевых системах остается теоретически и эмпирически неполной.

Ключевые слова: отраслевая идентичность; профессиональная идентичность; молодежь; отраслевой вуз; отраслевое поле; институты социализации; кадровый дефицит.

Введение

В условиях усиливающейся неопределенности рынка труда, ускоренной технологической трансформации и нестабильности профессиональных траекторий вопрос об идентичности молодежи приобретает ключевое значение для социологии образования и труда. Отраслевые системы, прежде всего инфраструктурные – такие как транспорт, энергетика или медицина – сталкиваются с парадоксальной ситуацией: при формально достаточном количестве выпускников отраслевые организации фиксируют дефицит тех, кто готов связывать себя с отраслью в долгосрочной перспективе. Это указывает на то, что профессиональная подготовка не исчерпывает социальные механизмы, определяющие закрепляемость молодых специалистов, их лояльность и включенность в отраслевые сообщества.

Традиционная категория профессиональной идентичности позволяет описать отношение человека к своей профессии, но она недостаточно чувствительна к тем случаям, когда студент освоил профессиональные компетенции, однако не принимает отрасль как социальное поле и символический порядок, в котором предполагается строить карьеру. В отраслевых вузах эта ситуация проявляется систематически: молодые люди могут демонстрировать готовность работать по специальности, но при этом не связывать свое будущее с отраслью как целостной системой инфраструктуры, норм, миссий и групповых традиций.

В этой связи важным теоретическим и практическим шагом становится введение в научный оборот категории отраслевая идентичность – уровня групповой принадлежности, который располагается между профессиональной и корпоративной идентичностями и отражает самоотнесение молодого человека к определенной отрасли экономики, ее нормам, ценностям, истории и социальному значению. Такая перспектива позволяет по-новому взглянуть на процессы профессионального самоопределения студентов и выявить факторы, которые объясняют различия между формальной квалификацией и фактической готовностью оставаться в отрасли.

Цель статьи – теоретически обосновать отраслевую идентичность как самостоятельную социологическую категорию, определить ее границы по отношению к профессиональной идентичности, описать ее структуру и выделить ключевые инсти-

туциональные источники формирования у студентов отраслевых вузов.

Актуальность исследования определяется тем, что без социологически оформленного понятия отраслевой идентичности невозможно объяснить устойчивую динамику кадрового дефицита, разрыв между профессиональной подготовленностью и отраслевой вовлеченностью, а также вариативность траекторий самоопределения студентов в условиях реформирования профессионального образования.

Теоретико-методологический контекст анализа отраслевой идентичности

Постановка вопроса об отраслевой идентичности опирается на уже сложившееся междисциплинарное поле исследований идентичности. В философско-антропологической и социально-философской традиции идентичность рассматривается как способ удержания целостности субъекта в условиях социального изменения и культурной множественности: человек остается «тем же самым», постоянно изменяясь [1]. Психологическая концепция эго-идентичности Э. Эриксона и статусная модель Дж. Марсии задают развернутый язык описания того, как в юности и ранней взрослости происходят кризисы выбора, формируются и пересматриваются профессиональные и жизненные ориентации [2]. Для нас принципиально, что эти подходы фиксируют: идентичность не дана, а формируется; она всегда отнесена к конкретным сферам жизни (семейной, профессиональной, гражданской и др.) и может дифференцироваться на специфические подвиды, если за ними стоит устойчивое содержание и социальные практики.

Социологические концепции социальной и групповой идентичности Х. Таджфел, Дж. Тернер дополняют эту картину, смещая акцент на групповую принадлежность и структуру социальных миров. В логике теории социальной идентичности часть самовосприятия человека определяется принадлежностью к различным группам и эмоционально-ценостным отношениям к ним: от малых групп до профессиональных сообществ и отраслей. Идентичности иерархичны и контекстуальны: в одних ситуациях актуализируется профиль («я инженер»), в других – отрасль («я транспортник»), в третьих – конкретная организация («я сотрудник РЖД»). Это позволяет трактовать отрасль как специфический «социальный мир» со своими нормами, символами и карьерными траекториями, а отраслевую идентичность – как устойчивую форму групповой самоотнесенности.

Отечественные исследования профессиональной идентичности, профессионального самоопределения и профессиональной социализации молодежи (Л.Б. Шнейдер, Г.М. Андреева и др.) рассматривают профессиональную идентичность как

ключевой показатель становления субъекта труда, связывающий ценности, знания, мотивацию и поведение [3; 4]. На этом фоне предложена многоуровневая структура «я в труде», включающая личностный, профессиональный, организационный и корпоративный уровни. Уже в рамках этой схемы видно, что в реальной практике, особенно в отраслевых вузах, студенты довольно рано начинают мыслить себя не только через профессию или организацию, но и через отрасль в целом («я – железнодорожник», «я – человек моря», «я – энергетик»). Тем не менее, отраслевой уровень в большинстве работ описывается фрагментарно, без выделения в отдельную категорию.

Сочетание психологических и социологических подходов задает важную методологическую предпосылку: если идентичность формируется в пересечении конкретных сфер жизни и групповой принадлежности, а отрасль функционально и символически выступает устойчивым «социальному миром», то корректно говорить об отраслевой идентичности как о специфическом типе социальной и профессионально окрашенной идентичности, связанной с определенным отраслевым полем. Исследования профессиональной идентичности в профессиональном образовании при этом фактически фиксируют отраслевой уровень – через анализ корпоративной культуры, династийности, наставничества, проектной и патриотической работы в отраслевых вузах, – но описывают его преимущественно в терминах «профессиональной идентичности», что приводит к методологическому размытию отраслевого измерения [5]. Именно здесь возникает необходимость в концептуализации отраслевой идентичности как отдельной социологической категории: не как синонима профессиональной идентичности, а как мезоуровня между профессиональной и организационной, позволяющего описать, как молодой человек соотносит себя не только с профессией, но и с отраслевым полем в целом.

Отраслевая идентичность: границы и отличия от профессиональной

В классической традиции психологии и педагогики профессиональная идентичность описывается как ответ на вопрос «кто я как специалист?», включаящий представления о содержании профессии, ее нормах, ценности для общества и своем будущем в рамках выбранной деятельности. В социологической традиции профессиональная идентичность трактуется как интеграция когнитивных, ценностно-смысловых, эмоциональных и поведенческих компонентов отношения к профессии, складывающаяся в процессе профессионального обучения и труда. В логике этой схемы центр тяжести анализа приходится на профессиональную роль, набор компетен-

ций и принадлежность к профессиональному сообществу («я – инженер», «я – учитель», «я – врач»).

Однако для отраслевого университета, встроенного в конкретное отраслевое поле, понятия профессиональной идентичности оказывается недостаточно. Во-первых, оно слабо «видит» ситуации, когда студент осваивает профессию, но не готов связывать себя с отраслью в целом. В транспортном образовании такие случаи принципиальны: молодой человек может успешно учиться на инженера, но воспринимать транспортную сферу лишь как один из возможных рынков труда, не видя в ней специфического пространства смыслов и ответственности. Во-вторых, если ограничиваться только профессиональной идентичностью, методически смешиваются разные уровни принадлежности: к профессии, к отрасли, к организации. Это приводит к «слепым зонам» в анализе данных: не различаются студенты, которые критично относятся к конкретной специальности, но сохраняют устойчивую ориентацию на отрасль, и те, кто дистанцируется от отрасли как таковой [3]. В-третьих, на уровне практики такая редукция ограничивает управленческие решения: программы работы с молодежью концентрируются на выборе специальности и развитии компетенций, в то время как для отраслевого вуза стратегически важно формировать долгосрочную привязанность к отрасли как к сфере общественно значимого труда.

В этой связи вводится и обосновывается понятие отраслевая идентичность студента. В рабочем определении она описывается как совокупность представлений, ценностей, эмоциональных отношений и поведенческих стратегий, через которые обучающийся соотносит себя не только с будущей профессией, но и с определенной отраслью экономики, признает ее значимость, принимает ее нормы и видит свое личное будущее внутри этой отрасли. По сравнению с профессиональной идентичностью это определение намеренно «расшилено»: добавляется фокус на отрасли как макросреде (не просто «инженер», а «инженер путей сообщения», «инженер в транспортной отрасли»), подчеркивается общественная значимость отрасли (транспорт как «кровеносная система» экономики и условие территориальной целостности страны), акцентируется связь с долгосрочными жизненными планами – студент мыслит не только первую позицию, но и траекторию внутри отраслевого пространства (производство, управление, наука, предпринимательство на стыке с отраслью).

Содержательные различия между профессиональной и отраслевой идентичностью можно описать по ряду осей. Объект самоотнесения в первом случае – профессия и связанное с ней профессиональное сообщество, во втором – отрасль как целостное социально-экономическое поле: сеть организаций, инфраструктура, регуляторы, традиции, символические коды. Центральный во-

прос профессиональной идентичности – «кто я как специалист?», центральный вопрос отраслевой – «к какой сфере общественного дела я принадлежу и с какой отраслью связываю свою биографию?». На уровне ценностей профессиональная идентичность фокусируется на нормах конкретной профессии (компетентность, ответственность, профессиональная честь), тогда как отраслевая включает и оценку миссии отрасли: ее вклада в безопасность, развитие территорий, качество жизни населения. С точки зрения динамики профессиональная идентичность чаще всего привязана к выбору и смене профессии, тогда как отраслевая может сохраняться при переходах между профессиями и организациями внутри одной отрасли: человек перестает быть, например, эксплуатационником и становится управленцем или исследователем, но остается «человеком транспорта».

На материале транспортной отрасли эти различия проявляются особенно наглядно. В случае высокой профессиональной и низкой отраслевой идентичности студент описывает себя как будущего инженера-строителя, которому интересны технические задачи, но отрасль принципиального значения не имеет: он одинаково готов работать в гражданском, промышленном или транспортном строительстве. Здесь профессиональная идентичность сформирована, а отраслевая остается слабой: транспортный профиль воспринимается как частный вариант применения компетенций. В ситуации низкой профессиональной и высокой отраслевой идентичности студент, напротив, еще не определился с конкретной специальностью («инфраструктура, подвижной состав, управление движением»), но уже жестко связывает себя с железной дорогой: «главное, чтобы это была железная дорога, а внутри я найду свое место». Здесь отраслевой уровень задает рамку поиска профессии.

В случае согласованной профессиональной и отраслевой идентичности студент старших курсов формулирует: «Я – инженер по инфраструктуре, хочу работать в подразделениях, которые отвечают за развитие и модернизацию железнодорожной сети. Для меня важно, чтобы транспорт оставался надежным и безопасным». Здесь видна связь: конкретная профессиональная роль и ориентация на развитие именно данной отраслевой системы. Наконец, слабая и профессиональная, и отраслевая идентичность проявляется в самоописании: «Я поступил, потому что было удобно по баллам, пока не очень представляю ни профессию, ни то, хочу ли вообще в транспорт». В этом случае обе идентичности находятся в состоянии диффузии и требуют целенаправленной работы. Эти примеры демонстрируют, что профессиональная и отраслевая идентичность не сводятся друг к другу и могут сочетаться в разных конфигураци-

ях; без их разведения социологический анализ теряет важные нюансы, а педагогические интервенции оказываются недостаточно точными.

Таким образом, отраслевую идентичность целесообразно трактовать как мезоуровневую форму групповой идентичности, связывающую индивидуальный профессиональный выбор с отраслевым полем и позволяющую аналитически фиксировать, насколько молодой человек осознанно принимает отрасль как пространство своей будущей жизни и деятельности.

Структура и динамика отраслевой идентичности

Для того чтобы отраслевая идентичность могла стать объектом социологического анализа и диагностики, необходима ее структурная экспликация. Опираясь на концептуальный аппарат, отраслевую идентичность студентов целесообразно описывать как многокомпонентное образование, включающее, по крайней мере, четыре взаимосвязанных уровня: когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий.

Когнитивный компонент отражает степень осведомленности субъекта об отраслевом поле: структуре отрасли, ключевых институтах, типах профессиональных ролей, возможных траекториях движения и месте собственной подготовки в этой конфигурации.

Ценностно-смысловой компонент задает отношение к отрасли как к сфере общественно значимого труда. Он включает принятие или непринятие миссии отрасли, согласие с ее базовыми нормами (например, нормами ответственности и безопасности в инфраструктурных системах), а также степень сопряженности отраслевых ценностей с личностными жизненными ориентациями. На этом уровне отраслевая идентичность проявляется как признание отрасли не только пространством занятости, но и носителем общественного смысла, с которым субъект связывает собственные биографические проекты.

Эмоциональный компонент характеризует показатели аффективной включенности: чувство принадлежности к отраслевому сообществу, эмоциональная оценка собственной включенности, эмоциональная вовлеченность в успехи и неудачи отрасли. Речь идет о специфическом «чувстве отрасли» как значимой референтной общности, которое соотносится с более общими характеристиками «мы-идентичности» в социологической теории.

Поведенческий (конативный) компонент связывает отраслевую идентичность с практиками действия и выбора: траекториями образования и занятости, ориентациями при выборе практик и стажировок, участием или неучастием в отраслевых проектах и сообществах, готовностью сохранять принадлежность к отрасли при изменении

профессиональных ролей или организационного контекста. В этом плане отраслевая идентичность не сводится к установкам, но проявляется в устойчивых паттернах поведения в отраслевом поле.

Предложенная структура согласуется с многоуровневым пониманием профессиональной идентичности в отечественной социологии труда, но смещает фокус с профессиональной роли на отраслевое поле, внутри которого эта роль реализуется.

Институциональные источники формирования отраслевой идентичности молодежи

Социологическая специфика отраслевой идентичности проявляется прежде всего в том, что ее формирование опосредовано действиями ключевых институтов социализации – семьи, медиа и системы образования, в том числе отраслевого университета.

Семья рассматривается как исходное пространство, в котором задаются базовые представления о труде, приемлемых и непрестижных сферах занятости, а также доверие или недоверие к определенным отраслям. Семейные и династийные сценарии задают не только направление профессионального выбора, но и рамку отраслевого самоопределения: отрасль может передаваться как часть семейной идентичности, «коллективное мы» («у нас все – из этой системы»), либо, напротив, как пространство, от которого нужно дистанцироваться. При этом династийные траектории понимаются не только как культурная традиция, но и как форма социального капитала, обеспечивающего доступ к отраслевым ресурсам, информации и каналам воспроизводства отраслевого сообщества [6].

С точки зрения социологии идентичности династийные сценарии можно интерпретировать как механизм ранней отраслевой социализации: часть элементов отраслевой идентичности (образ отрасли, ее ценность, допустимые стратегии поведения) транслируется до включения в формальные образовательные институты [7]. Риски «преждевременной» идентичности, когда отраслевое самоопределение принимается без фазы поиска, преимущественно как ответ на семейные ожидания; в условиях дальнейших кризисов это повышает вероятность резкой дезидентификации и выхода из отрасли. Тем самым семейный институт выступает как амбивалентный фактор: он может усиливать отраслевую идентичность, создавая устойчивую рамку «мы», но может и закреплять навязанные сценарии, структурно предрасполагающие к последующим кризисам.

В современных условиях значительная часть образов труда и отраслей усваивается молодежью через медиа и цифровую среду. Медийные презентации отраслей носят фрагментарный

и событийный характер: в публичном пространстве преобладают либо экстремальные сюжеты (аварии, сбои, конфликты), либо поверхностные визуальные клише, тогда как сложность отраслевых систем и их социальная функция остаются мало артикулированными. В результате образ отрасли формируется как набор разорванных эпизодов, что затрудняет формирование когнитивно целостного и ценностно нагруженного представления, необходимого для устойчивой отраслевой идентичности.

С точки зрения социологической теории медиа можно говорить о том, что медийное конструирование отраслевого пространства задает фон для идентификационных процессов, но редко обеспечивает тот уровень структурной и смысловой сложности, который требуется для осознанного отраслевого самоопределения. Цифровые платформы усиливают это противоречие: они создают доступ к разнообразным источникам информации, но одновременно повышают фрагментированность опыта и расширяют спектр альтернативных идентификаций, конкурирующих с отраслевыми траекториями. В результате медиа и цифровая среда выступают как диффузный, слабо институционализированный источник отраслевой идентичности, формирующий скорее набор образов и ожиданий, чем стабильное чувство принадлежности.

Отраслевой университет рассматривается как узловой институт, в котором пересекаются влияния семьи, медиа, рынка труда и отраслевых организаций и где происходит институционализированная сборка отраслевой идентичности. Университетская среда описывается как многоуровневая структура, включающая нормативно-ценностный, организационно-деятельностный и коммуникативный слои, задающие рамки отраслевого самоопределения.

На нормативно-ценостном уровне формируется дискурс отрасли: через миссию вуза, стратегические документы, публичные выступления, символические презентации отрасли [8]. Именно здесь определяется, представляется ли отрасль как инфраструктурный «скелет» общества, как пространство высокой ответственности и сложности или же как нейтральное поле занятости. На организационно-деятельностном уровне задаются реальные практики включения студентов в отраслевое поле – структуры учебных планов, форматы практик, проектной и исследовательской работы, взаимодействие с отраслевыми работодателями. Коммуникативный уровень (повседневные отношения с преподавателями, представителями предприятий, администрацией, студенческими сообществами) выступает механизмом трансляции негласных норм отраслевого поведения и реального, а не декларативного отношения к отрасли.

С точки зрения социологии образования и профессий университет при этом выполняет двойную функцию: с одной стороны, он воспроизводит существующие отраслевые структуры и нормы, с другой – может становиться площадкой их критической рефлексии и трансформации. В первом случае отраслевая идентичность студентов формируется преимущественно как адаптация к заданным правилам игры; во втором – как более сложная конфигурация, сочетающая признание отраслевого поля с готовностью выступать субъектом изменений.

Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет рассматривать отраслевую идентичность как самостоятельную социологическую категорию, задающую мезоуровень групповой принадлежности между профессиональной и организационной идентичностями. В отличие от профессиональной идентичности, фокусирующейся на содержании и нормах конкретной профессии, отраслевая идентичность соотносит субъекта с отраслевым полем как целостной социально-экономической и культурной системой, включающей институции, нормы, символы и миссию отрасли.

Структурная экспликация отраслевой идентичности показала ее многокомпонентный характер: когнитивный уровень (знание отрасли и своего места в ней), ценностно-смысловой (принятие общественной значимости и норм отрасли), эмоциональный (аффективная включенность и чувство принадлежности) и поведенческий (устойчивые траектории выбора и действия в границах отраслевого поля). Динамика отраслевой идентичности может быть описана в терминах статусной модели, где состояния диффузии, навязанности, поиска и достигнутости отраслевой принадлежности структурно опосредованы действием социальных институтов.

Выделение институциональных источников отраслевой идентичности – семьи и династийных сценариев, медийного конструирования образа отрасли, а также образовательной среды отраслевого университета – позволяет интерпретировать формирование и кризисы отраслевой идентичности как результат конфигурации институтов социализации, а не только индивидуальной биографии молодого человека. В этой оптике кадровый дефицит в отраслевых системах выступает не только как следствие экономических или управленических факторов, но и как индикатор несогласованности источников идентичности, неспособности институциональной конфигурации конвертировать профессиональную подготовку в устойчивую отраслевую идентичность выпускников.

Тем самым обоснование отраслевой идентичности как социологической категории открывает

ет два направления дальнейших исследований: разработку и проверку эмпирических инструментов диагностики отраслевой идентичности студентов и молодых специалистов, а также анализ связи различных статусов отраслевой идентичности с траекториями закрепляемости в отрасли и формами участия в воспроизведстве отраслевых сообществ. Для социологии образования и труда это означает необходимость систематически включать отраслевой уровень в исследования профессиональной идентичности, рассматривая его как ключевой элемент сопряжения индивидуальных биографий и структурных запросов отраслей.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
2. Марсия Дж. Развитие эго-идентичности у подростков // Психология развития личности: хрестоматия / Сост. Д.И. Фельдштейн. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 145–162.
3. Шнейдер, Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Л.Б. Шнейдер. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: ЮРАЙТ, 2019. – 328 с.
4. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник / Г.М. Андреева. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 363 с.
5. Беспалова, А.А. Досуг в системе трудовой (профессиональной) адаптации российской молодежи (социологический аспект): учебно-методическое пособие / А.А. Беспалова, М.А. Гнатюк, А.Х. Люев. – Москва: Русайнс, 2022. – 104 с.
6. Гнатюк, М.А. Специфика трансформации трудовых ценностей современной российской молодежи / М.А. Гнатюк, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8–9. – С. 26–29.
7. Технологии социальной работы с семьей и детьми / О.М. Шевченко, С.И. Самыгин, В.В. Касьянов [и др.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 250 с. – (Среднее профессиональное образование).
8. Garanin, M.A. Mission of Samara State Transport University / M.A. Garanin, M.A. Gnatyuk, E.G. Khorovinnikova // BRICS Transport. – 2023. – Vol. 2, № 4.

SECTORAL IDENTITY AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY: BOUNDARIES, STRUCTURE, AND INSTITUTIONAL SOURCES OF FORMATION

Gnatyuk M.A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I.
Volga State University of Railway Transport

The article provides a theoretical and methodological justification of sectoral identity as an independent sociological category, distinct from professional, corporate and organisational identities. Sectoral identity is interpreted as a level of group belonging that links an individual's professional choice with a particular economic sector, its institutional structure, norms, values and symbolic order. In the context of late modernity, identity crisis and staff shortages in infrastructure sectors (in particular, transport), it is shown that relying solely on the concept of professional identity creates methodological blind spots: cases where high professional competence does not translate into long-term commitment to the sector remain analytically invisible. Drawing on philosophical, psychological and sociological approaches to identity, the article proposes an operational definition of sectoral identity among students of sectoral universities, and outlines its multi-component structure (cognitive, value-meaning, emotional and behavioural levels) and its dynamics within educational trajectories. Special attention is paid to institutional sources of sectoral identity formation among young people: family and dynastic patterns, media representations of sectors, and the educational environment of sector-oriented universities. The article argues that without introducing a sectoral level of analysis, the sociology of professional identity and research on HR policy in sectoral systems remain theoretically and empirically incomplete.

Keywords: sectoral identity; professional identity; youth; sectoral university; sectoral field; socialisation institutions; staff shortage.

References

1. Erickson E. Identity: youth and crisis / E. Erikson. – M.: Flint, 2006. – 342 p.
2. Marcia J. The development of ego-identity in adolescents // Psychology of personality development: a textbook / Comp. D.I. Feldstein. – M.: PER SE, 2002. – Pp. 145–162.
3. Schneider, L.B. Psychology of identity: textbook and practical course for bachelor's and master's degree / L.B. Schneider. – 2nd edition, revised and augmented. – Moscow: YURAYT, 2019. – 328 p.
4. Andreeva, G.M. Social psychology. Textbook / G.M. Andreeva. – Moscow: Aspect Press, 2009. – 363 p.
5. Bespalova, A.A. Leisure in the system of labor (professional) adaptation of Russian youth (sociological aspect): An educational and methodological guide / A.A. Bespalova, M.A. Gnatyuk, A.H. Lyuyev. – Moscow: Rusains, 2022. – 104 p.
6. Gnatyuk, M.A. The specifics of the transformation of labor values of modern Russian youth / M.A. Gnatyuk, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2017. – № 8–9. – Pp. 26–29.
7. Technologies of social work with family and children / O.M. Shevchenko, S.I. Samygin, V.V. Kasyanov [et al.]. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2018. – 250 p. (Secondary vocational education).
8. Garanin, M.A. Mission of Samara State Transport University / M.A. Garanin, M.A. Gnatyuk, E.G. Khorovinnikova // BRICS Transport. – 2023. – Vol. 2, № 4.

Фондовый рынок как транслятор культурных ценностей современного общества

Дорцев Кирилл Дмитриевич,
аспирант кафедры экономической социологии
и менеджмента, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: k.dortsev@gmail.com

В современном мире все больше людей становятся участниками фондового рынка. В России ими являются более половины экономически активного населения. Работа на нем, как любая иная массовая социальная практика, создает особую культуру. Поэтому фондовый рынок, выполняя свою явную функцию – сохранять и увеличивать сбережения граждан – обладает также и латентной: он передает обществу ряд культурных ценностей, сформированных у его участников. Целью работы является выявление и систематизация этих ценностей, а также выявление связей между ними. По мнению автора, к ценностям, транслируемым обществу фондовым рынком, относятся: (1) риск; (2) солидарность; (3) индивидуализм; (4) вера в разум; (5) вера в случай; (6) многовариантность жизни. Ряд перечисленных ценностей находятся в очевидном противоречии друг с другом, однако на фондовом рынке они проявляют себя в разных обстоятельствах, образуя диалектическое единство. В целом, данные ценности корреспондируют с культурным контекстом эпохи постmodерна, который также соединяет в себе противоречивые ценностные ориентации. Фондовый рынок учит людей сосуществовать с риском и полагаться на свои собственные силы, создавая рациональные стратегии поведения и одновременно понимая вероятностный характер их реализации на практике, что приводит к осознанию многовариантности жизненных стратегий.

Ключевые слова: фондовый рынок, эпоха постmodерна, риск, индивидуализм, солидарность, рациональность, случайность, многовариантность.

В России и мире в целом все больше людей начинают работать на фондовом рынке. По словам заместителя главы Министерства финансов РФ И.А. Чебескова, в 2025 году инвесторами стали свыше 35 млн россиян, что составляет более половины экономически активного населения страны [9]. В мире в целом участниками рынка являются сотни миллионов людей [29]. Это связано как с постепенным ростом доходов населения (его часто не замечают, но такая глобальная тенденция реально существует [21]), так и со специальными усилиями, которые прикладывают многочисленные финансовые посредники (прежде всего инвестиционные компании) для пропаганды вложения денег в ценные бумаги и привлечения клиентов. Для последних фондовый рынок выступает прежде всего как инструмент сохранения и приумножения сбережений. Они редко отдают себе отчет в том, что использование этого инструмента меняет их самих, меняет их восприятие социально-экономической реальности и даже их отношение к жизни.

Об экономических функциях фондового рынка хорошо известно, о них существует большое количество изданий самого разного толка – от учебной литературы до статей в самых разных СМИ [2, 10, 17, 23]. Как и у любого сложного хозяйственного явления, совокупность таких функций у фондового рынка не является стабильной, об их изменениях и уточнениях ведутся непрекращающиеся дискуссии среди экономистов. Достаточно очевидны в последние годы стали и социальные функции этого рынка [11, 19, 25, 29] – они связываются и с диверсификацией вложений, что способствует более устойчивому социально-экономическому положению инвестора, и с получением дополнительного дохода, в том числе и в ситуации старения населения, и просто с созданием рабочих мест за счет поддержки наиболее перспективных отраслей экономики.

Сегодня все отчетливее проявляет себя и латентная функция, заключающаяся в трансляции определенных культурных ценностей населению. На самом деле, каждый способ увеличения сбережений создает вокруг себя определенную культурную среду. Это, в частности, относится к вложению денег на банковские депозиты, к сдаче недвижимости в наем, к коллекционированию. Занимаясь этими видами деятельности, человек начинает концентрировать свое внимание на со-

ответствующей информации, а вместе в ней передаются и культурные ценности определенных социальных групп. В результате люди, обладающие примерно одинаковым богатством и живущие в одном обществе, начинают руководствоваться разными культурными приоритетами, реализовывать разные жизненные стратегии. Примерно то же самое происходит при формировании профессиональной культуры или культуры досуга, когда люди, связанные одной профессией или одним хобби начинают использовать в своей жизни определенные культурные коды и выделять в качестве наиболее значимых специфические ценности.

Работа на фондовом рынке приобщает человека к ценностям эпохи постмодерна. Успехи и неудачи в этой работе формируют понимание стремительно меняющейся реальности, осознание невозможности учесть все факторы, влияющие на ее развитие, реальное ощущения многовариантности будущего.

Фондовый рынок и эпоха постмодерна

Как явление социально-экономической жизни фондовый рынок имеет очень долгую историю. С определенной долей условности можно сказать, что как только в обществе появились первые долговые расписки, в нем возник и фондовый рынок. Но качественный скачок в его развитии произошел в постиндустриальную эпоху. Еще 50 лет назад люди большинство людей тогдашнего капиталистического мира не были вовлечены в его функционирование. Это стало очевидным в ходе предпринятой М. Тэтчер в 1980-е годы массовой приватизации государственной собственности. Уже в начале этой кампании выяснилось, что в Великобритании – этой цитадели капитализма – очень мало людей покупали и продавали акции. Британцы имели счета в банке, очень многие из них обладали страховыми полисами самого разного типа, но они не были вовлечены в фондовые операции. Консерваторам пришлось тратить колоссальные средства на разъяснение привлекательности покупки акций [18]. И, так как кампания удалась, они затем с гордостью заявляли, что акционерами в их стране стали те люди – простые рабочие, домохозяйки, пенсионеры и др. – которые до этого вообще не знали, что такое ценные бумаги и не видели для себя никаких причин их приобретать.

Сегодня на фондовый рынке работают миллионы людей из самых разных – даже не сильно развитых – стран. Компьютеры и смартфоны сделали вход на этот рынок как никогда легким. Фондовый рынок перестал восприниматься как нечто элитарное, доступное немногим. Демократизация сделал его частью повседневного мира человека. И даже если сам человек не работает на фондовом рынке, он обязательно имеет родственников или знакомых занимающихся такой деятельностью, не гово-

ря уже о том, что по радио, на телевидении и в интернете он постоянно сталкивается с новостями с фондового рынка.

Как социальное явление фондовый рынок обрел массу черт эпохи постмодерна. Его функционированием можно иллюстрировать многие социально-философские и социологические концепции нашего времени. Наверное, ничто так хорошо не символизирует текущую современность З. Баумана [5], как фондовый рынок с его постоянными «приливами и отливами» и неизбежными изменениями, происходящими ежесекундно. Фондовый рынок никак нельзя называть «застывшим» явлением, он действительно скорее похож на бурящую жидкость, постоянно меняющую свою форму и одновременно ускользающую от наблюдателя. Одновременно в самой структуре фондового рынка важнейшими выступают сетевые взаимодействия, значимость которых для эпохи постмодерна описали М. Кастельс, М.О. Джексон, Ян ван Дейк и др. [12, 13, 30]. Фондовый рынок – это сеть инвесторов, посредников и эмитентов. А глобальный фондовый рынок может быть представлен как мега-сеть, состоящая из множества локальных сетей и не имеющая ни центра, ни вершины.

Культурные ценности, транслируемые фондовым рынком

Приобретя особые качества в эпоху постмодерна, фондовый рынок активно транслирует людям, с ним связанным, ценности этой эпохи. Как и сам постмодерн, эти ценности по-своему противоречивы, они не могут быть выстроены в четкую логически выверенную структуру. В ряде случаев может показаться, что они не могут существовать вместе, они исключают друг друга. Но это не совсем так: различные ценности проявляют себя в разных обстоятельствах и на разных уровнях функционирования фондового рынка. Они диалектическим образом дополняют друг друга, создавая специфический культурный фон для реализации жизненных стратегий в обществе постмодерна.

Риск

Важнейшей ценностью, транслируемой фондовым рынком современным людям, служит риск. Эпоха модерна с ее верой в науку и познавательные возможности человека сформировала устойчивый культурный императив избегания и минимизации рисков. Разум человека должен был сделать внешний мир предсказуемым и «нестрашным». Люди верили в то, что победят болезни, что смогут создать совершенный экономический порядок, лишенный кризисов, что создадут технические средства, с помощью которых смогут контролировать множество явлений и процессов окружающего и пр. Сегодня эта вера ушла в прошлое. У. Бек, знаменуя утрату этой веры, назвал современное общество «обществом риска» [6]. Но для большинства обычных людей риск все еще остается умозрительной цен-

ностью. В этом плане фондовый рынок можно назвать лабораторией, в которой каждый может «пощупать» риск и ощутить на себе его влияние. Мы все понимаем, что существует риск ядерной войны, риск природных катастроф, наконец, просто риск «выхода из дома» (падения под машину или ограбления в подворотне). Но именно фондовый рынок переводит это понимание на язык реальной практики. Все, кто работал на фондовый рынке, знают по своему опыту, что здесь всегда вероятна неизвестная потеря средств, что разум и интуиция не могут контролировать реальность, что человек должен воспринимать риск не как досадное недоразумение или нечто абстрактное, но как должное и неизбежное. В этом плане вложения на фондовом рынке радикально отличаются от вложений в банки, для которых делается все и на корпоративном, и государственном уровне, чтобы снизить риски. Вкладчик надежного банка почти лишен ощущения риска, а игрок на фондовом рынке всегда сосуществует вместе с риском.

Солидарность

Понимание отличия открытия банковского депозита от покупки ценных бумаг подводит нас к следующей ценности, неявно передаваемой фондовым рынком. Это солидарность в самом широком смысле этого слова. Отслеживая индексы фондовых бирж и цены на отдельные ценные бумаги или биржевые товары, участник фондового рынка понимает, в каком положении находится его страна, регион, та или иная отрасль и даже мир в целом. Он ощущает на своих доходах влияние войн, санкций, разного рода катализмов. Он понимает, что доходы падают или растут не у него одного. Целая страна и соответственно ее народ может испытывать трудности в случае, когда ее экспортные товары дешевеют, тем более если цена на них «обваливается».

Именно для формирования ценности солидарности у работников компаний по всему миру реализовывались и реализуются многочисленные программы участия в капитале и участия в прибылях [1, 7, 26]. Традиционная организация выступала неявным гарантом стабильных доходов своих участников. Человек прощался с рыночной свободой, обретая надежность и предсказуемость своих доходов в качестве работника компании. Человеку платят только за выполнение приказов или хорошую работу в рамках четко очерченных внутриорганизационных юрисдикций. Дополнительные премии выплачиваются за индивидуальные усилия сотрудников, а чаще за то, что у работников на вверенных им участках все в порядке. Колебания, происходящие на рынке, особенности сбыта продукции, изменения цен и других параметров, влияющих на прибыль, не должны затрагивать интересы отдельного работника, выполняющего какую-либо узкую функцию в организации. В противоположность этой исключительно логичной и по-

нятной ситуации в постиндустриальную эпоху начинают внедряться самые различные механизмы участия в прибылях, ставящие доход работника в зависимость от положения компании на рынке.

Изначально считалось, что важнейшим императивом в области оплаты труда средних менеджеров и персонала должна быть стабильность. И это вполне понятно. Человек ограничивает свои потребности определенными рамками дохода. Он не может, а главное, не хочет менять нормы потребления, формы проведения досуга, свои личные пристрастия от месяца к месяцу в зависимости от величины причитающихся ему денежных выплат. Поэтому традиционные системы оплаты труда всегда тяготели в той или иной мере к фиксированным выплатам. Цена труда определялась издержками, а ими в данном случае служили достаточно постоянные потребности человека. Такая ситуация казалась вполне естественной, но вместе с тем порождающей многочисленные финансовые и организационные проблемы для менеджмента, который воспринимал работников только как издержку производства.

Успехи профсоюзов в Западной Европе и США в XX веке лишь укрепили такое положение вещей. Сложилось стойкое впечатление, что интересы менеджеров и предпринимателей, с одной стороны, и наемных рабочих, с другой, явно противоположны. В рамках коллективного контракта профсоюзов с работодателями предполагалось, что работник будет выполнять определенные установленные функции за строго фиксированное вознаграждение (причем, вознаграждение это от контракта к контракту становилось все более высоким зачастую безотносительно к росту производительности труда). Рабочий не должен беспокоиться, сбывается ли товар его предприятия, что нужно для этого сделать, какие усилия нужно приложить, чтобы реальное положение его компании укрепилось. Вообще его компания мыслилась как «не совсем его», а компания менеджмента и акционеров.

Компания могла нести громадные убытки, а при этом заработка плата росла. Об этом ярко свидетельствует положение американской автомобильной промышленности в 1970-е годы. Все три американские компании данной отрасли – Дженерал Моторс, Форд и Крайслер – несли многомиллиардные убытки в ходе нефтяного кризиса, но заработка плата работников в это время росла неуклонно [20]. Работодатели просто боялись иметь дело с мощными профсоюзами, вполне справедливо полагая, что в сложившихся условиях забастовка может просто разрушить компанию.

Принцип совладения компанией изменяет отношения между людьми и общий стиль менеджмента. Он внедряет ценность солидарности в организацию. Работники становятся в какой-то степени предпринимателями. Деньги, получаемые челове-

ком, отражают не только его положение на карьерной лестнице, но и успех предприятия в целом. Вот как об этом говорил один из руководителей американской компании Эс-ар-си Дж.Стэк: «Большинство компаний платят своим сотрудникам восемь или сколько-то долларов в час, и на этом все заканчивается. В Эс-ар-си мы даем людям акции – занимаясь бизнесом ради реализации своей мечты, мы хотим, чтобы и их мечты тоже сбывались. Шансы же на успех гораздо выше, если мы все – акционеры компании.... Все дело в том, что компания, состоящая из хозяев, всегда даст сто очков вперед компании, где работают по найму» [24, с. 263].

Согласно обследованию, произведенному сотрудниками Нью-Йоркской биржи, после широкого распространения акций среди рабочих и служащих в 1980–90 гг. производительность труда в компаниях *Проктер энд Гэмбл* и *Ксерокс* подскочила в течение лишь первого года на 30–50% [27, с. 278].

Понятно, что солидарность, возникающая у работников-акционеров, получает реальные проявления в экономической и управлеченческой практике. У человека, работающего на фондовом рынке, она носит скорее абстрактный характер. Но при этом осознание трудностей, с которыми сталкивается страна или отрасль, несомненно, влияет на построение жизненных стратегий и иерархию ценностей людей. Клиенты банка и работники традиционных организаций являются людьми, которым кто-то что-то дает, беря все риски на себя. Разделение рисков – важнейшая основа солидарности, и участник фондового рынка неявно делит риски с большими социальными группами, выигрывающими или проигрывающими от изменений рыночной конъюнктуры.

Индивидуализм

Ценность индивидуализма характерна для общества эпохи постмодерна. Классики постмодернизма всегда выступали против «растворения» личности в обществе [8, 14, 15]. Личность должна обладать своим суверенитетом. Некоторые постмодернисты выступали даже за то, что каждый человек по природе своей обладает своим языком, а общие языковые нормы являются насилием над личностью, не позволяют ей выразить свой внутренний мир, закрепощают человека. На первый взгляд, ценность индивидуализма противоположна ценности солидарности, которая скорее соотносится с колективизмом, однако на фондовом рынке она находит свое воплощение одновременно с солидарностью. Если солидарность игроков фондового рынка со страной, народом или социальной группой носит абстрактный характер, то воплощение ценности индивидуализма происходит непосредственно в практике торгов. Для торговли ценными бумагами не нужно объединяться в группы. Это по природе своей индивидуальная работа.

Участник фондового рынка принимает индивидуальные решения, в индивидуальном порядке он берет на себя риски, своими успехами и неудачами он обязан только себе. На рынке наличествуют тренды, но каждый игрок волен по-своему их интерпретировать. Именно поэтому сильно разбогатевших на фондовых операциях людей очень мало, хотя эта цифра неуклонно растет с ростом числа игроков и демократизацией самого рынка.

Фигура биржевого игрока стала в научной, научно-популярной и даже художественной литературе неким символом индивидуализма. Как социальный тип он противостоит карьеристу, работающему в рамках иерархических социальных структур и ориентированному на повышение своего социального статуса в таких структурах. Человек, работающий на бирже, не делает карьеру в привычном для нас смысле этого слова. Его социальный статус не определяется результатами взаимодействия с другими людьми, он заявляет о нем только своим богатством. И мир знает немало людей, создавших огромные состояния своей индивидуальной работой на бирже, а уже затем заявивших свои претензии на общественное влияние и место в элите общества – У. Баффит, П. Линч, Дж. Сорос, Дж. Темплтон, Р. Далио, Дж. Богл, Т. Котегава, Л. Борселино и др.

Перечисленные выше люди могут считаться эталонами для определения человека, «который сделал себя сам» (англ. self-made man). Все они наряду с удачей подчеркивали упорный индивидуальный труд как фактор, создавший их богатство. Люди не столько играют, сколько работают на фондовом рынке, и отсутствие партнеров, с кем можно разделить успехи и провалы, создает специфическую культуру такой работы. Ч. Мангер – ближайший сподвижник легендарного У. Баффета – говорил в свое время, что именно постоянный труд позволил ему дожить до глубокой старости (99 лет) [22].

Вера в разум

Специфической ценностью, связанной с работой на фондовом рынке, служит вера в разум и интуицию человека. Как и любой другой рынок, фондовый рынок является саморазвивающейся, плохо предсказуемой структурой. Человек, не соприкасающейся с его функционированием, может считать, что успех здесь определяется исключительно удачей, случайным сочетанием факторов. Однако случайность на фондовом рынке соседствует с колossalными умственными усилиями людей. Если человек целиком полагается на случайность, он пойдет в казино. Хотя уже многие столетия люди пытаются здесь математически что-то просчитать, менеджмент игорных заведений делает все возможное, чтобы этого нельзя было сделать. Существуют также тотализаторы и букмекерские конторы, где выигрыш лишь в небольшой мере связан с раци-

ональными решениями [3]. Если в казино игроки сталкиваются с почти полностью иррациональной игрой случая, в случае ставок на победу в матче или победу конкретного спортсмена действуются некоторые рациональные основания – прежде всего анализ предыдущих игр или поединков, но это «задействование» почти не в состоянии ослабить влияние случайности на победу и, тем более, на серьезный выигрыш.

В отличие от клиента казино или букмекерской конторы участник фондового рынка должен верить в свой разум. К этому его подвигают и посредники, рекламирующие работу на фондовом рынке как почти гарантированный способ сохранить и увеличить богатство, и наличие, на первый взгляд, доступной и несложной для осмысливания информации о процессах, происходящих в экономике. Косвенно к этому подвигает его и экономическая теория, которая всегда старалась представить хозяйствственные явления как поддающиеся анализу и подвластные законам, схожим с теми, которые действуют в математике или физике. Участник фондового рынка просчитывает возможные варианты развития событий, и в ряде случаев именно такие расчеты служат основой успеха. Немаловажным является и то обстоятельство, что, если использовать консервативные стратегии игры ценными бумагами, действительно, можно сохранить сбережения. Сильно преумножить их не получится, но потерять, схожих с теми, которые имеют место в казино, вполне можно избежать.

Вера в случай

Вера в случайность как ценность культуры постмодерна является в какой-то мере следствием осознания рисков, сопутствующих жизни человека. По своей природе она противоположна вере в разум, но, как и в случае с солидарностью и индивидуализмом, на фондовом рынке эти две ценности сосуществуют в диалектическом единстве. Разум не всесилен, он должен смириться с существованием случайных событий. В эпоху модерна материалисты часто утверждали, что случайность – это просто непросчитанное сочетание необходимости. С их точки зрения, даже «ситуацию с упавшим на голову кирпичом» можно было, в принципе, просчитать, зная множество вводных: особенности деформации глины, из которой сделан кирпич, количество осадков, химические особенности раствора, на который кирпич положили и др. Сегодня мы понимаем, что существуют явления и процессы, предугадать которые всегда будет невозможно, и нам нужно с этим смириться. Игрок фондового рынка как раз на своем опыте осознает реальное существование случайности и понимает, что всегда будет «живь вместе» с нею.

Специфическим синтезом одновременной веры в разум и случайность является сценарный подход к восприятию будущего. Он стал обще-

принятым в стратегическом менеджменте начиная с 1990-х годов. В компаниях его осваивают профессионалы, специально ориентированные на создание сценариев развития отраслей и рынков [16]. Обычный человек не так часто прибегает к сценарному образу мыслей. И фондовый рынок как ничто другое подводит его к этому. Игрок на фондовом рынке мыслит сценариями. В сами сценарии он закладывает рациональную логику развития событий – логику, созданную его разумом – но о реализации того или иного сценария он мыслит, как о проявлении случайности (чаще всего, случайного сочетания самых разных событий).

Многовариантность жизни

Многовариантность – это одна из базовых черт как постмодернистского мышления, так и развития общества в эпоху постмодерна. Как мы увидели, данную ценность фондовый рынок передает своим участникам прежде всего посредством формирования у них сценарного способа восприятия реальности. При этом человек, как и в случае с другими описанными выше ценностями, ощущает ее действие непосредственно на себе, на своем настоящем и будущем. В современном мире нельзя создавать идеальные «однолинейные» планы и бросать все силы на их воплощение в жизнь. Это опасно и грозит множественными разочарованиями. Однозначное стремление вверх по социальной лестнице, к высоким социальным статусам (что было характерно для эпохи модерна) сменяется понимаем многомерности социального мира и привлекательности самых разных жизненных стратегий. Так, дауншифтинг приобрел себе реальных сторонников, хотя до сих множеством людей он воспринимается как стратегия неудачников. Люди современной эпохи понимают, что могут считать для себя значимыми совсем не те ценности, стратегии и идеалы, которые разделяет большинство [4]. Ушедший в бармены или звонари топ-менеджер крупной компании не только теряет (в деньгах и престиже), но и приобретает радость общения, свободу самореализации, возможность не подчиняться бюрократическим правилам и «не смотреть в рот» начальству.

Фондовый рынок на практике учит современных людей многовариантности. Доход человека может самым существенным образом меняться в силу изменения общего положения на рынке (и тогда важнейшей становится ценность солидарности), индивидуальных решений (и тогда берут верх ценности индивидуализма и веры в разум), случайного сочетания событий (и тогда вера в случайность оправдывает себя полностью). В любом случае он понимает, что его будущее не запрограммировано, более того, что его невозможно и не нужно программировать. Он начинает пользоваться многовариантностью, а не воспринимать ее только как усложнение реальности, которое создает неудобства для принятия решений. Все это

происходит, когда человек ставит свой основной доход в зависимость от работы на фондовом рынке. Однако и есть существуют другие варианты...

Значительное количество людей воспринимают работу на фондовом рынке как дополнительный заработка, как получение «пассивного» дохода или как хобби. И уже упомянутые выше дауншифтеры часто получают часть своего дохода от операций на бирже. Представляя собой идеальную среду для индивидуального труда и создавая при этом и культуру индивидуального труда со свойственными ей ценностями, фондовый рынок обеспечивает возможность для реализации самых разных жизненных стратегий – от ориентации на максимальное приумножение богатства до дауншифтинга.

Устойчивые и широко распространенные социальные практики создают в обществе свою специфическую культуру. Еще несколько десятилетий назад никто не мог представить себе, как изменится культура общества благодаря массовому использованию интернета. Конечно, работу на фондовом рынке по своей массовости никак нельзя сравнить с использованием интернета. Но, как уже говорилось ранее, сегодня этой работой занимаются миллионы людей на планете. И культурные ценности, сформированные на фондовом рынке, начинают активно проникать в общекультурное пространство постиндустриального мира. Поиск стабильности и защищенности сменяется естественным сосуществованием с риском. Люди прошлого (прежде всего, клиенты банков и работники традиционных индустриальных организаций) старались во что бы то ни стало уменьшить неопределенность своего финансового положения и, соответственно, своего существования в обществе. Эпоха постмодерна характерна тем, что такое стремление все чаще приводит к неоправданным и не сбывающимся ожиданиям. Фондовый рынок учит людей не бояться риска, чувствовать солидарность с другими людьми в условиях непреодолимой неопределенности, полагаться на себя, сочетая рациональные многовариантные стратегии поведения с пониманием того, что случайность в жизни неизбежна.

Литература

1. Айгунова М.А. Преимущества и недостатки участия работников в акционерном капитале компании // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 327–329.
2. Арбузов А.Ю. Развитие функций фондового рынка в условиях цифровизации экономики // Финансы и кредит. 2025. № 4. С. 195–208.
3. Барков С. А., Дорцев К.Д. Может ли фондовый рынок быть индикатором социально-

экономического развития страны? // Финансовая жизнь. 2024. № 2. С. 4–16.

4. Барков С. А., Маркеева А.В. Дауншифтинг как постмодернизм в действии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Том 25, № 4. С. 288–308. doi: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-288-308>
5. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
7. Блази Д.Р., Круз Д.Л. Новые собственники (наемные работники – массовые собственники акционерных компаний). М.: Дело ЛТД, 1995.
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2025.
9. Более половины экономически активного населения России стали инвесторами // Портал Финам. 19.11.2025. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/bolee-poloviny-ekonomicheski-aktivnogo-naseleniya-rossii-stali-investorami-20251119-2339>.
10. Бондарев Д.С., Каратаев А.С. Анализ тенденций развития российского фондового рынка // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. № 12(1). С. 6–11. doi: 10.35266/2949-3455-2024-1-1
11. Влащенко Д.А. Участники российского фондового рынка: цели деятельности, функции, проблемы развития // Вестник евразийской науки. 2022. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastniki-rossiyskogo-fondovogo-rynka-tseli-deyatelnosti-funktssi-problemy-razvitiya>.
12. Джексон М.О. Человеческие сети. Как социальное положение влияет на наши возможности, взгляды и поведение. М.: Corpus, 2020.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
14. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
15. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме. СПб.: издательство «Владимир Даль». 2001.
16. Никитин И. Сценарное планирование как инструмент преодоления стратегического парадокса // Лидерство и менеджмент. 2024. № 3. С. 1249–1258.
17. Одиноков В.А. Рынок ценных бумаг. М.: Изд-во МУ им. С.Ю. Витте, 2016.
18. Пияшева Л.И., Пинскер Б.С. Экономический неоконсерватизм: теория и международная практика. М.: Международные отношения, 1988.
19. Подгорный Б.Б. Российский фондовый рынок как социальное поле: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2017. № 4. С. 135–144.

20. Поливалов А.А. Уроки высокой инфляции 1970-х годов. Возможно ли повторение? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1. С. 22–32.
21. Рослинг Х. Фактологичность. Десять причин наших заблуждений о мире – и почему все не так плохо, как кажется. М.: Corpus (ACT), 2015.
22. Семь моделей Чарли Мангера: как заработать на инвестициях \$2 млрд и дожить до 99 лет, оставаясь в деле // Платформа Дзен. 23.08.2024. – URL: <https://dzen.ru/a/Zshb-seTNC2Olkm>.
23. Скрипченко М.В., Мальцев Д.М., Голубев А.А. Фондовые рынки и фондовые операции. СПб.: НИУ ИТМО, 2014.
24. Стэк Дж. Большая игра в бизнес. М.: Деловая книга, 1994.
25. Теодорович М.Л. Софронова Ю.Л., Свингцов А.А. Социальные характеристики и опыт работы на фондовом рынке представителей сообщества российских трейдеров-спекулянтов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2024. № 3. С. 140–154. doi: 10.15593/2224-9354/2024.3.9
26. Токмакова М.Ю. Участие работников в прибыли и капитале компании как один из способов мотивации: перспективы, противоречия // Синергия наук. 2018. № 22. С. 495–498.
27. Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США/ под ред. Л.Л. Любимова. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1993.
28. Mishra A. How Many People Are Investing in the Markets? // Платформа Swastika. 10.05.2023. – URL: <https://www.swastika.co.in/blog/population-participating-in-stock-markets-by-country>.
29. Reed M. A Study of Social Network Effects on the Stock Market // Journal of Behavioral Finance. 2016. № 17(4). P. 342–351. doi: <https://doi.org/10.1080/15427560.2016.1238371>
30. Van Dijk J. The Network Society. N.Y.: Sage Publications, 2006.

STOCK MARKET AS A TRANSMITTER OF MODERN CULTURAL VALUES

Dortzev K.D.

Lomonosov Moscow State University

In the modern world, more and more people are becoming participants in the stock market. In Russia, they constitute more than a half of the economically active population. Working in this market, like any other mass social practice, creates a special culture. Therefore, the stock market, while fulfilling its obvious function – preserving and increasing citizens' savings – also has a latent one: it transmits to society a number of cultural values formed by its participants. The aim of this work is to identify and systematize these values, as well as to identify the connections between them. According to the author, the values transmitted to society by the stock market include: (1) risk; (2) solidarity; (3) individualism; (4) faith in reason; (5) faith in chance; (6) multivariate nature of life options. A number of the listed values are in obvious contradiction with one another, but in the stock market they manifest themselves in different circumstances, forming

a dialectical unity. Overall, these values align with the cultural context of the postmodern era, which also combines contradictory values. The stock market teaches people to coexist with risk and rely on their own strengths, creating rational behavioral strategies while simultaneously taking into account the probabilistic nature of their implementation in practice. This leads to an awareness of life strategies' multivariate nature.

Keywords: stock market, postmodern era, risk, individualism, solidarity, rationality, randomness, multivariate.

References

1. Aigunova M.A. Advantages and Disadvantages of Employee Participation in the Company's Share Capital // Young Scientist. 2018. № 49 (235). Pp. 327–329.
2. Arbuzov A. Yu. Development of Stock Market Functions in the Context of Economy Digitalization // Finance and Credit. 2025. № 4. Pp. 195–208.
3. Barkov S. A., Dortzev K.D. Can the Stock Market Be an Indicator of a Country's Socioeconomic Development? // Financial Life. 2024. № 2. Pp. 4–16.
4. Barkov S. A., Markeeva A.V. Downshifting as Postmodernism in Action // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2019. Vol.25. № 4. Pp. 288–308. doi: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-288-308>
5. Bauman Z. Fluid Modernity. St. Petersburg: Piter, 2008.
6. Beck U. Risk Society. Towards Another Modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000.
7. Blasi D.R., Cruz D.L. New Owners (Employees – Mass Owners of Joint-Stock Companies). Moscow: Delo LTD, 1995.
8. Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: AST, 2025.
9. More than half of Russia's economically active population have become investors // Finam Portal. 11/19/2025. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/bolee-poloviny-ekonomicheskogo-aktivnogo-naseleniya-rossii-stali-investorami-20251119-2339>.
10. Bondarev D.S., Karataev A.S. Analysis of Russian Stock Market Development Trends // Bulletin of Surgut State University. 2024. № 12(1). Pp. 6–11.
11. Vlashchenko D.A. Participants in the Russian stock market: goals of activity, functions, development problems // Bulletin of Eurasian science. 2022. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastniki-rossiyskogo-fondovogo-rynska-tseli-deyatelnosti-funktsii-problemy-razvitiya>.
12. Jackson M.O. Human networks. How social position affects our capabilities, views and behavior. Moscow: Corpus, 2020.
13. Castells M. The information age: economy, society and culture. Moscow: HSE, 2000.
14. Lyotard J.-F. The state of postmodernism. Moscow: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aleteya, 1998.
15. Lipovetsky J. The Era of Emptiness: An Essay on Modern Individualism. SPb.: Vladimir Dal Publishing House. 2001.
16. Nikitins I. Scenario Planning as a Tool for Overcoming the Strategic Paradox // Leadership and Management. 2024. № 3. Pp. 1249–1258.
17. Odinokov V.A. The Securities Market. Moscow: Publishing House of the Witte University, 2016.
18. Piyasheva L.I., Pinsker B.S. Economic Neoconservatism: Theory and International Practice. Moscow: International Relations, 1988.
19. Podgorny B.B. The Russian Stock Market as a Social Field: Towards the Statement of the Problem // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences. 2017. № 4. Pp. 135–144.
20. Polivalov A.A. Lessons from the High Inflation of the 1970s. Can It Be Repeated? // Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2024. № 1. Pp. 22–32.
21. Rosling H. Factuality. Ten Reasons We Misconceptions About the World – and Why It's Not as Bad as It Seems. Moscow: Corpus (AST), 2015.
22. Seven Models of Charlie Munger: How to Make \$2 Billion on Investments and Live to 99 While Staying in Business. Zen Platform. August 23, 2024. Available at: <https://dzen.ru/a/Zshb-seTNC2Olkm>.

23. Skripnichenko M.V., Maltsev D.M., Golubev A.A. Stock markets and stock transactions. SPb.: NRU ITMO, 2014.
24. Stack J. The Great Game in Business. Moscow: Delovaya kniga, 1994.
25. Teodorovich M.L. Sofronova Yu.L., Sintsov A.A. Social characteristics and experience of working in the stock market of representatives of the community of Russian traders-speculators // Bulletin of PNIPU. Social and Economic Sciences. 2024. № 3. Pp. 140–154.
26. Tokmakova M. Yu. Participation of employees in the profit and capital of the company as one of the ways of motivation: prospects, contradictions // Synergy of sciences. 2018. № 22. Pp. 495–498.
27. Civilization process and social results of the development of the USA / edited by L.L. Lyubimov. Moscow: Foundation "For Economy Literacy", 1993.
28. Mishra A. How Many People Are Investing in the Markets? // Platform Swastika.10.05.2023. – URL: <https://www.swastika.co.in/blog/population-participating-in-stock-markets-by-country>.
29. Reed M. A Study of Social Network Effects on the Stock Market // Journal of Behavioral Finance. 2016. № 17(4). Pp. 342–351. doi: <https://doi.org/10.1080/15427560.2016.1238371>
30. Van Dijk J. The Network Society. N.Y.: Sage Publications, 2006.

Актуальные практики автономности руководителя в условиях военной организации: от мирного времени к специальной военной операции

Крганов Рустам Рифкатович,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: iizge@mail.ru

В статье исследуется трансформация практик управленческой автономии командиров оперативно-тактического звена в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) под влиянием вызовов современного динамичного конфликта. На основе интеграции системного (Н. Луман) и субъектно-деятельностного (А. Деркач, В. Зазыкин) подходов автономия анализируется как социально-управленческий феномен, выполняющий критическую функцию обеспечения живучести и адаптивности системы военного управления в условиях «тумана войны». Проведен сравнительный анализ специфики и форм проявления автономности в трех ключевых контекстах: мирное время (превентивная и корректирующая автономия), локальные конфликты прошлого (адаптивно-субSTITУТИВНАЯ автономия) и специальная военная операция (тотальная и сетьзамещающая автономия). Делается вывод о необходимости целенаправленного формирования институциональных основ, модернизации системы подготовки и трансформации организационной культуры для легитимации и культивирования конструктивной автономии как системного фактора повышения эффективности военно-социального управления.

Ключевые слова: автономия руководителя, военно-социальное управление, практики управления, специальная военная операция, адаптивность, военная организация, «туман войны», доверенная тактика.

Введение

Динамика современных угроз и характер ведения боевых действий, наглядно продемонстрированные в ходе специальной военной операции (СВО), выявили системную ограниченность традиционной, жестко централизованной и субординационной модели военного управления в ситуациях высокой неопределенности – «тумана войны» [1]. В условиях, когда устойчивость связи не гарантирована, а тактическая обстановка меняется быстрее, чем скорость прохождения решения по вертикали командования, на первый план выходит способность руководителей низшего и среднего звена к самостоятельному, ответственному и эффективному принятию решений – их управленческая автономия. Автономия эволюционирует от ситуативного исключения к системному фактору живучести подразделения и успеха боевой задачи. Однако данный феномен в отечественном организационно-управленческом дискурсе остается недостаточно изученным. Практики автономности носят во многом стихийный, нерефлексируемый и персонализированный характер, зависящий от личных качеств конкретного командира, а не от выстроенной институциональной системы [2]. Целью данной статьи является выявление, систематизация и сравнительный анализ актуальных практик автономности руководителя в различных условиях функционирования военной организации (мирное время, локальные конфликты, СВО) с позиций социологии управления для разработки рекомендаций по ее институционализации.

Теоретико-методологические основания исследования

В рамках социологии управления автором используется интегративный подход. Управленческая автономия понимается как вынужденная и легитимная форма реализации властных полномочий, основанная на самостоятельном принятии решений руководителем в зоне его ответственности в условиях критического нарушения нормативных параметров системы управления (устойчивости связи, непрерывности, оперативности) [3]. Системный подход (Н. Луман) позволяет рассматривать военную организацию как сложную социальную систему, функционирующую в высоко нестабильной среде. Автономия подсистем (тактических звеньев) в этой парадигме выступает механизмом аутопоэзии.

зиса – самовоспроизведения и сохранения системы в условиях, когда централизованное управление дает сбой. Это становится явлением, формирующим альтернативный режим функционирования, обеспечивающий выживание целого [4]. В свою очередь субъектно-деятельностный подход (А. Деркач, В. Зазыкин) фокусируется на человеческом измерении автономии. Он акцентирует роль личностного потенциала командира (воля, интеллект, стрессоустойчивость), а также значение социально-психологических факторов: а) доверия по вертика-

ли (вышестоящий командир – подчиненный) и горизонтали (внутри подразделения), б) лояльности нормам организации и субъектной позиции военнослужащих, готовых осознанно разделить замысел автономного действия [5, 6]. Практики автономности в данном исследовании – это конкретные, наблюдаемые и тиражируемые образцы управленческого поведения и решений, реализуемые командирами в ответ на специфические вызовы среды. Их сравнительный анализ по трем ключевым контекстам представлен в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ практик управленческой автономии в различных условиях функционирования военной организации

Критерий сравнения	Мирное время (Повседневная деятельность)	Локальные конфликты (Исторический опыт)	Специальная военная операция (СВО)
Тип автономии	Превентивная, корректирующая	Адаптивно-субSTITУТИВНАЯ (замещающая)	Тотальная, сетезамещающая
Главный триггер	Внутренние социально-административные противоречия, риск девиаций	Оперативно-тактическая необходимость (разобщенность, сложный рельеф, асимметрия)	Системно-технологическая принудительность (РЭБ, высокие темпы, нелинейность фронта)
Ключевые практики	Отклонение от регламента для разрешения конфликтов. 1. Перераспределение ресурсов для поддержания быта и морального духа. 2. Социальная медиация	Самостоятельная оценка обстановки и выбор момента для атаки/отхода. – Налаживание взаимодействия с местным населением. – Импровизация в рамках общей задачи	«Вертикаль доверия»: постановка задачи по результату. 1. Реальное время принятия решений на основе ограниченной сенсорной информации. 2. Самоорганизация штурмовых групп и сводных отрядов. 3. Прямое горизонтальное взаимодействие в обход штабов
Основной ресурс	Неформальный авторитет, социальный интеллект, организационная лояльность	Профессиональная выучка, субъектная позиция коллектива, неформальные нормы «спасения»	Экстремальная стрессоустойчивость, готовность к сверхнормативной ответственности, волевые качества
Институциональные рамки	Жестко ограничены уставами и регламентами	Формально ограничены, но неформально расширены «правом на спасение» подчиненных	Фактически определяются боевой обстановкой, формальные рамки часто нерелевантны
Основная функция	Сохранение социального гомеостаза, профилактика срывов	Замещение утраченной/запаздывающей связи, адаптация к локальным условиям	Обеспечение выживания и выполнение миссии в условиях распада централизованного управления

Эволюция практик автономности: сравнительный анализ

1. Мирное время: превентивная и корректирующая автономия. В условиях повседневной деятельности автономия носит латентный, ограниченный характер. Ее источник – не внешний враг, а внутренние дисфункции системы: конфликты в коллективе, бюрократические проволочки, несоответствие формальных требований реальным условиям. Практики командира здесь направлены на упреждающее снятие социального напряжения, что является ключевой задачей военно-социального управления [7]. Пример практики: командир роты, видя нарастающую усталость личного состава после череды проверок, автономно меняет план дня, заменяя плановое тактическое занятие на спортивно-массовое мероприятие, предотвращая срыв морально-

психологического состояния. Эффективность такой практики напрямую зависит от уровня доверия и неформального авторитета руководителя [8]. Границы автономии жестко очерчены, ее цель – корректировка системы для сохранения ее стабильности.

2. Боевые действия в локальных конфликтах: адаптивно-субSTITУТИВНАЯ автономия. Опыт конфликтов в Афганистане, Чечне и Сирии демонстрирует автономию как форму замещения (субSTITУции) временно утраченных связей с вышестоящим командованием. Географическая разобщенность, горная местность, действия противника делали централизованное управление эпизодическим. Пример практики: командир разведывательной группы, выполняя задачу по обнаружению противника в интересах мотострелкового батальона, вступает в неожиданный огневой контакт. Не имея возможности или времени запросить инструкции,

он самостоятельно принимает решение: на максимальное огневое поражение противника, на отход по альтернативному маршруту, спасая личный состав группы и сохраняя средства разведки, связи и наблюдения. Здесь формируются неформальные нормы, где решение, сохраняющее жизнь и боеспособность, получает высшую легитимацию, даже при отклонении от первоначального приказа. Ключевую роль играет уже не только командир, но и субъектная позиция подчиненных, их способность понять и поддержать его замысел [9].

3. Специальная военная операция: тотальная и сетезамещающая автономия. СВО актуализировала качественно новый уровень автономности, обусловленный такими беспрецедентными вызовами, как следующее.

1. Технологический фактор: массированное применение средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) делает связь хронически неустойчивой и скрытной.

2. Оперативный фактор: высокая интенсивность боев, применение высокоподвижных штурмовых групп и дронов-камикадзе требуют реакции в режиме реального времени.

3. Тактический фактор: нелинейность линии со-прикосновения приводит к действиям в окружении или полуокружении.

В этих условиях автономия становится основным режимом управления на тактическом уровне. Практика «вертикали доверия» – когда командир батальона ставит командиру роты задачу «удержать рубеж» или «взять опорный пункт», минимально детализируя способы, – становится критически важной [10]. Командир роты, в свою очередь, действует как узел в децентрализованной сети, напрямую взаимодействуя с приданной артиллерией, соседями и беспилотниками, часто минуя штаб батальона. Психологическая нагрузка на руководителя достигает экстремальных величин: он несет груз единоличной ответственности в условиях, когда связь с командованием и тылом может быть утрачена на часы или сутки.

Институционализация автономии: системные рекомендации

Стихийно рожденные в «горниле» СВО практики требуют осмыслиения и превращения в легитимный институт. Это комплексная задача, требующая изменений на нескольких уровнях.

1. Доктринальный и нормативный уровень. Необходимо официальное закрепление принципов «доверенной тактики» (методология подготовки «mission command») в базовых руководящих документах [11]. Это должно включать не только тезисы о важности инициативы, но и четкие, гибкие регламенты: условия, при которых командир имеет право действовать автономно; границы этой автономии (запрещенные действия); и порядок после-

дующей отчетности. Это легитимизирует практики, которые сегодня находятся в «серой зоне».

2. Система подготовки и обучения. Требуется радикальный пересмотр программ подготовки командиров тактического звена. Акцент должен сместиться: а) от отработки действий по шаблону и запоминания уставных алгоритмов; б) к развитию критического мышления, тактической интуиции и управляемческой рефлексии.

Методы: а) внедрение сложных, нелинейных сценариев на командно-штабных учениях и полигонах; б) использование военных игр (методология подготовки «wargaming») и симуляторов, моделирующих условия дефицита информации и давления времени; в) разбор не только успешных, но и ошибочных решений с фокусом на анализ, а не наказание (рис. 1).

3. Технологический уровень. Техника должна расширять, а не ограничивать автономию командира. Ключевое направление – обеспечение информационного превосходства на тактическом уровне:

- оснащение командиров взводов и рот защищенными цифровыми тактическими планшетами с офлайн-картами и возможностью получения обновленной разведывательной информации даже при кратковременном доступе к сети;
- интеграция в их контур управления разведывающих БПЛА ближнего радиуса действия, дающих независимую картину поля боя;
- развитие децентрализованных сетевых архитектур связи, устойчивых к подавлению.

4. Организационно-культурный уровень. Самый сложный и важный элемент. Необходима целенаправленная работа по формированию культуры ответственной автономии и доверия.

1. По вертикали: вышестоящие командиры должны делегировать полномочия, формулируя задачи «по результату», и воспринимать разумную инициативу подчиненного (даже приведшую к неудаче) как учебный опыт, а не как повод для санкций.

2. По горизонтали: поощрение прямого взаимодействия между смежными подразделениями для ускорения принятия решений.

3. Система оценки: введение в критерии оценки командиров не только исполнительности, но и демонстрации разумной инициативы, лидерских качеств и способности действовать в неопределенности.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ убедительно демонстрирует качественную эволюцию практик управляемческой автономии, отражающую глубинные изменения в характере современной войны и требованиях к системам военного управления. Автономия претерпела смысловую трансформа-

цию: от инструмента корректировки социальной системы в мирное время, через механизм адаптивного замещения утраченных связей в локальных конфликтах, к статусу конституирующему, системообразующего элемента в условиях высокотехнологичной гибридной войны, какой является специальная военная операция. Эта эволюция носит не случайный, а закономерный характер, отражая объективный ответ военной организации на возрастающую сложность, динамику и насыщенность информационно-техническими средствами поля боя. Эмпирический опыт, полученный в ходе СВО, со всей очевидностью показал, что эффективность военной организации будущего будет напрямую определяться не техническим превосходством само

по себе, а ее способностью к быстрой адаптации. Эта способность, в свою очередь, фундаментально зависит от умения не подавлять, а целенаправленно культивировать конструктивную, ответственную и социально обоснованную автономию командиров тактического звена. Система, полагающаяся на героическую импровизацию одиночек в критический момент, по своей сути уязвима и непредсказуема. Поэтому ключевой задачей становится переход от стихийных, персонализированных практик к выстроенной институциональной экосистеме, которая последовательно готовит, наделяет четкими полномочиями, технологически поддерживает, культурно поощряет и нормативно легитимизирует автономного руководителя.

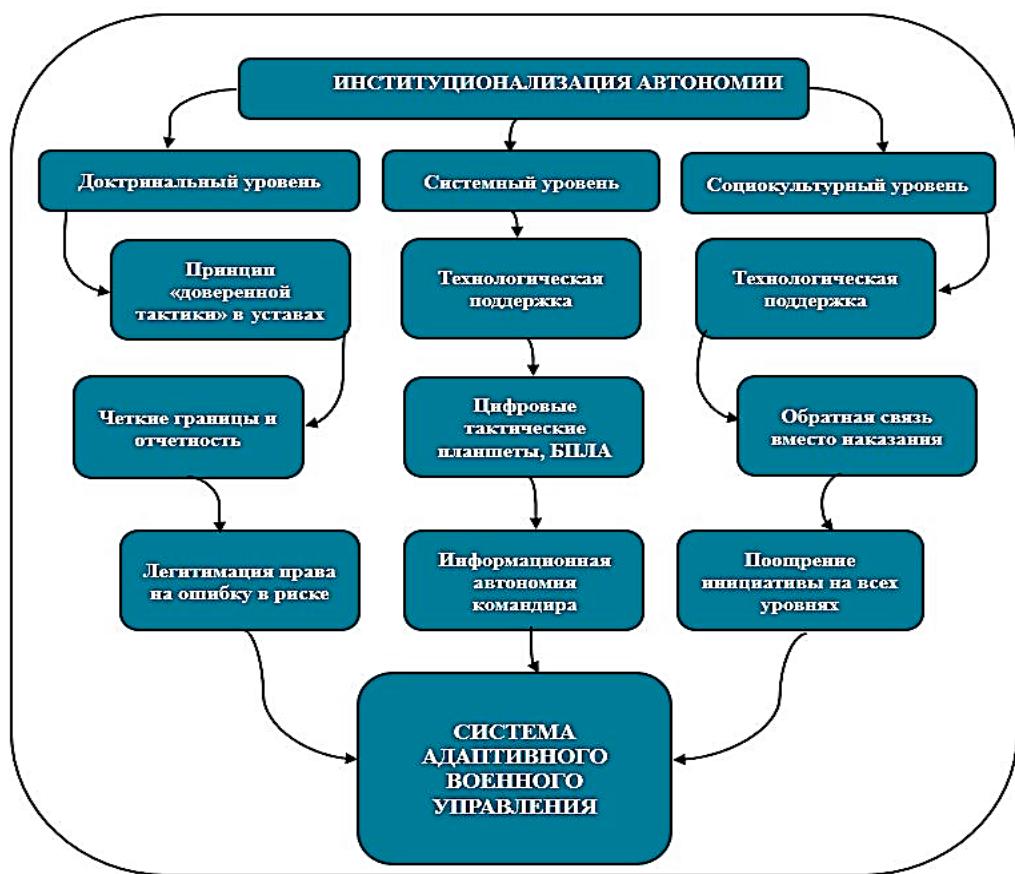

Рис. 1. Многоуровневая модель институционализации управляемой автономии в военной организации

Таким образом, институционализация автономии предстает не как тактическое усовершенствование, а как стратегический императив трансформации военного управления. Это многомерный процесс, синхронно затрагивающий четыре ключевых уровня.

1. Доктринальный – закрепление принципов «доверенной тактики» и гибких регламентов.

2. Дидактический – коренная перестройка системы подготовки в сторону развития критического мышления и компетенций действий в неопределенности.

3. Технологический – создание инфраструктуры, обеспечивающей информационное превос-

ходство и оперативную самостоятельность командира на поле боя.

4. Социокультурный – формирование этики ответственности и культуры глубокого доверия по вертикали и горизонтали командной цепочки.

Только такой целостный, системный подход позволит осуществить ключевое преобразование: превратить управляемую автономию из индивидуального, сопряженного с высоким личным риском качества отдельного командира в надежный, прогнозируемый и масштабируемый организационный актив. Именно этот актив станет основой живучести, гибкости и оперативного превосходства военной организации в новую эпоху, где

«туман войны» стал перманентной средой функционирования. Будущие конфликты будут выигрывать не просто более оснащенные, но и более «обучающиеся», адаптивные и наделенные разумной свободой действия организации, сумевшие превратить вызов неопределенности в свое основное тактическое преимущество.

Литература

1. Слипченко В.И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2018. 384 с.
2. Кораблев О.Ю. Управленческая автономия в военных организациях: теория и методология исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 2. С. 64–89.
3. Власов А.А. Феномен управленческой автономии в военно-социальных системах: теоретико-методологические основы исследования // Вестник Военного университета. 2022. № 3 (71). С. 45–57.
4. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
5. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003.
6. Литвинова О.Ю. Субъектная позиция как условие формирования психологической готовности военнослужащего к деятельности в экстремальных условиях // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12.
7. Погребной Д.Н. Служебное поведение военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации: дисс. ... канд. социол. наук. 2022.
8. Доминяк В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дисс. ... канд. психол. наук. 2006.
9. Van Creveld M. Command in War. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. 352 p.
10. Кондратьев Р.В. Опыт управления подразделениями в условиях современного общевойскового боя (по материалам СВО) // Военная мысль. 2023. № 5. С. 75–85.
11. U.S. Army. ADP 6–0: Mission Command. Washington, D.C., 2019. 88 p.
12. Citino R.M. The German Way of War: From the Thirty Years' War to the Third Reich. Lawrence: University Press of Kansas, 2005. 448 p.
13. Манилов В.Л. Будущая война: облик, управление, противостояние. – М.: МОФ «Знание», 2020. 256 с.
14. Психофизиологический подход к оценке и прогнозированию психогенных потерь в современных вооруженных конфликтах / Ю.Л. Старенченко, Е.А. Чернявский, В.В. Юсупов [и др.] // Военно-медицинский журнал. 2023. Т. 344, № 9.

ACTUAL PRACTICES OF EXECUTIVE AUTONOMY IN A MILITARY ORGANIZATION: FROM PEACETIME TO A SPECIAL MILITARY OPERATION

Krganov R.R.

Military University named Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the transformation of the practices of managerial autonomy of operational and tactical level commanders in the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Armed Forces of the Russian Federation) under the influence of the challenges of modern dynamic conflict. Based on the integration of systemic (N. Luhmann) and subject-activity (A. Derkach, V. Zazykin) approaches, autonomy is analyzed as a socio-managerial phenomenon that performs a critical function of ensuring the survivability and adaptability of the military management system in the conditions of the “fog of war”. A comparative analysis of the specifics and forms of autonomy in three key contexts is carried out: peacetime (preventive and corrective autonomy), local conflicts of the past (adaptive-substitutive autonomy) and a special military operation (total and network-substituting autonomy). The conclusion is made that it is necessary to purposefully form institutional foundations, modernize the training system and transform organizational culture in order to legitimize and cultivate constructive autonomy as a systemic factor in improving the effectiveness of military-social management.

Keywords: executive autonomy, military-social management, management practices, special military operation, adaptability, military organization, «fog of war», trusted tactics.

References

1. Slipchenko V.I. Sixth Generation Wars: Weapons and Military Art of the Future. Moscow: Veche, 2018. 384 p.
2. Korablyov O. Yu. Managerial Autonomy in Military Organizations: Theory and Research Methodology // Sociology of Power. 2021. Vol. 33. № 2. Pp. 64–89.
3. Vlasov A.A. The Phenomenon of Managerial Autonomy in Military-Social Systems: Theoretical and Methodological Foundations of Research // Bulletin of the Military University. 2022. № 3 (71). Pp. 45–57.
4. Luhmann N. Society as a Social System. Moscow: Logos, 2004.
5. Derkach A.A., Zazykin V.G. Acmeology. SPb.: Piter, 2003.
6. Litvinova O. Yu. Subjective position as a condition for the formation of psychological readiness of a serviceman for activity in extreme conditions // Theory and practice of social development. 2012. № 12.
7. Pogrebnoy D.N. Official behavior of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: current state and ways of optimization: diss. ... Cand. Sci. (Sociology). 2022.
8. Dominyak V.I. Organizational loyalty: a model of fulfillment of an employee's expectations from his organization: diss. ... Cand. Sci. (Psychology). 2006.
9. Van Creveld M. Command in War. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. 352 p.
10. Kondratyev R.V. Experience of managing units in conditions of modern combined arms combat (based on the materials of the Air Defense Forces) // Military Thought. 2023. № 5. Pp. 75–85.
11. U.S. Army. ADP 6–0: Mission Command. Washington, D.C., 2019. 88 p.
12. Citino R.M. The German Way of War: From the Thirty Years' War to the Third Reich. Lawrence: University Press of Kansas, 2005. 448 p.
13. Manilov V.L. Future War: Appearance, Management, Confrontation. Moscow: MOF “Knowledge”, 2020. 256 p.
14. Psychophysiological Approach to Assessing and Predicting Psychogenic Losses in Modern Armed Conflicts / Yu.L. Starichenko, E.A. Chernyavsky, V.V. Yusupov [et al.] // Military Medical Journal. 2023. Vol. 344, № 9.

Проблемы и перспективы местного самоуправления в урбанизированных поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа как фактор социальной безопасности Арктического макрорегиона

Мигалов Егор Андреевич,
аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления
Тюменского индустриального университета
E-mail: emigalow@yandex.ru

Барбакова Елена Викторовна,
старший преподаватель кафедры математики и прикладных
информационных технологий Тюменского индустриального
университета
E-mail: barbakovaev@tyuiu.ru

Статья посвящена комплексному анализу системных дисфункций местного самоуправления в городах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), рассматриваемых в качестве ключевых факторов социальных рисков для устойчивого развития евразийского арктического макрорегиона. Актуальность исследования обусловлена стратегической ролью ЯНАО как энергетического центра, социальная стабильность которого является необходимым условием энергобезопасности и геополитического баланса в Евразии. На основе междисциплинарного подхода, включающего анализ статистических данных, нормативно-правовой базы и результатов авторского социологического исследования, выявлены институциональные, финансовые и социокультурные ограничения эффективности муниципальной власти. Автором систематизированы основные угрозы социальной безопасности, генерируемые несовершенством местного самоуправления: от миграции и этнокультурной напряженности до риска инфраструктурного коллапса. В качестве научной новизны представлена дифференцированная типология арктических городов по характеру проблем МСУ и разработана система мер по их минимизации, включающая модернизацию финансовых механизмов, внедрение адаптивных моделей управления и усиление общественного участия. Результаты исследования имеют практическую значимость для формирования региональной и федеральной политики, направленной на укрепление социальной устойчивости стратегически важных арктических территорий Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное управление, социальная безопасность, Ямало-Ненецкий автономный округ, Арктическая зона, моногород, урбанизация, евразийское пространство.

Актуальность

Социальная безопасность, понимаемая как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, в евразийском контексте приобретает особую пространственную размеренность [1, 10–13]. Ее обеспечение в Арктической зоне России, являющейся не только кладовой стратегических ресурсов, но и зоной пересечения глобальных интересов, представляет собой сложнейшую многоуровневую задачу. Ямало-Ненецкий автономный округ выступает ключевым субъектом российской Арктики, обеспечивая свыше 80% общероссийской и около 20% мировой добычи природного газа. Однако социально-экономическое благополучие его городских поселений – Нового Уренгоя, Ноябрьска, Салехарда, Надыма, Губкинского – выступающее основой кадрового и социального обеспечения нефтегазового комплекса, остается уязвимым. Эта уязвимость во многом детерминирована системными проблемами институтов местного самоуправления (МСУ), которые, проявляясь в процессе взаимодействия власти и общества, аккумулируют весь спектр региональных противоречий.

Эффективность МСУ в условиях ЯНАО определяет качество предоставления публичных услуг, уровень социального самочувствия населения и, как следствие, стабильность трудовых коллективов, обеспечивающих бесперебойность стратегических поставок энергоресурсов в евразийском и глобальном масштабах. Таким образом, дисфункции на муниципальном уровне трансформируются из локальных управленческих трудностей в факторы макрорегионального риска. Целью настоящего исследования стало выявление и комплексный анализ ключевых системных проблем местного самоуправления в городах ЯНАО, оценка их влияния на параметры социальной безопасности и разработка научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию муниципальной политики в арктическом регионе.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать МСУ как элемент сложной социально-

экономической и этнокультурной системы арктического региона. В исследовании применялся комплекс общенациональных и специальных методов.

1. Теоретический анализ: изучение научной литературы по проблемам муниципального управления, социальной безопасности и регионального развития Арктики.

2. Нормативно-правовой анализ: экспертиза федерального и регионального законодательства, уставов муниципальных образований (МО) ЯНАО, регулирующих вопросы МСУ.

3. Статистический анализ: обработка данных Росстата, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО, открытых отчетов администраций городских округов за период 2018–2023 гг.

4. Анкетный опрос, проведенный автором в 2023 г., среди жителей пяти городских округов ЯНАО (800 респондентов). Опрос включал блоки по оценке функционирования МСУ, социальному самочувствию, миграционным настроениям и межэтническим отношениям.

5. Сравнительно-типологический метод: выделение типов городских поселений ЯНАО по доминирующим проблемам.

Эмпирическую базу составили официальные статистические сборники, данные мониторингов социально-экономического положения МО, а также результаты прикладных исследований, проведенных научными коллективами Научного центра изучения Арктики (г. Салехард), Института социологии ФНИСЦ РАН.

Эффективность МСУ не может анализироваться в отрыве от специфики территории. Города ЯНАО функционируют в уникальной совокупности условий, формирующих «арктический вызов» для муниципального управления.

1. Сырьевая монозависимость и феномен «корпоративных городов». Экономика ключевых центров округа (Новый Уренгой, Губкинский) гипертрофированно зависит от градообразующих предприятий ТЭК («Газпром добыча Уренгой», «Газпром добыча Надым»). Это создает модель «корпоративного города», где крупный бизнес выступает не только основным налогоплательщиком, но и часто – суррогатом социальной ин-

фраструктуры. Как отмечают исследователи из Института экономики УрО РАН, такая модель приводит к «размытию ответственности», когда муниципалитет делегирует часть своих социальных полномочий компаниям, что в долгосрочной перспективе ослабляет институты МСУ [2]. Бюджеты МО критически зависят от налога на доходы физических лиц, поступающего от работников ТЭК, и отчислений от прибыли предприятий, что делает их крайне волатильными и зависимыми от конъюнктуры мировых цен на углеводороды.

2. Сложный этногеографический конгломерат. ЯНАО является территорией одновременного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС: ненцы, ханты, селькупы), ведущих традиционный образ жизни, и многонационального пришлого населения, сконцентрированного в городах и вахтовых поселках. По данным переписи 2020 г., доля КМНС в округе составляет около 9%, однако их культурное и политическое значение существенно выше. Муниципальная политика должна одновременно обеспечивать условия для сохранения и адаптации традиционного уклада КМНС, что порождает сложные управленические дилеммы.

3. Экстремальность природно-климатических и логистических условий. Суровый климат (среднегодовая температура -5°C), вечная мерзлота, удаленность от промышленных и культурных центров России многократно увеличивают стоимость жизни и усложняют предоставление любых услуг – от строительства жилья до организации систем здравоохранения и образования. Износ коммунальной инфраструктуры в ряде городов достигает 60–70%, а ее обновление требует специальных технологий и колоссальных инвестиций, неподъемных для местных бюджетов.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил структурировать ключевые дисфункции МСУ по четырем взаимосвязанным сферам. Их проявления и трансформация в угрозы социальной безопасности представлены в табл. 1.

Таблица 1. Системные проблемы местного самоуправления в городах ЯНАО и их влияние на социальную безопасность региона

Сфера проблемы	Основное проявление	Влияние на социальную безопасность (риски)
Финансово-бюджетная	<ul style="list-style-type: none"> - высокая, до 70–80%, зависимость доходов МО от отчислений градообразующих компаний ТЭК [3]; – ограниченность собственной налоговой базы (неразвитость малого и среднего бизнеса); – недофинансирование долгосрочных социальных и инфраструктурных программ из-за бюджетной нестабильности 	<ul style="list-style-type: none"> - рост социальной напряженности при сокращении бюджетных расходов (снижение качества услуг, замораживание программ); – низкое качество и доступность социальных услуг (образование, здравоохранение, культура), стимулирующие миграционный отток; – неспособность к стратегическому планированию развития территории

Окончание

Сфера проблемы	Основное проявление	Влияние на социальную безопасность (риски)
Социально-демографическая	- дисбаланс половозрастной структуры (преобладание мужчин трудоспособного возраста); – высокая ротация «вахтового» населения (до 30–40% в год в отдельных МО), не обладающего устойчивыми социальными связями с территорией [4]; – маргинализация части оседлой молодежи в условиях «денежной» экономики и дефицита альтернативной работы	- размывание социального капитала, низкий уровень общественного доверия и солидарности; – рост девиантного поведения (алкоголизм, наркомания), особенно в монопрофильных городах; – снижение социального оптимизма и долгосрочных жизненных стратегий у постоянных жителей
Этносоциальная	- латентные культурные конфликты между пришлым населением и КМНС (стереотипы, бытовая дискриминация); – неадаптированность городской социальной инфраструктуры (детсады, поликлиники) к культурным особенностям и образу жизни семей КМНС	- рост этнической напряженности, возможность ее политизации; – маргинализация и люмпенизация части коренного населения в городской среде; – утрата уникального культурного кода территории, являющегося элементом ее социальной устойчивости [5]
Инфраструктурно-экологическая	- критический износ (60–70%) объектов ЖКХ, построенных в 1970–80-е гг.; – дефицит современного комфорtnого жилья, высокая стоимость квадратного метра; – низкое качество внутригородской и межпоселенческой транспортной связности; – накопленный экологический ущерб от промышленной деятельности	- повышение рисков техногенных аварий и катастроф (прорывы теплотрасс, аварии на котельных); – снижение привлекательности территории для постоянного проживания, особенно для семей; – ухудшение здоровья населения из-за экологических факторов и стресса от проживания в некомфортной среде

Результаты авторского социологического опроса, проведенного в 2023 г., подтверждают остроту обозначенных проблем. Так, лишь 23,4% респондентов выразили удовлетворенность деятельностью органов МСУ своего города, в то время как 67,1% оценили ее как недостаточно эффективную, особенно в сферах ЖКХ и благоустройства. Ключевым индикатором кризиса выступает глубокая мировоззренческая разобщенность между постоянными жителями и временным («вахтовым») контингентом. Так, на вопрос о главных проблемах города 68% постоянных жителей назвали «износ коммунальной инфраструктуры» и «плохое состояние дворов», в то время как для 74% вахтовиков основной проблемой является «неразвитость досяговой инфраструктуры» и «высокие цены в сфере услуг». Это свидетельствует о формировании параллельных социальных реальностей и отсутствии консенсуса относительно приоритетов развития территории, что резко ограничивает способность МСУ формулировать и реализовывать общепризнанные программы, удовлетворяющие запросы всех групп населения.

Важным аспектом исследования стала оценка каналов обратной связи с муниципальной властью. Абсолютное большинство респондентов (82%) заявило, что никогда не обращались с инициативами или жалобами в органы МСУ. При этом среди причин такого поведения доминировали не институциональные, а субъективно-психологические факторы: 44% опрошенных считают, что «их обращение ничего не изменит», а 31% полагает, что «чиновники решают только вопросы «своих» лю-

дей. Лишь 7% знакомы с механизмами участия в публичных слушаниях или работе общественных советов. Эти данные указывают на критический дефицит неформальных связей доверия между населением и муниципальной властью, который превращает формальные институты МСУ в «пустые оболочки». Такой разрыв не только блокирует поступление актуальной социальной информации «снизу вверх», но и создает почву для распространения деструктивных слухов и спонтанных форм социального протesta, что напрямую угрожает социальной стабильности в ключевых арктических городах.

Тревожным индикатором кризиса социального оптимизма являются миграционные настроения: 44,8% опрошенных в возрасте 18–35 лет рассматривают возможность переезда из округа в ближайшие 3–5 лет. В сфере межэтнических отношений 57,6% респондентов, относящих себя к КМНС, отметили ощущение неравенства в доступе к качественным образовательным и медицинским услугам в городских учреждениях [6].

Обсуждение. Важным аспектом анализа является неоднородность муниципального пространства ЯНАО. Проблемы МСУ имеют различную конфигурацию в зависимости от типа города.

1. Крупные моногорода с преобладанием вахтового труда (Новый Уренгой, Надым). Ключевой вызов – формирование устойчивого местного сообщества. Высокая ротация населения, проживающего в ведомственном жилье, подрывает основы гражданской идентичности и социальной солидарности. МСУ здесь часто действует по логике

«обслуживания» градообразующего предприятия, а не развития территории для людей. Исследования социологов Научного центра изучения Арктики показывают, что в таких городах крайне низок уровень развития территориального общественного самоуправления (ТОС) и общественных инициатив [6].

2. Административный и культурный центр (Салехард). Основная проблема – поддержание качества жизни, сопоставимого с уровнем крупных городов «большой земли», для удержания квалифицированных кадров управления, образования, здравоохранения. Нагрузка на социальную инфраструктуру постоянно растет, а возможности для ее расширения ограничены логистикой и климатом. Здесь наиболее ярко проявляется конфликт между ожиданиями населения и финансовыми возможностями МСУ.

3. Города со «смешанной» экономикой и населением (Лабытнанги, Муравленко). На первый план выходят задачи социальной интеграции различных групп, поддержки малого бизнеса, не связанного с ТЭК, и создания многообразной городской среды. Проблемы МСУ носят здесь более сбалансированный, но и более комплексный характер.

Дисфункции МСУ в ЯНАО не остаются локальными трудностями. Они эскалируют, создавая риски для социальной безопасности всего арктического макрорегиона в евразийском измерении.

1. Демографический и кадровый кризис. Устойчивый отток наиболее активной и образованной части населения в среднесрочной перспективе ведет к деградации человеческого капитала, без которого невозможно ни освоение ресурсов, ни инновационное развитие Арктики. Это прямая угроза экономической безопасности страны.

2. Дестабилизация социальной среды. Рост социальной аномии, девиаций и протестных настроений в моногородах может привести к социальным взрывам, парализующим работу стратегических предприятий. Работы В.Н. Иванова и А.В. Констиной демонстрируют прямую корреляцию между качеством муниципального управления и уровнем социальных конфликтов в ресурсодобывающих регионах [7].

3. Эскалация этнополитической напряженности. Нерешенные проблемы адаптации и интеграции КМНС в урбанизированную среду создают пигтейльную среду для этнонационализма и сепаратистских настроений, что может быть использовано внешними силами в рамках «гибридных» войн в Арктике [8].

4. Инфраструктурная и экологическая катастрофа. Отложенная модернизация изношенных систем жизнеобеспечения в условиях вечной мерзлоты чревата крупными авариями, последствия которых будут носить трансграничный характер (загрязнение акватории Обской губы, Карского моря) [9].

Выходы

Таким образом, проблемы МСУ в ЯНАО через цепочку причинно-следственных связей трансформируются в факторы, подрывающие энергетическую, экологическую и, в конечном счете, национальную безопасность России в Арктике, что имеет прямое значение для баланса сил в Евразии.

Для нейтрализации выявленных угроз необходим переход от реактивного «латания дыр» к стратегическому управлению социальной безопасностью на муниципальном уровне. Авторами предлагается следующий комплекс мер.

1. Разработка и законодательное закрепление дифференцированной модели МСУ для арктических городских округов. Необходимо признать их особый статус, предусматривающий расширение полномочий и одновременно усиление ответственности. Модель должна включать специальные механизмы софинансирования инфраструктурных проектов из федерального бюджета (по аналогии с Дальним Востоком) и целевые «арктические» трансферты.

2. Создание устойчивой финансовой основы. Помимо федеральной поддержки, требуется:

- введение «арктического коэффициента» к нормативам отчислений налога на прибыль и НДФЛ в местные бюджеты;
- стимулирование развития несырьевого малого и среднего бизнеса через муниципальные налоговые льготы для создания альтернативной налоговой базы;
- развитие механизмов государственно-частного партнерства для модернизации ЖКХ и социальных объектов.

3. Внедрение инновационных практик общественного участия и «умного управления»:

- создание на постоянной основе общественных советов при главах МО с реальными полномочиями по контролю за бюджетными расходами и оценке программ;
- активное развитие ТОС, особенно в микрорайонах с высокой долей постоянного населения, с предоставлением микрогрантов на локальные инициативы;
- запуск цифровых платформ («Умный Ямал») для сбора обращений, проведения консультаций и краудсорсинга решений по городским проблемам.

4. Реализация адресных программ социальной адаптации и интеграции:

- для вахтовиков и мигрантов: программы культурной ориентации, легализации трудовых отношений, содействие в переходе к оседлому проживанию;
- для молодежи: создание центров развития компетенций, не связанных с ТЭК (IT-кластеры, креативные индустрии, сервис для Арктики);

Для КМНС: не только квоты, но и комплексная поддержка при получении современного образо-

вания и трудоустройства в городе; создание этно-культурных центров как точек интеграции.

5. Активное международное сотрудничество в сфере муниципального развития Арктики. Обмен опытом с северными регионами Норвегии, Канады, Финляндии в области устойчивого городского планирования, социальной работы в условиях Крайнего Севера, вовлечения коренных народов в управление.

Заключение. Местное самоуправление в городах Ямало-Ненецкого автономного округа функционирует в условиях уникальной совокупности вызовов, порожденных сырьевой экономикой, сложны этнодемографическим составом и экстремальной средой. Накопленные системные дисфункции МСУ – финансово-бюджетная неустойчивость, неспособность консолидировать разрозненные сообщества, слабость в решении инфраструктурных проблем – трансформируются из управлеченческих просчетов в факторы социального риска. Эти риски, проявляясь в демографическом оттоке, социальной деградации, этнической напряженности и износе систем жизнеобеспечения, угрожают стабильности не только ЯНАО, но и всего арктического макрорегиона как стратегического ресурсного и geopolитического узла Евразии.

Предложенные меры по модернизации МСУ носят комплексный характер и требуют политического одобрения на федеральном и региональном уровнях. Они направлены на переход от патерналистской модели управления арктическими территориями к модели самоуправления, основанной на финансовой устойчивости, общественном участии и учете специфики каждого типа городского поселения. Реализация данной модели – это не просто улучшение муниципальных практик, а необходимое условие для обеспечения долгосрочной социальной безопасности и, как следствие, укрепления позиций России в евразийской Арктике.

Литература

1. Беляев В. А., Смирнов А.В. Социальная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты // Государство и право. – 2020. – № 8. С. 67–75.
2. Зaborцева Т.И. Павлов К.В. Корпоративные города в Арктике: социальная ответственность бизнеса или квазимуниципальное управление? // экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 1199–1213.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «муниципальная статистика» по ЯНАО. – URL: <https://rosstt.gov.ru/folder/11109> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Колосов В. А., Зотова М.В. Вахтовые мигранты в Арктике: социальный портрет и проблемы адаптации // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 70–81.
5. Этносоциологический мониторинг неоиндустриального освоения Арктики / О.М. Барбаков, М.Л. Белоножко, Л.Н. Белоножко, А.С. Гурджинян и др. Тюмень, 2018.
6. Петрова А. Н., Селин В.С. Устойчивое развитие арктических моногородов: роль местного сообщества и гражданских инициатив // Арктика: экология и экономика. – 2023. – № 1 (49). – С. 90–102.
7. Иванов В. Н., Костина А.В. Социальные конфликты в ресурсных регионах России: факторы и механизмы урегулирования. – М.: ИС РАН, 2019. – 248 с.
8. Конторович А.Э. Эпов М.И. Нефтегазовый потенциал Российской Арктики: вызовы и перспективы освоения // Бурение и нефть. – 2020. – № 11. – С. 6–12.
9. Фомичев И.Ю. Современные проблемы освоения Арктики / В сб.: Вузовская наука: проблемы подготовки специалистов. Материалы Международной научно-практической конференции. / отв. редактор М.Л. Белоножко. Тюмень, 2021. С. 373–375.
10. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
11. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Роль правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности в контексте социокультурных факторов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 341–345.
12. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
13. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN URBANIZED SETTLEMENTS OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT AS A FACTOR OF SOCIAL SECURITY IN THE ARCTIC MACROREGION

Migalov E.A., Barbakova E.V.
Industrial University of Tyumen

The article is devoted to a comprehensive analysis of systemic dysfunctions of local self-government in the cities of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YNAO), which are considered as key factors of social risks for the sustainable development of the Eurasian Arctic macro-region. The relevance of the study is due to the strategic role

of the YNAO as an energy center, whose social stability is a necessary condition for energy security and geopolitical balance in Eurasia. Based on an interdisciplinary approach that includes the analysis of statistical data, the legal framework, and the results of the author's sociological research, the article identifies institutional, financial, and sociocultural limitations on the effectiveness of municipal government. The author systematizes the main threats to social security generated by the imperfections of local self-government, from migration and ethno-cultural tensions to the risk of infrastructure collapse. As a scientific novelty, the author presents a differentiated typology of Arctic cities based on the nature of their local self-government problems and develops a system of measures to minimize them, including the modernization of financial mechanisms, the introduction of adaptive management models, and the strengthening of public participation. The results of this research have practical significance for the development of regional and federal policies aimed at strengthening the social sustainability of the strategically important Arctic territories of the Russian Federation.

Keywords: local self-government, municipal administration, social security, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Arctic zone, single-industry town, urbanization, Eurasian space.

References

1. Belyaev, V. A., Smirnov, A. V., "Social Security in the National Security System of the Russian Federation: Theoretical and Legal Aspects," State and Law, 2020, № 8, Pp. 67–75.
2. Zabotseva, T. I., Pavlov, K. V., "Corporate Cities in the Arctic: Social Responsibility of Business or Quasi-Municipal Governance?" Regional Economy, 2021, Vol. 17, № 4, Pp. 1199–1213.
3. Official website of the Federal State Statistics Service. Section "Municipal Statistics" for the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – URL: <https://rosstt.gov.ru/folder/11109> (accessed: 10.03.2024).
4. Kolosov V. A., Zotova M.V. Rotational migrants in the Arctic: social portrait and adaptation problems // Sociological studies. – 2022. – № 5. – P. 70–81.
5. Ethnoscience monitoring of neo-industrial development of the Arctic / O.M. Barbakov, M.L. Belonozhko, L.N. Belonozhko, A.S. Gyurjinyan et al. Tyumen, 2018.
6. Petrova A. N., Selin V.S. Sustainable development of Arctic single-industry towns: the role of the local community and civil initiatives // Arctic: ecology and economy. – 2023. – № 1 (49). – P. 90–102.
7. Ivanov V. N., Kostina A.V. Social conflicts in resource regions of Russia: factors and settlement mechanisms. -M.: Institute of Geophysics of the Russian Academy of Sciences, 2019. – 248 p.
8. Kontorovich A.E. Epov M.I. Oil and Gas Potential of the Russian Arctic: Challenges and Development Prospects // Drilling and Oil. – 2020. – № 11. – Pp. 6–12.
9. Fomichev I. Yu. Modern Problems of Arctic Development / In the collection: University Science: Problems of Specialist Training. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. / Editor-in-Chief M.L. Belonozhko. Tyumen, 2021. Pp. 373–375.
10. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 21–27.
11. Ardashev R.G., Adilov A.N. The Role of Law Enforcement Agencies in Ensuring Social Security in the Context of Sociocultural Factors // I East Siberian Legal Forum. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 341–345.
12. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security of Public Development // Sociology. 2025. № 7. Pp. 6–11.
13. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security in the Context of Nonlinear Development // Sociology. 2025. № 8. Pp. 6–11.

Система управления кадетским образованием в современной России

Рычихина Элина Николаевна,

доктор социологических наук, доцент, профессор,
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы «Московский городской
педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ)
E-mail: RichihinaEN@mgpu.ru

Спиченко Артем Алексеевич,

аспирант департамента клинических, психологических
и педагогических основ развития личности, Государственное
автономное образовательное учреждение высшего
образования города Москвы «Московский городской
педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ)
E-mail: SpichenkoAA@mgpu.ru

Рост значимости кадетского образования и интереса общества к нему требует особого внимания к созданию четкой системы управления, способствующей развитию и повышению качества данной формы образования в России. В предлагаемой статье анализируется сложившаяся современная система управления кадетского образования, выделяются цели и задачи данной системы, формируются принципы ее функционирования и различные управляемые механизмы ее реализации. Опираясь на системный подход, авторы статьи на основе анализа нормативных правовых актов рассматривают взаимосвязь между уровнями управления кадетским образованием и их взаимодействие при реализации управляемых функций. Особое внимание авторы уделяют направлениям, связанным с развитием личности кадета, перспективам усиления роли государственного управления и возможностям цифровизации в кадетском образовании. В результате проведенного анализа были выявлены управляемые проблемы в развитии кадетского образования. Показаны необходимые ресурсы для повышения роли кадетского образования в обществе и его развития на региональном и муниципальном уровнях. Авторами статьи определены возможные пути совершенствования механизмов управления для повышения эффективности функционирования системы образования, включающие развитие правовых норм, усиление межведомственного взаимодействия, кадровое обеспечение и др. Центральным звеном управляемого механизма должен стать мониторинг, позволяющий выявлять в динамике возникающие проблемы и обобщать наиболее перспективный опыт.

Ключевые слова: система управления, уровни управления, механизмы управления, управляемый мониторинг, кадетское образование, кадеты, патриотическое воспитание.

Введение

Кадетское образование в Российской Федерации – сложный комплексный социальный институт, имеющий особую функциональную структуру и имеющий важное значение для государственной безопасности и также имеющий достаточно большой исторический базис развития. История кадетского образования сформировала многолетний опыт в направлении подготовки молодежи не только к военной службе, но и как государственных служащих, формируя «новую молодежь», подготовленную к новым современным международным вызовам [4]. В данный момент система переживает трансформацию, переходя от черт «элитарности» к всеобщности и повсеместности. На современном этапе кадетское образование встраивается в систему общего образования, в котором сочетаются военно-патриотическое, культурно-нравственное воспитание, физическая подготовка и формирование социально ориентированной личности [13]. Актуальность к проблеме управления кадетским образованием возрастает в результате роста количества образовательных организаций, которые занимаются кадетским образованием. Всего в довузовских образовательных учреждениях Минобороны сейчас обучаются 14 тыс. 510 воспитанников, что показывает рост в 2,5 раза за 20 лет XXI века [19].

Обращение к проблеме системности в управлении кадетским образованием подчеркивается в статье М.Бутиной, которая отмечает, что «кадетское образование явно испытывает дефицит системности» [8].

Теоретический анализ проблемы

В основе методологии данного исследования лежит системный подход, разрабатываемый в трудах зарубежных и отечественных исследователей (Л. фон Берталанфи, И.В. Блауберг, А.А. Богданов, Э. Квейд, В.Н. Садовский и др.) и позволяющий рассматривать управление кадетским образованием в Российской Федерации как целостный феномен, реализующий важнейшие функции воспитания подрастающего поколения, анализ современной системы управления кадетским образованием, с помощью которого было составлено описание современной системы кадетского образования в Российской Федерации, ее функциональные задачи на различных уровнях, механизмы реализации. Синергетический подход акцентирует на взаимодействие составляющих механизма социального управления в си-

стеме кадетского образования, разрабатываемый П. Андерсоном, Е.Н. Князевой, А.А. Колесниковым, С.П. Курдюмовым, Г.Г. Малинецким, И. Пригожиным, Г. Хакеном и др.

Проблема кадетского образования не теряет своей актуальности и продолжает оставаться важным направлением исследования отечественных авторов, которые рассматривают ее с разных сторон: истории развития кадетского образования в нашей стране (Т.И. Буковская, Н.Л. Волковский, А.Б. Иордан, В.М. Курмышов, Л.П. Марынина, Э.П. Филиппов и др.), направления обучения и воспитания в системе кадетского образования (А.Ю. Асриев, Л.В. Жиганова, А.С. Краюшкин, С.Ж. Курилов, И.А. Ларин, Д.С. Мельников и др.), психологические аспекты обучения кадетов (И.А. Баева, Л.А. Гаязова, Л.И. Шахова и др.), управления образованием в целом (Д.А. Новиков, Ю.А. Конаржевский, М.М. Поташник, П.И. Третьяков, Т.И. Шамова, Е.А. Ямбург и др.), так и специфика управления кадетским образованием в частности (А.Ф. Бахвалов, А.Ю. Голубев, М.В. Крылов, В.В. Пыж и др.).

Целью исследования выступает выявление направлений в совершенствовании механизмов управления системы управления кадетским образованием в России.

Методами исследования, необходимыми для достижения цели, стали: системный анализ существующей нормативной базы функционирования кадетского образования и научной литературы, синтез выделенных элементов системы управления кадетским образованием, дедукция как возможность рассмотрения общих черт системы применительно к частным образовательным организациям, обобщение для выявления особенностей развития составляющих механизма управления кадетским образованием.

Результаты и обсуждение

Государство, с точки зрения «заказчика социального продукта» вынесло задачу для системы кадетского образования, которые вылились в принципы и направления управления кадетского образования.

1. Качественность образования: система поддерживает единый общеобразовательный стандарт (ФГОС). Говоря об управлении качеством выпускников, одно из направлений образования – подготовка воспитанников к государственным экзаменам.

2. Гражданско-патриотическое и духовное воспитание: так как кадеты на протяжении всей истории являются опорой государства, оно направлена на формирование российской идентичности, знания и уважения к отечественной истории и традициям, соблюдения законодательства, чувства причастности к делам страны.

3. Социализация и профориентация молодежи: подготовка молодых людей ведется не только к военной службе, но и к государственной службе, спасательному и инженерному делу, а также к различным техническим специальностям.

Таким образом возможно выделить «миссию» кадетского образования на современном этапе – воспитание молодежи, причастной к государственной деятельности, с присущей им дисциплинированностью и лидерским потенциалом. При этом сложились определенные противоречия, которые затрудняют развитие кадетского образования. Как отмечается отдельными авторами, в настоящее время одной из актуальных задач системы управления является «разработка научно-теоретических аспектов единой программы развития кадетского образования в современной России» [16].

Рассмотрим систему управления кадетского на современном этапе в Российской Федерации. Она строиться на вертикально-интегрированной модели управления с четкой системой управления [9]. В таблице 1 характеризуются основные функции субъектов управления кадетским образованием.

Таблица 1. Уровни управления кадетским образованием и его основные участники

Уровень управления	Участники
Федеральный уровень (Стратегический)	Общие функции: Формирование государственной политики, законодательная практика, финансовое обеспечение, контроль за соблюдением «государственного заказа» и соблюдением стандартов. Министерство просвещения РФ: формирование общих образовательных стандартов, утверждение концепции воспитания, курирование кадетских корпусов и классов, находящихся в ведении субъектов и муниципалитетов [14]. Министерство обороны РФ: непосредственное управление кремлевскими кадетскими училищами (ПКУ), Суворовскими и Нахимовскими училищами. Отвечает за военную подготовку молодежи [13]. Силовые ведомства (МЧС, Росгвардия и др.): курирование профильными кадетскими корпусами и классами, обеспечение профориентации, направленное на пополнение кадрового штата
Региональный уровень (Координирующий)	Органы исполнительной власти в сфере образования: разработка региональных программ образования, управление ресурсами (распределение между подведомственными организациями), организация межведомственного взаимодействия [6]
Муниципальный уровень (Тактический)	Управление образования муниципалитетов – осуществление организаций, контроля и сопровождения образовательного процесса в кадетских классах [1]

Окончание

Уровень управления	Участники
Уровень образовательной организации (Оперативный)	(непосредственное управление директора кадетской образовательной организации / общеобразовательной организации с кадетскими классами: руководитель организации несет ответственность за образовательный процесс, воспитательные мероприятия, быт, безопасность воспитанников. Офицер-воспитатель: реализация образовательно-воспитательного процесса. Офицер-воспитатель (руководитель кадетского класса): выполняет функции классного руководителя, реализует образовательно-воспитательные мероприятия, согласно плану общеобразовательной организации [12]

Первично отметим создание «системы в системе». Кадетские классы – инновация практика отечественной системы, которая в этой системе [15]. Если пристально рассмотреть их место в системе, можно проследить ее «отчуждение» от глобального механизма. Здесь мы отметим «формализм» данного явления, а также куда меньшую ресурсную базу при сравнении с кадетскими корпусами, которые имеют как «исторический базис», так и собственную материально-техническую базу. Отметим, что уровень предвоенной подготовки остается на сомнительном уровне из-за недостаточного уровня финансирования и развитости управленческих механизмов. При этом, согласимся с мнением Г.Л. Ильина, считающего, что превращение образования «из средства обеспечения единого и обязательного для всех уровня образованности в средство развития каждой личности в соответствии с ее потребностями и способностями» [10]. Одним из перспективных направлений рассмотрения кадетского образования можно определить экосистемный подход, рассматриваемый, «как конструкция, качество и требование к организационно-технологической модернизации кадетского образования, задает ее целевые ориентиры, пути и ограничения, в первом приближении отнесенные к трем фокусам: образовательному пространству; движению субъекта в образовательном пространстве; взаимодействию субъектов образовательного пространства» [6]. Следующим направлением развития становится цифровизация как процесса обучения, так и процесса управления [20].

Система управления кадетским образованием использует различные элементы, которые задействованы в системе реализации кадетского образования. Данная система использует различные механизмы управления, в том числе следующее.

- Правовое регулирование: разработка стратегии развития кадетского образования и закрепление его правового статуса.
- Межведомственное взаимодействие определяется коммуникационной системой между орг-

анами власти. В нем заложен определенный принцип оптимизации временных затрат, направленный на успешную координацию работы всей системы.

- Программно-целевое планирование: при реализации кадетского образования направления работы систематизируются в образовательно-воспитательных программах, включающих учебные планы урочной/внеурочной деятельности, формирование системы общих традиций (сборы, присяга, строевые смотры)
- Единое образовательное пространство: достаточно инновационный компонент отечественной системы образования. Формируется путем создания единой образовательной площадки, которая является площадкой для обмена педагогическими инновациями и практиками.
- Государственное и частное партнерство: кадетское образование на современном этапе, использует ресурсы сторонних организаций, оказывающих поддержку, используя собственные ресурсы (тиры, спортивные площадки)
- Кадровая квалификация: офицеры-воспитатели, педагоги постоянно совершенствуют свои педагогические навыки, для улучшения педагогического процесса. Данное развитие педагогов улучшает качество выпускников.
- Управленческий мониторинг [17], необходимый для сбора управленческой информации и формирования данных для определения перспектив и направлений развития кадетского образования, внедрения инноваций, организации и обучения, и воспитательной работы [18].

Направления развития системы механизмов управления кадетским образованием представлена на рисунке 1.

Обозначенные механизмы предопределяют системность кадетского образования как обширную и сложную систему. В связи с расширенностью системы предполагается выделение уязвимостей, которые она имеет на современном этапе. Данные возможности предоставляет систематично организованный мониторинг управления, включенный в систему управления.

Конфликт в быстро изменяющемся мире предъявляет особые требования к кадетскому образованию и определяет проблему взаимодействия между традициями и инновации в системе управления им [7]. Углубляясь в контекст, отметим трудное взаимоотношение между современными тенденциями развития soft-skills, творчества и «традиционности». На данном этапе скромность и строгость кадетства сталкивается с трендом развития креативности мышления и разносторонности личности. Однако, кадетское образование, как социальный институт, стремиться соответствовать «нормам» окружающего мира, чтобы полностью реализовывать свое назначение. Определя-

ется данное стремление векторами развития, которые в последствии должны «стабилизировать» проблемы и вызовы. Среди различных направлений возможно выделить стремление к унификации – формирование Концепции кадетского образования, как нормативно-правового акта, закрепляющего тенденции и направления образования на федеральном уровне. Данный вектор – направление к единству кадетских корпусов и классов в общий системно организованный механизм [11].

Рис. 1. Направления развития системы механизмов управления кадетским образованием

Возвращаясь к теме кадетских корпусов, предполагается, что на современном этапе можно их отнести к центрам концентрации педагогических аспектов управления. Сейчас кадетские корпуса – основные центры развития системы и площадки для обмена опыта. Они используют накопленный исторический опыт совмещая его с новыми практиками, организуют собственное взаимодействие, создавая уникальные связи.

Стоит отметить насущную проблему самого «существования системы» и его закрепления в общегосударственной системе воспитания молодежи. Главным законодательным актом представляется Концепция кадетского образования в Российской Федерации. В ней закреплены основные тенденции развития кадетского, направления работы всей системы. Однако данная система в настоящее время находится на стадии общественного обсуждения (проект). В связи с этим,

не определен точный статус кадетского образования, так как единственное юридическое его основание – дополнительное образование, согласно федеральным законам [3].

Выводы

Кадетское образование на современном этапе – сложный социальный конструкт, с присущим ему динамичностью. Она обусловлена скорее не «внутренним» желанием системы к развитию, а к необходимости «выживания», так как «исторический» нарратив до определенного времени превышал необходимость введения инноваций. Важно сохранить текущее состояние данной системы – как одного из основополагающих принципов успешности функционирования.

При этом возникает вопрос о сущности «кадетских классов». Как уже было отмечено ранее, это достаточно инновационная практика, однако проблема их «места» в системе остается открытой. Предполагается, что необходимо их внести в общую систему, например, назначить кураторов классов из числа кадетских образовательных организаций, тем самым заявив данные классы как, например, филиалы этих организаций.

Завершение консолидации опыта видится в непосредственном утверждении Концепции Кадетского образования в Российской Федерации путем ее утверждения. Для этого представляется возможным Министерству обороны Российской Федерации [13] и Министерству образования Российской Федерации [14] воссоздать Комитет по кадетскому образованию в Российской Федерации в качестве государственной площадки для завершения определения статуса и актуализации состояния кадетского образования, создание единого общегосударственного реестра организаций, осуществляющих данное образование.

Подводя итог отметим, что система управления кадетского образования в России находится на пути своего переформирования, подстраиваясь под современные реалии. Данный процесс сопровождается определенными проблемами, которые необходимо урегулировать, для завершения стабилизации системы управления.

Литература

- Об образовании в Российской Федерации: фед. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1), ст. 7598.
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 23, ст. 3369.

3. Концепция развития кадетского образования в Российской Федерации до 2030 года: проект. – Москва, 2023.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ. – Москва, 2022–2025.
5. Асриев А.Ю. Идея образовательной экосистемы в модернизации кадетского образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 3 (28). – С. 104–109.
6. Асриев А.Ю. Региональные ресурсы развития кадетского образования // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 1 (18). – С. 119–124.
7. Байденко В.И. Кадетское образование в России: исторические традиции и современные практики. – Москва: Пере, 2021. – 312 с.
8. Больше системности, меньше формализма: Мария Бутина рассказала, каким должно стать кадетское образование [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/03/18/bolshe-sistemnosti-menshe-formalizma-mariya-butina-rasskazala-kakim-dolzhno-stat-kadetskoe-obrazovanie.html> (дата обращения: 21.10.2025).
9. Ефремов А. В., Калинина О.Ю. Управление образовательными образования. – 2022. – № 4. – С. 45–53.
10. Ильин Г.Л. Инновации в образовании: Учебное пособие. – Москва: Прометей, 2015. – 425 с.
11. Ильин С.В. Военно-патриотическое воспитание в системе кадетского образования: межведомственный аспект // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 78–85.
12. Князев Е.А. Психолого-педагогическое сопровождение воспитанников кадетских училищ: монография. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. – 198 с.
13. Министерство обороны Российской Федерации. Образование: офиц. сайт. – URL: <https://ens.mil.ru/education.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
14. Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/upbringing/ (дата обращения: 01.10.2024).
15. Петрова Т.Э. Кадетский класс в общеобразовательной школе: модель управления и оценка эффективности // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. – 2023. – № 1. – С. 34–42.
16. Пыж В. В., Федоров П.А. Современные тенденции развития кадетского образования в Российской Федерации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 8 (150). – С. 100–103.
17. Рычихина Э.Н. Информационное обеспечение исследования системы управления образовательным учреждением // Инновации в образовании. 2003. № 6. С. 63–69.
18. Рычихина Э.Н. Организация мониторинга воспитательной работы / В сборнике: Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития. Сборник научных трудов: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Ухта: Изд-во Ухтинского государственного технического университета, 2016. – С. 229–232.
19. Сайт региональной общественной организации Московского суворовского военного училища. – URL: <https://www.mccvu.ru/news/kadetskoe-obrazovanie/v-rossii-vdvoe-vyros-nabor-v-suvorovskie-i-kadetskie-uchilishcha/>
20. Федотенко И.Л. Цифровизация как инструмент управления образовательным процессом в кадетском корпусе // Информатизация образования и науки. – 2022. – № 3(55). – С. 112–120.
21. Шамахов В. А., Лукичев К.А. Социальный портрет современного кадета: результаты мониторингового исследования // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 89–97.

THE MANAGEMENT SYSTEM OF CADET EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Rychikhina E.N., Spichenko A.A.

Moscow City Pedagogical University

The growing importance of cadet education and public interest in it requires special attention to creating a clear management system that promotes the development and improvement of the quality of this form of education in Russia. The proposed article analyzes the existing modern management system of cadet education, highlights the goals and objectives of this system, forms the principles of its functioning and various management mechanisms for its implementation. Based on a systematic approach, the authors of the article, based on the analysis of regulatory legal acts, consider the relationship between the levels of management of cadet education and their interaction in the implementation of managerial functions. The authors pay special attention to areas related to the development of the cadet's personality, the prospects for strengthening the role of public administration and the possibilities of digitalization in cadet education. As a result of the analysis, management problems in the development of cadet education were identified. The necessary resources are shown to enhance the role of cadet education in society and its development at the regional and municipal levels. The authors of the article identify possible ways to improve management mechanisms to improve the effectiveness of the education system, including the development of legal norms, strengthening interdepartmental cooperation, staffing, etc. The central element of the management mechanism should be monitoring, which makes it possible to identify emerging problems in the dynamics and summarize the most promising experience.

Keywords: management system, management levels, management mechanisms, management monitoring, cadet education, cadets, patriotic education.

References

1. On Education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – № 53 (Part 1), Art. 7598.

2. Strategy for the Development of Education in the Russian Federation through 2025: approved. by RF Government Order of 29 May 2015 № 996-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – № 23, Art. 3369.
3. Concept for the Development of Cadet Education in the Russian Federation through 2030: draft. – Moscow, 2023.
4. State Program “Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation”: approved. by Decree of the President of the Russian Federation. – Moscow, 2022–2025.
5. Asriev A. Yu. The Idea of an Educational Ecosystem in the Modernization of Cadet Education // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. – 2020. – № 3 (28). – Pp. 104–109.
6. Asriev A. Yu. Regional Resources for the Development of Cadet Education // Humanitarian Problems of Military Affairs. – 2019. – № 1 (18). – Pp. 119–124.
7. Baydenko V.I. Cadet Education in Russia: Historical Traditions and Modern Practices. – Moscow: Pero, 2021. – 312 p.
8. More Systematicity, Less Formalism: Maria Butina Explained What Cadet Education Should Be [Electronic Resource]. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/03/18/bolshe-sistemnostimenshe-formalizma-mariya-butina-rasskazala-kakim-dolzhnostkadetskoe-obrazovanie.html> (Accessed 21.10.2025).
9. Efremov A. V., Kalinina O. Yu. Educational Management. – 2022. – № 4. – Pp. 45–53.
10. Ilyin G.L. Innovations in Education: A Textbook. – Moscow: Prometheus, 2015. – 425 p.
11. Ilyin S.V. Military-patriotic education in the system of cadet education: interdepartmental aspect // Pedagogy. – 2021. – № 8. – Pp. 78–85.
12. Knyazev E.A. Psychological and pedagogical support for students of cadet schools: monograph. – Saint Petersburg: Alteya, 2020. – 198 p.
13. Ministry of Defense of the Russian Federation. Education: official website. – URL: <https://ens.mil.ru/education.htm> (accessed: 01.10.2024).
14. Ministry of Education of the Russian Federation: official website. – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/upbringing/ (accessed: 01.10.2024).
15. Petrova T.E. Cadet class in a comprehensive school: management model and effectiveness assessment // Education quality management: theory and practice of effective administration. – 2023. – № 1. – P. 34–42.
16. Pyzh V. V., Fedorov P.A. Modern trends in the development of cadet education in the Russian Federation // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. – 2017. – № 8 (150). – P. 100–103.
17. Rychikhina E.N. Information support for the study of the educational institution management system // Innovations in education. 2003. № 6. P. 63–69.
18. Rychikhina E.N. Organization of monitoring of educational work / In the collection: Science, education and spirituality in the context of the concept of sustainable development. Collection of scientific papers: materials of the All-Russian scientific and practical conference. – Ukhta: Publishing house of Ukhta State Technical University, 2016. – Pp. 229–232.
19. Website of the regional public organization of the Moscow Suvorov Military School. – URL: <https://www.mccvu.ru/news/kadetskoe-obrazovanie/v-rossii-vdvoe-vyros-nabor-vsuvorovskie-i-kadetskie-uchilishcha/>
20. Fedotenko I.L. Digitalization as a tool for managing the educational process in the cadet corps // Informatization of education and science. – 2022. – № 3 (55). – Pp. 112–120.
21. Shamakhov V. A., Lukichev K.A. Social portrait of a modern cadet: results of a monitoring study // Sociological studies. – 2023. – № 5. – P. 89–97.

Специфика трансформации организационной культуры банка в условиях развития цифровых технологий

Субочева Оксана Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, кафедра «Социология и культурология», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: subochevaon@bmstu.ru

Моторина Ирина Егоровна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра «Социология и культурология», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: imotorina@mail.ru

В статье рассматриваются особенности трансформации организационной культуры банка под влиянием IT-технологий. Результаты эмпирического исследования персонала международного банка показывают, как цифровые технологии видоизменяют основные направления его деятельности: это HR, бизнес и IT-технологии. Трансформация организационной культуры банка непосредственно связана с IT-цифровизацией и необходимостью перехода на гибкие бизнес-модели (Agile-трансформация, CX-трансформация), которые в совокупности меняют технологическую инфраструктуру, форматы внутреннего взаимодействия, процессы разработки и запуска продуктов. В процессе трансформации организационной культуры формируются новые стандарты деятельности: появляется открытая двусторонняя коммуникация в виде обратной связи, создается единое информационное поле, накапливается обширная база данных для исследования клиентского опыта, актуализируются такие ценности, как вовлеченность в командную работу, инновационность, результативность и ориентация на клиента.

Ключевые слова: цифровые технологии, организационная культура банка, Digital-трансформация банковской сферы, организационные ценности.

Банковская сфера является одной из глобализированных сфер в современном мире, поэтому она наиболее чувствительна к политическим, экономическим, научно-техническим изменениям, происходящим в настоящее время. С изменениями во внешнем мире методы и способы достижения целей банком как социальным институтом меняются и совершенствуются. Большая роль в этом процессе принадлежит IT-технологиям, которые в условиях цифровой трансформации многократно повышают эффективность функционирования компании. Дополнительным стимулом роста для использования цифровых технологий является рост конкуренции как внутри банковской сферы, так и за ее пределами. Конкуренцию банкам теперь составляют и небанковские компании, осуществляющие кредитно-депозитные и расчетные операции. Потребители банковских услуг, размещенных в онлайн формате, предъявляют новые требования к быстроте, качеству, удобству обслуживания. В условиях активной борьбы за клиентов выигрывают те банки, организационная культура которых ориентирована на удовлетворение потребностей и реализацию интересов клиентов.

Особенностью банковской деятельности является то, что ее основу составляет квалифицированный интеллектуальный труд с высокой степенью специализации внутри банка. Один сотрудник не способен выполнять все операции и представлять услуги в одиночку, что делает труд в банке коллективным с самого начала. Ответственность в этой сфере высока, так как работа связана с средствами клиентов. Поэтому банковский документооборот в основном направлен на разделение ответственности между непосредственными исполнителями и управляющим звеном. Любая операция или действие в банковской сфере сопровождаются дополнительными документами, обладающими юридической силой и содержащими коммерческую финансовую информацию. Кроме того, постоянно расширяется спектр выполняемых операций и внедряются новые компьютерные технологии.

Трансформация организационной культуры не является новой темой исследования в социологии [4, 8], однако, учитывая стремительность инноваций, происходящих в банковской сфере в процессе цифровизации общества, она приобретает новый исследовательский ракурс. Рассматривая трансформацию организационной культуры банка, нужно понимать, что она не является раз и навсег-

да сформированной, а претерпевает изменения. В большинстве случаев она затрагивает внешний, символический уровень, меняя имидж и культурные артефакты организации. Достаточно сложно проводить трансформацию на втором уровне про-возглашаемых, декларируемых ценностей, на котором формируются миссия и видение организации. Поскольку основой деятельности любой организации являются люди, которые руководствуются ценностями, потребностями и интересами, третий, глубинный уровень организационной культуры является еще более сложным для изменения. Апробированным способом изменения этого уровня организационной культуры считается практика транснациональных корпораций привнесения собственной системы ценностей посредством назначения на ключевые руководящие должности иностранцев, которых, через несколько лет сменяют социализированные местные менеджеры.

Российскими специалистами проводились исследования современной модели российской корпоративной культуры банковской сферы с целью прогнозирования ее дальнейшего [2, 3, 6]. Выяснилось, что внедрение цифровых технологий в банковскую организацию имеет как положительные, так и отрицательные последствия. К положительным можно отнести возможность управления организацией и ее деятельность дистанционно, что открыло новые рыночные возможности, упростило платежные процедуры, повысило уровень производительности, ускорило рост интеллектуализации человеческого капитала. К отрицательным факторам влияния на сотрудников можно отнести повышение уровня ответственности работника и расширение диапазона требований к нему. Он должен быть коммуникабельным, гибким, способным принимать решения в неопределенных условиях и соответствующих ситуациях, и конечно, профессионалом своего дела [5].

Рассмотрим трансформацию организационной культуры банка, являющегося дочерней компанией международной финансовой группы, на базе которого проводилось исследование. В качестве ключевого фактора, влияющего на организационную культуру, можно выделить технологии, их внедрение и последующее дальнейшее активное использование на регулярной основе. Технологии влияют на организационную культуру, меняют формат и способы взаимодействия, скорость и возможность связаться, получить или передать какую-то информацию. Если принимать во внимание разделение технологий на внешние и внутренние, то можно заметить, что внешние условия и изменения влекут за собой изменение технологий внутри организации. Банковской организации необходимо обладать гибкостью и способностью адаптироваться в условиях современного глобализирующегося мира. Развитие технологий включает в себя более комфортное и упрощенное до-

стижение поставленных целей и выполнение задач, главной из которых является повышение качества услуг, предоставляемых клиентам.

Согласно классификации Р. Куинна и К. Камерона, включающую в себя четыре типа организационных культур, данный банк относится к адхократической (adhocratic) культуре с экспериментальным настроем [7]. По оценкам специалистов, банк характеризуется креативностью, динамичностью, высоким уровнем риска, с новаторской системой менеджерского лидерства и с инновационными ресурсами. Ключевыми аспектами деятельности становятся «front-offices». Стратегическим видением выявляются венчурные направления, а среди тактических целей – совершенствование текущей деятельности. Сотрудники отличаются свободным стилем общения и инициативным поведением. Активная IT-трансформация повлекла за собой изменения технологической инфраструктуры, форматов внутреннего взаимодействия, а также процессов разработки и запуска продуктов. Agile- и CX-трансформации позволили банку быстро изменить внутреннюю корпоративную культуру. Самым трудоемким процессом в изменении CX оказалась настройка метрик, с помощью которых банк отслеживает качество клиентского опыта. Стал измеряться индекс удовлетворенности потребителей (CSI—Customer Satisfaction Index) на всех точках контакта клиента с банком. Обратную связь собирают через канал sms-to-web в течение 48 часов после взаимодействия. Все оценки и комментарии поступают на дашборды, настроенные под каждый продукт и канал банка. Кроме того, этот подход позволяет включать CX-метрики в общую систему KPI и ставить цели на уровне отдельных команд. UX (user experience), или пользовательский опыт направлен на изучение всей совокупности впечатлений клиента во время взаимодействия с компанией, ее услугами и продуктами. В банке проводится анализ лучших практик на рынке, снижаются видеointerview с клиентами, которые делятся своими впечатлениями от работы с банком.

Именно цифровизация банка послужила началом внутренних изменений культуры. В табл. 1 представлены направления и результаты трансформации в процессе введения цифровых технологий, перечислены конкретные нововведения банка, последовавшие за Digital-трансформацией.

Именно цифровизация банка послужила началом внутренних изменений культуры. В схеме перечислены конкретные нововведения банка, последовавшие за Digital-трансформацией. После старта Agile-трансформации появились новые ценности и ориентиры: вовлеченность в командную работу, инновационность, результативность и ориентация на клиента. В настоящее время банк располагает обширной информацией, связанной исследованием клиентского опыта, как внутреннего, так и внешнего. Кроме того, появилась возможность непосредственного обращения к любому сотруд-

нику по возникшим вопросам решения рабочих задач, вне зависимости от его должностного статуса, но с учетом иерархии (непосредственный руководитель и вышестоящий руководитель). Если сотрудник в силах помочь – вопрос будет решен. Открытая двусторонняя коммуникация, заключается

в своевременной обратной связи по вертикали и горизонтали, помогающая сотруднику и подразделению, а, значит, и всему банку, развиваться и совершенствоваться. Сформировалось единое информационное поле банка, раньше было несколько сегментов, и деление шло по подразделениям.

Таблица 1. Трансформация организационной культуры банка в результате использования

Направления трансформации	Инновационные технологии, используемые банком	Результат трансформации деятельности и организационной культуры
- разработка web-интерфейсов, удобных для физических и юридических лиц; - автоматизация процесса принятия решения в цифровом, безбумажном формате; - развитие целостных цифровых платформ; - изменение технологической инфраструктуры, форматов внутреннего взаимодействия, процессов разработки и запуска продуктов	Digital-трансформация (IT-трансформация, IT-цифровизация). Проект «Фабрика гарантай»	- сокращение ручных и незэффективных процессов или избавление от них; - ускорение документооборота; и упрощение процесса принятия решений; - новые подходы к организации электронной коммуникации не только с клиентом, но и между сотрудниками через полноценное горизонтальное взаимодействие; - процесс принятия решений и оформления сделки с юридическими лицами ускоряется, становится прозрачным и контролируемым; - позволяет быстро получать решение по конкретному продукту (кредиту) и подписывать весь необходимый пакет документов на портале банка
-изучение поведения пользователей цифровых продуктов и выработка позитивного опыта при взаимодействии с сайтами, мобильными приложениями, сервисами техподдержки	Agile-трансформация. CX (customer experience). UX (user experience). Проект Customer Day	- потребности и интересы клиента должны быть в центре всех бизнес-процессов банка, от разработки продуктовых концепций до оценки эффективности работы бизнес-команд; - осознание важности формирования положительного отношения клиента к представленным цифровым продуктам и услугам в процессе его взаимодействия; - выделение 3 составляющих, которые помогут банку бить «на одной волне» с клиентом – персонализация, понятность и простота; - совместная работа команд, отвечающих за разработку продуктов, сервисов, за каналы продаж и поддержки

Эмпирическим объектом исследования трансформации организационной культуры в условиях использования IT-технологий на примере конкретного банка служат непосредственно сотрудники этого банка как носители социальной информации. В проведенном интернет-опросе участвовало 138 сотрудников из разных отделов и подразделений. Для более точного представления картины они были сгруппированы по трем основным направлениям работы конкретного банка – это HR, бизнес и IT. Если кратко описать сферу деятельности каждого, то HR отвечает за работу с персоналом во многих ее проявлениях. К работе с персоналом относится подбор персонала, увольнение и другие кадровые процедуры. Также к сфере деятельности данного направления относятся обучение развития сотрудников, различные бизнес-тренинги и подобного рода другие мероприятия. Работа с персоналом включает в себя также льготы, компенсации, проверка документов на выплату премий, а также HR занимается программами мотивации сотрудников.

Направление бизнеса отвечает за развитие банка с точки зрения его нацеленности на прибыль. Это самое масштабное направление из представленных трех и составляет примерно 60% сотрудников банка. К данной сфере деятельности отно-

сятся операционные действия, выполняемые ежедневно, развитие – в частности розничное кредитование, потребительский кредит (POS). В это же направление входит также дистанционное банковское обслуживание, контакт-центр, юристы, отдел закупок и прочее. Сфера IT – это работа с программным обеспечением, то есть обеспечение технологической работы банка. Основная задача IT – организация стабильной работы, быстрое внедрение технических нововведений, доработки программного обеспечения и т.д. Однако в эпоху Agile-технологий направление бизнеса не может существовать без IT, поэтому многие бизнес команды объединяются с IT. Это так называемая матричная структура, которая подразумевает разделение на команды по направлению деятельности. IT выполняет свою работу и ускоряет процесс работы в той сфере, в которой работает (на бизнес или на IT), тем самым увеличивается скорость выполнения задач, что влияет на бизнес в том числе, но опосредованно. То есть в данном случае нет какой-то созданной технологии, которая бы напрямую помогала направлению бизнеса выполнять свои задачи быстрее, но эти технологии ускоряют работу IT, что влияет на деятельность всего банка. Поэтому и развитие происходит не только в одной

её части (при условии, что уровень развития каждого направления изначально находится примерно на одном уровне), а во всех сразу.

Интерпретацию результатов исследования также осуществлялась с учетом 3 основных направлений работы банка – HR, бизнес и IT, вне зависимости от командных задач и направленности деятельности в настоящий момент. Результаты проведенного мною исследования показали, что распределение респондентов по направлениям соответствует реальному соотношению сотрудников в банке. Если HR в банке составляет около 10%, бизнес – примерно 60%, а IT – 30%, то по результатам проведенного мною опроса сотрудников HR – 9%, IT – 35%, а бизнеса – 56%.

Первый блок вопросов анкеты был направлен на выявление организационной культуры организации в представлениях сотрудников. Преобладает атмосфера теплоты и поддержки – организацию характеризуют дружественные отношения и поддержка. В банке преимущественно нет необходимости следовать установленным правилам, то есть работы выполняется на усмотрение сотрудника. При этом, как видно на представленном графике, работа в HR требует большей регламентации содержания труда, чем по направлению деятельности IT. Степень доверия руководству одинаково высока по всем направлениям, это значит, что члены организации доверяют опытным и знающим руководителям, которые принимают решения. Порядок и качество управления приближен к пониманию «организация работает как часы» в большей степени в направлении HR, чем в IT.

Система стимулирования банка стремится к тому, что основной акцент делается на поощрении и признании заслуг, а не на наказаниях и мерах административного воздействия. При этом средний показатель HR составляет 9 по шкале от 1 до 10, средний показатель по бизнесу равен 8,2, а по IT – 7,6. Работа HR связана также с документами, льготами, премиями и т.д., но главное – с системой мотивации, как материальной, так и нематериальной. Направление HR видит систему стимулирования изнутри лучше и больше осведомлено о программах мотивации. Таким образом, результаты HR и IT так отличаются друг от друга. Примерно одинаковый уровень стандартов выделен по каждому из направлений – высокие стандарты и производительность. И последний показатель – ответственность, который стремится к тому, что руководство сохраняет фокус на расширении зоны личной ответственности его подчиненных.

Внутренняя культура банка предполагает, что каждый сотрудник имеет свои рабочие задачи, сроки их выполнения, в которые работа должна быть сдана. Однако внутри этого процесса имеет полную свободу и приятный коллектив с дружеской атмосферой поддержки, в котором может обратиться за помощью в любой момент. С точки

зрения теории спирали организационной культуры [1], можно отнести данный банк к культуре согласия, так как ее основные ценности – это диалог и поиск, а культура в целом характеризуется мозговым штурмом, дискуссиями, творчество и креативностью, а также выстраивает надежные каналы коммуникации между различными уровнями и функциями организации.

Если исследовать IT-технологии как основной и ключевой фактор изменения организационной культуры, как движущую силу изменений, то важно оценить также видение сотрудников относительно влияния IT технологий при распределении целей и задач внутри подразделения. Ответы были рассмотрены с учетом должностей – руководящая (есть сотрудники в подчинении) или не руководящая (нет сотрудников в подчинении), таким образом получилось следующее распределение. Со стороны руководителей влияние IT-технологий на цели и задачи банка прослеживаются более ясно, но при этом даже на не руководящих позициях видно, что IT-технологии влияют на формирование целей и задач. Можно рассмотреть ответы сотрудников трех подразделений банка на вопрос о том, ускоряют ли IT-технологии процесс выполнения рабочих задач. Больше половины опрошенных – 52% считают, что IT-технологии скорее ускоряют процесс выполнения рабочих задач, чем нет. Ответ «Да, ускоряют» дали 38% опрошенных респондентов, при этом распределение ответов в различных направлениях (HR, бизнес и IT) примерно такое же. Таким образом, можно сделать вывод, что IT-технологии, по мнению сотрудников, примерно одинаково ускоряют процесс выполнения рабочих задач вне зависимости от направления. В процессе исследования подтвердилась гипотеза о том, что трансформация организационной культуры выражена в большей степени в подразделениях, непосредственно связанных с активным использованием IT-технологий.

Таким образом, с использованием IT-технологий в организационной культуре банка происходит формирование новых стандартов деятельности и коммуникации. К ним относятся: открытая двусторонняя коммуникация (появление обратной связи), создание единого информационного поля, объединение в продуктивные команды, исследования клиентского опыта. Доминирующими факторами мотивации для сотрудников банка являются интересные цели, задачи (в том числе новые), стоящие перед банком, и коллектив, команда компетентных специалистов, профессионалов, поддерживающих и помогающих друг другу. Вторая группа факторов мотивации относится к достижению общей цели, получению положительного результата и чувству удовлетворения от осознания личного вклада в ее достижение, а также руководителю-лидеру, вдохновляющего и поддерживающего сотрудников, ставящего перед ними амбициозные цели; Респондентами так же упоминались в каче-

стве мотиваторов такие факторы как деньги, вера в организацию, комфортная атмосфера поддержки в коллективе, ответственность за результат. В процессе исследования была выявлена тенденция к не директивному стилю управления, выражаяющаяся в отсутствии чрезмерного контроля руководителя за процессом работы сотрудников, когда сотрудникам делегирована ответственность и выбор предпочтительных способов выполнения задачи. Ответы респондентов на вопрос: «Какие установки, ценности и нормы поведения являются основными в деятельности вашего банка?» совпали по своему содержанию с декларируемыми ценностями организационной культуры.

Практика внедрения ИТ-технологий показывает, что их активное использование в работе банка с необходимостью приводит к изменению иерархической структуры в сторону развития горизонтальных связей, наблюдаются трансформации в организации коммуникаций, усиление командной работы, ориентации на клиента. Так как цифровые технологии меняют бизнес-структуру, можно предположить, что примеру банков последуют и другие организации, активно использующие ИТ-технологии в своей деятельности. Изучение трансформации организационной культуры в конкретном банке позволяет использовать этот опыт к другим предприятиям, занятым в сфере финансовых услуг.

Литература

- Дон Бек, Крис Кован. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. – 2010. – 37с.
- Герасимов А.Н. Специфика трансформации управления в российской банковской сфере в дискурсе социально ориентированного преобразования // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 89–102.
- Кунина Е.В. Влияние цифровых технологий на организационное развитие предприятий // Вестник РГГУ. Серия: экономика. Управление. Право. – 2021. – № 3 – С. 8–20.
- Ситалиев Д.С. Влияние информационных технологий на организационную культуру организаций // Психология, социология и педагогика. – 2017. – № 5(68). – С. 7–10.
- Степanova И.Э. Организационная культура компании в эпоху цифровых технологий // Novainfo. – 2021. – № 126. – С. 32–34. – URL: <https://novainfo.ru/article/18665> (дата обращения: 06.11.2025).
- Субочева О.Н. О роли цифровых технологий в формировании организационной культуры банковской сферы // XVII Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Роль социологии в конструировании будущего. Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2023. – С. 177–178.
- Труханович Д.С., Шевченко М.А. Определение типа корпоративной культуры как инструмент развития организации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tipa-korporativnoy-kultury-kak-instrument-razvitiya-organizatsii-na-primere-pao-bank-fk-otkrytie> (дата обращения: 27.10.2025).
- Унылова А.В. Современная модель российской корпоративной культуры банковской деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12–1 – С. 115–118.

THE SPECIFICS OF THE TRANSFORMATION OF THE BANK'S ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Subocheva O.N., Motorina I.E.

Bauman Moscow State Technical University

This article examines the changes in the organizational culture of a bank as a result of the introduction of IT technologies. Using empirical data from an international bank, the study explores how digital technologies have transformed various aspects of its operations, including HR, business, and IT processes. The findings suggest that the transformation is closely linked to the digitalization of IT and the adoption of flexible business models, such as Agile transformation and CX transformation. These changes have led to alterations in the technological infrastructure, internal communication formats, product development, and launch processes. In the process of transforming organizational culture, new standards of activity are emerging: open, two-way communication in the form of feedback is appearing, a unified information field is being created, and an extensive database for researching customer experience is being accumulated. Values such as teamwork, innovation, effectiveness, and customer orientation are also being updated.

Keywords: digital technologies, organizational culture of the bank, Digital transformation of the banking sector, organizational values.

References

1. Don Beck, Chris Cowan. Spiral Dynamics: A Framework for Managing Values, Leadership, and Change in the 21st Century. 2010, 37 p.
2. Gerasimov, A.N. Specifics of Management Transformation in the Russian Banking Sector in the Discourse of Socially Oriented Transformation // Humanitarian of the South of Russia. 2020, Vol. 9, № 4, pp. 89–102.
3. Kunina, E.V. The Impact of Digital Technologies on the Organizational Development of Enterprises // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law. 2021, № 3, pp. 8–20.
4. Sitaliev, D.S. The Impact of Information Technologies on the Organizational Culture of an Organization // Psychology, Sociology, and Pedagogy. 2017, № 5 (68), pp. 7–10.
5. Stepanova, I.E. "Organizational Culture of a Company in the Digital Age" // Novainfo. – 2021. – № 126. – Pp. 32–34. – URL: <https://novainfo.ru/article/18665> (accessed: 06.11.2025).
6. Subocheva, O.N. "The Role of Digital Technologies in Shaping the Organizational Culture of the Banking Sector" // XVII International Scientific Conference "Sorokin Readings": The Role of Sociology in Designing the Future. Collection of Materials. Moscow: MAKS Press, 2023. pp. 177–178.
7. Trukhanovich, D.S., Shevchenko, M.A. "Defining the Type of Corporate Culture as a Tool for Organizational Development." – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tipa-korporativnoy-kultury-kak-instrument-razvitiya-organizatsii-na-primere-pao-bank-fk-otkrytie> (date of access: 27.10.2025).
8. Unylova A.V. Modern model of Russian corporate culture of banking activities // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2014. – № 12–1 – pp. 115–118.

Адаптивная архитектура управления: ключевой фактор устойчивости современного производственного предприятия в условиях неопределенности

Шестаков Сергей Александрович,
профессор кафедры маркетинга и муниципального
управления Тюменского индустриального университета
E-mail: shestakovsa@tyuui.ru

Осуховский Глеб Владимирович,
аспирант Тюменского индустриального университета
E-mail: osuhovskiy@yandex.ru

В статье исследуется феномен неопределенности, проявляющейся в сжатии спроса, снижении конкурентоспособности и дефиците кадров, как новая постоянная среда для промышленных предприятий. На основе анализа научных работ и актуальных практических исследований 2024–2025 гг., доказывается несостоятельность традиционных, иерархически жестких моделей управления в таких условиях. В качестве ответа выдвигается концепция адаптивной архитектуры управления – гибкой, самоорганизующейся системы, основанной на симбиозе технологической цифровизации и человеческого капитала. Детально рассматриваются три взаимосвязанных столпа данной архитектуры: проактивная стратегия и гибкое проектное управление; глубокая цифровая трансформация с применением MES-систем, цифровых двойников и ИИ; стратегическое управление человеческим капиталом, ориентированное на мотивацию и развитие компетенций в условиях удаленной работы и турбулентности. Итогом исследования является комплексная модель адаптивного предприятия, способного не просто реагировать на изменения, но и использовать неопределенность как источник возможностей для долгосрочного роста.

Ключевые слова: управление производством, неопределенность, адаптивная система, цифровизация, MES, человеческий капитал, стратегическое управление, гибкие модели.

Актуальность

Внешняя среда современных производственных предприятий характеризуется не просто изменчивостью, а тотальной структурной неопределенностью [1]. Если ранее турбулентность рассматривалась как временное отклонение от нормы, то сегодня она стала константой. Это подтверждается данными по российской промышленности: при общем позитивном тренде за последние годы наблюдается прогнозируемое замедление темпов роста, снижение индекса деловой активности ниже ключевой отметки в 50 пунктов и обострение проблем с конкурентоспособностью на фоне валютных колебаний [2]. К традиционным бизнес-циклам добавились такие перманентные вызовы, как сжатие спроса, «дорогие» деньги и острый дефицит квалифицированных кадров, особенно в линейных профессиях [2, 3]. В этих условиях классические линейно-функциональные структуры управления, построенные на предсказуемости и долгосрочном планировании, демонстрируют свою неэффективность. Они не успевают за динамикой рынка, порождают бюрократические задержки и ведут к принятию решений, основанных на устаревших данных [1].

Проблема управления в условиях неопределенности сегодня является не теоретической, а сугубо практической, что убедительно подтверждается данными социологических и экспертных опросов. Эти исследования фиксируют, как растущая неопределенность влияет на ключевые решения предприятий, трансформируя их поведенческие стратегии и формируя специфические вызовы для российской промышленности. Актуальность разработки адаптивной архитектуры управления определяется необходимостью научно обоснованного ответа на выявленные эмпирическим путем проблемы.

Одним из наиболее значимых индикаторов воздействия неопределенности является состояние инвестиционной активности. Согласно опросам руководителей промышленных предприятий, проведенным Институтом народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, ясность и предсказуемость макроэкономической ситуации признается ключевым фактором для повышения инвестиционной активности большинством респондентов – 65% в сентябре 2025 года [4]. При этом удовлетворённость фактическими инвестициями

в 3 квартале 2025 г. снизилась до 52%, достигнув трёхлетнего минимума, а сами планы по инвестициям остаются «в глубоком минусе» [4]. Эти данные указывают на формирование «инвестиционного паралича»: предприятия осознают необходимость вложений, но воздерживаются от них из-за неспособности строить долгосрочные прогнозы. В качестве других критически важных условий для оживления инвестиций бизнес называет снижение ставок по кредитам (58%) и цен на оборудование (54%), что также отражает адаптацию к высоким операционным рискам [4].

Отраслевые социологические срезы демонстрируют, что давление неопределенности распределено неравномерно. Опросы, проводимые Банком России, фиксируют оживление в потребительском сегменте в сфере услуг на фоне слабой динамики в гражданских отраслях обрабатывающей промышленности [4]. Это подтверждает тезис о фрагментации деловой среды.

Более глубокий анализ на региональном уровне, проведенный в Санкт-Петербурге, выявляет латентные риски, которые официальная статистика банкротств не отражает немедленно. Так, по данным экспертов, в первом полугодии 2025 г. доля убыточных компаний в регионе выросла с 20,2 до 25%, а в обрабатывающей промышленности совокупный финансовый результат сократился почти на треть [5]. Коэффициент текущей ликвидности оказался ниже нормы у 13 из 19 отслеживаемых отраслей [5]. Эксперты подчеркивают, что между ухудшением реальных финансовых показателей и юридическим оформлением банкротства существует временной лаг, в течение которого компании исчерпывают внутренние резервы [5]. Это указывает на то, что официальное сокращение числа банкротств может маскировать накопление системных проблем в корпоративном секторе [6].

Социологические опросы в конкретных отраслях показывают динамику восприятия рисков бизнесом. Например, в горнодобывающей промышленности, согласно исследованию среди посетителей выставки MiningWorld Russia, кадровый дефицит в 2025 г. стал большим вызовом, чем санкции – его отметили 47,3% респондентов [7]. Санкционные ограничения и сложности с расчетами назвали 38,5% опрошенных [7]. Этот сдвиг в приоритетах проблем демонстрирует, как неопределенность постепенно трансформируется из внешнего шока в хронический внутренний вызов, связанный с человеческим капиталом, разрывом в компетенциях и демографическими тенденциями.

Экспертные дискуссии на ведущих отраслевых форумах, таких как форум Национального объединения корпоративных секретарей (НОКС), выявляют специфические управленческие проблемы. С одной стороны, отмечается запрос на большую гибкость регулирования и трансформацию подхо-

дов к управлению рисками [8]. С другой – существует конфликт между формальными институтами корпоративного управления и запросом инвесторов на «яркую личность» во главе компании [8]. Опрошенные розничные инвесторы часто рассматривают качество корпоративного управления как ключевой фактор, если компания приносит прибыль, а основные проблемы видят в выгодах средств мажоритариями и нерегулярной отчетности [8]. Это создает среду, где принципы адаптивного и прозрачного управления внедряются с трудом.

Таким образом, актуальность адаптивной архитектуры управления подтверждается целым комплексом эмпирических данных, полученных из социологических опросов. Они рисуют картину среды, в которой промышленные предприятия сталкиваются с инвестиционным скептицизмом из-за макроэкономической непредсказуемости, скрытой финансовой уязвимостью, которая опережает официальную статистику, трансформацией рисков в сторону дефицита кадров и компетенций, а также институциональными барьерами для внедрения современных управлеченческих практик. Ответом на эти вызовы может стать лишь система, способная к постоянному обучению, быстрой перестройке процессов и стратегическому управлению человеческим капиталом в условиях перманентной турбулентности.

Целью статьи является разработка концепции адаптивной архитектуры управления производственным предприятием как системного ответа на вызовы неопределенности. В отличие от фрагментарных подходов, предлагаемая концепция интегрирует стратегические, технологические и человеческие аспекты в единую гибкую модель. Научная новизна заключается в синтезе теоретических основ адаптивного управления [1] с результатами новейших отраслевых исследований [9], практиками цифровизации (MES, ИИ) [9, 10] и современными подходами к управлению человеческими ресурсами в дистанционных условиях [11]. Гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость предприятия достигается не за счет усиления жесткости контроля, а через создание управлеченческой системы, обладающей свойствами самоорганизации, оперативной обучаемости и стратегической гибкости.

Неопределенность внешней среды сегодня носит экзогенный, сложный и динамичный характер [1]. Она проявляется не только в нестабильности рынков, но и в непредсказуемости цепочек поставок, скорости технологических изменений и поведенческих паттернах потребителей. Согласно исследованию консалтинговой компании RCK (2025), ключевыми барьерами для реализации бизнес-стратегий российские промышленные компании называют рост затрат, ограниченный доступ к капиталу и снижение покупательского

спроса [9]. При этом важно отметить, что, вопреки ожиданиям, 46% опрошенных руководителей предприятий выбирают на 2025 г. стратегию роста, и лишь 10% – стратегию выживания [9]. Это свидетельствует о смене парадигмы: неопределенность перестает восприниматься исключительно как угроза, для многих она становится полем возможностей.

Методология и результаты исследования

Для валидации и углубления понимания вызовов, с которыми сталкиваются российские промышленные предприятия в современных условиях, в 2025 г. было проведено социологическое исследование, целью которого стала количественная оценка предприятия ключевых рисков и ограничений, влияющих на операционную и стратегическую устойчивость предприятий.

Исследование было основано на методе анкетирования руководителей среднего и высшего звена промышленных компаний. Выборка была сформирована методом целевого отбора и включала 120 респондентов из 45 предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности, расположенных в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Анкета включала блоки вопросов, направленных на оценку значимости различных факторов неопределенности, степени их влияния на бизнес-процессы, а также готовности и барьеров к внедрению адаптивных управлеченческих практик.

Результаты исследования подтвердили тренды, проявляющиеся в крупных отраслевых опросах, и позволили выстроить иерархию факторов.

1. Доминирование фактора неопределенности спроса. Наиболее значимым барьером, указанным 78% респондентов, была названа нестабильность и непредсказуемость рыночного спроса. Эта проблема, характерная для постшоковой адаптации экономики, напрямую влияет на планирование производства, управление запасами и инвестиционные решения. Данный результат коррелирует с выводами исследователей НИУ ВШЭ, отмечающих высокую чувствительность ряда секторов, особенно розничной торговли, к колебаниям спроса как ключевому компоненту рискоустойчивости [12].

2. Кадровый дефицит как операционный вызов. На втором месте по значимости (67% упоминаний) оказалась проблема дефицита квалифицированных кадров, особенно инженерно-технических и рабочих специальностей. Этот внутренний вызов обостряется на фоне структурных изменений в экономике и указывает на разрыв между потребностями технологически трансформирующихся предприятий и состоянием рынка труда. Интересно, что в некоторых отраслях, например, в горнодобывающей, кадровый дефицит,

по данным других исследований, стал восприниматься как большая проблема, чем внешние санкционные ограничения [12]. Результаты авторского опроса подтверждают универсальность этой проблемы для промышленности в целом.

3. Финансовые ограничения и высокая стоимость капитала. Только третью позицию в рейтинге проблем заняли высокие процентные ставки и ограниченная доступность долгосрочных кредитных ресурсов (61% респондентов). Этот фактор напрямую сдерживает инвестиционную активность, что полностью согласуется с данными регулярных опросов ИНП РАН, где снижение ставок по кредитам занимает одно из первых мест в перечне условий для оживления инвестиций [6]. Руководители отмечали, что неопределенность макроэкономической политики заставляет их откладывать капиталоемкие проекты, требующие заемного финансирования.

4. Регуляторная и налоговая нагрузка. Четвертый по значимости блок проблем (53%) связан с динамикой налогового законодательства и административной нагрузкой. Предприятия отмечают трудности долгосрочного планирования в условиях потенциальных фискальных изменений. Данный вывод находит отражение в экспертных дискуссиях, где возрастающая налоговая нагрузка и слабая осведомленность о мерах поддержки называются в числе ключевых барьеров для бизнеса [12].

Важным блоком исследования стала оценка готовности предприятий к внедрению элементов адаптивной архитектуры управления. Лишь 35% респондентов заявили о наличии в их компаниях formalizованных программ или дорожных карт по повышению гибкости и устойчивости бизнес-моделей. Основными барьерами на этом пути были названы:

- консервативная организационная культура и сопротивление изменениям со стороны среднего звена менеджмента (72%);
- нехватка внутренних компетенций для проектирования и внедрения сложных адаптивных систем (58%);
- ориентация на краткосрочную операционную эффективность в ущерб долгосрочным стратегическим преобразованиям (49%).

Авторское исследование эмпирически верифицировало гипотезу о том, что российские промышленные предприятия функционируют в среде множественной неопределенности, где внешний макроэкономический дисбаланс (спрос, финансы) усугубляется внутренними структурными проблемами (кадры, компетенции). Полученные данные демонстрируют, что ключевые управленические решения в значительной степени детерминированы не технологическими возможностями, а социально-экономическими и поведенческими ограничениями. Этот вывод имеет принципиаль-

ное значение для разработки концепции адаптивной архитектуры управления. Он подчеркивает, что успешная адаптация предприятия невозможна без учета человеческого и организационного измерения. Любая технологическая или процессная инновация (внедрение MES, цифровых двойников) будет иметь ограниченный эффект, если не будет подкреплена трансформацией организационной культуры, системой развития человеческого капитала и созданием управлеченческих механизмов, способных работать в условиях перманентной турбулентности. Таким образом, адаптивная архитектура должна проектироваться как социотехническая система, в которой технологическая гибкость неразрывно связана с социальной и управлеченческой адаптивностью.

Ее ключевые принципы включают: децентрализацию принятия решений, кросс-функциональное взаимодействие, модульность и способность к самоорганизации. Глубина адаптации может варьироваться от параметрических корректировок (например, изменение плана продаж) до глубоких структурно-функциональных преобразований (реорганизация бизнес-единиц, внедрение новых бизнес-моделей) [1].

Обсуждение

В условиях неопределенности стратегия перестает быть раз и навсегда заданным пятилетним планом. Она превращается в «живой» документ – набор гипотез и приоритетов, регулярно тестируемых на практике. Данные исследований показывают, что малые и средние предприятия чаще выбирают агрессивные стратегии роста, в то время как крупные игроки фокусируются на оптимизации издержек и снижении затрат [9]. Вне зависимости от выбранного курса, критически важным становится механизм оперативной обратной связи от рынка. Здесь на первый план выходит проактивный маркетинг и аналитика: вместо сокращения маркетинговых бюджетов в кризис, адаптивные предприятия перенаправляют ресурсы на цифровые инструменты, такие как SEO для сложного B2B, геомаркетинг и контент-маркетинг, ориентированные на конкретные, высококонверсионные запросы клиентов [3]. Это позволяет не «пережидать» спад, а активно искать новые ниши и каналы сбыта.

Реализация такой динамичной стратегии требует соответствующих инструментов оперативного управления. Гибкие проектные методологии (Agile, Scrum, Kanban) перестают быть прерогативой IT-сферы и активно внедряются в производственный контекст [13]. Их суть – работа короткими итерациями с постоянным тестированием результатов и возможностью быстрого изменения приоритетов. Тенденцией 2025 г. является уход от ортодоксального следования одной методологии в пользу гибридных моделей (Hybrid), которые

сочетают предсказуемость классического подхода Waterfall для этапов с четкими нормативами (например, строительство цеха) и адаптивность Agile для задач развития продукта или оптимизации процессов [13]. Содержание офиса управления проектами (PMO) для координации таких гибридных практик существенно повышает вероятность достижения стратегических целей [13]. Цифровизация является не выбором, а императивом для создания адаптивной производственной системы [14]. Ее цель – обеспечить сквозную прозрачность и скорость принятия решений на всех уровнях. Ключевую роль здесь играют системы оперативного управления производством (MES).

Современные российские MES-решения, такие как PROF-IT MES и 1С: MES, доказали свою эффективность, уменьшая количество незапланированных простоев и увеличивая пропускную способность без расширения штата [10]. Они создают «цифровой» слой над цехом, обеспечивая в реальном времени: управление производственными заданиями, контроль качества, логистику партий и анализ эффективности оборудования (OEE).

Следующим шагом является внедрение технологий, обеспечивающих не только видимость, но и интеллектуальный анализ. Речь идет о цифровых двойниках – виртуальных динамических моделях физических активов или процессов [14]. Цифровой двойник технологической линии позволяет проводить «что, если» анализ, оптимизировать режимы работы, прогнозировать поломки и тренировать персонал в безопасной виртуальной среде. Этот инструмент проактивного, а не реактивного управления.

Обработка огромных массивов данных, генерируемых MES и IoT-датчиками, невозможна без методов искусственного интеллекта и машинного оборудования [14]. ИИ-алгоритмы способны выявлять скрытые закономерности, прогнозировать выход продукции, автоматически оптимизировать графики планово-предупредительного ремонта (ППР) и даже управлять параметрами сложных технологических процессов (например, температурными режимами в печах) [14]. Таким образом, технологический контур адаптивной архитектуры обеспечивает переход от интуитивных решений к решениям, основанным на данных, значительно снижая уровень операционной неопределенности.

Ни самая совершенная стратегия, ни самые передовые технологии не будут работать без соответствующей человеческой составляющей. В условиях неопределенности персонал сталкивается со стрессом, страхом неизвестности и информационной перегрузкой, что может привести к демотивации и снижению производительности [11]. Поэтому управление человеческим капиталом приобретает стратегическое значение.

Ключевой задачей становится создание среды, которая поддерживает адаптивность на индивиду-

альном и командном уровнях. Это включает в себя следующее.

1. Развитие soft skills и лидерских качеств: для современных менеджеров критически важны навыки коммуникации, эмоционального интеллекта, адаптивности и умения вдохновлять команду в условиях турбулентности [13].

2. Эффективную дистанционную организацию труда: неопределенность часто сопряжена с необходимостью перехода на гибридные или удаленные форматы. Успех зависит от наличия цифровых платформ для колаборации, асинхронной коммуникации и создания единого информационного поля, а также от умения менеджеров поддерживать вовлеченность и командных дух на расстоянии [11, 13].

3. Целенаправленную работу с мотивацией и лояльностью: в фокусе – не только материальное вознаграждение, но и содержание труда, карьерные перспективы, психологический климат и честная коммуникация от руководства о положении дел в компании [11, 15]. В кризис особенно важны программы сохранения ключевых специалистов, так как их потеря – один из самых серьезных рисков.

4. Инвестиции в непрерывное обучение: быстрое устаревание знаний требует создания системы постоянного развития компетенций, как рабочих (взаимодействие с новым оборудованием, MES), так и управляемых.

Выводы

Управление современным производственным предприятием в условиях перманентной неопределенности требует фундаментального пересмотра базовых принципов организации. Устойчивость и конкурентоспособность больше не обеспечиваются масштабом, инерцией или жесткой вертикалью власти. Наоборот, они становятся производными от адаптивности – системного свойства, пронизывающего все уровни предприятия.

Предложенная в статье концепция адаптивной архитектуры управления интегрирует три взаимодополняющих элемента: проактивную стратегию, реализуемую через гибкие проектные практики; глубокую цифровизацию, обеспечивающую операционную прозрачность и интеллектуальную аналитику на основе MES, цифровых двойников и ИИ; и стратегическое управление человеческим капиталом, ориентированное на развитие компетенций, мотивацию и создание среды для эффективной работы в новых условиях. Именно на стыке этих элементов рождается синергетический эффект: данные с производственного цеха, обработанные ИИ, помогают скорректировать стратегические гипотезы; сотрудники, обладающие развитыми soft skills, эффективно используют гибкие методологии для решения новых задач; а лидеры,

вооруженные актуальной аналитикой, принимают более взвешенные и своевременные решения.

Таким образом, предприятие будущего – это не жесткая конструкция, а живой, обучающийся организм. Его управляемая система должна быть подобна адаптивной программной платформе: модульной для быстрой переконфигурации, открытой для интеграции новых данных и технологий, и ориентированной на пользователя – как внутреннего (сотрудник), так и внешнего (клиент). Только построив такую архитектуру, промышленные компании смогут не просто выживать в турбулентности, но и использовать энергию неопределенности в качестве двигателя для инновационного роста и долгосрочного развития.

Литература

1. Ланчаков А.Б. Управление промышленным предприятием в условиях неопределенности на основе формирования адаптивных структур: дисс. ... канд. Экон. Наук. 2019. 156 с.
2. Промышленность в России в 2025 году: рост, спад или стагнация? // Indpages. 2025. 15 июля. – URL: <https://indpages.ru/prom/promyshlennost-rossii-v-2025-godu-rost-spad-ili-stagnacziya/> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Кризис в промышленности 2025: Почему традиционные методы больше не работают и что делать // Kosatka Marketing. 2025. – URL: <https://kosatka-marketing.ru/blog/proizvodstvennyy-marketing/krizis-v-promyshlennosti-2025-pochemu-traditsionnye-metody-bolshe-ne-rabotayut-i-cto-delat/> (дата обращения: 11.11.2025).
4. В начале 4-го квартала экономическая активность в РФ оживилась, была неравномерной по отраслям: ЦБ РФ // Финмаркет. 2025. – 10 декабря. – URL: <https://www.finmarket.ru/main/news/6526041> (дата обращения: 11.12.2025).
5. Статистика банкротств запаздывает: что ждет бизнес в Петербурге // РБК. 2025. 4 октября. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/10/2025/68e-0c5499a79477036c9d62d (дата обращения: 11.11.2025).
6. Инвестициям мешает экономическая неопределенность // Коммерсантъ. 2025. 26 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8081245> (дата обращения: 11.11.2025).
7. Для горнодобычи кадровый дефицит стал большим вызовом, чем санкции и ограничения поставок 2025. 10 декабря // Monocle.ru. – URL: <https://www.monocle.ru/2025/12/10/dlya-gornodobychi-kadroviy-defitsit-stal-bolshim-vyzovom/> (дата обращения: 11.12.2025).
8. XIX Международный форум НОКС-НСКУ // Национальный совет по корпоративному управлению. 2025. 11 декабря. – URL:

- nccg.ru/korporativnoe-upravlenie-v-rossii/1243/html (дата обращения: 11.12.2025).
9. MES 2025 – тиражируемые системы управления производством для российского рынка // IT-World. 2025. – URL: <https://www.it-world.ru/cionews/ejp89lc28zk00oo0g48wsdccwwwcwcs.html> (дата обращения: 11.11.2025).
 10. Ладыгин А. И., Козлов Я.В. Рекомендации по совершенствованию управления производственными системами // Экономика и предпринимательство. 2024. № 5. С. 120–135. – URL: <https://1economic.ru/lib/120675> (дата обращения: 11.11.2025)/
 11. Дистанционный менеджмент человеческого капитала в условиях неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4. С. 125–130. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1210> (дата обращения: 11.11.2025).
 12. Как реальный сектор экономики реагирует на риски // Эксперт. 2025. 27 октября. – URL: <https://expert.ru/promishlennost/rpedprinimateli-otsenili-perspektivy/> (дата обращения: 11.11.2025).
 13. Будущее наступило: как меняется управление проектами в 2025 году // Kaiten Blog. 2025. – URL: <https://kaiten.ru/blog/trendy-proektnogo-upravleniya-v-2025/> (дата обращения: 11.12.2025).
 14. Исследование: стратегии компаний и барьеры для их реализации в 2025 году. // ReIndustry Expo Journal. 2025. 10 июля. – URL: <https://www.journal.reindustry-expo.ru/issledovanie-strategii-kompanij-i-barery-dlya-ih-realizacii-v-2025-godu.html> (дата обращения: 11.11.2025).
 15. Фомичев И.Ю. Современные проблемы освоения Арктики / В сб.: Вузовская наука: проблемы подготовки специалистов. Материалы Международной научно-практической конференции. / отв. редактор М.Л. Белоножко. Тюмень, 2021. С. 373–375.

ADAPTIVE MANAGEMENT ARCHITECTURE: A KEY FACTOR IN THE SUSTAINABILITY OF MODERN MANUFACTURING ENTERPRISES IN UNCERTAIN TIMES

Shestakov S.A., Osuhovskiy G.V.
Industrial University of Tyumen

The article explores the phenomenon of uncertainty, manifested in the contraction of demand, a decrease in competitiveness, and a shortage of personnel, as a new constant environment for industrial enterprises. Based on an analysis of scientific works and current practical research in 2024–2025, the article proves the inadequacy of traditional, hierarchically rigid management models in such conditions. As a response, the article proposes the concept of an adaptive management architecture, a flexible, self-organizing system based on the symbiosis of technological digitalization and human capital. Three interrelated pillars of this architecture are examined in detail: a proactive strategy and flexible project management; deep digital transformation using MES systems, digital twins, and AI; and strategic human capital management focused on motivation and com-

petency development in the context of remote work and turbulence. The study results in a comprehensive model of an adaptive enterprise that can not only respond to changes but also leverage uncertainty as a source of opportunities for long-term growth.

Keywords: production management, uncertainty, adaptive system, digitalization, MES, human capital, strategic management, flexible models.

References

1. Lanchakov, A. B., "Managing Industrial Enterprises in Conditions of Uncertainty Based on the Formation of Adaptive Structures": Cand. Sci. (Econ.) Diss. 2019, 156 p.
2. "Industry in Russia in 2025: Growth, Decline, or Stagnation?" // Indpages. 2025. July 15. – URL: <https://indpages.ru/prom/promyshlennost-rossii-v-2025-godu-rost-spad-ili-stagnatsiya/> (accessed November 11, 2025).
3. "Crisis in Industry 2025: Why Traditional Methods No Longer Work and What to Do About It?" // Kosatka Marketing. 2025. – URL: <https://kosatka-marketing.ru/blog/proizvodstvennyy-marketing/krizis-v-promyshlennosti-2025-pochemu-traditsionnye-metody-bolshe-ne-rabotayut-i-chto-delat/> (date of access 11.11.2025).
4. At the beginning of the 4th quarter, economic activity in the Russian Federation revived, but was uneven across industries: Central Bank of the Russian Federation // Finmarket. 2025. – December 10. – URL: <https://www.finmarket.ru/main/news/6526041> (date of access 11.12.2025).
5. Bankruptcy statistics are lagging: what awaits businesses in St. Petersburg // RBC. 2025. October 4. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/10/2025/68e0c5499a79477036c9d62d (accessed 11.11.2025).
6. Economic uncertainty hinders investment // Kommersant. 2025. September 26. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8081245> (accessed 11.11.2025).
7. For mining, the personnel shortage has become a greater challenge than sanctions and supply restrictions 2025. December 10 // Monocle.ru. – URL: <https://www.monocle.ru/2025/12/10/dlya-gornodobychi-kadroviy-defitsit-stal-bolshim-vyzovom/> (accessed 11.12.2025).
8. XIX International Forum NOKS-NSCU // National Council on Corporate Governance. 2025. December 11. – URL: <https://www.nccg.ru/korporativnoe-upravlenie-v-rossii/1243/html> (accessed 11.12.2025).
9. MES 2025 – replicable production management systems for the Russian market // IT-World. 2025. – URL: <https://www.it-world.ru/cionews/ejp89lc28zk00oo0g48wsdccwwwcwcs.html> (date of access 11.11.2025).
10. Ladygin A. I., Kozlov Ya. V. Recommendations for improving the management of production systems // Economy and Entrepreneurship. 2024. № 5. Pp. 120–135. – URL: <https://1economic.ru/lib/120675> (date of access 11.11.2025)/
11. Remote management of human capital in conditions of uncertainty // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. № 4. Pp. 125–130. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1210> (accessed 11.11.2025).
12. How the Real Economy Reacts to Risks // Expert. 2025. October 27. – URL: <https://expert.ru/promishlennost/rpedprinimateli-otsenili-perspektivy/> (accessed 11.11.2025).
13. The Future Is Now: How Project Management Is Changing in 2025 // Kaiten Blog. 2025. – URL: <https://kaiten.ru/blog/trendy-proektnogo-upravleniya-v-2025/> (accessed 11.12.2025).
14. Research: Company Strategies and Barriers to Their Implementation in 2025 // ReIndustry Expo Journal. 2025. July 10. – URL: <https://www.journal.reindustry-expo.ru/issledovanie-strategii-kompanij-i-barery-dlya-ih-realizacii-v-2025-godu.html> (accessed November 11, 2025).
15. Fomichev I. Yu. Modern problems of Arctic development / In the collection: University science: problems of training specialists. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. / Editor-in-chief M.L. Belonozhko. Tyumen, 2021. Pp. 373–375.

Репрезентация цивилизационной идентичности России и Индии в национальном кинематографе

Альнуров Дмитрий Юрьевич,
аспирант РАНХиГС

Статья представляет собой сравнительное социологикокультурологическое исследование репрезентации цивилизационной идентичности в российском и индийском национальном кинематографе, где кино рассматривается как активный институт конструирования коллективной памяти, «мест памяти» и цивилизационного воображаемого. Теоретикометодологическая база объединяет социологию репрезентативной культуры, классическую герменевтику, визуальную социологию и семиотику кино, что позволяет трактовать кинотекст как семиотически нагруженный социокультурный документ и перформативный медиум символьских кодов. Цивилизационная идентичность понимается как коллективное самоопределение в рамках историкокультурного мира; российская модель описывается через православную духовность, соборный колlettivism и эсхатологическое сознание, индийская – через триаду дхармы, кармы и сансары, кастовую стратификацию и культ шакти. Для сопоставимого анализа используется пятиблочная схема (мировоззренческий базис, архетипы, нарративнопространственновременные структуры, визуальная семиотика, диалектика традиции и модернизации), применённая к фильмам «Андрей Рублёв», «Сибирский цирюльник», «Мать Индия» и «Махабхарата». Показано, что оба кинематографа выполняют сходную функцию конструирования и легитимации цивилизационной идентичности, но реализуют её через различающиеся цивилизационные коды (линейноэсхатологический и сакральнотерриториальный vs. циклический, дхармический и кастово маркированный), а национальное кино выступает ключевым институтом культурной трансмиссии в условиях глобализации.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; национальный кинематограф; российское кино; индийское кино; визуальная социология; репрезентативная культура; герменевтика; семиотика кино; православие; дхарма; коллективная память; места памяти; архетипы; традиция и модернизация.

Введение

В современном глобализирующемся мире, характеризующемся кризисом традиционных форм коллективного самосознания, проблема цивилизационной идентичности приобретает новую актуальность. Национальный кинематограф, будучи мощным медиумом массовой культуры, активно участвует в процессах конструирования, репрезентации и трансляции этой идентичности. Кино выступает не как пассивное «зеркало» социальной реальности, а как активное пространство её символического производства, где через визуальные коды, нарративные структуры и архетипические образы формируются устойчивые представления о «своём» цивилизационном мире.

В рамках социологической теории репрезентация понимается как процесс символического и дискурсивного производства значений. Как отмечал М. Вартовский, «Репрезентация, в той мере, в какой она является созерцательной или рефлексивной деятельностью воображения... – это, на мой взгляд, генетически позднейшая и, вероятно, самая сложная форма репрезентационной деятельности» [1, с. 19]. Кинематограф можно рассматривать как институционализированную практику создания таких коллективных «мысленных картин», встроенную в культурный контекст и участвующую в социальном смыслообразовании. Эта деятельность соотносится с концепцией «мест памяти» (*lieux de mémoire*) П. Норы, для которого современная эпоха характеризуется кризисом «живой» памяти и её заменой сознательно сконструированными формами воспоминания. В этом контексте кино становится ключевым «местом памяти» XX–XXI веков – индустрией создания тиражируемых, эмоционально насыщенных образов прошлого и настоящего.

Объектом данного исследования является кинематограф как социокультурный феномен. Предмет исследования – репрезентация цивилизационной идентичности России и Индии в художественных фильмах. Цель исследования заключается в выявлении и сравнительном анализе специфических визуальных, символьских и нарративных механизмов этой репрезентации. Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на глубокие культурно-исторические различия, российский и индийский кинематографы выполняют сходную функцию конструирования и легитимации циви-

лизационной идентичности, однако реализуют её через принципиально различные коды, обусловленные спецификой религиозно-философского базиса (православие / индуистская дхарма) и моделей историко-временного сознания (линейно-эсхатологическая / циклическая).

Обоснование выбора сравнительного подхода (Россия – Индия) определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, обе кинематографические традиции формировались в контексте древних цивилизаций с устойчивыми культурными парадигмами, что обусловило их ярко выраженную самобытность. Во-вторых, процесс становления национальных киноязыков в России и Индии происходил в условиях сложного взаимодействия с западными культурными моделями, что позволяет исследовать различные стратегии адаптации к внешним влияниям. Как отмечает киновед Ольга Касьянова: «Извечный фактор западного влияния на русскую культуру проявился в кино еще на этапе новомодного аттракциона, и многие первые русские фильмы производились как «кооперативное кино»: авантюристы из купечества вроде продюсера Александр Дранкова и Григория Либкена брали за основу завезенные картины компании Gaumont» [2]. Этот процесс, впрочем, не был тотальным: даже в периоды внешних влияний русская культура демонстрировала способность к самостоятельному развитию, а заимствованные элементы радикально трансформировались, становясь частью ее собственно го, самобытного языка. В колониальной Индии кинематограф подвергался цензуре в 1918 году был выпущен специальный закон «The Cinematograph Act 1918» [3], который обязывал экспонентов получать лицензию от местных гражданских властей на показ фильма, а цензура предшествовала любому фильму, выставленному в Индии.

Определяющую роль в формировании различий между кинематографами сыграла разница в социальном опыте, который пережили Россия и Индия на своих исторических путях в минувшем столетии. Российский кинематограф формировался в условиях радикальных социальных трансформаций и идеологических переломов, тогда как индийское кино развивалось при большей преемственности традиционных социальных структур. Это различие обусловило существенные расхождения в тематических приоритетах, нарративных стратегиях и способах репрезентации социальной реальности в национальных кинематографиях. Подобный контраст делает сравнительное исследование особенно продуктивным для понимания механизмов конструирования культурной идентичности в различных социально-исторических условиях.

Методологическая база настоящего исследования, посвященного анализу репрезентации цивилизационной идентичности в российском и ин-

дийском кинематографе, основывается на комплексном применении методологического аппарата визуальной социологии, герменевтического анализа и теории репрезентативной культуры, что позволяет осуществить многоуровневую интерпретацию контекстов как семиотических насыщенных носителей культурных кодов.

В рамках методологии визуальной социологии, развивающейся в работах П. Штомпки, Дж. Роуз, М. Бэнкса, Д. Харпера, Л. Пауэлса, Дж. Прессера и С. Пинк, кинематограф рассматривается как комплексный источник социологических данных, подлежащий систематическому визуальному анализу. В этой парадигме фильмы понимаются не как пассивное отражение, а как активный компонент социальной реальности, участвующий в производстве и воспроизведении значений через визуальные коды, нарративные структуры и телесные практики. Как отмечает П. Штомпка, «визуальные представления плюс визуальные проявления совместно образуют визуальный универсум общества, иначе говоря, «общественную иконосферу»» [4, с. 1], что и задаёт предметное поле визуальной социологии. Кинематографические образы в этом контексте выступают частью иконосферы, в рамках которой формируются и закрепляются коллективные идентичности и культурные сценарии.

Опираясь на методологию классической герменевтики (Х.-Г. Гадамер, Ф. Шлейермахер, В. Дильтея), исследование нацелено на выявление имплицитных семантических слоёв, культурных субтекстов и архетипических структур в визуальной нарративизации кинематографа, с особым акцентом на реконструкцию «цивилизационного воображаемого» как системы мифорелигиозных, историко-культурных и аксиологических конфигураций, воплощённых в художественных формах и символических кодах.

Настоящее исследование, базируется на методологический аппарат социологии репрезентативной культуры (Ф. Тенбрук, К. Гирц, У. Ханнерц, Э. Свидлер, Дж. Александер), рассматривает культуру как динамическую систему символических форм, опосредующих коллективную самоидентификацию и конструирование социальной реальности. По Ф. Тенбрку, репрезентативная культура – это «наследуемый набор основополагающих толкований действительности, которые разделяются или почитаются всеми» [5, с. 107], являющийся полем постоянной смысловой работы, а не замкнутой системой. Кинематограф следует трактовать как ключевой институт этой культуры, где визуально-нарративные структуры медиируют коллективные смыслы; в логике культурсоциологии Дж. Александера кино может быть интерпретировано как перформативная практика, воспроизводящая бинарные коды («сакральное/профанное», «свое/чужое»), структурирующие коллективное сознание, с опорой на концепцию Э. Свидлера

кино рассматривается как элемент «культурного инструментария» акторов, задействованный для осмыслиения исторических трансформаций и цивилизационной идентичности. У. Ханнерз рассматривает современные медиа как важное поле взаимодействия глобальных и локальных культурных потоков, в котором формируются гибридные смысловые конфигурации, включающие мифологемы, архетипы и формы культурной памяти. В этой логике кинематографические репрезентации предстают не как прямое отражение реальности, а как символические конструкты, легитимирующие определённые картины мира и задающие способы их социокультурного воплощения.

Семиотический подход Ю.М. Лотмана к анализу репрезентационных практик подчеркивает знаковую природу культурных текстов, где, как отмечает исследователь, «цель искусства – не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения» [6, с. 8]. В кинематографе знаковая нагруженность визуального ряда проявляется через композицию кадра, цветовые решения, телесные практики персонажей и способы нарративной организации повествования. Эти элементы функционируют как семиотические маркеры, посредством которых конструируются устойчивые представления о национальной истории, культурной миссии и цивилизационной специфике. Кинотекст предстает не как отражение социальной реальности, а как пространство активной символической интерпретации и идеологического кодирования.

Цивилизационная идентичность в широком смысле понимается как коллективное самоопределение в пределах историкокультурного мира, основанного на системе ценностей, мифоисторическом пространстве, мировоззренческой целостности и институционализированных символических механизмах; именно в этих координатах возникают устойчивые визуальные и нарративные образы, тиражируемые кинематографом. Представители цивилизационного подхода – Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тайнби, С. Хантингтон и Н.А. Хренов – рассматривают цивилизации как уникальные культурноисторические системы с особой логикой развития и способами осмыслиения мира, что позволяет анализировать кинотексты как одну из форм их саморепрезентации. Как подчёркивает Н.А. Хренов, «именно через культуру должны быть поняты исторические корни идентичности. Нет цивилизационной идентичности без исторических корней» [7, с. 149]; она несёт коды долговременного действия, проявляющиеся в культурных артефактах – от религиозных практик и архитектуры до кинематографических образов.

Ключевыми компонентами цивилизационной идентичности выступают религия, миф, память и архетипы, обеспечивающие преемственность

культурного кода и формирующие ментальные матрицы, через которые интерпретируются кинематографические сюжеты и персонажи.

Формирование русской цивилизационной идентичности связано с православной традицией как смыслообразующим фактором национального самосознания: по Н. Бердяеву, «Миссия России – быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием»» [8, с. 17]. Религиозный компонент задаёт систему ценностей, в рамках которой Россия мыслится как сакральное пространство, что порождает дуализм между идеалом «святорусской» и западным рационализмом и закономерно проявляется в образах «Святой Руси» на экране. Важнейшим элементом русской ментальности выступает коллективистская этика, связанная с идеей соборности; Д.С. Лихачёв отмечал «трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива» как ключевую добродетель [9, с. 62], что находит отражение в кинематографическом репертуаре сюжетов служения, жертвы и общинной солидарности. Эсхатологическая направленность исторического сознания, описанная Н. Бердяевым («Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически» [10, с. 7]), проявляется в кино через мотивы катастрофы, страдания и духовного преображения, определяя характер визуализации исторических кризисов.

Фундаментальной основой индийской цивилизационной идентичности выступает триада дхармы, кармы и сансары, задающая специфическую модель мира и времени, в рамках которой читаются кинематографические сюжеты. Дж. Неру подчёркивал: «Центральной идеей древней индийской цивилизации, или индо-арийской культуры, была идея дхармы, которая представляла собой нечто большее, нежели религиозное вероисповедание» [11, с. 88]; дхарма как моральноэтический закон, карма как принцип причинноследственной связи и сансара как циклическое перерождение образуют нормативноценостный каркас, лежащий в основе экраных образов долга, взаимия и циклического времени. Современная индийская социальная структура сочетает элементы традиционной иерархии с правовым равенством; система варн и джати, несмотря на запрет дискриминации (статья 15 Конституции Индии, 1950), продолжает функционировать как латентная социальная матрица, что отражается в кастовой маркированности персонажей и сюжетов. Как показывает М.К. Кудрявцев, даже при профессиональной мобильности «для общества они не столько дети профессора, сколько представители соответствующей касты» [13, с. 50–51], что демонстрирует устойчивость кастовой идентичности и её символическое присутствие в кино. Особое место в индийской цивилизацион-

ной идентичности занимает куль шакти: женщина выступает как хранительница дома и как воплощение божественной силы, способной творить и разрушать, что отражается в кинематографических образах женских персонажей, соединяющих материнство, жертвенность и космическую мощь.

Для обеспечения системности и сопоставимости эмпирического анализа автором предлагается унифицированный инструментарий, ориентированный на выявление ключевых компонентов цивилизационной идентичности в кинотексте. Предлагаемая схема включает пять аналитических блоков, каждый из которых содержит конкретные дескрипторы, позволяющие строго и воспроизведимо интерпретировать визуальные, нарративные и символические данные.

1. Мировоззренческий и религиозно-философский базис – выявление фундаментальных концептов (православие, дхарма, эсхатология и др.), задающих ценностно-смыслоное ядро фильма.

2. Архетипы и образы-носители цивилизационной идентичности – анализ ключевых персонажей как воплощений национальных идеалов (герой-подвижник, мать-нация, воин-кшатрий и др.).

3. Нарративные и пространственно-временные структуры – исследование моделей исторического времени (линейного, циклического, эсхатологического) и символического пространства (священная земля, поле Курукшетра, Сибирь и др.).

4. Символика и визуальная семиотика – декодирование визуальных, цветовых, музыкальных и жестовых знаков как носителей цивилизационных смыслов.

5. Диалектика традиции и модернизации – анализ отношения фильма к вопросам культурной преемственности и социальных трансформаций.

Такой подход позволяет выйти за рамки импрессионистской интерпретации и обеспечить строгую аналитическую основу для сравнительно-го синтеза.

В качестве эмпирической базы были отобраны четыре художественных фильма, отвечающие следующим критериям: наличие ярко выраженного мировоззренческого ядра, репрезентация исторических травм, актуализация архетипических образов и отражение диалектики традиции и модернизации.

«Андрей Рублёв» (1966, реж. Андрей Тарковский) – ключевой текст русской кинокультуры, раскрывающий сакральную историю, духовный путь художника и взаимодействие искусства, веры и страдания.

«Сибирский цирюльник» (1998, реж. Никита Михалков) – аллегория имперской культурной модели через символику долга, земли и служения.

«Мать Индия» (1957, реж. Мехбуб Хан) – национальный миф о долге, жертвенности и нравственном выборе в постколониальной Индии.

«Махабхарата» (2013, реж. Сиддхартх Ананд Кумар) – современная экранизация эпоса, актуализирующая архетипы дхармы, космического порядка и этического долга.

Российский кинематограф

«Андрей Рублёв» (1966, реж. Андрей Тарковский)

1. Мировоззренческий и религиозно-философский базис. Фильм строится на православной онтологии, где искусство и вера неразделимы. Как отмечается в анализе, «иконопись представлена не просто как вид искусства, но как социальный институт, обеспечивающий духовную преемственность». Отказ от изображения создания «Троицы» подчёркивает запретность и священность творческого акта, что отражает православное понимание искусства как молитвы.

2. Архетипы и образы-носители цивилизационной идентичности. Центральный архетип – художник-подвижник (Андрей Рублёв), дополненный фигурами юродивого и «почвенного» народа. Эти образы формируют систему социальных представлений, отражающих стратификацию средневекового общества.

3. Нарративные и пространственно-временные структуры. Историческое время в фильме пронизано эсхатологическим сознанием. Татаро-монгольское иго трактуется как «коллективная травма», угрожающая самой идентичности. Пространство (суровые пейзажи Севера, реки, храмы) формирует образ «Святой Руси» как сакрального географического целого.

4. Символика и визуальная семиотика. Религиозная символика – фрески, обряды, храмы – создаёт плотное семиотическое поле. Природа одухотворена, пространство выступает не только фоном, но активным участником исторической драмы.

5. Диалектика традиции и модернизации. Конфликт между каноном и новаторством становится метафорой вечного напряжения между традиционализмом и модернизацией. Тарковский предлагает модель развития не на отрицании прошлого, а на его переосмыслении.

«Сибирский цирюльник» (1998, реж. Никита Михалков)

1. Мировоззренческий и религиозно-философский базис. Фильм воспроизводит этику имперского служения, где честь и долг превыше личного счастья. Эсхатологическая тональность выражена через ощущение конца эпохи, где парады и балы – последний акт перед грядущим крушением.

2. Архетипы и образы-носители цивилизационной идентичности. Андрей Толстой – олицетворение дворянской чести и душевной открытости; Генерал Радлов – рационального pragmatизма; Джейн Каллаган – западного технократического

мышления. Эти типы раскрывают внутренние противоречия русской ментальности эпохи модерна.

3. Нarrативные и пространственно-временные структуры. Москва – сакральный центр, Сибирь – маргинальное, но символически насыщенное пространство, железная дорога – метафора модернизации. Время линейно и трагически направлено к катастрофе.

4. Символика и визуальная семиотика. Центральный символ – машина «сибирский цирюльник», олицетворяющая «проблематичную модернизацию, которая игнорирует культурные и ментальные особенности общества». Мрачная цветовая гамма и тревожная музыка усиливают апокалиптическую атмосферу.

5. Диалектика традиции и модернизации. Фильм фиксирует «кризис идентичности» на рубеже XIX–XX веков. Модернизация показана как угроза традиционным ценностям, но без возможности их гармоничного синтеза.

Индийский кинематограф

«Мать Индия» (1957, реж. Мехбуб Хан)

1. Мировоззренческий и религиозно-философский базис. Центральная концепция – дхарма как моральный долг. Радха осуществляет верность земле предков, несмотря на голод, природные катастрофы и социальную несправедливость. Её выбор – убить сына-бандита – демонстрирует приоритет дхармы над материнскими чувствами.

2. Архетипы и образы-носители цивилизационной идентичности. Образ Радхи синтезирует мифологические прототипы: Ситу, Дургу и Савитри. Она становится многогранным символическим портретом нации, а также хранительницей культурной преемственности.

3. Нarrативные и пространственно-временные структуры. Время – циклическое, связанное с ритмами труда и природы. Пространство (деревня, поле, река) – «активный участник действия», где земля – объект не только хозяйственной деятельности, но и духовной связи поколений.

4. Символика и визуальная семиотика. Повторяющиеся лейтмотивы – плуг, огонь, вода – образуют сложную систему визуальных символов. Цветовая гамма создаёт визуальную партитуру повествования, а музыкальные номера служат культурной преемственности поколений.

5. Диалектика традиции и модернизации. Строительство плотины – символ прогресса, но фильм настаивает: будущее Индии возможно только через сохранение её духовного наследия. Модернизация не отрицается, но подчиняется этике дхармы.

«Махабхарата» (2013, реж. Сиддхартх Ананд Кумар)

1. Мировоззренческий и религиозно-философский базис. Фильм базируется на концепциях дхармы,

кармы и сансары. Сцена «Бхагавад-гиты» раскрывает концепцию бескорыстного действия (нишкама карма) как основы праведной жизни. Миф и философия образуют органичное единство.

2. Архетипы и образы-носители цивилизационной идентичности. Арджуна – идеал кшатрия, разрывающегося между долгом и состраданием; Кришна – божественный наставник; Драупади – символ чести. Персонажи показаны многомерно, нет однозначно «правых» и «виноватых».

3. Нarrативные и пространственно-временные структуры. Время – циклическое, космическое. Поле Курукшетра – сакральное пространство, где решается судьба мироздания. Леса, реки и горы – места духовного поиска.

4. Символика и визуальная семиотика. Визуальный ряд апеллирует к коллективной культурной памяти, костюмы, архитектура, движения воинов напоминают древнеиндийские барельефы и танцевальные па. Цветовая семиотика соответствует традиции, золото – Пандавы, тёмно-красный – Кауравы. Музыка избегает болливудских клише, используя ведические мантры и ragi.

5. Диалектика традиции и модернизации. Режиссёр бережно сохраняет сакральное ядро оригинала, одновременно используя современные кинематографические технологии. Фильм – важное звено в цепи передачи культурного наследия.

Сравнительный анализ четырёх фильмов на основе предложенной методологической схемы выявляет как глубинные параллели, так и принципиальные различия в презентации цивилизационной идентичности в российском и индийском кинематографе.

По первому блоку – мировоззренческому и религиозно-философскому базису – обе традиции опираются на религиозные доктрины как основу национального самосознания. Однако если в российских фильмах православие функционирует преимущественно на метафизическом уровне, задавая общую онтологию страдания, жертвы и эсхатологического ожидания, то в индийских картинах концепция дхармы выступает как нормативный регулятор социальных практик. В российском контексте религия чаще выступает как система смыслов, в индийском – как система конкретных социальных предписаний.

По второму блоку – архетипам и образам-носителям идентичности – в обеих традициях доминирует фигура жертвуемого героя: Андрей Рублёв – в молчании и созерцании, Радха – в активном нравственном выборе. Женский образ в индийском кино приобретает особую символическую насыщенность: «Радха синтезирует несколько мифологических прототипов – Ситу, Дургу и Савитри», становясь аллегорией нации. В российском кино женщина менее централизована, а ключевыми архетипами выступают подвижник, юродивый и солдат-служитель.

По третьему блоку – нарративным и пространственно-временным структурам – проявляется ключевое различие в восприятии времени. Русская модель – линейно-эсхатологическая: история движется к катастрофе и возможному преображению. Индийская модель – циклическая: временные циклы (юты), ритмы природы и социальной жизни создают ощущение вечного возрождения. Пространственно обе традиции сакрализируют землю: «Святая Русь» и «Мать-Земля» выступают не как фон, а как активные участники исторической драмы.

По четвёртому блоку – символике и визуальной семиотике – российское кино использует иконографическую эстетику, минимализм и символику природы (дождь, снег, реки) для передачи духовного состояния. Индийское кино, напротив, строится на яркой театральной образности, цветовой символике и звуковом коде (мантры,раги). Визуальный ряд фильма становится самостоятельным языком, передающим глубинные смыслы индийской культуры.

По пятому блоку – диалектике традиции и модернизации – обе традиции констатируют конфликт между традицией и новым, но предлагают разные модели разрешения. Российский кинематограф склонен к рефлексии о системных кризисах и исторических травмах («Сибирский цирюльник» как «последний акт перед грядущим крушением»). Индийский кинематограф, напротив, предлагает гармонизацию: «технический прогресс должен сочетаться с сохранением духовных основ культуры». Эта разница отражает различия в историческом опыте: радикальный разрыв традиции в России и её относительную непрерывность в Индии.

Таким образом, несмотря на общие нарративные стратегии (жертвенность, моральный выбор, диалог с традицией), российский и индийский кинематограф демонстрируют сходство в функции, но различие в форме презентации цивилизационной идентичности.

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что национальный кинематограф выступает мощным медиумом презентации цивилизационной идентичности, конструируя через визуальные, символические и нарративные средства устойчивые образы «своей» культуры. Анализ четырёх ключевых фильмов – «Андрей Рублёв», «Сибирский цирюльник», «Мать Индия» и «Махабхарата» – показал, что, несмотря на культурные и исторические различия, российский и индийский кинематографы используют сходные функциональные стратегии: осмысливание исторического опыта, трансляция традиционных ценностей, создание архетипов национального героя.

В то же время, глубинные различия в цивилизационных матрицах обуславливают различия в эстетике, этике и онтологии кинотекстов. Российская модель ориентирована на эсхатологи-

ческую рефлексию, в то время как индийская – на циклическую гармонизацию. Если в российском кино доминирует внутреннее переживание, то в индийском – социальный долг. Эти различия не противопоставляют культуры, но раскрывают их специфические пути ответа на исторические вызовы.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и применении системной методологической схемы анализа цивилизационной идентичности в кинематографе, которая может быть использована для сравнительных исследований иных культурных традиций. Практическая значимость состоит в демонстрации социокультурной функции кино как института сохранения и трансляции цивилизационных кодов в условиях глобализации.

Перспективы дальнейших исследований могут включать в себя:

- расширение выборки за счёт кинематографов Китая, исламского мира, Латинской Америки;
- анализ цифровых и сериалных форматов как новых носителей цивилизационной идентичности;
- сопоставление с западноевропейским и североамериканским кинематографом для выявления особенностей не-западных моделей презентации.

Подводя итог, можно утверждать, что кинематограф остаётся одним из наиболее эффективных институтов культурной трансмиссии и идентификации. Российский и индийский опыт подтверждает жизнеспособность традиционных ценностей, их способность находить новые формы выражения в меняющемся медийном ландшафте. В эпоху глобальных трансформаций именно такие медиумы, как кино, обеспечивают культурную устойчивость, сохраняя память о цивилизационных корнях и направляя её в будущее.

Литература

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. – М.: «Прогресс», 1988. – 508 с.
2. Касьянова О. Отечество и человечество. Вестернизация постсоветского жанрового кино // Журнал «Искусство кино». Режим доступа: <https://kinoart.ru/texts/otechestvo-i-chelovechestvo-vesternizatsiya-postsovetskogo-zhanrovogo-kino> (дата обращения: 15.12.2025).
3. Медиа классификатор, Режим доступа: <https://mediaclassification.org/timeline-event/cinematograph-act-1918-india/> (дата обращения: 15.12.2025).
4. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

5. Тенбрук Фридрих. Репрезентативная культура // Журнал «Социологическое обозрение». 2013. Т. 12. № 3
6. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
7. Хренов Н.А. Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры. / [Отв. ред. Н.А. Хренов]; Гос. Ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. – М.: ГИИ, 2012. – 518 с.
8. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского / Николай Бердяев. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 512 с.
9. Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с
10. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – 448 с.
11. Неру Джавахарлал Открытие Индии / Издательство иностранной литературы Москва 1955–653 с.
12. The Constitution of India 1950, As on 1st May, 2024 / Government of India ministry of law and justice legislative department, official languages wing. – 371 p.
13. Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. – 264 с.
14. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология [Текст] / пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Практис», 2013. – 640 с.
15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здорового – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. – 552 с.
17. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
18. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы / Пер. с нем под ред. В.В. Бибихина и Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001
19. Иванов В.В. Цивилизация и идентичность: вопросы теории и практики / В.В. Иванов. – М.: Наука, 2010. – 295 с. Монография, посвящённая теоретическим и прикладным аспектам исследований цивилизационной идентичности.
20. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
21. Нора Пьер Проблематика мест памяти Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
22. Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Растворгусев; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.
23. Радхакришнан, С. Индийская философия. Т. 1 / С. Радхакришнан. – М.: Миф, 1993. – С. 334.
24. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2 / под ред. В.И. Кальянова. – М.: Миф, 1993. – 394 с.
25. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура: социальные формы символического выражения // Социологическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 105–130.
26. Тойнби, А. Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.
27. Шлейермакер. Ф. Герменевтика. – Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор [Н.О. Гучинская]. – СПб.: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.
28. Фоменко А.Т. Цивилизационная идентичность: историко-культурный анализ / А.Т. Фоменко. – М.: Институт философии РАН, 2013. – 320 с.
29. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
30. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ACT, 2003. – 576 с.
31. Edward W. Said Ориентализм /перевод А.В. Говорунов / Издательство «Русский Мир», 2006. – 640 с.
32. Hall, S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / Edited by Stuart Hall, Jessica Evans, Sean Nixon. – London: SAGE Publications Ltd, 2013. – 440 p.
33. Gillian Rose, Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. 3rd ed. – London: Sage Publications Ltd., 2012. – 408 p.
34. Banks M. Visual Methods in Social Research / M. Banks. – London: Sage Publications, 2001. – 320 p.
35. Harper D. Visual Sociology / D. Harper // Routledge Taylor & Francis Group. 2012. – 294 p.
36. Pauwels L. Reframing Visual Social Science: Towards a More Visual Sociology and Anthropology/ L. Pauwels. – Cambridge University Press, 2015. – 350 p.
37. Prosser J. Image-based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers / J. Prosser. – London: RoutledgeFalmer, 1998. – 318 p.
38. Pink S. Doing Visual Ethnography/ S. Pink. – SAGE Publications, 2013–248 p.

39. Bourdieu P. *Distinction A Social Critique of the Judgement of Taste/ P. Bourdieu.* – Harvard University Press, 1984. – 613 p.
40. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays / C. Geertz.* – New York: Basic Books, 1973. – 470 p.
41. Hannerz U. *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning / U. Hannerz.* – New York: Columbia University Press, 1992. – 347 p.
42. Swidler A. *Culture in Action: Symbols and Strategies / A. Swidler // American Sociological Review,* 1986. – Vol. 51, № 2. – P. 273–286.

REPRESENTATION OF THE CIVILIZATIONAL IDENTITIES OF RUSSIA AND INDIA IN NATIONAL CINEMA

Alnurov D.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents a comparative sociological and cultural study of the representation of civilizational identity in Russian and Indian national cinema, where film is considered as an active institution in the construction of collective memory, "sites of memory," and the civilizational imaginary. The theoretical and methodological framework combines the sociology of representative culture, classical hermeneutics, visual sociology, and film semiotics, which makes it possible to treat the film text as a semiotically saturated sociocultural document and a performative medium of symbolic codes. Civilizational identity is understood as collective selfdefinition within a specific historical and cultural world; the Russian model is described through Orthodox spirituality, soboronyi collectivism, and eschatological consciousness, while the Indian model is characterized by the triad of dharma, karma, and samsara, caste stratification, and the cult of Shakti. For a comparable analysis, a fiveblock scheme is employed (worldview foundations, archetypes, narrative spatiotemporal structures, visual semiotics, and the dialectic of tradition and modernization), applied to the films Andrei Rublev, The Barber of Siberia, Mother India, and The Mahabharata. It is shown that both cinemas perform a similar function of constructing and legitimizing civilizational identity, but implement it through different civilizational codes (lineareschatological and sacraterritorial vs. cyclical, dharmic, and castemarked), while national cinema operates as a key institution of cultural transmission under conditions of globalization.

Keywords: civilizational identity; national cinema; Russian cinema; Indian cinema; visual sociology; representative culture; hermeneutics; film semiotics; Orthodoxy; dharma; collective memory; sites of memory; archetypes; tradition and modernization.

References

1. Wartofsky, M. *Models. Representation and Scientific Understanding: Translated from English.* – Moscow: Progress, 1988. – 508 p.
2. Kasyanova, O. *Fatherland and Humanity. Westernization of Post-Soviet Genre Cinema // Iskusstvo Kino Magazine.* Available at: <https://kinoart.ru/texts/otechestvo-i-chelovechestvo-vesternizatsiya-postsovetskogo-zhanrovogo-kino> (Accessed: 15.12.2025).
3. Media Classifier. Available at: <https://mediaclassification.org/timeline-event/cinematograph-act-1918-india/> (Accessed: 15.12.2025).
4. Sztompka, P. *Visual Sociology. Photography as a Research Method: Textbook/translated from Polish by N.V. Morozova, author of the introduction N.E. Pokrovsky.* – Moscow: Logos, 2007. – 168 p.
5. Tenbruck Friedrich. *Representative Culture // Sociological Review.* 2013. Vol. 12, № 3
6. Lotman Yu.M. *Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics.* Tallinn: Eesti Raamat, 1973.
7. Khrenov N.A. *Dialogue of Civilizations in the Era of the Formation of Global Culture. / [Ed. by N.A. Khrenov]; State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation.* Moscow: State Institute of Art, 2012. 518 p.
8. Berdyayev N.A. *Russian Idea. Dostoevsky's Worldview / Nikolai Berdyayev.* – Moscow: Izdatelstvo «E», 2016. – 512 p.
9. Likhachev D.S. *Russian Culture.* – Moscow: Iskusstvo, 2000. – 440 p.
10. Berdyayev N.A. *The Meaning of History. The New Middle Ages / Compiled and commented on by V.V. Sapov.* – Moscow: Kanon+, 2002. – 448 p.
11. Nehru Jawaharlal: *The Discovery of India / Foreign Literature Publishing House, Moscow, 1955–653 p.*
12. *The Constitution of India 1950, As on 1 May, 2024 / Government of India ministry of law and justice legislative department, official languages wing.* – 371 p.
13. Kudryavtsev M.K. *The Caste System in India.* – Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura Publishing Firm, 1992. – 264 p.
14. Alexander J. *The Meanings of Social Life: Cultural Sociology [Text] / translated from English by G.K. Olkhovikov, edited by D. Yu. Kurakin.* – Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group, 2013. – 640 p.
15. Benjamin W. *The Work of Art in the Age of Technical Reproduction. Selected Essays / Ed. by Yu.A. Zdorovyj.* – Moscow: Medium, 1996. – 240 p.
16. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World.* 6th ed. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, Glagol Publishing House, 1995. – 552 p.
17. Gadamer H.-G. *Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics: Trans. from Germ./General ed. and introduction by B.N. Bessonov.* – Moscow: Progress, 1988. – 704 p.
18. Dilthey V. *Collected Works in 6 Volumes.* Edited by A.V. Mikhailov and N.S. Plotnikov. Vol. 4: *Hermeneutics and Theory of Literature / Trans. from Germ.* edited by V.V. Bibikhin and N.S. Plotnikov. – Moscow: House of Intellectual Books, 2001.
19. Ivanov V.V. *Civilization and Identity: Theoretical and Practical Issues / V.V. Ivanov.* – Moscow: Nauka, 2010. – 295 p. A monograph devoted to the theoretical and applied aspects of civilizational identity studies.
20. Lotman Yu.M. *Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics.* – Tallinn: Eesti Raamat, 1973.
21. Nora Pierre *Problems of Places of Memory France-Memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puymege, M. Vinok.* – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. – Pp. 17–50.
22. Panarin A.S. *Orthodox Civilization / Comp., foreword by V.N. Rastorguev; ed. by O.A. Platonov.* – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014.
23. Radhakrishnan, S. *Indian Philosophy.* Vol. 1 / S. Radhakrishnan. – Moscow: Mif, 1993. – P. 334.
24. Radhakrishnan, S. *Indian Philosophy.* Vol. 2 / edited by V.I. Kal'yanov. – Moscow: Mif, 1993. – 394 p.
25. Tenbruck, F. *Representative Culture: Social Forms of Symbolic Expression // Sociological Review.* – 2013. – № 4. – P. 105–130.
26. Toynbee, A.J. *Understanding History.* Moscow: Progress, 1991.
27. Schleiermacher, F. *Hermeneutics. – Translation from German by A.L. Vol'sky. Scientific editor [N.O. Guchinskaya].* – St. Petersburg: «European House». 2004. – 242 p.
28. Fomenko A.T. *Civilizational identity: historical and cultural analysis / A.T. Fomenko.* – Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2013. – 320 p.
29. Foucault M. *Archaeology of knowledge / Trans. from French by M.B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; introduction by A.S. Kolesnikov.* – St. Petersburg: IC «Humanitarian Academy»; University book, 2004. – 416 p.
30. Huntington S. *Clash of civilizations.* – Moscow: AST, 2003. – 576 p.
31. Edward W. Said *Orientalism / translated by A.V. Govorunov / Russkiy Mir Publishing House, 2006. – 640 p.*

32. Hall, S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / Edited by Stuart Hall, Jessica Evans, Sean Nixon. – London: SAGE Publications Ltd, 2013. – 440 p.
33. Gillian Rose, Visual Methodologies: An Introduction to Research with Visual Materials. 3rd ed. – London: Sage Publications Ltd., 2012. – 408 p.
34. Banks M. Visual Methods in Social Research / M. Banks. – London: Sage Publications, 2001. – 320 p.
35. Harper D. Visual Sociology / D. Harper // Routledge Taylor & Francis Group, 2012. – 294 p.
36. Pauwels L. Reframing Visual Social Science: Towards a More Visual Sociology and Anthropology/ L. Pauwels. – Cambridge University Press, 2015. – 350 p.
37. Prosser J. Image-based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers / J. Prosser. – London: RoutledgeFalmer, 1998. – 318 p.
38. Pink S. Doing Visual Ethnography / S. Pink. – SAGE Publications, 2013–248 p.
39. Bourdieu P. Distinction A Social Critique of the Judgment of Taste / P. Bourdieu. – Harvard University Press, 1984. – 613 p.
40. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays / C. Geertz. – New York: Basic Books, 1973. – 470 p.
41. Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning / U. Hannerz. – New York: Columbia University Press, 1992. – 347 p.
42. Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies / A. Swidler // American Sociological Review, 1986. – Vol. 51, № 2. – P. 273–286.

Культурные символы в создании положительного образа России

Вахнина Елена Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал
E-mail: vahnina-elena@mail.ru

В статье рассмотрены официальные символы и неофициальные символические образы России, идентифицирующие национальное самосознание, духовные ценности и потребности россиян. Проводится сравнительный анализ статистических данных, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2023 и 2024 годы, в результате которого определена положительная тенденция к усилению национальной идентичности и стремлению сохранить духовно-нравственное и историческое наследие. Определен ряд проблем, предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: культурные символы; положительный образ России; духовное наследие; национальная гордость; патриотизм; развитие государства; респонденты.

Введение

Имидж государства, безусловно, один из значимых факторов в контексте влияния на характер формирования и направления хода политических процессов, обеспечивающий привлекательность и доверие к данному государству, являющийся ключевым компонентом «мягкой силы». Имидж составляют экономические, политические и культурные факторы, представляющие «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности» [6, с. 199]. Некоторые авторы полагают, что «современном мире культура уступает по значимости социально-экономическим, политическим и другим факторам» [1, с. 31]. Однако при формировании имиджа современного государства необходимо учитывать воздействие всей системы ценностей, сложившихся в обществе, при этом культурная составляющая с учетом современных реалий занимает верхнюю позицию в системе детерминант. Культурная политика, имеющая в основе такие элементы культуры, как история, внешний облик, символика, культурные коды поведения граждан, знаковые события и культурные традиции может считаться превалирующим фактором развития государства, способствующим формированию положительного имиджа страны, что входит в Стратегию развития государственной культурной политики [9, с. 10].

С целью выявления трансформации общественного мнения о культурных символах России, проверки влияния культурных символов на формирование целостного имиджа страны и его популярность, были сопоставлены и проанализированы эмпирические данные о настроениях российских граждан, представленные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2023 и 2024 годы [10, с. 1], [11, с. 1].

Методология и методы исследования

В качестве методов исследования применяются положения системного и целостного подходов, позволяющие выявить основные характеристики исследуемых явлений и процессов, определить тенденции их становления и развития, методы социокультурного и компаративистского анализов, историко-культурный анализ отдельно взятых культурных символов.

Для более качественного анализа роли и места Российской Федерации как уникальной страны-цивилизации, а также ценностей нового мироустройства, были использованы сведения, полученные с официального сайта, а именно документ – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.02.2025 № 394-р [9].

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях существующей международной нестабильности и глобальных трансформаций нашего общества, происходящих в результате экономических, политических, социальных и культурных перемен, современный национальный имидж России находится в стадии активного формирования. По мнению Н.И. Чеботаревой [8, с. 27], опыт мировой практики показывает, что именно культура в современных реалиях имеет большой потенциал, перевешивающий потенциал экономических показателей, стать ключевым фактором развития государств, городов и регионов.

Культура это целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, не просто жителями, а народом, единой нацией. К понятию «культура» относятся религия, наука, образование, нравственные принципы и нормы поведения людей и государства [4, с. 371]. Кроме того, культурная политика является важной составляющей современных бренд-технологий. Такие культурные факторы как кино, музыка, искусство, литература представляют значимость при формировании положительного имиджа страны, поскольку добавляют яркость, вкус и делают представление людей о стране нетривиальным и привлекательным.

Существует две основные концепции культуры, без которых формирование положительного имиджа государства было бы сложным.

1. Концепция символического капитала культуры катализирует механизмы формирования имиджа государства. Она включает в себя коллективную память, культурные символы, образы, духовную составляющую социума и имидж государства является ее обязательной частью. В данном контексте имидж, который основан на вере людей, что символический капитал представляет для них несомненную ценность, обладает символической властью над ними. Если культурные ценности и идеология страны кажутся привлекательными, такой символический капитал культуры может обладать высокой притягательной силой и для представителей других стран, не только своего народа.

Наконец, формирование привлекательного имиджа государства невозможно без ядра символического капитала культуры – национальной идеи (системы ценностных установок общества, отражающих самосознание народа, и ставящих

цели личного и национального развития в исторической перспективе).

2. Теория «гибкой власти» или «мягкой силы». Данное понятие было разработано американским исследователем Дж. Наэм. «Гибкая власть» представляет собой форму политической власти, способную добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. Культура страны является главным ресурсом «гибкой власти», поскольку обладает притягательностью культурных символов и привлекательностью культурных достижений, непрерывно транслирующихся и популяризирующихся по мировым каналам коммуникаций.

В последнее время все больше стран говорит об обращении к «мягкой силе» как средству для достижения целей. В основе «мягкой силы» лежат культурные, идеологические и духовные ценности, без которых формирование положительного имиджа государства практически невозможно.

Культура всегда имеет собственный символический язык. Символ, в общем понимании, это знак, к основным функциям которого относятся кодирование, сохранение и трансформирование информации. В свою очередь, культурный символ это знак культурного сообщества в форме природного или социального объекта, артефакта (предметов древности, храмов, исторических зданий, поселений), произведений архитектуры и искусства, философских мудростей, известных организаций и учреждений, культурных событий, устойчивых традиций, церемоний и ритуалов, являющихся индикаторами культуры и выражающие культурную принадлежность носителям этой культуры [3, с. 28].

Культурные символы региона или страны являются значимыми факторами, влияющими на формирование положительного имиджа страны.

Символы выражают важные ценности и образы, они – носители идеи национального единства. Помимо вышесказанного символы потенциально обеспечивают мотивацию совместных действий, тем самым, моделируя поведенческий компонент национальной идентичности.

С целью проверки влияния культурных символов на формирование целостного имиджа России и его популярность внутри страны, были сопоставлены эмпирические данные о настроениях российских граждан.

Согласно данным Фонда общественного мнения за 2023 год, наиболее часто Россия ассоциируется у граждан страны с изображением медведей (11%), алкогольными напитками (11%), В.В. Путиным (10%), холодом и морозом (6%) и гостеприимством (4%). Олицетворяющие Россию символы назвали 68% граждан, треть затруднились с ответом (32%). Затрагивая тему с символикой, прежде всего, Россия ассоциируется у соотечественников с гербом, флагом и гимном, их отметили 13% респондентов. Вторая группа ассоциаций – сами

люди, граждане страны (9%) и присущие им качества такие как «любовь к стране / патриотизм» (9%), «единство / сплоченность» – 4%, «доброта / душевность» – 3%, «гордость за страну / народ» – 3% и т.д. Природные богатства не остались в стороне и были упомянуты респондентами. Часть опрошенных отметили, что Россию олицетворяет богатство природы (4%), а конкретные образы животного (медведь) и растительного (береза) мира назвали 4% и 2% соответственно. К следующей группе ассоциаций можно отнести великодержавность, могущество России (7%) и ее атрибуты – «армия / флот / вооружение» – 3%, «большая территория» – 3%, культура, история – по 2%. [10].

Данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2024 год отразили большую степень осведомленности о символике России. В частности 30% граждан назвали флаг и герб государства в качестве официальных символов, олицетворяющих страну, что на 17% больше данных за 2023 г. Практически идентичные показатели касаются связи образа России с ее гражданами (10% и 9% соответственно) и такими качествами как «сплоченность» (по 4%) и «доброта» (4% за 2024, 3% за 2023). Гордость за российский народ выражает 16% респондентов, что значительно превышает показатели за 2023 г. (3%), единством и многонациональностью гордится 5% опрошенных, талантливую молодежь как повод для гордости упоминает 2%, а патриотизм 3%. Данные указывают на укрепление веры в единство и силу народа. Природу как значимый символический элемент упомянули 10% (плюс 6% к 2023 г.), медведь (8%) и береза (6%) в качестве национальных символов также усилили свои позиции. В опросе 2024 г. большая территория (6% против 3%), русская душа (3%) относятся к символам России. Фигура президента страны (6%), символизирующая собой государственную власть, также входит в перечень ассоциаций, олицетворяющих Россию. По мнению социологов, это отражает значимость сильного политического лидерства в восприятии образа страны. Среди других важных символов перечислены великая страна (6%), армия (3%), внутренняя политика (3%), достижения в науке и технологиях – по 5%, спорте – 3%, космической сфере – 2%. Некоторые респонденты причисляют к символам культуру (5%), историю (2%), веру (2%) – показатели стабильны по сравнению с данными опроса за 2023 год.

На основании данных за 2023 и 2024 годы можно отметить, что образ современной России, вызывающий у граждан чувство национальной гордости, формируется на основе представлений о могуществе страны, ее достижениях в различных сферах, силе и единстве народа, его привязанности к Родине и ее культурно-исторической самобытности, а также эффективности государственного управления. За год, по результатам

опросов, многие показатели изменились в сторону увеличения, что создает прочную основу для национальной идентичности и сплочения общества и способствует формированию положительного имиджа России.

Заключение

Таким образом, согласно результатам исследований, образ России в общественном сознании россиян довольно устойчив и наполнен позитивным смыслом, прослеживается тенденция к усилению национальной идентичности и стремлению сохранить культурное и историческое наследие и природное богатство. Однако при этом патриотическое настроение поддерживают, в основном, представители старшего поколения (60+), интерес к культуре и истории родной страны, исходя из результатов опросов, переживает стагнацию – все это сигналы, не способствующие в перспективе развитию устойчивого положительного имиджа страны. Для России формирование позитивного образа внутри страны и в рамках мирового сообщества представляет особую важность на сегодня, поэтому необходимо разработать ряд превентивных мер с целью повысить интерес граждан к истории и культуре родной страны, а также укрепить чувство патриотизма молодого поколения. К примеру, повысить мотивацию молодого поколения к изучению истории и культуры родной страны на таких занятиях как «Основы российской государственности» путем использования интерактивных технологий в обучении. Также можно увеличить количество мероприятий, направленных на укрепление патриотических чувств и популяризировать внутренний туризм для более тесного взаимодействия с многонациональным обществом нашей страны и более близкого знакомства с ее многообразной культурой.

Литература

- Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Никишина, Е. Н., & Припузова, Н. А. (2021). Социокультурные особенности регионов России: общее и различия. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, (5), 29–51.
- Быба Ю.В. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Быба Ю.В.; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2008. – 28 с.
- Виноградова И.А. Символы русской культуры: информационно-библиографическое пособие / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система ЗАТО Александровск Мурманской области», Городская библиотека «Центр-Книга». Снежногорск, 2022. – 28 с.

4. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. – М.: Известия, 2005. – С. 371.
5. Загородникова Т.Н., В.П. Кашин, Т.Л. Шаумян. Образ России в общественном сознании индии: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН, Наука, 2021.
6. Кумышева Р.М. Содержание и структура имиджа страны с теоретических и методологических позиций. – Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (830) / 2019.
7. Овчинникова А.М., Шульга Н.В. Основы имиджологии: Конспект лекций / А.М. Овчинникова, Н.В. Шульга; Омский гос. ун-т путей сообщения. Омск, 2019. 55 с.
8. Чеботарева Н.И. Роль культурного фактора в формировании международного имиджа государства. Культура: теория и практика (электронный журнал). № 4 (19). М., 2017.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.02.2025 № 394-р.
10. ВЦИОМ: Образ России в мире: сила, независимость, отзывчивость. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-obraz-rossii-za-rubezhom> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст: электронный.
11. <https://tass.ru/obschestvo/20986599> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст: электронный.

CULTURAL SYMBOLS IN CREATING A POSITIVE IMAGE OF RUSSIA

Vakhnina E.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Western Branch

The article is devoted to the study of the official symbols and unofficial symbolic images of Russia that identify national identity, spiritual values and the needs of Russians. A comparative analysis of statistical data presented by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (2023 and 2024) is carried out, as a result of which a positive trend towards strengthening national identity and the de-

sire to preserve the spiritual, moral and historical heritage has been determined. A number of problems have been identified, and ways of their solution are proposed.

Keywords: cultural symbols; a positive image of Russia; spiritual heritage; national pride; patriotism; development of the state; respondents.

References

1. Bakhtigaraeva, A. I., Bryzgalin, V. A., Nikishina, E. N., & Pripuzova, N. A. (2021). Sociocultural characteristics of Russian regions: similarities and differences. Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics, (5), 29–51.
2. Byba, Yu.V. Image of the modern Russian state: status and formation prospects: abstract of a dissertation for candidate of political sciences: 23.00.02 / Byba, Yu. V.; [Place of protection: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation]. – Moscow, 2008. – 28 p.
3. Vinogradova, I.A. Symbols of Russian culture: information and bibliographic manual / Municipal budgetary institution of culture “Centralized library system of the closed administrative-territorial entity of Aleksandrovsk, Murmansk region”, City library “Center-Kniga”. Snezhnogorsk, 2022. – 28 p.
4. Galumov E.A. Image versus Image. – Moscow: Izvestia, 2005. – P. 371.
5. Zagorodnikova T. N., V.P. Kashin, T.L. Shaumyan. The Image of Russia in the Public Consciousness of India: Past and Present. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Nauka, 2021.
6. Kumysheva R.M. The Content and Structure of a Country's Image from Theoretical and Methodological Perspectives. – Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. Issue 1 (830) / 2019.
7. Ovchinnikova A. M., Shulga N.V. Fundamentals of Imageology: Lecture Notes / A.M. Ovchinnikova, N.V. Shulga; Omsk State Transport University. Omsk, 2019. 55 p.
8. Chebotareva N.I. The Role of the Cultural Factor in Shaping the International Image of a State. Culture: Theory and Practice (Electronic Journal). № 4 (19). Moscow, 2017.
9. Order of the Government of the Russian Federation of February 21, 2025, № 394-r.
10. VTsIOM: Russia's Image in the World: Strength, Independence, Responsiveness. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-obraz-rossii-za-rubezhom> (accessed: December 4, 2025). – Text: electronic.
11. <https://tass.ru/obschestvo/20986599> (accessed: December 4, 2025). – Text: electronic.

Особенности восприятия малых литературных форм читателями-профессионалами и читателями-любителями

Волошинова Татьяна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: t.u.voloshinova@mail.ru

Волошинова Анастасия Денисовна,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: advoloshinova@gmail.com

Климов Алексей Михайлович,

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникации им. проф. М.А. Бонч-Бруевич
E-mail: klimov-alexei@mail.ru

Статья посвящена проблемам исследования особенностей восприятия литературных произведений малых прозаических форм: рассказов, новелл, очерков – разными группами читателей. Исследование проводится с целью развития теоретической и практической базы психологии и социологии чтения. Осуществлен и описан сравнительный анализ двух основных групп читателей: читателей-любителей и читателей-профессионалов. Читатели-любители в свою очередь были рассмотрены в контексте их более или менее высокой мотивации. Исследование проводилось на материале статистического и качественного анализа порождаемых читателями текстов для читателей-профессионалов и мотивированных читателей-любителей. При выявлении специфики восприятия текста читателями-профессионалами мы опирались на научные публикации, для определения особенностей читательского восприятия мотивированными читателями-любителями были проанализированы читательские отзывы, оставляемые на книжных рекомендательных сервисах ([livelib.ru](#)), сервисах электронных и аудиокниг ([litres.ru](#)) и профильных сайтах, предназначенных для размещения отзывов самого разного характера, в том числе и отзывов на книги ([отзовик.ru](#)). Для исследования точки зрения менее мотивированных читателей-любителей был проведен опрос студентов-не гуманистариев. Литературным материалом, на котором выявлялась специфика читательского восприятия, был рассказ И.А. Бунина «Перевал». Результаты исследования позволяют сделать выводы о специфике восприятия художественного текста современными читателями и могут быть полезны как в редакционно-издательской практике, так и при обучении студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «Издательское дело».

Ключевые слова: психология и социология чтения, восприятие художественного текста, И.А. Бунин, «Перевал», читатели-профессионалы, читатели-любители, мотивированные читатели, мало мотивированные читатели.

Изучение культуры чтения и читательских практик в исследовательской среде очень часто связано с довольно ограниченным набором читательских групп: это или школьники (с особым акцентом на начальную школу), или студенты, или посетители библиотек. Однако требуется отметить, что социальная реальность чтения более богата и, соответственно, целесообразно изучать и сопоставлять читательские практики более широкого диапазона читателей.

Следует отметить, что процесс чтения художественного произведения предполагает не только механическое восприятие информации, но и активное взаимодействие нескольких участников: персонажей произведения с их личностными особенностями, автора произведения и самого читателя [1, с. 215]. Это указывает на взаимный обмен между читательской картиной мира, находящейся в объективной реальности, и картинами мира автора и действующих лиц, заключённых в изучаемом произведении.

Для разных категорий читателей, очевидно, будет характерна различная культура чтения; вместе с этим нельзя отрицать некоторых объективных факторов, которые влияют на восприятие текста художественного произведения. Более того, требуется учитывать, что культура чтения во многом формируется под давлением потребностей конкретной читательской группы, для удовлетворения которых используется процесс чтения. Мы предполагаем, что в зависимости от принадлежности конкретного читателя к той или иной группе по компетентности чтения, в читательских реакциях будут наблюдаться отражения конкретных особенностей выбранной культуры чтения [2, с. 56].

В качестве предмета анализа мы выбрали рассказ, который явно не входит в число наиболее популярных произведений автора (что минимизирует вероятность формирования мнения о произведении под влиянием внешних источников), но при этом является весьма характерным для его творчества. Речь идет о рассказе И.А. Бунина «Перевал». Как отмечают исследователи [3, с. 181], этот рассказ является переходом от раннего творчества к зрелому и, следовательно, занимает особое место в творчестве писателя.

Читателей мы, в соответствии с принятой в теории редакторской подготовки изданий классификацией [4, с. 364–376], разделили на три группы: читателей-профессионалов («литературоведов-

исследователей, текстологов, библиограф», «квалифицированных читателей, проявляющих повышенный интерес к творчеству данного писателя», и массовых читателей. Точка зрения представителей первой группы отражается в профильных научных публикациях, ее исследование мы проводим на основании анализа публикаций за последние 10 лет на в научно-электронной библиотеке e-library.ru, отражающей состояние национальной информационно-аналитической системы РИНЦ. Исследование точки зрения квалифицированных читателей проводилось на основании обзора отзывов на книжных рекомендательных сервисах (livelib.ru), сервисах электронных и аудиокниг (litres.ru) и профильных сайтах, предназначенных для размещения отзывов самого разного характера, в том числе и отзывов на книги (Отзовик.ru). Для выявления точки зрения массового читателя, знакомящегося с произведениями литературы нецеленаправленно, мы провели опрос студентов негуманитарных специальностей и обработали его результаты.

Рассмотрим точку зрения на произведение современного читателя-профессионала. Поиск материалов, отражающих точку зрения читателя-профессионала, мы осуществляли методом поиска, по ключевым словам, (Бунин, И.А. Бунин, «Перевал»), причем поиск осуществлялся не только в названии, аннотации и ключевых словарях, но и непосредственно в тексте работы. Первичный поиск дал 589 позиций. Устранив случайные публикации, публикации, носящие историко-литературный или текстологический характер, публикации сравнительно-сопоставительного плана, а также работы, связанные не столько с литературой, сколько с другими видами человеческой деятельности, мы получили семь публикаций, в которые в той или иной степени можно рассматривать как интерпретацию рассказа «Перевал».

Несколько работ отражают исследование формальных или формально-содержательных аспектов рассказа. Так, Е.С. Гулакова рассматривает лексические единицы, используемые автором для обозначения природных явлений, в их прямом и переносном значении [5, с. 188–194]. Е.Р. Пономарев ограничивается несколькими строчками, в которых указывает на рубежный характер рассказа, знаменующего переход от раннего творчества И.А. Бунина к его зрелому периоду [3, с. 181]. Очевидно, что опираться на эти работы при исследовании восприятия произведения читателем-профессионалом нецелесообразно, поэтому сконцентрируемся на оставшихся пяти статьях.

Прежде всего, необходимо отметить две работы А.А. Дякиной, посвященные образу (категории) пути в творчестве И.А. Бунина. Отмечается, что в рассказе «Перевал» реальный путь приобретает метафорическое значение и символизирует жизненный путь человека в целом [6], [7]. Более под-

робно содержание образа пути-жизни и пути-духовного странствия применительно к данному рассказу в статьях не раскрывается, зато отмечается важное для нашего дальнейшего исследования значение категории времени для понимания этого образа: «Все значения ... имеют единую основу, они опираются на понятие длящегося времени» [6], [7].

Л.Ю. Федорова отмечает, что рассказ в первую очередь авторская идея сводится в первую очередь к выражению эмоций (очевидно, рациональный компонент идеи в форме логического умозаключения представляется исследователю менее важным) [8, с. 103]. Среди ведущих эмоций упомянуты последовательно усталость, напряжение, жуть, отчаяние, злобная решимость, спокойная покорность, безразличие; общую палитру выявленных эмоций автор статьи соотносит с характерными для творчества Бунина мотивами одиночества и беспомощности.

Строго противоположные эмоции и установки видит в рассказе Е.Л. Блинова [9]. Автор утверждает, что «финал оптимистичен» и мотивирует это тем, что «ценность пути зависит от человека». Отметим, что Е.Л. Блинова опирается на тот же образ пути, который рассматривается в статьях А.А. Дякиной, однако, в отличие от этих статей, предлагает свое толкование произведения.

И, наконец, самое объемное исследование, посвященное рассказу «Перевал» за последние 10 лет – это работа Э.Г. Шестаковой «Путешественник и горы: особенности самосознания героя в малой прозе И.А. Бунина» [10]. Автор проводит глубокий литературоведческий анализ рассказа, отмечает концентрацию на настроениях, и, следовательно, импрессионистичность произведения, что совпадает с оценкой произведения Л.Ю. Федоровой. Наиболее интересным наблюдением Э.Г. Шестаковой представляется интерпретация образа гомеровских хижин: «возможность в кризисной ситуации увидеть и определить мир в античных координатах – это совершенный путешественником прорыв к себе» (с. 217). Автор статьи полагает, что ощущение ужаса позволяет вернуться к ценностям жизни, что, по сути, предвосхищает экзистенциализм, оставаясь при этом в рамках классической аллегории «жизнь – трудный путь». Окончательная интерпретация рассказа ясна не до конца: с одной стороны, исследователь подчеркивает, что «переживание ужаса, безысходности и прорыва к ценности жизни через оксюморонность обнаружило возможность вернуться, к радости, просторы людского существования» (с. 219), с другой – утверждает, что это же переживание заставляет задавать вопрос о неизбежном конце.

Подведем итоги. Читатель-профессионал, анализируя рассказ, может а) ограничиться констатацией более или менее очевидных образов (образы природных явлений или образ пути) без углубле-

ния в интерпретацию, б) сделать однозначный вывод о преобладании в рассказе идей одиночества и беспомощности, в) сделать вывод об оптимистической направленности рассказа, г) сделать противоречивый вывод об одновременной радости преодоления и неизбежности конца. Таким образом, нам предлагается целая палитра интерпретаций, местами противоречащих друг другу, местаами внутренне противоречивых.

Заметим, что, говоря о противоречиях, мы не говорим о том, что одна из точек зрения корректна, а другая – нет. Мы лишь констатируем, что сложное художественное целое, которым, без сомнения является рассказ «Перевал», может вызвать неоднозначную интерпретацию даже у читателя-профессионала.

Обратимся теперь к группе читателей-любителей. Как было сказано выше, добровольно отзывы о прочитанном произведении оставляет, как правило, только хорошо мотивированный читатель, поэтому следует отметить не только отзывы, но и оценки.

На платформе Литрес рассказу дано 39 оценок, из которых восемь – максимально высокие (пять звездочек), 21 – хорошие (четыре звездочки) и 10 – средние (три звездочки); средняя оценка – 3,8. Дано два развернутых отзыва, на которых мы остановимся позднее. На платформе LiveLib дано 56 оценок. Поскольку имеется возможность оценить произведение на ноль, следует подобные отзывы из общего числа выявленных оценок. В итоге остается следующая статистика: 5–5 оценок, 4,5–3 оценки, 4–18 оценок, 3,5–5 оценок, 3–10 оценок; средняя оценка – 3,9. Даны две развернутых рецензии, которые полностью совпадают с двумя отзывами на Литрес. На сайте Яндекс-книги оценок меньше, зато они разнообразнее: 8 оценок «советую», две оценки «мудро», одна оценка «полезно» и одна оценка «не оторваться». Развернутых отзывов нет. И, наконец, на портале Отзовик размещено две развернутые рецензии, средняя оценка – 5,0.

Количественные оценки свидетельствуют о достаточно высокой оценке рассказа читателем-любителем, однако не дают оснований для выводов о глубине понимания произведения. Поэтому обратимся к развернутым отзывам и рецензиям. Их общее количество невелико, однако это вся совокупность выявленных в соответствии с исходными условиями отбора текстов.

Основные идеи, содержащиеся в отзывах, таковы.

Отзыв № 1.

1. Рассказ о пути к перевалу в плохую, трудную погоду. Особенно интересен, если вы тоже любите ходить пешком.

2. Перевал – это жизненные трудности, которые приходится преодолевать в жизни любому человеку и которые все так или иначе преодолевают.

3. Рассказ – предвидение сурового перехода России в новое время.

Отзыв № 2.

1. В рассказе есть только настроение «беспринятности и безнадежности».

Отзыв № 3.

1. Очень образное реалистичное описание пути в горах, коррелирующее с личным опытом автора отзыва.

2. Есть философские рассуждения, но «они не зацепили».

3. Интересно наблюдать за борьбой человека со стихией и самим собой.

Отзыв № 4.

1. Описано величие природы. Опыт непогоды в горах коррелирует с личным опытом автора. В отличие от отзыва № 3 подчеркивается именно величие природы и даже ее мистический характер.

2. Герой идет в горы навстречу трудностям, убегая от горестей повседневной жизни, и это правильно и мудро.

Анализируя выявленные идеи, мы с очевидностью устанавливаем, что чаще всего в нем видят прежде всего буквальное реалистическое описание трудной дороги в горах, причем все авторы отзывов, которые увидели в рассказе в первую очередь реальное описание движения в горах в непогоду, оценивают общую идею рассказа скорее как позитивную (трудности преодолимы, человек одерживает победу над собой, преодоление трудностей пути в горах позволяет забыть о житейских проблемах). Складывается ощущение, что рассказ И.А. Бунина дополняется личным опытом туриста и/или спортсмена, отсюда – порой неожиданные выводы. Так, мысль о том, что горы позволяют «убежать» от житейских проблем, то есть преодоление перевала – это некая форма эскапизма, выглядит не совсем органичной для рассказа и не вытекающей непосредственно из текста. Столь же неожиданными оказываются параллели с грядущей революцией и гражданской войной. Очевидно, что менее профессиональным подход к тексту дает большую свободу для интерпретаций произведения.

Автор одного из отзывов видит в произведении не столько преодоление, сколько безнадежность, что дает основания говорить о принципиальном сходстве читателей-профессионалов и читателей-любителей. Любители чаще фокусируются на конкретных образах, чаще видят позитивную динамику, однако, как и среди читателей-профессионалов, среди них встречаются те, кто воспринимает рассказ как достаточно депрессивное по своему настроению произведение. Правда, следует отметить, что к сложным философским интерпретациям рассказа, авторы отзывов были не готовы или осознанно отказались от них.

Восприятие рассказа читателями-профессионалами и читателями-любителями во многом совпадало: и те, и другие видели эксплицитно выраженные образы, связанные с природой (горы, дорога, перевал), метафорическое значение пути, отмечали метафорическое значение пути. Однако и те, и другие резко расходились в определении тональности рассказа. Поэтому, проводя опрос массовых читателей, мы предсказуемо сконцентрировались именно на эмотивном пространстве рассказа. Мы исходили из того, что анализ особенностей художественного мира, языка и структуры произведения предполагают определенные литературо-ведические компетенции, которыми не массовый читатель вряд ли обладает. В связи с этим опрошенным предлагалось ответить на вопрос, какое настроение возникло у них после прочтения рассказа.

Для участия в опросе были отобраны студенты одного из технических вузов Санкт-Петербурга, их общее количество составило 86 человек. Были даны развернутые ответы об эмоциональном содержании рассказа, которые можно сгруппировать следующим образом.

- Решимость, жизнеутверждающий пафос – 13 ответов.
- Переход от апатии/меланхолии/тревоги к принятию/смирению – 8 ответов (из них один – переход к оптимизму, один – смирение без исходной негативной эмоции).
- Безразличие – 3 ответа (из них один – философское безразличие).
- Философские размышления без ярко выраженной эмоциональной окраски – 6 ответов (в том числе один – размышления о природе героя).
- Мрачное настроение, соединенное с надеждой – 5 ответов.
- Отчаяние, тягость, мрачное настроение, депрессия – 30 ответов.
- Печаль, грусть, меланхolia – 21 ответ.

Детали проанализированных текстов, которые были получены в ходе опроса, важны для понимания характеристики массового читателя, но вряд ли будут интересны в рамках настоящей статьи. Для нас важен вывод о том, что в одном и том же тексте примерно 15% читателей увидели жизнеутверждающий пафос, еще примерно 14% читателей увидели скорее надежду, чем негативный пафос, то есть суммарно примерно треть читателей восприняла рассказ в ключе, заданном исследованием Е.Л. Блиновой. Около 12% отнеслись к рассказу нейтрально или восприняли его как повод для размышлений без позитивного или негативного эмоционального восприятия. И, наконец, большая часть читателей (суммарно около 59%, то есть почти две трети опрошенных) увидели преимущественно негативную эмоциональную составляющую: от легкой грусти и меланхолии до тягостной безнадежности и депрессии.

Это подтверждает наше предположение о том, что в рассказе есть некоторая объективная база, на базе которой строится субъективное восприятие содержания. При этом необходимо отменить, что эти объективные компоненты входят в читательскую культуру всех изученных категорий читателей; также следует отметить тот факт, что наибольшим разнообразием подходов к интерпретации отличается непрофессиональная аудитория, что может указывать как на недостаточную сформированность навыка литературного анализа, так и на более широкий жизненный опыт, который позволяет приходить к менее стандартным (и более субъективным) интерпретациям литературных текстов.

Литература

1. Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста / А.С. Комаров // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). С. 215–220.
2. Гринюк О.И. Эволюция понимания проблематики понятия «культура чтения» / О.И. Гринюк // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 13(76). С. 55–58.
3. Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и Сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 178–193.
4. Редактирование отдельных видов литературы: учебник для вузов по спец. «Журналистика» / Р.Г. Абдулин, С.Г. Антонова, Л.Н. Кастрюлина; ред. Н.М. Сикорский. М.: Книга, 1987. С. 364–376.
5. Гулакова Е.С. Языковые средства, используемые для создания атмосферных явлений и осадков, в ранних рассказах И.А. Бунина // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве и профессиональной коммуникации / Под редакцией И.Н. Никитиной, Н.В. Трошиной. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 187–195.
6. Дякина А.А. Категория пути в творческой философии Ив. Бунина / Modern Science. 2020. № 11–3. С. 356–361.
7. Дякина А.А. «Путь» в жизненной и творческой философии Ивана Бунина // Филологos. 2022. № 2(53). С. 30–39.
8. Федорова Л.Ю. Жанровое своеобразие и основные мотивы ранних рассказов И. Бунина // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2–7. С. 102–106.
9. Блинова Е.Л. Анализ и интерпретация малых литературных форм как способ постижения многообразия человеческих взаимоотношений (духовно-нравственное содержание притчевого символизма И.С. Бунина) // Культура

мира и ненасилия подрастающего поколения: рабочие интерпретации и педагогические условия развития. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2020. С. 212–213.

10. Шестакова Э.Г. Путешественник и горы: особенности самосознания героя в малой прозе И.А. Бунина // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 200–230.

PECULIARITIES OF PERCEPTION OF SMALL LITERARY FORMS BY PROFESSIONAL AND AMATEUR READERS

Voloshinova T.Yu., Voloshinova A.D., Klimov A.M.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruevich

The article is devoted to the problems of studying the peculiarities of perception of literary works of small prose forms: short stories, short stories, essays – by different groups of readers. The research is conducted with the aim of developing the theoretical and practical basis of psychology and sociology of reading. A comparative analysis of two main groups of readers is carried out and described: amateur readers and professional readers. Amateur readers, in turn, were considered in the context of their more or less high motivation. The research was conducted on the basis of statistical and qualitative analysis of texts generated by readers for professional readers and motivated amateur readers. When identifying the specifics of the perception of the text by professional readers, we relied on scientific publications. To determine the specifics of the reader's perception by motivated amateur readers, we analyzed reader reviews left on book recommendation services ([livelib.ru](#)), electronic and audiobook services ([litres.ru](#)) and specialized sites designed to post reviews of a wide variety of nature, including book reviews ([<url>](#)). To study the point of view of less motivated amateur readers, a survey of non-humanitarian students was conducted. The literary material that revealed the specifics of the reader's perception was I.A. Bunin's short story «The Pass». The results of the study allow us to draw conclusions about the specifics of the perception of a literary text by modern readers and can be useful both in editorial

and publishing practice and in teaching undergraduate and graduate students in the field of Publishing.

Keywords: psychology and sociology of reading, perception of literary text, I.A. Bunin, «The Pass», professional readers, amateur readers, motivated readers, low-motivation readers.

References

1. Komarov A.S. Interpersonal interaction of the reader, the author, and the character of the literary text / A.S. Komarov // Bulletin of MGIMO University. 2012. № 5(26). Pp. 215–220.
2. Grinyuk O.I. The evolution of understanding the problematic of the concept of «culture of reading» / O.I. Grinyuk // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2009. № 13(76). Pp. 55–58.
3. Ponomarev E.R. Genre genesis and plotology of I.A. Bunin's early prose // *Studia Litterarum*. 2022. Vol. 7, № 4. Pp. 178–193.
4. Editing of certain types of literature: a textbook for universities on the specialty «Journalism» / R.G. Abdulin, S.G. Antonova, L.N. Kastrulyina; edited by N.M. Sikorsky. Moscow: Kniga, 1987. Pp. 364–376.
5. Gulakova E.S. Linguistic means used to create atmospheric phenomena and precipitation in the early stories of I.A. Bunin // Russian language and Russian literature in the multicultural space and professional communication / Edited by I.N. Nikitina, N.V. Troshina. Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2021. Pp. 187–195.
6. Dyakina A.A. The category of path in creative philosophy. Bunina / Modern Science. 2020. № 11–3. Pp. 356–361.
7. Dyakina A.A. «The path» in the life and creative philosophy of Ivan Bunin // Philologos. 2022. № 2(53). Pp. 30–39.
8. Fedorova L.Y. Genre originality and main motives of I. Bunin's early short stories // Current trends in the development of science and technology. 2017. № 2–7. Pp. 102–106.
9. Blinova E.L. Analysis and interpretation of small literary forms to comprehend the diversity of human relationships (the spiritual and moral content of I.S. Bunin's parable symbolism) // Culture of peace and nonviolence of the younger generation: perspectives of interpretation and pedagogical conditions of development. Kursk: Closed Joint-Stock Company «University Book», 2020. Pp. 212–213.
10. Shestakova E.G. The traveler and the mountains: the peculiarities of the hero's self-awareness in the short prose of I.A. Bunin // Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: routes, toposes, genres and narratives / Edited by T.I. Pecherskaya, N.V. Konstantinova. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2016. Pp. 200–230.

Фразеологические единицы и идиомы в английском языке: происхождение и современное использование

Ежикова Елена Геннадьевна,

кандидат филологических наук, старший директор онлайн-обучения, Кафедра английского языка № 1, МГИМО

В статье представлен комплексный лингвокультурно-функциональный анализ фразеологических единиц современного английского языка. Исследуется генезис идиоматики, определяемый сложным взаимодействием исторических, литературных и социальных факторов. Особое внимание уделяется диахронической устойчивости ключевых образных моделей и их динамической адаптации к условиям современной цифровой коммуникации. На основе анализа сделан вывод о фундаментальной важности освоения фразеологического фонда для достижения глубокой межкультурной компетенции и эффективного профессионального взаимодействия в англоязычной среде.

Ключевые слова: фразеология, идиома, английский язык, этимология, лингвокультурология, лингвистическое мировоззрение, межкультурная коммуникация, методика преподавания.

Introduction

The phraseological composition of a language represents an intense reflection of the pooled experiences, system of values, and specific worldviews of its speakers [9, p. 15]. In the English language, outstanding with its significant historical and cultural sequences, idioms form an extensive and high-frequency layer, the functional significance of which extends well beyond mere expressiveness. The urgency of the research stems from the need for a systematic conceptualization of the transformational processes affecting this particular layer in the time of globalization and digital communication. Despite well-established scientific school of English phraseology [1; 3; 5], there still remain insufficiently clarified mechanisms for integrating fresh, technology-attributable fixed expressions into the existing system, as well as approaches to overcome culturally-based difficulties that language learners might face in process of acquisition of the above.

The research objective involves a comprehensive analysis of English phraseological units, in order to identify systemic relationships of their origins, semantic evolution, and contemporary pragmatic meanings. Such objective might be accomplished through the following tasks addressed: first, to classify the main sources of idiomatic formation; second, to analyze the specific functioning of conventional and modern phraseological units in various types of discourse; and third, to evaluate how idiomatics performs as a factor in intercultural understanding and as an object of linguo-didactic influence.

The theoretical and methodological background of present study relies on the principles of linguacultural and cognitive approaches to the study of phraseology. The empiric material includes data from authoritative lexicographic sources [2; 6], including examples from modern English corpus, and selections from journalistic and professional texts of recent years.

Historical and cultural origins of English idiomsatics

The phraseological stock of the English language took a long historical process to form, influenced by various intertwining cultural traditions. The biblical tradition seems to be most important source, particularly the King James Version, which enriched the language with numerous expressions, such as “the apple of one’s eye” or “to wash one’s hands of something” [6]. These expressions, originally of narrowly defined religious

and symbolic meaning, in course of the secularization of the language experienced semantic generalization, retaining, however, their idiomatic power.

Just as important a contribution was made by literary phraseology, particularly Shakespearean phraseology. Idioms like “the green-eyed monster” (standing for jealousy) or “to wear one’s heart upon one’s sleeve” (to not disguise one’s feelings) are not simply quotations, but examples of the profound linguistic crystallization of elaborate psychological and philosophical concepts proposed by the playwright [5].

The persistence of mentioned idioms demonstrates that literary works is capable of acting as a powerful generator and stabilizer of linguistic images.

A significant range of idioms is of pragmatic, everyday, or professional origins. Nautical terminology (“to be all at sea,” “plain sailing”) or hunting and craft vocabulary (“to beat about the bush,” “to know the ropes”) have become the basis for metaphorical expressions describing abstract real-life situations [1].

This process of metaphorizing professional experience confirms the language to provide for presentative understanding reality in terms of specific practical activity. Furthermore, language contact has had a significant influence, with expressions such as “carpe diem” (Latin) or “c'est la vie” (French) penetrating and becoming established in English, enriching its conceptual range.

Operation of phraseological units in the modern communicative space

On the modern stage of its development the English language is demonstrates the dialectical unity of stability and dynamics in its phraseological system.

On the one hand, the core of traditional idioms remains relevant, extensively used in journalism, political discourse, and artistic expression. Idiomatic expressions' use, however, often acquires new stylistic nuances, like irony or deliberate stylization.

On the other hand, there are on-going processes of phrase formation, fuelled by new technological, social, and economic realities. The emergence of neologisms such as “to google it,” “to binge-watch,” or “low-hanging fruit” demonstrates that the mechanisms of figurative reinterpretation appear to remain productive, adapting language to describe the phenomena of the digital age [3].

Modern discourse disposes of extremely wide functional spectrum of idioms.

In addition to their basic nominative and expressive functions, they perform an important socially integrative role, marking an affiliation with a certain professional or sociocultural group.

Using current business slang (“to think outside the box,” “to move the goalposts”) or internet-driven idioms is not only a way to convey information, but also an act of demonstrating communicative competence and attribution to a particular community.

In that particular way, phraseological units serve as a tool for constructing social identity in the process of communication.

The role of idioms in intercultural communication and linguodidactics

Mastering phraseological vocabulary is one of the most challenging tasks for those who learn English as a foreign language. The crucial point here lies in the undivisibility of the idiom meaning of an idiom from the aggregate of its component meanings, which often leads to semantic errors in literal translation.

A more important issue stems from the cultural specificity inherent in the figurative basis of the expression. Even with a correct understanding of the denotative meaning, the connotative nuances and historical-cultural implication (as in the case of the idiom “to have a skeleton in the closet”) may remain inaccessible to a recipient without proper immersion in the relevant cultural environment [9, Pp. 40–42].

From a linguodidactic standpoint, this necessitates the use of a contextual-cognitive approach to teaching idioms.

Successful acquisition does not involve the isolated memorization of units, but rather their practical application within the framework of authentic communicative situations and discursive practices.

Thematic organization of material seems to be expedient, with an emphasis on explaining the etymology and figurative logic wherever this contributes to better understanding and memorization.

No less important is a comparative analysis aimed at identifying both interlinguistic correspondences and culturally determined differences between idioms in the native and target languages. Developing the skill of appropriately using phraseological units indicates progression to an advanced level of language proficiency and an essential component in developing intercultural competence, facilitating to cross not only linguistic but also cultural communicative barriers.

Conclusion

The conducted research allows for the conclusion that phraseological units and idioms of the English language form a complex, historically and dynamically developing system.

On the one hand, this system is tightly coupled with the cultural and historical context of its formation, drawing stability from literary canons, historical narratives, and professional traditions.

On the other hand, the Caribbean system has a high degree of adaptability, actively introducing new methods to reflect technological and social progress.

Idioms in the modern communicative space operate far beyond the design of speech and the performance of basic cognitive, socially integrative, and defining functions. In the context of globalization, mastery

of this layer of vocabulary is becoming essential for full participation in professional and academic discourse, and the difficulties of its assimilation require the development of sophisticated methodological strategies based on the principles of linguacultural studies and cognitive linguistics.

Prospects for further research are regarded as an in-depth corpus analysis of the frequency and contexts of use of the top-of-the-line phraseological units, in studying the specifics of their functioning in social media, as well as in the development of digital pedagogical tools aimed at interactive and context-dependent teaching of idioms.

Литература

1. Kunin A.V. Course of phraseology of the modern English language. – 2nd ed. – M.: Vysshaya shkola, 1996. – p. 381.
2. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 608 p.
3. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 352 p.
4. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow: Longman, 2000. – 387 p.
5. Seidl J., McMordie W. English Idioms and How to Use Them. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 288 p.
6. Speake J. (Ed.) The Oxford Dictionary of Proverbs. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 400 p.
7. Fernando K. Idioms and Idiomaticity // New in Foreign Linguistics. – Issue XXV. Contrastive Linguistics. – Moscow: Progress, 1989. – P. 329–342.
8. Dobrovolsky D.O. National and cultural specificity in phraseology // Voprosy yazykoznanija. – 1997. – № 6. – P. 37–48.
9. Maslova V.A. Linguocultural Studies: Textbook for students of higher educational institutions. – M.: Academy, 2001. – p. 208.
10. Glazunova O.I. Logic of metaphorical transformations. – St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2000. – p. 190.

PHRASEOLOGICAL UNITS AND IDIOMS IN ENGLISH: ORIGIN AND MODERN USAGE

Ezhikova E.G.
MGIMO University

This article presents a comprehensive linguo-cultural and functional analysis of phraseological units in modern English. The genesis of idiomatics, determined by the complex interaction of historical, literary, and social factors, is investigated. Special attention is paid to the diachronic stability of key figurative models and their dynamic adaptation to the conditions of modern digital communication. Based on the analysis, a conclusion is drawn about the fundamental importance of mastering the phraseological fund for achieving deep intercultural competence and effective professional interaction in the English-speaking environment.

Keywords: phraseology, idiom, English language, etymology, linguocultural studies, linguistic worldview, intercultural communication, teaching methodology.

References

1. Kunin A.V. Course of phraseology of the modern English language. – 2nd ed. – M.: Vysshaya shkola, 1996. – p. 381.
2. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 608 p.
3. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 352 p.
4. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow: Longman, 2000. – 387 p.
5. Seidl J., McMordie W. English Idioms and How to Use Them. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 288 p.
6. Speake J. (Ed.) The Oxford Dictionary of Proverbs. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 400 p.
7. Fernando K. Idioms and Idiomaticity // New in Foreign Linguistics. – Issue XXV. Contrastive Linguistics. – Moscow: Progress, 1989. – P. 329–342.
8. Dobrovolsky D.O. National and cultural specificity in phraseology // Voprosy yazykoznanija. – 1997. – № 6. – P. 37–48.
9. Maslova V.A. Linguocultural Studies: Textbook for students of higher educational institutions. – M.: Academy, 2001. – p. 208.
10. Glazunova O.I. Logic of metaphorical transformations. – St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2000. – p. 190.

Физическая культура и спорт как многофункциональный инструмент укрепления здоровья

Ибрагимов Али Закир оглы,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

Титова Анастасия Сергеевна,

старший преподаватель кафедры физической культуры
и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: asya.titova.92@mail.ru

Каракчиев Дмитрий Андреевич,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: dkarakchiev@mail.ru

Гурбанов Тимур Мушфигович,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: gurbanov-2025@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу роли физической культуры и спорта в современном обществе как стратегического ресурса укрепления здоровья и социального развития. На основе систематического обзора научной литературы рассмотрены многоуровневые эффекты физической активности: профилактика хронических неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые заболевания, диабет, ожирение, деменция), улучшение психического здоровья и когнитивных функций. Особое внимание удалено роли спорта в развитии личностных качеств, формировании просоциального поведения и социальной интеграции молодежи. Подчеркивается значимость командных видов спорта как инструмента воспитания ответственности, дисциплины и лидерских способностей. Статья подтверждает экономическую целесообразность инвестиций в программы физической культуры через снижение расходов на здравоохранение и повышение производительности труда.

Ключевые слова: физическая культура, общественное здоровье, физическая активность, спорт, личностное развитие, общество.

Введение

В условиях глобализации и трансформации современного общества физическая культура и спорт приобретают все большее значение как фактор, определяющий качество жизни людей и благополучие общества в целом. По мере того, как человечество сталкивается с вызовами, связанными с растущей распространенностю гиподинамии, ожирения, сердечно-сосудистых заболеваний, психологических расстройств и социальной изоляции, роль организованной физической активности (ФА) становится критически важной для здравоохранения и социального развития [1].

Современное общество, характеризующееся высокой интенсификацией трудовой деятельности, развитием информационных технологий и изменением характера социальных взаимодействий, испытывает парадоксальный дефицит двигательной активности у большинства населения. Этот феномен, получивший название «эпидемия гиподинамии», сопровождается повышением заболеваемости и преждевременной смертностью. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, физическая инактивность является четвертым по значимости фактором риска смертности во всем мире, уступая только артериальной гипертензии, избыточной массе тела и курению [2].

В этом контексте физическая культура и спорт выступают не только как узконаправленный инструмент профилактики физических заболеваний, но и как комплексный фактор формирования здоровьесохраняющего образа жизни, обеспечения психического благополучия, гармоничного развития личности и укрепления социальной интеграции в различных возрастных группах и социально-демографических категориях населения [3].

Физическая активность и комплексная профилактика заболеваний

Системный подход к оценке влияния физической активности на здоровье популяции демонстрирует ее многоуровневые защитные эффекты: улучшение кардиореспираторной функции, метаболического профиля, иммунитета, когнитивных способностей и психического состояния. На клеточном уровне регулярные физические нагрузки активируют механизмы митохондриального биогенеза, улучша-

ют эндотелиальную функцию, снижают системное воспаление и окислительный стресс. Эти фундаментальные процессы лежат в основе защитного действия ФА против широкого спектра патологических состояний. На уровне популяции регулярная ФА связана с предотвращением миллионов смертей и существенным сокращением бремени НИЗ; ВОЗ классифицирует инвестиции в повышение ФА как «лучшее вложение» общественного здравоохранения [4].

Систематические обзоры подтверждают долгосрочные ассоциации ФА с меньшим риском ССЗ, диабета, деменции и всех причин смертности, а также улучшением качества жизни в различных возрастных группах. Особенно важна дозо-ответная зависимость: даже небольшое увеличение активности дает измеримую пользу для здоровья, при этом максимальные эффекты достигаются при соблюдении рекомендованных объемов нагрузки [5]. Мета-анализы показывают, что переход от сидячего образа жизни к минимально активному снижает общую смертность на 20–30%, тогда как дальнейшее увеличение активности приносит дополнительные, хотя и менее выраженные выгоды. Эта закономерность подчеркивает особую важность вовлечения в ФА наименее активных групп населения, где потенциал для улучшения здоровья максимален [2].

Переходя от общих механизмов к конкретным нозологиям, становится очевидной универсальность профилактического и терапевтического действия ФА при различных хронических заболеваниях.

ФА оказывает дозозависимую пользу при ССЗ, диабете, ожирении, раке и хронической болезни почек (ХБП); включение тренировок в клинические маршруты улучшает исходы и снижает риски осложнений. При ишемической болезни сердца структурированные программы кардиореабилитации с ФА снижают повторные госпитализации на 13–15% и улучшают качество жизни пациентов. Механизмы кардиопротективного действия включают улучшение коронарной перфузии, снижение артериального давления, коррекцию дислипидемии и повышение чувствительности к инсулину [4].

Для диабета 2 типа регулярная аэробная и комбинированная нагрузка улучшают гликемический контроль на 0,6–0,8% по HbA1c, что сопоставимо с эффектом многих антидиабетических препаратов. Поддержание активности до и после дебюта заболевания ассоциировано со значительным снижением риска неблагоприятных кардиоваскулярных исходов, при этом каждые дополнительные 500 МЕТ-мин/неделю физической активности снижают относительный риск смерти на 9% [6]. Особенno перспективными представляются высокоинтенсивные интервальные тренировки (ВИИТ), которые при меньших временных затратах обеспечивают сопоставимые или превосходящие эффекты на метаболические параметры.

При онкологических заболеваниях и ХБП ФА признается важным компонентом поддерживающей терапии с доказанным влиянием на выживаемость и качество жизни. У пациентов на анализе структурированные программы упражнений связаны с 37% снижением смертности и улучшением физической функции. В онкологии предоперационные программы ФА (реабилитация) сокращают сроки госпитализации и снижают частоту осложнений, а послеоперационная реабилитация улучшает переносимость химиотерапии и снижает риск рецидивов у выживших пациентов [7].

Обновленные подходы подчеркивают необходимость персонализации «рецепта ФА» с учетом индивидуальных особенностей, коморбидностей и предпочтений пациентов. Важным направлением развития стала интеграция ФА в стандарты лечения как равноправного терапевтического вмешательства наряду с медикаментозными методами, что требует подготовки медицинских специалистов в области физиологии упражнений и спортивной медицины [8].

Психосоциальные эффекты физической культуры и спорта

Успехи в лечении хронических заболеваний тесно связаны с их влиянием на психическое состояние пациентов, что естественным образом подводит к рассмотрению роли ФА в поддержании психического здоровья.

Широкий массив мета-анализов и рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) подтверждает эффективность ФА в снижении симптомов депрессии и тревоги с величиной эффекта, сопоставимой с психотерапией и антидепрессантами. Сетевой мета-анализ 218 РКИ с участием более 14 000 человек показал, что наиболее эффективными при депрессии являются танцы, ходьба/бег трусцой, йога и силовые тренировки. При этом эффективность упражнений не зависит от исходной тяжести депрессии, что делает ФА универсальным инструментом как профилактики, так и лечения расстройств настроения [9].

Физическая активность оказывает выраженное благоприятное влияние на психическое здоровье и эмоциональное состояние человека. Спорт способствует индукции нейрохимических изменений в мозге, включая увеличение продукции эндорфинов, серотонина и дофамина – нейротрансмиттеров, ответственных за регулирование настроения, мотивации и чувства удовлетворения [10].

Регулярные занятия спортом снижают симптомы депрессии и тревожности, улучшают качество сна, способствуют развитию устойчивости к стрессу и повышению общей жизнестойкости. Спортсмены и люди, ведущие активный образ жизни, демонстрируют более высокие показатели субъ-

ективного благополучия, самооценки и жизненной удовлетворенности [11].

Физическая активность также способствует когнитивному развитию и функциональной сохранности мозга. Улучшение кровоснабжения мозга при физической активности стимулирует нейропластичность, способствует росту новых нейронных связей и предотвращает когнитивное снижение с возрастом. Исследования показали, что люди с высокой физической активностью демонстрируют лучшие показатели памяти, концентрации внимания и общих когнитивных функций [10]. У пожилых ФА замедляет возрастное снижение когнитивных функций и может снижать риск деменции на 28–45% в зависимости от объема и интенсивности нагрузки. Механизмы нейропротективного действия включают улучшение церебрального кровотока, стимуляцию нейрогенеза и синаптогенеза, а также снижение нейровоспаления [12].

Развитие личностных качеств и характера

Спортивная деятельность и физическая культура служат мощным инструментом развития личности. Через участие в спортивных программах и систематические занятия физическими упражнениями молодые люди развиваются целый ряд важных психологических и личностных качеств.

Спорт развивает волю, дисциплину, настойчивость и способность преодолевать трудности. Спортсмены постоянно сталкиваются с вызовами, требующими мобилизации всех своих ресурсов для достижения успеха, а процесс подготовки к соревнованиям – это изнурительные тренировки, работа над собственными недостатками и самодисциплина [13].

Занятия спортом, также развиваются тактические навыки и аналитические мышление у человека. Спортсмены должны уметь анализировать ситуацию на игровом поле, предвидеть действия соперников, планировать тактические действия и принимать быстрые решения в динамичных условиях игры. Эти навыки переносятся на другие сферы жизни и способствуют дальнейшим успехам в учебе и профессиональной деятельности [14].

Физическая культура и спорт способствуют развитию ответственности, самоорганизации и целеустремленности, но для достижения высоких результатов спортсмены и физкультурники должны ответственно подходить к тренировочному процессу, соблюдать режим, следить за питанием и качеством сна, постоянно работая над совершенствованием техники выполнения упражнений (положение тела, контроль дыхания, амплитуда движений) и улучшением своих физических качеств [1].

Командные виды спорта, представляют собой уникальную социальную среду, которая способствует развитию социальных навыков, формированию социальных связей и интеграции личности в общество. Через спортивную деятельность люди обучаются взаимодействию, сотрудничеству, коммуникации и лидерству [13].

Командные виды спорта (футбол, волейбол, баскетбол, хоккей и т.д.) требуют от игроков высокого уровня кооперации, взаимопонимания и согласованности действий. Игроки должны уметь подчинять свои личные интересы интересам команды, поддерживать товарищей, принимать конструктивную критику и совместно работать над достижением общих целей. Эти навыки формируют основу здоровых социально – коммуникативных отношений и способствуют эффективному взаимодействию в коллективах вне игровой площадки [15].

Актуальные научные данные подтверждают выраженное положительное влияние командных видов спорта на развитие просоциального поведения. Систематический обзор, опубликованный в 2022 году и включивший анализ многочисленных исследований, продемонстрировал, что спортивная деятельность значительно улучшает просоциальное поведение у молодежи. В частности, исследование, проведенное на выборке из 351 участника, показало, что люди, регулярно занимающиеся спортом, получили значительно более высокие показатели по всем измеряемым параметрам социально – ответственного поведения ($p \leq 0,05$) по сравнению с малоактивным населением. Участие в спортивной деятельности повышало ощущение субъективного благополучия, при этом опосредованный эффект потока составил 0,061 (95% ДИ, 0,028–0,104), что объясняло 30,18% от общего эффекта, а эффект повышенного благополучия – 0,044 (95% ДИ, 0,007–0,090), что составляло 21,96% от общего эффекта [16].

Важный аспект социализации через спорт – это формирование установок на кооперацию и сотрудничество. Исследование, проведенное на 289 играх из 42 элитных команд по хоккею на траве, выявило наличие двойственных путей к высокому командному результату. Спортивные клубы, которые культивировали командные цели мастерства (коллективное стремление к обучению и развитию), демонстрировали больший показатель кооперативности взаимодействий между членами команды и лучшие результаты [17].

Спорт также значительно снижает агрессивное поведение и виктимизацию. Исследование, проведенное в шести европейских странах на образцах спортсменов, занимающихся в спортивных клубах, показало, что агрессивное и исключающее поведение было редким или очень редким, преимущественно в форме вербальной агрессии. При этом просоциальное поведение и кооперативные

установки проявлялись «довольно часто» или «часто» среди спортсменов спортивных клубов [10].

В спортивной среде молодые люди получают возможность взять на себя ответственность, вести за собой других, принимать решения и отвечать за их последствия, что способствует развитию лидерских качеств. Опыт спортивного лидерства положительно сказывается на самооценке и способности к лидерству в других жизненных контекстах.

Роль физической культуры в формировании здоровьесохраняющего образа жизни

Одной из важнейших задач современного образования и здравоохранения является формирование устойчивой мотивации у населения, особенно у молодежи, к ведению здорового образа жизни. Физическая культура и спорт играют центральную роль в этом процессе.

Систематические занятия физическими упражнениями формируют у людей осознание важности физической активности для здоровья, улучшения работоспособности, успешного обучения и профессиональной реализации. Положительные результаты от систематической ФА (улучшение самочувствия, повышение энергетического уровня, улучшение сна, снижение стресса) укрепляют внутреннюю мотивацию к продолжению занятий [18].

Важным аспектом является формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи в отношении здоровья. Исследования показали, что молодые люди, регулярно занимающиеся спортом, демонстрируют более высокую ценность здоровья в системе личностных приоритетов, что способствует осознанному выбору здоровьесохраняющих поведенческих стратегий [19].

Гиподинамия – является одним из основных факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний. В условиях современного информационного общества, когда значительная часть населения проводит большую часть времени в условиях минимальной физической активности, профилактика гиподинамики приобретает критическое значение [4].

Исследования демонстрируют, что сидячий образ жизни увеличивает риск смертности от всех причин независимо от уровня умеренной физической активности. Однако систематическое включение даже небольших периодов физической активности в течение дня значительно снижает негативное воздействие сидячего поведения [20].

Программы физической культуры, интегрированные в систему образования, здравоохранения, производства и организацию досуга, служат эффективным инструментом профилактики гиподинами и формирования активного образа жизни у населения всех возрастных групп [21].

Заключение

Анализ научных данных и результатов многолетних исследований позволяет заключить, что физическая культура и спорт занимают центральное место в жизни современного общества и представляют собой многофункциональный инструмент решения важнейших социальных, экономических и здравоохранительных задач.

В условиях глобальных вызовов, стоящих перед современным обществом, к которым относятся рост неинфекционных заболеваний, психологических проблем, социальной изоляции и экологических угроз – физическая культура и спорт представляют собой стратегический ресурс, обеспечивающий здоровье, благополучие и устойчивое развитие общества. Инвестиции в развитие физической культуры и спорта являются инвестициями в будущее человечества.

Литература

- Цай Э. А., Кормилицын Ю.В. Физическая культура и спорт как значимые составляющие современного общества // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 122–4. – С. 150–153. – EDN QPOVFF.
- Nearly 1.8 billion adults at risk of disease from not doing enough physical activity. Saudi Med J. 2024;45(8):864–865.
- Hafner M, Yerushalmi E, Stepanek M, et al. Estimating the global economic benefits of physically active populations over 30 years (2020–2050). Br J Sports Med. 2020;54(24):1482–1487. doi:10.1136/bjsports-2020-102590
- McLaughlin M, McCue P, Swelam B, Murphy J, Edney S. Physical activity—the past, present and potential future: a state-of-the-art review. Health Promot Int. 2025;40(1): daae175. doi:10.1093/heapro/daae175
- van der Ploeg HP, Bull FC. Invest in physical activity to protect and promote health: the 2020 WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour. Int J Behav Nutr Phys Act. 2020;17(1):145. doi:10.1186/s12966-020-01051-1
- Lavie CJ, Johannsen N, Swift D, et al. Exercise is Medicine – The Importance of Physical Activity, Exercise Training, Cardiorespiratory Fitness and Obesity in the Prevention and Treatment of Type 2 Diabetes. Eur Endocrinol. 2014;10(1):18–22. doi:10.17925/EE.2014.10.01.18
- Fairag M, Alzahrani SA, Alshehri N, et al. Exercise as a Therapeutic Intervention for Chronic Disease Management: A Comprehensive Review. Cureus. 2024;16(11): e74165. doi:10.7759/cureus.74165
- Khasanova A, Henagan TM. Exercise Is Medicine: How Do We Implement It?. Nutrients. 2023;15(14):3164. doi:10.3390/nu15143164

9. Noetel M, Sanders T, Gallardo-Gómez D, et al. Effect of exercise for depression: systematic review and network meta-analysis of randomised controlled trials. *BMJ*. 2024;384: e075847. doi:10.1136/bmj-2023-075847
10. Casanova F, O'Loughlin J, Karageorgiou V, et al. Effects of physical activity and sedentary time on depression, anxiety and well-being: a bidirectional Mendelian randomisation study. *BMC Med*. 2023;21(1):501. doi:10.1186/s12916-023-03211-z
11. Herbert C, Meixner F, Wiebking C, Gilg V. Regular Physical Activity, Short-Term Exercise, Mental Health, and Well-Being Among University Students: The Results of an Online and a Laboratory Study. *Front Psychol*. 2020;11:509. doi:10.3389/fpsyg.2020.00509
12. Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Плещев И.Е. Применение опросника SF-36 для оценки эффективности реабилитационной программы с применением водного велосипеда «Сибайк» после травмы нижних конечностей. *Медицинская психология в России*. 2025;17(1):20–26. <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2025-17-1-20-26>
13. De Vries RE. The Main Dimensions of Sport Personality Traits: A Lexical Approach. *Front Psychol*. 2020;11:2211. doi:10.3389/fpsyg.2020.02211
14. Осипцов А. В., Кулик А.Л., Баранов И.И. Формирование двигательной активности у подростков, занимающихся физической культурой // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–2. Рр. 158–160. – EDN MHSPT.
15. Yi K, Luo H, Wei L. From the pitch to personal growth: Investigating self-esteem as a mediator and parental support as a moderator in youth sports in China. *Heliyon*. 2024;10(10): e31047. doi:10.1016/j.heliyon.2024.e31047
16. Li J, Shao W. Influence of Sports Activities on Prosocial Behavior of Children and Adolescents: A Systematic Literature Review. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(11):6484. doi:10.3390/ijerph19116484
17. van Mierlo, H., & van Hooft, E. A. J. (2025). Dual pathways to high performance: Team achievement goals, cooperation, and competition in elite sports teams. *Journal of Applied Sport Psychology*, 37(2), 207–228. <https://doi.org/10.1080/10413200.2024.2383874>
18. Плещев И. Е., Николенко В.Н., Ачкасов Е.Е., Шкребко А.Н. Алгоритм применения индивидуально – группового протокола при комплексной реабилитации пациентов с саркопенией // Вестник «Биомедицина и Социология». 2022. – Т. 24. № 5. – С. 44–53. – EDN MUPKXF. doi:10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-44-53.
19. Lee SM, Jeong HC, So WY, Youn HS. Mediating Effect of Sports Participation on the Relationship between Health Perceptions and Health Promoting Behavior in Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020; 17(18):6744. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186744>
20. Haggis C, Sims-Gould J, Winters M, Gutteridge K, McKay HA. Sustained impact of community-based physical activity interventions: key elements for success. *BMC Public Health*. 2013;13:892. doi:10.1186/1471-2458-13-892
21. Cleland CL, Hunter RF, Tully MA, et al. Identifying solutions to increase participation in physical activity interventions within a socio-economically disadvantaged community: a qualitative study. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2014;11:68. doi:10.1186/1479-5868-11-68

PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS AS A MULTIFUNCTIONAL TOOL FOR HEALTH PROMOTION

Ibragimov A.Z., Titova A.S., Karakchiev D.A., Gurbanov T.M.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article is devoted to a comprehensive analysis of the role of physical culture and sports in modern society as a strategic resource for health promotion and social development. Based on a systematic review of scientific literature, multilevel effects of physical activity are considered: prevention of chronic non-communicable diseases (cardiovascular diseases, diabetes, obesity, dementia), improvement of mental health and cognitive functions. Special attention is paid to the role of sport in the development of personal qualities, the formation of prosocial behavior and the social integration of young people. The importance of team sports as a tool for fostering responsibility, discipline and leadership abilities is emphasized. The article confirms the economic feasibility of investing in physical education programs by reducing health care costs and increasing labor productivity.

Keywords: physical culture, public health, physical activity, sport, personal development, society.

References

1. Tsai E. A., Kormilitsyn Yu.V. Physical culture and sport as significant components of modern society // Trends in the development of science and education. 2025. № 122–4. Pp. 150–153.
2. Nearly 1.8 billion adults at risk of disease from not doing enough physical activity. *Saudi Med J*. 2024;45(8):864–865.
3. Hafner M, Yerushalmi E, Stepanek M, et al. Estimating the global economic benefits of physically active populations over 30 years (2020–2050). *Br J Sports Med*. 2020;54(24):1482–1487. doi:10.1136/bjsports-2020-102590
4. McLaughlin M, McCue P, Swelam B, Murphy J, Edney S. Physical activity—the past, present and potential future: a state-of-the-art review. *Health Promot Int*. 2025;40(1): daae175. doi:10.1093/heapro/daae175
5. van der Ploeg HP, Bull FC. Invest in physical activity to protect and promote health: the 2020 WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2020;17(1):145. doi:10.1186/s12966-020-01051-1
6. Lavie CJ, Johannsen N, Swift D, et al. Exercise is Medicine – The Importance of Physical Activity, Exercise Training, Cardiorespiratory Fitness and Obesity in the Prevention and Treatment of Type 2 Diabetes. *Eur Endocrinol*. 2014;10(1):18–22. doi:10.17925/EE.2014.10.01.18
7. Fairag M, Alzahrani SA, Alshehri N, et al. Exercise as a Therapeutic Intervention for Chronic Disease Management: A Comprehensive Review. *Cureus*. 2024;16(11): e74165. doi:10.7759/cureus.74165

8. Khasanova A, Henagan TM. Exercise Is Medicine: How Do We Implement It?. *Nutrients*. 2023;15(14):3164. doi:10.3390/nu15143164
9. Noetel M, Sanders T, Gallardo-Gómez D, et al. Effect of exercise for depression: systematic review and network meta-analysis of randomised controlled trials. *BMJ*. 2024;384: e075847. doi:10.1136/bmj-2023-075847
10. Casanova F, O'Loughlin J, Karageorgiou V, et al. Effects of physical activity and sedentary time on depression, anxiety and well-being: a bidirectional Mendelian randomisation study. *BMC Med*. 2023;21(1):501. doi:10.1186/s12916-023-03211-z
11. Herbert C, Meixner F, Wiebking C, Gilg V. Regular Physical Activity, Short-Term Exercise, Mental Health, and Well-Being Among University Students: The Results of an Online and a Laboratory Study. *Front Psychol*. 2020;11:509. doi:10.3389/fpsyg.2020.00509
12. Shubin L. B., Savgachev V.V., Pleshchev I.E. The use of the SF-36 questionnaire to evaluate the effectiveness of a rehabilitation program using a Seabike water bike after a lower limb injury. *Medical Psychology in Russia*. 2025;17(1):20–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2025-17-1-20-26>
13. De Vries RE. The Main Dimensions of Sport Personality Traits: A Lexical Approach. *Front Psychol*. 2020;11:2211. doi:10.3389/fpsyg.2020.02211
14. Osipitsov A.V., Kulik A.L., Baranov I.I. Formation of motor activity in adolescents engaged in physical education // Problems of modern pedagogical education. 2024. № 82–2. Pp. 158–160.
15. Yi K, Luo H, Wei L. From the pitch to personal growth: Investigating self-esteem as a mediator and parental support as a moderator in youth sports in China. *Heliyon*. 2024 Vol. 10(10). Pp. e31047. doi:10.1016/j.heliyon.2024.e31047
16. Li J, Shao W. Influence of Sports Activities on Prosocial Behavior of Children and Adolescents: A Systematic Literature Review. *Int J Environ Res Public Health*. 2022. № 19(11). Pp. 6484. doi:10.3390/ijerph19116484
17. van Mierlo, H., & van Hooft, E. A.J. Dual pathways to high performance: Team achievement goals, cooperation, and competition in elite sports teams. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2025. № 37(2), Pp. 207–228. <https://doi.org/10.1080/10413200.2024.2383874>
18. Pleshchev I. E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Shkrebsko A.N. Algorithm of application of the individual – group protocol in the complex rehabilitation of patients with sarcopenia // Bulletin «Biomedicine & Sociology». 2022. Vol. 7(2). Pp. 44–53. doi: 10.26787/hydra-2618-8783-2022-7-2-44-53.
19. Lee SM, Jeong HC, So WY, Youn HS. Mediating Effect of Sports Participation on the Relationship between Health Perceptions and Health Promoting Behavior in Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(18). Pp. 6744. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186744>
20. Haggis C, Sims-Gould J, Winters M, Gutteridge K, McKay HA. Sustained impact of community-based physical activity interventions: key elements for success. *BMC Public Health*. 2013. № 13. Pp. 892. doi:10.1186/1471-2458-13-892
21. Cleland CL, Hunter RF, Tully MA, et al. Identifying solutions to increase participation in physical activity interventions within a socio-economically disadvantaged community: a qualitative study. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2014. № 11. Pp. 68. doi:10.1186/1479-5868-11-68

Акторы и механизмы трансформации семейных ценностей: исследование молодежной среды российского мегаполиса

Лукьянец Артем Сергеевич,

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Институт социальной демографии
ФНИСЦ РАН
E-mail: artem_ispr@mail.ru

Летуновский Александр Александрович,

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН
E-mail: letunovskiy2001@yandex.ru

В статье исследуются акторы и механизмы трансформации семейных ценностей в урбанистической культуре современной России, с особым акцентом на молодежную среду мегаполиса. В условиях стремительных социально-культурных изменений представления о семье и семейных ценностях молодежи подвергаются значительным трансформациям. Молодежь мегаполисов демонстрирует тенденции к отсрочке создания семьи, изменению роли партнеров в семейных отношениях и переосмыслению традиционных семейных функций. Анализ показывает, что на формирование семейных ценностей у молодежи влияют различные социальные институты, включая СМИ, образовательные учреждения и рынок труда. В результате происходит смещение акцентов с традиционных функций семьи на её способность удовлетворять эмоциональные потребности в любви, заботе и личностной поддержке. Выявляются тенденции к отсрочке создания семьи, изменению роли партнеров в семейных отношениях и переосмыслению традиционных семейных функций. Исследование подчеркивает необходимость адаптации социальной политики к современным реалиям, учитывая ценности молодежи и новые ожидания от семьи.

Ключевые слова: Семья, брачно-семейные установки, семейные ценности, молодежь, мегаполис, урбанистическая культура.

Введение

В современном обществе наблюдается трансформация семейных ценностей, особенно среди молодёжи в мегаполисах, культурная среда которых оказывает значительное влияние на отношение к семье и браку, формируя новые общественные приоритеты. Значимость влияния городской культуры на отношение к семье исторически обусловлена и имеет глубокие корни в трудах классиков социологии, культурологии и философии.

Г. Зиммель, анализируя жизнь человека в мегаполисе, отмечал, что урбанизация формирует у индивида рациональность, индивидуализм и эмоциональную отстранённость, что неизбежно влияет на саму структуру межличностных отношений [3]. М. Вебер подчеркивал роль экономической рационализации в трансформации традиционного института семьи, что актуально и для понимания современного процесса в России, где рыночные отношения часто переплетены с культурной традицией. Отечественная наука советского периода в лице представителей ленинградской школы социологии И.С. Кона и В.Т. Лисовского фокусировалась на становлении личности студента в советском городе, акцентируя внимание на формировании коллективистских ценностей. Однако, постсоветская трансформация потребовала переосмысления этих подходов в контексте плюрализма и глобализации.

Трансформация семейных ценностей в условиях урбанизации современной России является собой сложный социокультурный процесс, детерминированный одновременно глобальными вызовами и локальными особенностями мегаполисов. Молодежная среда, выступая ключевым актором изменений, формирует новые модели семейных отношений, балансируя между традиционными установками и требованиями динамичной городской реальности. Исследования последних лет (О.В. Бессчетнова, Э.К. Наберушкина) фиксируют, что семья сохраняет статус базовой ценности для молодого поколения, однако ее смысловые границы и практики существенно пересматриваются [2]. Исходя из сложности современного контекста, производимый анализ трансформации семейных ценностей требует учета взаимодействия экономических, технологических и культурных факторов, определяющих новые конфигурации института семьи в России.

Материал и методы исследования

В методологии использован смешанный подход, включающий анализ данных о численности населения мегаполисов, статический анализ для обработки и интерпретации данных, полученных в ходе социологических исследований семейных ценностей. С помощью факторного анализа удалось выявить группы характеристик, отражающих традиционные и современные семейные ценности. Реализованные в исследовании наблюдение и анализ социальных тенденций, выявляют влияние урбанистической культуры на ценностную динамику современной молодежи.

Результаты исследования и их обсуждение

В контексте ценностной парадигмы традиционно выделяются следующие аспекты: витальные ценности (сохранение жизни, здоровья, обеспечение безопасности), семейные (институт семьи, деторождение, брачно-семейные отношения, родительство), нравственные (чувство любви, долга и прочее). С учетом социальных трансформаций общество претерпевает глубокие модификации семейной структуры и репродуктивного поведения. По С.А. Ильных, в социологической науке анализ семейных ценностей осуществляется в рамках двух парадигмальных направлений: кризисного и эволюционного. Сторонники кризисного подхода (А.И. Антонов, В.М. Медиков) констатируют системный кризис института семьи или даже его коллапс. В рамках данного подхода констатируется нарушение ценностного равновесия и девальвация значимости таких категорий как брак, деторождение и межпоколенческие связи. Эволюционная парадигма же трактует изменение семьи как органическую и неизбежную составляющую модернизации социума (А.Г. Вишневский, С.И. Голод, И.С. Кон). Согласно данной позиции, изменения выражают собой адаптацию традиционной структуры к новым социальным реалиям, что и выражается в формировании альтернативных семейных моделей [с. 53]. Сейчас наш особый интерес представляет весьма перспективная категория – населяющая мегаполисы молодежь, характеризующаяся повышенной мобильностью и выступающая агентом трансляции семейных идеалов.

Современный российский мегаполис представляет собой феномен, характеризующийся высокой концентрацией населения, инфраструктуры и инновационных ресурсов. В российской практике термин «мегаполис» чаще применяется к городам с населением свыше 1 млн человек, такими как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и другие, хотя в научной литературе сохраняется дискуссия о строгом определении этого понятия. По утверждению В.Б. Мозолевского: «Социологи выделяют в России два мегаполиса – это Москва и Санкт-Петербург [5, с. 127]. Мегаполисы выступают цен-

трами экономического роста, научно-технического прогресса и культурного разнообразия. Концентрируя вокруг себя финансовые ресурсы, они формируют уникальную среду для развития молодежи и молодых семей. Структура населения Москвы (См. Рис. 1) демонстрирует нам, что молодежь в возрасте от 18 до 29 лет составляет примерно 12,04% от общего населения мегаполиса [6].

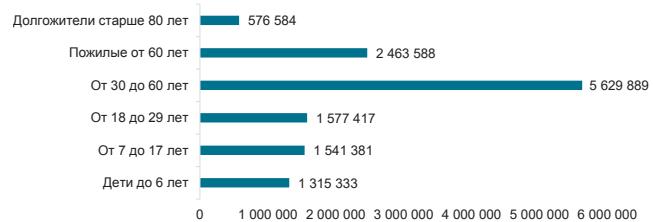

Рис. 1. Структура населения Москвы (на 1 мая 2025 года)

Москва как крупнейший город России, демонстрирует примеры трансформации ценностей под влиянием урбанизации. Сосредоточение образовательных и экономических институтов создает условия для самореализации, одновременно усиливая конкуренцию за ресурсы. Столичная молодежь ставит карьеру и стабильность в приоритет (21% и 16% респондентов соответственно) – это отражает специфику мегаполиса, где индивидуализм и pragmatism становятся доминирующими стратегиями адаптации к городской среде. Высокая стоимость жилья, давление карьерных амбиций и урбанистическая анонимность осложняют формирование традиционных семейных моделей: 67% молодежи отмечают нехватку финансов, что коррелирует с тенденцией откладывания браков и рождения детей [11].

Действительно, мы можем констатировать ряд серьезных проблем, связанных трудоустройством молодежи в мегаполисах, среди которых: низкое качество рабочих мест, недостаток эффективных программ по активному содействию молодежной занятости, необходимость модернизации деятельности центров трудоустройства и прочее [N, с. 12]. Вполне оправдано, что молодые люди пытаются первоначально разобраться проблемами собственной финансовой устойчивости.

Несмотря на высокую концентрацию молодых жителей в мегаполисах, нерешенной остается проблема социальной разобщенности – здесь попросту отсутствует переход к новому типу общности и солидарности, близкое проживание несет скорее вынужденный характер. Современные средства связи и развитая транспортная сеть не способны ликвидировать возникающую отчужденность, а социальная дистанция приобретает масштаб в силу различий во взглядах, интересах и жизненных ценностях, как отмечает В.Н. Блохин: «Одной из проблем глобальных городов является духовная отсталость, что в прошлом было ха-

рактерно, прежде всего, для деревни. В городских условиях духовная деградация принимает иные формы и выражения – это доминирование масовой культуры, разрушение установок на высокие, истинно духовные ценности, стандартизация и универсализация потребностей и вкусов» [N].

Социальная пресыщенность мегаполиса, по Т.В. Дробышевой и И.В. Ларионову также вызывает у молодежи негативные состояния, такие как раздражение и усталость. В ответ на стрессоры городской среды – навязчивую рекламу, ощущение контроля молодые люди избирают стратегии ограничения коммуникации как таковой [с. 138]. Такая адаптация также видоизменяет ценность семьи, которая выполняет функцию эмоционального убежища, способного защитить от обезличивающих факторов жизни мегаполиса. Потребность в приватности и доверительных межличностных отношениях противопоставляется хаотичной публичности города.

Результаты социодемографического исследования В.Н. Архангельского, Е.В. Земляновой, А.А. Савиной, свидетельствуют о статистически значимом увеличении среднего возраста вступления в брак по Москве. Кроме того, в столичном регионе выше доля молодежи, состоящей в незарегистрированных супружеских отношениях [1]. Тем не менее, существуют предпосылки полагать, что демографическая политика способна оказать благоприятный эффект вопреки негативным факторам – начиная с 2004 года, в Москве действует практика выплаты дополнительного разового пособия семьям, где родители моложе 30 лет (в 2022 году возрастная планка повышенена до 36 лет) [8].

По данным аналитического центра НАФИ (2024) абсолютное большинство российских респондентов молодого возраста подтверждают наличие выраженной внутрисемейной привязанности (внимательное отношение к членам семьи) – показатель составил 82%. При детальном анализе различий установок по полу, установлено статистически незначительно расхождение между показателями мужской и женской выборок (83% и 82% соответственно). Установлена положительная корреляция между возрастной категорией и уровнем приверженности семейным ценностям: среди возрастной группы от 19 до 24 лет уровень заинтересованности семейной жизнью достигает максимальных значений – 85%; среди показателей более старшей группы этот показатель снижается до 80%. Наиболее низкая степень значимости семейных отношений выявлена среди молодых людей, проживающих в крупнейших городах страны (Москва, Санкт-Петербург), где процент респондентов, демонстрирующих высокую эмоциональную вовлеченность в семейные отношения, снизился до 74%. Л.В. Сиринова отдельно отмечает автономность респондентов, проживающих в

личных городах, связывая ее с проявлением «другого культурного кода, присущего крупным городам» [7].

В серии эмпирических исследований 2019–2020, посвященных ценностно-смысловым ориентациям современной молодежи (кафедра психологии личности СПБГУ) в качестве испытуемых выступили респонденты средним возрастом около 24 лет, из которых 43% постоянно проживали г. Санкт-Петербурге, а остальные 57% являлись приезжими из различных субъектов России. Согласно полученным данным, значимость семейных ценностей проявилась следующим образом: представление о семье и детях как компоненте успешной жизни утвердилось лишь у четверти опрошенных (24%), тогда как существенно большее число участников связывали успех с возможностью получения удовольствия от повседневной деятельности (73%) и занятием «интересным делом» (44%). Когда участникам было предложено представить собственную жизнь спустя десятилетие, выяснилось следующее распределение приоритетов: давляющее большинство (83%) выделило необходимость личностной самореализации и достижение профессиональной компетенции, значимое количество (65%) подчеркнули важность достатка и наличия материальных благ, в то время как традиционная семейная составляющая оказалось существенной для 62% респондентов [9]. Полученные результаты свидетельствуют о тенденциях изменений традиционных паттернов формирования семейной идентичности среди молодежи.

Чрезвычайно важным для понимания ценностных ориентаций молодежи, является определение склонности к сознательной бездетности. В российских мегаполисах концепция чайлдфри приобретает растущую привлекательность среди экономически рациональных людей, учитывая долгосрочную перспективу.

Понятие «чайлдфри» как социологическая категория впервые было описано Дж.Э. Виверс в монографии «Бездетные по собственному выбору» (1980), где были обобщены идеи и результаты еще более ранних исследований. В буквальном смысле слова, по Ж.О. Благорожевой: «Под чайлдфри понимаются свободные от детей люди, которые состоят в браке и живут полноценной сексуальной жизнью, но осознанно и целенаправленно принимают меры для того, чтобы у них не рождались дети. Причем не только в текущем периоде жизни, но и вообще никогда, если речь идет о так называемых истинных представителях чайлдфри» [3, с. 105].

Относительно культурных практик в рамках мегаполиса, стоит сказать, что подобный подход увеличивает вероятность получения дополнительного жилья – унаследованного имущества, доходы от сдачи в аренду которого зачастую превышают среднюю пенсию. Не имея потомков-наследников,

человек лишается потенциальных конкурентов за жилье после своей смерти. Вопрос заботы о пожилых людях, в свою очередь, эффективно решается через развитие комфортных частных пансионатов, предоставляющих программы обмена недвижимости на уход.

Исходя из данных, представленных в таблице 1, мы можем заключить, что в возрастной группе

18–29 лет, доля респондентов предлагающих не иметь детей, выше, чем в старшей группе, что соотносится с проявлением желания иметь больше личных свобод. Аналогичный вывод можно сделать относительно уровня образования – молодёжь с высшим образованием ставит отдачу предпочтение карьере [4].

Таблица 1. Распределение респондентов по предпочтениям относительно количества детей относительно возраста и уровня образования, % [4, с. 123]

Образование	Возраст, лет	Желаемое число детей			
		Без детей	Один ребенок	Два ребенка	Три ребенка и более
Начальное профессиональное и ниже	18–29	5,7	22,5	58,2	13,6
	30–39	8,1	38,5	35,2	18,1
Среднее профессиональное	18–29	10,2	22,0	50,9	16,9
	30–39	4,6	29,8	45,0	20,6
Высшее	18–29	12,6	16,5	57,1	13,8
	30–39	7,1	23,3	47,8	21,9

Преимущества жизни в мегаполисе, способствующие отказу от идеи иметь наследника как форму социального обеспечения, воспринимаются и закрепляются человеком прямо пропорционально длительности пребывания в большом городе [10].

Заключение

Мегаполис, выступая центром концентрации ресурсов и инноваций, формирует уникальную среду для переосмысливания традиционных семейных моделей, трансформация которых отражает глобальный тренд, но требует учета национального контекста. Баланс между экономической рациональностью молодежи и демографической устойчивостью – серьёзный вызов для государства.

Основные тенденции переосмысливания ценностей выражаются в сдвиге от коллектиivistских установок к индивидуальным практикам. Несмотря на сохранение формальной значимостью семьи как базовой ценности, ее функционал переориентирован на удовлетворение эмоциональных потребностей и, как следствие, личной самореализации. Параллельно наблюдается рост вариативности семейных моделей: чайлдфри и сожительство выступают ответом на вызов урбанистической реальности. Факторы трансформации обусловлены само спецификой мегаполиса: экономические условия (высокая стоимость жилья), конкуренция на рынке труда и необходимость профессионального становления, формируют жизненную стратегию «отложенную на потом». Культурное влияние урбанизации проявляется в усвоении прагматического тренда, снижающего эмоциональную вовлеченность в семейные отноше-

ния столичного жителя. Образование усиливает эту динамику, а развитая инфраструктура (арендуемый рынок, частные пансионаты) снижают зависимость от семьи как системы поддержки.

Исследование указывает на необходимость изменения структуры действующей политики. Сложившиеся на данный момент меры поддержки, вроде московских пособий для молодых семей, не компенсируют собой экономические барьеры. Для повышения эффективности политики требуется гибридные форматы поддержки (развитие инфраструктуры семейного досуга), стимулирование семейных отношений через массмедиа и образовательные компании).

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом долгосрочной динамики ценностей, влияния цифровых технологий на семейные практики. Требуется также сравнительные исследования мегаполисов и периферии для выявления дифференцированных моделей семейной политики, соответствующих реалиям постиндустриального общества.

Литература

- Архангельский В. Н., Землянова Е.В., Савина А.В. Молодая семья в столичном мегаполисе: демографический аспект // Социальное пространство. 2024. Т. 10. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.4
- Бессчетнова О. В., Наберушкина Э.К. Семейные ценности: молодежь vs старшее поколение // Семиотические исследования. – 2024. – Т. 4. – № 4. – С. 100–107. DOI: 10.18287/10.18287/2782-2966-2024-4-4-100-107

3. Благорожева Ж.О. Идеология «чайлдфри»: восприятие молодежи / Ж.О. Благорожева // E-Scio. – 2022. – № 4 (67). – С. 104–109.
4. Дробышева Т. В., И.В. Ларионов Представления о мегаполисе и социально-психологическая пресыщенность молодежи условиями проживания в городе / Т.В. Дробышева, И.В. Ларионов // Modern Psychology. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 133–141. – DOI: 10.46991/SBMP/2021.4.2.133.
5. Евстратова Т.А. Регулирование молодежной занятости в мегаполисе / Т.А. Евстратова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2018. – № 3 (24). – С. 5–13.
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34).
7. Ильиных С.А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка / С.А. Ильиных // Caucasian Science Bridge. – 2022. – № 2 (16). – С. 52–59. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.4
8. Малева Т. М., Тындик А.О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высоко образованные бездетные? // Регион: экономика и социология. 2014. № 2. С. 116–136.
9. Мозоловский В.Б. Роль мегаполиса в формировании социально-экономических потребностей населения // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 1. – С. 127–130.
10. Население Москвы, численность в 2025 и 2024: Электронный ресурс // BDEX: сайт. – URL: <https://bdex.ru/naselenie/moscow/> (дата обращения: 25.05.2025).
11. НАФИ. Установки российской молодежи в отношении семьи и детей [Электронный ресурс] – URL: <https://nafi.ru/analytics/ustanovki-rossiyskoy-molodezhi-v-otnoshenii-semi-i-detey/> (дата обращения: 23.05.2025).
12. О внесении изменений в постановления Правительства Москвы от 24 января 2006 г. № 37-ПП, от 27 мая 2021 г. № 718-ПП и признании утратившими силу правовых актов (отдельных положений правовых актов) города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.ctnd.ru/document/727795438?marker=7E20KD> (дата обращения: 05.05.2025).
13. Российская академия образования. Семья в структуре ценностей молодёжи и подготовка к семейной жизни [Электронный ресурс] // Российское психологическое общество. 2024. URL: https://psyurus.ru/news/news_rpo/unit/12608/ (дата обращения: 20.04.2025).
14. Российская семья и благополучие детей: [монография] / В.П. Авдеева, О.Н. Бурмыкина [и др.]; отв. ред. И.И. Елисеева; ФНИСЦ РАН. – М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 304 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021
15. Российский Союз Молодёжи. Взгляд молодёжи: ценности и ориентиры молодого поколения Москвы [Электронный ресурс] – URL: <https://moscow.ruy.ru/news/vzglyad-molodezhitsennosti-i-orientiry-molodogo-pokoleniya-moskvy/> (дата обращения: 10.05.2025).

ACTORS AND MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES: A STUDY OF THE YOUTH ENVIRONMENT IN THE RUSSIAN METROPOLIS

Lukyanets A.S., Letunovsky A.A.

Lomonosov Moscow State University, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article examines the actors and mechanisms of transformation of family values in urban culture in modern Russia, with a particular focus on youth in the metropolis. Considering rapid socio-cultural change, young people's perceptions of family and family values are undergoing significant transformation. Young people in megacities are demonstrating trends towards delaying the formation of a family, altering the roles of partners in relationships, and redefining traditional family functions. Analysis shows that the development of family values among young adults is influenced by social institutions such as the media, education, and the labor market, resulting in a shift away from traditional family roles and towards meeting emotional needs for love, support, and care. The trends towards postponing the creation of a family, changing the roles of partners in family relationships and rethinking traditional family roles are revealed. The study emphasizes the need to adapt social policies to modern realities, considering young people's values and new expectations regarding families.

Keywords. Family, marital and family attitudes, family values, youth, megacity, urban culture.

References

1. Arkhangelsky V. N., Zemlyanova E.V., Savina A.V. Young family in the capital metropolis: demographic aspect // Social space. 2024. Vol. 10. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.4
2. Besschetnova O. V., Naberushkina E.K. Family values: youth vs. older generation // Semiotic studies. – 2024. – Vol. 4. – No. 4. – P. 100–107. DOI: 10.18287/10.18287/2782-2966-2024-4-4-100-107
3. Blagorozheva Zh. O. “Childfree” ideology: perception of youth / Zh.O. Blagorozheva // E-Scio. – 2022. – No. 4 (67). – P. 104–109.
4. Drobysheva T. V., I.V. Larionov. Ideas about the metropolis and the socio-psychological satiety of young people with living conditions in the city / T.V. Drobysheva, I.V. Larionov // Modern Psychology. – 2021. – Vol. 4, No. 2. – P. 133–141. – DOI: 10.46991/SBMP/2021.4.2.133.
5. Evstratova T.A. Regulation of youth employment in the metropolis / T.A. Evstratova // Materials of the Afanasyev Readings. – 2018. – № 3 (24). – P. 5–13.
6. Simmel G. Big Cities and Spiritual Life // Logos: Journal of the Philosophy and Pragmatics of Culture. 2002. No. 3–4 (34).
7. Ilyinykh S.A. Values of Marriage, Parenthood, Kinship: Meanings and Interpretation / S.A. Ilyinykh // Caucasian Science Bridge. – 2022. – No. 2 (16). – P. 52–59. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.4
8. Maleva T. M., Tyndyk A.O. The Low Birth Rate Trap in Moscow: Highly Educated Childless? // Region: Economics and Sociology. 2014. No. 2. P. 116–136.
9. Mozolevsky V.B. The Role of the Megacity in Shaping the Socio-economic Needs of the Population // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research. – 2019. – No. 1. – Pp. 127–130.
10. Population of Moscow, numbers in 2025 and 2024: Electronic resource // BDEX: website. – URL: <https://bdex.ru/naselenie-moscow/> (date of access: 05/25/2025).

11. NAFI. Attitudes of Russian youth towards family and children [Electronic resource] – URL: <https://nafi.ru/analytics/ustanovki-rossiyskoy-molodezhi-v-otnoshenii-semi-i-detey/> (date of access: 05/23/2025).
12. On Amending Moscow Government Resolutions of January 24, 2006 No. 37-PP and May 27, 2021 No. 718-PP and Recognizing Legal Acts (Certain Provisions of Legal Acts) of the City of Moscow as Invalid [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727795438?marker=7E20KD> (Accessed: May 5, 2025).
13. Russian Academy of Education. Family in the Structure of Young People's Values and Preparation for Family Life [Elec-
tronic resource] // Russian Psychological Society. 2024. URL: https://psyrus.ru/news/news_rpo/unit/12608/ (Accessed: April 20, 2025).
14. The Russian Family and Children's Well-Being: [monograph] / V.P. Avdeeva, O.N. Burmykina [et al.]; ed. by I.I. Eliseeva; FNISC RAS. – M.; St. Petersburg: FNISC RAS, 2021. – 304 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021
15. Russian Youth Union. Youth's View: Values and Guidelines of the Young Generation of Moscow [Electronic resource] – URL: <https://moscow.ruy.ru/news/vzglyad-molodezhi-tsennosti-i-orientiry-molodogo-pokoleniya-moskvy/> (accessed: 10.05.2025).

Технологический парадокс современного спорта: как цифровые инструменты меняют физическую активность молодежи

Николаев Роман Юрьевич,

канд. биол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: nikolaev.r.u@yandex.ru

Никифоров Никита Юрьевич,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Prorok63_00@mail.ru

Горохов Иван Алексеевич,

ординатор 1 г/о кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: goroxov_00@mail.ru

Храмичева Ольга Андреевна,

студент института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: olya.khramicheva.helga@mail.ru

Баширова Нурана Саявуш кызы,

студент института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nuranabashirova@yandex.ru

В статье исследуется роль современных образовательных и информационных технологий в развитии физической культуры и спорта среди молодежи. Выявлена и проанализирована двойственная природа цифровых технологий: с одной стороны, они открывают новые возможности для мотивации к физической активности, персонализации обучения и повышения эффективности тренировочного процесса, с другой – способствуют формированию технологической зависимости и малоподвижного образа жизни.

Исследование рассматривает инновационные подходы к физическому воспитанию с использованием мобильных приложений, интерактивных видеоигр, виртуальной реальности и социальных сетей. Особое внимание уделяется влиянию электронных мобильных устройств на здоровье молодых людей и необходимости поиска баланса между технологическими преимуществами и физической активностью.

Правильное и гармоничное внедрение современных технологий в физкультурно-спортивную деятельность может создать оптимальную образовательную среду, способствующую формированию здорового образа жизни и повышению мотивации обучающихся к систематическим занятиям физической культурой и спортом.

Ключевые слова: физическое воспитание, спорт, онлайн-общение, цифровые инструменты, здоровьесбережение, компьютерные игры.

Введение

Современные образовательные и информационные технологии (СОИТ) представляют собой ключевой инструмент формирования технологической компетентности учащихся старших классов и студентов высших учебных заведений. Процесс освоения цифровой культуры человечества включает последовательное развитие от базовой технологической грамотности через специализированное образование к формированию всесторонней компетентности и целостного мировоззрения, что оказывает значительное воздействие на качество жизни и состояние здоровья человека в динамично развивающемся современном обществе [1]. Взаимосвязь образования и технологий носит симбиотический характер, где каждый компонент взаимно обогащает и усиливает другой. Конечной целью внедрения технологического образования является подготовка молодых специалистов, способных эффективно функционировать в современной цифровой среде, демонстрируя самостоятельность и соблюдая принципы безопасности в рамках своей профессиональной деятельности. Физическая культура и спорт (ФКиС) занимают особое место среди областей активной интеграции технологических решений. Данная тенденция обусловлена как позитивным воздействием технологий на человеческое здоровье, так и их вкладом в развитие устойчивой экономической модели. Применение современных технологий в физкультурном образовании приобретает всё большую привлекательность для представителей молодого поколения [2].

В современных условиях спортивная деятельность привлекает людей различных возрастных групп, профессиональных направлений и социальных слоёв [3]. Для одних спорт становится основой профессиональной карьеры, для других – источником глубокой личной увлечённости. Особую актуальность физическая активность в любых её проявлениях приобретает в контексте глобального распространения малоподвижного образа жизни [4]. Преобладание седентарного образа жизни создаёт серьёзные риски для общественного здоровья, способствуя развитию ожирения, сахарного диабета, сердечно-сосудистых и цереброваскулярных патологий, нейродегенеративных заболеваний, онкологических процессов и остеопороза, одновременно ускоряя естественные процессы старения организма [5].

Современные технологические инструменты открывают широкие возможности для трансфор-

мации физического воспитания через несколько ключевых направлений применения. Их потенциал реализуется в активизации интереса молодёжи к физической активности, эффективной трансляции специализированных знаний, детальном биомеханическом анализе двигательных действий для корректировки технических ошибок, профессиональном развитии специалистов отрасли и комплексной оценке результативности образовательного процесса [4].

Практическое внедрение технологических решений осуществляется через интеграцию социальных медиаплатформ и специализированных фитнес-ресурсов, системы электронного обучения, игровые компьютерные программы и мобильные приложения. Особую ценность представляют инструменты видеоанализа и визуализации, адаптированные к возрастным особенностям обучающихся и уровню их двигательной подготовленности. Данный технологический арсенал обеспечивает многофункциональное воздействие: от мотивационной стимуляции участников образовательного процесса до высокоточного анализа техники выполнения физических упражнений с последующей коррекцией выявленных недостатков [1].

Растущая популярность мобильных цифровых приложений и носимых устройств среди молодёжи формирует принципиально новую парадигму здоровьесбережения. Эти технологические решения создают устойчивую основу для долгосрочного поддержания и систематического улучшения показателей здоровья, выходя за рамки краткосрочных образовательных периодов и обеспечивая непрерывность здоровьесформирующего воздействия на протяжении всей жизни пользователя.

Современное общество характеризуется формированием комплексной зависимости человека от множественных факторов риска, среди которых доминируют малоподвижный образ жизни, табакокурение, злоупотребление алкогольными напитками, наркотическими веществами, а также нерациональные пищевые привычки. К последним относятся избыточное потребление углеводсодержащих продуктов, термически обработанной пищи с высоким содержанием жиров, кондитерских изделий и сахаросодержащих напитков, что в совокупности провоцирует развитие широкого спектра патологических состояний. Дофаминергическая активация служитнейробиологической основой для формирования зависимости от различных цифровых платформ и устройств, включая интернет-ресурсы, социальные сети, мобильные коммуникационные устройства, компьютерные игровые программы и планшетные компьютеры. Данные формы аддиктивного поведения демонстрируют тенденцию к экспоненциальному росту среди представителей молодёжной популяции. Технологический прогресс, выступающий катализатором описанных зависимостей, кардинально трансформировал мо-

дели межличностного взаимодействия, определив новые парадигмы человеческой коммуникации и социального функционирования. [6].

Виртуальная коммуникация формирует существенные препятствия для развития полноценных межличностных связей, способствуя социальной изоляции индивида от реального окружающего пространства. Данная тенденция приобретает особую выраженность у лиц с интровертированным типом личности и сниженным уровнем самоуважения, для которых цифровая среда становится компенсаторным механизмом избегания непосредственного социального взаимодействия. Описанная проблематика демонстрирует нарастающую распространённость в молодёжной среде, где социальные медиаплатформы предоставляют возможность конструирования альтернативной виртуальной идентичности, кардинально отличающейся от реального психологического портрета пользователя [1]. Подобная трансформация личностного образа осуществляется через создание защитного барьера компьютерного экрана, позволяющего избегать аутентичного самовыражения. Несмотря на неоспоримые преимущества технологического прогресса, его неконтролируемое использование представляет серьёзную угрозу для психосоциального развития личности. Технологическая аддикция провоцирует деградацию коммуникативных компетенций, утрату способности к адекватному эмоциональному самовыражению, а также формирование дисфункциональных поведенческих паттернов. Патологические последствия чрезмерной технологической вовлечённости включают развитие импульсивных реакций, повышенной раздражительности, асоциальных тенденций, синдрома дефицита внимания и гиперактивности, тревожных расстройств, депрессивных состояний, снижения мотивационного потенциала и формирования неэффективных профессиональных навыков [7].

Современные молодые люди всё чаще обращаются к мобильным и веб-приложениям как к основному источнику информации, общения и развлечений, что формирует устойчивую зависимость от виртуальных сетей. В некоторых случаях виртуальные «друзья» и онлайн-сообщества выходят на первый план, вытесняя реальное общение с семьёй и близкими, что создаёт серьёзный риск социального отчуждения. В то же время, при грамотном использовании технологий студенты получают уникальную возможность развивать творческие способности, улучшать пространственное мышление, повышать скорость реакции и укреплять связь с окружающим миром. Цифровые инструменты открывают широкий спектр коммуникативных и образовательных практик, которые стали особенно популярны среди молодёжи за последние годы. При ответственном и дисциплинированном подходе эти методы способны не только преобразовать личное взаимодействие, но и рас-

ширить образовательные горизонты, сочетая виртуальный опыт с реальными навыками. [9].

Вместе с тем информационные технологии обладают провокационным аспектом, способным приводить к серьёзным социальным последствиям. Одной из таких проблем является вытеснение человеком привычных видов деятельности искусственным интеллектом, что создаёт угрозу увеличения уровня безработицы. Возникающая при этом картина будущего ставит перед обществом задачи, с которыми не в состоянии справиться ни одна из ныне существующих идеологий [10].

Исследования свидетельствуют, что молодые люди особенно высоко ценят современные образовательные и информационные технологии благодаря их доступности и эффективности. Эти технологии обеспечивают оперативный доступ к информации и быструю обратную связь, а также позволяют получать персонализированные данные, воспринимаемые пользователями как адаптированные к их индивидуальным запросам. Применение СОИТ положительно влияет на мозговую активность, способствует развитию коллективного духа, взаимопомощи и солидарности внутри групп, в которых они взаимодействуют [11].

Социализационные навыки выступают эффективным каналом для передачи и распространения знаний о физическом воспитании и спорте среди молодёжи. Активное расширение интернет-ресурсов, изобилие цифровых образовательных инструментов и популяризация онлайн-обучения в период пандемии COVID-19 обусловили неизбежную интеграцию современных образовательных и информационных технологий (СОИТ) в мобильные приложения и, опосредованно, в сферу физической культуры и спорта. Это, в свою очередь, усиливает запросы учащихся и преподавателей на освоение разнообразных инновационных методов обучения [1]. Использование СОИТ приносит ряд преимуществ: оно способствует повышению технической грамотности и развитию профессиональных навыков у студентов и спортсменов в процессе технико-тактической подготовки. Вместе с тем важно учитывать и возможные негативные эффекты, такие как снижение уровня командного взаимодействия, недостаточная мотивация и ослабление чувства взаимопомощи в коллективе.

Степень влияние мобильных технологий на общество

Электронные мобильные устройства (ЭМУ) всё чаще используются студенческой и работающей молодёжью [12]. Чрезмерное использование ЭМУ может серьёзно нарушить здоровье молодых людей и привести к психическим и физическим расстройствам у детей. В последнее время использование гаджетов среди молодёжи стремительно растёт, что постепенно приводит к серьёзным проблемам

со здоровьем, таким как диабет второго типа, астма, апноэ во сне, высокий уровень холестерина, гипертония и т.д.

В своем исследовании Вёсснер М.Н. и соавторы (2021) пришли к выводу, что тенденция молодых людей к физической пассивности из-за использования современных технологий крайне опасна. Чрезмерное использование гаджетов приводит к отказу от физической активности и систематических занятий спортом, что негативно скаживается на здоровье. Также было обнаружено, что использование гаджетов постепенно меняет поведение человека: физическая активность перестаёт быть приоритетной, а на смену ей приходит использование современных технологий для решения повседневных задач [13].

Постоянное использование систем дистанционного образования постепенно отражается на здоровье школьников и подростков, оказывая нагрузку на центральную нервную систему и зрение. Многих родителей, педагогов и медиков побудили к поиску и разработке рекомендаций по рационализации времени, проводимого за компьютером, а также методов корректировки режима онлайн- занятий [14].

Хотя длительный просмотр телевизионных передач или экранов может напоминать чтение, он существенно отличается от работы за компьютером. Затраты времени на выполнение домашних заданий в онлайн-формате и связанное с этим чтение оттесняют другие важные элементы распорядка: физическую активность и полноценный сон [15].

Тем не менее, поскольку не все дети обладают достаточным уровнем двигательных навыков, сохранение физической активности представляет собой постоянную задачу. Согласно исследованию Гудиера В.А. и соавторов (2021), регулярное использование цифровых устройств и вовлечение в онлайн-деятельность, в том числе связанные с физической активностью, оказывают благоприятное воздействие как на физическое, так и на эмоциональное состояние детей [16].

Передовые технологии обеспечивают преимущества в различных типах игр и тренировочных программах, что подтверждается спортивными видео и аналитикой, связанной со спортсменами и тренерами, а также с активностью болельщиков. Таким образом, технологии могут сформировать спортивную сетевую среду, которая, как утверждают другие авторы [17], изменит способы тренировки, игры и потребления спортивных продуктов, предлагая передовой опыт для всех видов спорта.

Недостаток физической активности среди молодёжи может иметь неблагоприятные последствия для их развития, подвергая их повышенному риску возникновения ряда заболеваний. В этой связи любая инициатива по укреплению здоровья приветствуется. Использование технологий подростками может оказать положительное влияние

на их поведение в отношении их выбора общей медицинской помощи [1]. В контексте использования современных технологий в сфере образования каждая страна должна найти правильные технологические средства для лучшего обеспечения образовательного сектора [18]. По мнению других авторов, в последние годы было разработано много электронных устройств, чтобы помочь тренерам и игрокам по теннису. Эти устройства используются для предоставления обратной связи тренерам и игрокам во время тренировок и соревнований. Они помогают игрокам увидеть свои технические ошибки, а также свои сильные стороны и улучшить свою игру.

Вариативность способов физической активности

С ростом популярности физической культуры и спорта среди людей всех возрастов появляются новые возможности для мотивации к активным занятиям. Одним из таких инструментов выступают компьютерные игры, способные заменить уличные тренировки в неблагоприятных погодных условиях. Интерактивные видеоигры, такие как «Dance Revolution» и «Wii Sports», уже применяются в школьных уроках физкультуры и демонстрируют эффективность, сопоставимую с традиционными занятиями на свежем воздухе [19].

Появление «exergames» – видеоигр, выполняющих функции физических упражнений, отвечает на проблему низкой активности подростков и стимулирует занятие спортом у разных групп населения. Развлекательная составляющая таких игр усиливает интерес к движению и превращает тренировку в увлекательный процесс. [20].

Вход на фитнес-сайты и в социальные сети может стать в будущем способом передачи и распространения знаний о физическом воспитании среди молодежи, а преподаватели-специалисты будут играть важную роль в отслеживании информации. Внедрение технологий в виде телефонных приложений и видеоигр в спортзалах помогает преподавателям физической культуры и спорта правильно оценивать и управлять процессом спортивного обучения, физической и психологической подготовкой учащихся и спортсменов [7].

Одним из наиболее эффективных образовательных устройств, которые могут использовать учителя физической культуры, является мобильный телефон с его приложениями. С помощью мобильного телефона спортсмены могут улучшить свои спортивные результаты, а студенты могут отслеживать свои перемещения и узнавать больше о питании. В то же время мобильные телефоны могут стать мощным инструментом для улучшения некоторых параметров обучения во многих областях, включая физическое воспитание, в связи с возросшей привлекательностью цифровых технологий для студентов, изучающих физическую

культуру и спорт, и возможностями перемещения, работы в открытых пространствах, которые предоставляют смартфоны будущим специалистам по физическому воспитанию [12].

В стремлении поддерживать и улучшать своё здоровье всё больше молодых людей обращаются к мобильным приложениям и носимым гаджетам, ориентированным на мониторинг физической активности, питания, образа жизни и качества сна. Результаты британского исследования, в котором приняли участие 235 респондентов, показали, что 35% молодых людей в настоящий момент пользуются цифровыми решениями для контроля состояния здоровья: 27% опрошенных применяют мобильные приложения, а 9% носимые устройства для отслеживания своих показателей [21].

Виртуальная реальность в спорте считается революционным достижением в области образовательных технологий. Она создает совершенно иную среду обучения, меняет традиционные методы обучения и стимулирует интерес новыми способами, объединяя знания и навыки. В связи с относительно высокой степенью сложности технологий компьютерной виртуальной реальности в спортивных тренировках, многие аспекты программного обеспечения виртуальной реальности не получили развития в более сложных виртуальных спортивных тренировках [1]. Это подтверждается тем фактом, что компьютерные технологии виртуальной реальности не применяются в реальных спортивных тренировках, что подчёркивает важность их внедрения в физическое воспитание и спортивную подготовку.

СОИТ оказывают положительное влияние на преподавание и обучение в области ФКиС. Использование данных технологий может положительно повлиять на развитие уроков физкультуры и создаст оптимальную учебную среду для студентов и спортсменов, побуждая их быть более активными и эффективно тренироваться для достижения целей, соответствующих их особенностям и личным предпочтениям.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о роли современных образовательных и информационных технологий в физической культуре и спорте. Технологическая интеграция в физическое воспитание представляет собой неизбежный и необходимый процесс, отвечающий потребностям цифрового поколения. Внедрение мобильных приложений, интерактивных игр, виртуальной реальности и социальных платформ создает принципиально новые возможности для персонализации тренировочного процесса и повышения мотивации учащихся к физической активности.

Однако двойственная природа СОИТ требует осторожного подхода к их применению. Несмотря на значительные преимущества в виде доступно-

сти информации, возможности видеоанализа движений и дистанционного обучения, чрезмерное использование технологий может привести к технологической зависимости, социальной изоляции и развитию малоподвижного образа жизни среди молодежи. В то же время эффективность технологических решений в области физкультуры и спорта подтверждается растущей популярностью фитнес-приложений, носимых устройств мониторинга здоровья и интерактивных тренировочных программ, которые способствуют формированию ответственного отношения к собственному здоровью и поддержанию долгосрочной мотивации к физической активности.

В связи с этим необходимо обеспечить гармоничное сочетание технологических возможностей с живым межличностным общением, командным взаимодействием и традиционными методами физического воспитания. Таким образом, грамотное применение современных технологий в физической культуре и спорте открывает перспективы для создания инновационной образовательной среды, способствующей формированию здорового и технологически грамотного поколения.

Литература

1. Cojocaru A.M, Bucea-Manea-Țoniș R., Jianu A., Dumangiu M.A., Alexandrescu L.U., Cojocaru M. The Role of Physical Education and Sports in Modern Society Supported by IoT – A Student Perspective. *Sustainability*. 2022; 14(9):5624. <https://doi.org/10.3390/su14095624>
2. Hall E.T., Cowan D.T., Vickery W. ‘You don’t need a degree to get a coaching job’: Investigating the employability of sports coaching degree students. *Sport Educ. Soc.* 2019, 24, 883–903. <https://doi.org/10.1080/13573322.2018.1482265>
3. Плещев И. Е., Ефремов К.Н., Гудимов С.В., Николаев Р.Ю. Влияние физической подготовленности на уровень остаточных знаний студентов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(162). – С. 95–99. – EDN YBYLYN.
4. Kirkbir, F. Investigating the effect of mental imagery on the success of athlete students at Trabzon University, Turkey. *Eur. J. Phys. Educ. Sport Sci.* 2017, 3, 286–293.
5. Плещёв И. Е., Николенко В.Н., Ачкасов Е.Е., Шкrebko А.Н. Алгоритм применения индивидуально – группового протокола при комплексной реабилитации пациентов с саркопенией // Вестник «Биомедицина и Социология». 2022. – Т. 24. No 5. – С. 44–53. doi: 10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-44-53.
6. Dsouza J.M., Chakraborty A., Veigas J. Biological Connection to the Feeling of Happiness. *J Clin of Diagn Res.* 2020; 14(10): VE01-VE05. <https://www.doi.org/10.7860/JCDR/2020/45423/14092>
7. Frunză E. How New Technologies Influence the Personal Development, Creativity and Personal Development, Psychological and Phylosophical Dimensions. In Proceedings of the International Scientific Conference, Iași, Moldova, 1 October 2020; Editura Performantica: Iași, Romania; Institutul National de Inventică: Iași, Romania, 2020; Volume I, Pp. 137–144.
8. Ключко И.И. Зависимость современный молодежи от гаджетов и ее последствия // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2024. – № 1. – С. 566–570. – EDN BN-WQDT.
9. Beckman K., Bennett S., Lockyer L. Understanding Students’ Use and Value of Technology for Learning. *Learn. Media Technol.* 2014, 39, 346–367. <https://doi.org/10.1080/17439884.2013.878353>
10. Ilić MP, Păun D, Popović Šević N, Hadžić A, Jianu A. Needs and Performance Analysis for Changes in Higher Education and Implementation of Artificial Intelligence, Machine Learning, and Extended Reality. *Education Sciences*. 2021; 11(10):568. <https://doi.org/10.3390/educsci11100568>
11. Cojocaru A-M, Cojocaru M, Jianu A, Bucea-Manea-Țoniș R, Păun DG, Ivan P. The Impact of Agile Management and Technology in Teaching and Practicing Physical Education and Sports. *Sustainability*. 2022; 14(3):1237. <https://doi.org/10.3390/su14031237>
12. Rashid SMM, Mawah J, Banik E, et al. Prevalence and impact of the use of electronic gadgets on the health of children in secondary schools in Bangladesh: A cross-sectional study. *Health Sci Rep.* 2021;4(4): e388. doi:10.1002/hsr.2.388
13. Woessner MN, Tacey A, Levinger-Limor A, Parker AG, Levinger P, Levinger I. The Evolution of Technology and Physical Inactivity: The Good, the Bad, and the Way Forward. *Front Public Health*. 2021;9:655491. doi:10.3389/fpubh.2021.655491
14. Buabbas AJ, Al-Mass MA, Al-Tawari BA, Buabbas MA. The detrimental impacts of smart technology device overuse among school students in Kuwait: a cross-sectional survey. *BMC Pediatr.* 2020;20(1):524. doi:10.1186/s12887-020-02417-x
15. Mundy, L.K.; Canterford, L.; Hoq, M.; Olds, T.; Betancur, M.M.; Sawyer, S.; Kosola, S.; Patton, G.C. Electronic media use and academic performance in late childhood: A longitudinal study. *PLoS ONE* 2020, 15, e0237908. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237908>
16. Goodyear, V.A.; Skinner, B.; McKeever, J.; Griffiths, M. The influence of online physical activity interventions on children and young people’s engagement with physical activity: A systematic review. *Phys. Educ. Sport Pedagog.* 2021, 1–15. <https://doi.org/10.1080/17408989.2021.1953459>

17. Stănescu, R. The New On-Court Tennis Software—Perspectives in Training Process. Conf. Proc. Elearning Softw. Educ. 2018, 3, 341–345.
18. Hayvon, J. C. (2024). Health via Art, Media, Storytelling: Design Implications of a Freirean Framework. American Journal of Health Education, 55(4), 229–233. <https://doi.org/10.1080/19325037.2023.2297277>
19. Корчемная Н.В. Социально-педагогические функции компьютерного спорта как инструмента интеллектуального развития личности // Вестник педагогических инноваций. – 2019. – № 1(53). – С. 24–31. – EDN ZDPHBZ.
20. Pasco D, Roure C. Situational interest impacts college students' physical activity in a design-based bike exergame. J Sport Health Sci. 2022;11(2):172–178. doi:10.1016/j.jshs.2021.03.003
21. Goodyear, V. A., Armour, K. M., & Wood, H. (2018). Young people learning about health: the role of apps and wearable devices. Learning, Media and Technology, 44(2), 193–210. <https://doi.org/10.1080/17439884.2019.1539011>

THE TECHNOLOGICAL PARADOX OF MODERN SPORTS: HOW DIGITAL TOOLS ARE CHANGING THE PHYSICAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE

Nikolaev R.Ju., Nikiforov N.Yu., Gorokhov I.A., Khramicheva O.A., Bashirova N.S.
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russian

The article examines the role of modern educational and information technologies in the development of physical culture and sports among young people. The dual nature of digital technologies has been identified and analyzed: on the one hand, they open up new opportunities for motivation for physical activity, personalization of training and improving the effectiveness of the training process, on the other hand, they contribute to the formation of technological dependence and a sedentary lifestyle.

The study examines innovative approaches to physical education using mobile apps, interactive video games, virtual reality, and social media. Special attention is paid to the impact of electronic mobile devices on the health of young people and the need to find a balance between technological advantages and physical activity. Proper and harmonious implementation of modern technologies in physical culture and sports activities can create an optimal educational environment that promotes the formation of a healthy lifestyle and increases the motivation of students to engage in systematic physical education and sports.

Keywords: physical education, sports, online communication, digital tools, health care, computer games.

References

1. Cojocaru A.M., Bucea-Manea-Toniş R., Jianu A., Dumangiu M.A., Alexandrescu L.U., Cojocaru M. The Role of Physical Education and Sports in Modern Society Supported by IoT – A Student Perspective. Sustainability. 2022; 14(9):5624. <https://doi.org/10.3390/su14095624>
2. Hall E.T., Cowan D.T., Vickery W. 'You don't need a degree to get a coaching job': Investigating the employability of sports coaching degree students. Sport Educ. Soc. 2019, 24, 883–903. <https://doi.org/10.1080/13573322.2018.1482265>
3. Pleshchchev I. E., Efremov K.N., Gudimov S.V., Nikolaev R. Yu. The influence of physical fitness on the level of residual knowledge of medical university students // Global scientific potential. 2024. No. 9(162). Pp. 95–99.
4. Kirkbir, F. Investigating the effect of mental imagery on the success of athlete students at Trabzon University, Turkey. Eur. J. Phys. Educ. Sport Sci. 2017, 3, 286–293.
5. Pleshchchev I. E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Shkrebleko A.N. Algorithm of application of the individual – group protocol in complex rehabilitation of patients with sarcopenia // Bulletin of Biomedicine and Sociology. 2022. Vol. 24. No. 5. Pp. 44–53. doi: 10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-44-53.
6. Dsouza J.M., Chakraborty A., Veigas J. Biological Connection to the Feeling of Happiness. J Clin of Diagn Res. 2020; 14(10): VE01-VE05. <https://www.doi.org/10.7860/JCDR/2020/45423/14092>
7. Frunză E. How New Technologies Influence the Personal Development, Creativity and Personal Development, Psychological and Philosophical Dimensions. In Proceedings of the International Scientific Conference, Iași, Moldova, 1 October 2020; Editura Performantica: Iași, Romania; Institutul National de Invitări: Iași, Romania, 2020; Volume I, Pp. 137–144.
8. Klyuchko I.I. The dependence of modern youth on gadgets and its consequences // Bulletin of Young Scientists of St. Petersburg State University of Technology and Design. 2024. No. 1. Pp. 566–570.
9. Beckman K., Bennett S., Lockyer L. Understanding Students' Use and Value of Technology for Learning. Learn. Media Technol. 2014, 39, 346–367. <https://doi.org/10.1080/17439884.2013.878353>
10. Ilić MP, Păun D, Popović Šević N, Hadžić A, Jianu A. Needs and Performance Analysis for Changes in Higher Education and Implementation of Artificial Intelligence, Machine Learning, and Extended Reality. Education Sciences. 2021; 11(10):568. <https://doi.org/10.3390/educsci11100568>
11. Cojocaru A-M, Cojocaru M, Jianu A, Bucea-Manea-Toniş R, Păun DG, Ivan P. The Impact of Agile Management and Technology in Teaching and Practicing Physical Education and Sports. Sustainability. 2022; 14(3):1237. <https://doi.org/10.3390/su14031237>
12. Rashid SMM, Mawah J, Banik E, et al. Prevalence and impact of the use of electronic gadgets on the health of children in secondary schools in Bangladesh: A cross-sectional study. Health Sci Rep. 2021;4(4): e388. doi:10.1002/hsr2.388
13. Woessner MN, Tacey A, Levinger-Limor A, Parker AG, Levinger P, Levinger I. The Evolution of Technology and Physical Inactivity: The Good, the Bad, and the Way Forward. Front Public Health. 2021;9:655491. doi:10.3389/fpubh.2021.655491
14. Buabbas AJ, Al-Mass MA, Al-Tawari BA, Buabbas MA. The detrimental impacts of smart technology device overuse among school students in Kuwait: a cross-sectional survey. BMC Pediatr. 2020;20(1):524. doi:10.1186/s12887-020-02417-x
15. Mundy, L.K.; Canterford, L.; Hoq, M.; Olds, T.; Betancur, M.M.; Sawyer, S.; Kosola, S.; Patton, G.C. Electronic media use and academic performance in late childhood: A longitudinal study. PLoS ONE 2020, 15, e0237908. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237908>
16. Goodyear V.A.; Skinner B.; McKeever J.; Griffiths M. The influence of online physical activity interventions on children and young people's engagement with physical activity: A systematic review. Phys. Educ. Sport Pedagog. 2021, 1–15. <https://doi.org/10.1080/17408989.2021.1953459>
17. Stănescu, R. The New On-Court Tennis Software—Perspectives in Training Process. Conf. Proc. Elearning Softw. Educ. 2018, 3, 341–345.
18. Hayvon, J. C. (2024). Health via Art, Media, Storytelling: Design Implications of a Freirean Framework. American Journal of Health Education, 55(4), 229–233. <https://doi.org/10.1080/19325037.2023.2297277>
19. Korchemnaya N.V. Socio-pedagogical functions of computer sports as a tool for intellectual development of personality // Bulletin of Pedagogical Innovations. 2019. No. 1(53). Pp. 24–31.
20. Pasco D, Roure C. Situational interest impacts college students' physical activity in a design-based bike exergame. J Sport Health Sci. 2022;11(2):172–178. doi:10.1016/j.jshs.2021.03.003
21. Goodyear, V. A., Armour, K. M., & Wood, H. (2018). Young people learning about health: the role of apps and wearable devices. Learning, Media and Technology, 44(2), 193–210. <https://doi.org/10.1080/17439884.2019.1539011>

Личностные ресурсы психологической безопасности: выбор и самодетерминация

Солдатова Ольга Даниловна,

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой специального и инклюзивного образования Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки

Максимова Елена Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры специального и инклюзивного образования Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки

Актуальность исследования проблематики личностных ресурсов в контексте психологической безопасности детерминирована интенсификацией темпов социальных изменений и нарастанием неопределенности в современном обществе, что порождает повышенные требования к адаптационным возможностям индивида. Глобальные вызовы, возрастающие темпы изменений и неопределенности в современном мире создают состояние нестабильности, выступая хроническим стрессогенным фактором. В данных условиях ключевым аспектом становится не столько отсутствие внешних угроз, сколько способность личности к активному противостоянию деструктивным воздействиям и сохранению внутреннего баланса. В связи с этим фокус научного интереса закономерно смещается с анализа внешних детерминант безопасности на изучение внутренних, личностных ресурсов, обеспечивающих устойчивость и развитие личности в условиях неопределенности. Целью настоящей работы является теоретический анализ ключевых личностных ресурсов, их взаимосвязи с феноменом психологической безопасности и роли акта выбора как механизма актуализации самодетерминации.

Ключевые слова: личностный ресурс, психологическая безопасность, психологическое благополучие, нестабильность, неопределенность, стресс, адаптация, смысложизненные ориентации, резилентность, жизнестойкость.

Трансформации современного мира проявляют беспрецедентную динамику социокультурных, экономических, политических и технологических сторон жизне осуществления личности двух первых десятилетий 21 века. Глобализация, цифровизация всех сфер жизни, экологические вызовы, пандемии последних лет и geopolитические конфликты формируют среду нестабильности и высокой степени неопределенности. Эти условия ставят перед человеком задачу постоянной адаптации, провоцируют хронический стресс, вызывают чувство потери контроля и могут приводить к дезориентации, эмоциональному выгоранию и снижению качества жизни. В данном контексте исследование личностного ресурса (ЛР) – интегративного показателя ментально- го здоровья, самореализации и удовлетворенности жизнью – приобретает не только академическую, но и остро социальную значимость.

Актуальность обусловлена необходимостью рассмотрения механизмов поддержания и развития ЛР как императива современной психологической науки и практики – для разработки эффективных стратегий поддержки личности, способной не только выживать, но и, в условиях постоянно меняющейся реальности, быть успешной в самоактуализации. Понимание роли ЛР как фундаментального фактора психологической безопасности и благополучия позволит создать новые подходы к психопрофилактике и психологической помощи в кризисных условиях.

Понятие «ресурсы» в психологической науке имеет сложную историю эволюции. Если в ранних подходах, в частности в работах Э. Фромма, обоснованно акцентировались экзистенциальные ресурсы (надежда, вера, мужество), то современные исследования сосредоточены преимущественно на механизмах их актуализации и эксплуатации. Ресурсный подход прошел путь от понимания ресурсов как статичных, имманентно присущих личности качеств, до их восприятия как динамических, потенциальных возможностей, мобилизуемых в процессе взаимодействия со средой.

Согласно В.А. Бодрову, ресурсы представляют собой «те физические и духовные возможности человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса» [3, с. 115–116].

Н.Е. Водопьянова конкретизирует это определение, характеризуя ресурсы как «внутренние

и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях... средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией» [5, с. 290].

Таким образом, ключевыми функциями ресурсов являются предвидение стресса, его нейтрализация и трансформация патогенного взаимодействия в адаптивное.

В научной традиции принято разделение ресурсов: внешние и внутренние. Внешние (средовые) ресурсы: социальная поддержка, материальное благосостояние, доступ к информации и инфраструктуре. Внутренние (личностные) ресурсы: навыки, установки, убеждения и компетенции, подлежащие активации индивидом.

Именно внутренние ресурсы трансформируют личность из пассивного объекта воздействия обстоятельств в активного субъекта жизнедеятельности. Эта позиция согласуется с концепцией И.А. Баевой, интерпретирующей психологическую безопасность в качестве динамического процесса, результатом которого выступает переживание целостности «Я», устойчивое функционирование и личностный рост. Безопасность, таким образом, не является данностью, а постоянно конструируется в деятельности.

В рамках концептуального анализа психологическая безопасность рассматривается как динамический процесс, продуктом которого являются:

- переживание целостности и аутентичности «Я»;
- способность к устойчивому функционированию в условиях стресса;
- потенциал для личностного роста в неблагоприятной среде.

Такой подход позволяет утверждать, что психологическая безопасность не присваивается извне, а конструируется самой личностью посредством мобилизации внутренних ресурсов, что находит отражение в концепции «личностного потенциала» Д.А. Леонтьева. Ученый соотносит содержание данного понятия с введенным С. Мадди конструктом «жизнестойкость», определяемой не как статичное качество, а как систему установок и убеждений, поддающихся развитию и опосредующих влияние внешних обстоятельств на сознание и поведение [7]. Следовательно, личностный потенциал можно определить как мета-способность к использованию имеющихся ресурсов и сохранению устойчивости в условиях неопределенности. Это интегральная характеристика, определяющая порог чувствительности к стрессу и эффективность копинг-стратегий.

Ключевые личностные ресурсы, формирующие основу психологической безопасности, включают:

1. Резилентность: способность к адаптивному и гибкому восстановлению после неприятностей (С. Мадди, К. Рейвич). Важно подчеркнуть, что ре-

зилентность – это не просто «толстокожесть» или индифферентность, а сложный процесс, включающий позитивную адаптацию в контексте значительных трудностей. Она предполагает наличие буферных механизмов, позволяющих не только «выстоять», но и извлечь опыт из кризиса, демонстрируя посттравматический рост.

2. Осмысленность жизни: наличие репрезентированной системы жизненных целей и ценностей, имплицирующих смысл в трудные периоды (В. Франкл, Д.А. Леонтьев). Осмысленность выступает когнитивно-мотивационным каркасом личности, позволяющим интерпретировать негативные события не как тотальную катастрофу, а как часть жизненного пути, несущую вызов и возможность развития. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева является валидным инструментом для диагностики данного конструкта.

3. Оптимизм и адаптивный атрибутивный стиль: убежденность в позитивном будущем и способность к адекватной каузальной атрибуции событий (М. Селигман, Б. Вайнер). Диспозиционный оптимизм, в отличие от наивного, связан с тенденцией приписывать причины позитивных событий внутренним, стабильным и глобальным факторам, а негативных – внешним, нестабильным и специфическим. Этот стиль объяснений защищает самооценку и мотивацию.

4. Самодетерминация: системообразующий ресурс, требующий детального рассмотрения. Именно он обеспечивает внутренний локус каузальности и чувство авторства собственной жизни.

Как справедливо отмечает Л.В. Куликов, ядро личностных ресурсов включает такие компоненты, как активная мотивация преодоления, позитивная «Я-концепция», самоуважение, рациональность мышления и эмоционально-волевые качества [6]. Данные ресурсы образуют синергетическую систему, где усиление одного компонента позитивно оказывается на функционировании других.

Теоретико-эмпирический базис для понимания феномена выбора предоставляет «Теория самодетерминации» Э. Деси и Р. Райана. Согласно данной теории, психологическое благополучие и здоровое функционирование достигаются при удовлетворении трех базовых психологических потребностей:

1. Автономии: потребности в переживании себя как источника собственной активности, чувство добровольности и конгруэнтности своих действий с «Я».

2. Компетентности: потребности в ощущении эффективности собственных действий во взаимодействии со средой, переживание мастерства и развития навыков.

3. Связанности: потребности в установлении доверительных, эмоционально близких отношений с другими, чувство принадлежности.

Эмпирические исследования Э. Деси и Р. Райана доказывают, что фрустрация этих потребностей ведет к росту тревожности, апатии, снижению мотивации и психологическому неблагополучию. И напротив, их удовлетворение формирует внутреннюю опору, непосредственно детерминирующую психологическую безопасность, так как человек обретает точку отсчета внутри себя, а не во внешних, неконтролируемых обстоятельствах.

Комплексный анализ позволяет установить, что выбор выступает не просто рациональным актом, но фундаментальным психологическим механизмом, который:

1. Активирует и насыщает потребность в автономии. О осуществление выбора, даже незначительного, утверждает индивида в качестве активного агента. Сам акт выбора является практической реализацией свободы воли.

2. Укрепляет потребность в компетентности. Успешная реализация выбора и позитивные последствия этого повышают уровень самоэффективности (А. Бандура). Индивид убеждается, что его решения и действия имеют значение и приводят к желаемым результатам.

3. Опосредованно влияет на связанность. Автономный и компетентный человек способен выстраивать более зрелые и избирательные социальные связи, основанные на взаимном уважении, а не на зависимости.

4. Снижает экзистенциальную тревогу и стресс. Возможность выбора нивелирует деструктивное влияние неопределенности, обеспечивая когнитивное и поведенческое чувство контроля (Э. Лангер, Ф. Зимбардо). Исследования показывают, что даже иллюзия выбора в неконтролируемой ситуации смягчает стрессовую реакцию.

Таким образом, акт выбора является практическим инструментом актуализации самодетерминации, переводя ее из потенциального ресурса в актуальное переживание и поведение.

На основе проведенного анализа предлагается интегративная модель, объясняющая генезис психологической безопасности. Модель представляет собой циклический, самоусиливающийся процесс.

1. Исходный уровень. Индивид обладает определенным набором личностных ресурсов (резилентность, осмысленность, оптимизм), которые формируют психологическую готовность к осуществлению выбора. Высокий уровень ресурсов снижает страх перед ошибкой, толерантность к неопределенности и веру в возможность положительного исхода.

2. Ключевой акт. В ситуации жизненного вызова (стрессора, неопределенности) личность осуществляет акт осознанного выбора. Этот выбор является волевым актом самоопределения (по В. Франклу).

3. Психологический механизм. Реализация выбора удовлетворяет базовые психологические по-

требности в автономии (я – автор решения) и компетентности (я могу влиять на события), что приводит к усилению самодетерминации.

4. Результатирующее состояние. Усиление самодетерминации напрямую повышает уровень психологической безопасности. Личность переживает большую целостность, устойчивость и контроль над своей жизнью.

5. Обратная связь и развитие. Состояние безопасности создает благоприятные условия для развития и обогащения личностных ресурсов. Успешный опыт преодоления укрепляет резилентность, подтверждает осмысленность усилий и оптимистический настрой. Таким образом, ресурсный потенциал не просто восстанавливается, а прирастает.

Данный процесс представляет собой позитивную восходящую спираль развития: накопление ресурсов способствует более сложному и ответственному выбору личности, которая, усиливая самодетерминацию и безопасность, рекурсивно генерируют новые, более мощные ресурсы. Разрыв на любом этапе (например, дефицит ресурсов, блокировка выбора из-за внешних ограничений или внутренних барьеров) приводит к стагнации или регрессу, запуская нисходящую спираль выученной беспомощности.

Выводы:

1. Психологическая безопасность в современном мире представляет собой не статичное состояние, а динамический результат активной, ресурсной позиции личности, что подтверждается концепциями И.А. Баевой и Д.А. Леонтьева.

2. Ключевыми личностными ресурсами, образующими системную иерархию, выступают резилентность, осмысленность жизни и самодетерминация, причем последняя играет интегрирующую и направляющую роль.

3. Процесс осознанного выбора личности является центральным механизмом активизации самодетерминации, удовлетворяя базовые психологические потребности в автономии и компетентности, что находит теоретическое и эмпирическое подтверждение в работах по психологии выбора (Э. Лангер, Ф. Зимбардо) и Теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан).

4. Взаимодействие ресурсов, выбора и самодетерминации образует восходящую спираль, обеспечивающую не только психологическую защиту, но и личностный рост через преодоление.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. – СПб.: Издательство «СОЮЗ», 2002. – 271 с.
2. Личностный потенциал: структура и диагностика / [А.Ж. Аверина, Л.А. Александрова, И.А. Васильев, Т.О. Гордеева и др.]; под ред.

- Д.А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2011. – 679 с.
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
 4. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Водопьянова, Е. Старченкова. – М. [и др.]: Питер, 2005 (ООО Тип. Правда 1906). – 336 с.
 5. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психол. устойчивости и психопрофилактики, [Учеб. пособие] / Л.В. Куликов; [Федер. целевая программа «Культура России» (подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоизд. России»)]. – М. и др., СПб.: Питер, Питер Бук, 2004. – 463 с.
 6. Deci E.L., Ryan R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – № 11. – P. 227–268.
 7. Maddi S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 2002. – № 54. – P. 173–185.

PERSONAL RESOURCES OF PSYCHOLOGICAL SAFETY: CHOICE AND SELF-DETERMINATION

Soldatova O.D., Maximova E.Yu.

Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki

The relevance of the study of the problematics of personal resources in the context of psychological security is determined by the intensification of the pace of social changes and the growing uncertainty in modern society, which generates increased requirements for the adaptive capabilities of the individual. Global challenges, in-

creasing rates of change and uncertainty in the modern world create a state of instability, acting as a chronic stress factor. In these conditions, the key aspect is not so much the absence of external threats, but the ability of the individual to actively resist destructive influences and maintain internal balance. In this regard, the focus of scientific interest naturally shifts from analyzing external determinants of security to studying internal, personal resources that ensure the stability and development of an individual in conditions of uncertainty. The purpose of this work is to provide a theoretical analysis of key personal resources, their relationship to the phenomenon of psychological security, and the role of choice as a mechanism for actualizing self-determination.

Keywords: personal resource, psychological security, psychological well-being, instability, uncertainty, stress, adaptation, life-meaning orientations, resilience, and hardiness.

References

1. Baeva I.A. Psychological Safety in Education: Monograph. – St. Petersburg: Publishing House “SOYUZ”, 2002. – 271 p.
2. Personal Potential: Structure and Diagnostics / [A.Zh. Averina, L.A. Aleksandrova, I.A. Vasilyev, T.O. Gordeeva, etc.]; under the editorship of D.A. Leontiev. – Moscow: Smysl, 2011. – 679 p.
3. Bodrov V.A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow: PER SE, 2006. 528 p.
4. Vodopyanova N.E. Burnout syndrome: diagnosis and prevention / N. Vodopyanova, E. Starchenkova. – M. [et al.]: Peter, 2005 (LLC Tip. Pravda 1906). – 336 p.
5. Kulikov L.V. Psychohygiene personality. Psychological issues. sustainability and psychoprophylaxis, [Textbook] / L.V. Kulikov; [Feder. target program “Culture of Russia” (subprogram “Support for printing and book publishing. Of Russia”)]. – M. et al., St. Petersburg: Peter, Peter Book, 2004. – 463 p.
6. Deci E.L., Ryan R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – № 11. – P. 227–268.
7. Maddi S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 2002. – № 54. – P. 173–185.

Физическая активность в профилактике хронических заболеваний: клинический подход и социальные стратегии

Шкrebko Александр Николаевич,

докт. мед. наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской реабилитации и спортивной медицины, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: anshkrebko@mail.ru

Горохова Татьяна Анатольевна,

канд. фарм. наук, доцент кафедры фармакогенозии и фармацевтической технологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, директор ГАУЗ ЯО «Санаторий-профилакторий «Сосновый бор»
E-mail: tatgor70@mail.ru

Проходимов Алексей Александрович,

зам. директора по медицинской части, врач – физио-терапевт ГАУЗ ЯО «Санаторий-профилакторий «Сосновый бор»
E-mail: proalex2003@list.ru

Плещёва Татьяна Николаевна,

Старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Физическая активность представляет собой один из ключевых модифицируемых факторов, определяющих состояние здоровья населения на глобальном уровне. Современные научные исследования убедительно демонстрируют многогранное положительное влияние регулярной физической активности на профилактику хронических неинфекционных заболеваний, улучшение качества жизни и снижение преждевременной смертности.

В данной статье проанализированы механизмы воздействия физических нагрузок на различные системы организма, рассмотрены эпидемиологические данные о распространенности гиподинамии и ее последствиях, а также представлены современные рекомендации по организации эффективных программ физической активности для различных групп населения. Особое внимание уделено доказательной базе влияния физических упражнений на сердечно-сосудистую систему, метаболические процессы, психическое здоровье, иммунитет и профилактику заболеваний.

Результаты метаанализов свидетельствуют о том, что регулярная физическая активность способна снижать риск сердечно-сосудистых заболеваний на 30–35%, риск развития диабета 2 типа на 25–40%, а также значительно улучшать показатели психического здоровья и когнитивных функций. В заключении обосновывается необходимость комплексного подхода к продвижению физической активности на популяционном уровне через интеграцию усилий системы здравоохранения, образования, урбанистики и государственной политики.

Ключевые слова: физическая активность, общественное здоровье, гиподинамия, профилактика, эпидемиология поведения

Введение

Снижение уровня физической активности (ФА) населения представляет собой одну из наиболее серьезных проблем общественного здравоохранения XXI века. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), недостаточная физическая активность является четвертым по значимости фактором риска глобальной смертности, обуславливая приблизительно 3,2 миллиона смертей ежегодно [1]. Современные технологические изменения, урбанизация и трансформация характера трудовой деятельности привели к формированию преимущественно сидячего образа жизни у значительной части населения развитых и развивающихся стран [2].

Эпидемиологические исследования показывают, что только 23% взрослого населения мира соответствует международным рекомендациям по минимальному уровню физической активности. В развитых странах до 40% населения проводит более 7 часов в день в сидячем положении, что создает дополнительные риски для здоровья независимо от уровня организованной ФА. Данная тенденция особенно выражена среди работающего населения в возрасте от 25 до 55 лет, что имеет критическое значение для трудового потенциала и экономического развития общества [3].

Также, в последние десятилетия наблюдается растущий интерес исследователей к пониманию механизмов влияния санаторно – курортного лечения на двигательную активность пациентов и их функциональное восстановление. Физическая активность выступает одним из ключевых показателей успешной реабилитации и качества жизни пациентов, страдающих хроническими заболеваниями, проходящих восстановление после хирургических вмешательств и лиц пожилого возраста с ограничениями в мобильности [4].

Накопленная за последние десятилетия научная доказательная база убедительно свидетельствует о многофакторном положительном влиянии регулярной физической активности на здоровье человека [5]. Физические упражнения воздействуют практически на все системы организма, обеспечивая профилактический и терапевтический эффект при широком спектре патологических состояний. Понимание механизмов этого воздействия и разработка эффективных популяционных стратегий продвижения физической активности

становится приоритетной задачей современного здравоохранения [1].

Эпидемиология физической активности и гиподинамики

Современные эпидемиологические данные выявляют тревожную картину распространения гиподинамики в глобальном масштабе. По данным крупномасштабного анализа, охватившего более 15 000 человек в центральноевропейских странах, только 27% населения достигает рекомендованного уровня физической активности выше 1200 МЕТ-минут (Metabolic Equivalent of Task) в неделю. Исследование продемонстрировало значительные различия в эффективности различных уровней физической активности: относительно небольшие преимущества наблюдались при достижении минимальных рекомендаций ВОЗ (600–1200 МЕТ-минут в неделю), в то время как превышение этих рекомендаций обеспечивало существенно более выраженные положительные эффекты для здоровья [6].

Особую обеспокоенность вызывает ситуация среди молодежи. Согласно данным анализа Национального исследования здоровья и питания США, проведенного среди 1449 подростков, чрезмерное сидячее поведение негативно ассоциируется с силой мышц и мышечной массой. Исследование выявило отрицательные корреляции между ежедневным временем, проведенным в сидячем положении, и всеми мышечными параметрами, включая силу захвата и аппендикулярную мышечную массу [7].

Уровень ФА существенно варьируется в зависимости от социально-экономических факторов. Исследование проведенное Хоркиной Н.А. и Лопатиной М.В. (2019) среди российского работающего населения показало, что факторы, стимулирующие занятия физической культурой и спортом, тесно связаны с доступностью спортивных объектов и социально-экономическими условиями жизни. Анализ 3975 респондентов выявил, что низкая двигательная активность населения обусловлена прежде всего недоступностью мест для физических упражнений и неблагоприятной социально-экономической средой проживания [8].

Региональные различия также играют важную роль. Исследование Максимова С.А. с соавт., (2020) основанное на влиянии характеристик городской среды на физическую активность жителей Сибири, охватившее 1263 участника в возрасте 35–70 лет, показало значительное воздействие экологического профиля сообщества на уровень физической активности населения. Факторы застроенной среды, включая плотность перекрестков, смешанность землепользования и доступность пешеходной инфраструктуры, оказались существенными предикторами уровня физической активности [9].

Экономические последствия сидячего образа жизни приобретают критический масштаб. Исследование экономического бремени сидячего поведения во Франции показало, что с продолжительным сидячим поведением ($\geq 8,6$ часов в день) связано 66 528 преждевременных смертей ежегодно [10]. Прямые расходы системы здравоохранения, связанные с заболеваниями, обусловленными сидячим образом жизни, включая сердечно-сосудистые заболевания, рак толстой кишки и рак молочной железы, составляют миллиарды евро ежегодно.

Физиологические механизмы воздействия физической активности

Положительное влияние ФА на сердечно-сосудистую систему обеспечивается комплексом взаимосвязанных механизмов. Регулярные аэробные физические нагрузки способствуют митохондриальному биогенезу и ремоделированию не только мышечной системы, но и других систем, участвующих в поддержании мышечной активности, включая регуляцию метаболизма глюкозы и жиров. Физические упражнения индуцируют выброс оксида азота (NO) и активных форм кислорода, что приводит к изменению экспрессии NAD(P)H оксидаз и улучшению эндотелиальной функции [1].

Физическая инактивность признается одним из наиболее значимых факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний наряду с курением, чрезмерным употреблением алкоголя, нездоровым питанием, ожирением, артериальной гипертензией и диабетом. Сравнительная оценка показателей сердечно-сосудистой заболеваемости и смертности, скорректированных по уровню физической активности и полу, в странах с различным социально-экономическим развитием подтверждает необходимость повышения приверженности рекомендуемым уровням физической активности [11].

Физическая активность оказывает глубокое воздействие на метаболические процессы, особенно при метаболическом синдроме. Систематический обзор и метаанализ 16 исследований Остмана С. и соавт. (Австралия), включивший 77 000 пациенто-часов тренировок, показал, что физические упражнения значительно улучшают все компоненты метаболического синдрома. Аэробные упражнения обеспечивали значимое снижение индекса массы тела (средняя разность $-0,29$ кг/м²), массы тела, систолического артериального давления ($-3,79$ мм рт. ст.) и повышение уровня липопротеинов высокой плотности ($+0,14$ ммоль/л) [12].

Недавнее 8-летнее рандомизированное клиническое исследование Моралес Паломо Ф. с соавт. (2025) продемонстрировало, что ежегодные программы высокоинтенсивных интервальных тренировок имеют сходную клиническую эффектив-

ность с тройной медикаментозной терапией для лечения метаболического синдрома у лиц в возрасте 50–60 лет. Корреляционный анализ показал, что улучшения Z-показателя метаболического синдрома были значимо связаны с увеличением использования медикаментов в контрольной группе и с повышением максимальной мощности в группе упражнений [13].

ФА критически важна для поддержания здоровья костно-мышечной системы, особенно в контексте старения населения. Проблема саркопенического ожирения – сочетания потери мышечной массы и повышенного индекса массы тела – приобретает особую актуальность у пожилых людей. Сочетание снижения мышечной массы с сидячим образом жизни и неправильным питанием приводит к ухудшению инсулинерезистентности и провоспалительному состоянию, что способствует развитию сердечно-сосудистых заболеваний, диабета 2 типа и когнитивной дисфункции [14].

Исследование болей в шее среди населения Китая, основанное на данных Global Burden of Disease Study 2019, показало увеличение числа пациентов с болями в шее с 37,9 миллионов в 1990 году до 68,0 миллионов в 2019 году. Годы жизни с инвалидностью увеличились на 78,08% за этот период, что частично связано с увеличением сидячего образа жизни и снижением физической активности [15].

Влияние на психическое здоровье и когнитивные функции

Связь между физической активностью и психическим здоровьем опосредована множественными физиологическими и молекулярными механизмами. Всесторонний систематический обзор и синтез доказательств медиации и модерации, включивший 247 исследований, выявил сильные доказательства для 12 медиаторов взаимосвязи между физической активностью и психическим здоровьем. К ним относятся аффект, психическое здоровье и благополучие, самооценка, самоэффективность, физическая самооценка, удовлетворенность образом тела, устойчивость, социальная поддержка, социальные связи, физическое здоровье, боль и усталость [16].

Эпидемия сидячего поведения во всем мире приводит к негативным последствиям для физического здоровья и способствует повышению смертности и бремени заболеваний. Последствия этого также влияют на мозг, где у более сидячих людей наблюдается повышенный уровень когнитивного снижения. Сидячий образ жизни связан с повышенным риском тревожности, депрессии и других психических расстройств [12].

Метаанализ психологических эффектов физических упражнений у онкологических пациентов, включивший 81 исследование, продемонстрировал малые и умеренные положительные

эффекты на показатели психологического здоровья (объединенный размер эффекта: $d = 0,32$). Подгрупповой анализ выявил положительные эффекты по всем специфическим исходам, включая депрессию, тревожность, настроение и качество жизни [17].

Исследование проведенное в Венгрии Бачне Баба Е. с коллегами (2025) по ФА и удовлетворенности жизнью среди молодых людей до и после пандемии COVID-19 показало, что люди, занимающиеся велосипедным спортом, некоторой домашней физической работой и ограничивающие время сидения, как правило, сообщают о более высокой удовлетворенности жизнью. В 2024 году выявились интересная закономерность относительно досуговых мероприятий: люди, занимавшиеся очень интенсивными упражнениями в свободное время, сообщали о различных уровнях удовлетворенности жизнью [18].

Современные подходы к продвижению физической активности

Использование носимых устройств активности и мобильных технологий здравоохранения открывает новые возможности для продвижения физической активности. Сетевой метаанализ эффективности различных вмешательств по продвижению физической активности у пожилых людей, включивший 69 исследований с 14120 участниками, показал, что вмешательства, основанные на трекерах активности, электронных и мобильных здравоохранительных технологиях, структурированных программах упражнений и финансовых стимулах, имеют различную эффективность. Комбинация финансовых стимулов с носимыми трекерами активности показала наивысшую вероятность быть наиболее эффективной для увеличения ежедневного количества шагов. Систематический обзор эффективности мобильных вмешательств здравоохранения, направленных на продвижение физической активности среди лиц с метаболическим синдромом, подтвердил значительные положительные эффекты на кардиометаболические факторы риска [19].

Школьная среда представляет критически важную платформу для продвижения ФА среди детей и подростков. Исследование государственных инициатив школьного консультирования по ФА, проведенное Колунсарка И. в Финляндии в 2024–2025 учебном году показало, что 123 города получили финансирование для продвижения физической активности в школах, при этом 74 города включили консультирование по физической активности [20].

Схемы направления на физическую активность представляют собой перспективное вмешательство, позволяющее медицинским работникам продвигать ФА и интегрировать ее продвижение в рутинную клиническую практику представляют

собой гетерогенную группу вмешательств, от простых письменных рекомендаций до сложных программ, включающих различных медицинских специалистов, работающих систематически и применяющих несколько техник изменения поведения в сочетании с практикой физической активности [19]. Успешная реализация подобных вмешательств, требует развития потенциала в системах здравоохранения и соответствующей поддержки медицинских работников. Реализация также зависит от структурных и контекстуальных факторов в системе здравоохранения, что подчеркивает необходимость совместного развития потенциала в системах здравоохранения.

Глобальный план действий Всемирной организации здравоохранения по физической активности и стратегия ФА для европейского региона на 2016–2025 гг., определяют продвижение двигательной активности медицинскими работниками в рамках восстановительного лечения и профилактических мероприятий – как ключевую стратегию для повышения уровня физической активности населения. Эти документы подчеркивают необходимость интеграции продвижения ФА в рутинную клиническую практику [10].

Особое внимание требует продвижение ФА среди пожилых людей в контексте здорового старения. Компендиум физической активности 2024 года предоставляет обновленное и расширенное руководство для взрослых в возрасте 60 лет и старше, а также для инвалидов – колясочников. Этот ресурс служит ценным инструментом для продвижения физической активности среди всех групп населения, подчеркивая важность адаптированных подходов для различных возрастных групп и функциональных возможностей [21].

Заключение

Роль физической активности в здоровье населения является многогранной и критически важной для решения современных вызовов общественного здравоохранения. Накопленная научная доказательная база убедительно демонстрирует, что регулярная физическая активность представляет собой одно из наиболее эффективных и безопасных вмешательств для профилактики хронических неинфекционных заболеваний, улучшения качества жизни и снижения преждевременной смертности.

Эпидемиологические данные свидетельствуют о глобальном масштабе проблемы гиподинамии, которая затрагивает все возрастные группы и социально-экономические слои населения. Особую обеспокоенность вызывает ситуация среди детей и подростков, а также работающего населения в возрасте 25–55 лет, что создает долгосрочные риски для здоровья нации и экономического развития.

Успешное продвижение физической активности на популяционном уровне требует комплексного подхода, интегрирующего усилия системы здравоохранения, образования, урбанистики, транспорта и государственной политики. Современные технологические решения, включая носимые устройства и мобильные приложения, открывают новые возможности для персонализированных вмешательств, но не могут заменить системные изменения в организации городской среды и социальной инфраструктуры.

Только через системный подход, основанный на научных доказательствах и учитывающий социально-экономические реалии, возможно эффективное решение проблемы глобального снижения физической активности населения.

Литература

1. Shilton T, Bauman A, Beger B, et al. More People, More Active, More Often for Heart Health – Taking Action on Physical Activity. Glob Heart. 2024;19(1):42. doi:10.5334/gh.1308
2. Katzmarzyk PT, Jakicic JM, Pate RR, Piercy KL, Whitsel LP. Amplifying Support for Physical Activity: The National Strategy on Hunger, Nutrition, and Health. Am J Prev Med. 2023;65(6):1187–1191. doi:10.1016/j.amepre.2023.07.008
3. Goyal J, Rakhra G. Sedentarism and Chronic Health Problems. Korean J Fam Med. 2024;45(5):239–257. doi:10.4082/kjfm.24.0099
4. Горохова Т. А., Проходимов А.А., Плещёв И.Е., Шкребко А.Н., Горохов И.А. Влияние санаторно-курортного лечения на здоровье и общее самочувствие людей после холецистэктомии // Пациентоориентированная медицина и фармация. – 2025. – Т. 3, № 1. – С. 24–29. – DOI 10.37489/2949–1924–0077. – EDN FLQRNX.
5. Шкребко А. Н., Плещёв И.Е., Коткова В.М., [и др.] Влияние лечебной физкультуры на реабилитацию пациентов пожилого возраста с саркопеническим ожирением // Актуальные вопросы медицинской науки. 2024. № . 1(2). С. 26–31. EDN PMCMGZ.
6. Burtscher, J., Kopp, M., Klimont, J. et al. Age- and sex-dependent associations between self-reported physical activity levels and self-reported cardiovascular risk factors: a population-based cross-sectional survey. BMC Public Health 24, 2843 (2024). <https://doi.org/10.1186/s12889-024-20351-w>
7. Oh KH, Min JY, Seo K, Min KB. Association of Sedentary Lifestyle With Skeletal Muscle Strength and Mass in US Adolescents: Results From the National Health and Nutrition Examination Survey (2011–2014). J Prev Med Public Health. 2025;58(3):278–288.
8. Хоркина Н.А., Лопатина М.В. Особенности физической активности работающих

- россиян: эмпирический анализ. Вопросы статистики. 2019;26(11):45–56. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-11-45-56>.
9. Максимов С. А., Федорова Н.В., Шаповалова Э.Б., Цыганкова Д.П., Индукаева Е.В., Артамонова Г.В. Характеристики инфраструктуры района проживания, влияющие на физическую активность населения. Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2019; 8 (4S): 111–120. DOI: 10.17802/2306-1278-2019-8-4S-111-120
 10. Racine A. N., Margaritis I., Duclos M., Carré F., Vuillemin A., Gautier C., P09–03 Costing the economic burden of sedentary behaviors in France, European Journal of Public Health. 2022. Vol. 32. Pp. ckac095.133. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac095.133>
 11. Блинова Н.В., Трушина О.Ю., Кисляк О.А., Подзолков В.И., Брагина А.Е., Чазова И.Е. Консенсус по ведению пациентов с гиперурикемией и высоким сердечно-сосудистым риском: 2025. Системные гипертензии. 2025;22(2):5–17. <https://doi.org/10.38109/2075-082X-2025-2-5-17>
 12. Ostman C, Smart NA, Morcos D, Duller A, Ridley W, Jewiss D. The effect of exercise training on clinical outcomes in patients with the metabolic syndrome: a systematic review and meta-analysis. *Cardiovasc Diabetol.* 2017;16(1):110. doi:10.1186/s12933-017-0590-y
 13. Morales-Palomo F, Moreno-Cabañas A, Alvarez-Jimenez L, Mora-Gonzalez D, Mora-Rodriguez R. Long-Term Effects of High-Intensity Aerobic Training on Metabolic Syndrome: An 8-Year Follow-Up Randomized Clinical Trial. *J Cachexia Sarcopenia Muscle.* 2025;16(2):e13780. doi:10.1002/jcsm.13780
 14. Плещёв И. Е., Савгачев В.В., Шкребко А.Н., Кузнецов С.А., Махалова Д.А. Эффективность силовых тренировок при реабилитации пациентов с саркопеническим ожирением // Вестник «Биомедицина и Социология». 2025. Т. 10. № 2. С. 92–98. EDN SBVJCI. <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2025-10-2-92-98>.
 15. Xia W, Liu J, Liu C, et al. Burden of neck pain in general population of China, 1990–2019: An analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *J Glob Health.* 2024;14:04066. Published 2024 Apr 5. doi:10.7189/jogh.14.04066
 16. White, R.L., Vella, S., Biddle, S. et al. Physical activity and mental health: a systematic review and best-evidence synthesis of mediation and moderation studies. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2024. Vol. 21, Pp. 134. <https://doi.org/10.1186/s12966-024-01676-6>
 17. Calder J., Kavanagh P.S., Bacon R., Chau M., Sidhu D., Toohey K. The effects of exercise dose on psychological health outcomes in people diagnosed with cancer: a systematic review and meta-analysis. *Disability and Rehabilitation.* 2024. Vol. 47(14). Pp. 3516–3527. <https://doi.org/10.1080/09638288.2024.2432919>
 18. Bácsné Bába É, Lengyel A, Pfau C, et al. Physical activity: the key to life satisfaction – correlations between physical activity, sedentary lifestyle, and life satisfaction among young adults before and after the COVID-19 pandemic. *Front Public Health.* 2025. No. 13. Pp. 1486785. doi:10.3389/fpubh.2025.1486785
 19. Sequi-Dominguez I, Alvarez-Bueno C, Martinez-Vizcaino V, Fernandez-Rodriguez R, Del Saz Lara A, Caverio-Redondo I. Effectiveness of Mobile Health Interventions Promoting Physical Activity and Lifestyle Interventions to Reduce Cardiovascular Risk Among Individuals With Metabolic Syndrome: Systematic Review and Meta-Analysis. *J Med Internet Res.* 2020;22(8):e17790. doi:10.2196/17790
 20. Iiris Kolunsarka. 255 Evaluation and Comparison of Government-Funded School-Based Youth Physical Activity Counseling Initiatives in Finland for the 2024–2025 Academic Year, European Journal of Public Health. 2024. Vol. 34, Is. 2. ckae114.279, <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckae114.279>
 21. Herrmann SD, Conger SA, Willis EA, Ainsworth BE. Promoting public health through the 2024 Compendium of Physical Activities: Strategies for adults, older adults, and wheelchair users. *J Sport Health Sci.* 2024;13(6):739–742. doi:10.1016/j.jshs.2024.05.013
- PHYSICAL ACTIVITY IN THE PREVENTION OF CHRONIC DISEASES: CLINICAL APPROACH AND SOCIAL STRATEGIES**
- Shkrebko A.N., Gorokhova T.A., Prohodimov A.A., Pleshcheva T.N.**
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
«Sosnovy bor» Sanatorium – Preventorium
- Physical activity is one of the key modifiable factors determining the health status of the population at the global level. Modern scientific research convincingly demonstrates the multifaceted positive impact of regular physical activity on the prevention of chronic non-communicable diseases, improving the quality of life and reducing premature mortality.
- This article analyzes the mechanisms of the impact of physical activity on various body systems, examines epidemiological data on the prevalence of physical inactivity and its consequences, and provides modern recommendations on the organization of effective physical activity programs for various population groups. Special attention is paid to the evidence base of the effect of physical exercise on the cardiovascular system, metabolic processes, mental health, immunity and disease prevention.
- The results of meta-analyses indicate that regular physical activity can reduce the risk of cardiovascular diseases by 30–35%, the risk of developing type 2 diabetes by 25–40%, and significantly improve mental health and cognitive function. In conclusion, the author substantiates the need for an integrated approach to promoting physical activity at the population level through the integration of efforts of the healthcare system, education, urbanism and public policy.
- Keywords:** physical activity, public health, physical inactivity, prevention, epidemiology of behavior

References

1. Shilton T, Bauman A., Beger B., et al. More People, More Active, More Often for Heart Health – Taking Action on Physical Activity. *Glob Heart*. 2024. Vol. 19(1). Pp. 42. doi:10.5334/gh.1308
2. Katzmarzyk P.T, Jakicic J.M, Pate R.R, Piercy K.L, Whittsel L.P. Amplifying Support for Physical Activity: The National Strategy on Hunger, Nutrition, and Health. *Am J Prev Med*. 2023 Vol. 65(6). Pp. 1187–1191. doi:10.1016/j.amepre.2023.07.008
3. Goyal J, Rakhra G. Sedentarism and Chronic Health Problems. *Korean J Fam Med*. 2024. Vol. 45(5). Pp. 239–257. doi:10.4082/kjfm.24.0099
4. Gorokhova T. A., Prohodimov A.A., Pleshchev I.E., Shkrebova A.N., Gorokhov I.A. Effect of spa treatment on the health and general well-being of patients undergoing cholecystectomy // *Patient-Oriented Medicine and Pharmacy*. 2025. Vol. 3(1). Pp. 24–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.37489/2949-1924-0077>
5. Shkrebova A. N., Pleshchev I.E., Kotkova V.M., [et al.] The influence of physical therapy on the rehabilitation of elderly patients with sarcopenic obesity // *Actual issues of medical science*. 2024. No. 1(2). Pp. 26–31.
6. Burtscher, J., Kopp, M., Klimont, J. et al. Age- and sex-dependent associations between self-reported physical activity levels and self-reported cardiovascular risk factors: a population-based cross-sectional survey. *BMC Public Health* 2024. No. 24. Pp. 2843. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-20351-w>
7. Oh K. H, Min J. Y, Seo K., Min K.B. Association of Sedentary Lifestyle With Skeletal Muscle Strength and Mass in US Adolescents: Results From the National Health and Nutrition Examination Survey (2011–2014). *J Prev Med Public Health*. 2025. Vol. 58(3). Pp. 278–288.
8. Khorkina N. A., Lopatina M.V. Peculiarities of Physical Activity of Russian Workers: Empirical Analyses. *Voprosy statistiki*. 2019. No. 26(11). Pp. 45–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-11-45-56>
9. Maksimov S. A., Fedorova N.V., Shapovalova E.B., Cygankova D.P., Indukaeva E.V., Artamonova G.V. The impact of environmental community profile on population physical activity. *Complex Issues of Cardiovascular Diseases*. 2019. No. 8(4S). Pp. 111–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.17802/2306-1278-2019-8-4S-111-120>
10. Racine A. N., Margaritis I., Duclos M., Carré F., Vuillemin A., Gautier C., P09–03 Costing the economic burden of sedentary behaviors in France, *European Journal of Public Health*. 2022. Vol. 32. Pp. ckac095.133. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac095.133>
11. Blinova N. V., Trushina O.I., Kislyak O.A., Podzolkov V.I., Bragina A.E., Chazova I.E. Consensus on the management of patients with hyperuricemia and high cardiovascular risk: 2025. *Systemic Hypertension*. 2025. Vol. 22(2). Pp. 5–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.38109/2075-082X-2025-2-5-17>
12. Ostman C, Smart NA, Morcos D, Duller A, Ridley W, Jewiss D. The effect of exercise training on clinical outcomes in patients with the metabolic syndrome: a systematic review and meta-analysis. *Cardiovasc Diabetol*. 2017. Vol. 16(1). Pp. 110. doi:10.1186/s12933-017-0590-y
13. Morales-Palomo F, Moreno-Cabañas A, Alvarez-Jimenez L, Mora-Gonzalez D, Mora-Rodriguez R. Long-Term Effects of High-Intensity Aerobic Training on Metabolic Syndrome: An 8-Year Follow-Up Randomized Clinical Trial. *J Cachexia Sarcopenia Muscle*. 2025. Vol. 16(2): e13780. doi:10.1002/jcsm.13780
14. Pleshchev I. E., Savgachev V.V., Shkrebova A.N., Kuznetsov C.A., Mahalova D.A. The effectiveness of strength training in the rehabilitation of patients with sarcopenic obesity // *Bulletin "Biomedicine & Sociology"*. 2025; Vol. 10(2). Pp. 92–98. <http://dx.doi.org/10.26787/hydha-2618-8783-2025-10-2-92-98>.
15. Xia W, Liu J, Liu C, et al. Burden of neck pain in general population of China, 1990–2019: An analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *J Glob Health*. 2024. No. 14. Pp. 04066. doi:10.7189/jogh.14.04066
16. White, R.L., Vella, S., Biddle, S. et al. Physical activity and mental health: a systematic review and best-evidence synthesis of mediation and moderation studies. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2024. Vol. 21, Pp. 134. <https://doi.org/10.1186/s12966-024-01676-6>
17. Calder J., Kavanagh P.S., Bacon R., Chau M., Sidhu D., Toohey K. The effects of exercise dose on psychological health outcomes in people diagnosed with cancer: a systematic review and meta-analysis. *Disability and Rehabilitation*. 2024. Vol. 47(14). Pp. 3516–3527. <https://doi.org/10.1080/09638288.2024.2432919>
18. Bácsné Bába É, Lengyel A, Pfau C, et al. Physical activity: the key to life satisfaction – correlations between physical activity, sedentary lifestyle, and life satisfaction among young adults before and after the COVID-19 pandemic. *Front Public Health*. 2025. No. 13. Pp. 1486785. doi:10.3389/fpubh.2025.1486785
19. Sequi-Dominguez I, Alvarez-Bueno C, Martinez-Vizcaino V, Fernandez-Rodriguez R, Del Saz Lara A, Cavero-Redondo I. Effectiveness of Mobile Health Interventions Promoting Physical Activity and Lifestyle Interventions to Reduce Cardiovascular Risk Among Individuals With Metabolic Syndrome: Systematic Review and Meta-Analysis. *J Med Internet Res*. 2020. Vol. 22(8): e17790. doi:10.2196/17790
20. Iiris Kolunsarka. 255 Evaluation and Comparison of Government-Funded School-Based Youth Physical Activity Counseling Initiatives in Finland for the 2024–2025 Academic Year, *European Journal of Public Health*. 2024. Vol. 34, Is. 2. ckae114.279, <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckae114.279>
21. Herrmann SD, Conger SA, Willis EA, Ainsworth BE. Promoting public health through the 2024 Compendium of Physical Activities: Strategies for adults, older adults, and wheelchair users. *J Sport Health Sci*. 2024. Vol. 13(6). Pp. 739–742. doi:10.1016/j.jshs.2024.05.013

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Искусственный интеллект в гуманитарных науках: перспективы и вызовы

Иванова Елена Радиевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

E-mail: ivanova-656@mgpu.ru

Ильмиеv Роман Имранович,

аспирант, Инженер института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

E-mail: ilmievri@mgpu.ru

Чупрова Татьяна Олеговна,

независимый исследователь, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: t.chuprova.new@gmail.com

В статье анализируются перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта (ИИ) в гуманитарных науках. Предметом исследования является ИИ в гуманитарной сфере, объектом – процесс его интеграции в научные исследования и образование. Рассматривается использование машинного обучения и анализа больших данных при изучении исторических и культурологических источников, применение ИИ в лингвистике и филологии, а также влияние цифровых технологий на методологию гуманитарных дисциплин. Отдельное внимание уделено этическим и философским вызовам, связанным с интерпретацией результатов, полученных с помощью ИИ, и сохранением специфики гуманитарного знания в условиях цифровизации. Методология исследования носит междисциплинарный характер и включает анализ научной литературы, сравнение подходов к применению ИИ и обобщение опыта реализации цифровых проектов. Авторы приходят к выводу, что ИИ одновременно расширяет аналитические возможности гуманитариев и порождает новые методологические и интерпретационные проблемы, требующие критического осмысливания и адаптации традиционных практик.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гуманитарные науки, этика, цифровизация, цифровая история, историческая информатика.

Введение

С 2020 года алгоритмы машинного обучения стали неотъемлемой частью жизни человека. Это связано с развитием систем глубокого обучения. В 2017 году Google опубликовали статью «Attention Is All You Need» [7, с. 2071–2079], которая стала основой для большинства языковых моделей.

Говоря о гуманитарных науках важно уточнить терминологию, которая пришла в русский язык из английского. Языковые модели и нейронные сети в англоязычной литературе называют «Artificial Intelligence». Однако значение слова «intelligence» не равноценно значению слова «интеллект» – оно может обозначать как разум, способность обрабатывать информацию, так и организацию, которая информацию собирает. Впервые термин «Artificial Intelligence» был предложен в 1955 году в значении имитации машиной точно описанного процесса обучения [9]. Несмотря на то, термин «искусственный интеллект» закрепился в русском языке, следует помнить, что речь идёт не об интеллекте в его субъектном смысле.

Сегодня ИИ применяется как в быту, так и для оптимизации сложных процессов, заметно влияя и на гуманитарные науки, в которых он трансформирует традиционные методы исследований и способствует появлению новых подходов. Достижения в машинном обучении, обработке естественного языка и анализе больших данных расширяют возможности работы с источниками и культурными материалами. Одновременно развитие ИИ порождает серьёзные этические, юридические и философские проблемы: непрозрачность алгоритмов, сложность в определении, кто несёт ответственность за ошибки, совершённые ИИ, недостоверность информации, искажение исторических событий, угрозы для персональных данных и предвзятость моделей. Эти вопросы обсуждаются в академической среде как в России, так и за рубежом [4; 7; 8; 18; 23; 26; 32].

Ход и результаты исследования

Развитие цифровых технологий предоставляет исследователям новые инструменты обработки и интерпретации данных. ИИ всё активнее внедряется в работу историков, лингвистов, философов и других специалистов. Современные ИИ-системы автоматизируют трудоёмкие задачи, включая цифровую обработку документов, и открывают новые возможности изучения источников, позволяя формулиро-

вать новаторские гипотезы и по-новому осмысливать культурные процессы.

Сегодня ИИ используются для обработки текстовых, визуальных и аудиовизуальных данных, что позволяет анализировать ранее недоступные объемы информации и расширяет аналитический потенциал гуманитарных наук. [14, с. 286]. Также наблюдается переход от традиционных интерпретативных подходов к методам, основанным на количественной оценке и алгоритмическом анализе. Развитие цифровых гуманитарных исследований обусловлено интеграцией технологий ИИ с методами изучения гуманитарного знания [14, с. 287], что приводит к появлению новых научных направлений, включая цифровую гуманитарию [31, с. 23].

Одним из успешных примеров внедрения ИИ в гуманитарную сферу в России стали цифровые библиотеки. Сервис «Поиск по архивам» от Яндекса обеспечивает доступ к оцифрованным архивным материалам, работая как поисковая система и упрощая изучение исторических источников. Сегодня с помощью нейросетей обработано свыше 30 тыс. выпусков газеты «Известия» (1917–2024) и более 18 млн страниц метрических книг, исповедных ведомостей и других исторических документов.

Аналогичные проекты реализуются и в Европе. Europeana – единая европейская цифровая библиотека, обеспечивающая доступ к оцифрованным материалам, отражающим различные аспекты культурного наследия: газетам, журналам, фотографиям, произведениям искусства и др.

Американский проект HathiTrust занимается оцифровкой и интеллектуальной обработкой исторических текстов. В его архив входят книги и научные работы, оцифрованные Google и Internet Archive.

Подобные инициативы не только сохраняют историко-культурное наследие, но и делают его доступным широкой аудитории, популяризируя гуманитарные знания. Создание таких хранилищ начинается с оцифровки документов, предоставляемых архивами, библиотеками и музеями. Материалы сканируют в высоком разрешении и обрабатывают с помощью технологий OCR. Современные нейросетевые OCR-системы распознают даже поврежденные тексты, нестандартные шрифты и особенности исторической орфографии. Например, в сервисе «Поиск по архивам» применяются модели, обученные на дореформенной русской орфографии. После распознавания текста ИИ выполняет семантическую разметку: извлекает имена, даты, географические названия, события и определяет структуру документа. Это обеспечивается технологиями NLP, включая распознавание именованных сущностей и тематическое моделирование. Такие алгоритмы позволяют находить релевантные материалы даже тогда, когда докумен-

ты различаются по названию, языку или терминологии.

Языковые модели внедряются и в поисковые системы. В отличие от поиска, по ключевым словам, ИИ распознаёт семантическое содержание запроса, учитывает контекст и варианты написания [21, с. 220–221], что особенно важно для исторических материалов, где язык и орфография имеют значение и могут отличаться. Кроме того, ИИ применяется для персонализированного опыта: на основе прошлых запросов и предпочтений формируются индивидуальные рекомендации. Эти алгоритмы, схожие с коммерческими, адаптированы к гуманитарным исследованиям и обеспечивают более точный доступ к релевантным источникам.

Еще одно перспективное направление применения ИИ в гуманитарных науках – реконструкция исторических событий, визуализация данных и создание новых форм представления прошлого. Примером может служить международный проект Time Machine Europe, объединяющий цифровые технологии для создания масштабной системы, отражающей экономическую, социальную, культурную и географическую эволюцию Европы на протяжении столетий.

Машинное обучение применяется в видеоиграх, кино, сериалах, литературе и графическом дизайне. На основе исторических источников и цифровых технологий авторы создают визуальные образы прошлого с учётом исторической точности и аутентичности [17]. Нейросети и алгоритмы генерации изображений позволяют реалистично воссоздавать архитектуру, повседневную жизнь разных эпох и исторических персонажей [13, с. 166–173; 15], что способствует популяризации исторического знания для широкой аудитории [3].

Согласно Digital Education Council, 86% студентов регулярно используют ИИ в обучении. Исследования показывают, что это может краткосрочно повышать успеваемость, но снижает долговременное усвоение материала¹. При этом использование ИИ в роли цифрового репетитора, который не даёт готовых ответов, способствует более высоким результатам [6].

В условиях цифровизации гуманитарного знания языковые модели формируют междисциплинарный дискурс и обновляют методы преподавания истории, делая их интерактивными и соответствующими требованиям цифровой эпохи.

Особого внимания в решении проблемы использования ИИ в гуманитарных науках заслуживает филология как неотъемлемая составляющая корпуса дисциплин, составляющих основу гуманитарных знаний. Исследователи активно обсуждают роль и статус педагога в процессе обучения при использовании ИИ в высшем образовании,

¹ By Digital Education Council. – URL: <https://clck.ru/3LsmeM>

здесь прогнозы довольно осторожные и несколько пессимистичные [27, с. 41–49; 20, с. 485–501]. Принимая факт того, что ИИ уже занял свою нишу в образовательном процессе, важно проанализировать перспективы развития этого процесса, и главное – какую функцию ИИ выполняет сейчас и будет потенциально выполнять в дальнейшем» [29, с. 41].

Многие исследователи сегодня занимаются вопросами эффективности и рационального соотношения возможностей ИИ и филологии. При этом совершенно очевидно, что продуктивные стороны и прогнозируемые положительные перспективы использования ИИ в области филологии связаны только с обучением языку в самых различных форматах. Это обучение русскому языку как родному, когда ИИ позволяет повысить грамотность обучающегося. Это обучение русскому как иностранному [24, с. 58–65; 28, с. 188–190], и, наконец, обучение иностранному языку (чаще всего английскому) [25, с. 165–167]. В целом, представленные методики, разработка конкретных алгоритмов, примеры уроков и т.п. дают представление о возможностях ИИ в этой сфере филологического образования, которые оцениваются как продуктивные и перспективные.

Однако функции и возможности ИИ в важнейшей области филологии – литературе – вопрос открытый. Очевидно, что поиски точек соприкосновения и плодотворного взаимодействия литературы и ИИ еще впереди, если это вообще возможно. Пока оценки попыток соединить художественную словесность и возможности искусственного интеллекта весьма осторожны. Возможно, что проблема заключается в некой разнонаправленности этих феноменов, что напоминает ситуацию басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак», когда цель, которую ставит преподаватель литературы, не достигается или для ее достижения выбраны совсем другие траектории. Негативный опыт взаимодействия ИИ с филологией в области литературы и литературоведения связан с проверкой студенческих работ, сгенерированных ИИ, эфемерными списками научной литературы и пр., что свидетельствует о неумелом и бездумном использовании возможностей ИИ [30, с. 21].

Известно, что основой изучения литературы является художественный текст, поэтому главной проблемой в современном преподавании литературы является работа с нечитающей аудиторией. Что может предложить ИИ для решения этой проблемы? Анализ спектра возможностей ИИ позволил обозначить приемлемые, с точки зрения филолога-литературоведа, формы работы. Например, нейросеть предлагает различные варианты визуализации художественного текста: портреты героев произведения и линии взаимодействия персонажей, карты локаций и военных действий,

например, различные схемы, позволяющие понять композицию романа или повести.

Продуктивно взаимодействие ИИ и литературоведа в области теории литературы: ИИ предлагает определения и интерпретацию литературо-ведческих терминов и понятий, сокращает время поиска интертекстуальных связей, источников аллюзий и реминисценций, помогает в подборе точных цитат из текста, в создании цитатных характеристик персонажей.

Вместе с тем ужерабатываются новые методы использования ИИ в филологической науке, связанной с анализом поэтического текста. В работе А.Ю. Овчаренко и Е.А. Шапринской рассматривается и прогнозируется возможное применение кибернетики и квантитативных методов в филологии [22, с. 879–888]. Особого внимания заслуживает проект «Нейросети vs Писатели»¹, который демонстрирует возможности ИИ в создании художественного произведения.

Однако все эти возможности нейросети требуют от получателя информации, связанной с литературой и литературоведением, критической оценки. Нейросеть, например, не распознает многих нюансов языка художественного произведения, не всегда верно выстраивает синонимичный ряд слов, выбирает наиболее простой путь создания информации по запросу. Например, в филологической работе слово «вклад», которое в контексте темы работы имело значение «внести свою лепту в решение проблемы», ИИ заменил словом «дивиденд», а в подборе библиографического списка по теме дипломной работы выдал несуществующие источники, которые в разных комбинациях повторяли формулировку темы исследования. Несмотря на достижения машинного обучения, применение ИИ в гуманитарных науках связано с рядом проблем, включая этические, юридические и методологические вопросы.

Одна из главных проблем при использовании ИИ для создания контента – авторские права. Зачастую языковые модели обучаются на текстах и изображениях, создатели которых не давали согласия на их использование. Существует понятие «доброповестное использование», которое предполагает использование контента, защищённого авторским правом, для определённой цели, но каждый случай «доброповестного использования» должен рассматриваться отдельно, что невозможно, когда речь идёт о массивах данных. Использование ИИ для создания контента остаётся в «серой зоне»: нет precedентов, запрещающих его применение, и отсутствуют решения о допустимости использования авторских материалов для обучения моделей.

Некоторые исследователи считают, что главная проблема – непрозрачность алгоритмов, однако вопрос куда более сложный. Прозрачность

¹ <https://clck.ru/3QcHDV>

ИИ-систем [2, с. 182–192] не отвечает на другой важный вопрос – кто считается автором сгенерированного нейросетью контента. Современное право не успевает отвечать на подобные вопросы.

Кроме того, работа с ИИ традиционно считается областью технического знания. Хотя ИИ – это языковая модель, обучается эта модель на том, что существует благодаря гуманитарному знанию. Но из-за сложившейся академической традиции, у представителей гуманитарной среды нет необходимых знаний и понимания, как взаимодействовать с ней. Вместе с тем для обучения нейросетей необходимы и гуманитарные специалисты. Всё это – важные вопросы, на которые исследователям, политикам и обществу только предстоит ответить.

Опасения по поводу использования ИИ тоже справедливы. Несмотря на значительный потенциал, который открывает применение ИИ в гуманитарных исследованиях, этические и методологические аспекты взаимодействия с ИИ остаются предметом обоснованных дискуссий.

Эмпирическое исследование международной группы учёных показало, что среди 285 студентов из Пакистана и Китая 27,7% (79 человек) утратили способность к самостоятельному принятию решений из-за регулярного использования ИИ, что связывают со снижением внутренней мотивации [1]. При этом утрата когнитивных навыков может быть обусловлена глубинными изменениями познавательных процессов в цифровой среде: зависимостью от алгоритмической поддержки, привыканием к автоматизированным инструментам и делегированием задач ИИ.

Языковые модели, без должного контроля, могут генерировать недостоверную информацию с фиктивными источниками, так как они лишь имитируют мышление и повторяют слова в привычном порядке. Они могут выдавать заблуждения за факты, поэтому на этапе обучения вводят ограничения, а на некоторые вопросы модели отвечают заранее подготовленными ответами, чтобы не навредить пользователю.

Это важно, так как иногда исследователи сами создают опасные ИИ. В 2018 году в МИТ создали нейросеть Норман, обученную только на жестоком контенте. Показывая ей тест Роршаха, ИИ всегда видел насилие, что показало критическую роль качества обучающих материалов [12].

Термин «мисалаймент» («misalignment» – несоответствие) обозначает использование ИИ вопреки заложенным в него целям и моральным нормам. В 2016 году бот Tay от Microsoft, запущенный для общения в Twitter (Х), был удалён меньше чем через сутки, так как пользователи научили его писать оскорбительные сообщения. Чтобы избежать такого, ИИ нужно обучать сложным алгоритмам с чётким описанием моральных норм – областью, где особенно важны гуманитарные знания.

Использование ИИ в научной сфере приводит к росту числа недобросовестных публикаций. Даже в рецензируемых академических изданиях заметно увеличение доли работ, созданных с активным применением генеративных алгоритмов, зачастую с нарушением принципов научной добросовестности. Вследствие этого можно сделать вывод, что без личной моральной ответственности невозможно сформировать действенные этические нормы по работе с ИИ [32, с. 26; 10].

Доктор филологических наук И.М. Дзялошинский объясняет популярность ИИ тремя основными факторами: упрощенная подача информации об ИИ в СМИ; практическая необходимость автоматизации в сферах услуг, здравоохранения, промышленности и робототехники; замена человека компьютерными системами при работе с большими данными [16, с. 22]. К указанным причинам можно добавить и другие факторы, связанные как с технологическим развитием, так и с социально-экономическим контекстом.

Во-первых, рост вычислительных мощностей и современные алгоритмы сделали машины удобным инструментом. Из-за антропоморфизма люди склонны наделять их человеческими качествами. Этим пользуются и создатели языковых моделей: люди, которые воспринимают чат-боты как нечто одушевлённое или обладающее чувствами, более удовлетворены взаимодействием с ИИ [5].

Во-вторых, развитие технологий ИИ определяет ряд социально-экономических факторов. Эти технологии способствуют созданию новых отраслей экономики и ускоряют экономический рост¹.

ИИ также демонстрирует значительный потенциал в решении ряда социальных проблем, например: улучшение доступности и качества медицинских услуг; расширение образовательных возможностей; обеспечение общественной безопасности. В отраслях, где испытывается дефицит ресурсов или квалифицированных кадров, искусственный интеллект предоставляет альтернативные решения.

В-третьих, ИИ играет всё более важную роль в обеспечении государственной безопасности и поддержания конкурентоспособности страны. Современные ИИ-системы активно используются для анализа потенциальных угроз, прогнозирования рисков и защиты критически важной инфраструктуры, а также для превентивного реагирования на кибератаки.

Однако нельзя игнорировать и потенциальные угрозы, связанные с применением ИИ для социального контроля. Технологии мониторинга и анализа поведения людей могут усилить контроль, подавить свободу выражения мнений и ограничить гражданские права [19, с. 31; 32, с. 25].

¹ <https://clck.ru/ЗНКb3C>

Заключение

Искусственный интеллект влияет на все области исследований, включая гуманитарные науки, ускоряя обработку данных, повышая точность научных интерпретаций и создавая новые возможности для популяризации гуманитарных дисциплин.

Традиционно именно гуманитарные науки стараются отвечать на вопросы морали и этики. И при таком стремительном развитии языковых моделей, социальные нормы нужно не только определять, но и внедрять их в эти языковые модели. Определять искусственный интеллект как нечто, что только влияет на гуманитарные науки – неверно. Языковые модели должны быть не только функциональны с точки зрения программирования, они должны быть обучены и с точки зрения гуманитарных, общечеловеческих ценностей. А это именно та область знания, в которой большей экспертизой обладают лингвисты, философы, историки и другие представители гуманитарных наук.

Несмотря на свою высокую эффективность в обработке массивов данных или оптимизации рутинных задач, ИИ не может заменить традиционный гуманитарный подход, не следует полагать, что искусственный интеллект действительно способен мыслить и рассуждать. Тем важнее становится способность критически мыслить и анализировать информацию, которую предлагает ИИ. Поскольку языковые модели – это инструмент, способный как помочь, так и навредить, всем важно научиться пользоваться этим инструментом. Этические нормы и методологические подходы для интеграции ИИ в гуманитарные исследования ещё тоже предстоит создать.

Вероятно ИИ – то самое звено между техническими и гуманитарными науками. И только при условии комплексного и сбалансированного подхода можно обеспечить эффективное и ответственное использование технологий машинного обучения в гуманитарных науках, и использование гуманитарного знания для улучшения языковых моделей.

Литература

1. Ahmad S. F., Han H., Alam M.M. et al. Impact of artificial intelligence on human loss in decision making, laziness and safety in education // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. № 311. – URL: <https://clck.ru/3GV2Z5>.
2. Buick A. Copyright and AI training data-transparency to the rescue? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. № 3. P. 182–192.
3. Cimene F. T., Mamburao M.L., Plaza Q. Generation Alpha Students' Behavior as Digital Natives and Their Learning Engagement // Psychology and Education. – URL: <https://clck.ru/3LsmWx>.
4. de Laat P.B. Algorithmic Decision-Making Based on Machine Learning from Big Data: Can Transparency Restore Accountability? // Philosophy & Technology. 2018. Vol. 31. P. 525–541.
5. Gerlich M. Perceptions and Acceptance of Artificial Intelligence: A Multi-Dimensional Study // Social Sciences. 2023. Vol. 12. № 9. Article 502. – URL: <https://clck.ru/3LsnKn>.
6. Henkel O., Horne-Robinson H., Kozhakhmetova N., Lee A. Effective and Scalable Math Support: Evidence on the Impact of an AI-Tutor on Math Achievement in Ghana // Human-Computer Interaction. 2024. – URL: <https://clck.ru/3Lsmn6>.
7. Hollanek T. AI transparency: a matter of reconciling design with critique // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 38. P. 2071–2079.
8. Li Z. AI Ethics and Transparency in Operations Management: How Governance Mechanisms Can Reduce Data Bias and Privacy Risks // Journal of Applied Economics and Policy Studies. 2024. Vol. 13. P. 89–93.
9. McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. 1955. – URL: <https://clck.ru/3Lsm8V>.
10. Schultz I. AI-Generated Junk Science Is a Big Problem on Google Scholar, Research Suggests // Gizmodo. – URL: <https://clck.ru/3HLVuk>.
11. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // Computation and Language; Machine Learning. 2017. – URL: <https://clck.ru/3LskzW>.
12. Weisberger M. Meet ‘Norman,’ the Darkest, Most Disturbed AI the World Has Ever Seen. – URL: <https://clck.ru/3LsnBE>.
13. Абрукова Е.Р. Применение искусственного интеллекта в реставрации объектов культурного наследия: российский и международный опыт // Culture and Civilization. 2023. Т. 13. № 12А. С. 166–173.
14. Аманғазықызы Мәлдір. Будущее литературоведения: возможности искусственного интеллекта в анализе текстов // Foundations and Trends in Modern Learning. 2024. № 7. С. 286–292.
15. Виноградов С. «Мы на пороге сенсационных открытий»: искусственный интеллект возвращает утраченные шедевры // Русский мир. – URL: <https://clck.ru/3LsEoH>.
16. Дзялошинский И.М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 6. С. 20–29.
17. Ильмиеев Р. И., Чупрова Т. Видеогames, история и историческая точность: между развлечением и образованием // Историческая информатика. 2024. № 3. С. 1–15.

18. Крылов И.В. Искусственный интеллект и проблема прозрачности автоматизированного принятия решений в сфере труда // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 3. С. 87–95.
19. Литвак Н. В., Помозова Н.Б. Искусственный интеллект в политике ЕС и КНР // Современная Европа. 2024. № 4. С. 30–44.
20. Лукичев П. М., Чекмарев О.П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 485–501.
21. Насташук Н.А. Методы искусственного интеллекта в развитии информационно-поисковых систем // Перспективы развития информационных технологий. 2011. С. 220–224.
22. Овчаренко А. Ю., Шапринская Е.А. Кибернетика в филологии. Простановка проблемы // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 879–888.
23. Орлова Т.С. Цифровизация высшей школы: этические проблемы дистанционного образования и использования генеративных моделей ИИ // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий. 2025. С. 364–368.
24. Писарь Н.В. Потенциал использования нейросетей как инновационного инструмента создания учебного контента и средства организации интерактивной образовательной среды на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. № 17. С. 58–65.
25. Прохоров Н.Н. Использование нейросетей на занятиях иностранного языка на примере чата GPT // Наука и образование в современном вузе: вектор развития. 2023. С. 165–167.
26. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. С. 57–73.
27. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 41–49.
28. Рублёва Е.В. Искусственный интеллект в практике преподавания РКИ // РКИ: лингвометодическая образовательная платформа. 2023. С. 188–190.
29. Фурс С.П. Искусственный интеллект в сфере образования – помощник педагога или «подрывная» технология? // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 1. С. 41.
30. Харламов И. Ю., Кузовлева М.А. Значение искусственного интеллекта в развитии гуманитарных наук // Базис. 2024. С. 20–24.
31. Ярославцева Е.И. Цифровая гуманистическая: междисциплинарность стратегий будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 2. С. 3–29.
32. Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому

подходу // Семиотические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 24–30.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HUMANITIES: PROSPECTS AND CHALLENGES

Ivanova E.R., Ilmiev R.I., Chuprova T.O.

Moscow City University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article analyzes the prospects and challenges of applying artificial intelligence (AI) in the humanities. The subject of the study is AI in the humanitarian sphere, while the object is the process of its integration into scholarly research and education. The authors examine the use of machine learning and big data analysis in the study of historical and cultural sources, the application of AI in linguistics and philology, as well as the impact of digital technologies on the methodology of the humanities. Special attention is given to ethical and philosophical challenges related to the interpretation of AI-generated results and to preserving the specificity of humanistic knowledge in the context of digitalization. The research methodology is interdisciplinary and includes the analysis of academic literature, comparison of approaches to AI implementation, and synthesis of experiences from digital projects. The authors conclude that AI simultaneously expands the analytical capabilities of humanities scholars and generates new methodological and interpretive issues that require critical reflection and adaptation of traditional practices.

Keywords: artificial intelligence, humanities, ethics, digitalization, digital history, historical informatics.

Reference

1. Ahmad S. F., Han H., Alam M.M. et al. Impact of artificial intelligence on human loss in decision making, laziness and safety in education // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. № 311. – URL: <https://clck.ru/3GV2Z5>.
2. Buick A. Copyright and AI training data-transparency to the rescue? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. № 3. P. 182–192.
3. Cimene F. T., Mamburao M.L., Plaza Q. Generation Alpha Students' Behavior as Digital Natives and Their Learning Engagement // Psychology and Education. – URL: <https://clck.ru/3LsmWx>.
4. de Laat P.B. Algorithmic Decision-Making Based on Machine Learning from Big Data: Can Transparency Restore Accountability? // Philosophy & Technology. 2018. Vol. 31. P. 525–541.
5. Gerlich M. Perceptions and Acceptance of Artificial Intelligence: A Multi-Dimensional Study // Social Sciences. 2023. Vol. 12. № 9. Article 502. – URL: <https://clck.ru/3LsnKn>.
6. Henkel O., Horne-Robinson H., Kozhakhmetova N., Lee A. Effective and Scalable Math Support: Evidence on the Impact of an AI-Tutor on Math Achievement in Ghana // Human-Computer Interaction. 2024. – URL: <https://clck.ru/3Lsmn6>.
7. Hollanek T. AI transparency: a matter of reconciling design with critique // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 38. P. 2071–2079.
8. Li Z. AI Ethics and Transparency in Operations Management: How Governance Mechanisms Can Reduce Data Bias and Privacy Risks // Journal of Applied Economics and Policy Studies. 2024. Vol. 13. P. 89–93.
9. McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. 1955. – URL: <https://clck.ru/3Lsm8V>.
10. Schultz I. AI-Generated Junk Science Is a Big Problem on Google Scholar, Research Suggests // Gizmodo. – URL: <https://clck.ru/3HLVuk>.
11. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // Computation and Language; Machine Learning. 2017. – URL: <https://clck.ru/3LskzW>.
12. Weisberger M. Meet 'Norman,' the Darkest, Most Disturbed AI the World Has Ever Seen. – URL: <https://clck.ru/3LsnBE>.
13. Abrukova E.R. The use of artificial intelligence in the restoration of cultural heritage sites: Russian and international experience //

- Culture and Civilization. 2023. Vol. 13. № 12A. pp. 166–173. (In Russian)
14. Amangazykyzy Mondir. The future of literary studies: the possibilities of artificial intelligence in text analysis // Foundations and Trends in Modern Learning. 2024. № 7. pp. 286–292. (In Russian)
 15. Vinogradov S. «We are on the verge of sensational discoveries»: artificial intelligence returns lost masterpieces // Russian World. – URL: <https://clck.ru/3LsEoH>. (In Russian)
 16. Dzialoshinsky I.M. Artificial intelligence: a humanitarian perspective // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2022. Vol. 21. № 6. pp. 20–29. (In Russian)
 17. Ilmiev R. I., Chuprova T. Video games, history and historical accuracy: between entertainment and education // Historical computer science. 2024. № 3. pp. 1–15. (In Russian)
 18. Krylov I.V. Artificial intelligence and the problem of transparency of automated decision-making in the field of labor // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2023. № 3. pp. 87–95. (In Russian)
 19. Litvak N. V., Pomozova N.B. Artificial intelligence in the politics of the EU and China // Modern Europe. 2024. № 4. pp. 30–44. (In Russian)
 20. Lukichev P.M., Chekmarev O.P. Application of artificial intelligence in the higher education system // Issues of innovative economics. 2023. Vol. 13. № 1. pp. 485–501. (In Russian)
 21. Nastashchuk N.A. Methods of artificial intelligence in the development of information search systems // Prospects for the development of information technology. 2011. pp. 220–224. (In Russian)
 22. Ovcharenko A. Yu., Shaprinskaya E.A. Cybernetics in philology. Setting the problem // Neophilology. 2024. Vol. 10. № 4. pp. 879–888. (In Russian)
 23. Orlova T.S. Digitalization of higher education: ethical problems of distance education and the use of generative AI models // Effective response to modern challenges, taking into account the interaction of man and nature, man and technology. 2025. pp. 364–368. (In Russian)
 24. Pisar N.V. The potential of using neural networks as an innovative tool for creating educational content and a means of organizing an interactive educational environment in classes on Russian as a foreign language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2024. Vol. 17. Issue 1. № 17. pp. 58–65. (In Russian)
 25. Prokhorov N.N. The use of neural networks in foreign language classes using the example of GPT chat // Science and education in a modern university: a vector of development. 2023. pp. 165–167. (In Russian)
 26. Razin A.V. Ethics of artificial intelligence // Philosophy and society. 2019. pp. 57–73. (In Russian)
 27. Rakitov A.I. Higher education and artificial intelligence: euphoria and alarmism // Higher education in Russia. 2018. № 6. pp. 41–49. (In Russian)
 28. Rubleva E.V. Artificial intelligence in the practice of teaching RCT // RCT: linguistic methodological educational platform. 2023. pp. 188–190. (In Russian)
 29. Furs S.P. Artificial intelligence in the field of education – teacher's assistant or «disruptive» technology? // Teacher of the XXI century. 2023. № 1. Part 1. pp. 41. (In Russian)
 30. Kharlamov I. Yu., Kuzovleva M.A. The importance of artificial intelligence in the development of the humanities // Basis. 2024. pp. 20–24. (In Russian)
 31. Yaroslavtseva E.I. Digital humanities: interdisciplinarity of future strategies // Horizons of humanitarian knowledge. 2020. № 2. pp. 3–29. (In Russian)
 32. Yastreb N.A. Concepts of ethics of artificial intelligence: from principles to a critical approach // Semiotic research. 2024. Vol. 4. № 1. pp. 24–30. (In Russian)

Кочевники в цифровую эпоху: адаптация, неравенство и изменения повседневности в монгольских степях

Цыденов Александр Баторович,

стажер-исследователь, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

E-mail: tsydenovab@bsu.ru

Статья посвящена анализу того, как интернет и мобильная связь встраиваются в повседневную жизнь монгольских кочевников, трансформируя их образовательные, экономические и семейные практики. На основе статистических данных, международных отчётов и современных исследований по цифровому неравенству и пасторализму рассматриваются инфраструктурные ограничения (пространственная разреженность, энергозависимость, климатические риски), а также социальные различия по месту жительства, полу и возрасту. Показано, что при общем высоком уровне проникновения сети доступ к ней в кочевых районах носит прерывистый и сезонный характер, а ключевым интерфейсом цифровой включённости выступает мобильный телефон. Особое внимание уделяется «образовательным кочевникам» – детям из семей пастухов, для которых мобильный интернет одновременно служит ресурсом учёбы и поддержания родственных связей. Отдельный блок посвящён экономическим практикам: использованию мобильной связи и социальных медиа для выхода на рынки, развитию женского цифрового предпринимательства и формированию новых каналов сбыта продукции, а также сравнительному кейсу Внутренней Монголии. В заключение статья предлагает рассматривать интернет в кочевой Монголии как «интернет по возможности» и одновременно как поле, где определяются отношения власти, знания и культурной идентичности в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: Монголия, кочевые сообщества, интернет, мобильная связь, цифровое неравенство, цифровая трансформация

По состоянию на 1 января 2025 г. интернетом в Монголии пользовались 2,9 млн жителей (83% населения) [Kemp, 2025]. Однако очень значимой для Монголии является цифровое неравенство ее жителей, так в Улан-Баторе интернетом пользуются 92,4% жителей, в центрах аймаков – 83,1%, центрах сумонов – 82,5%, в сельской местности, лишь – 66,8%. [Erdene, 2023, р.10]

По приведённым показателям видно, что при общем высоком уровне проникновения интернета существует существенный разрыв в пользу городов. Все это результат нескольких устойчивых факторов, которые именно в сельских районах Монголии проявляются сильнее. Впервые, сама пространственная организация страны: самая низкая плотность населения в мире (2,3 человека на км²) [Эрүүл мэндийн үзүүлэлт 2024, с. 24] приводит к тому, что телекоммуникационным компаниям невыгодно разворачивание и обслуживания сетей в малонаселённых местностях. Даже при наличии спроса низкая концентрация абонентов растягивает сроки окупаемости и сдерживает качество/масштаб инфраструктуры.

Во-вторых, инфраструктурные факторы устойчивости. Хотя доступ к электроэнергии близок к универсальному (оценка 100% населения с доступом в 2023 г.), надёжность энергоснабжения вне крупных узлов оставляет желать лучшего: в сельских районах перебои питания – частое явление, что напрямую бывает по работе базовых станций, роутеров и точек доступа в социальных объектах (школы, ФАПы). Этую уязвимость усугубляют экстремальные природные явления-дзуды, которые делают труднее и логистику, и обслуживание объектов связи. Также на качество связи влияет и сезонная мобильность – в том числе практика отор, то есть временного выхода за пределы закреплённых участков пастбищ, – остаётся ключевым механизмом выживания в условиях высоко вариабельной климатической среды [Xie, Li, 2008, с. 35–36]. Это означает, что любая инфраструктура связи должна «догонять» постоянно перемещающиеся хозяйства.

Эмпирическое исследование цифрового разрыва у кочевой молодёжи фиксирует ещё более тонкую картину: лучше всего обеспечены летние пастбища, тогда как маршруты весенней миграции и зимние стоянки характеризуются минимальным уровнем доступа. Так лишь около 35% кочевых семей имеют стабильный сигнал на всём

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24–28–01333, <https://rsrf.ru/project/24–28–01333>.

маршруте сезонных переходов, а в зимовках эта доля падает до 15%. Проблемы связи усиливаются энергетическими ограничениями: многие семьи зависят от небольших солнечных панелей и аккумуляторов в машинах; в сильные морозы и при пасмурной погоде зарядка телефонов затруднена. Высокая относительная стоимость мобильного интернета приводит к «рационированию» трафика: доступ часто резервируется для коротких учебных сессий и жизненно важной коммуникации [Dawson et al., 2023, pp. 64–65].

Таким образом, интернет в кочевой Монголии – это прежде всего «интернет повозможности», тесно привязанный к инфраструктуре сомонных центров, сезонной маршрутизации стад и домашней энергетике. Что приводит к ситуации, когда ключевым инструментом интернет-коммуникации для кочевников становится мобильный телефон.

Многочисленные исследования демонстрируют, что для кочевников в целом мобильный телефон является «жизненно важной технологией», идеально совпадающей с логикой мобильного скотоводства: он портативен, не требует высокой грамотности и может работать по предоплаченным тарифам [Parlasca, 2021, c. 781–782]. Что полной мере относится и к монгольским кочевникам.

Как отмечает в своем исследовании Хан, в Монголии именно мобильный телефон стал универсальным интерфейсом доступа к государственным службам, рынкам и социальным сетям. Пастухи используют его для уточнения цен на мясо, шерсть и живой скот, для получения прогноза погоды, медицинских услуг [Hahn, 2021, c. 8–9], и даже романтического общения. Также мобильные сети являются инфраструктурой, посредством которой различные международные и национальные организации опираются на те же сети для рассылки информации и координации программ [Hahn, 2021, c. 23–25].

Для кочевой молодёжи мобильный телефон выступает одновременно и средством учёбы, и точкой входа в более широкий цифровой мир. Во многом именно мобильные, а не стационарные устройства делают возможным участие в гибких образовательных программах: онлайнконтент, тесты с последующей синхронизацией и периодическая загрузка обновлений позволяют продолжать обучение даже при редком и нестабильном доступе к сети. В ряде проектов цифровые навыки целенаправленно увязываются с уже знакомыми пасторальными практиками: молодёжь обучают цифровому маркетингу для продажи ремёсел через социальные сети, использованию GPS для выпаса и мобильному банкингу для операций с животноводческой продукцией; такие программы демонстрируют высокую вовлечённость именно потому, что цифровые компетенции встроены в привычную экономику кочевого хозяйства [Dawson et al., 2023, c. 66–68].

При этом, несмотря на высокий уровень проникновения мобильной связи в Монголии, включая сельские районы, кочевые домохозяйства продолжают сталкиваться с многомерным цифровым неравенством. На инфраструктурном уровне оно проявляется в нестабильном и сезонно вариативном качестве покрытия, на уровне практик – в различиях цифровых навыков и возможностей «значимого использования» сети в интересах самих пастухов [Tran, 2025, c. 41; Dawson et al., 2023, c. 63–65]. Исследователи показывают, что даже при формальном наличии доступа многие семьи сознательно ограничивают использование мобильного интернета изза стоимости трафика, резервируя его для коротких учебных сессий и базовой коммуникации, тогда как длительные онлайнуроки и видеоконференции остаются фактически недоступными [Dawson et al., 2023, c. 64–66]. Неравенство усиливается и на уровне образовательных учреждений: отчёт ЮНЕСКО фиксирует существенные различия в оснащённости школ техникой, наличии технической поддержки и уровне цифровых компетенций учителей, в результате чего шансы детей пастухов воспользоваться преимуществами интернетобразования зависят от конкретной школы и региона [Tran, 2025, c. 44–45].

Цифровой разрыв имеет выраженное гендерновозрастное измерение. Данные по пасторальным обществам, показывают, что мобильная связь перераспределяет доступ к информации и тем самым трансформирует структуру власти: для женщин и молодёжи телефоны открывают новые каналы коммуникации и ресурсы для оспаривания устоявшихся норм, но в других случаях становятся инструментом наблюдения и контроля со стороны мужчин [Parlasca, 2021, c. 791]. Монгольские исследования уточняют эту картину: девочки из кочевых семей реже обладают собственными устройствами и реже включены в программы цифровой грамотности, поскольку экономические ограничения и семейные ожидания приоритизируют доступ к технике для мальчиков; специализированные инициативы, ориентированные на девочек и молодых женщин, позволяют частично сократить этот разрыв, но не устраниют его полностью [Dawson et al., 2023, c. 69–70].

На этом фоне исследователи концептуализируют детей пастухов как «образовательных кочевников», чья одновременная вовлечённость в пастбищный труд, школьное обучение и цифровые практики делает их ключевыми медиаторами между деревней, школой и цифровой инфраструктурой [Tran, 2025, c. 6–7]. Мобильная интернетсвязь упрочивает, в том числе, межпоколенческие и межпространственные связи: дети кочевых скотоводов проводят учебный год в интернатах прирайцентровских школах, а каникулы – на пастбищах, и для них интернет через мобильный телефон выступает своеобразным «генерационным

маркером». С его помощью молодые люди поддерживают связи с семьями и сельскими друзьями, «зашивая» социальные разрывы, возникающие изза вынужденного разделтельного проживания [Tran, 2025, с. 141–143]. Такие школьники используют мобильный интернет и социальные сети, чтобы координировать поездки домой, обмениваться новостями о хозяйстве, делиться фотографиями деревни и города и обсуждать образовательные и жизненные планы; эти практики «цифровой мобильности» позволяют им одновременно оставаться частью кочевых общин и осваивать городскую культуру [Tran, 2025, с. 239–243].

Горизонтальные связи между молодой кочевой аудитории играют при этом ключевую роль в сглаживании цифрового неравенства. В рамках неформальных сетей молодые кочевники обучаются друг друга работе с устройствами, делятся приложениями, советами по обходу технических ограничений и совместно решают проблемы доступа; подобные практики зачастую оказываются более эффективными, чем формальные тренинги [Dawson et al., 2023, с. 66–68]. Tran показывает, что именно молодёжь из пастушеских семей становится основным агентом внедрения цифровых технологий в деревне: возвращаясь на канкулы, «образовательные кочевники» обучаются старших родственников использованию мессенджеров, социальных сетей и онлайнбанкинга, тем самым смещая баланс цифровой компетентности и символического статуса «знающих» в сторону молодёжи и вписывая в это цифровые практики – от просмотра телепередач до ведения аккаунтов. [Tran, 2025, с. 141–143].

Заметно также и существенное влияние новых технологий на экономическую жизнь кочевников. Мобильный интернет заметно меняет участие монгольских кочевников в рыночных обменах. Панельное исследование сельских домохозяйств показывает, что в условиях удалённости от базовой инфраструктуры – рынков, дорог, пунктов водоснабжения – пастухи традиционно были зависимы от посредников, скупавших животных и продукцию «у ворот» хозяйства; поездки на рынок сопровождались высокими транспортными расходами и неопределенностью сбыта. Развитие мобильных сетей, финансируемое, в частности, через государственный фонд универсальных услуг, привело к почти повсеместному распространению мобильных телефонов среди кочевых домохозяйств и статистически значимому росту их сельскохозяйственных доходов: наличие хотя бы одной дополнительной базовой станции в аймаке связано с увеличением как общего, так и аграрного дохода хозяйств [Fluhrrer, 2024, с. 57–60]. При этом сами авторы подчёркивают, что до середины 2010х годов смартфоны и мобильный интернет оставались редкостью, но к 2020/21 гг. доля домохозяйств, использующих телефон для выхода в сеть, заметно

выросла, что указывает на постепенный переход от «голосовой» к понастоящему цифровой связи [Fluhrrer S., 2024, с. 67–68].

Рост доходов от использования мобильной связи и интернета, подтверждается и массовым развитием автономной энергетической инфраструктуры: государственные и международные программы по обеспечению передвижных юрт солнечными панелями («100 000 солнечных юрт») позволили 60–70% монгольских пастухов регулярно заряжать телефоны и другие устройства, находясь в отрыве от централизованных сетей электроснабжения [Hahn A., 2021, с. 29–31]. Всё это привело к устойчивому использованию интернетплатформ, включая социальные сети, для распространения ценовой информации, координации сделок и поиска новых клиентов [Hahn A., 2021, с. 12–13].

Как отмечают исследователи, особенно преуспевают в подобном цифровом предпринимательстве женщины. Так в одном из исследований описывается, как в горном регионе Хангай, живущие на значительном удалении от дорог и поселений, выстраивают сети сбыта через социальные медиа: они проходят «firmенные» сыры и другие переработанные молочные продукты по всей стране, причём доходы от этих онлайнпродаж иногда составляют значительную часть бюджета семьи [FernándezGiménez et al., 2024, р. 7–9]. Таким образом, социальные сети выступают не просто каналом коммуникации, а инфраструктурой монетизации традиционных наработок переработки молока и расширения радиуса действия пасторальной экономики, не требующей отказа от мобильного образа жизни.

Однако значительно более выраженное влияние социальных медиа на жизнь кочевников наблюдается во Внутренней Монголии, где цифровые платформы превратились в ключевой механизм экономической и культурной активности. Здесь сформировалась устойчивая практика «живого стриминга», в рамках которой пастухи демонстрируют приготовление мясных и молочных продуктов или элементы кочевого быта, превращая трансляции в канал мгновенных онлайн-продаж. Как показывают исследования демонстрация установки юрты и приготовления молочных блюд увеличению продажи мяса. Существенную роль в продаже товаров играет и этнокультурное кодирование: использование вещественных образов монгольской культуры, таких как моринхур, а также демонстрирование иных аспектов монгольской социокультурной идентичности является ключевым мотивом покупки [Luan, 2025, с. 235–236]. Эти данные демонстрируют, что для местных кочевых сообществ цифровые медиа становятся пространством, где экономические практики тесно переплетены с презентацией культурного наследия.

Рассмотренные примеры показывают, что цифровые технологии вовлекают кочевников не только в новые форматы обмена и предприниматель-

ства, но и в более широкие процессы переопределения статуса, труда и культурной репрезентации. Интернет и мобильная связь оказываются не внешним по отношению к кочевой жизни фактором, а ресурсом, через который перестраивают ся отношения на всех уровнях социума.

В заключение можно сказать, что опыт монгольских кочевников демонстрирует: интернет и мобильная связь не «вытесняют» кочевой образ жизни, а становятся одним из ресурсов его адаптации к новым социальноэкономическим и климатическим условиям. Для этих сообществ цифровая трансформация не равна переходу к оседлости; напротив, именно мобильность – стад, жилищ, людей – определяет то, как, где и в каком режиме используется сеть. Интернет предстаёт здесь как «интернет по возможности», жёстко завязанный на сезонную маршрутизацию, локальную энергетику и инфраструктурную политику государства и операторов.

Показательно, что ключевым медиатором между кочевой жизнью и цифровым миром становится не абстрактная «сетевая среда», а конкретные устройства и практики: мобильный телефон, солнечная панель, онлайнприложение, семейный чат, стрим с пастбища. Они опосредуют доступ к рынкам, образованию, медицинским и государственным услугам, при этом одновременно расширяя и перераспределяя ресурсы власти и знания внутри самих общин. Молодёжь оказывается центральным актором этих процессов, «зашивая» разрывы между интернатом и юртой, городом и сельской местностью, тогда как женщины всё чаще превращают традиционные формы труда (переработка молока, ремесло) в цифровое предпринимательство.

Вместе с тем цифровая интеграция не отменяет устойчивых структурных асимметрий и порождает новые линии напряжения. Пространственные, сезонные, гендерные и возрастные различия в доступе к технике, навыкам и инфраструктуре трансформируются в формы «глубокого» и «широкого» цифрового разрыва, который кочевники вынуждены компенсировать собственными практиками взаимопомощи и горизонтального обучения. Это делает монгольский кейс особенно показателен для более широких дискуссий о «справедливой цифровизации»: он показывает, что разработка цифровой политики для кочевых регионов неизбежно должна учитывать не только параметры покрытия и скорости, но и социальную структуру пасторальных обществ, их мобильность, режим труда и заботы, а также собственные представления этих сообществ о «хорошей жизни» в цифровую эпоху.

Литература

1. Dawson C. Bridging the Digital Divide for Nomadic Youth // Global Society and Knowledge Review. – 2023. – Vol. 1, № 1. – P. 62–73.

2. Fluhrer S., Krahnert K. Mobile phone network expansion and agricultural income: A panel study // Agricultural Economics. – 2024. – Vol. 55, № 1. – P. 54–85. – DOI: 10.1111/agec.12803.
3. Parlasca M. C. A vital technology: Review of the literature on mobile phone use among pastoralists // Journal of International Development. – 2021. – Vol. 33, № 4. – P. 780–799. – DOI: 10.1002/jid.3540.
4. Xie Y., Li W. Why do herders insist on “otor”? Maintaining mobility in Inner Mongolia // Nomadic Peoples. – 2008. – Vol. 12, № 2. – P. 35–52.
5. Hahn A.H. MediaCulture in Nomadic Communities. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. – 224 p. – DOI: 10.5117/9789463723022.
6. Tran K.C. On Being Educational Nomads: Mongolian herders' children straddling ways of knowing and relating: PhD thesis. – The Hague: International Institute of Social Studies of Erasmus University Rotterdam, 2025. – 382 p.
7. Reid-Shaw I., Jargalsaikhan A., Reid R.S., Jamsranjav Ch., Fernández-Giménez M.E. Social-Ecological Change on the Mongolian Steppe: Herder Perceptions of Causes, Impacts, and Adaptive Strategies // Human Ecology. – 2021. – Vol. 49, № 5. – P. 631–648. – DOI: 10.1007/s10745-021-00256-7.
8. Fernández-Giménez M. E., Bayarbat T., Jamsranjav Ch., Ulambayar T. Motherhood, mothering and care among Mongolian herder women // Agriculture and Human Values. – 2025. – Vol. 42, № 1. – P. 139–157. – DOI: 10.1007/s10460-024-10587-y.
9. Xue C., Yong M., Du F., Feng Z., Han J., Lin H. Impact of digital technology on herders' grassland leasing-in decisions in Inner Mongolia, China // PLoS One. – 2025. – Vol. 20, № 9. – DOI: 10.1371/journal.pone.0331914.
10. Luan J. Social Media Advertising Effectiveness and Consumer Purchasing Behavior in Inner Mongolia // Highlights in Business, Economics and Management. – 2025. – Vol. 55. – P. 234–240.
11. Kemp S. Digital 2025: Mongolia // DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-mongolia> (дата обращения: ДД.ММ. ГГГГ).
12. Bunten E. Connecting All in a Landlocked Geography // ITU Regional Development Forum 2023 for Asia-Pacific (RDF-ASP). – 2023. – 12 p.
13. Эрүүл мэндийн үзүүлэлт 2024. – Улаанбаатар: Эрүүл мэндийн яам, 2024. – 322 с.

NOMADS IN THE DIGITAL AGE: ADAPTATION, INEQUALITY, AND TRANSFORMATIONS OF EVERYDAY LIFE ON THE MONGOLIAN STEPPE¹

Tsydenov A.B.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

¹ The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24–28–01333, <https://rscf.ru/project/24–28–01333/>.

The article examines how the internet and mobile communication systems are embedded in the everyday life of Mongolian nomads, reshaping their educational, economic, and familial practices. Drawing on statistical data, international reports, and contemporary research on digital inequality and pastoralism, the study analyses infrastructural constraints—including spatial sparsity, energy dependence, and climatic risks—as well as social disparities related to residence, gender, and age. The analysis demonstrates that, despite the overall high penetration of mobile networks, access to the internet in pastoral regions remains intermittent and seasonally variable, with the mobile phone functioning as the primary interface of digital inclusion. Particular attention is devoted to “educational nomads”—children from herding families for whom mobile internet serves simultaneously as a learning resource and a means of maintaining kinship ties. The article also considers economic practices such as the use of mobile communication and social media for market participation, the development of women’s digital entrepreneurship, and the emergence of new channels for distributing pastoral products, including a comparative case from Inner Mongolia. The conclusion argues that the internet in nomadic Mongolia should be understood both as an “internet of possibility,” constrained by mobility and environment, and as a field in which relations of power, knowledge, and cultural identity are reconfigured in the digital era.

Keywords: Mongolia, nomadic communities, internet, mobile communication, digital inequality, digital transformation

References

1. Dawson C. Bridging the Digital Divide for Nomadic Youth // Global Society and Knowledge Review. – 2023. – Vol. 1, No. 1. – P. 62–73.
2. Fluhrer S., Krahnert K. Mobile phone network expansion and agricultural income: A panel study // Agricultural Economics. – 2024. – Vol. 55, No. 1. – P. 54–85. – DOI: 10.1111/agec.12803.
3. Parlasca M. C. A vital technology: Review of the literature on mobile phone use among pastoralists // Journal of International Development. – 2021. – Vol. 33, No. 4. – P. 780–799. – DOI: 10.1002/jid.3540.
4. Xie Y., Li W. Why do herders insist on “otor”? Maintaining mobility in Inner Mongolia // Nomadic Peoples. – 2008. – Vol. 12, No. 2. – P. 35–52.
5. Hahn A.H. Media Culture in Nomadic Communities. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. – 224 p. – DOI: 10.5117/9789463723022.
6. Tran K.C. On Being Educational Nomads: Mongolian herders’ children straddling ways of knowing and relating: PhD thesis. – The Hague: International Institute of Social Studies of Erasmus University Rotterdam, 2025. – 382 p.
7. Reid-Shaw I., Jargalsaikhan A., Reid R.S., Jamsranjav Ch., Fernández-Giménez M.E. Social-Ecological Change on the Mongolian Steppe: Herder Perceptions of Causes, Impacts, and Adaptive Strategies // Human Ecology. – 2021. – Vol. 49, No. 5. – P. 631–648. – DOI: 10.1007/s10745-021-00256-7.
8. Fernández-Giménez M. E., Bayarbat T., Jamsranjav Ch., Uilambayar T. Motherhood, mothering and care among Mongolian herder women // Agriculture and Human Values. – 2025. – Vol. 42, No. 1. – P. 139–157. – DOI: 10.1007/s10460-024-10587-y.
9. Xue C., Yong M., Du F., Feng Z., Han J., Lin H. Impact of digital technology on herders’ grassland leasing-in decisions in Inner Mongolia, China // PLoS One. – 2025. – Vol. 20, No. 9. – DOI: 10.1371/journal.pone.0331914.
10. Luan J. Social Media Advertising Effectiveness and Consumer Purchasing Behavior in Inner Mongolia // Highlights in Business, Economics and Management. – 2025. – Vol. 55. – P. 234–240.
11. Kemp S. Digital 2025: Mongolia // DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-mongolia> (access date: DD.MM.YYYY).
12. Bunten E. Connecting All in a Landlocked Geography // ITU Regional Development Forum 2023 for Asia-Pacific (RDF-ASP). – 2023. – 12 p.m.
13. Erul Mendiin UzuUlelt 2024. – Ulaanbaatar: Erul Mendiin Yaam, 2024. – 322 p.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Трансформация религиозного сегмента цифрового медиадискурса в условиях глубокой медиатизации: от персонализированных новостных лент к вызовам генеративного искусственного интеллекта

Беломыцев Арсений Анатольевич,
кандидат философских наук, начальник отдела
профилактики экстремизма Управления мониторинга
состояния межнациональных и межконфессиональных
отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия
с религиозными объединениями Федерального агентства
по делам национальностей
E-mail: abelomyscev@mail.ru

Глубокая медиатизация трансформирует религиозный сегмент цифрового медиадискурса: от ранних форумов и сетевых дневников к социальным платформам с рекомендациями, а затем к экосистемам, где генеративный ИИ автоматизирует производство религиозно маркированных смыслов. Эта эволюция усиливает поляризацию, размыает границы между достоверным и синтетическим и повышает уязвимость религиозной тематики к манипуляциям и «мягкой» нормализации радикальных интерпретаций. Цель исследования – проследить, как менялись инфраструктуры циркуляции религиозных нарративов и уточнить методологию анализа религиозного сегмента радикализованного цифрового медиадискурса. В результате исследования уточнено, что в условиях генеративного ИИ угроза смещается от отдельных единиц контента к экосистемам производства и легитимации смыслов, включая религиозно маркированные нарративы, циркулирующие также за пределами коммуникации запрещенных организаций. Предложена аналитическая рамка, комбинирующая теорию медиатизации и дискурсанализ с опорой на «насыщенное описание», а также сформулированы соображения о разработке контекстных модулей как перспективном направлении профилактической деятельности.

Ключевые слова: глубокая медиатизация; радикализованный цифровой медиадискурс; генеративный искусственный интеллект; алгоритмическая персонализация.

Современные процессы поляризации общественных настроений, обусловленные распространением социально опасных идей, оказывают негативное воздействие на способность гражданского общества к консолидации и эффективному противодействию актуальным вызовам и угрозам.

Особое значение в данном контексте приобретает религиозный сегмент цифрового медиадискурса, который, будучи чувствительным для социума, нередко используется в качестве инструмента формирования и усиления мобилизационного потенциала отдельных социальных групп.

С социологической точки зрения радикализация в сетевом пространстве представляет собой социально обусловленный процесс, формируемый под воздействием групповой динамики и особенностей коммуникативной среды. Данная позиция основывается на том, что обращение к крайним идеологическим установкам, как правило, не происходит в изоляции – социальные сети и онлайн-форумы функционируют как пространства, где люди находят единомышленников, формируют группы и укрепляют свои убеждения [1; р. 2].

К.Р. Санстейн отмечает, что концепция «Daily Me» (персонализированной информационной ленты, содержание которой полностью адаптируется под предпочтения конкретного пользователя), предложенная Н. Негропонте в 1995 году, отражает направление эволюции медиапотребления в сторону индивидуализированного информационного пакета, конструируемого самим пользователем [2; р. 11]. Изначально модель предполагала возможность формировать контентную повестку в соответствии с личными интересами и идеологическими (в том числе, религиозными) убеждениями; однако позднее доминирующей силой в создании таких персонализированных сред стали корпоративные алгоритмы. Эти самообучающиеся системы, основанные на применении технологий искусственного интеллекта, не ограничиваются функцией отбора контента, но демонстрируют способность с высокой степенью точности прогнозировать предпочтения и эмоциональные реакции пользователей, тем самым перехватывая у человека агентность в формировании его собственного информационного мира [2; р. 12–13].

Э. Парисер, анализируя практики использования пользовательских данных для персонализа-

ции контента такими платформами, как Google, Facebook и Amazon, вводит концепцию «пузыря фильтров» (*The Filter Bubble*).

Согласно данной концепции, алгоритмически формируемые информационные среды обладают выраженным центробежным эффектом, способствуя фрагментации аудитории социальных медиа. «Информационный пузырь» избирательно окружает пользователей идеями и интерпретациями, с которыми они уже знакомы и которые подтверждают существующие установки, тем самым усиливая когнитивную замкнутость [3; р. 28]. В результате медиаэтика цифровых платформ начинает определять характер и границы потребляемой информации, формируя условия для «автопропаганды», при которой индивиды фактически подвергаются индоктринации собственными взглядами [3; р. 9].

Исследования платформы YouTube демонстрируют, каким образом пользовательские траектории медиапотребления могут смещаться от умеренного контента к более радикальным формам. В частности, каналы, относимые к «Intellectual Dark Web» (неформальному объединению лиц, выступающих против политкорректности, воспринимаемой в качестве продукта влияния представителей левого крыла политического спектра), могут служить «входными точками» к контенту «Alt-Lite», представители которого, как правило, дистанцируются от идей этнического национализма. Последующее продвижение алгоритмическими механизмами платформы может приводить пользователей к материалам, ассоциируемым с «Alt-Right». Несмотря на то, что доля подобных переходов в общей массе пользовательских взаимодействий остается сравнительно невысокой, в условиях масштабной аудитории платформы даже небольшие процентные значения трансформируются в значительные объемы вовлечения в экстремистский контент [4; р. 140].

Интерфейсные и алгоритмические особенности социальных медиа способствуют формированию специфических «информационных коконов», ограничивающих разнообразие потребляемых интерпретаций и точек зрения. Для концептуализации данного явления в научной литературе широко используется понятие «эхо-камер» (*echo chambers*), описывающее ситуацию, при которой пользователи в значительной степени изолируются от тем и мнений, не совпадающих с их собственными установками и предпочтениями. В результате информационное потребление приобретает замкнутый характер, а пользователи преимущественно сталкиваются с повторяющимся и усиливающимся «эхом» собственных позиций [2; р. 59].

Эмпирическое исследование Ж.Х. Тьен и его коллег сосредоточено на феномене «гомофилии медиапредпочтений» – тенденции пользователей социальных сетей, в частности Twitter, взаимодей-

ствовать (например, посредством ретвитов) преимущественно с теми аккаунтами, чьи медийные и идеологические ориентации близки их собственным. Парадоксальным образом расширение формального доступа к разнообразным источникам информации и увеличение возможностей индивидуального выбора не приводят к росту плурализма, но, напротив, способствуют сегрегации аудиторий [5; р. 299] и формированию своеобразной «идеологической глухоты».

Специфика социальных медиа создает благоприятные условия для адресной циркуляции идеологических нарративов, поскольку, как отмечает М. Приор, новые технологии упрощают для политических активистов как избирательное потребление идеологически гомогенного новостного контента, так и встраивание собственных позиций в общий информационный поток [6; р. 123].

Вместе с тем некоторые авторы оспаривают роль интернета как центрального фактора и среды радикализации. Существуют эмпирические данные, ставящие под сомнение гипотезу о том, что интернет является основным двигателем роста поляризации. Так, исследования показывают, что рост поляризации наиболее значителен в демографических группах, которые наименее склонны использовать интернет и социальные сети – например, среди людей старше 75 лет по сравнению с возрастной группой 18–39 лет [7; р. 3].

При этом среди исследователей сложился консенсус, что для анализа современного дискурса о религии в цифровом пространстве недостаточно традиционных социологических подходов [8]. По верному замечанию Е.А. Островской, тотальная медиатизация всех сфер современного общества ставит перед социологами задачу пересмотра устоявшихся теорий. В контексте социологии религии это означает необходимость ревизии парадигмы секуляризации. Институционально оформленвшееся медиаизмерение традиционных религий, опосредующее их выходы в публичные социальные пространства, плохо укладывается в жесткие рамки теорий секуляризации, которые трактуют любые инновации как обмирщение [9; с. 315–316].

Анализ медиадискурса о религии, находящегося под влиянием крайних идей, в контексте медиатизации реальности требует обращения к междисциплинарной перспективе. Исследователи подчеркивают необходимость рассматривать феномен радикальных религиозных установок в нескольких измерениях – теологическом, ритуальном, социальном и политическом, отмечая, что упрощенное использование терминологии не позволяет адекватно отразить всю сложность факторов, формирующих крайнюю религиозную идентичность [10; р. 1]. К этому соображению важно добавить потребность в учете иных факторов – прежде всего, касающихся этнической идентичности, а также

сложных процессов актуализации исторической памяти.

Для более четкой локализации проблематики радикализации религиозного сегмента цифрового медиадискурса целесообразно обратиться к более широкому контексту теории медиатизации реальности.

А. Янссон указывает, что Э. Манхайм стал первым социологом, который использовал термин «медиатизация» (*«Mediatisierung»*) в современном «медиаисследовательском» смысле [11; р. 279] (ранее данный термин применялся в контексте утраты сословиями, ранее находившимися в непосредственном подчинении императору, своей независимости и перехода под суверенитет более крупных территориальных государств [12]). В своей работе 1933 года Э. Манхайм писал о «медиатизации прямых человеческих отношений», описывая трансформацию социальных отношений под влиянием массмедиа в условиях модерна.

В дальнейшем концепция медиатизации развивалась на основе теоретических идей Г.А. Инниса и М. Маклюэна, сформулированных в 1950–1960-е годы, в которых подчеркивалась определяющая роль медиакоммуникаций в формировании современного общества [13; с. 194]. В 1979 году Д. Алтейде и Р. Сноу предложили концепцию медиа логики (*media logic*) [14]. В 1990-х годах Дж.Б. Томпсон впервые использовал в англоязычной литературе термин «медиазация» (*«mediazation»*, позднее «медиатизация» (*mediatization*)) для описания процессов развития медиа, берущих начало в XV веке с изобретением книгопечатания и продолжающихся до настоящего времени [15; р. 46]. Автор подчеркивает роль медиа как института, не только транслирующего информацию, но и формирующего культурные и социальные ценности.

В последующее десятилетие развиваются самостоятельные подходы к данному явлению. Датский исследователь С. Хъярвард определяет медиатизацию как процесс, посредством которого общество все в большей степени представлено медиа или становится зависимым от медиа и их логики [16; р. 113]. Этот подход рассматривает медиатизацию как долгосрочный структурный процесс изменения взаимоотношений между медиа, культурой и обществом.

В свою очередь, Н. Коулдри с критических позиций оценивает концепцию медиатизации в изложении С. Хъярварда за ее склонность искать линейную трансформацию от «домедийного» к «медиатизированному» социальному состоянию [17; р. 376]. Предпочтительнее, на его взгляд, обратиться к теории медиации (посредничества) (*mediation*). Н. Коулдри связывает эту концепцию с более широким, но неравномерным и диалектическим процессом циркуляции символов в социальной жизни [17; р. 381]. В отличие от линейной логики медиатизации, медиация предлагает большую гибкость

для осмыслиения открытых и диалектических социальных преобразований. При этом исследователь не берется утверждать, что «медиация» всегда является более полезным термином, чем «медиатизация», подчеркивая, однако, что понятие «посредничество» обладает многозначностью, которая полезно дополняет описания «медиатизации» социального.

Критическому пересмотру подвергается и характерный для классической теории медиатизации фокус на масс-медиа как обособленных институтах. Исследователи указывают, что цифровизация формирует качественно иную реальность, что, в свою очередь, обусловило переход к концепции «глубокой медиатизации» (*deep mediatization*)».

А. Хепп рассматривает глубокую медиатизацию как продвинутую стадию процесса, при которой все элементы социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и их базовыми инфраструктурами [18; р. 5]. Таким образом, если у С. Хъярварда медиа – это влиятельный институт (как церковь или школа), то при «глубокой медиатизации» медиа становятся средой обитания.

Большинство исследований медиатизации сосредоточены на уточнении соответствующего понятия и формировании медиаобраза социальных институтов [19; с. 84]. Необходимость выработки новых концептуальных решений и проведения эмпирических исследований в контексте проблематики медиатизации религии подчеркивает В.Д. Коваленко [20; с. 79].

К.А. Дивеева и О.В. Васильева подчеркивают роль социальных медиа в жизни мусульман, а также риски радикализации в онлайн-пространстве [21; с. 253]. Православные медиа также влияют на светскую медиасреду [20; с. 92]. Собеседник Е.А. Островской (православный священник) отметил, что виртуальное пространство следует рассматривать как реальность повседневной жизни, «область духовной браны и стяжания добродетели», а не как нечто неподлинное [22; с. 57].

Вместе с тем активное освоение религиозными акторами цифровой среды способствует распространению крайних точек зрения. Так, на радикализующую природу сети Интернет, обеспечивающей возможность свободно артикулировать свою позицию, указывает А.Д. Тихонова» [23; с. 59].

В условиях глубокой медиатизации особую остроту приобретает вопрос конструирования идентичности. Религиозная идентичность, погруженная в цифровую среду, сталкивается с противоречием, точно подмеченным Н.А. Бердяевым: «Легко быть терпимым ко всякой вере тому, кто ни во что не верит, кто равнодушен к истине. Но как соединить горячую веру и преданность единой Истине с терпимым отношением к ложной вере и к отрицанию Истины? Не есть ли веротерпимость всегда признак индифферентизма?» [24; с. 107]. Эта дилемма «горячей веры» и толерант-

ности в цифровой среде часто эксплуатируется для усиления непримиримых позиций.

Кроме того, медиатизация усиливает феномен так называемого «местечкового патриотизма» или «патриотизма колокольни» [25], а также национализма, который, по определению Р. Брубейкера, является не застывшей сущностью, а гибким политическим языком [26; с. 120]. В цифровом пространстве эти формы идентичности становятся пластичным материалом для манипуляций, создавая почву для поляризации дискурса еще до момента прямого призыва к конфронтации.

Эволюция цифровых угроз неразрывно связана с этапами развития цифровых медиа и фактически совпадает с появлением Web 2.0 и началом массового использования сети Интернет в этот период. В 2000-х гг. был осуществлен переход от статичных веб-сайтов к динамичным интерактивным платформам: «если в эпоху Web 1.0 контент создавался и контролировался разработчиками сайтов, то в эпоху Web 2.0 его создают сами пользователи» [27; р. 549–550].

В этот период появляются социальные сети (Facebook, MySpace, LinkedIn – 2003–2004 г.), видеосторнги (YouTube – 2005 г.), Википедия (2001) и другие платформы пользовательского контента. Утверждение о начале эпохи Web 2.0 в первом десятилетии нового тысячелетия является одним из loci communis, обусловленным широкой тиражируемостью «общепринятой» периодизации развития Интернета (приводится, например, у Дж. Нотона [28; р. 16]). Вместе с тем стоит сделать уточнение – А. Каплан и М. Хенлейн обращают внимание на создание Usenet (первой глобальной сети для общения и публикации файлов) к 1979 г. и на появление Open Diary (ранней социальной сети для ведения онлайн-дневников¹) спустя 20 лет [29; р. 60] – т.е. Web 2.0 как концепция и термин появился в начале 2000-х годов, а характерные для него технологии и платформы начали развиваться ранее.

По наблюдениям исследователей, до 2012 г. преобладающим методом онлайн-взаимодействия для джихадистов был формат доски сообщений (*message board format*) [30; р. 19]; усиление использования социальных сетей экстремистскими группами происходит с 2013 года [31; р. 17]. Twitter, а затем Telegram быстро становятся основными платформами для автоматизированного распространения радикального контента [32; р. 13].

В 2020 году организация «Хаят Тахрир аш-Шам», ранее отделившаяся от «Джебхат ан-Нусра»², призвала своих участников и союзные во-

¹ Примечание. В исходном тексте статьи А. Каплана и М. Хенлейна допущена хронологическая неточность: Usenet был создан в 1979 году, тогда как сайт Open Diary основан в 1998 году, то есть почти на 20 лет позднее, а не ранее.

² Обе организации входят в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими

оруженные группировки в Сирии отказаться от использования таких платформ, как Telegram, Facebook Messenger и Viber, и перейти на приложения Conversations, Riot, Signal и Wire, использующие технологии сквозного шифрования (end-to-end encryption, E2EE), с целью минимизации возможности обнаружения со стороны спецслужб [33; р. 18].

Качественный сдвиг в использовании цифрового медиапространства связан с развитием технологий генеративного искусственного интеллекта. В отличие от классических систем ИИ, предназначенных для классификации данных, новые модели способны генерировать контент, который при должной подготовке оператора трудно отличить от созданного человеком. Это знаменует переход от эпохи Web 2.0, где контент создавался преимущественно людьми, к новой фазе, где производство смыслов, текстов и визуальных образов может быть полностью автоматизировано.

Деструктивные группы быстро осваивают новые технологии. Так, в 2023 году ИГИЛ опубликовало руководство по использованию инструментов генеративного ИИ [34], а с апреля по сентябрь 2025 года медиаподразделение организации выпустило серию материалов, свидетельствующих об интеграции ИИ в долгосрочную медийную инфраструктуру [35]. В частности, в публикации от 15 апреля 2025 года содержалась категоризация ИИ-технологий по оперативным нуждам, включая обработку естественного языка (в части генерации текста, симуляции разговоров и анализа настроений), а также машинное обучение для использования в прогностическом моделировании и персонализированной доставке контента.

Данный феномен представляет собой новый вызов для систем информационной безопасности. Проблема смещается от борьбы с отдельными единицами контента к противостоянию автоматизированным экосистемам, что требует принципиально новых подходов к профилактике и реагированию.

Долгое время основной стратегией в цифровой среде считалось создание «контрнарративов». Э. Гилен обсуждает эти стратегии как способ борьбы с деструктивной пропагандой в сети, однако отмечает, что существует мало убедительных доказательств того, что такие нарративы действительно предотвращают вовлечение людей в опасные группы [36; р. 14]. В эпоху ИИ эта проблема усугубляется: «ручное» создание позитивного контента не может конкурировать по скорости и объему с автоматизированной генерацией дезинформации.

Одной из ключевых практических проблем является необходимость обеспечения модели ИИ революционным контекстом – в противном случае информация, «подтянутая» ИИ из интернета стандартным поиском, окажется усредненной и не будет оказывать должного воздействия на целевую

аудиторию. Чтобы охватить проблемные вопросы, требуется то, что в антропологии обеспечивает метод насыщенного описания – многослойные, детально проработанные контекстные модули.

Кроме того, процесс активного внедрения инструментов ИИ в деятельность экстремистских организаций и групп требует корректировки исследовательской оптики. Если существующие исследования онлайн-радикализации тяготеют к социально-психологической парадигме, то перспективные исследования радикализации дискурса в цифровом медиапространстве целесообразно развивать в связке с теорией медиатизации реальности, инструментарием дискурс-анализа и качественными исследованиями цифровых медиа в гуманитарной перспективе – прежде всего в рамках религиоведения, междисциплинарная природа которого позволяет обеспечить необходимую многомерность анализа.

Таким образом, трансформация цифрового медиадискурса прошла путь от локальных форумов до глобальных алгоритмических систем. Если на этапе Web 2.0 ключевым механизмом поляризации выступали «пузыри фильтров» и «эхо-камеры», изолирующие пользователя в комфортном информационном пространстве, то развитие генеративного ИИ создает принципиально новую угрозу автоматизированного конструирования медиареальности.

В этих условиях требуется переход от реактивных мер к проактивному формированию устойчивых смысловых рамок и интерпретационных ориентиров. Работа с религиозным сегментом цифрового медиадискурса в эпоху глубокой медиатизации требует контекстуальной насыщенности, поскольку именно многослойность и подлинность презентации человеческого опыта выступают важнейшим ресурсом устойчивости к синтетическим подменам.

Литература

- Lee, B., & Knott, K. (2021). Fascist Aspirants: Fascist Forge and Ideological Learning in the Extreme-Right Online Milieu. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*.
- Sunstein, C. R. (2018). #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton University Press.
- Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. Penguin Press.
- Ribeiro, M. H., Ottoni, R., West, R., Almeida, V. A. F., & Meira, W. (2020). Auditing Radicalization Pathways on YouTube. In Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. Association for Computing Machinery, 131–141.
- Flaxman, S., Goel, S., & Rao, J. (2016). Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly*, 80(Special Issue), 298–320.
- Prior, M. (2013). Media and Political Polarization. *Annual Review of Political Science*, 16, 101–127.
- Boxell, L., Gentzkow, M., & Shapiro, J. M. (2017). Is the Internet Causing Political Polarization? Evidence from Demographics (March 2017). NBER Working Paper No. w23258.
- Lövheim, M. (2011). Mediatisation of Religion: A Critical Appraisal. *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*, 12(02), 153–166.
- Островская, Е. А. (2019). Медиатизация православия – это возможно? Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, № 5, С. 300–319.
- Wibisono, S., Louis, W. R., & Jetten, J. (2019). A Multidimensional Analysis of Religious Extremism. *Frontiers in Psychology*, 10.
- Jansson, A. (2013). Mediatization and Social Space: Reconstructing Mediatization for the Transmedia Age. *Communication Theory*, 23(3), 279–296.
- Whaley, J. (2011). Germany and the Holy Roman Empire: Volume II: The Peace of Westphalia to the Dissolution of the Reich, 1648–1806 (P. 549–551).
- Гуреева, А. Н. (2016). Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, № 6, С. 192–208.
- Altheide, D. L., & Snow, R. P. (1979). *Media Logic*. Sage. 256 p.
- Thompson, J. B. (1995). *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Polity Press. 314 p.
- Hjarvard, S. (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 29(2), 105–134.
- Couldry, N. (2008). Mediatization or Mediation? Alternative Understandings of the Emergent Space of Digital Storytelling. *New Media & Society*, 10(3), 373–391.
- Hepp, A. (2020). *Deep Mediatization*. Routledge. 260 p.
- Губанова, М. И. (2021). Медиатизация реальности: теоретический аспект. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, Т. 2, № 2(35), С. 84–91.
- Коваленко, В. Д. (2023). Медиатизация православия как исследовательское поле. Концепт: философия, религия, культура, 7(4), 76–97.
- Дивеева, К. А., & Васильева, О. В. (2021). Факторы радикализации представителей мусульманского сообщества России в социальных сетях. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, № 2, С. 250–254.
- Островская, Е. А. (2021). Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры. Концепт: философия, религия, культура, Т. 5, № 1, С. 44–59.

23. Тихонова, А. Д. (2018). Социальные медиа и молодежь: риск радикализации. Психология и право, 8(4), С. 55–64.
24. Бердяев, Н. А. (1994). Философия свободного духа. Республика. 480 с.
25. Шалаева, С. А., & Шалаева, Е. В. (2016). Кампаниализм или местечковость? Колокола и колокольчики: альманах, С. 221–226.
26. Брубейкер, Р. (2010). Именем нации: размышления о национализме и патриотизме. В кн.: Мифы и заблуждения в изучении империй и национализма. Новое издательство. 426 с.
27. Corrocher, N. (2011). The Adoption of Web 2.0 Services: An Empirical Investigation. Technological Forecasting and Social Change, 78(4), 547–558.
28. Naughton, J. (2016). The Evolution of the Internet: From Military Experiment to General Purpose Technology. Journal of Cyber Policy, 1(1), P. 5–28.
29. Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010). Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media. Business Horizons, 53, 59–68.
30. Berger, J. M., & Perez, H. (2016). The Islamic State's Diminishing Returns on Twitter: How Suspensions Are Limiting the Social Networks of English-Speaking ISIS Supporters. George Washington University Program on Extremism.
31. Berger, J. M., & Morgan, J. (2015). The ISIS Twitter Census: Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter. The Brookings Institution's Project on U.S. Relations with the Islamic World. 65 p.
32. C., Yoni. (2025). Radicalisation and Artificial Intelligence: Toward Algorithmic Cyber-Radicalisation.
33. United Nations Counter-Terrorism Centre (UNCCT), & United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). (2021). Algorithms and Terrorism: The Malicious Use of Artificial Intelligence for Terrorist Purposes. 57 p.
34. Minniti, F. (2025). Automated Recruitment: Artificial Intelligence, ISKP, and Extremist Radicalisation. Global Network on Extremism and Technology (GNET).
35. Marzuk, A., & Green, R. (2025). How ISIS Is Adopting AI Vol. 2: Inside QEF's Media Strategy. ActiveFence.
36. Gielen, A.-J. (2017). Countering Violent Extremism: A Realist Review for Assessing What Works, for Whom, in What Circumstances, and How? Terrorism and Political Violence. 19 p.

TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS SEGMENT OF DIGITAL MEDIA DISCOURSE UNDER DEEP MEDIATIZATION: FROM PERSONALIZED NEWS FEEDS TO THE CHALLENGES OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Belomytsev A.A.

Directorate for Monitoring Interethnic and Interfaith Relations, Prevention of Extremism, and Cooperation with Religious Organizations of the Federal Agency for Ethnic Affairs

Deep mediatization is transforming the religious segment of digital media discourse—from early forums and online diaries to social platforms driven by recommender systems, and further to ecosystems in which generative AI automates the production of religiously marked meanings. This evolution intensifies polarization, blurs the boundary between reliable and synthetic content, and increases the vulnerability of religious topics to manipulation and the “soft” normalization of radical interpretations. The aim of the study is to trace how the infrastructures for the circulation of religious narratives have changed and to уточнить the methodology for analyzing the religious segment of radicalized digital media discourse. The study shows that, in the context of generative AI, the threat shifts from individual pieces of content to reproducible ecosystems of meaning production and legitimization, including religiously marked narratives that circulate beyond the communications of banned organizations. The paper proposes an analytical framework that combines mediatization theory and discourse analysis grounded in “thick description” and outlines the development of contextual modules as a promising direction for preventive efforts.

Keywords: deep mediatization; radicalized digital media discourse; generative artificial intelligence; algorithmic personalization.

References

1. Lee, B., & Knott, K. (2021). Fascist Graduates: Fascist Forge and Ideological Learning in the Extreme-Right Online Milieu. Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression.
2. Sunstein, C. R. (2018). #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton University Press.
3. Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. Penguin Press.
4. Ribeiro, M. H., Ottoni, R., West, R., Almeida, V. A. F., & Meira, W. (2020). Auditing Radicalization Pathways on YouTube. In Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. Association for Computing Machinery, 131–141.
5. Flaxman, S., Goel, S., & Rao, J. (2016). Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. Public Opinion Quarterly, 80(Special Issue), 298–320.
6. Prior, M. (2013). Media and Political Polarization. Annual Review of Political Science, 16, 101–127.
7. Boxell, L., Gentzkow, M., & Shapiro, J. M. (2017). Is the Internet Causing Political Polarization? Evidence from Demographics (March 2017). NBER Working Paper No. w23258.
8. Lövheim, M. (2011). Mediatization of Religion: A Critical Appraisal. Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal, 12(02), 153–166.
9. Ostrovskaya, E. A. (2019). Is the Mediatization of Orthodoxy Possible? Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes, No. 5, Pp. 300–319.
10. Wibisono, S., Louis, W. R., & Jetten, J. (2019). A Multidimensional Analysis of Religious Extremism. Frontiers in Psychology, 10.
11. Jansson, A. (2013). Mediatization and Social Space: Reconstructing Mediatization for the Transmedia Age. Communication Theory, 23(3), 279–296.
12. Whaley, J. (2011). Germany and the Holy Roman Empire: Volume II: The Peace of Westphalia to the Dissolution of the Reich, 1648–1806 (Pp. 549–551).
13. Gureeva, A. N. (2016). Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism, No. 6, Pp. 192–208.
14. Altheide, D. L., & Snow, R. P. (1979). Media Logic. Sage. 256 p.
15. Thompson, J. B. (1995). The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Polity Press. 314 p.
16. Hjarvard, S. (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. Nordicom Review, 29(2), 105–134.
17. Couldry, N. (2008). Mediatization or Mediation? Alternative Understandings of the Emergent Space of Digital Storytelling. New Media & Society, 10(3), 373–391.
18. Hepp, A. (2020). Deep Mediatization. Routledge. 260 p.

19. Gubanova, M. I. (2021). Mediatization of Reality: A Theoretical Aspect. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, Vol. 2, No. 2(35), Pp. 84–91.
20. Kovalenko, V. D. (2023). Mediatization of Orthodoxy as a Research Field. Concept: Philosophy, Religion, Culture, 7(4), 76–97.
21. Diveeva, K. A., & Vasilyeva, O. V. (2021). Factors of Radicalization of Representatives of the Muslim Community of Russia on Social Networks. State and Municipal Administration. Scientific Notes, No. 2, Pp. 250–254.
22. Ostrovskaya, E. A. (2021). Mission Possible: Orthodox Priests-Bloggers. Concept: Philosophy, Religion, Culture, Vol. 5, No. 1, Pp. 44–59.
23. Tikhonova, A. D. (2018). Social Media and Youth: The Risk of Radicalization. Psychology and Law, 8(4), Pp. 55–64.
24. Berdyaev, N. A. (1994). Philosophy of the Free Spirit. Republic. 480 p.
25. Shalaeva, S. A., & Shalaeva, E. V. (2016). Campanilism or Parochialism? Bells and Bells: An Almanac, Pp. 221–226.
26. Brubaker, R. (2010). In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism. In: Myths and Misconceptions in the Study of Empires and Nationalism. New Publishing House. 426 p.
27. Corrocher, N. (2011). The Adoption of Web 2.0 Services: An Empirical Investigation. Technological Forecasting and Social Change, 78(4), 547–558.
28. Naughton, J. (2016). The Evolution of the Internet: From Military Experiment to General Purpose Technology. Journal of Cyber Policy, 1(1), Pp. 5–28.
29. Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010). Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media. Business Horizons, 53, 59–68.
30. Berger, J. M., & Perez, H. (2016). The Islamic State's Diminishing Returns on Twitter: How Suspensions Are Limiting the Social Networks of English-Speaking ISIS Supporters. George Washington University Program on Extremism.
31. Berger, J. M., & Morgan, J. (2015). The ISIS Twitter Census: Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter. The Brookings Institution's Project on U.S. Relations with the Islamic World. 65 p.
32. C., Yoni. (2025). Radicalisation and Artificial Intelligence: Toward Algorithmic Cyber-Radicalisation.
33. United Nations Counter-Terrorism Center (UNCCT), & United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). (2021). Algorithms and Terrorism: The Malicious Use of Artificial Intelligence for Terrorist Purposes. 57 p.
34. Minniti, F. (2025). Automated Recruitment: Artificial Intelligence, ISKP, and Extremist Radicalisation. Global Network on Extremism and Technology (GNET).
35. Marzuk, A., & Green, R. (2025). How ISIS Is Adopting AI Vol. 2: Inside QEF's Media Strategy. ActiveFence.
36. Gielen, A.-J. (2017). Countering Violent Extremism: A Realist Review for Assessing What Works, for Whom, in What Circumstances, and How? Terrorism and Political Violence. 19 p.

Логосная антропология Максима Исповедника: византийская философия и богословие

Караев Александр Михайлович,

Аспирант кафедры философии 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, Сургутский государственный университет
E-mail: wer881@mail.ru

Целью работы является анализ понятия логоса в контексте антропологии известного греческого философа и богослова Максима Исповедника. В фокусе философских интересов Максима Исповедника находится проблема человека и его высокого предназначения, как активного исполнителя божественного замысла [1, с. 39]. Представление о логосе человеческой природы как едином (природном и божественном) законе, занимает центрально положение в философской антропологии Максима. Логос человека задает целостный и комплексный образ, части которого не могут существовать отдельно [6, с. 124]. Максим усваивает философско-богословскую доктрину Григория Нисского о «plerome душ» как некоей сверхличности, имплицитно заключенной в душе первочеловека Адама и раскрывающейся во всем множестве человеческих душ всех времен, которые вместе составляют органическое целое [1, с. 37]. Научная новизна связана с уточнением основных концептуальных моделей в средневековой философской антропологии в трудах Максима Исповедника. В результате установлено, что в человеке присутствует два логоса – природный и ипостасный. Природный логос – это данность, потенциальность человеческой природы, которая посредством этого логоса включена в сотворенный мир и через этот логос связана со всем космосом и его предназначением. Ипостасный логос – это заданность человеческой природы, посредством ипостасного логоса человек использует свою волю, как наклонность, векторность к добру или злу и таким образом реализует, и изменяет свою природу.

Ключевые слова: логосная антропология, Максим Исповедник, логос бытия, логос ипостаси, природа человека.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью уточнения понятия логоса в контексте средневековой антропологии Максима Исповедника.

Материалом для исследования послужили труды Максима Исповедника: «Амбигвы. Трудности к Фоме (Ambigua ad Thomam), Трудности к Иоанну (Ambigua ad Iohannem)», «Амбигвы к Фоме о различных недоумениях у святых Дионисия и Григория», «Амбигвы к Иоанну (I–XXX)», «О различных трудных местах (апориях)», «Мистагогия», «К труду Дионисия Ареопагита «О Таинственном Богословии». Все указанные сочинения в настоящее время переведены на русский язык.

Теоретической базой являются труды зарубежных и отечественных философов. Среди последователей средневековья Максима Исповедника на Западе можно назвать Иоанна Скота Эриугену [3, с. 97]. Среди зарубежных исследователей творчества Максима Исповедника можно отметить Г.У. фон Бальтазара и его труд «Космическая Литургия», Ж.-К. Ларше, П. Шервуда (Sherwood P.) «The Earlier Ambigua of St. Maximus the Confessor», Л. Тунберга (Thunberg L.) «Microcosm and Mediator. The theological anthropology of Maximus the Confessor», Э. Лаут. В отечественной философской и богословской мысли к его творчеству обращались И.К. Орлов, М.Д. Муретов, С.Л. Епифанович, А.И. Бриллиантов, Г.В. Флоровский, А.И. Сидоров, Д.А. Поспелов, В.С. Соловьев, А.И. Сидоров.

Общими основаниями исследовательской работы выступили следующие методы: содержательно-смысловой интерпретации и метод философско-культурологической реконструкции, посредством которых происходит анализ антропологических концепций Максима Исповедника.

Обсуждение и результаты

Понятие логоса является многогранным для философской мысли. Логос – это и смысл, и мысль, и речь, понятие, суждение. Введенное в философский словарь Гераклитом Ефесским, это понятие неоднократно трансформировалось, переходя от утраты фундаментально онтологического содержания, к субстанциальному-конкретному содержанию всех мировых потенций. У Филона Александрийского логос – связующее звено между трансцендентным аб-

солнечным Богом и имманентным миром [1, с. 277]. Логос – это и разумный принцип, управляющий миром. [4, с. 446] В христианской традиции логос является и самораскрытием Бога, а в доктринах отождествляется со вторым Лицом Троицы.

В богословской и философской системах Максима важнейшее место занимает христианская антропология, которая раскрывается Максимом через призму христологии – учения об Иисусе Христе. Связь христологии и антропологии становится особенно значимой у Максима, потому что для него воплощение Иисуса Христа – это средоточие мирового бытия, – и не только в плане искупления человека, как учения церкви, но и в изначальном миротворческом плане [14, с. 200]. Философско-богословская система Максима Исповедника формировалась в русле богатой философской традиции, характерной чертой которой является взаимопроникновение классической философии и христианского богословия [11, с. 25]. Концепцию логоса у Максима Исповедника можно рассматривать в нескольких идеальных плоскостях. С одной стороны, с позиции богословия, и с этой позиции антропологические воззрения преподобного встраиваются в христологию. Христос – истинный человек. Другая грань рассмотрения темы логосности требует философского осмысливания. И в этом плане выступает синтез античного философского наследия и прежде всего неоплатонического. [13, с. 142–149] Однако необходимо учитывать двустороннее движение: богословское становится философичным, а любое изменение теологической перспективы модифицирует философскую точку зрения. [6, с. 35]

В антропологической концепции Максима Исповедника Логос (Христос) – это предвечное Слово Божие, через Которое всё сотворено (Ин. 1:1–3) и логосы – божественные замыслы (промыслы) о каждой твари, содержащиеся в Логосе. В творениях Максима Исповедника можно выделить три важнейших аспекта логоса: 1) идеальный (логос как Божественный замысел), 2) реальный (логос как внутренняя сущность или природа вещи) и 3) ментальный (логос как объект разумного познания [15, с. 100–128]. Они определяют природу и цель существования всего сущего.

Максим Исповедник утверждает, что человек изначально создан с двумя логосами, главенствующими в душе и в теле. Понятие «логоса» у Максима используется достаточно широко, тем не менее это понятие и терминологически и лексически дифференцированное, в философии Максима сводится воедино [11, с. 20]. Человек, как и все творение, имеет свой логос бытия (природный закон), но, в отличие от остальных творений, он также обладает логосом ипостаси (разумной и свободной) [8, с. 51].

Посредством логосов Бог «знает» сотворенные вещи еще до их возникновения в чувствен-

ной реальности, а в назначенный час, согласно последним, Бог выводит вещи в чувственное бытие [11, с. 20]. Логосы таким образом определяют глубинный смысл каждой во всей полноте ее бытия. Логосы естества определяют сущность, а логосы промысла и суда – цели существования. Все логосы творения, являясь идеями Божественного Логоса о творении, исходят из Него как из центра и неизменно пребывают в Нем.

Творение человека предстает у Максима как воплощение Божественного Логоса, его раскрытие в мире через логосы тварей [7, с. 66]. Человеческая природа определяется божественным логосом о ней, согласно которому она должна обрести свое завершение в Боге, так что неотъемлемой частью ее логоса является теосис. Максим Исповедник отвергает представление последователей философа и богослова Оригена об изначально реализованном совершенстве разумных существ, заключавшемся в их бытии в Боге, отпадение от этого первобытия стало началом их движения, приведшим к возникновению, или становлению, видимого мира. В противоположность триаде «пребывание – движение – становление» Максим предлагает другой порядок: «становление – движение – покой» [12, с. 76–77]. Человек получает бытие от Бога, а вместе с ним и природное движение, завершающееся в Боге. «Итак, если умы, – говорит Максим, – [изначально] приводимы в бытие, то всяко и движутся, в качестве от начала по природе [движущихся] за счет бытия к завершению по намерению двигаясь за счет благобытия. Ведь завершением движения движимого является само присноблагобытие, ровно, как и началом – само бытие, Которое-то и есть Бог» [9, с. 257]. В мире Логос является сущим в ипостасном бытии и жизни, так и в душе человека он «обнаруживает себя как Разум, имеющий Ум и Жизнь, – в соответствии с тем, как и в человеке разумно-словесная (практическая) способность покоится в уме и проявляется в нем свои логосы естества, логосы промысла и суда, определяющие все бытие мира, так и в человеке он проявляется как его сложный логос, определяющий все его бытие, деятельность и судьбу». [5, с. 13–20.] В свете сказанного можно выделить несколько аспектов проявления единого логоса человека: 1) логос бытия человека – бытия двусоставного, имеющего основные черты телесно-животной и разумной жизни, и являющую собой гармоничное существование миров; 2) логос благобытия, определяющий нормы деятельности человека соответственно целям промысла и суда и находящий себе приложение в добрых задатках души человека; 3) логос вечнобытия, или обожения (теосиса), как конечной высшей цели промысла, завершающей богоуподобление (благобытие) соединением с Богом и дарованием боготворной непреложности душе и нетления телу. «Восхождение к собственному нача-

лу», то есть движение человека к Богу, является «врожденным», и в самой его природе заложены способности, позволяющие достигать этой цели. «Бог, сотворив природу человека, дал ей бытие вместе с волей, и с ней сочетал творческую силу для осуществления надлежащего» [10, с. 169]. Для поддержания этого движения разумных существ к Богу помимо природных сил необходима и божественная благодать. Бог Своим промыслом устраивает так, чтобы во всех осуществился «один и тот же самый логос» и явилась «действенной обоживающая всех благодать» [10, с. 169]. Это совершается Св. Духом, Который «промыслительно проникает во всех и возбуждает в каждом логос согласно природе» [12, с. 76–77].

Заключение

Таким образом, актуализация логосов – это задача, которая поставлена перед человеком Богом. Раскрытие потенциальности и актуализация человеческого бытия осуществляется посредством движения человека к первоисточнику – Богу. Логос, как божественный замысел о конкретном существе, это всегда более первичная и чистая реальность, чем реально существующая природа, с ее рассечениями, материальностью и тленностью. Поэтому логос ассоциируется с воссоединением, восстановлением целостности, переходом от разделенного к единству [11, с. 23]. Человек, как и прочее творение так же включен в единую систему мироздания и стремится актуализировать потенцию своего логоса. Однако человек актуализирует логос природный через раскрытие данных самой природе человека и ипостасного через свободное произволение к добру или злу.

Литература

1. Аверинцев, С.С. Философия VIII–XII вв./Аверинцев С.С./ Культура Византии. Вторая половина VII–XII в./ Ответственные редакторы член-корреспондент АН СССР З.В. Удальцова, член-корреспондент АН СССР Г.Г. Литаврин. М.: «Наука», 1989–677 с.
2. Аверинцев, С.С./ Собрание сочинений под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова// С.С. Аверинцев – София-Логос словарь. // К.: Дух и Литера, 2006. – 912 с.
3. Бриллиантов, А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. /А.И. Бриллиантов. // – М.: Мартис – 1998. – 446 с.
4. Доброхотов, А.Л. Логос /А.Л. Доброхотов// Новая философская энциклопедия: В 4-х томах. М.: Мысль, 2010. Т-2–634 с.
5. Ионайтис, О.Б. Антропологические взгляды Максима Исповедника. / О.Б. Ионайтис// Вестник ОГУ. № 3–2003. С. 13–20.
6. Каприев, Г. Византийская философия. Четыре центра синтеза. /Георгий Каприев// – СПб., Издательство СПбДА, 2022. – 704 с.
7. Кузнецов, А.В. Человек, общество, история в сочинениях Максима Исповедника: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.03 /Кузнецов Алексей Валерьевич. – М.: 2005–191 С.
8. Лурье, В.М. История византийской философии. Формативный период / В.М. Лурье// – СПб.: Axioma, 2006–553 С.
9. Максим Исповедник, преподобный. Амбигвы. Трудности к Фоме. (Ambigua ad Thomam), Трудности к Иоанну (Ambigua ad Iohannem)/ преподобный Максим Исповедник// перевод с древнегреч. Череноглазова Д.А., Шуфрина А.М; научная редакция, предисловие и комментарии Г.И. Беневича. – М.: Эксмо, 2020. – 992 с.
10. Максим Исповедник, преподобный. Вопросо-ответы к Фалассию / Максим Исповедник // Пер. с греч., предисл. и comment. А.И. Сидорова. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Сибирская Благозвонница, 2021. – 974 с.
11. Петров, В.В. Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века. / В.В. Петров – М.: ИФРАН, 2007–200 С.
12. Православная энциклопедия. / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. – Т. XLIII: Максим – Маркелл I. – 752 С.
13. Сурков, И.Е. Метафизика Максима Исповедника: динамика актуализации и преображения космоса. /И.Е. Сурков // История философии 2024. Т. 29. № 1. С. 142–149
14. Флоровский, Г., прот. Восточные Отцы V–VI–II веков / прот. Г. Флоровский// – Минск: Издательство Белорусского экзархата. – 335 с.
15. Фокин, А.Р. Учение о логосах в метафизике и космологии прп. Максима Исповедника: опыт систематизации. / А.Р. Фокин// Богословский Вестник. № 3–4, 2016. с. 100–128

THE LOGOS ANTHROPOLOGY OF MAXIMUS THE CONFESSOR: BYZANTINE PHILOSOPHY AND THEOLOGY

Karaev A.M.

Surgut State University

The purpose of this paper is to analyze the concept of logos in the context of the anthropology of the renowned Greek philosopher and theologian Maximus the Confessor. Maximus the Confessor's philosophical interests focus on the problem of man and his lofty destiny as an active executor of the divine plan [1, p. 39]. The concept of the logos of human nature as a single (natural and divine) law occupies a central position in the philosophical anthropology of Maximus. The logos of man defines a holistic and complex image, the parts of which cannot exist separately [6, p. 124]. Maximus assimilates the philosophical and theological doctrine of Gregory of Nyssa about the "pleroma of souls" as a kind of superpersonality, implicitly contained in the soul of the first man Adam and revealed in the entire multitude of human souls of all times, which together constitute an organic

whole [1, p. 37]. Scientific novelty is associated with the clarification of the main conceptual models in medieval philosophical anthropology in the works of Maximus the Confessor. As a result, it was established that two logoi are present in man – natural and hypostatic. Natural logos is a given, a potentiality of human nature, which, through this logos, is included in the created world and through this logos is connected with the entire cosmos and its purpose. The hypostatic logos is a given aspect of human nature. Through the hypostatic logos, man uses his will as an inclination, a vector toward good or evil, and thus realizes and changes his nature.

Keywords: logos anthropology, Maximus the Confessor, logos of being, logos of hypostasis, human nature.

References

1. Averintsev, S.S. Philosophy of the 8th-12th Centuries / Averintsev S.S. // The Culture of Byzantium. The Second Half of the 7th – 12th Centuries / Editors-in-Chief Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Z.V. Udalzsova, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences G.G. Litavrin. Moscow: "Nauka", 1989–677 p.
2. Averintsev, S.S. / Collected Works edited by N.P. Averintseva and K.B. Sigov // S.S. Averintsev – Sophia-Logos Dictionary. // Kiev: Spirit and Litera, 2006. – 912 p.
3. Brilliantov, A.I. The Influence of Eastern Theology on Western Theology in the Works of John Scotus Erigena. / A.I. Brilliantov. // – M.: Martis – 1998. – 446 p.
4. Dobrokhotov, A.L. Logos /A.L. Dobrokhotov// New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes. M.: Mysl, 2010. V-2–634 p.
5. Ionaitis, O.B. Anthropological Views of Maximus the Confessor. / O.B. Ionaitis// Bulletin of OSU. No. 3–2003. Pp. 13–20.
6. Kapriyev, G. Byzantine Philosophy. Four Centers of Synthesis. / Georgy Kapriyev// – St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publishing House, 2022. – 704 p.
7. Kuznetsov, A.V. Man, Society, History in the Works of Maximus the Confessor: Abstract of a Candidate of Historical Sciences Dissertation: 07.00.03 /Kuznetsov, Aleksey Valerievich. – M.: 2005–191 p.
8. Lurye, V.M. History of Byzantine Philosophy. Formative Period / V.M. Lurye.// – St. Petersburg: Axioma, 2006–553 p.
9. Maximus the Confessor, Venerable. Ambiguous Trumpets to Thomas. (Ambigua ad Thomam), Difficulties to John (Ambigua ad Johannem) / Venerable Maximus the Confessor // Translation from Ancient Greek by D.A. Cherenoglazova, A.M. Shufrin; scholarly editing, preface and commentary by G.I. Benevich. – M.: Eksmo, 2020. – 992 p.
10. Maximus the Confessor, Venerable. Questions and Answers to Thalassius / Maximus the Confessor // Translated from Greek, preface and commentary by A.I. Sidorova. – 2nd ed., corrected, supplemented. – M.: Sibirskaya Blagozvonnitsa, 2021. – 974 p.
11. Petrov, V.V. Maximus the Confessor: Ontology and Method in Byzantine Philosophy of the 7th Century. / V.V. Petrov – M.: IF-RAS, 2007. – 200 p.
12. Orthodox Encyclopedia. / ed. Patriarch Kirill of Moscow and All Rus' Moscow: Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2016. – Vol. XLIII: Maximus – Markell I. – 752 p.
13. Surkov, I.E. Metaphysics of Maximus the Confessor: the dynamics of actualization and transformation of the cosmos. /I.E. Surkov // History of Philosophy 2024. Vol. 29. No. 1. Pp. 142–149
14. Florovsky, G., Archpriest. Eastern Fathers of the 5th-8th Centuries / Archpriest G. Florovsky // – Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate. – 335 p.
15. Fokin, A.R. The Doctrine of Logoi in the Metaphysics and Cosmology of St. Maximus the Confessor: an Experience of Systematization. / A.R. Fokin// Theological Bulletin. No. 3–4, 2016. Pp. 100–128

Переосмысление понятий «божественный дух» и «навь» в конфуцианской традиции: от Конфуция к Ван Янмину

Чжан Сюаньюй,

кафедра философии религии и религиоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: suanuj.msu@gmail.com

В статье рассматривается эволюция понятий «божественный дух» и «навь» в конфуцианской философии от раннего периода к эпохе Мин. Исследование основано на анализе трудов Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, а также представителей неоконфуцианства – Чжан Цзая, Чжу Си и Ван Янмина. Показано, что в доцинском конфуцианстве духовные сущности сохраняли ритуальное значение, однако акцент постепенно смешался с религиозного аспекта на нравственный. В неоконфуцианской традиции эпохи Сун «божественные духи» и «нави» рационализировались и рассматривались как проявления ци и природного порядка. Особое внимание уделено философии Ван Янмина, в рамках которой концепции «божественного духа» и «нави» подчиняются категории благосмыслия – врождённого нравственного знания. В работе анализируется процесс интеграции метафизических символов в этико-космологическую систему конфуцианства, подчёркивается переход от религиозной зависимости к этическому самосовершенствованию.

Ключевые слова: конфуцианство, Ван Янмин, божественные духи, нави, неоконфуцианство, нравственное сознание, этика, философия Китая, культура Китая

С древних времен в китайской философской традиции представления о «божественном духе» и «нави» занимают особое место. На протяжении всего развития человечества эти понятия наделялись различным содержанием, отражая эволюцию мировоззренческих установок китайских мыслителей. Если в эпоху раннего конфуцианства божественные духи рассматривались как объекты почитания и ритуального поклонения, то в более поздние эпохи – особенно в неоконфуцианстве (в периоды династий Сун и Мин) – они стали частью рационализированной философской системы, утрачивая значительную часть своей мистической природы.

Данная работа посвящена анализу трансформации понятий «божественный дух» и «нави» в конфуцианской традиции. В основу настоящего исследования лег анализ идей таких мыслителей, как Конфуций (ок. 551 до н.э. – 479 до н.э.), Мэн-цзы (372 до н.э. – 289 до н.э.), Сюнь-цзы (316 до н.э. – 237 до н.э.), Чжан Цзай (1020–1077 гг.), Чжу Си (1130–1200 гг.) и Ван Янмин (1472–1529 гг.).

Китайский иероглиф «神» (божественный дух), который принимает различные формы в цзягувэнь, цзиньвэнь и сяочжуань (см. табл. 1), первоначально означает форму молнии, сгибающейся и растягивающейся. В широком смысле он означает божественную силу, порождающую молнии. Позже этот иероглиф использовался для обозначения фундаментальной причины вещей и явлений, то есть божественного источника всего сущего.

Цзягувэнь

Цзиньвэнь

Сяочжуань

Рис. 1. Формы иероглифа «神» («божественный дух»)

Китайский иероглиф «鬼» (навь) в «Шовэнь цзецы» («Рассуждения о письменах и толкование иероглифов») – самом раннем из дошедших до нас систематических иероглифических словарей, который заложил основу традиционной китайской этимологии, – трактуется как «возвращение человека». Этот иероглиф также отличается по начертанию в цзягувэнь, цзиньвэнь и сяочжуань (см. рис. 2), но во всех случаях выглядит как человек с большой страшной головой. Это указы-

вает на то, что навь имеет связь с человеческой природой.

Рис. 2. Формы иероглифа «鬼» («навь»)

Человек, согласно этому верованию, становится навью после смерти. В дальнейшем это слово будет относиться ко всем духам, призракам, чудовищам и т.д.

Содержание понятия «божественный дух» в доцинском конфуцианстве

Рассматривая эволюцию представлений о «божественном духе» в раннем конфуцианстве, прежде всего необходимо обратиться к учению Конфуция (ок. 551 до н.э. – 479 до н.э.), философия которого заложила основы этико-ритуального понимания мира. В конце правления династии Западная Чжоу в государстве не было мира, а у людей – спокойного и безопасного убежища. Люди молили богов о благословении и не скучились на жертвы, «но боги не слышали их молитвы» [1]. Трудные условия жизни оказывали большое влияние на религиозное мышление людей.

В этой ситуации Конфуций выдвинул концепцию «божественного духа», в центре которой находится человек. В его главной книге «Лунь Юй» [2] интересны два высказывания:

1) «Учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках и духах» (Глава VII «Шу Эр»);

2) «Фань Чи спросил учителя о мудрости. Учитель сказал: «Должным образом служить народу, почитать духов и держаться от них подальше – в этом и состоит мудрость» (Глава VI «Юн Е»).

Эти слова показывают, что Конфуций избегал обсуждения природы духов (кроме душ предков) и их возможного влияния на мир. Он акцентировал внимание на социально-нравственной функции ритуалов, а не на метафизическом осмыслиении существования духов. Под духами Конфуций, прежде всего, подразумевал души предков: «[Кун-цызы] приносил жертвы предкам так, словно они были живые; приносил жертвы духам так, словно они были перед ним. Учитель сказал: «Если я неучаствую в жертвоприношении, то я словно не приношу жертв» (Глава III «Баи»). Он не признавал существование иных божественных духов или на-

¹ Чжан Ци-чжи. История китайской мысли. Сиань: Издательство Северо-Западного университета, 2003. С. 19 (на китайском языке).

² Тексты «Лунь Юй» цит. по: Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй»: Исследования, перевод с китайского, комментарий. М.: Восточная литература, 2001.

вей, помимо душ предков. Он полагал, что в жертвоприношении важнее всего отношение человека, а не божественный дух.

На основе этих высказываний некорректно утверждать, что Конфуций отрицал существование божественных духов, но можно отметить, что он стремился отказаться от зависимости от них в повседневной жизни и в управлении государством. Конфуций придавал особое значение уважению, с которым совершались жертвоприношения, и поведению людей во время ритуалов. Это тесно связано с его концепцией «Воли Неба», которая требует от человека сосредоточиться на совершенствовании себя при жизни, а не зацикливаться на мире после смерти.

В представлении Конфуция господство Воли Неба над судьбой человека включает в себя два аспекта. Во-первых, жизнь и смерть человека, его внешние достижения и потери – всё это является непосредственно решением Неба. Во-вторых, существует внутренний аспект – дух человека, особенно его нравственное воспитание, постижение и передача «небесной добродетели». Конфуций считал, что в стремлении к нравственности и духовному росту Небо наделило человека определённой степенью самостоятельности. Это означает, что человек может приблизиться к «небесным добродетелям» и передать их через самосовершенствование.

Таким образом, позиция Конфуция относительно духов и божественных сущностей заключается в следующем: с одной стороны, он подчёркивал существование душ предков и важность жертвоприношений, но с другой, его отношение к сверхъестественной природе Неба оставалось неопределенным. Его учение о духах и Небе не сводится к строгому теизму или атеизму, а представляет собой этико-ритуальную систему, в которой божественное начало не требует слепой веры, но задаёт ориентир для нравственного поведения.

Мэн-цызы (372 до н.э.-289 до н.э.) развивает идеи Конфуция, придавая особое значение учению о человеке. Хотя мыслитель не полностью отрицал существование божественных духов, его больше заботило нравственное воспитание людей и общественный порядок, чем упование на божественное вмешательство при управлении страной или поддержании социальной стабильности. В учении Мэн-цызы роль духов скорее вспомогательная, чем решающая. Философ ставит под сомнение безусловность авторитета божественных духов. Так, Чжу Си в работе «Четверокнижие с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и сводными комментариями» приводит следующее высказывание Мэн-цызы: «(Люди) приносят серьезные жертвы в соответствии с обрядами, но если бог земли и зерна не может помочь людям защитить урожай от бедствий, то его алтарь следует разрушить

и заменить другим богом (приносящим жертвы)» (перевод автора статьи).^[1]

Кроме того, Мэн-цзы переосмыслил отношения между совершенным мудрецом и божеством. Божественный дух – это не просто сверхъестественное существо, а высшее моральное состояние. В «Мэн-цзы» говорится: «То, чего желает человеческое сердце, называется добром; то, что реализует добро в себе, называется истиной; то, что полностью реализует добро без каких-либо изъянов, называется красотой; то, что полностью реализует добро и проявляет свою славу, называется величием; то, что сияет и просветит народу, называется святостью; а то, что уходит от святости в немыслимое, называется богом» (перевод автора статьи).^[2]

Мэн-цзы приписывал совершенным мудрецам некие божественные качества, считая, что истинные мудрецы способны влиять на общество и заставлять людей обращаться к добру. Он писал: «Где бы ни проходил совершенный мудрец, люди могут быть тронуты его добродетелями, а его дух (т.е. идеи, которые он пропагандирует) сохраняется, так что наверху и внизу они могут соответствовать добродетелям неба и земли» (перевод автора статьи). Это означает, что моральная сила мудреца неосязаема, но она может тронуть сердца людей и настроить общество на путь добродетели. Согласно Мэн-цзы, совершенный мудрец не является представителем божественного духа, но играет роль божественного духа посредством нравственного воздействия на людей.

Мэн-цзы делал акцент на моральное измерение в трактовке духов, при этом его подход опирался на внутреннюю природу человека. В противоположность этому, Сюнь-цзы (316 до н.э.-237 до н.э.) развивал более систематический и рациональный взгляд на божественных духов, акцентируя их роль в поддержании общественного порядка. Отношение Сюнь-цзы к божественным духам носит рационалистический и утилитарный характер. В отличие от Конфуция и Мэн-цзы, мыслитель включил понятие «божественный дух» в этическую и политическую теории. В учении Сюнь-цзы божественные духи не являются загадочными сверхъестественными существами, но являются частью человеческого социального порядка, и их роль заключается в регулировании поведения людей.

Сюнь-цзы отмечает социальную функцию жертвоприношений, не рассматривая сверхъестественную природу божественных духов. В «Сюнь-цзы» говорится: «Жертвоприношение – это проявление сердечности, любви и уважения. Перемены на-

¹ Чжу Си. Четверокнижие с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и сводными комментариями. Пекин: Китайское Издательство, 2019. С. 344 (на китайском языке).

² Мэн-цзы. Официальный сайт «Проект цифровизации китайской философской литературы». [электронный ресурс; режим доступа: <https://ctext.org/mengzi/zhs>. Дата обращения 5.04.2025]. Глава «Цзиньсинь шан» (на китайском языке).

строения и депрессии не должны были выражаться без повода»; «Совершенные мудрецы понимали и знали, что такое жертвоприношения, благородные мужи спокойно практиковали их, чиновники соблюдали их, а народ сделал их своим обычаем» (перевод автора статьи)^[3].

Сюнь-цзы также критиковал суеверие и объяснение природных явлений с помощью божественных духов. Он считал, что у Неба есть свои законы, которые не зависят от вмешательства божественных духов. Он утверждал, что «Путь Неба постоянен и неизменен; он не существует из-за Яо (такого милостивого правителя) и не исчезает из-за Цзе (такого жестокого правителя)» (перевод автора статьи), подчеркивая, что законы природы не зависят от человеческой воли. Эта точка зрения фактически отвергала представление о том, что божественные духи могут управлять земными делами, и еще больше укрепляла его рационалистическую позицию.

Понятия «божественный дух» и «навь» в неоконфуцианстве эпохи династии Сун (960–1276 гг.)

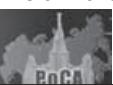
Неоконфуцианцы эпохи Сун, как правило, включали понятия «божественный дух» и «навь» в космологическую систему интерпретации мира, и их представления о божественных духах и нави демонстрировали явные черты рационализации.

Чжан Цзай (1020–1077 гг.) полагал, что сущность божественного духа и нави есть не что иное, как инь и ян двух ци – сгибания и расширения движения. Его позиция заключалась в следующем: «Путь Неба не исчезает, поэтому происходят смены зимы и лета; всеобщее движение ци не исчезает, поэтому происходят сгибание и растяжение всех вещей; суть феномена божественного духа и нави в том, что движение ци не выходит за пределы двух аспектов инь и ян»^[4] (перевод автора статьи).

Чжан Цзай подчеркивал, что «божественные духи» и «нави» – это лишь результат естественного функционирования природы, а не таинственная сила, обладающая автономной волей. Он подверг критике буддийское представление о божественных духах и нави. Хотя буддизм в целом можно рассматривать как нетеистическую традицию, он включает в свою доктрину представления о духах, перерождениях и кармических силах, оказы-вающих влияние на мир людей. Именно эти аспекты Чжан Цзай критиковал, поскольку считал, что они вводят в объяснение мира элементы сверхъ-

³ «Сюнь-цзы». Официальный сайт «Проект цифровизации китайской философской литературы». [электронный ре-сурс; режим доступа: <https://ctext.org/xunzi/zhs>; дата обращения 5.04.2025]

⁴ Чжан Цзай. Собрание произведений Чжан Цзая. Пекин: Китайское издательство, 1987. С. 9 (на китайском языке).

естественного и противоречат рациональному пониманию природы и естественного порядка Вселенной.

Чжан Цзай писал: «Буддийские последователи говорят о божественных духах и нави, считая, что сознательная жизнь после смерти проходит через сансару, и поэтому стремятся к избавлению от страданий мирской жизни. Можно ли это считать истинным такое понимание божественных духов и нави? Если они воспринимают человеческую жизнь как иллюзию, можно ли это назвать истинным пониманием человека? Небо, земля и человек изначально едины, но они произвольно принимают или отвергают их. Можно ли это назвать истинным пониманием Небесного Пути? ... Истинное великое учение должно начинаться с понимания небесной добродетели, и лишь после ее постижения можно осознать путь мудрецов, а затем правильно понять божественных духов и нави» (перевод автора статьи).

По сути, Чжан Цзай прямо отрицал сверхъестественный характер божественных духов и нави. В его философской системе они были не независимыми мистическими силами, а скорее проявлениями природных явлений, обусловленных движением ци.

Отношение Чжан Цзая к божественным духам и нави отражает рационалистический характер неоконфуцианства в эпоху династии Сун. Он не только отвергал персонифицированные образы духов, но и интегрировал понятия «божественный дух» и «навь» в свою онтологию ци, сделав их частью естественного функционирования Вселенной. В этом смысле его критика буддизма основывалась на неприятии буддийской концепции сансары и метафизических представлениях о кармических силах, которые, по его мнению, были несовместимы с натурфилософским объяснением мира.

В эпоху династии Сун буддизм и даосизм быстро развивались и даже привлекли многих последователей из числа конфуцианцев. Чжу Си (1130–1200 гг.) попытался укрепить рациональные позиции конфуцианства, переосмыслив понятия «божественный дух» и «навь», чтобы избежать их размывания буддийскими и даосскими идеями. На взгляды Чжу Си повлияли представления о божественных духах и нави, существовавшие в конфуцианстве доциньского периода, особенно наставление Конфуция «почитать духов и держаться от них подальше». Придерживаясь конфуцианской традиции, Чжу Си воспринял идеи Чжан Цзая и интегрировал представления о божественных духах и нави в систему естественного функционирования Вселенной.

Признавая существование божественного духа и нави, Чжу Си пишет: «Искренность – это объективно существующий принцип, и божественный дух и навь – не что иное, как конкретное проявление

нице этого принципа. Если бы не было этого «принципа», то существовали бы не только божественный дух и навь, но и все вещи, и ничто не имело бы опоры... Божественный дух и навь – это круговорот инь и ян в мире: то, что рассеивается, – это навь, а то, что собирается, – это божественный дух; то, что растёт, – это божественный дух, а то, что умирает, – это навь. Если говорить в терминах времён года, то весна и лето относятся к божественному духу, а осень и зима – к навь...» (перевод автора статьи). Чжу Си рассматривал божественной дух и навь в контексте движения, пронизывающего все природные явления. Это очень похоже на трактовку Чжан Цзая (две ци, сгибания и разгибания), но Чжу Си пошел дальше и перенес действие божественного духа и нави на все вещи, тем самым отказавшись от понимания их природы как имеющей мистический характер

Чжу Си придерживался традиционной конфуцианской концепции жертвоприношений и подчёркивал их важность, но не верил, что божественные духи и навь могут напрямую влиять на реальный мир. Он считал, что смысл жертвоприношений заключается в поддержании ритуалов и общественного порядка, а не в возможности общения со сверхъестественными сущностями. Кроме того, в главе «Гуй-шэнь» в «Чжу-цы юй-лей» («Классифицированные высказывания Учителя Чжу Си») он утверждал, что «богам не нравятся жертвы, которые приносят не люди одной расы» [1], то есть жертвоприношения должны соответствовать установленной системе ритуалов, а между людьми одного рода возможна взаимосвязь. Например, император приносил жертвы небу, местный вассальный князь (чжукоу) – горам и рекам, чиновник-аристократ (дафу) – У Сы, а отдельные люди могли приносить жертвы только своим предкам.

Понятия «божественного духа» и «нави» в учении Ван Ян-мина

Ван Шоу-жэнь (1472–1529 гг.), более известный как Ван Янмин, – крупнейший представитель неоконфуцианства эпохи Мин, основоположник школы Синь сюэ («учение о сердце»), выдающийся литератор, каллиграф, педагог, военачальник и государственный деятель.

Согласно его учению о сердце, истинный принцип и основа всех вещей находятся в самом человеке, а именно, в его сердце. Ван Янмин развел доктрину единства знания и действия, согласно которой знание должно воплощаться в действиях, иначе оно неполно. Центральным понятием его философии является «благосмысление» (врождён-

¹ «Чжу-цы юй-лей» («Классифицированные высказывания Учителя Чжу Си»). Официальный сайт «Проект цифровизации китайской философской литературы». [Электронный ресурс; режим доступа: <https://ctext.org/chun-qiuzuo-zhuan/xi-gong-shi-nian/zh>; дата обращения 5.04.2025].

ное нравственное знание), которое есть у каждого человека и которое не требует обучения извне. Это знание направляет человека к нравственному совершенствованию и реализации высших идеалов, заложенных в его душе.

Во времена династии Мин (1368–1644 гг.) конфуцианство, буддизм и даосизм активно взаимно обогащали друг друга. Тенденция слияния трёх учений привела к достижению нового пика в развитии древнекитайской философской мысли. Буддизм подчёркивал принцип кармы и сансары, используя эти идеи для нравственного наставления людей. Даосизм, в свою очередь, делал акцент на ян-шэн и бессмертной жизни. Говоря о взаимоотношении трёх учений, Ван Янмин отмечал: «Например, зал состоит из трёх комнат. Конфуцианцы не понимают, что в конфуцианском учении уже содержатся все функции. Увидев буддизм, они выделяют левую комнату для буддизма, увидев даосизм, они выделяют правую комнату для даосизма, а сами остаются в середине. Это (по словам Мэн-цзы) значит ухватиться за одну часть, но упустить многое. Совершенный мудрец и все вещи во Вселенной – это единое целое. Учение трёх школ – конфуцианства, буддизма и даосизма – всё включено в конфуцианское учение. Это и есть Великий Путь. Буддизм и даосизм заботятся только о себе, поэтому их можно назвать лишь малыми путями^[1]» (перевод автора статьи).

Ван Янмин критически относился к даосизму: «(Я, Лу Чэн) спросил об изначальной пневме (юань-ци), изначальном духе (юань-шэнь) и изначальном семени (юань-цин) (досской) школы бессмертных. Наставник ответил: «Это все одна вещь. Распространяющаяся активность – это пневма, сгущенное склонение – это семя, я чудесное применение (мяо-юн) – это дух». «Изначальная пневма», «изначальный дух» и «изначальное семя» – это понятия в даосской алхимии. Даосские мудрецы считали, что у человека есть три начала (сань-юань), которые предшествуют форме и являются первоэлементами в формировании всех вещей. Вместе с изначальной природой (юань-син) и изначальной чувственностью (юань-цин) они в совокупности известны как пять начал (у-юань). В даосизме изначальный дух (юань-шэнь) рассматривается как вечное существование, которое может управлять душой, а человеческая душа способна сформировать изначальный дух (юань-шэнь) путём культивирования. По мнению Ван Янмина, пневма, дух и семя – лишь формы трёх аспектов «благосмыслия». Будь то пневма, дух, семя, природа или чувственность – всё это чтобы обрести смысл должно находиться под властью благосмыслия.

Иными словами, изначальный дух (юань-шэнь) в даосизме теряет своё доминирующее значение

¹ Ван Шоу-жэнь. Сборник произведений Ван Янмина. Шанхай: Издательство «Древняя книга», 2015. С. 1423 (на китайском языке).

перед благосмыслием, а существование божественного духа и нави становится незначительным. Ван Янмин признавал существование божественного духа и нави, но не верил в их доминирующую роль в традиционном понимании.

Кроме того, Ван Янмин с помощью собственного опыта практикования искусства «взращивания жизненности» показал людям иллюзорность даосских практик по обретению бессмертия. В 1502 г., когда Ван Янмину был 31 год, он оставил службу и поселился в горах Гуйцзи. Он сосредоточенно практиковал даосские методы «взращивания жизненности», т.е. вел жизнь отшельника следуя идеалам чистоты духа и недеяния, существования с чистым сердцем и без излишних желаний. Приведя таким образом два года, он имел возможность «изнутри» наблюдать жизнь даосских отшельников, тесно общаться с ними и в полной мере испытать на себе приемы их искусства «взращивания жизни». Результат своих практик Ван Янмин сформулировал в 1508 г. в «Ответе человеку, спросившему о святых-духах и бессмертных-небожителях»: «Ваш покорный слуга подлинно с восьми лет интересовался этими вопросами. Уже более тридцати лет прошло с тех пор. Зубы постепенно расшатались, в волосах уже виднеются проседи, глаза едва видят далее одного чи, уши едва слышат далее одного чжана. Часто по месяцу бываю прикован болезнью к постели, дозы употребляемых (мною) лекарств стремительно расходятся. Таковы вот результаты этого интереса. Однако мои знакомые все еще опрометчиво утверждают, что я способен достичь этого Пути-дао»^[2].

Действительно, если судить по фактическому состоянию здоровья Ван Янмина, длительная практика даосских методов оздоровления не смогла действительно укрепить его тело. Напротив, его болезни становились всё серьёзнее, а здоровье всё хуже, из-за чего ему пришлось несколько раз просить у императора разрешения оставить должность и вернуться домой для лечения.

Особое внимание в своей философии Ван Янмин уделял связи между благосмыслием и представлениями о божественном духе и нави. «Благосмысление» – важное понятие в учении о сердце Ван Янмина, это принцип (ли), который является корнем всех вещей: «Благосмысление есть эссенциально-семенной дух созидательных изменений. Этот эссенциально-семенной дух оживляет небо и землю, формирует навей и владык-первородков – все исходит отсюда. Поистине он не противостоит вещам. Если человек сможет полностью восстановить (своё благосмысление), не имея ни малейшего недостатка, то естественным образом будет плясать от радости, и во всей вселенной не найдётся счастья, которое

² Кобзев А.И. Ван Ян-мин и его «записи преподанного и воспринятого». Исследование и перевод. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2023. С. 120.

могло бы заменить его». По мнению Ван Янмина, небо и земля рождаются из благосмыслия, которое является абсолютным существованием. Если человек может обрести благосмыслие, то это станет незаменимой радостью в мире. Все вещи существуют только на основе благосмыслия, а божественные духи и нави – это лишь категории всех вещей. Таким образом, благосмыслие порождает все вещи, включая божественных духов и навь.

Единство благосмыслия и божественных духов одновременно отрицает объективное верховенство божественных духов, ослабляет их мистическое значение, а также наделяет их смыслом существования лишь в рамках благосмыслия.

На это обратил внимание учеников в беседе с ними о существовании божественного духа и нави: «(Я Лу) Чэн, спросил: Некоторые люди ночью боятся навей, что с этим можно поделать? Наставник ответил: «Это лишь оттого, что в повседневности люди не способны накапливать должную справедливость и им есть, о чем сожалеть, посему боятся. Если же обыденные действия совпадают с божественным светом (шэнь-мин), то чего же бояться?». Таким образом, согласно позиции Ван Янмина, страх ночью возникает не из-за навей, а из-за внутреннего чувства вины перед благосмыслием. В благосмыслии нет разделения на добро и зло, так же как и у божественных духов нет разграничения на праведных и злых. Всё это лишь результат заблуждения человеческого сердца. Поэтому восстановив благосмыслие, человек больше не должен бояться духов. «Цзы-синь сказал: Праведных и прямых навей не нужно бояться. (Но я) опасаюсь, что пагубные нави не различают добрых и злых людей, поэтому не избежать боязни. Наставник сказал: «Разве имеются пагубные нави, способные ввести в заблуждение праведного человека? Если только появилась эта боязнь, значит, в этом сердце есть пагуба. Поэтому имеется вводящее в заблуждение. Не нави вводят в заблуждение, само сердце заблуждается. Если человек любит красоту, значит, его вводят в заблуждение нави красоты; если любит нахиву, значит, его вводят в заблуждение нави нахивы; если гневается на не подлежащее гневу, то его вводят в заблуждение нави гнева; если страшится не подлежащего страху, то его вводят в заблуждение нави страха»».

Важное место в учении Ван Янмина занимает идея, что совершенная искренность человека подобна божественному провидению. Ван Ян-мин в своей философской системе подчёркивал, что «искренние намерения человека подобны божественному провидению», считая, что достижение высшей искренности наделяет человека некой особой способностью. Однако эта способность не исходит от сверхъестественных божественных духов, а определяется степенью совершенствования искренности мыслей.

Эта идея восходит к учению Цзысы (483–402 гг. до н.э.), внуку Конфуция, который также утверждал, что совершенная искренность обладает особой силой, позволяющей человеку предвидеть будущее. Однако Ван Ян-мин в своей интерпретации стремился к устранению элемента сверхъестественного. «Цзысы писал: «Искренние намерения человека подобны божественному провидению и позволяют предвидеть будущее». Выражения «подобны божественному провидению» и «позволяют предвидеть будущее» рассматриваются как два отдельных аспекта, так как Цзысы объяснял это через влияние мышления и искренности, обращаясь к тем, кто не обладает способностью предвидения. Что касается совершенной искренности, то её высшее проявление само по себе называется божественным, и нет необходимости добавлять подобно божественному. Совершенная искренность означает отсутствие знания и в то же время всезнание, поэтому нет нужды отдельно говорить о способности предвидения» (перевод автора статьи). Таким образом, Ван Янмин не повторяет идеи Цзысы, а развивает их, утверждая, что чудодейственная способность (например, предвидение) проистекает не из мистических сил, а из глубокой внутренней гармонии человека, достигшего совершенства в искренности мыслей.

Заключение

Исследование показало, что в конфуцианской традиции отношение к божественным духам и навям носило прагматичный характер. Конфуций подчёркивал значимость человеческой субъективности и социального порядка, призыва к уважению божественных духов, но при этом к дистанцированию от них. Мэн-цызы, развивая эту линию, сводил роль божественных духов к вспомогательной функции в нравственном воспитании. Сюнь-цызы пошёл ещё дальше, рассматривая божественных духов как элемент социального порядка, лишённый сверхъестественных свойств.

Опираясь на существующие исследования китайской философии, автор стремится обобщить эволюцию представлений о божественных духах и нави в конфуцианской традиции отражает постепенный переход от их восприятия как самостоятельных сверхъестественных сущностей к их трактовке в рамках морально-философской системы. Если в доцинском конфуцианстве духи рассматривались как объекты почитания, то с развитием неоконфуцианства они стали восприниматься как проявление естественного порядка Вселенной. Ван Янмин лишил их независимой онтологической значимости. Традиционное религиозное представление о божественных духах и навях было заменено интерпретацией их как элементов внутренне-го морального сознания, что отразило стремление

конфуцианства к рационализации и этизации метафизических категорий.

Литература

1. 高黎明[Гао Лимин]. 儒家哲学中的天命思想研究 [Исследование концепции «Воль неба» в конфуцианской философии] // Прогресс философии 哲学进展. 2024. № 13. – С. 2449–245 (на китайском)
2. Кобзев А.И. Ван Ян-мин и его “записи преподанного и воспринятого”. Исследование и перевод. СПб.: Издательство “Нестор-История”, 2023.
3. 张岂之 [Чжан Цичжи]. 中国思想史 [История китайской мысли.] //西安 :西北大学出版社 [Сиань: Издательство Северо-Западного университета], 2003. (на китайском)
4. 王守仁 [Ван Шоу-жэнь]. 王阳明全集 [Сборник произведений Ван Янмина]. 上海古籍出版社 [Шанхай: Издательство «Древняя книга»], 2015. (на китайском)
5. 孟子[Мэн-цзы]. 中国哲学书电子化计划[Официальный сайт Проект цифровизации китайской философской литературы. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ctext.org/mengzi-zhs> (на китайском)]
6. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй»: Исследования, перевод с китайского, комментарий. М.: Восточная литература, 2001.
7. 张载 [Чжан Цзай]. 张载集 [Собрание произведений Чжан Цзая]. 中华书局 [Пекин: Китайское издательство], 1987. (на китайском)
8. 朱熹 [Чжу Си]. 四书章句集注 [Четверокнижие с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и сводными комментариями]. 中华书局[Пекин: Китайское Издательство], 2019. (на китайском)
9. 朱子语类 [«Чжу-цзы юй-лэй» («Классифицированные высказывания Учитель Чжу Си»)]. 中国哲学书电子化计划 [Официальный сайт Проект цифровизации китайской философской литературы]. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/xi-gong-shi-nian/zhs> (на китайском)
10. 荀子[«Сюнь-цзы»]中国哲学书电子化计划 [Официальный сайт Проект цифровизации китайской философской литературы]. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ctext.org/xunzi-zhs> (на китайском)

RETHINKING THE “DIVINE SPIRIT” AND “NAVI” IN CONFUCIANISM: FROM EARLY THINKERS TO WANG YANGMING

Zhang Xuanyu

Lomonosov Moscow State University

This article examines the evolution of the concepts of “divine spirit” (shen) and “navi” (gui) within Confucian philosophy, tracing their transformation from early classical formulations to the Ming dynasty. The research is based on the analysis of texts by Confucius, Mencius, and Xunzi, as well as Neo-Confucian scholars Zhang Zai, Zhu Xi, and Wang Yangming. It is demonstrated that in Pre-Qin Confucianism, spiritual entities maintained ritual significance, although the focus gradually shifted from their religious dimension to a moral-ethical one. In the Song period, Neo-Confucianism undertook a rationalization of spiritual categories, interpreting “divine spirits” and “navi” as manifestations of qi and natural cosmological order. These entities were no longer seen as autonomous supernatural beings, but as part of the cyclical dynamics of the universe governed by the interplay of yin and yang. This philosophical transformation reflected a shift from metaphysical belief to moral symbolism. Special attention is given to the philosophy of Wang Yangming, who subordinated the concepts of “divine spirit” and “navi” to the category of liangzhi (innate moral knowledge). According to Wang, these notions are not independent ontological realities but expressions of the moral consciousness inherent in every person. This framework allowed the author to conclude that Confucianism underwent a transition from supernatural interpretations of spirits to ethical reinterpretations. The demystification of spiritual concepts is thus understood as part of a broader rationalist shift within Confucian discourse. The study aims to analyze how Confucianism integrated metaphysical symbols into an ethical and cosmological framework, highlighting the transition from religious dependence on spirits to a vision rooted in moral cultivation.

Keywords: Confucianism, Wang Yangming, divine spirits, navi, Neo-Confucianism, moral consciousness, ethics, Chinese philosophy, Chinese culture

References

1. Gao Liming [A Study of the Concept of “Heaven’s Will” in Confucian Philosophy] // Progress of Philosophy 哲学进展. 2024. No. 13. – Pp. 2449–245 (in Chinese)
2. Kobzev A.I. Wang Yangming and His “Records of What Was Taught and Received.” Research and Translation. SPb.: Nestor-Istoriya Publishing House, 2023.
3. Zhang Qizhi: A History of Chinese Thought [Xi'an: Northwestern University Press], 2003. (in Chinese)
4. Wang Shou Ren: A Collection of Wang Yangming’s Works [Shanghai: Ancient Book Publishing House], 2015. (in Chinese)
5. Mencius: A Collection of Wang Yangming’s Works [Shanghai: Ancient Book Publishing House], 2015. Official website of the Digitalization Project for Chinese Philosophical Literature. [Electronic resource] // Access mode: <https://ctext.org/mengzi-zhs> (in Chinese)
6. Perelomov L.S. Confucius “Analects”: Research, translation from Chinese, commentary. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.
7. Zhang Zai. Zhang Zai’s Collected Works. Beijing: Chinese Publishing House, 1987. (in Chinese)
8. Zhu Xi. The Four Books with Article-by-Article and Phrase [Explanations] and Summary Commentaries. Beijing: China Publishing House, 2019. (in Chinese)
9. The Classified Sayings of Master Zhu Xi. Official Website of the Chinese Philosophical Literature Digitalization Project. [Electronic resource] // Access mode: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/xi-gong-shi-nian/zhs> (in Chinese)
10. Xunzi [Official website of the Chinese Philosophical Literature Digitalization Project]. [Electronic resource] // Access mode: <https://ctext.org/xunzi-zhs> (in Chinese)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Трудная проблема сознания: социогуманитарные импликации в контексте технологической трансформации

Абрамова Ольга Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева-КАИ
E-mail: abramova1954@mail.ru

В статье рассматривается вопрос эволюции «трудной проблемы сознания» из узкофилософской дискуссии в масштабный междисциплинарный вызов, определяющий ключевые социогуманитарные направления развития XXI века. Фокус исследования смешается с учетом онтологического аспекта социально-практического анализа различных теоретических позиций. Критически осмысливается неспособность редукционистского материализма объяснить феномен абстрактного опыта (квалиа), который актуализирует поиск альтернативных онтологических моделей, таких как панпсихизм и аналитический идеализм. Особое внимание уделяется следствиям неразрешимости данных проблем: создание ко-правовых дилемм в сфере искусственного интеллекта, проектов трансгуманизма и бессмертия. Доказывается, что выработка адекватных социальных эффектов на технологических вызовах требует экспликации и философской рефлексии онтологических предпосылок, связывающих их на основе этих технологий. Делается вывод о необходимости формирования новой междисциплинарной исследовательской парадигмы в стиле социальной философии, социологии знаний и философии сознания.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, квалиа, искусственный интеллект, редукционизм, панпсихизм, аналитический идеализм, социотехнические системы, трансгуманизм, социальная онтология.

Современный этап научно-технического прогресса, характеризующийся экспоненциальным развитием искусственного интеллекта (ИИ) и нейротехнологий, привел к беспрецедентной актуализации вопроса о природе сознания.

Внедрение систем автоматического принятия решений в критически важных сферах (юриспруденция, медицина, военное дело) усугубляет эту дилемму, требуя от общества выработки не только технических, но и метафизических критериев для наделения таких систем агентностью [8, с. 92].

Проблема, некогда составлявшая предмет академической философии и когнитивной науки, сегодня оказывается в центре дискуссий о будущих идентичностях, социальных институтах и этических нормах. Так называемая «трудная проблема сознания», сформулированная Д. Чалмерсом как вопрос о том, почему и каким образом физические процессы в мозге порождают феноменальный опыт (квалиа), перестала быть умозрительной [1].

Ее неразрешенность представляет собой ключевой эпистемологический барьер на пути осмысления антропологических последствий цифровизации.

Таким образом, цель данной работы заключается в анализе «трудной проблемы» как социально-философского вызова, определяющего контуры формирования новых социотехнических реалий и требующего пересмотра устоявшихся онтологических установок.

Доминирующая в естественнонаучном дискурсе материалистически-редукционистская парадигма, интерпретирующая сознание как эпифеномен или производную функцию высокоорганизованной материи, переживает концептуальный кризис. Нейробиология, добившаяся значительных успехов в картировании нейронных коррелятов сознания (НКС), оказывается не в состоянии осуществить переход от описания процессов в терминах третьего лица к феноменологии опыта от первого лица [2, с. 78].

Этот разрыв между объективными описаниями и субъективным переживанием обнажает имманентную ограниченность методологии, основанной исключительно на внешнем наблюдении и causalном анализе.

Как отмечает Т. Нагель, материалистический неодарвинизм оказывается неадекватным для объяснения возникновения сознания в эволюционной картине мира [3].

Данный тупик сигнализирует не о временной сложности, а о возможной принципиальной недостаточности редукционистской программы, что стимулирует поиск немеханистических онтологических оснований.

Ответом на этот кризис становится реабилитация и модернизация ряда нематериалистических подходов, постулирующих фундаментальный характер сознания.

В рамках современного панпсихизма (Г. Стронсон, Д. Чалмерс) утверждается, что протоментальные свойства являются нередуцируемым атрибутом всей физической реальности, аналогичным фундаментальным физическим константам [4, с. 45].

Сознание, таким образом, не возникает из несознательной материи, а представляет собой интеграцию элементарного опыта в сложные комплексы по мере усложнения материальных структур. Это трансформирует проблему из неразрешимого вопроса о возникновении сознания в концептуально последовательную задачу объяснения интеграции и структурирования фундаментальных протоментальных свойств.

Более радикальную позицию занимает аналитический идеализм (Б. Каструп), согласно которому онтологически первичной субстанцией является универсальное сознание. Материальный мир, включая мозг, понимается как репрезентация внутри этого сознания, а индивидуальное «Я» – как локальная точка самоограничения внутри сложного ментального поля [5, с. 112].

В такой модели «трудная проблема» снимается, поскольку субъективный опыт есть базовая данность, а не производный феномен.

Схожую, но менее радикальную трактовку предлагает двухспектрный монизм, восходящий к Б. Спинозе, где ментальное и физическое предстают как две нередуцируемые, но взаимно необходимые стороны единой нейтральной субстанции [6].

Актуальность этих философских дискуссий определяется их прямой проекцией в область социальных практик и технологического проектирования.

Во-первых, вопрос о природе сознания становится центральным для этики сильного ИИ. Система, достигшая поведенческой неотличимости от человека, может рассматриваться либо как сложный «философский зомби» (лишенный квала), либо как подлинный субъект опыта.

Этот онтологический выбор определяет ее правовой статус, вопросы ответственности и морального круга, формируя принципиально разные модели взаимодействия [7].

Во-вторых, проекты цифрового бессмертия и «загрузки сознания» имплицитно основываются на редукционистской предпосылке об информационной природе «Я».

Если же верной окажется позиция панпсихизма или идеализма, такие операции могут создавать лишь симулякры, что ставит под сомнение их антропологическую ценность и несет риск масштабной социокультурной дезориентации.

В-третьих, транслируемая трансгуманизмом нарративная модель человека как «биокомпьютера» конкурирует с моделями, признающими нередуцируемость субъективности. Эта конкуренция нарративов определяет ценностные ориентации, образовательные стратегии и социальные институты будущего, образуя поле для социологического анализа.

Правовые системы, основанные на принципах человеческого достоинства и неотчуждаемых прав, требуют переосмысления в контексте потенциального размывания границ между биологическим и искусственным, субъективным и симулированным [9].

Социология сталкивается здесь с необходимостью изучения новых форм социальности (например, взаимодействия людей с предполагаемыми сознательными ИИ) и конструирования новых коллективных идентичностей в условиях онтологической неопределенности.

Таким образом, неразрешенность «трудной проблемы» создает ситуацию, в которой технологическое развитие опережает развитие концептуального и нормативного аппарата.

Это формирует методологический вызов для гуманитарных наук: необходимо разрабатывать инструменты для анализа объектов, чья природа (наделены ли они сознанием) остается под вопросом.

Требуется переход от реактивной позиции к проактивному участию и формированию исследовательской перспективы, что предполагает глубокую интеграцию с философией сознания и когнитивными науками.

Одним из перспективных направлений может стать развитие социологии ожиданий, изучающей, как различные теоретические модели сознания материализуются в технологических дорожных картах, управлеченческих решениях и публичных дискуссиях, предопределяя траекторию социально-экономического развития [10, с. 56].

Литература

- Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. 512 с.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
- Nagel T. Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False. Oxford University Press, 2012. 144 p.

4. Strawson G. et al. Consciousness and its Place in Nature. Imprint Academic, 2006. 250 p.
5. Kastrup B. The Idea of the World: A Multi-Disciplinary Argument for the Mental Nature of Reality. Iff Books, 2019. 210 p.
6. Spinoza B. Ethics. Translated by E. Curley. Penguin Classics, 1996. 186 p.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
8. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford University Press, 2013. 278 p.
9. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
10. Jasanoff S., Kim S.-H. (Eds.) Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. University of Chicago Press, 2015. 328 p.

THE HARD PROBLEM OF CONSCIOUSNESS: SOCIO-HUMANITARIAN IMPLICATIONS IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION

Abramova O.Yu.

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI

This article examines the evolution of the “hard problem of consciousness” from a narrowly philosophical debate into a large-scale interdisciplinary challenge defining key socio-humanitarian developments in the 21st century. The focus of the study shifts to the ontological aspect of the socio-practical analysis of various theoretical positions. The inability of reductionist materialism to explain the phenomenon of abstract experience (qualia) is critically examined, necessitating the search for alternative ontological models, such as panpsychism and analytical idealism. Particular attention is paid to

the consequences of the insolubility of these problems: the creation and legal dilemmas in the field of artificial intelligence, transhumanism, and immortality projects. It is argued that developing adequate social responses to technological challenges requires the explication and philosophical reflection of the ontological assumptions that connect them based on these technologies. A conclusion is drawn regarding the need to develop a new interdisciplinary research paradigm in the style of social philosophy, the sociology of knowledge, and the philosophy of consciousness.

Keywords: hard problem of consciousness, qualia, artificial intelligence, reductionism, panpsychism, analytic idealism, sociotechnical systems, transhumanism, social ontology.

References

1. Chalmers, D., The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Moscow: URSS, 2013. 512 p.
2. Chernigovskaya, T.V., The Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Language and Consciousness. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 448 p.
3. Nagel, T., Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False. Oxford University Press, 2012. 144 p.
4. Strawson, G., et al., Consciousness and its Place in Nature. Imprint Academic, 2006. 250 p.
5. Kastrup, B., The Idea of the World: A Multi-Disciplinary Argument for the Mental Nature of Reality. Iff Books, 2019. 210 p.
6. Spinoza B. Ethics. Translated by E. Curley. Penguin Classics, 1996. 186 p.
7. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Tula: Tulsky Polygraphist, 2013. 204 p.
8. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford University Press, 2013. 278 p.
9. Habermas J. The Future of Human Nature. Moscow: Ves' Mir, 2002. 144 p.
10. Jasanoff S., Kim S.-H. (Eds.) Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. University of Chicago Press, 2015. 328 p.

Философско-правовая парадигма в обеспечении экологической безопасности

Брусиловский Денис Александрович,
доктор философских наук, начальник отдела развития
международных научно-исследовательских коммуникаций
«ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет
имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,
кандидат философских наук, докторант, Кыргызско-
Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
Кыргызский национальный университет имени Жусупа
Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Карабалаева Салтанат Болотовна,
кандидат юридических наук, докторант, НОУ УНПК
«Международный университет Кыргызстана»
E-mail: sbk8585@mail.ru

В условиях углубляющегося экологического кризиса и усиливающихся глобальных вызовов возрастает потребность в переосмысливании теоретико-методологических основ обеспечения экологической безопасности. Настоящая статья направлена на выявление и обоснование философско-правовой парадигмы как ключевого междисциплинарного подхода к решению задач экологической безопасности. Целью исследования является анализ концептуальных оснований взаимодействия права, философии и экологических стратегий в контексте устойчивого развития. Методологическая база включает диалектический, системный и институциональный подходы, а также методы прогнозирования и моделирования. Авторами рассмотрены три доминирующие исследовательские позиции – биоцентристическая, гуманистическая и государство-центрическая – и раскрыта их роль в формировании механизмов правового регулирования экологических отношений. Особое внимание уделено роли философии права в обеспечении баланса между интересами развития и охраны окружающей среды, а также формированию экологически ориентированного правосознания. В качестве ключевых выводов подчеркивается необходимость перехода к целостной философско-правовой модели, интегрирующей экологические ценности в систему правовых норм и институтов. Такая парадигма не только способствует эффективному регулированию экологических рисков, но и служит основанием для формирования нового этико-правового сознания в условиях техногенной эпохи. Результаты исследования могут быть полезны для ученых, специалистов в области экологического права и философии, а также для разработчиков стратегий устойчивого развития на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: философия, право, экология, экологическая безопасность, устойчивое развитие, экологическая политика, охрана окружающей среды, экологическое законодательство, методология.

Введение

Современная эколого-правовая наука уделяет значительное внимание вопросам обеспечения экологической безопасности, актуальность которых возрастает в условиях воздействия технологических изменений и трансформации общественных процессов. Методология экологического права, включая вопросы экологической безопасности, представляет собой важный инструмент для анализа и решения глобальных эколого-правовых вызовов. Однако, несмотря на актуальность данной проблемы, ее правовое регулирование и научное осмысление остаются мало разработанными.

Исследования в области изучения развития и совершенствования экологической политики и права в Кыргызской Республике в последние годы характеризуются значительным прогрессом, которые различаются конкретными аспектами (стратегия, правовые проблемы, уголовные меры и т.д.), но дополняют друг друга в рамках общей тематики. В частности, исследованы вопросы экологической безопасности, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, борьбы с экологическими преступлениями и др.[1; 2; 3; 4; 11; 13; 18; 19] В то же время в российских исследованиях ведутся активные работы по анализу методов охраны окружающей среды и правовых аспектов экологической безопасности [5; 6]. При этом различные теоретические подходы к межсту экологической безопасности в предмете экологического права продолжают вызывать научные дискуссии, подтверждая актуальность данной темы в международном контексте.

Методология исследования

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, объединяющий философские, правовые и экологические методы анализа, что обусловлено комплексной природой экологической безопасности как социо-природного феномена. В качестве базового используется диалектический метод, позволяющий раскрыть противоречия взаимодействия человека и природы и рассмотреть экологическую безопасность в системе национальной и глобальной безопасности, а также зафиксировать переход от технократического к партнерскому пониманию природы в контексте устойчивого развития.

Системный подход обеспечил анализ экологической безопасности как целостной иерархически организованной системы, включающей правовые нормы, институты и механизмы регулирования, а также их взаимосвязь с социальным и экологическим уровнями. Институциональный подход направлен на выявление роли государства, международных организаций и гражданского общества в формировании экологической политики и оценку эффективности правовых институтов, включая аспекты трансграничной безопасности. Для прогностической оценки применены методы моделирования и прогнозирования.

Особое место занимает категориальный анализ, в рамках которого обоснован авторский понятийный аппарат, включая термин «экологическая функция права в трансграничном измерении», отражающий совокупность правовых механизмов предотвращения и минимизации трансграничного экологического ущерба и акцентирующий проблему международно-правовой ответственности государств. Методологическое единство исследования обеспечивается междисциплинарным синтезом философии, правовой науки, теории устойчивого развития и экологии, что позволяет сформировать целостную концептуальную модель обеспечения экологической безопасности.

Обсуждения

В условиях глобальных вызовов и быстро меняющихся социальных, экономических и экологических реалий экологическая безопасность приобретает ключевое значение и должна рассматриваться в трех взаимосвязанных аспектах: охраны окружающей среды, обеспечения прав граждан на благоприятную среду и устойчивого развития, основанного на балансе общества, экономики и природы. В этом контексте экологическая безопасность становится центральным элементом новой парадигмы глобального развития, ориентированной на гармонизацию природных ресурсов, общественных интересов и технологического прогресса.

С философско-методологической точки зрения экология давно вошла в глобальный научный и философский дискурс. Еще В.И. Вернадский подчеркивал роль человека как мощного геологического фактора, трансформирующего биосферу [7], что поставило задачу переосмыслиния взаимодействия человека и природы. Решение экологических проблем требует синergии естественнонаучных и социальных подходов, объединяющих анализ экосистем с исследованием поведенческих, экономических и культурных факторов. Таким образом, экологическая безопасность выступает не только практической задачей, но и междисциплинарной парадигмой устойчивого будущего.

Современные концепции экологической безопасности опираются на междисциплинарный

и системно-целостный подход, рассматривающий природу, общество и техносферу как единую динамическую систему. В условиях глобализации и технологического развития это требует новых моделей управления экологическими рисками, ориентированных на глобальные цели при учете локальной специфики и принципов устойчивости и ответственности.

Экологическая безопасность тесно связана с концепцией устойчивого развития [20], предлагающей удовлетворение потребностей настоящего без ущерба для будущих поколений. Исследования [1; 2] подчеркивают, что реализация этой парадигмы невозможна без повышения экологической грамотности и формирования экологической культуры. При этом ключевая роль принадлежит праву. Как отмечается, «цель экологической функции права – в обеспечении средствами правового регулирования качества окружающей природной среды» [15, с. 38]. Право обеспечивает охрану природы, баланс интересов, юридическую ответственность и формирование экологически ответственного поведения.

В условиях трансграничных экологических угроз предлагается понятие «экологическая функция права в трансграничном измерении», понимаемое как совокупность нормативных и институциональных механизмов предотвращения и минимизации ущерба, выходящего за рамки национальных границ. Это особенно актуально при росте трансграничных рисков – от загрязнения водных объектов до изменения климата – и позволяет по-новому осмыслить функции международного экологического права и региональные экосистемы.

Экология сегодня является ключевой наукой устойчивого развития, интегрирующей знания из различных дисциплин. По словам Н.Ф. Реймерса, она «из строгой биологической науки превращается в значительный цикл знаний...» [17, с. 130–137]. Идеи В. Вернадского о ноосфере [8] и размышления В. Гейзенберга о природе как отражении человеческого вопрошания [9, с. 290] подчеркивают взаимозависимость человека и окружающей среды. Эти подходы развиваются в экологической философии, акцентирующй ответственность человека за биосферу. Как отмечал А. Печчини, источник современного кризиса лежит внутри самого человека и требует изменения его ценностных установок [16]. Однако доминирование технократической парадигмы, рассматривающей природу лишь как ресурс, по-прежнему препятствует формированию целостной концепции экологической безопасности и ведет к нарушению экологического равновесия.

Результаты исследования

Экологическая функция права в трансграничном измерении проявляется через механизмы экологи-

ческой экспертизы, согласования трансграничных проектов и распределения ответственности между государствами. В Кыргызской Республике она реализуется, в частности, через обязательства по Хельсинкской конвенции и региональные экологические инициативы. В соответствии с Международной конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Хельсинки, 1991) [12], ратифицированной Законом КР от 12 января 2001 года № 6 [10] и сопутствующими НПА [14], оценка экологического риска представляет собой экспертную оценку возможных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду.

Зарубежные исследования подчеркивают, что в XXI веке человек подвергается воздействию не только естественной, но и трансформированной им самим природы, что формирует качественно новые экологические угрозы. В научной литературе выделяются три основные группы подходов к экологической безопасности [21]: экологический (биоцентрический), гуманистический и государство-центрический (статический).

Биоцентрический подход [22] исходит из идеи равноправия всех форм жизни и критикует антропоценлизм, рассматривающий природу исключительно как ресурс. Его сторонники подчеркивают, что антропогенная деятельность является ключевой причиной деградации экосистем, утраты биоразнообразия и изменения климата, и настаивают на формировании гармоничных отношений между человеком и природой. Эти идеи легли в основу биоэтики, устойчивого природопользования и международных экологических инициатив.

Таблица 1. Сравнительный анализ биоцентрического, гуманистического и государство-центрического (безопасностного) подходов к экологической безопасности

Подход	Философская основа	Правовая интерпретация	Ценностный фокус	Цель правового регулирования
Биоцентрический	Экофилософия, глубинная экология; равенство всех форм жизни	Природа как субъект, обладающий собственной ценностью; необходимость правовой защиты природы независимо от пользы для человека	Биосфера, экосистемы, устойчивость	Гармонизация отношений с природой, сохранение биоразнообразия, правовая защита природных объектов
Гуманистический	Антропоценлизм, философия ответственности, экогуманизм	Человек как главный субъект; экология – условие для реализации прав и достойной жизни	Здоровье, качество жизни, устойчивое развитие	Обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду, экологическое правосознание
Государство-центрический (безопасностный)	Геополитика, теория суверенитета, стратегический реализм	Природные ресурсы как объект национального контроля; охрана природы – часть госбезопасности	Территориальная целостность, стабильность	Регулирование доступа к ресурсам, предотвращение конфликтов, контроль техногенных угроз

Представленная классификация позволяет лучше понять противоречивость и разнообразие нормативных моделей, применяемых в нацио-

нальных и международных экологических стратегиях. Комплексное использование элементов всех трёх подходов может стать основой философско-

правовой парадигмы устойчивого регулирования в XXI веке.

Заключение

Философско-правовой подход к обеспечению экологической безопасности позволяет не только выявить глубинные причины экологического кризиса, но и предложить комплексное основание для его преодоления. Анализ современных концепций показал, что устойчивое развитие невозможно без переосмысления роли человека в природе и интеграции экологических ценностей в правовую систему. Формирование новой парадигмы требует междисциплинарного взаимодействия, усиления правового регулирования и развития экологического правосознания. В условиях нарастающих глобальных вызовов философско-правовая парадигма представляет собой перспективный теоретический и практический ориентир для достижения баланса между развитием общества и сохранением окружающей среды.

Литература

- Акматова Н. С. О современной экологической парадигме / Н.С. Акматова, Д.А. Брусиловский, Ч.С. Усупова // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции, Екатеринбург, 13 апреля 2021 года. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 108–114. – EDN ISXAFB.
- Акматова Н.С. Предыстория идеи ковалюционного развития человечества / Н.С. Акматова, Д.А. Брусиловский, Ч.С. Усупова // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции, Екатеринбург, 13 апреля 2021 года. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 115–122. – EDN PCCDOR.
- Арзиев Н.И. Правовые проблемы охраны окружающей среды в Кыргызской Республике: Автoref. дис. канд. юрид. наук: 12.00.06. -Бишкек, 2015. 155 с.
- Асылбекова Н.Э. Экологическая стратегия как парадигма государственной политики: Автoref. дис. канд. юрид. наук: 12.00.06. – Бишкек, 2013. – 23 с.
- Балашенко С.А. Правовое моделирование в системе обеспечения национальной безопасности // Современные тенденции правового регулирования экологических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 апреля 2013 г. / С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2013. С. 3–6; Его же. Правовое моделирование в системе эко логической безопасности среды // Евразийский юрид. журнал. 2015. № 6. С. 91–94.
- Бринчук М.М. Актуальные вопросы методологии эко логического права // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Семенкова (гл. ред.). Вып. 5. Минск, 2009. С. 344–353; Его же. Методологические основания экологического права // Экологическое право. 2010. № 2. С. 2–6; Его же. Внешние методологические основания развития экологического права: закономерности развития природы, положения общественных наук о взаимодействии общества и природы, потенциал природы // Экологическое право. 2011. № 1. С. 2–7; Его же. Методология модернизации экономики, иных общественных сфер и экологического права: теория и практика // Труды ИГП РАН. 2012. № 3. С. 88–118.
- Вернадский В.И. Биосфера. Избр. соч.т. 5, М., 1960.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт – М.: Прогресс, 1987. С. 290.
- Закон КР «О присоединении Кыргызской Республики к Конвенции Европейской Экономической Комиссии ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте» от 12 января 2001 года № 6 <https://cbd.minjust.gov.kg/17002/edition/297095/ru>
- Карабалаева С.Б. Общие вопросы правового обеспечения государственной политики Кыргызской Республики в области охраны окружающей среды / С.Б. Карабалаева // Известия ВУЗов (Кыргызстан). – 2014. – № 11. – С. 166–168. – EDN ULPRMT.
- Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml
- Мусабаева Н.А. Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности Кыргызской Республики: Автoref. дис. канд. юрид. наук: 12.00.06. – Ош, 2014. – 25 с.
- Перечень природоохранных Конвенций, исполнительным государственным органом, ответственным за реализацию которых является Государственное агентство по охране окружающей среды и лесному хозяйству при Правительстве Кыргызской Республики <https://cbd.minjust.gov.kg/18443/edition/298478/ru>
- Петров В.В. Экология и право. М.: Юридическая литература, 1981. С. 38.
- Печчин А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.
- Реймерс Н.Ф. Теоремы экологии // Наука и жизнь. 1992. № 10. С. 130–137.

18. Токтобаев Б.Т. Некоторые вопросы развития нормативных основ экологической безопасности Киргизской Республики / Б.Т. Токтобаев, С.Б. Карабалаева // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 336–340. – DOI 10.5281/zenodo.2539792. – EDN YUDRZB.
19. Шин Г.А. Экологическая преступность и ее предупреждение в Кыргызской Республике: Автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. -Бишкек, 2013. – 22 с.
20. Экологическая безопасность в контексте устойчивого развития Кыргызстана. – Бишкек, 2015. – 90 с.
21. Dabelko G., Matthew R. The Last Pocket of Resistance // Encountering Global Environmental Politics / Ed. by Michael Maniates. NY, 2003.
22. Deep Ecology for the Twenty-First Century. Ed. by Sessions George. NY, 1995.
23. Homer-Dixon Th. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. Issue 1. Pp. 5–40;
24. Matthew R. Rethinking Environmental Security // Conflict and the Environment / Ed. by Gleditsch Nils Petter. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 71–90.
25. United Nations Development Program – Redefining Security: The Human Dimension // Human Development Report, 1994.

THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL PARADIGM IN ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D., Karabalaeva S.B.

Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, International University

In the context of the deepening environmental crisis and growing global challenges, there is an increasing need to rethink the theoretical and methodological foundations of environmental security. This article aims to identify and justify the philosophical and legal paradigm as a key interdisciplinary approach to solving environmental security issues. The purpose of the study is to analyse the conceptual foundations of the interaction between law, philosophy and environmental strategies in the context of sustainable development. The methodological basis includes dialectical, systemic and institutional approaches, as well as forecasting and modelling methods. The authors consider three dominant research positions – biocentric, humanistic and state-centric – and reveal their role in the formation of mechanisms for the legal regulation of environmental relations. Particular attention is paid to the role of the philosophy of law in ensuring a balance between the interests of development and environmental protection, as well as the formation of an environmentally oriented legal consciousness. The key conclusions emphasise the need to transition to a holistic philosophical and legal model that integrates environmental values into the system of legal norms and institutions. Such a paradigm not only contributes to the effective regulation of environmental risks, but also serves as a basis for the formation of a new ethical and legal consciousness in the technogenic era. The results of the study may be useful for scientists, specialists in the field of environmental law and philosophy, as well as for developers of sustainable development strategies at the national and international levels.

Keywords: philosophy, law, ecology, environmental security, sustainable development, environmental policy, environmental protection, environmental legislation, methodology.

References

1. Akmatova, N.S. On the modern ecological paradigm / N.S. Akmatova, D.A. Brusilovskii, Ch.S. Usupova // State youth policy: challenges and modern technologies for working with young people: materials from the International Youth Research Conference, Yekaterinburg, 13 April 2021. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2021. – Pp. 108–114. – EDN ISXAFB.
2. Akmataova N.S. Background to the idea of the co-evolutionary development of humanity / N.S. Akmatova, D.A. Brusilovskii, Ch.S. Usupova // State Youth Policy: Challenges and Modern Technologies for Working with Youth: Proceedings of the International Youth Research Conference, Yekaterinburg, 13 April 2021. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2021. – Pp. 115–122. – EDN PCCDOR.
3. Arziev N.I. Legal problems of environmental protection in the Kyrgyz Republic: Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.06. -Bishkek, 2015. 155 p.
4. Asylbekova N.E. Environmental strategy as a paradigm of state policy: Abstract of thesis for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.06. – Bishkek, 2013. – 23 p.
5. Balashenko S.A. Legal modelling in the national security system // Contemporary trends in the legal regulation of environmental relations: materials of the International scientific and practical conference, Minsk, 26–27 April 2013 / S.A. Balashenko (chief editor) [et al.]. Minsk, 2013. Pp. 3–6; Ibid. Legal modelling in the system of environmental security // Eurasian Legal Journal. 2015. № 6. Pp. 91–94.
6. Brinchuk M.M. Topical issues of environmental law methodology // Law in modern Belarusian society: collection of scientific works / edited by V.I. Semenkova (chief editor). Issue 5. Minsk, 2009. Pp. 344–353; Ibid. Methodological Foundations of Environmental Law // Environmental Law. 2010. № 2. Pp. 2–6; Ibid. External Methodological Foundations for the Development of Environmental Law: Patterns of Nature Development, Social Science Provisions on the Interaction between Society and Nature, Nature's Potential // Environmental Law. 2011. № 1. Pp. 2–7; Ibid. Methodology for the modernisation of the economy, other social spheres and environmental law: theory and practice // Proceedings of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 3. Pp. 88–118.
7. Vernadsky, V.I. The Biosphere. Selected Works, Vol. 5, Moscow, 1960.
8. Vernadsky, V.I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Moscow, 1991.
9. Heisenberg, W. Steps Beyond the Horizon. Moscow: Progress, 1987. P. 290.
10. Law of the Kyrgyz Republic 'On the Accession of the Kyrgyz Republic to the Convention of the United Nations Economic Commission for Europe on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context' of 12 January 2001 № 6 <https://cbd.minjust.gov.kg/17002/edition/297095/ru>
11. Karabalaeva S.B. General issues of legal support for the state policy of the Kyrgyz Republic in the field of environmental protection / S.B. Karabalaeva // Izvestiya VUZov (Kyrgyzstan). – 2014. – № 11. – Pp. 166–168. – EDN ULPRMT.
12. Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml
13. Musabaeva N.A. Legal regulation of environmental safety in the Kyrgyz Republic: Abstract of thesis for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.06. – Osh, 2014. – 25 p.
14. List of environmental conventions, the executive state body responsible for the implementation of which is the State Agency for Environmental Protection and Forestry under the Government of the Kyrgyz Republic <https://cbd.minjust.gov.kg/18443/edition/298478/ru>
15. Petrov V.V. Ecology and Law. Moscow: Legal Literature, 1981. P. 38.
16. Pechzei A. Human Qualities. Moscow, 1985. 312 p.
17. Reimers N.F. Theorems of Ecology // Science and Life. 1992. № 10. P. 130–137.
18. Toktobaev B.T. Some Issues of Developing the Regulatory Framework for Environmental Safety in the Kyrgyz Republic /

- B.T. Toktobaev, S.B. Karabalaeva // Bulletin of Science and Practice. – 2019. – Vol. 5, № 1. – Pp. 336–340. – DOI 10.5281/zenodo.2539792. – EDN YUDRZB.
19. Shin G.A. Environmental crime and its prevention in the Kyrgyz Republic: Abstract of thesis for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. – Bishkek, 2013. – 22 p.
20. Environmental safety in the context of sustainable development in Kyrgyzstan. – Bishkek, 2015. – 90 p.
21. Dabelko G., Matthew R. The Last Pocket of Resistance // Encountering Global Environmental Politics / Ed. by Michael Maniates. NY, 2003.
22. Deep Ecology for the Twenty-First Century. Ed. by Sessions George. NY, 1995.
23. Homer-Dixon Th. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. Issue 1. Pp. 5–40.
24. Matthew R. Rethinking Environmental Security // Conflict and the Environment / Ed. by Gleditsch Nils Petter. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 71–90.
25. United Nations Development Programme – Redefining Security: The Human Dimension // Human Development Report, 1994.

Тенденции социальной трансформации современной Африки в условиях глобализации

Нандингна Мануэл Мора Кампал,
адъюнкт кафедры философии и религиоведения
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: manelins@mail.ru

Статья посвящена определению и характеристике тенденций социальных трансформаций, происходящих на Африканском континенте в контексте усиливающихся процессов глобализации. В работе рассматривает позитивные и негативные аспекты процесса глобализации, которые порождают рассматриваемые тенденции. В качестве примеров автор приводит некоторые аспекты глобализации, так и иначе влияющие на процесс развития стран Африки.

Ключевые слова: Африка, глобализация, социальные трансформации, негативные аспекты, позитивные аспекты, тенденции, транснациональные компании.

На современном этапе развития человечества глобализация выступает в роли процесса, преображающего привычный для окружающих мир. Глобализация «стирает границы» между странами, развивает международную политику и экономические отношения.

Глобализация является всесторонней интеграцией в мировом масштабе, которая зародилась достаточно давно, с тех самых пор, как *homo ergaster* (человек-завоеватель) покинул колыбель человечества Африку и заселил почти все континенты. Так и начался впервые процесс глобализации, движение людей к единству посредством путешествий, географических открытий и торговли. В настоящее время этот процесс под влиянием целого ряда факторов значительно ускорился.

Глобализация – понятие, описывающее современную тенденцию к становлению и расширению транснационального социального пространства. Благодаря глобализации, формируется система глобальных социальных связей, предполагающих применение универсальных схем управления и стандартных критериев для оценки и структурирования человеческой деятельности, процессы и события лишаются статуса «локальных», снижается влияние ограничений, налагаемых географическими факторами и культурной спецификой на социальное устройство и повседневную жизнь людей [1, с. 131–132].

Глобализация, как и все процессы социальной действительности, имеет позитивные и негативные аспекты, которые уже достаточно давно беспокоили умы исследователей на междисциплинарном уровне. Осмыслением процесса глобализации занимались и продолжают заниматься философы, политологи, социологи, психологи, экономисты и другие представители ученого сообщества.

Позитивные аспекты глобализации прежде всего связаны с выигрышем от международной интеграции и торговли на взаимовыгодной основе, модернизации и рационализации производства, широком освоении передовых технологий и инноваций.

Негативные аспекты глобализации преимущественно выделяют в трудно решаемых проблемах существования в мире, где соперничество крупных индустриальных держав не только не исчезает, но и в условиях экономических кризисов принимает скрытые формы.

Спор вокруг протекающих процессов глобализации преимущественно происходит между сторонниками однополярности и многополярности современного мира, которые, как представляется, пытаются подтвердить свои убеждения, акцентируя внимание на положительных или отрицательных аспектах глобализации.

Рассмотрим некоторые основные аспекты процесса глобализации на примере Африки, являющейся одним из крупных континентов, на котором проживают сотни народов с тысячелетней историей и который, в настоящее время, наиболее подвержен воздействию данного процесса [2, с. 17].

К положительным аспектам глобализации преимущественно относят следующее.

1. Экономическое развитие региона. Приход на африканский континент международных промышленных гигантов сопровождается «вливанием» в экономику стран большого количества финансовых средств. Помимо поступления средств в бюджет, происходит социальное развитие региона расположения ТНК. Примерами развития выступают: развитие дорожной сети, строительство больниц и школ, магазинов и увеселительных заведений, всего того без чего в современное время не мыслит нормального существования представитель западной культуры, что в целом оказывается положительно на регионе и коренном населении, которые становятся пользователями возникающих социальных благ.

2. Цифровая модернизация. Повсеместная глобальная цифровизация не обходит стороной и Африканский континент. Процесс глобализации запустил в Африке развитие цифровых технологий, которые стали инструментом социального развития общества.

Благодаря цифровизации, в своем развитии совершили скачок мобильная связь и глобальная информационная сеть на континенте, которые сформировали новые формы социальной мобильности населения, инклюзивного роста и участия граждан в экономической и политической жизни страны. Цифровые системы стерли границы в обществе не только внутри страны, но и между странами и континентами, позволив африканскому населению из удаленных регионов получать качественное и востребованное в стране образование мирового уровня в дистанционном формате, местным врачам проводить международные консилиумы и тем самым повысить уровень оказания медицинской помощи и многие др. [3, с. 53; 4, с. 147–148].

3. Социально-культурное развитие. Социально-культурные изменения, вызванные процессом глобализации, являются наиболее сложными и многообразными аспектами, действующими на африканский континент. Глобализация привела к началу трансляции посредством средств массовой информации различных мобильных платформ

удаленного доступа африканской культуры, традиций и ценностей в мировое сообщество, проводя тем самым культурную самопрезентацию Африки на международной арене [5, с. 55–56].

Но помимо положительных аспектов глобализации, привносящих пользу для населения Африки, выделяют также и негативные аспекты, среди которых можно выделить следующее.

1. Утечка человеческого капитала. «Страя границы» между государствами для решения социально-экономических задач, глобализация привела к увеличению миграционного потока из африканских стран, состоящих преимущественно из квалифицированных рабочих кадров, которые в поисках лучшей жизни переселяются в более развитые страны.

Африка в настоящее время является одним из главных поставщиков рабочей силы в страны Запада, нанося при этом огромный ущерб социальной структуре африканского общества, испытывающему постоянный дефицит в работниках высокой квалификации [6, с. 450–451].

2. Увеличение социального расслоения. Огромный поток инвестиций, поступающих в Африку, приводит к открытию на территории континента представительств и производств международных компаний, что создает в стране появление «партнеров» среди местного населения, приводящих к появлению в обществе высокого класса. Это положение дел не может не радовать, но оно имеет обратную сторону, которая показывает, что большая часть изначально бедного населения не только становится еще беднее, но и зачастую вовсе лишается каких-либо условий к существованию [7, с. 78–79].

3. Формирование прозападной «пятой колонны». Как известно, на Африканском континенте проживает более сотни различных народностей с тысячелетней историей, для каждого из которых характерны свои духовные и нравственные ценности, которые они пронесли через века. С приходом глобализации в Африку начали проникать ценности, характерные преимущественно для Западных стран, такие, как либерализм, космополитизм, глобальное управление и др. Наиболее подверженными влиянию западных ценностей становятся выгодоприобретатели среди местного населения, те, кто получил выгоду от вступления в глобальную экономику с началом глобализации. Эти выгодоприобретатели, преисполненные энтузиазма, становятся социальной базой проводимых общественно-политических трансформаций [8, с. 576; 9, с. 311–312].

4. Распространение религиозного экстремизма. Возрастающая за счет проводимой глобализации нищета порождает среди местного населения, не согласного с тем, что и без того богатые глобалисты становятся еще богаче, при этом разрушают традиционную культуру и уничтожают природ-

ные ресурсы, создание ячеек, которые формируются преимущественно из бедного, неграмотного, суеверного населения. Данные ячейки, прикрываясь религиозными мотивами, вступают в открытую конфронтацию с правительством, зачастую заканчивающуюся кровопролитием. Но религия здесь играет своего рода роль ширмы, за которой скрывается другая причина – социальная несправедливость [10, с. 76].

Выделив и рассмотрев основные аспекты процесса глобализации в странах Африки, необходимо сделать вывод о том, что глобализация является динамическим процессом, находящимся в постоянном движении и привнося в разные моменты времени многообразные проявления данных аспектов как положительной, так и отрицательной направленности, возникающих поочередно или одновременно.

Рассматривая постоянно возникающие и изменяющиеся социальные аспекты глобализации, можно выделить тенденции в социальной трансформации стран Африки.

Прежде всего следует отметить, что Африка не сразу оказалась в числе выгодоприобретателей глобализации, потому что, перенося свои производственные мощности из развитых стран, ТНК в первую очередь обращали свои взоры на Китай и другие государства Восточной Азии. Дело в том, что рабочая сила в этих странах отличалась более высокой квалификацией, что стало следствием наличия там развитой системы образования, созданной в период социалистического развития этих государств или под влиянием примера социалистических соседей.

Однако в настоящее время восточноазиатские страны начинают демонстрировать все более заметные признаки исчерпания ресурсов, имеющих как демографическую, так и экономическую природу. Демографическое исчерпание связано с завершением демографического перехода от высокой к низкой рождаемости в Китае и других государствах региона. Как следствие, китайская, вьетнамская и прочая восточноазиатская деревня перестала обеспечивать воспроизводство сельского населения в достаточном количестве для замещения уезжающих в город за лучшей долей. Иными словами, резервуар народонаселения уже не выглядит таким бездонным, и потоки стремящихся в город деревенских жителей стали заметно скромнее и близки к тому, чтобы сойти на нет.

В настоящее время даже самые крупные африканские государства не обладают потенциалом превращения в самостоятельный мировой полюс в обозримой перспективе. У большинства из них традиция самостоятельной государственности не превышает нескольких десятилетий. Перспективы формирования единого панафриканского геополитического субъекта представляются в лучшем случае умозрительными. Таким образом,

перенос производственных мощностей в Африку не таит в себе существенных рисков доминирования Запада в целом.

Глобализация и открытие производственных предприятий западных ТНК коренным образом трансформировало эту картину. Сворачивание производств в странах традиционного капиталистического ядра, т.е. на Западе, высвободило для корпораций колоссальные финансовые средства, которые ранее уходили на выплаты зарплат западным рабочим, отчисления в западные социальные фонды и соблюдение западных экологических норм. Перенаправление части этих средств на оплату труда африканских рабочих и особенно инженеров и менеджеров означало радикальное повышение качества их жизни и их переход в ряды среднего класса. Средний класс по-прежнему составляет меньшинство африканского общества, но теперь это уже не микроскопическое, а численно значимое меньшинство, способное влиять на социальные, политические, культурные и иные процессы.

Представляется, что если перенос промышленных производств из стран Запада и Восточной Азии в Африку создает первичный драйвер экономического роста в странах африканского континента, то потребительская активность среднего класса, обязанного своим появлением на свет этому переносу, становится дополнительным локомотивом развития африканской экономики. Его настроения и предпочтения на рынках товаров и услуг становятся значимыми факторами, влияющими на решения крупных производителей и поставщиков, как местных, так и зарубежных.

Таким образом, можно констатировать, что в результате глобализации положительные и отрицательные аспекты данного процесса являются главной тенденцией социальных трансформаций в африканских странах и могут иметь далеко идущие последствия для их социального, экономического и политического будущего в целом.

Литература

1. Современный философский словарь. – М.: Академический проект, 2020. – 823 с.
2. Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 320 с.
3. Петрий П.В., Петряков К.С. Симулякры цифросферы как угрозы духовному суверенитету России // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 53–57.
4. Петряков К.С., Казаков Д.В. Цифровизация как современное пространство конструирования симулякров // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14. № 7–1. С. 147–152.

5. Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру: коллективная монография / отв. ред. и сост. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН. 2024. – 648 с.
6. Абрамова И.О. Население Африки в новой глобальной экономике. – М.: Институт Африки РАН, 2010. – 494 с.
7. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. – М.: Весь мир, 2004. – 214 с.
8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Канон+, 2023. – 576 с.
9. Некрасов Д.В. Гуманитарные интервенции в современных геополитических процессах / Д.В. Некрасов, М.С. Васильева // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 311–313.
10. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Возникновение и деятельность вилайата «Исламского государства» в странах Центральной и Восточной Африки // Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира: сб. статей / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч, О.В. Константинова. – М.: Институт Африки РАН, 2024. – С. 72–84.

TRENDS OF SOCIAL TRANSFORMATION IN MODERN AFRICA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Nandingna Manuel Mora Kampal

Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation

This article is devoted to defining and characterizing the trends of social transformations occurring on the African continent in the con-

text of intensifying globalization processes. The paper examines both the positive and negative aspects of globalization that give rise to these trends. The author provides examples of certain aspects of globalization that, in one way or another, affect the development process of African countries.

Keywords: Africa, globalization, social transformations, negative aspects, positive aspects, trends, transnational companies.

References

1. Modern Philosophical Dictionary. – Moscow: Academic Project, 2020. – 823 p.
2. Berezhkin Yu.E. Africa, Migrations, Mythology. Areas of Folklore Motif Distribution in a Historical Perspective. – St. Petersburg: Nauka, 2013. – 320 p.
3. Petriy P.V., Petryakov K.S. Simulacra of the Digital Sphere as Threats to Russia's Spiritual Sovereignty // Social and Political Sciences. 2024. Vol. 14, № 1. Pp. 53–57.
4. Petryakov K.S., Kazakov D.V. Digitalization as a Contemporary Space for Constructing Simulacra // Context and Reflection: Philosophy on the World and Humanity. 2025. Vol. 14, № 7–1. Pp. 147–152.
5. Asian and African Countries on the Path to a Multipolar World: Collective Monograph / Ed. and Comp. I.V. Deryugina; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: IOS RAS, 2024. – 648 p.
6. Abramova I.O. The Population of Africa in the New Global Economy. – Moscow: Institute of Africa, RAS, 2010. – 494 p.
7. Globalization, Growth, and Poverty. Building a Universal World Economy. – Moscow: Ves Mir, 2004. – 214 p.
8. Zinoviev A.A. On the Path to the Super-Society. – Moscow: Canon+, 2023. – 576 p.
9. Nekrasov D.V. Humanitarian Interventions in Contemporary Geopolitical Processes / D.V. Nekrasov, M.S. Vasilieva // Eurasian Law Journal. 2023. № 9 (184). Pp. 311–313.
10. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Emergence and Activities of the Wilayat of the 'Islamic State' in the Countries of Central and East Africa // Africa – an Ascending Center of the Emerging Multipolar World: Collection of Articles / Eds. S.N. Volkov, T.L. Deich, O.V. Konstantinova. Moscow: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 72–84.

Человек и человеческое существование в творчестве А.П. Чехова

Пащак Игорь Владимирович,
к.ф.н., кафедра философии, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: nightknight2011@yandex.ru

Исследуется понимание Чеховым проблемы человека и человеческого существования. Показан реализм, объективность в описании обычных людей. Утверждается мастерство Чехова как художника человеческой повседневности, обыденного бытия. Показано, что в понимании Чехова жизнь, лишенная труда и идеи общего блага приводит к абсурду, одиночеству, несчастью и скуке. Чехов представлен как создатель философии скуки. Выявлено, что труд и любовь – это основные средства достижения смысла и ценности бытия. При этом материальные ценности и эгоистическое счастье – мнимое решение вопроса смысла жизни. Затрагивается тема идеала человека в мировоззрении писателя. Автор высвечивает гуманистическое содержание творчества Чехова, веру в человека и в достойное будущее общества.

Ключевые слова: А.П. Чехов, человек, существование, повседневность, смысл жизни, абсурд, труд.

Тема человека, безусловно, является центральной в художественном творчестве А. Чехова. К ней он обращался во многих своих произведениях: рассказах и пьесах, а также в письмах. Чехов отмечал: «Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа» [1, с. 194]. Известно, что Чеховым было создано около 8 тысяч персонажей (для сравнения у О. Бальзака в «Человеческой комедии» около 3 тысяч). И каждый из этих персонажей обладал своим внутренним миром, потребностями, стремлениями. Цель статьи – исследование проблемы человека в художественном творчестве Чехова, выявление основных черт человеческого существования. Актуальность работы: на материале сочинений писателя осмысливать обыденное существование человека, подходы к решению вопроса смысла жизни. Это чрезвычайно важно в условиях современного кризиса культуры и общества потребления. Выскажем идею, что мировоззрение Чехова близко по своему характеру философскому течению экзистенциализма, экзистенциальные мотивы его творчества сильны и отчетливы. *Через описание быта, обыденных ситуаций он поднимался до вопросов бытия, вопросов масштабных, философских.*

У Чехова мы не находим четкого определения человека в духе «политического животного» Аристотеля, *homo sapiens* Линнея или *homo ludens* Хейзинги, но он обозначал стержневые аспекты человеческого бытия, формировал свой идеал индивида, говорил о том, каким индивид должен быть.

Допустимо, на наш взгляд, творчество Чехова обозначить как гуманистическое, глубокое гуманистическое содержание присутствовало в творчестве и в самой жизни, врачебной и общественной деятельности писателя. *Милосердие, сострадание, стремление улучшить жизнь людей*, на наш взгляд, базисные ценности Чехова. Известный отечественный философ С. Булгаков в своей публичной лекции «Чехов как мыслитель» отмечал, что Чеховым в своих литературных трудах «ставится коренная и великая проблема метафизического и религиозного сознания – загадка о человеке» [2, с. 549]. Это сближает мировоззрение Антона Павловича с идеями таких мыслителей как Н. Чернышевский, Л. Толстой, Ф. Достоевский. Для Чехова, равно как и для Достоевского, человек – загадка, в полной мере, которую разгадать невозможно.

Как нам представляется, Чехов в своем творчестве стремился к объективности изображения

действительности, реализму, правде жизни. Слова писателя можно рассматривать как некий принцип, установку в изображении человека: «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему каков он есть» [3, с. 512]. Разумеется, все персонажи созданы воображением автора, но их характеры взяты из самой жизни. Интересное замечание делает С. Булгаков, которое мы считаем справедливым: «Правда, по свойству таланта и всего душевного склада Чехова, взор его всегда оставался устремленным больше на отрицательные стороны жизни человека, чем на положительные, больше на его плевелы, чем на пшеницу...» [2, с. 557]. Но это говорит не о пессимизме, не о критицизме Чехова, а о его заботе о будущем справедливом обществе, о лучшей жизни, о необходимости развития и самосовершенствования человека. Вероятно, преследуя данную цель, он создал картину жизни «хмурых людей» (грубых, мягкотелых, невежественных, недовольных своим существованием). В них отсутствует героическое начало, их можно назвать персонажами, но не героями. Они бесконечно далеки от идеала человека.

С нашей точки зрения, в рассказах и пьесах Чехова мы можем выделить два основных плана: 1. Обыденная, повседневная жизнь людей, быт, житейские заботы, иллюзия, имитация жизни. Здесь царят пустота, абсурд, пошлость, скука; 2. Истинное, подлинное, аутентичное (на языке философов-экзистенциалистов) бытие человека, наполненное трудом, творчеством, созиданием. Лишь немногим доступна такая жизнь в настоящем, у Чехова, скорее, эта жизнь при соответствующих усилиях ожидает нас в будущем. Скука как ржавчина разъедает повседневность индивида, свидетельствует о ее пустоте, бесцельности. Не будет преувеличением сказать, что Чехов – создатель философии скуки. Многие его персонажи скучают, не знают что делать со временем и на что направить свои силы, не развиваются свои таланты. В рассказе «Дама собачкой» (1899) он дает такую характеристику русской жизни в провинции: «...куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха» [4, с. 375].

В пьесе «Дядя Ваня» (1897) Чехов создает картину жизни профессора Серебрякова и его семьи волей обстоятельств живущих в деревне. На их примере несложно увидеть образ русской интеллигенции второй половины XIX века. Здесь затрагивается социальная тема (жизнь простых людей, народа), тема взаимодействия человека и природы, просвещения и труда. Доктор Астров, имеющий широкую практику, выполняющий обязанности земского доктора так характеризует жизнь в деревне: «Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки, а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь...»

[5, с. 78]. И в другом месте тем же Астровымается такая характеристика: «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами своей души... Я работаю, как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю невыносимо, но у меня нет вдали огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю... Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет... Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе, к людям уже нет...». [5, с. 101].

Неудовлетворенность, недовольство своим существованием осознают Иван Войницкий (дядя Ваня), Соня и Елена Андреевна. Таким образом, определяющими аспектами жизни оказываются одиночество, абсурдность, несчастье, оторванность от природы ее красоты и величия, скука. Семья Войницких у Чехова выступает иллюстрацией нравственной, духовной гибели людей, невозможность в полной мере применить свои таланты, жить полноценной, содержательной жизнью. Но в отличие от Ф. Кафки в произведениях которого абсурд, отчаяние, ужас непреодолимы у Чехова предлагаются лучшая альтернатива человеческого бытия. Именно в пьесе «Дядя Ваня» писатель формулирует кратко, но емко свой идеал человека: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли [5, с. 99]. В этой формуле высказывается идея тождества внутреннего мира человека и внешнего облика, этики и эстетики, формы и содержания. Она отсылает нас к принципу калокагатии древнегреческой философии, содержит в себе высокую требовательность к человеку, предложение постоянного саморазвития и самоконтроля, большой ответственности перед собой и перед обществом. Например, праздность или небрежность в одежде есть неуважение к себе, к своему подлинному «я», а также и к окружающим людям, как дальним, так и близким.

Важнейшими нравственными качествами человека у Антона Павловича, безусловно, выступают трудолюбие, милосердие, способность к любви. Именно эти качества способны преобразить бытие человека, сделать его счастливым, радостным или по крайне мере достойным. Он писал: «Праздная жизнь не может быть чистою» [5, с. 100].

Милосердие подразумевает мягкость, снисходительность к людским недостаткам, желание помочь им, является альтернативой злости, жестокости и равнодушия. Любовь в разных своих проявлениях также занимает важное место в человеческой жизни, помогает преодолеть абсурд и пустоту, прийти к счастью и смыслу. Например, любовь к природе вдохновляет доктора Астрова на защиту лесов. Таким образом, через труд упорный и методичный, через любовь и милосердие можно прийти к достойной и счастливой жизни в будущем. Ес-

ли ты сам не достигнешь такой жизни, к ней приведут следующие поколения. Любовь преображает жизнь героев рассказа «Дама с собачкой» Гуррова и Анны Сергеевны, которые до своей встречи не знали подлинных чувств, радости и самой жизни, подчиняясь внешним обстоятельствам.

Проблема человека и связанные с ней проблемы смысла жизни, любви и счастья ставятся Чеховым в пьесе «Три сестры» (1900). На наш взгляд, автор также противопоставляет настоящую, подлинную, свободную жизнь героев (в частности семьи Прозоровых), жизнь связанную с мечтой о Москве и будущим и обыденное, серое, скучное существование в провинциальном городе в настоящем. У Ольги Прозоровой есть профессия, она служит в гимназии, но труд ее механический, тяжелый, лишенный вдохновения и радости. Другие действующие лица пьесы труда не знают, но много о нем рассуждают и готовятся к нему. Печальная судьба Андрея Прозорова. Оставляя свои надежды на академическую деятельность в университете, он становится лишь членом земской управы, погрязает в рутине, быту. Доктор Чебутыкин (вдумаемся, доктор, то есть человек, который по определению должен быть знающим и ответственным) ничего не знает и не умеет. Чехов показывает как талантливые, образованные люди не могут в полной мере найти себя в провинциальном городе, применить свои способности, становятся обывателями, отказываются от мечты. Автор с грустью описывает слабость, неспособность героев вырваться из бытовых мелочей, заниматься настоящим трудом и созиданием. Все уходит в слова и ожидания. Чехов предлагает путь необходимый для осмысленной, содержательной, счастливой жизни – это труд, упорная работа на благо общества, на благо будущих поколений (не слова и рассуждения, а каждодневный труд). У него мы находим следующие слова: «Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать в ней теперь хотя издали, нужно приспособиться к ней нужно работать» [6, с. 152].

Проведем параллели с современным обществом. У кого из людей ныне живущих нет надежд, ожиданий, планов, амбиций? Но как сложно достичь желаемого, перейти от идей, от слов к делу, практике. А сложности, которые возникают на нашем пути создают ложное представление о невозможности достижения лучшей жизни, бессмысленности усилий. Но Чехов предлагал: важно верить и действовать. По мнению С. Булгакова, писатель показывал «бескрылость» человека, его слабость в достижении не только возвышенной, героической, но и просто достойной жизни: Пока он (человек – И. П.) живет не на Олимпе, а в «овраге», застланном туманом и вредными испарениями. Правда и в овраге, сквозь туман видятся

иногда далекие сверкающие звезды, и там порой слышится вечерний благовест» [2, с. 553].

Ценный материал по нашей теме дает и рассказ «Крыжовник» (1898). Из него мы узнаем о жизни бывшего чиновника Николая Ивановича, который оставил службу, купил усадьбу и занимался выращиванием крыжовника. Последний стал смыслом его жизни, пределом мечтаний, вытеснив все иные потребности. Здесь на примере простой истории обычного человека Чехов ставит важнейшие философские вопросы человеческого бытия и смысла жизни. Опираясь на этот рассказ и на факты биографии Антона Павловича, на результаты его общественной деятельности можно сделать следующие заключения Чехов был убежден, что человеческая жизнь должна иметь глубокий смысл, ценность, оправдание. Отсутствие смысла жизни ведет человека к самоубийству или к деградации, праздной жизни, скуке (например, Иванов из одноименной пьесы и Треплев из «Чайки»). Здесь четко видны параллели со «Смертью Ивана Ильича» Л. Толстого и «Мифом о Сизифе» А. Камю. Последний отмечал, что осознание бессмыслицы бытия подталкивает человека к мысли о самоубийстве, невозможно постоянно жить в атмосфере абсурда: «Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос – вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит, – это значит ответить на основополагающий вопрос философии» [7, с. 109].

Удовлетворение естественных потребностей и страстей, тихое, сытое счастье не приносят в нашу жизнь смысл. Так, выращивание крыжовника не может быть истинным смыслом человеческой жизни, равно как и накопительство денег. Человеку нужен масштаб, широкий размах для реализации своего таланта: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку... (имеется в виду идея Л. Толстого – И. П.). Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, своего рода монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе, он мог бы проявить все свои свойства и особенности своего свободного духа» [8, с. 335].

По Чехову, забота о людях, об общем благе, активная общественная деятельность, конкретные добрые дела, а не просто благие намерения и красивые размышления придают смысл, положительное содержание нашей жизни, делая ее собственно человеческой. В частности, помочь крестьянам в плане просвещения, медицины, строительства могло бы быть реализацией этого добра, уже в настоящем, а не отдаленном будущем.

Чехов отмечал опасность самоуспокоенности, благодушия, на протяжении всей жизни важно бороться со страданиями людей. Сравним эту идею

с идеей А. Швейцера: «Чистая совесть есть изобретение дьявола» [9, с. 315].

Итак, в ходе исследования мы приходим к следующим выводам.

1. Тема человека является центральной в творчестве Чехова, наряду с темой природы. Жизнь человека неразрывно связана с природой. Как и для Ф. Достоевского, человек для Чехова – загадка, в полной мере ее разгадать нельзя.

2. Писатель стремился к объективному, реалистическому описанию человека и его жизни (описанию его таким, каков он есть). Он создает картину жизни «хмурых людей» или «людей из оврага», то есть обывателей.

3. Дается описание *обыденного существования человека*, которое очень далека от совершенства, от жизни подлинной, собственно человеческой. Оно наполнено одиночеством, несчастьем, скучкой. Справедливое общество недостижимо в настоящем, но при упорной работе станут реальным в будущем.

4. Творчество Чехова содержит философский и экзистенциальный аспекты, так как затрагивает вопросы *смысла жизни человека, его предназначения, места в обществе*. Главным решение вопроса смысла бытия выступает труд на благо общества, который делает жизнь людей лучше, чище, уменьшит страдания. Благодаря труду индивид социально и нравственно оправдывает свое существование.

5. Формируется свой идеал человека, идеал будет реализован только в будущем, выделяются необходимые нравственные качества: трудолюбие, образованность, милосердие.

6. Материальное благополучие, покой, сытая жизнь не могут быть истинным предназначением человека. Жизнь человеческая требует борьбы, постоянного развития и совершенствования.

Литература

- Громов М.П. Чехов. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 394 с.
- Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: pro et contra, СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, Т. 1, 2002. С. 536–565.
- Чехов А.П. Записные книжки // Собрание соч. в 12 томах, Т. 10. М., 1963.

- Чехов А.П. Дама с собачкой // Рассказы: сборник. – М.: Издательство АСТ, 2020. – С. 365–382.
- Чехов А.П. Дядя Ваня // Чайка. Три сестры: пьесы. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВК, 2012. – 282 с.
- Чехов А.П. Три сестры // Чайка. Три сестры: пьесы. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВК, 2012. – 282 с.
- Камю А. Миф о Сизифе // Изнанка и лицо. – М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 864 с.
- Чехов А.П. Крыжовник // Рассказы: сборник. – М.: Издательство АСТ, 2020. – С. 332–342.
- Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

MAN AND HUMAN EXISTENCE IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV

Paschak I.V.

Perm State National Research University

The Chekhov's understanding of the problem of man and human existence is revealed. The realism and objectivity in the portrayal of ordinary people are demonstrated. Chekhov's mastery as an artist of human everyday life and ordinary existence is emphasized. It is shown that, in Chekhov's understanding, a life devoid of work and the idea of the common good leads to absurdity, loneliness, unhappiness, and boredom. Chekhov is presented as the creator of the philosophy of boredom. It is revealed that work and love are the main means of achieving meaning and value in life. At the same time, material values and selfish happiness are false solutions to the question of the meaning of life. The article touches upon the theme of the ideal human being in the writer's worldview. The author highlights the humanistic content of Chekhov's work, his belief in humanity, and the promise of a better future for society.

Keywords: A.P. Chekhov, man, existence, everyday life, meaning of life, absurdity, labour

References

- Gromov M.P. Chekhov. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1993. – 394 p.
- Bulgakov S.N. Chekhov as a thinker // A.P. Chekhov: pro et contra, St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, Vol. 1, 2002. pp. 536–565.
- Chekhov, A.P. Notebooks // Collected Works in 12 volumes, Vol. 10. Moscow, 1963.
- Chekhov A.P. The Lady with the dog // Short stories: collection. – Moscow: AST Publishing House, 2020. – pp. 365–382.
- Chekhov A.P. Uncle Vanya // Chaika. Three Sisters: Plays. – Moscow: AST: Astrel; Vladimir: VK, 2012. – 282 p.
- Chekhov, A.P. Three Sisters // The Seagull. Three Sisters: Plays. – Moscow: AST: Astrel; Vladimir: VK, 2012. – 282 p.
- Camus A. The Myth of Sisyphus // The Inside and the Outside. – Moscow: EKSMO-press; Kharkiv: Folio, 1998. – 864 p.
- Chekhov A.P. Gooseberries // Stories: Collection. – Moscow: AST Publishing House, 2020. – Pp. 332–342.
- Schweitzer A. Culture and Ethics. – Moscow: Progress, 1973. – 343 p.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цифровое общество: политico-социологический анализ (на примере Республики Албания)

Ахциев Ислам Муссаевич,

аспирант Института социально-экономических наук
Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: islam.axciev@bk.ru

Маркосян Ани Аветиковна,

ассистент Института международных отношений Пятигорского
государственного университета
E-mail: amarkosyan.rc@gmail.com

В статье проводится политico-социологический анализ процессов формирования цифрового общества в Республике Албания. На основе синтеза теоретических подходов (Н. Винер, Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, Я. ван Дейк, Д. Тапскотт) и эмпирических данных исследуется ключевой парадокс: сочетание активной государственной политики цифровизации с доминированием в обществе традиционных ценностей и ценностей выживания. Методология исследования включает сравнительный анализ, вторичный анализ данных социологических исследований и официальной статистики. Авторы приходят к выводу, что цифровизация в Албании носит инструментальный, а не ценностный характер, что порождает феномен «цифрового дуализма» и социокультурное сопротивление, особенно в сфере государственного управления. Отдельно анализируется инновационный кейс назначения AI-министра, выявляющий как потенциал, так и риски технократического подхода к управлению. Статья вносит вклад в понимание ограниченности технологодетерминизма и подчеркивает, что легализация цифровой трансформации во многом зависит от желания традиционных институтов адаптироваться к новой сетевой логике.

Ключевые слова: цифровое общество, электронное правительство, Албания, сетевое общество, цифровизация, цифровой разрыв, искусственный интеллект в управлении, политico-социологический анализ.

Введение

Актуальность и постановка проблемы

Формирование цифровых обществ – одно из глобальных институциональных явлений современной эпохи, которое оказывает существенное влияние на архитектуру социально-политических процессов. Однако этот процесс протекает неравномерно и противоречиво, особенно в странах, находящихся на перепутье культурных традиций и модернизационных вызовов. Ярким примером такой страны является Республика Албания, где активная политика цифровизации наталкивается на социокультурную среду, характеризующуюся доминированием традиционных ценностей. Этот парадокс требует глубокого политico-социологического осмысливания.

Цель и задачи исследования

Целью данной статьи является выявление и анализ специфики формирования цифрового общества в Албании через призму ключевых социологических теорий. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Сформулировать теоретическую рамку исследования, основанную на концепциях кибернетики, постиндустриального, сетевого и цифрового обществ.
2. Проанализировать социальные и политические аспекты цифровизации в Албании, включая восприятие обществом государственных цифровых платформ и феномен цифрового неравенства.
3. Исследовать кейс внедрения искусственного интеллекта в систему государственного управления (назначение AI-министра) как точку концентрации основных противоречий цифровой трансформации.

Методология

Исследование базируется на качественных методах: сравнительный анализ теоретических концепций, вторичный анализ данных социологических опросов и официальных документов (отчеты ООН, статистика Digital Report, правительственные нормативные акты), а также при рассмотрении албанского цифрового общества используется метод кейс-стади (case study).

Теоретическая основа

Для понимания и теоретического осмыслиения данного явления следует обратиться к базовым трудам, положившим основу для научного рассмотрения «цифровых аномалий». В 1948 году мировое сообщество стало свидетелем публикации книги американского ученого-математика Норберта Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», которая официально ввела в научный дискурс понятие «кибернетика» (сам термин имеет древнегреческие корни). Профессор Н. Винер считал, что возможности человека в управлении окружающим миром ограничены, а потому обоснованно скорое появление некой сущности – «обучающихся и самовоспроизводящихся машин» (термин Н. Винера), которая расширяет возможности человеческой природы, тем самым порождая новый мир, который будет иметь принципиально иные «правила игры». Исследователь, однако, предупреждал, что «это новое развитие техники несет неограниченные возможности как для добра, так и для зла» [6, с. 76].

В рамках этого нового мира, о котором предупреждал Н. Винер, центральное место занимает идея о кибернетическом управлении как фундаментальном процессе, объединяющем живые организмы, машины и общество в целом. Он рассматривал возникающие цифровые системы не просто как инструменты, а в качестве активных агентов, перестраивающих саму ткань социальных взаимодействий. Именно Н. Винер, анализируя кибернетические системы, одним из первых заложил теоретический фундамент для понимания «цифровых аномалий», с которыми в обозримом будущем столкнется человечество.

Профессор социологии Гарвардского университета Дэниел Белл в своей фундаментальной работе «Грядущее постиндустриальное общество» пишет, что «по мере того, как мы приближаемся к концу двадцатого столетия, становится все более очевидным, что мы вступаем в информационную эру» [3, с. 12]. Он считал, что технологии выступают как мощный катализатор, требующий осознанного управления и адаптации социальных институтов, отмечая, что «информационное пространство задает смысловой горизонт интерпретации социальной реальности и формирует жизненные стандарты» [1, с. 168].

Отталкиваясь от этих теоретических предпосылок, Мануэль Кастельс в своей работе «Власть коммуникации» демонстрирует, как прогнозируемые Н. Винером «правила игры» и предсказанный Д. Беллом переход к информационной эре материализовались в конкретную социальную структуру – глобальное сетевое общество. М. Кастельс показывает, что цифровые коммуникационные технологии становятся фундаментальным основанием новой социальной морфологии, где ключевые властные отношения формируются в про-

странстве коммуникационных сетей. Если Н. Винер предупреждал о двойственной природе кибернетических систем, а Д. Белл акцентировал центральную роль информации, то М. Кастельс эмпирически доказывает, что сетевая логика пронизывает все сферы – от экономики и политики до повседневных практик, создавая принципиально новую архитектуру социального взаимодействия, где традиционные иерархии сталкиваются с горизонтальными, децентрализованными сетевыми структурами, создавая «эффект синергии между технологическим изобретением и социальной эволюцией» [7, с 16].

Американский социолог Элвин Тоффлер в «Третьей волне» пишет о том, что технологические революции являются первичным драйвером смены целых цивилизационных парадигм. Он рассматривает историю как последовательность «волн», где каждая – аграрная («Первая волна»), индустриальная («Вторая волна») и постиндустриальная («Третья волна») – приносит свой уникальный «код», кардинально трансформирующий все сферы жизни. Технология, в понимании Э. Тоффлера, системный фактор, который взламывает и пересобирает социальные институты, ценности и властные структуры. Э. Тоффлер предупреждает, что «эта новая цивилизация столь глубоко революционна, что она бросает вызов всем нашим старым исходным установкам» [12, с. 21].

Этого подхода придерживается и голландский ученый Ян ван Дейк, который заложил фундаментальные основы теории «сетевого общества». Он подчеркивает, что технологии одновременно и определяют, и расширяют возможности социальных изменений, усиливая как потенциал демократии, свободы и интеграции, так и риски неравенства, контроля и уязвимости. Ключевым аспектом его теории является взаимное формирование технологий и общества: технологии влияют на социальные практики, но и сами адаптируются под воздействием социальных, экономических и культурных факторов. По его мнению, «сети становятся нервной системой нашего общества, и мы можем ожидать, что эта инфраструктура будет оказывать большое влияние на всю нашу социальную и личную жизнь» [5, с. 11].

Продолжая эту линию рассуждений, современный канадский теоретик Дон Тапскотт в своей знайковой работе «Цифровая экономика» развивает и конкретизирует идеи предшественников, предлагая концепцию «сетевого интеллекта» как ключевого парадигмального сдвига. Он утверждает, что мы вступаем в эпоху, когда технология служит новой средой для коллективного разума, кардинально меняющей архитектуру не только экономики, но и всех социальных институтов. Д. Тапскотт подчеркивает, что «это не просто эпоха умных машин, а эпоха людей, которые через сети могут объединять свой интеллект, знания и творчество

для прорывов в создании богатства и социальном развитии» [11, с. 12]. Он, как и Н. Винер, видит двуликую природу этой трансформации, указывая как на новые выгоды, так и на новые опасности. Д. Тапскотт предлагает комплексный взгляд на цифровое общество как на сложный организм, где технология, экономика и социальные отношения взаимно переплетены, и успех в этой новой реальности зависит от способности к коллективному лидерству и осознанному формированию «правил игры» для наступающей эпохи.

Вышеизложенные теоретические подходы позволяют анализировать албанский кейс не как изолированный феномен, а как частное проявление глобальных тенденций.

Социологический анализ цифровых процессов в Албании

Республика Албания занимает парадоксальную позицию на карте мировых ценностей Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля. Страна расположена в африканско-исламском культурном кластере, где в обществе преобладают традиционные ценности (религиозные доктрины, традиции и устои) и ценности выживания (самосохранение, безопасность и др.). Однако вместе с тем проводится активная политика цифровизации, что в меньшей степени характерно для стран данного кластера. Этот парадокс может быть объяснён тем, что цифровизация в Албании носит инструментальный, а не ценностный характер. Однако социальное отторжение связано, в первую очередь, с ценностным неприятием «чуждых» инноваций.

Общество в Албании на сегодняшний день находится в трансформационной стадии, которая характеризуется кризисом идентичности. Информационный новостной портал UMUSLIM отмечает, что «Албания на распутье: между цифровым фасадом и духовной сущностью»¹. Некоторые акторы политического истеблишмента продвигают проевропейскую линию развития, стремясь занять свое место в кластере «развитых стран Запада», что не согласуется с социальной и этноконфессиональной самоидентификацией традиционного общества Албании.

Назначение первого в мире виртуального министра («Diella») вызвало протестную активность парламентского корпуса в знак сопротивления цифровым новациям в политико-управленческой системе страны. Практика внедрения «цифрового чиновничества» вызывает отторжение и неприятие. Однако следует отметить, что данное сопротивление – это характеристика в целом присущая управленцам как особой категории. Док-

¹ Албания на распутье: между цифровым фасадом и духовной сущностью // Umuslim.ru, 20.09.2025 г. Электронный ресурс: <https://www.umuslim.ru/news/v/albaniya-na-raspute-mezhdum-fasadom-i>

тор социологических наук Светлана Алиева справедливо заметила, что «чиновники унаследовали из культурно-исторической традиции кастовую отчужденность» [2, с. 4]. Поэтому любая попытка модернизации устоявшегося управленческого порядка вызывает неприязнь и нежелание делить властный ресурс с новыми агентами – цифровыми системами.

Социологическое исследование «Влияние технологий электронного управления на предоставление государственных услуг: пример e-Albania» показывает, что внедрение национальной платформы «e-Albania» (запущенная в 2015 году) воспринимается населением как позитивная практика для решения повседневных задач. Было опрошено 300 пользователей e-Albania (городские и сельские), из которых 85% подтвердили, что довольны платформой. Однако исследование вскрывает проблему цифрового неравенства между городскими и сельскими жителями, где последние в силу инфраструктурных и навыковых ограничений оторваны от полноценного пользования цифровой платформой, что формирует «скептицизм по отношению к цифровому управлению среди определенных сегментов населения» [10, с. 5].

Электронное правительство Албании находится между двумя глобальными революциями: информационной революцией и революцией в управлении. Важно отметить, что «обе эти революции меняют то, как управляется общество» [9, с. 2].

Проанализировав статью «Система электронного правительства в Албании: взгляд граждан» [18], можно констатировать, что эмпирические данные подтверждают выдвинутый тезис об инструментальном, а не ценностном характере цифровизации в албанском обществе. Исследование, основанное на расширенной Модели принятия технологий (TAM), показывает, что положительное отношение граждан к платформе «e-Albania» формируется в первую очередь за счет ее воспринимаемой полезности и простоты использования, то есть из сугубо pragматических выгод, таких как скорость получения услуг и снижение административных барьеров.

Это согласуется с общей ориентацией общества на ценности выживания, где ключевую роль играет эффективность и безопасность. В то же время исследование выявляет серьезную «болевую точку» – низкий уровень доверия и высокие опасения относительно рисков, связанных с безопасностью данных и возможностью цифрового контроля. Даже принимая цифровые платформы на инструментальном уровне, общество демонстрирует глубинное ценностное отторжение, порожденное недоверием к прозрачности новых институтов и страхом перед утратой гражданской автономности. Это, в свою очередь, посягает на их свободу как ценностный ориентир, а значит в не-

котором смысле становится угрозой ценностному базису населения страны.

Показательно, что процесс оформления цифрового общества в Албании развивается не как органичное следствие внутренней социальной эволюции, а как внешне инициированный проект, где технологические решения накладываются на неизменённую социальную ткань. Это порождает феномен «цифрового дуализма», когда продвинутые государственные платформы функционируют в обществе, где значительная часть населения сохраняет традиционные практики социальных взаимодействий, создавая параллельные реальности внутри одной страны. Подобная ситуация наглядно демонстрирует ограниченность технодетерминистского подхода, где легализация цифровизации зависит не от скорости внедрения алгоритмов, а от способности традиционных институтов и ценностей переосмыслить себя в новой сетевой логике. Для преодоления этого разрыва недостаточно просто улучшать функциональность платформ. Требуется глубокая работа по формированию доверия, которая должна учитывать как специфику традиционного албанского общества, так и сопротивление бюрократической системы, что делает процесс цифровой трансформации не столько технологическим вызовом, сколько сложнейшей социокультурной проблемой.

Цифровизация и ее роль в политической сфере Албании

Политика цифровизации в Албании проводится довольно активно: на начало 2024 года в стране, согласно данным Digital Report, насчитывалось 2,43 миллиона пользователей интернета, а уровень проникновения составил 85,8% от общей численности населения [16]. Для сравнения на начало 2023 года уровень проникновения интернета составлял 80,1% (2,27 млн пользователей) [15]. Помимо решения коммуникационных задач, развитость интернета в стране помогает пользоваться цифровизацией и на политической арене.

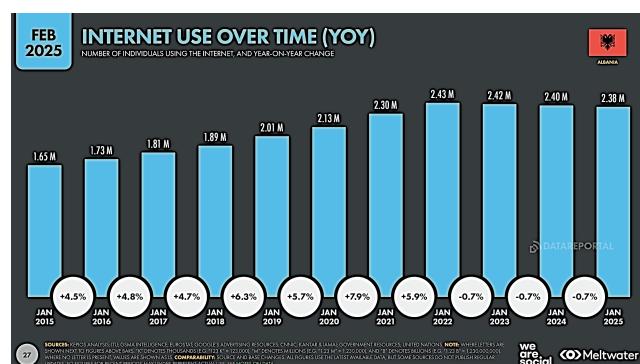

Рис. 1. Количество пользователей интернета и изменения по годам.

Источник: Digital Report: Albania 2025: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-albania>

Интересным наблюдением становится показатель количества пользователей интернета в Албании, его значительное увеличение к 2022 году и снижение к 2025 году (рис. 1). Это может быть связано с явлением, которое называется цифровым кочевничеством.

Цифровые кочевники – это люди, работающие удаленно и имеющие возможность делать это из любой точки мира. Появление цифрового кочевничества по-разному предсказывалось разными авторами (например, М. МакЛуханом, А. Тoffлером и др.). Как отмечает Д. Шлагвайн [19], развитию цифрового кочевничества способствовал ряд факторов, от технологий, до туризма, выделяя периоды (1970-е, 1980-е, 1990-е, 2000-е, 2010-е) и аспекты, которые повлияли (или могли повлиять) на развитие такого феномена (от разработки протокола управления передачей/ межсетевого протокола (TCP/IP) до тенденции бэкпекинга и появления сервисов по аренде жилья и др.).

Албания предлагает возможность цифрового кочевничества в стране, давая соответствующие визы («уникальное разрешение» или «Leje Unique») «кочевникам» сроком до 1 года и возможностью продления 2 раза по 2 года (то есть, возможно проживание в стране до 5 лет). Для Тираны необходим минимальный доход, который в 3–8 раз ниже, чем во многих других европейских странах, при этом после 5 лет проживания можно претендовать на получение вида на жительство (и, позднее, гражданства). Кроме того, заявка подается полностью онлайн через e-Albania, что делает процесс максимально простым и удобным.

Активное внедрение цифровых технологий в общественную и политическую среду повлекло за собой возникновение электронного правительства – системы предоставления информации и услуг гражданам. Внедрение электронного правительства позволяют обеспечивать гражданам больший комфорт в плане доступа к информации и осуществления операций [13]. Албания, рассматривающая информационно-компьютерные технологии как фактор, способствующий социально-экономическому развитию страны [14, с. 457], не могла не воспользоваться преимуществами цифровизации и возможностями интернета для создания такого инструмента предоставления государственных услуг.

Создание электронного правительства было одним из приоритетов политики Албании, которая постепенно внедряет ИКТ и новые технологические инструменты в повседневную работу центральных министерств и правительственные учреждений.

В соответствии с данными ООН, индекс развития электронного правительства Албании составляет 0.8 (из 1), что определяет ее 62 (из 193) место в рейтинге, а индекс электронного участия – 0.7260 (из 1) и ставит страну на 49 строку в об-

щественном рейтинге¹, что представляет собой достаточно высокий показатель для Республики.

Платформа e-Albania была представлена албанским правительством как новый способ взаимодействия правительства с гражданами к столетию независимости государства в 2012 году. По информации на июль 2024 года, Албания предоставляет 95% государственных услуг только в режиме онлайн, от подачи заявления до предоставления окончательного документа, который доставляется пользователю в электронном виде с электронной печатью или электронной подписью². На наш взгляд, это может служить одной из основных причин, позволяющих повышать количество уникальных пользователей портала, тем самым поднимая уровень цифровизации общества.

Кроме этого, электронное правительство нацелено и на помочь иностранцам, в том числе в подаче заявлений на национальную визу или вид на жительство, в регистрации бизнеса и др. В 2025 году правительство Албании приняло решение о введении мер, которые должны упростить доступ иностранных студентов в страну³. Среди нововведений обозначают возможность предоставления справки о наличии подходящего жилья не только самими студентами, но и университетом или другими организациями, которые предоставляют услуги по проживанию. В указе также появляется обязанность образовательных учреждений и университетов в письменной или электронной форме взаимодействовать с властями посредством предоставления отчетов, в том числе по запросу пограничных и миграционных органов об участии иностранных студентов в образовательных программах. Таким образом, заметно стремление вовлечь в цифровое пространство все большее количество участников процесса: как граждан, так и иностранцев, как физических, так и юридических лиц.

На портале всех пользователей встречает цифровой помощник Diella, ИИ-ассистент, одетый в национальный костюм и помогающий пользоваться электронным правительством. В сентябре у цифрового помощника случился «карьерный рост» из электронного правительства в реальное правительство на должность министра, ответственного за государственные закупки⁴. По словам премьер-министра Эди Рамы цифровой помощник Diella

¹ e-Participation Index: Albania// UN e-Government Knowledge-base. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/2-Albania> (accessed at 11.10.2025)

² ALBANIA 2024: Digital Public Administration Factsheet. Supporting document, p. 5. URL: https://interoperable-europe.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/NIFO_2024%20Supporting%20Document_Albania_vFinal_0.pdf (accessed at 10.10.2025)

³ Albanian Government Eases Access for Foreign Students// UIM Albania, 03.07.2025. URL: <https://uimalbania.org/en/albanian-government-eases-access-for-foreign-students/> (accessed at 10.10.2025)

⁴ Albania puts AI-created ‘minister’ in charge of public procurement// The Guardian, 11.09.2025. URL: <https://www.the-guardian.com/world/2025/sep/11/albania-diella-ai-minister-public-procurement> (accessed at 12.10.2025)

сделает Албанию «страной, где государственные тендера на 100% свободны от коррупции».

Представляется, что это решение может запустить тенденцию на серьезные изменения в системе управления, причем не только в расширении инструментария, но и в изменении состава участников госуправления. Решение вполне логично вытекает из представлений Э. Рамы, рассматривающего ИИ как потенциально эффективный инструмент борьбы с коррупцией, который позволит исключить взятки, угрозы и конфликты интересов, однако представляется, что любое цифровое решение требует включения человеческого фактора для контроля и корректировки алгоритма. В то же время «оцифровка» министров поднимает вопрос дегуманизации государственной власти и в целом ставит под сомнение значимость человека в самом общем смысле.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о специфике формирования цифрового общества в Албании.

Албанский кейс иллюстрирует ограниченность технодетерминистских моделей. Процесс цифровизации не является линейным и универсальным; он глубоко опосредован социокультурным контекстом. Концепции сетевого общества [7] и взаимного формирования технологии и общества [5] оказались наиболее релевантными для объяснения наблюдавшихся противоречий.

Ключевым выводом является подтверждение тезиса об инструментальном характере цифровизации в Албании. Население принимает цифровые платформы (такие как e-Albania) за их pragматическую полезность, но на ценностном уровне сохраняется недоверие, обусловленное страхом потери автономии, цифрового контроля и конфликтом с традиционной идентичностью.

В Албании сложилась ситуация «цифрового дуализма», когда продвинутые технологические системы сосуществуют с неизмененными традиционными социальными практиками. Это создает внутреннюю напряженность и фрагментирует общество, усиливая цифровое неравенство, особенно между центром и периферией.

В политической сфере цифровизация, с одной стороны, стала инструментом повышения эффективности и борьбы с коррупцией (кейс AI-министра Diella), а с другой – спровоцировала сопротивление как со стороны политического истеблишмента, не желающего делиться властным ресурсом, так и со стороны общества, опасающегося технократической дегуманизации управления.

Возможности дальнейшей цифровой трансформации в Албании будут зависеть не столько

guardian.com/world/2025/sep/11/albania-diella-ai-minister-public-procurement (accessed at 12.10.2025)

от технологических инноваций, сколько от проведения тонкой социокультурной политики, направленной на формирование доверия, преодоление цифрового разрыва и поиск компромисса между модернизационными амбициями элит и ценностными ориентациями традиционного общества.

Литература

- Александров Л.Г. Концепция информационного общества в контексте глобализации (к 100-летию со дня рождения Дэниела Белла) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-informatsionnogo-obschestva-v-kontekste-globalizatsii-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-denila-bella>
- Алиева С.В. Профессиональная культура государственных и муниципальных служащих: состояние и условия инновационной трансформации (на материалах Южного федерального округа) Монография – Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2007–312 с.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. CLXX, 788 стр.
- Блерина М. Некоторые аспекты развития цифровых коммуникаций в Албании // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-razvitiya-tsifrovyyh-kommunikatsiy-v-albanii>
- Ван Дейк Я. Сетевое общество: Социальные аспекты новых медиа. 2-е изд. – Лондон: SAGE Publications, 2006. – 288 с.
- Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине [Текст]: [Пер. с англ.] / [Предисл. Г.Н. Поварова, с. 5–28]. – 2-е изд. – Москва: Сов. радио, 1968. – 326 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 4-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 591 с.
- Маркосян А.А. Социальные сети – инструмент политической манипуляции? // Власть. 2023. Том 31. № 4. С. 41–48. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9688>
- Сатка Э., Зендели Ф., Коста Э. Цифровые услуги в Албании // European Journal of Development Studies. 2023. Т. 3. № 4. С. 6
- Синоймери Д., Жафка Э., Тета Дж. Влияние технологий электронного управления на предоставление государственных услуг: пример e-Albania // Журнал инженерного менеджмента и информационных систем. 2025. Т. 10
- Тапскотт Д. Цифровая экономика: Переосмысление обещаний и угроз в эпоху сетевого интеллекта. 20-е юбилейное издание / Пер. с англ. – М.: Издательство «Эксмо», 2023. – 480 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство ACT», 1999. – 784 с.
- Chang Boon Patrick Lee, U Lan Edith Lei. 2007. Adoption of e-government services in Macao. In Proceedings of the 1st international conference on Theory and practice of electronic governance (ICEGOV '07). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 217–220. <https://doi.org/10.1145/1328057.1328102>
- Gjonaj A., Shehaj E. (2016). E-Government in Albania. Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 5. DOI: 10.5901/ajis.2016.v5n3s1p456.
- Kemp Simon. Digital 2023: Albania, // Global Digital Reports 2023. Electronic resource: <https://data-report.com/reports/digital-2023-albania>
- Kemp Simon. Digital 2024: Albania, // Global Digital Reports 2024. Electronic resource: <https://data-report.com/reports/digital-2024-albania>
- Kemp Simon. Digital 2025: Albania, // Global Digital Reports 2025. Electronic resource: <https://data-report.com/reports/digital-2025-albania>
- Kurti, S. 2025. E-Government System in Albania: Insights from the Citizen Perspective. Smart Cities and Regional Development (SCRD) Preprints. 2, 1 (Jun. 2025)
- Schlagwein D. (2018). The History of Digital Nomadism. URL: https://www.researchgate.net/publication/329182172_The_History_of_Digital_Nomadism

DIGITAL SOCIETY: POLITICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ALBANIA)

Akhtsieva I.M., Markosyan A.A.

Russian State University for the Humanities, Pyatigorsk State University

The article provides a political and sociological analysis of the formation of a digital society in the Republic of Albania. Based on a synthesis of theoretical approaches (N. Wiener, D. Bell, M. Castells, A. Toffler, J. van Dijk, D. Tapscott) and empirical data, the key paradox is explored: the combination of an active state digitalization policy with the dominance of traditional and survival values in society. The research methodology includes comparative analysis, secondary analysis of sociological research data and official statistics. The authors conclude that digitalization in Albania is instrumental rather than value-based, leading to a phenomenon of “digital dualism” and socio-cultural resistance, especially in the sphere of public administration. The innovative case of the appointment of an AI minister is separately analyzed, revealing both the potential and risks of a technocratic approach to governance. The article contributes to the understanding of the limitations of technological determinism and emphasizes that the legitimization of digital transformation mostly depends on the willingness of traditional institutions to adapt to the new network logic.

Keywords: digital society, e-government, Albania, network society, digitalization, digital divide, artificial intelligence in governance, political and sociological analysis.

References

- Aleksandrov, L. G. (2019). The Concept of the Information Society in the Context of Globalization (on the 100th Anniversary

- ry of Daniel Bell's Birth). Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya, 2(32). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-informatsionnogo-obschestva-v-kontekste-globalizatsii-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-deniela-bella>
2. Alieva, S. V. (2007). Professional Culture of State and Municipal Employees: State and Conditions of Innovative Transformation (Based on Materials from the Southern Federal District). Monograph. Rostov-on-Don: Nauka-Press.
 3. Bell, D. (2004). The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting (2nd ed., rev. and enl.). Moscow: Academia. (Original work published in English).
 4. Blerina, M. (2021). Some Aspects of the Development of Digital Communications in Albania. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 26(2). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspекty-razvitiya-tsifrovых-kommunikatsiy-v-albanii>
 5. Van Dijk, J. (2006). The Network Society: Social Aspects of New Media (2nd ed.). London: SAGE Publications.
 6. Wiener, N. (1968). Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine (2nd ed.). Moscow: Soviet Radio.
 7. Castells, M. (2023). Communication Power. Textbook (4th ed.). (N.M. Tylevich, Trans.; A.I. Chernykh, Ed.). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
 8. Markosyan, A. A. (2023). Social Networks – A Tool of Political Manipulation? Vlast, 31(4), 41–48. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9688>
 9. Satka, E., Zendeli, F., & Kosta, E. (2023). Digital Services in Albania. European Journal of Development Studies, 3(4), 6–12.
 10. Sinoimeri, D., Zhafka, E., & Teta, G. (2025). The Impact of E-Governance Technologies on Public Service Delivery: The Case of e-Albania. Journal of Engineering Management and Information Systems, 10(1).
 11. Tapscott, D. (2023). The Digital Economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence (20th Anniversary Edition). (Translated from English). Moscow: Eksmo Publishing House.
 12. Toffler, A. (1999). The Third Wave. Moscow: OOO "Firma "AST Publishing House".
 13. Lee, C. B. P., & Lei, U. L. E. (2007). Adoption of E-Government Services in Macao. In Proceedings of the 1st International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICE-GOV '07) (Pp. 217–220). Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/1328057.1328102>
 14. Gjonaj, A., & Shehaj, E. (2016). E-Government in Albania. Academic Journal of Interdisciplinary Studies, 5(3 S1), 456–462. <https://doi.org/10.5901/ajis.2016.v5n3s1p456>
 15. Kemp, S. (2023). Digital 2023: Albania. Datareportal. Retrieved from <https://datareportal.com/reports/digital-2023-albania>
 16. Kemp, S. (2024). Digital 2024: Albania. Datareportal. Retrieved from <https://datareportal.com/reports/digital-2024-albania>
 17. Kemp, S. (2025). Digital 2025: Albania. Datareportal. Retrieved from <https://datareportal.com/reports/digital-2025-albania>
 18. Kurti, S. (2025). E-Government System in Albania: Insights from the Citizen Perspective. Smart Cities and Regional Development (SCRD) Preprints, 2(1).
 19. Schlagwein, D. (2018). The History of Digital Nomadism. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/329182172_The_History_of_Digital_Nomadism

Информатизация общества и социальные сети: их влияние и роль на формирование новой социальной культуры современного общества

Лутошкина Виктория Николаевна,

Кандидат педагогических наук, доцент, Институт педагогики, психологии и социологии, «Сибирский федеральный университет»
E-mail: vikkilu@yandex.ru

Демидова Татьяна Евгеньевна,

доктор исторических наук, профессор, кафедра общественно-социальных институтов и социальной работы, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный социальный университет
E-mail: ted-05@list.ru

Сысоева Екатерина Кирилловна,

преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет ИТМО
E-mail: artenika@inbox.ru

Гончарова Елена Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: Gelvic_777@mail.ru

Свирин Михаил Геннадьевич,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
E-mail: msvirin@yandex.ru

Информатизация общества – это глобальный социальный процесс, при котором главными продуктами производства и товарами становятся информация и знания, что приводит к фундаментальным изменениям в структуре занятости, коммуникации, образовании и культуре. Социальные сети – это мощный инструмент, влияние которого зависит от того, кто и как его использует. Понимание социальных сетей как комплексного феномена – это первый шаг к их осознанному и продуктивному использованию. Социальные сети являются одновременно и продуктом информатизации, и ее главным ускорителем. Они стали тем каналом, через который информационное общество формирует новую социальную культуру. Для миллиардов людей по всему миру социальные сети (Facebook, Instagram, TikTok, X (Twitter), VK и др.) – основное пространство для коммуникации, работы, учебы, потребления информации, развлечения и самовыражения. Человек проводит в них значительную часть своего времени, что делает их ключевым агентом социализации наряду с семьей, школой и работой. Тема чрезвычайно актуальна, потому что социальные сети, будучи продуктом информатизации, перестали быть просто инструментом. Они стали генератором и одновременно платформой для формирования новой социальной культуры. Эта культура характеризуется глобальностью и гибридностью, визуальностью и клиповостью, интерактивностью и перформативностью, алгоритмической управляемостью.

Ключевые слова: информатизация общества, социальные сети, социальная культура, современное общество, Интернет.

Введение

Информатизация общества и социальные сети оказывают значительное влияние на формирование новой социальной культуры современного общества. Информатизация приводит к виртуализации культуры, что означает погружение в ранее не существовавшее многомерное киберпространство. Ежедневное столкновение с огромными информационными потоками меняет образ мышления человека, его взгляд на мир, трансформирует внутреннюю культуру. Информатизация стерла географические и временные границы. Культурные тренды, мемы, новости и социальные движения становятся глобальными за считанные часы. Это формирует принципиально новую, гибридную культуру, в которой переплетаются локальные и глобальные элементы.

Стираются географические границы общения. Человек из провинциального города может легко быть частью международного профессионального или фан-сообщества. Сообщения в мессенджерах и посты можно читать и отвечать на них в удобное время. Это дает гибкость, но может создавать ощущение незавершенности диалога. Соцсети укрепляют не только близкие контакты («сильные связи»), но и поддерживают огромное количество «слабых связей» – знакомых, коллег, случайных собеседников. Эти связи часто становятся источником новой информации, идей и возможностей для трудоустройства [4].

Социальные сети стали важными инструментами социокультурного развития. Они влияют на различные аспекты жизни общества.

Обсуждение и результаты

Социальные сети – сложный и многогранный феномен, который кардинально изменил способ общения, потребления информации и даже самоидентификации. Общение эволюционировало от личных переписок (как в ранних чатах) к публичным выскакиваниям. Появился новый язык – мемы, эмодзи, сторителлинг в формате 24 часа. Социальные сети породили специфический язык общения: эмодзи, стикеры, мемы, сокращения, хештеги. Это не просто «порча языка», а формирование новых лингвистических кодов, которые более эффективны для быстрой передачи эмоций и смыслов в цифровой среде. Коммуникация стала более визуальной и менее вербальной. С одной стороны, можно найти

сообщество по интересам (например, для редкого хобби). С другой – возникает «парадокс связи»: сотни друзей в сети, но чувство одиночества в реальной жизни [9].

Лайки, комментарии, репосты – это мгновенное социальное одобрение, которое вызывает выброс дофамина. Это формирует зависимое поведение: постоянная проверка уведомлений, «синдром упущенной выгоды». Пользователь создает идеализированную версию себя – «цифрового двойника» [8]. Это приводит к социальному сравнению и росту тревожности, особенно среди подростков. Алгоритмы показывают то, с чем пользователь социальных сетей, скорее всего, согласится. Это укрепляет убеждения и ограничивает столкновение с альтернативными точками зрения, что ведет к поляризации общества. Интернет-сленг, мемы, эмодзи, сокращения – все это элементы нового визуально-текстового языка, который рождается и эволюционирует в соцсетях. Мемы, по сути, стали формой фольклора, способной мгновенно передавать сложные идеи и эмоции.

Соцсети стали площадкой для политических дебатов, гражданского активизма и общественного контроля. Любой человек может привлечь внимание к проблеме. Платформы позволяют быстро организовать людей, но также стали мощным инструментом пропаганды, распространения фейков и манипуляции общественным мнением. Голос обычного пользователя может быть услышан направне с голосом эксперта или знаменитости. Это демократизирует дискурс, но также обесценивает экспертизу и порождает проблему дезинформации.

Экономический и маркетинговый аспект социальных сетей связан с тем, что внимание используется как валюта: пользователи – не клиенты, а продукт. Внимание продается рекламодателям. Это привело к появлению экономики внимания. Внимание пользователя конвертируется в деньги через рекламу, партнерские связи, продажи. Это создает новую экономическую модель, где основным товаром является контент и вовлеченность [1].

Появились блогеры, инфлюенсеры, таргетологии, SMM-менеджеры. Соцсети стали основным каналом для продвижения бизнеса. Преобладает клиповое мышление и краткие форматы (Stories, Reels, TikToks). Это меняет не только то, как мы общаемся, но и то, о чем мы общаемся и как воспринимаем сложные идеи. Внимание становится главным дефицитным ресурсом. Мемы – это единицы культурной информации, которые вирусно распространяются в сети. Они формируют общий язык и юмор для целых поколений. Раньше культуру определяли несколько крупных СМИ и кинокомпаний. Теперь тренды могут рождаться «снизу», в тикток-видео обычного подростка.

Социальные сети – это площадка для конструирования и презентации своего «Я». Пользователь формирует цифровой аватар, тщательно отбирая контент. Это приводит к феноменам, требующим изучения: синдрому самозванца, росту тревожности из-за «идеальной жизни» других, поиску одобрения через лайки [7].

Традиционные ценности (образование, карьера, семья) конкурируют с новыми: виральность, количество подписчиков, медийность, личный бренд. Профессии блогера, инфлюенсера или стримера становятся массовыми и желанными для молодого поколения, что радикально меняет представления о профессиональном успехе.

Социальные сети стали мощным инструментом для самоорганизации (от флешмобов до политических протестов, как в случае с «Арабской весной» или движением #BlackLivesMatter) [5]. Однако они же могут способствовать и распространению дезинформации. Медиа-повестка дня все чаще формируется не традиционными СМИ, а трендами в социальных сетях. Алгоритмы платформ, создающие «пузыри фильтров», приводят к поляризации общества, так как люди оказываются в информационных пространствах, где их взгляды только укрепляются.

Появляются новые формы неформального обучения (образовательные блоги, YouTube-каналы, онлайн-курсы). Социальные сети становятся площадкой для обмена знаниями, но одновременно способствуют фрагментации и поверхностному усвоению информации.

Добровольный отказ от личной жизни в обмен на удобство сервисов и социальное одобрение – ключевой этический вызов современности. Исследования все чаще связывают интенсивное использование социальных сетей с ростом депрессии, тревожности, одиночества и нарушением сна среди молодежи. Появился новый вид расслоения общества – не только по доступу к технологиям, но и по цифровой грамотности, способности критически оценивать информацию и защищать свои данные [6].

Профиль в соцсети становится нашей визитной карточкой, тщательно сконструированным образом – «цифровым я». Самопрезентация становится перформансом. Люди строят личный бренд, тщательно отбирая контент для поддержания определенного имиджа. Человек может иметь разные образы.

Соцсети дали мощный инструмент для публичного осуждения людей или организаций за не приемлемые, по мнению сообщества, высказывания или поступки. Это и инструмент социальной справедливости, и способ цензуры и «судов толпы». Соцсети становятся площадкой для быстрого и часто несправедливого «правосудия», где нет процессуальных гарантий и соразмерности наказания. Любая ошибка, совершенная человеком

(даже много лет назад), может быть извлечена из цифровых архивов и использована против него, создавая атмосферу постоянной угрозы.

Соцсети – это поле битвы за умы. Через них ведется целевая реклама, распространяется пропаганда и дезинформация («фейковые новости»). Они радикально изменили политические кампании и диалог между властью и обществом [2]. Границы между личным и публичным размываются. Постоянное сравнение своей жизни с «идеальными» картинками из соцсетей, страх что-то пропустить. На первый план выходит умение быстро найти информацию, а не хранить ее в памяти. Ценится не глубина, а скорость реакции и «виральность».

Появляются неписанные правила цифрового этикета (например, время ответа на сообщение, необходимость ставить лайки постам друзей), несоблюдение которых может восприниматься как обида.

Глобальные тренды адаптируются под местные культурные особенности, языки и юмор. Соцсети позволяют объединяться очень маленьким, узким сообществам (например, любителям редкого музыкального жанра или исторической реконструкции), которые в доинтернетную эпоху были бы обречены на изоляцию. Продвижение контента все больше зависит не от качества в классическом понимании, а от соответствия алгоритмам платформ. Это формирует новую эстетику, ориентированную на «удержание пользователя». Соцсети заставляют людей постоянно заниматься само-презентацией.

Социальные сети не останутся неизменными. Уже сейчас видны тренды:

1. Эпоха алгоритмов: уход от хронологических лент к полностью алгоритмическим, где ИИ решает, что показывать.

2. Эпистемический кризис: растущее недоверие к информации из-за распространения глубоких фейков и AI-генеративного контента.

3. Усталость и поиск альтернатив: рост популярности более приватных и нишевых платформ как реакция на токсичность крупных сетей.

4. Метавселенная и новые форматы: слияние социального взаимодействия с виртуальной и дополненной реальностью [10].

Как указывают исследователи, «социальные сети сегодня являются важным элементом структуры повседневной жизни и коммуникативных практик современных молодых людей, а виртуальное пространство, как социальный симулякр, порождает специфические коммуникативные эффекты. Диджитализация стала неотъемлемой частью нашей жизни, а основным элементом диджитал-пространства являются социальные сети. Социальные сети – важная составляющая современной жизни молодых людей, они снимают социальные барьеры, являются непосредственным институтом

социализации и участвуют в процессе формирования и накопления человеческого и социального капитала» [6].

Заключение

Социальные сети, будучи порождением эпохи информатизации, стали ключевым архитектором новой социальной культуры. Эта культура характеризуется глобализацией и сетевой структурой связей, визуальностью, клиповостью и перформативностью самопрезентации, демократизацией производства информации и одновременно алгоритмизацией ее потребления, формированием новых гибридных норм, этики и языка.

Влияние соцсетей амбивалентно: они дали голос миллионам, ускорили инновации и социальные изменения, но одновременно породили серьезные вызовы для психического здоровья, демократических институтов и целостности личности.

Формирующаяся социальная культура – это культура сети: динамичная, противоречивая, открытая и требующая от человека развитой цифровой грамотности и критического мышления для того, чтобы не быть в ней просто винтиком, а стать осознанным участником.

Информатизация и социальные сети не просто добавили новый слой к существующей культуре – они породили новую социальную экосистему со своими законами, языком, экономикой и психологией. Эта экосистема обладает колossalным потенциалом для развития, образования и объединения людей, но одновременно создает серьезные вызовы для индивидуальной психики и общественного здоровья. Баланс между этими двумя сторонами – главный вопрос, который предстоит решать современному человеку и обществу в целом.

Литература

1. Бабосов Е.М. Социокультурная обусловленность раз вития социальных сетей // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 4–11.
2. Волкоморов В.А. Актуальные медиатизированные коммуникативные практики российского цифрового поколения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образо вания, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 1 (195). С. 44–47.
3. Иванько А.Ф., Иванько М.А., Лихтина Е.К. Социальные сети, как элемент информационных технологий // Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования. 2020. № 1. URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=77> (дата обращения: 06.10.2025).

4. Иноземцев В.А. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. 2020. № 4(84). С. 2.
5. Кузавкова М.В. Влияние информатизации на современное общество // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 191–193.
6. Розенберг Н.В. Социальные сети как основной вид коммуникативных практик современной молодежи: социологический анализ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 4. С. 90–98.
7. Тихонова А.В., Агурова А.А. Теоретические основы изучения социальных сетей в политической коммуникации и их характеристика // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4А. С. 24–32.
8. Чалабиев А.Ш., Семенов Е.А., Kochetkova Е.С. Влияние Интернета на человека, положительное и негативное влияние: сборник статей IV Международной научно практической конференции, Пенза, 20 августа 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 23–25
9. Чвякин В.А., Чертков А.С. Теория социальных сетей [Электронный ресурс]: учебник. Нижний Новгород: Эл. изд., 2023. 116 с.
10. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий юга России. 2019. Т. 8, № 1. С. 229–241.

THE INFORMATIZATION OF SOCIETY AND SOCIAL MEDIA: THEIR IMPACT AND ROLE IN THE FORMATION OF A NEW SOCIAL CULTURE IN MODERN SOCIETY

Lutoshkina V.N., Demidova T.E., Sysoeva E.K., Goncharova E.V., Svirin M.G.
Siberian Federal University, Russian State Social University, National Research University, Pacific National University, Perm Institute

The informatization of society is a global social process in which information and knowledge are becoming the primary products and commodities, leading to fundamental changes in the structure of employment, communication, education, and culture. Social media is a powerful tool whose impact depends on who uses it and how. Understanding social media as a complex phenomenon is the first step to their conscious and productive use. Social media is both a product of informatization and its main accelerator. They have be-

come the channel through which the information society is shaping a new social culture. For billions of people worldwide, social media (Facebook, Instagram, TikTok, X (Twitter), VK, etc.) are the primary space for communication, work, study, information consumption, entertainment, and self-expression. People spend a significant portion of their time on social media, making them a key agent of socialization alongside family, school, and work. This topic is extremely relevant because social media, as a product of computerization, have ceased to be simply a tool. They have become both a generator and a platform for the formation of a new social culture. This culture is characterized by globality and hybridity, visuality and clip-based nature, interactivity and performativity, and algorithmic control.

Keywords: computerization of society, social media, social culture, modern society, internet.

References

1. Babosov, E.M. "Sociocultural Determination of Social Network Development" // Zhurn. Belorus. State University. Philosophy. Psychology. 2017. No. 3. Pp. 4–11.
2. Volkomorov, V.A. "Current Mediatized Communicative Practices of the Russian Digital Generation" // Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science, and Culture. 2020. Vol. 26, No. 1 (195). Pp. 44–47.
3. Ivanko, A.F., Ivanko, M.A., Likhtina, E.K. "Social Networks as an Element of Information Technology" // Nauchnoe obozrenie. Fundamental and Applied Research. 2020. No. 1. URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=77> (date accessed: 06.10.2025).
4. Inozemtsev V.A. The Impact of Informatization and the Development of Information and Communication Technologies on the Formation of a New Social Reality // Humanitarian Bulletin. 2020. No. 4 (84). P. 2.
5. Kuzavkova M.V. The Impact of Informatization on Modern Society // Young Scientist. 2023. No. 10 (457). P. 191–193.
6. Rosenberg N.V. Social Networks as the Main Type of Communicative Practices of Modern Youth: A Sociological Analysis // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". 2022. Vol. 10, No. 4. P. 90–98.
7. Tikhonova A.V., Agurova A.A. Theoretical Foundations of the Study of Social Networks in Political Communication and Their Characteristics // Theories and Problems of Political Research. 2019. Vol. 8. No. 4A. Pp. 24–32.
8. Chalabiev A.Sh., Semenov E.A., Kochetkova E.S. The Impact of the Internet on a Person, Positive and Negative Impact: Collection of Articles from the IV International Scientific Practical Conference, Penza, August 20, 2021. Penza: Science and Education, 2021. Pp. 23–25
9. Chvyakin V.A., Chertkov A.S. Theory of Social Networks [Electronic resource]: textbook. Nizhny Novgorod: Electronic Publishing House, 2023. 116 p.
10. Chebunina O.A. Virtual social capital in the process of online socialization of youth // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8, No. 1. Pp. 229–241.

Вопросы управления волонтёрской программой в образовательном учреждении высшего образования

Тимофеева Римма Алексеевна,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры технологий управления, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
E-mail: mischabo@mail.ru

Бондаренко Людмила Михайловна,

магистрант кафедры технологий управления, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
E-mail: ludmilabon2002@mail.ru

Бондаренко Михаил Владимирович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры пожарно-строительной и газодымозащитной подготовки (в составе учебно-научного комплекса пожаротушения), ФГБОУ ВО «Академия ГПС МЧС России»
E-mail: mischabo@mail.ru

В статье рассматривается волонтёрство, как важная часть общественной жизни, способствующая развитию социальных связей, укреплению гражданского общества и формированию активной жизненной позиции у молодёжи. В условиях современного мира, когда социальная ответственность становится одним из ключевых факторов успеха организаций и учреждений, развитие волонтерских программ приобретает особую значимость. Для Новгородского университета развитие волонтёрства имеет огромную социальную значимость. С помощью добровольчества студенты приобретают практические навыки и опыт работы в различных сферах деятельности. Это особенно важно для будущих специалистов, так как сейчас работодатели ценят не только теоретические знания, но и способность применять их на практике, а также наличие хорошо развитых гибких навыков и умение работать в быстро изменяющемся мире совместно с командой коллег. Кроме этого, добровольчество развивает лидерские качества и навыки, потому что при организации и участии в волонтёрских проектах и мероприятиях требуются координаторы волонтёров и на такой вакансии ребята учатся управлять командой и работать в ней.

Ключевые слова: проект, обучение служением, волонтёрство, управление, воспитание.

Введение

Добровольчество позволяет активным студентам участвовать в жизни общества, оказывать помощь нуждающимся, участвовать в различных мероприятиях экологического, культурного, социального, образовательного, патриотического и других характера [1]. Благодаря такой деятельности у ребят формируется чувство ответственности, взаимопомощи, толерантности и сопричастности, что в целом повышает уровень и качество воспитания молодежи [2]. Также нельзя забывать и об образовательном аспекте, так как университет – это и про образование, любая волонтёрская деятельность должна быть направлена на обучение и развитие [3,4]. Кроме этого, добровольчество развивает лидерские качества и навыки, потому что при организации и участии в волонтёрских проектах и мероприятиях требуются координаторы волонтёров и на такой вакансии ребята учатся управлять командой и работать совместно с ней. Благодаря такому опыту студенты учатся принимать решения, нести ответственность за них и за результаты своей работы, а также взаимодействовать с благополучателями и организаторами добровольческой деятельности [5]. Все полученные навыки и компетенции будут необходимы для успешного трудоустройства и построения своей карьерной траектории, кроме этого, особо активных лидеров могут заметить на мероприятиях и пригласить на работу, ещё будучи студентами, что позволит уже быть уверенным в наличии вакантного места на работе по окончании учёбы [6]. Конечно, говоря о добровольчестве стоит отметить и плюсы не только для студентов. Но и для самого университета. Развитие волонтерской программы позволяет повышать имидж Новгородского университета как социально ориентированного образовательного учреждения [7]. Участие в благотворительных акциях и общественных инициативах позволяет привлекать внимание будущих абитуриентов и потенциальных партнеров из представителей бизнеса и органов государственной власти. Важно отметить, что и в самом университете существуют программы поддержки добровольцев, например, для абитуриентов за наличие 80 волонтёрских часов, можно получить дополнительные баллы при поступлении, а для медиков при наличии 300 медицинских волонтёрских часов добавляются баллы при поступлении в ординатуру. Также с 2024 года была введена программа «Обучение служением», что предполагает участие студентов в проектах представителей

бизнеса и органов государственной власти. Участие в таком проекте приучает студентов к безвозмездной помощи и помогает им получить практический опыт от работы над таким проектом [8,9].

Можно отметить, что проект развития волонтёрской программы в Новгородском университете имеет высокую социальную, образовательную и воспитательную ценность. Его реализация будет способствовать всестороннему развитию студентов как будущих работников, так и лидеров в различных организациях, а также повышении, престижа учебного заведения и укреплению позиции университета на региональном уровне.

Цель исследования

Определить проблемы и перспективы развития эффективной системы волонтёрской деятельности в современном университете.

Задачи

Изучить концепцию и стратегию развития волонтерских программ в России и за рубежом.

Изучить инфраструктуру поддержки и координации волонтерской деятельности.

Изучить способы привлечения студентов к участию в волонтерских проектах через проведение информационных кампаний и мероприятий.

Исследовать партнерские отношения с общественными организациями, государственными структурами и коммерческими компаниями для реализации совместных волонтёрских проектов.

Провести анализ волонтерских программ для дальнейшей корректировки стратегии и улучшения качества работы.

Изучить основные направления волонтёрских программ в России и за рубежом.

Изучить меры содействия в популяризации волонтерства среди студентов.

Материалы и методы

Теоретический анализ педагогической и методической литературы, документов в сфере образования, учебных документов Новгородского государственного университета, касающихся волонтёрства, наблюдение за итогами реализации проектов в избранной области. В ходе исследования также использованы формально-логические и общенаучные методы исследования, включая дедукцию, индукцию, синтез анализ, анализ проблемной ситуации, классификацию.

Результаты

В статье рассматривается опыт одного из ведущих вузов России – Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Полученные

результаты могут быть использованы для улучшения образовательных программ в других учреждениях высшего образования, которые уже активно развиваются волонтёрство, и особенно это будет актуальный опыт для учреждений высшего образования с проектным форматом обучения.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных учёных в сфере управления добровольческой деятельностью, таких как, Алексиса де Токвиль, Бодренковой Н.Г., Васильева И.В., Воронина О.А., Драпенко Е.Г., Инглхарт, Р., Коулман Д., Крикунова В.А., Кудринского Л.А., Мерсияновой И.В., Оксли С., Певной М.В., Погребенского М.Б., Самаркиной И.В., Снайдер М., Чудновой О.В., Щадрина А.Е., Якимец В.Н.

Теория социального капитализма Роберта Патнэма и Джеймса Коулмана гласит, что волонтёрство укрепляет социальные связи и доверие внутри сообщества, способствуя созданию сети взаимовыгодных взаимодействий. Эта теория подчеркивает важность волонтерства как механизма формирования социального капитала, который включает в себя нормы доверия, взаимности и сетей социальных контактов.

Теория гражданского участия Алексиса де Токсивля и Рональда Инглхарта раскрывает гражданское участие как важную составляющую демократического процесса, в рамках которого граждане участвуют в принятии решений и решении общественных проблем. Волонтерство является одной из форм активного гражданского участия, которая способствует формированию активной гражданской позиции у студентов.

Психология волонтёрства Сьюзан Оксли и Марка Снайдера показывает, что мотивация к волонтёрству может быть различной, от личных ценностей до стремления к самореализации и профессиональному росту. Понимание психологических аспектов мотивации волонтеров поможет создать более эффективную систему поддержки и вовлечения студентов.

Работы Ворониной О.А. подчеркивают необходимость учета гендерного аспекта при разработке социальных проектов, например работа «Гендерные аспекты социального участия». Такие исследования важны для обеспечения равноправия и инклюзивности в волонтёрской деятельности.

Работы Драпенко Е.Г. сосредоточены на различных аспектах добровольческой деятельности и её влиянии на социальные процессы. Особое внимание в своих исследованиях он уделял анализу мотивации волонтеров, какие факторы побуждают людей заниматься добровольчеством. Такие исследования важны для понимания и осознания вклада добровольцев в решение социальных проблем и разработки стратегий улучшения их работы.

Исследования Якимец В.Н. касаются широкого спектра вопросов, связанных с развитием гражданского общества, некоммерческих организаций

и волонтерства. Основные направления его исследований в сфере волонтерства включают разработку концептуальных основ волонтерства, ученый занимался теоретическим осмысливанием феномена волонтерства, предлагал определения и классификации видов волонтерской деятельности.

Практическая значимость исследований учёных для Новгородского университета, это, в первую очередь, развитие практических и гибких навыков у студентов. Путём участия в волонтёрских проектах и мероприятиях у волонтеров развиваются навыки общения, лидерства, управление временем и работы в команде, а также возможность применять теоретические знания на практике, способствует улучшению усвоения материала и увеличения конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Повышения привлекательности университета также является важным аспектом, реализация волонтерской программы повышает репутацию университета как социально направленной организации среди абитуриентов и потенциальных партнёров.

Для Новгородской области практическая значимость проекта может заключаться в решении социальных проблем, волонтеры могут внести значительный вклад в решение актуальных социальных проблем региона, таких как поддержка пожилых людей, экологические инициативы и помощь детям-сиротам [10]. Также реализация проекта может укрепить гражданский институт и гражданского общества в целом, путём развития сотрудничества между государственной властью, некоммерческими организациями и бизнесом. Также развитие волонтёрства это и неплохой вариант экономии бюджетных средств, так как волонтерская деятельность позволяет снизить затраты на выполнения социальных задач, путём перекладывания части нагрузки с работников и администрации на добровольцев. При этом, могут привлекать гранты и субсидии в регион от государства за счёт активных граждан, которые подают свои инициативы и проекты на конкурсы для привлечения денежных средств, таким образом многие проекты реализуются, но не за счёт регионального бюджета.

Обсуждение

В Российской Федерации существуют множество концепций и программ по развитию добровольческого движения. Одна из концепций, во многом определяющая деятельность добровольческих организаций и волонтеров – Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 годы, которая утверждена распоряжением правительства РФ от 27 декабря 2018 года № 2950-р. Основная цель концепции – это стимулирование и поддержка добровольцев и добровольческих организаций в России. Она направлена на создание условий для активного участия граждан

в решении социальных проблем, формирование культуры взаимопомощи и ответственности, а также расширение возможностей для самореализации через участие в добровольческих проектах [11]. В данной концепции выделяются основные направления добровольчества, такие как инклюзивное, охрана природы, содействие в оказании медицинской помощи, пропаганда донорства, оказание помощи ветеранам Великой Отечественной войны и многое другое. Кроме этого, в концепции указано, как органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать и содействовать развитию добровольчества, это реализация мер нематериальной поддержки граждан, предоставление субсидий, формирование координационных органов по поддержке добровольчества, развитие единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства).

Концепция влияет не только на создание новых программ, но и на развитие образования в сфере добровольчества [12]. Онлайн-университет социальных наук «Добро.Университет» – это один из ключевых сервисов единой информационной системы в сфере развития добровольчества [13], его целью является создание крупнейшей базы знаний для развития и поддержки общественных инициатив в России, основа онлайн-университета – видеокурсы с погружением в реальную волонтерскую деятельность.

Также реализуются программы развития добровольчества в отдельных регионах, например, в Санкт-Петербурге деятельность волонтеров организуется совместными усилиями органов государственного и муниципального управления и некоммерческими организациями. В Высшей школе экономики [14] часто проводят различные исследования и предложения по развитию социального партнёрства между разными структурами, так в 2023 году ими была разработана и запущена с 1 сентября программа «Обучение служением» [15], которая впоследствии стала частью образовательных программ более сотни вузов нашей страны.

Российский опыт реализации проектов в сфере добровольчества демонстрирует высокий уровень вовлеченности населения и поддержку государства. Основные направления деятельности включают социальную помощь, экологические инициативы, культурные мероприятия и молодежные проекты.

Развитие студенческого добровольчества приобретает особую значимость в современной образовательной среде российских вузов. Оно способствует формированию активной гражданской позиции студентов, повышению уровня ответственности перед обществом и позволяет приобрести полезные социальные компетенции. Опыт реализации проектов в сфере добровольчества российскими университетами свидетельствует о высокой востребованности данной формы внеучебной деятельности среди молодёжи.

Движение добровольчества (волонтёргов) в высших учебных заведениях России приобрело широкую популярность в последние годы благодаря своей доступности, привлекательности и возможности приобретения опыта и навыков. Студенческая молодежь активнее всего участвует именно в тех видах деятельности, которые связаны с активным социальным участием и взаимодействием с окружающим миром. Это объясняется несколькими факторами: желанием проявить себя, развить личные качества, обрести новые знания и умения, а также возможностью сделать реальный вклад в благополучие общества.

Сегодня добровольческие проекты стали важной частью образовательных программ многих российских университетов. Они помогают студентам развивать личные качества, необходимые для успешной карьеры и полноценной общественной жизни.

Примером успешного проекта выступает всероссийская акция «Делись добром», инициированная Российской движением школьников совместно с Министерством просвещения [16]. Она направлена на формирование положительного отношения к гуманитарному труду и повышение мотивации молодёжи заниматься общественными делами.

Ещё одним ярким примером является практика университета Российского народного хозяйства имени Г.В. Плеханова («РЭУ») [17], который регулярно проводит волонтёрские программы, направленные на решение экологических вопросов и воспитание бережного отношения к природе.

Реализация крупных проектов требует тесного сотрудничества между образовательными организациями и органами государственной власти региона. Совместная деятельность помогает обеспечить необходимое финансирование, координацию действий и контроль над качеством исполнения работ.

Наиболее успешные модели партнёрства реализуются посредством подписания соглашений о сотрудничестве между руководством вуза и представителями региональной администрации.

Значимую роль играют региональные фонды поддержки молодёжных инициатив, которые финансируют образовательные программы, стажировки и другие мероприятия, ориентированные на подготовку квалифицированных кадров для сферы добровольчества.

Исследование, проведённое Институтом экономики РАН, показало, что реализация проектов в сфере добровольчества положительно влияет на мотивацию студентов продолжать учёбу и повышает уровень удовлетворённости жизнью. По данным опроса, проведённого в нескольких ведущих университетах страны, около 78% респондентов отметили положительное влияние добровольческой деятельности на личностное развитие.

Кроме того, наблюдается тенденция увеличения числа организаций, готовых сотрудничать

с выпускниками-волонтёрами, поскольку работодатели ценят приобретённые ими коммуникативные способности, умение работать в команде и способность брать ответственность за принятые решения.

Несмотря на значительные успехи, существуют определённые проблемы, препятствующие полному раскрытию потенциала добровольчества в российском образовании:

- недостаточная информированность студентов о возможностях участия в добровольческих программах.
- низкий уровень финансовой поддержки инициативных групп внутри учебных заведений.
- отсутствие чётких механизмов оценки результатов деятельности добровольцев.

Для преодоления этих трудностей необходимы дополнительные меры государственной политики, включая разработку нормативных актов, регулирующих права и обязанности участников добровольческих движений, создание специализированных центров подготовки лидеров общественного мнения и увеличение финансирования соответствующих программ.

Опыт российских вузов показывает разнообразие видов и форм участия студентов в добровольческом движении. Вот некоторые из них:

Акции и мероприятия по поддержке детей-инвалидов. Проекты, подобные «Мир глазами ребенка» [2], предоставляют возможность подросткам и взрослым с особыми потребностями раскрыть свой творческий потенциал и интегрироваться в современное общество.

Социально-экологический туризм. Организованные группы волонтеров принимают активное участие в экспедициях по изучению состояния природы и сохранению исторических объектов.

Международные обмены опытом. Участники проектов выезжают за рубеж, перенимая лучшие практики зарубежного волонтерства и адаптируя их к российским условиям.

Спортивные волонтерские команды. Во время крупных спортивных соревнований (например, Олимпиады, Универсиады), молодые люди получают уникальный шанс принять участие в подготовке и проведении мероприятий мирового масштаба.

Просветительская работа в школах и детских садах. Обучение младших поколений основам здорового образа жизни, правилам поведения в обществе, культуре общения.

Российская система добровольчества отличается особым акцентом на связь образовательного процесса с практическим применением полученных знаний. Многие университеты предлагают своим студентам специальные курсы, включающие элементы добровольчества. Эти курсы формируют понимание важности личного вклада каждого гражданина в общее дело.

Еще одной отличительной чертой российского подхода является взаимодействие государственных структур и некоммерческих организаций с высшими учебными заведениями. Такие партнерства позволяют создать эффективную систему координации, привлечения ресурсов и распределения обязанностей.

Приоритетные направления дальнейшего развития:

Расширение межрегионального обмена опытом и проектами

Повышение престижа добровольчества путем улучшения системы поощрений и карьерных перспектив для активных студентов

Укрепление связи науки и образования с практикой волонтерства

Совершенствование законодательства, регламентирующего статус и права волонтеров

Можно ожидать, что российские вузы продолжат укреплять свое положение как центры формирования нового типа личности, сочетающей глубокие профессиональные знания с высоким уровнем личной ответственности и гражданским сознанием.

Практика реализации добровольческих проектов в российских вузах демонстрирует значительный прогресс в формировании сообщества студентов, активно участвующего в позитивных изменениях окружающего мира. Данный процесс открывает широкие перспективы для инновационного развития и интеграции высшего образования в процессы модернизации российского общества.

Таким образом, российский опыт реализации проектов в вузах в сфере добровольчества представляет собой яркий пример активного вовлечения молодёжи в общественно полезную деятельность, формирования чувства социальной ответственности и развития ключевых компетенций будущих специалистов. Дальнейшее совершенствование подходов позволит значительно повысить эффективность такой работы и расширить масштабы её распространения.

Выходы

Волонтёрство в НовГУ имеет хорошие перспективы для развития. Устранение административных и финансовых препятствий, укрепление связей с работодателями позволят расширить масштабы и улучшить качество программы, что принесет пользу, как студентам, так и местному сообществу. Необходимо продолжать работу с местными сообществами, бизнесом и органами власти, что позволит расширить базу партнёров университета и популяризировать волонтёрство среди студентов и жителей города.

Литература

- Климук В.В. Волонтерство как инструмент социального и экономического развития регио-

на / В.В. Климук У.О. Олимжонов // Научные записки академии. – 2023. – № 1. – С. 12–16. – ISSN 2949-0820. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/361355> (дата обращения: 15.12.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

- Проект «Мир глазами ребенка». Официальный сайт URL: <https://mir-glazami-rebenka.ru/> (дата обращения: 15.12.2025). – Режим доступа: свободный.
- Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Официальный сайт URL: <https://www.rea.ru/> (дата обращения: 15.12.2025). – Режим доступа: свободный.
- Сибирский федеральный университет. Официальный сайт URL: <https://www.sfu-kras.ru/> (дата обращения: 15.12.2025). – Режим доступа: свободный.
- Антонова Л.Ю. Формирование досуговой активности учащейся молодёжи региона через волонтерство / Л.Ю. Антонова // Вестник Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий. – 2015. – № 2. – С. 190–194. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/297627> (дата обращения: 15.12.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
- Певная М. В., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф., Черникова-Бука М. Волонтерская деятельность учащейся молодёжи: социальная значимость и основания мотивированного откза / М.В. Певная, А.Н. Тарасова, Д.Ф. Телепаева, М. Черникова-Бука // Образование и наука. – 2022. – № 10. – С. 200–230. – ISSN 1994-5639. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/357509> (дата обращения: 17.03.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
- Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. – С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 [Nikolsky V.S. Ministry training in Russia: the formation of the subject field // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 12. – Pp. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28].
- Кузнецов А.Н., Павлова М.В. Волонтерство в образовательной среде вуза: монография / А.Н. Кузнецов, М.В. Павлова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 280 с.
- Левин Е.А. Добровольчество в университетских сообществах: опыт и перспективы / ред. Е.А. Левин. – Великий Новгород: НовГУ, 2023. – 196 с.
- Фестиваль «Территория смыслов». Официальный сайт URL: <https://events.myrosmol.ru/>

- forums/territoriya-smyslov/ (дата обращения: 16.12.2025). – Режим доступа: свободный.
11. Климук В.В. Волонтерство как инструмент социального и экономического развития региона / В.В. Климук, У.О. Олимжонов // Научные записки академии. – 2023. – № 1. – С. 12–16. – ISSN 2949-0820. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/361355> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
12. Единая информационная система в сфере развития добровольчества. Официальный сайт URL: <https://dobre.ru/> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.
13. Добро.Университет: Онлайн-университет социальных наук. Официальный сайт URL: <https://edu.dobro.ru/> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.
14. Высшая школа экономики. Официальный сайт URL: <https://www.hse.ru/> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.
15. Программа «Обучение служением». Методические материалы НИУ ВШЭ, 2023 URL: http://vps0016.avantnet.ru/img/obuch_sluj/met_rek.pdf. (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.
16. Министерство просвещения РФ. Официальный сайт URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.
17. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Официальный сайт URL: <https://www.rea.ru/> (дата обращения: 17.12.2025). – Режим доступа: свободный.

ISSUES OF VOLUNTEER PROGRAM MANAGEMENT IN AN EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Timofeeva R.A., Bondarenko L.M., Bondarenko M.V.

Yaroslav the Wise Novgorod State University, State Fire Academy

This article examines volunteerism as an important part of public life, contributing to the development of social ties, strengthening civil society and the formation of an active lifestyle among young people. In today's world, when social responsibility is becoming one of the key success factors for organizations and institutions, the development of volunteer programs is becoming particularly important. For Novgorod University, the development of volunteerism is of great social importance. Through volunteering, students acquire practical skills and work experience in various fields of activity. This is especially important for future professionals, as employers now value not only theoretical knowledge, but also the ability to apply it in practice, as well as the availability of well-developed flexible skills and the ability to work in a rapidly changing world together with a team of colleagues. In addition, volunteerism develops leadership qualities and skills, because when organizing and participating in volunteer projects and events, volunteer coordinators are required, and in such a vacancy, children learn how to manage a team and work with it.

Keywords: project, service learning, program, volunteering, management, education.

References

1. Klimuk V.V. Volunteering as a Tool for Regional Economic Development / V.V. Klimuk U.O. Olimzhonov // Scientific Notes of the Academy. – 2023. – No. 1. – pp. 12–16. – ISSN 2949-0820. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/361355> (accessed: 12/15/2025). – Access mode: for authorized users.
2. Project «The World Through the Eyes of a Child». Official website URL: <https://mir-glazami-rebenka.ru/> (accessed on 15.12.2025). – Access mode: free.
3. Plekhanov Russian University of Economics. Official website URL: <https://www.rea.ru/> (accessed on 15.12.2025). – Access mode: free.
4. Siberian Federal University. Official website URL: <https://www.sfu-kras.ru/> (accessed on 15.12.2025). – Access mode: free.
5. Antonova L. Yu. Formation of leisure activity, most often among the region's youth, through volunteering / L. Yu. Antonova // Bulletin of the Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies. – 2015. – No. 2. – P. 190–194. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issues/297627> (accessed: 12/15/2025). – Access mode: for authorized users.
6. Pevnaya M. V., Tarasova A. N., Telepaeva D. F., Chernikova-Buka M. Volunteer activities of student youth: social innovation and justified motivated refusal / M. V. Pevnaya, A. N. Tarasova, D. F. Telepaeva, M. Chernikova-Buka // Education and science.– 2022.- No. 10. - S.200–230.– ISSN 1994-5639.– Text: electronic // Lan: electronic library system.– URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/357509> (accessed: 17.03.2025). – Access mode: for authorized users.
7. Nikolsky V. S. Service-learning in Russia: Formation of a subject field // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 12. – Pp. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 [Nikolsky V. S. Service training in Russia: Formation of a subject field // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 12. - P. 9-28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28].
8. Kuznetsov A.N., Pavlova M.V. Volunteering in the educational environment of the university: monograph / A.N. Kuznetsov, M.V. Pavlova. - Moscow: UNITY-DANA, 2022. - 280 p.
9. Levin E.A. Volunteering in university communities: experience and prospects / ed. E.A. Levin. – Veliky Novgorod: Novgorod State University, 2023. – 196 p.
10. Festival «Territory of Meanings». Official website URL: <https://events.myrosmol.ru/forums/territoriya-smyslov/> (accessed: 16.12.2025). – Access mode: free.
11. Klimuk V. V. Volunteering as a Tool for Regional Economic Development / V. V. Klimuk, Yu. O. Olimzhonov // Scientific Notes of the Academy. – 2023. – No. 1. – pp. 12–16. – ISSN 2949-0820. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/361355> (accessed: 12/17/2025). – Access mode: for authorized users.
12. Unified information system for the development of the volunteer movement. URL of the official website: <https://dobre.ru/> (accessed: 12/17/2025). – Access mode: free.
13. Dobro.University: Online University of Social Sciences. URL of the official website: <https://edu.dobro.ru/> (accessed: 12/17/2025). – Access mode: free.
14. Higher School of Economics. Official website URL: <https://www.hse.ru/> (accessed on 17.12.2025). – Access mode: free.
15. Service-Learning Program. HSE Methodological Materials, 2023. URL: http://vps0016.avantnet.ru/img/obuch_sluj/met_rek.pdf. (accessed on 17.12.2025). – Access mode: free.
16. Ministry of Education of the Russian Federation. Official website URL: <https://edu.gov.ru/> (accessed on 17.12.2025). – Access mode: free.
17. Plekhanov Russian University of Economics. Official website URL: <https://www.rea.ru/> (accessed: 17.12.2025). – Access mode: free.

Футурология и инноватика: история мысли о новом

Воскресенский Алексей Александрович,

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: voscres@gmail.com

Данила Алексеевич Иванов,

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: danila.ivanov001@yandex.ru

В статье исследуются процессы становления и взаимодействия двух научных дисциплин – футурологии и инноватики. На основе компартиативного анализа выявлены ключевые параллели в их эволюции: от этапа накопления знаний через формирование теоретических основ и институционализацию к последующему развитию и конвергенции. Показано, что развитие обеих дисциплин происходило в тесной связи с динамикой научно-технического прогресса и трансформацией общественных отношений. Особое внимание удалено методологическому сходству. В обеих областях доминируют циклический анализ, междисциплинарность и ориентация на практическое применение. На современном этапе отмечена тенденция к интеграции – в частности, через развитие форсайт-технологий, объединяющих прогнозирование будущих трендов с механизмами реализации инноваций. Сделан вывод о взаимодополняющем характере футурологии и инноватики, чья синергия позволяет не только прогнозировать возможные сценарии будущего, но и активно конструировать его посредством внедрения инновационных решений.

Ключевые слова: футурология, инноватика, институционализация, форсайт-технологии, циклический анализ, междисциплинарность, прогнозирование, инновационные процессы, стратегическое планирование, устойчивое развитие.

В современной научной парадигме футурология и инноватика выступают как взаимосвязанные дисциплины, нацеленные на осмысление и конструирование будущего через призму технологических, экономических и социальных трансформаций. Несмотря на различия в предметных полях (прогнозирование глобальных трендов в футурологии и управление процессами создания и внедрения новшеств в инноватике), обе области демонстрируют явные параллели в исторической эволюции, методологических подходах и практических приложениях. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного осмысления механизмов взаимодействия этих дисциплин, что позволит выявить общие закономерности их развития и определить перспективы интеграции в условиях нарастающей неопределенности XXI века.

Цель исследования заключается в выявлении параллелей в развитии футурологии и инноватики, а также в анализе причинно-следственных связей формирования ключевых концепций обеих дисциплин. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: 1) проследить этапы институционализации футурологии и инноватики в исторической ретроспективе; 2) сопоставить методологические подходы, используемые в обеих дисциплинах; 3) выявить точки пересечения теоретических конструктов и практических инструментов; 4) оценить влияние внешних факторов (экономических кризисов, технологических прорывов, социальных изменений) на эволюцию футурологии и инноватики. Объектом исследования выступает процесс становления и развития футурологии и инноватики как научных дисциплин, предметом – их концептуальные основания, методологический инструментарий и механизмы взаимодействия. В качестве основного метода исследования применяется компартиативистика, позволяющая провести систематическое сопоставление исторических траекторий, теоретических моделей и прикладных практик обеих дисциплин. Дополнительно используются историко-генетический метод для реконструкции этапов институционализации и системный анализ для выявления взаимосвязей между концептуальными блоками.

В первую очередь, необходимо отметить, что в разное время человечество размышляло над вопросами «нового» и его влиянии как на настоящее, так и на будущее. В течение XVIII–XIX веков происходит активное накопление гуманитарных знаний

по проблематике внедрения нововведений, а также по теме прогнозирования и проектирования будущего. Из этого затем рождаются две научные дисциплины, которые изучают данные процессы – футурология и инноватика. До 1900 года инноватика и футурология проходят период накопления знаний. В период с 1900 по 1940 год инноватика оформляется как отдельная область науки (Щербаков, 2020, С. 4–13). Футурология выходит в этап институализации чуть позже – в 1940-х годах, однако далее развивается гораздо более быстрыми темпами, и сравнивается в своем развитии с инноватикой (Рочняк, 2022, С. 81–93).

В сфере инноватики период накопления знаний (до 1900 г.) характеризовался осмыслением роли технических изобретений и научного прогресса в контексте экономического развития. Представители классической экономической теории (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль) сформировали базовые представления о взаимосвязи труда, капитала и технологического совершенствования. В труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (Смит, 1962, 684 с.) акцентировалось значение изобретений для повышения производительности труда. Д. Рикардо, разрабатывая теорию сравнительных преимуществ, устанавливал корреляцию между прогрессом и реализацией конкурентных преимуществ отдельных наций. К. Маркс и Ф. Энгельс интерпретировали научно-технический прогресс как надстройку общественно-экономических отношений, признавая его вторичность по отношению к производственному базису.

В футурологии до 1900 года доминировали утопические и прогностические концепции, воплощенные в литературных и философских произведениях. Уже в XVIII веке Л.С. Мерсье конструировал образы будущего в работе «Год 2440». В XIX столетии появились систематические попытки прогнозирования: «Германия в 2000 году» Г. Эрманна (1831), «Год 2066» П. Гартинга (1866), «Через сто лет» Ш. Рише (1893) и «Отрывки из будущей истории» Г. Тарда (1896). Данные работы интегрировали социальные прогнозы с анализом воздействия технологий, закладывая фундамент футурологического мышления.

В начале XX века инноватика перешла к стадии разработки фундаментальных теорий (1900–1940), тогда как футурология продолжала фазу накопления знаний вплоть до 1940-х годов. В инноватике определяющую роль сыграли исследования циклической динамики. М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев и Й. Шумпетер сформулировали концептуальные положения, в рамках которых инновации интерпретировались не как следствие, а как причина экономических трансформаций. Н.Д. Кондратьев в 1925 году обосновал существование «длинных волн» продолжительностью

40–60 лет, установив их связь с технологическими сдвигами (Кондратьев Н.Д, 1925, С. 28–79).

Й. Шумпетер развивал теорию инновационного предпринимательства, вводя категории «созидательного разрушения» и вариативности использования факторов производства (Шумпетер, 1982, 455 с.). Параллельно в футурологии наблюдалась тенденция к систематизации прогностических моделей. Г. Уэллс в работах «Предвидение» (1901) и «Война и будущее» (1917) интегрировал научные гипотезы с социальными сценариями. К.Э. Циолковский в публикациях 1920-х годов («Исследование мировых пространств реактивными приборами», 1926) экстраполировал технические достижения на глобальные перспективы человечества. У. Огберн в 1920-х годах предложил теорию культурного отставания, объясняющую неравномерность диффузии инноваций разрывом между материальными и нематериальными компонентами социальной системы.

Существенным пересечением двух дисциплин стало осмысление технологий как детерминанты социальных трансформаций. В инноватике это нашло отражение в исследованиях Я. Тинбергена, который интегрировал фактор научно-технического прогресса в производственную функцию Кобба – Дугласа, доказав его статус константы экономического роста (Акаев, 2015, С. 22). В футурологии аналогичные идеи артикулировались Дж. Холдейном («Дедал, или наука о будущем», 1924) и А.М. Лоу («Будущее», 1925), где технологии интерпретировались как структурный элемент будущих социальных конфигураций.

Специфика этапа 1900–1940 годов заключалась в дифференциации исследовательских подходов. Инноватика концентрировалась на микро- и макроэкономических механизмах: Й. Шумпетер идентифицировал новые товары, рынки и технологии в качестве драйверов развития (Шумпетер, 1995, 540 с.). Н.Д. Кондратьев осуществлял анализ долгосрочных экономических циклов. Футурология сохраняла междисциплинарный характер, объединяя прогностические модели, в том числе, сфере урбанистики (Э. Говард, «Города-сады будущего», 1902).

К 1940-м годам инноватика институционализировалась как самостоятельная научная дисциплина, обладающая чётко артикулированным терминологическим аппаратом («инновация», «инновационный процесс», «предприниматель-инноватор»). Ее методологический фундамент опирался на количественно-качественную декомпозицию экономических феноменов, что подтверждалось эмпирическими исследованиями Д. Кендрока и Е. Денисона. Футурология, напротив, оставалась на стадии накопления знаний, хотя уже располагала обширной базой прогностических сценариев и методологических инструментов.

В период 1940–1970-х годов происходит институционализация футурологии, появление базовых теорий и их развитие. В этот период динамика развития футурологии выравнивается с развитием инноватики, которая переживает этап детализации фундаментальных теорий. Оба направления формируются на стыке теоретической рефлексии и практической потребности в управлении сложными социально-экономическими процессами, что обуславливает их взаимосвязанность: футурология вырабатывает инструменты прогнозирования будущего, инноватика – механизмы его материального воплощения через технологические и организационные изменения.

Футурология как самостоятельная дисциплина зарождается в 1940-е годы. Ключевым событием становится предложение О. Флехтхайма (1943) термина «футурология» (в переписке с О. Хаксли), обозначавшего междисциплинарное поле исследований будущего (Flechtheim, 1969, Р. 264–269.). Уже в 1948 году создается RAND Corporation – первый институт, систематизировавший методы прогнозирования, включая знаменитый метод Дельфи. На этом этапе футурология позиционируется как прикладная наука: ее цель – управление настоящим через конструирование образов будущего. Параллельно во Франции Г. Берже (1957) основывает Международный центр будущего и запускает журнал «Prospective», а Б. де Жувенель вводит понятие «futuribles» – осознанных сценариев будущего, реализуемых человеческими усилиями.

Иноватика в тот же период переживает этап детализации базовых теорий. Если на предшествующем этапе доминировали концепции циклов экономического развития (Н.Д. Кондратьев), то в 1940–1970-е годы исследования приобретают эмпирическую направленность. Дж. Бернал, С. Кузнец и Р. Солоу разрабатывают статистические модели, связывающие инновации с экономическим ростом. Особенно значима формула Р. Солоу, где ВВП представлен как функция физического капитала, трудовых ресурсов и технического прогресса. Впоследствии Солоу доказывает, что именно НТП, а не капиталовложения, является главным драйвером развития – тезис, к слову, противоречивший кейнсианской парадигме (Solow, 1957, Р. 312–320).

Общей предпосылкой для обеих дисциплин становится опыт Великой депрессии и Второй Мировой войны. В инноватике кризисы выявили ограниченность традиционных экономических моделей, стимулировав поиск антикризисных решений через технологическую модернизацию. В футурологии же угроза ядерной войны и нестабильность полярного мира породили запрос на стратегическое планирование. Так, Г. Кан в RAND Corporation анализирует сценарии выживания цивилизации, а его книга «О термоядерной войне» (1960) демонстри-

рует переход от умозрительных прогнозов к количественным методам экстраполяции трендов.

Методологическое сходство дисциплин проявляется в опоре на циклический подход. В инноватике он воплощается в теориях «экономических эпох» и «эпохальных инноваций», где технологические прорывы рассматриваются как катализаторы смены фаз развития. В футурологии циклические модели используются для построения сценариев: например, Р. Юнг в работе «Будущее уже началось» (1952) критикует линейную веру в прогресс, подчеркивая риски дисбаланса между технологиями и природой. Оба направления интегрируют междисциплинарные подходы, объединяя экономику, социологию и технические науки.

К 1960-м годам инноватика продолжает развитие благодаря работам Я. Тинбергена, К. Эрроу и М. Кремера, верифицировавших теоретические модели на эмпирических данных. Футурология обретает собственную структуру через сети организаций: Mankind 2000 (основана Р. Юнгом и И. Галтунгом в 1964 году), международные конференции и специализированные издания. Обе дисциплины начинают влиять на политику: инноватика – через концепции инновационного менеджмента, футурология – через методы сценарного планирования.

Важным пересечением становится нормативный аспект. В футурологии Б. де Жувенель разрабатывает онтологический подход, нацеленный на поиск «желаемого будущего» (Masini, 1987, Р. 593–594.). В инноватике аналогичную роль играют стандарты оценки эффективности инноваций, формируемые корпорациями. Оба направления отказываются от пассивного описания реальности, переходя к активному конструированию альтернатив. Это отражается в работах Э. Винера и Г. Кана («Год 2000», 1967), где прогнозы базируются на индустриальных теориях, а также в исследованиях В. Ростоу и А. Турэна, анализировавших переход к постиндустриальному обществу.

Активистская ветвь футурологии, представленная Р. Юнгом и И. Галтунгом, находит отклик в инноватике через концепции «инновационной восприимчивости» компаний. Методы футурологических семинаров (futures workshops) перекликаются с алгоритмизированными моделями управления инновациями, предлагаемыми Р. Харродом и Дж. Хиксом. Обе дисциплины подчёркивают роль человеческого фактора: в футурологии – через вовлечение общества в обсуждение сценариев, в инноватике – через развитие кадрового потенциала как источника нововведений.

К 1970 году обе дисциплины достигают зрелости, но сохраняют различия в фокусе. Футурология остается ориентированной на макроуровневые прогнозы и социальные трансформации, тогда как инноватика концентрируется на микроуровне – управлении проектами и оценке рисков. Тем не менее их взаимосвязь очевидна: футурологи

ческие сценарии задают целевые ориентиры для инноваций, а эмпирические данные инноватики корректируют прогнозы.

Это взаимодополнение закрепляется в работах Э. Зеефрид, выделившей три направления футурологии: эмпирическое (экстраполяция трендов), нормативное (поиск идеалов) и критическое (эмансипация общества) (Seefried, 2015, 575 с.). Период демонстрирует развитие футурологии и инноватики как ответ на вызовы эпохи. Их развитие определяется общими факторами: необходимостью управления неопределенностью, интеграцией количественных методов и стремлением к практическому применению знаний. Параллелизм этапов подтверждает, что обе дисциплины обретаются как инструменты адаптации общества к ускоряющимся темпам технологических и социальных изменений.

Период 1970–2000 годов ознаменовался подлинным теоретическим прорывом в развитии как футурологии, так и инноватики, причем эти процессы обнаруживают явные параллели в причинно-следственных связях и логике эволюции научного знания. В обоих случаях импульс к интенсивному развитию был задан совокупностью глобальных вызовов: затяжным экономическим кризисом на Западе (1971–1982), обострением экологических проблем, ускорением технологического прогресса и необходимостью переосмыслиения стратегий социального развития. Футурология в это время оформляется как международная дисциплина с развитой институциональной базой, тогда как инноватика переживает «ренессанс», переходя от фрагментарных наблюдений к системным теориям.

В футурологии ключевую роль сыграла концептуализация постиндустриального общества. В 1973 году Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриального общества» предложил трехступенчатую модель развития (доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное), ставшую альтернативой марксистской парадигме (Bell, 1973). Параллельно Э. Тоффлер в книгах «Шок будущего» (1970) и «Третья волна» (1980) развивал идеи об «информационном обществе» (Toffler, 1980). В то же время Дж. Нейсбитт анализировал мегатренды глобальной трансформации (Naisbitt, 1984). Эти теории объединяла общая установка: будущее невозможно прогнозировать без учёта качественных сдвигов в структуре экономики, культуры и социальных институтов.

Институционализация футурологии шла параллельно с теоретическим осмыслением. В 1966 году Э. Корниш основал World Future Society (WFS), а в 1973 году при участии Й. Галтунга, Р. Юнга, Б. де Жувенеля и И. Бестужева-Лады была создана Всемирная федерация футурологии (WFSF). Появление профильных журналов («The Futurist, Futures», «Futurics») и университетских курсов (Йель,

Гавайский университет) закрепило дисциплинарный статус футурологии. Важным импульсом стало создание Римского клуба (1968) и его доклад «Пределы роста» (1972) под руководством Д. Медоуза, который обосновал необходимость концепции устойчивого развития, позже принятой ООН (1992).

В инноватике процесс систематизации знаний начался с анализа экономических кризисов 1970-х. Учёные сосредоточились на выявлении внутренних закономерностей инновационных процессов. А. Кляйнкнехт, Г. Менш и Ю.В. Яковец разработали первые периодизации инноваций, связав их с долгосрочными экономическими циклами (Яковец, 2004, 437 с.). Особое значение приобрела теория национальных инновационных систем (НИС), созданная Б. Лундваллом, К. Фрименом и Р. Нельсоном (Нельсон, Уинтер, 2002, 536 с.). Она рассматривала инновации не как изолированные события, а как результат взаимодействия институтов, рынков и научных сообществ в рамках национальной экономики.

Параллелизм в развитии двух наук проявился в смене фокуса: от описания отдельных явлений к построению системных моделей. В инноватике это выражалось в разграничении инноваций как объекта (результата) и как процесса (от идеи до коммерциализации). Б. Санто, Б. Твисс и С. Уинтер исследовали этапы инновационного цикла, тем временем Г. Менш ввёл понятие инновационных кластеров (Mensch, 1975, 115 с.). В футурологии аналогичный сдвиг произошёл благодаря методологии Э. Корниша («Изучение будущего: введение в искусство и науку понимания и формирования завтрашнего мира», 1977), где прогнозирование стало рассматриваться как комплексный процесс, включающий анализ угроз, утопических моделей и сценариев (Cornish, 1977, 282 р.).

Отечественная наука внесла весомый вклад в обе дисциплины. В инноватике А.И. Анчишкин, Д.С. Львов и С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1993, 310 с.) разработали концепцию технологического уклада, связав инновации с долгосрочным технико-экономическим развитием. В футурологии И. Бестужев-Лада формировал подходы к социальному прогнозированию, интегрируя западные теории в российский контекст. Эти исследования демонстрировали общую тенденцию: междисциплинарность становилась необходимым условием для анализа будущего.

В 1990-е годы обе науки столкнулись с новыми вызовами глобализации и цифровизации. В футурологии это привело к появлению методологий типа причинного многослойного анализа (С. Инятулла) и концепции «Аргумента судного дня» (Д.Р. Готт, Б. Картер). В инноватике акцент переместился на изучение сетевых взаимодействий в НИС и роли высшего образования в генерации знаний. Форсайт-технологии, внедренные корпо-

рациями (Siemens, BMW, Shell) и правительства-ми, объединили инструменты футурологии и инноватики для стратегического планирования.

Особенно значимы работы, связанные с концепцией поститории. Так, Ф. Фукуяма в книге «Конец истории и последний человек» (1992) утверждал, что либеральная демократия представляет собой финальную форму государственного устройства, после которой прекращается «история» как череда фундаментальных идеологических противостояний. Однако впоследствии учёный скорректировал свои взгляды. (Фукуяма, 2015, 576 с.).

Примечательно, что оба направления развивались в диалоге с практическими задачами. Футурология отвечала на запросы правительственные структур (доклады Global Trends Национального разведывательного совета США, 1997–2003), а инноватика – на потребности бизнеса в управлении технологическими изменениями. Это породило гибридные подходы: например, сценарное планирование в Сингапуре (1995) сочетало прогнозирование глобальных трендов с анализом инновационных возможностей.

К началу XXI века футурология и инноватика сформировали взаимодополняющие теоретические базы. Футурология предложила инструменты для осмыслиения глобальных вызовов (экология, демография, технологии), а инноватика – механизмы их преодоления через системное управление знаниями. Их синтез отразился в концепциях устойчивого развития и «умной специализации», где прогнозирование будущего стало неразрывно связано с созданием инновационных решений.

Этап 1970–2000 гг. стал временем конвергенции футурологии и инноватики. Общие причины их развития – экономические кризисы, экологические угрозы и технологический прогресс – привели к схожим теоретическим результатам: системности, междисциплинарности и ориентации на практическое применение. Это заложило основу для последующих исследований, где прогнозирование и инновации выступают как две стороны единого процесса проектирования будущего.

На рубеже XXI века футурология и инноватика вступили в качественно новый этап развития, характеризующийся отказом от жесткого детерминизма, усилением междисциплинарности и интеграцией прикладных методологий. В футурологии это выражалось в переходе от термина «футурология» к понятию «исследования будущего» (futures studies), подчеркивающим множественность сценариев и отказ от идеи «точного знания будущего». Британо-пакистанский ученый З. Сардар аргументирует эту смену парадигмы: традиционная футурология создавала ложное впечатление научной однозначности, тогда как современные исследования должны учитывать цивилизационное разнообразие и вероятностный характер прогнозов (Sardar, 2010, Р. 177–184.). Параллельно в иннова-

тике происходит смещение фокуса на экосистемные модели, где инновации рассматриваются как результат взаимодействия государства, бизнеса и университетов.

Ключевой методологической инновацией обоих направлений стал форсайт-технология конструирования будущего через анализ текущих тенденций и движущих сил. В футурологии форсайт позволяет моделировать три вектора развития: позитивные и негативные сценарии текущих трендов, а также желаемые образы будущего. В инноватике аналогичные методы применяются для стратегического планирования национальных инновационных систем (НИС), что демонстрирует конвергенцию подходов. Например, работы Ч. Весснера по государственной политике в сфере инноваций опираются на форсайт-практики, адаптированные из футурологических исследований.

Философская рефлексия занимает центральное место в современной футурологии. Финский исследователь П. Маласка отстаивает правомерность термина «футурология» как междисциплинарного поля, изучающего онтологические и эпистемологические аспекты знания о будущем. Это перекликается с инноватикой, где Г. Ицковиц и Л. Лейдесдорф развивают концепцию «тройной спирали» – модели взаимодействия университетов, бизнеса и государства (Ицковиц, 2011, С. 5–10.). Обе дисциплины выходят за рамки узкоотраслевого анализа, интегрируя этические, социальные и экологические измерения. Так, футурологический «этический поворот» находит отражение в инноватике через концепцию социальной инноватики, нацеленной на решение общественных проблем.

Технологическая составляющая становится общим драйвером развития. Реплика компьютерного специалиста А. Кэя «Лучший способ предсказать будущее – изобрести его» иллюстрирует активный подход, объединяющий прогнозирование и создание. В футурологии это проявляется в росте влияния трансгуманистических идей и сценариев технологической сингularity. В инноватике можно отметить теорию «прорывных инноваций» К. Кристенсена, где успех продукта определяется его способностью переопределить рыночные стандарты (Christensen, 1997, 288 р.). Оба направления признают, что ускорение темпов технологических изменений требует гибких методологий, способных учитывать нелинейность развития.

Инновационные экосистемы, разрабатываемые Р. Аиресом, К. Ватанабе и К. Факудой, демонстрируют параллели с футурологическими концепциями «вероятностной истории» (Fukuda, Watanabe, 2012, 478 р.). Аирес, анализируя сходства природных и экономических процессов, подчёркивает отсутствие спонтанности в экономике – каждый результат имеет первопричину (Ayres, 2004, Р. 425–438). Это перекликается с футурологическим от-

казом от линейного детерминизма: будущее рассматривается как поле вероятностей, формируемое взаимодействием множества факторов. Обе дисциплины акцентируют необходимость мониторинга зарождающихся изменений для минимизации рисков и использования возможностей.

Государственная политика в сфере инноваций становится ключевым фактором развития. Работы Р. Айреса и Ч. Весснера показывают, как национальные стратегии интегрируют форсайт-методы для прогнозирования технологических трендов. Одновременно футурология встраивается в стратегическое планирование через институты типа сингапурской Службы сценарного планирования или финского Комитета по вопросам будущего. Это свидетельствует о практическом сближении дисциплин: прогнозы превращаются в инструменты управления, а инновации – в механизмы реализации желаемых сценариев.

Трансформация университетов в «инновационные центры» отражает синтез футурологических и инновационных подходов. Модель «Университета 3.0», описанная К. Керром, предполагает переход от чисто исследовательской функции к созданию коммерчески значимых разработок (Неборский, 2017, С. 25–35). Это коррелирует с футурологической идеей «активного конструирования будущего», где образовательные учреждения становятся площадками для тестирования альтернативных сценариев. В рамках «Университета 4.0» (биоцифрового университета) цифровая трансформация и agile-менеджмент воплощают футурологические концепции адаптивности и гибкости, необходимые для работы в условиях неопределенности.

Социальная инноватика, развивающаяся Г. Чесбро, дополняет эту картину, смещая акцент с технологических решений на изменение социальных практик. Чесбро выделяет пользовательские, совокупные и распределенные инновации, подчеркивая роль коллективного творчества (Chesbrough, 2003, 272 р.). Аналогично современная футурология усиливает внимание к «экологии культуры» – формированию глобального сообщества на основе доверия и солидарности. Обе дисциплины признают, что устойчивое развитие невозможно без учета человеческого фактора и этических императивов.

Международные стандарты и сетевые взаимодействия становятся инфраструктурой для обеих наук. В инноватике это проявляется в глобализации НИС и создании трансграничных инновационных кластеров. Теории К. Переса о технологических революциях и М. Хирооки о циклах инноваций демонстрируют, как экономические модели интегрируют футурологические методы анализа долгосрочных трендов. Это создает замкнутый цикл: прогнозы влияют на формирование политики, а политики, в свою очередь, задают параметры будущих исследований.

Современный этап развития футурологии и инноватики характеризуется глубокой взаимозависимостью. Отказ от жесткого детерминизма, фокус на настоящем как точке конструирования будущего, интегративный подход и этическая рефлексия объединяют эти дисциплины. Их синтез формирует новый эпистемологический горизонт, где прогнозирование и инновации выступают как две стороны единого процесса проектирования устойчивого и многовариантного будущего.

Проведенный анализ генезиса и эволюции футурологии и инноватики позволяет сделать вывод о наличии существенных параллелей в их развитии. Обе дисциплины прошли путь от фрагментарных рассуждений в рамках смежных научных областей до институционализации в качестве самостоятельных исследовательских направлений. Их становление происходило в тесной взаимосвязи с динамикой научно-технического прогресса и трансформацией общественных отношений: кризисные явления (экономические спады, войны, экологические вызовы) выступали катализаторами теоретического осмысления, стимулируя поиск новых методологических подходов и практических инструментов.

Сопоставление методологических оснований выявило общность подходов, несмотря на различия предметных фокусов. В обеих дисциплинах доминирует циклический анализ (теории экономических волн в инноватике и сценарное моделирование в футурологии), междисциплинарность (интеграция экономики, социологии, технических наук) и ориентация на практическое применение (инновационный менеджмент и стратегическое планирование). Особенно показательна конвергенция на современном этапе, выраженная в развитии форсайт-технологий, которые объединяют прогнозирование будущих трендов с механизмами реализации инноваций. Это свидетельствует о формировании единого эпистемологического пространства, где футурология задает целевые ориентиры, а инноватика обеспечивает инструменты их достижения.

Таким образом, футурология и инноватика представляют собой взаимодополняющие дисциплины, чья синергия становится критически важной в условиях ускоряющихся социальных и технологических изменений. Их взаимодействие позволяет не только прогнозировать возможные сценарии будущего, но и активно конструировать его через внедрение инновационных решений. Дальнейшее развитие этих областей видится в углублении интегративных процессов – от совместного использования методологических инструментов до формирования комплексных стратегий устойчивого развития, учитывающих как технологические возможности, так и социальные ожидания. Такой подход открывает перспективы для создания адаптивных моделей управления, способных эффективно реагировать на вызовы XXI века.

Таблица 1. Сравнительная таблица исторического развития футурологии и инноватики

Исторический период	Футурология и философия будущего			Инноватика и инновационная теория		
	Этап	Идеи	Персоналии	Этап	Идеи	Персоналии
до 1900 г.	Накопление знаний	Утопии, идеи прогнозирования и проектирования, тенденции общественного развития, методика государственного планирования, влияние инноваций	Т. Мор, Л.-С. Мерсье, Г. Эрманн, П. Гартинг, Ш. Рише, Г. Тард, Г. де Молинари, Г. Уэллс, Дж. Холдейн, К.Э. Циолковский, Ф. Джайбес, Э. Биркенхед, У. Огберн,	Накопление знаний	Второстепенность инноваций и НТП, обсуждение их роли	А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Тард, Д.С. Миль, А. Маршалл
1900–1940				Разработка фундаментальных теорий и институционализация науки	Теория циклов, нелинейные структуры, инновации как фактор развития	М. И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер
1940–1970	Разработка фундаментальных теорий и их детализация, институционализация науки	Экстраполяция тенденций и количественные методы, многовариантность будущего и нормативный подход, активистская футурология и вовлечение общества	О.Флехтхайм, Г. Берже, Б. де Жувенель, Г. Кан, Э. Винер, Р. Юнг, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, В. Ростоу, Я. Тинберген, А. Турэн, Э. Зеффрид	Детализация теорий	Развитие теории циклов и волн экономического развития, статистический и эмпирический анализ	Дж. Бернал, С. Кузнец, Р. Соловьёв
1970–2000	Теоретический прорыв	Постиндустриальные теории и концептуализация общественного развития, глобальные проблемы и устойчивое развитие	Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Нейсбитт, Д. Медоуз, Э. Корниш, Й. Галтунг, Р. Юнг, Б. де Жувенель, И. Бестужев-Лада, Дж. Дейтор, Р. Гидли, В. Белл, Ф. Фукуяма	Теоретический прорыв	Новая классификация инноваций, теория национальных инновационных систем, структура инноваций	Д. С. Львов, С.Ю. Глазьев, Б.Н. Кузык, А.И. Анчишкин, Ю.В. Яковец, А. Кляйнкнехт, Г. Менш, Б. Лундвалл, К. Фримен и Р. Нельсон
2000-н.в.	Современное развитие футурологии	Множественность будущих и отказ от жёсткого детерминизма, форсайт-практики, смещение фокуса на настоящее, философская рефлексия и этический поворот, интегративный и холистический подход	Ф. Фукуяма, З. Сардар, П. Маласк, А. Кэй,	Современное развитие инновации	Государственная политика в сфере инноваций, ускорение темпов инновационных процессов, инновационные экосистемы, социальная инноватика	Р. Айрес, Ч. Весснер, Г.Ицковиц, К. Перес, Г. Хоровитт, К. Факуда, К. Ватанабе, М. Хироока, К. Кристенсен, Г. Чесбро

Литература

1. Акаев, А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. – М.: Ленанд, 2015. – 352 с.
2. Глазьев, С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. – М.: ВладДар, 1993. – 310 с. ISBN: 5-86209-003-7 EDN: YSXIVU
3. Ицковиц, Г. Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // Инновации. – 2011. – № 4. – С. 5–10. EDN: PDUAQF
4. Кондратьев, Н.Д. Вопросы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры: статьи, рефераты, заметки, библиография. – Т. 1, вып. 1. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1925. – С. 28–79.
5. Неборский, Е.В. Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0 / Е.В. Неборский // Мир науки. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 25–35. EDN: ZMPZUR
6. Нельсон, Р.Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р.Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер; пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
7. Рочняк, Е.В. Пять этапов развития футурологии как научной дисциплины: от предыстории к современности / Е.В. Рочняк // Векторы

- благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 2(45). – С. 81–93. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163 EDN: ROIJRP
8. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / вступ. ст. и коммент. В.С. Афанасьева. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 684 с.
 9. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек = The End of History and the Last Man / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина; под ред. Н. Никитенко. – 3-е изд. – М.: ACT, 2015. – 576 с. ISBN: 978-5-17-089637-0
 10. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с. ISBN: 5-282-01415-7
 11. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер; пер. с нем. В.С. Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
 12. Щербаков, Г.А. Этапы формирования и развития инновационной теории / Г.А. Щербаков // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 4–13. EDN: EFJYDE
 13. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI в. / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2004. – 437 с.
 14. Ayres, R.U. On the Life Cycle Metaphor: Where Ecology and Economics Diverge / R.U. Ayres // Ecological Economics. – 2004. – Vol. 48, Iss. 4. – P. 425–438.
 15. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – Harmondsworth: Penguin, Peregrine, 1976. – (1973).
 16. Chesbrough, H.W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology / H.W. Chesbrough. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 2003. – 272 p.
 17. Christensen, C.M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail / C.M. Christensen. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 1997. – 288 p.
 18. Cornish, E. The Study of the Future: An Introduction to the Art and Science of Understanding and Shaping Tomorrow's World / E. Cornish. – Bethesda, MD: World Future Society, 1977. – 282 p.
 19. Flechtheim, O. Is futurology the answer to the challenge of the future / O. Flechtheim // Mankind 2000 / eds. R. Jungk, J. Galtung. – London: Allen and Unwin, 1969. – P. 264–269.
 20. Fukuda, K. Innovation Ecosystem for Sustainable Development / K. Fukuda, C. Watanabe // Sustainable Development Policy and Urban Development Tourism, Life Science, Management and Environment. – IntechOpen, 2012. – 478 p.
 21. Masini, E.B. Tribute to Bertrand de Jouvenel / E.B. Masini // Futures. – 1987. – No. 19(5). – P. 593–594.
 22. Mensch, G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression / G. Mensch. – Frankfurt am Main: Umschau Verlag, 1975. – 115 s.
 23. Naisbitt, J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives / J. Naisbitt. – London: Futura, 1984.
 24. Sardar, Z. The Namesake: Futures; Futures Studies; Futurology; Futuristic; Foresight – What's in a Name? / Z. Sardar // Futures. – 2010. – No. 42(3). – P. 177–184.
 25. Seefried, E. Zukünfte. Aufstieg und Krise der Zukunftsforschung 1945–1980 / E. Seefried. – Berlin: De Gruyter, 2015. – 575 s.
 26. Solow, R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function / R.M. Solow // Review of Economics and Statistics. – 1957. – Vol. 39, No. 3. – P. 312–320. DOI: 10.2307/1926047
 27. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. – London: Collins, 1980.

FUTUROLOGY AND INNOVATION STUDIES: A HISTORY OF THOUGHT ABOUT THE NEW

Voskresenskiy A.A., Ivanov D.

Herzen State Pedagogical University

The article examines the processes of formation and interaction between two scientific disciplines – futurology and innovatics. Through comparative analysis, the study identifies key parallels in their evolution: from the stage of knowledge accumulation, through the development of theoretical foundations and institutionalization, to subsequent growth and convergence. It is demonstrated that the development of both disciplines occurred in close connection with the dynamics of scientific and technological progress and the transformation of social relations. Special attention is given to methodological similarities. Both fields are characterized by the dominance of cyclical analysis, interdisciplinarity, and a focus on practical application. At the current stage, a trend toward integration is observed – particularly through the development of foresight technologies, which combine the prediction of future trends with mechanisms for implementing innovations. The study concludes that futurology and innovatics have a complementary nature. Their synergy enables not only the forecasting of potential future scenarios but also the active construction of the future through the implementation of innovative solutions.

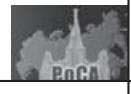
Keywords: futurology, innovation studies, institutionalization, foresight technologies, cyclical analysis, interdisciplinarity, forecasting, innovation processes, strategic planning, sustainable development.

References

1. Akayev, A.A. From the Era of the Great Divergence to the Era of the Great Convergence: Mathematical Modeling and Forecasting of Long-Term Technological and Economic Development of World Dynamics. Moscow: Lenand, 2015. 352 p.
2. Glazyev, S. Yu. Theory of Long-Term Technological and Economic Development / S. Yu. Glazyev. Moscow: Vladar, 1993. 310 p. ISBN: 5-86209-003-7 EDN: YSXIUW
3. Etzkowitz, G. The Triple Helix Model / G. Etzkowitz // Innovations. 2011, No. 4, Pp. 5–10. EDN: PDUAKF
4. Kondratiev, N.D. Issues of the Market Condition // Issues of the Market Condition: Articles, Abstracts, Notes, Bibliography. – Vol. 1, Issue 1. – Moscow: Financial Publishing House of the NKF USSR, 1925. – Pp. 28–79.

5. Neborsky, E.V. Reconstruction of the University Model: Transition to Format 4.0 / E.V. Neborsky // World of Science. – 2017. – Vol. 5, No. 4. – Pp. 25–35. EDN: ZMPZUR
6. Nelson, R.R. Evolutionary Theory of Economic Change / R.R. Nelson, S.J. Winter; trans. from English. – Moscow: Delo, 2002. – 536 p.
7. Rochnyak, E.V. Five stages in the development of futurology as a scientific discipline: from prehistory to the present / E.V. Rochnyak // Vectors of change: economy and society. – 2022. – No. 2 (45). – P. 81–93. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163 EDN: ROIJRP
8. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / introduction and commentary. V.S. Afanasyev. – Moscow: Publishing house of social and economic literature, 1962. – 684 p.
9. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man = The End of History and the Last Man / F. Fukuyama; translated from English by M.B. Levin; edited by N. Nikitenko. – 3rd ed. – M.: AST, 2015. – 576 p. ISBN: 978-5-17-089637-0
10. Schumpeter, J. Capitalism, Socialism and Democracy / J. Schumpeter; trans. from English; preface and general editorship by V.S. Avtonomov. – M.: Economica, 1995. – 540 p. ISBN: 5-282-01415-7
11. Schumpeter, J. Theory of Economic Development (A Study of Entrepreneurial Profit, Capital, Credit, Interest, and Business Cycles) / J. Schumpeter; trans. from German by V.S. Avtonomov et al. – M.: Progress, 1982. – 455 p.
12. Shcherbakov, G.A. Stages of Formation and Development of Innovation Theory / G.A. Shcherbakov // Economy and Management: Problems, Solutions. – 2020. – Vol. 2, No. 1. – Pp. 4–13. EDN: EFJYDE
13. Yakovets, Yu.V. Epochal Innovations of the 21st Century / Yu.V. Yakovets. – Moscow: Economica, 2004. – 437 p.
14. Ayres, R.W. On the Life Cycle Metaphor: Where Ecology and Economics Diverge / R.W. Ayres // Ecological Economics. – 2004. – Issue 48, Issue 4. – Pp. 425–438.
15. Bell, D. The Coming of the Post-Industrial Society: The Social Forecasting Enterprise / D. Bell. – Harmondsworth: Penguin, Peregrine, 1976. – (1973).
16. Chesbrough, H.W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology / H.W. Chesbrough. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 2003. – 272 p.
17. Christensen, K.M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Fail Great Firms / K.M. Christensen. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 1997. – 288 p.
18. Cornish, E. Futures Studies: An Introduction to the Art and Science of Understanding and Shaping Tomorrow's World / E. Cornish. – Bethesda, MD: World Futures Society, 1977. – 282 p.
19. Flechtheim, O. Is Futurology the Answer to the Challenge of the Future? / O. Flechtheim // Humanity 2000 / eds. R. Jungk, J. Galtung. – London: Allen & Unwin, 1969. – Pp. 264–269.
20. Fukuda, K. An Innovation Ecosystem for Sustainable Development / K. Fukuda, K. Watanabe // Sustainable Development Policy and Urban Development. Tourism, Life Sciences, Management and the Environment. – IntechOpen, 2012. – 478 p.
21. Masini, E.B. Homage to Bertrand de Jouvenel / E.B. Masini // The Future. – 1987. – No. 19 (5). – Pp. 22.
22. Mensch, G. The Technological Pattern: Innovations Overwinding the Depression / G. Mensch. – Frankfurt am Main: Umschau Verlag, 1975. – 115 p.
23. Naisbitt, J. Megatrends: Ten New Directions Changing Our Lives / J. Naisbitt. – London: Futura, 1984.
24. Sardar, Z. Namesake: futures; Future studies; Futurology; Futuristic; Foresight – what's in a name? / Z. Sardar // Futures. – 2010. – No. 42(3). – P. 177–184.
25. Seefried, E. Zukünfte. Aufstieg und Krise der Zukunftsforschung 1945–1980 / E. Seefried. – Berlin: De Gruyter, 2015. – 575 p.
26. Solow, R.M. Technological Change and the Aggregate Production Function / R.M. Solow // Review of Economics and Statistics. – 1957. – Vol. 39, No. 3. – Pp. 312–320. DOI: 10.2307/1926047
27. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. – London: Collins, 1980.

Исследование механизма межведомственного сотрудничества в целях продвижения государственного общеупотребительного языка и письменности

Инь Сяожун,

доктор наук, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 516451147@qq.com

Чжао Личжоу,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2254819439@qq.com

В статье исследуется механизм межведомственного сотрудничества в продвижении государственного общеупотребительного языка и письменности (далее именуемых «государственный общеупотребительный язык») в контексте современной языковой политики Китая. Опираясь на теоретический инструментарий синергетики, автор интерпретирует механизмы координационного обеспечения как управляющие параметры, сознание кооперативного взаимодействия как параметры порядка, а координационные интерактивные действия как реакцию системы на флуктуации. На этой основе предлагается комплексная оценочная рамка межведомственного механизма продвижения государственного общеупотребительного языка, включающая три аналитических измерения и соответствующие показатели. Эмпирическая часть исследования основана на полевом исследовании одного из регионов юга Синьцзяна, характеризующегося высоким уровнем этнического многообразия и низкой распространённостью путунхуа. Проведённый кейс-анализ показал, что эффективное продвижение государственного общеупотребительного языка возможно при условии устойчивой межведомственной координации в кадровой, финансовой, информационной, технологической и инфраструктурной сферах, а также при наличии чётко согласованных целей, распределения полномочий и замкнутого цикла реализации языковой политики. Полученные выводы имеют теоретическую и практическую значимость и могут быть использованы при совершенствовании механизмов языкового управления и оценки межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: государственный общеупотребительный язык и письменность, Межведомственное Сотрудничество, Языковая Политика, Синергетика, Региональное Управление

Это исследование получило финансирование от фонда социальных наук автономного района (2023VZJ017, 2023VZJ011), Программой «Мастера культуры Синьцзян» (2024WHMJ026), фондом гуманитарных и социальных наук Министерства образования (23YJA740050) и Китайско-иностранный центра обмена и сотрудничества в области языков в рамках китайско-иностранный совместного проекта (22YH41ZW)

Введение

На Национальной конференции по образованию генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость активизировать усилия по продвижению государственного общеупотребительного языка, тем самым укрепляя чувство общности китайской нации [1]. Продвижение государственного общеупотребительного языка играет незаменимую роль в укреплении этого чувства общности, достижении общего процветания для всего народа, содействии всестороннему развитию личности и укреплению культурной мягкой силы нации [2]. Координация усилий всех сторон по совместному продвижению общенационального языка и письменности является важнейшим путем для продвижения сектора языка и письменности к высококачественному развитию. В рамках языковой политики, проводимой государством, концепция совместного продвижения государственного общеупотребительного языка становится все более заметной. Примеры: «Под руководством правительства, совместное продвижение; приоритизация ключевых областей, целенаправленные усилия; адаптация к местным условиям, категориальное руководство; институциональное развитие, акцент на долгосрочной эффективности» [3]; «Улучшение системы управления, характеризующейся «руководством партийного комитета, руководством правительства, координацией языковой комиссии, поддержкой департаментов и участием общества», установление разделения труда, совместного надзора и скоординированного рабочего механизма» [4]; и «Полное использование роли подразделений, входящих в состав языковой комиссии, для укрепления взаимодополняющих преимуществ и совместного использования ресурсов, совместное продвижение реализации» [5]. Эти директивы предлагают всеобъемлющие и глубокие политические рекомендации по совместному продвижению национального языка. Они не только подчеркивают ведущую роль правительства, но и акцентируют внимание на многосторонней координации, целенаправленных усилиях, институциональном развитии и роли подразделений, входящих в состав языковой комиссии, обеспечивая надежные политические гарантии для совместного продвижения национального языка.

Степень межведомственного сотрудничества в продвижении государственного общеупотреби-

тельного языка неизбежно влияет на его эффективность. Ученые из различных областей исследовали этот механизм с точки зрения синергетики, образования и языкового управления. Цзян Синьмэй на основе синергетики выявила механизмы и траектории совместного продвижения языка в национальных районах [6]. При этом Лю Яньни и Чжан Ян проиллюстрировали возможные пути кооперации в сфере языкового образования на трёх уровнях [7]. С позиций языкового управления Жэнь Е и Ли Чжичжун акцентировали необходимость консолидации усилий различных субъектов и сочетания инициатив «сверху вниз» и «снизу вверх» [8]. Хотя в этих исследованиях не рассматриваются механизмы межведомственного сотрудничества в области продвижения государственного общеупотребительного языка, они в совокупности подтверждают критическую важность межведомственной координации с различных точек зрения.

Для достижения цели коренной модернизации системы управления и потенциала в области языка и письменности в новой эпохе к 2035 году особенно важно создать систематический механизм межведомственного сотрудничества в области продвижения государственного общеупотребительного языка наряду с системой его оценки [9]. Углубление принципов сотрудничества и укрепление межведомственного взаимодействия не только способствуют модернизации работы в области языка и письменности, но и повышают эффективность продвижения государственного общеупотребительного языка.

Последствия продвижения механизма межведомственного сотрудничества для государственного общеупотребительного языка

Синергетика, означающая «наука о координации и сотрудничестве» [10], является дисциплиной, основанной известным немецким физиком Германом Хакеном в 1970-х годах. Это комплексная область исследования, изучающая условия, при которых системы, состоящие из множества подсистем, подвергаются фазовым переходам, а также закономерности и характеристики таких переходов [11]. В процессе своего формирования и развития синергетика ввела и усовершенствовала несколько ключевых концепций, в основном: параметры управления, параметры порядка и флуктуации.

Параметры управления

Параметры управления, определяемые как «внешние переменные, определяющие эволюцию системы» [12], отражают влияние внешней среды на её состояние и поведение, проникая внутрь системы и направляя её развитие.

В контексте нашего исследования управляющими параметрами выступают ключевые факторы, задаваемые внешней политической средой

и внутренним распределением ресурсов: авторитетные политико-нормативные акты, целевое финансирование, профессиональные кадры и т.д. Их привнесение формирует для межведомственного сотрудничества исходную легитимность, ресурсную базу и операционные рамки, создавая «источник энергии» и граничные условия для эволюции системы.

Параметры порядка

Параметры порядка – это макроскопические переменные, описывающие общую степень организованности системы. Они возникают при переходе от беспорядка к порядку, отражая степень внутренней скордированности.

В межведомственном механизме продвижения языка параметром порядка становится сознание кооперативного взаимодействия, которое спонтанно формируется и усиливается в ходе долгосрочного взаимодействия ведомств. Оно включает общую идентификацию целей, ясное понимание полномочий и ответственности, а также инициативную готовность к сотрудничеству. Достигнув доминирования, это сознание превращается из внутреннего состояния в доминирующую силу, направляющую действия ведомств на корректировку поведения для достижения общих целей, что знаменует переход от механического сотрудничества к органической синергии.

Флуктуации

Флуктуации обозначают случайные отклонения от общего состояния системы, которые возникают спонтанно между подсистемами в локальных регионах. Они играют ключевую роль в процессе самоорганизации системы, служа ключевыми движущими силами, которые выводят систему из состояния равновесия и вызывают синергетические эффекты.

В изучаемом механизме флуктуации проявляются как колебания, вызванные динамическими корректировками: внешними (технологические изменения, эволюция общественного мнения) и внутренними (итерация политики, инновации или отклонения в исполнении). Эти колебания составляют суть и движущую силу координационных интерактивных действий, пронизывая весь политический цикл. Обладая двойственной природой, они являются как вызовом существующему порядку, так и возможностью разрыва с «институциональной инерцией» для стимулирования нового. Способность системы реагировать на флуктуации определяет её адаптивность и эволюционный потенциал.

Путь синергетической эволюции системы

Таким образом, эволюция межведомственного механизма представляет собой процесс самоорганизации, инициируемый флуктуациями под постоянным воздействием управляющих параметров

и направляемый формирующимся параметром порядка. Управляющие параметры задают системе базовые рамки. Внутри них флюктуации, неизбежно возникающие в межведомственном взаимодействии, при эффективном реагировании накапливают опыт успешного сотрудничества. Это ведёт к формированию мощного параметра порядка – интериоризированного сознания кооперации. Этот параметр порядка начинает оказывать обратное воздействие, побуждая ведомства эффективнее использовать управляющие параметры и гибче реагировать на новые флюктуации. Возникает позитивный цикл: «управляющие параметры обеспечивают поддержку, параметры порядка задают направление, а флюктуации стимулируют инновации», обеспечивая движение системы к более эффективному и упорядоченному состоянию.

Концептуальное определение

Основываясь изложенном, настоящее исследование определяет «межведомственный координационный механизм по продвижению государственного общеупотребительного языка» как динамический процесс и институциональное устройство. В рамках системных границ, заданных управляющими параметрами (государственная языковая политика и ресурсы), множественные акторы в процессе реагирования на постоянные флюктуации (вызванные изменениями во внешней среде и внутренними процессами) через сложное взаимодействие спонтанно генерируют и усиливают параметр порядка, ядром которого являются общие цели и кооперативные нормы. Это приводит систему от органи-

зованного извне сотрудничества к самоорганизующейся синергии, приводя к структурному скачку в эффективности. По своей сути, данный механизм представляет собой процесс самоорганизующейся динамики, в ходе которого система эволюционирует в сторону более высокого порядка под действием нелинейной сопряжённости управляющих параметров, флюктуаций и параметров порядка.

«Поскольку синергетика основана на некоторых очень общих принципах, она позволяет нам понять качественные изменения, происходящие в совершенно разных системах на макроскопическом уровне, отсюда и ее широкое применение» [13]. Предложенная теоретическая рамка служит этой цели, обеспечивая аналитический инструмент для изучения конкретного случая языковой политики.

Формирование оценочной рамки межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка

Межведомственный механизм координации в продвижении государственного общеупотребительного языка рассматривает механизмы координационного обеспечения в качестве управляющих параметров, сознание кооперативного взаимодействия в качестве параметров порядка, а координационные интерактивные действия как средство реагирования системы на флюктуации. На этой основе автором разработана оценочная рамка, представленная в таблице 1.

Таблица 1. Оценочная рамка межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка

Измерение	Показатель	Описание
Механизмы координационного обеспечения (в качестве управляющих параметров)	Кадровая координация	Состояние подготовки, отбора и перемещения кадров, занимающихся языковой и письменной работой внутри государственных органов; а также обмен соответствующими кадрами между государственными органами и высшими учебными заведениями, предприятиями, научно-исследовательскими институтами и другими организациями
	Финансовая координация	Реальный уровень поддержки языковой и письменной работы за счёт диверсифицированных источников финансирования, включая государственные ассигнования, инвестиции предприятий и различные научно-исследовательские фонды
	Информационная координация	Уровень межведомственного обмена информацией в сфере языковой и письменной работы, включая глубину, широту и практическую результативность информационного взаимодействия, а также степень развитости и устойчивости механизмов информационной координации
	Технологическая координация	Ситуация совместного использования современного технического потенциала различными ведомствами в процессе продвижения государственного общеупотребительного языка
	Инфраструктурная координация	Состояние совместного использования базовой инфраструктуры различными ведомствами для осуществления мероприятий по продвижению государственного общеупотребительного языка
Сознание кооперативного взаимодействия (в качестве параметров порядка)	Координация целевых установок	Степень согласованности целевых установок языковой политики между вышестоящими и нижестоящими органами

Окончание

Измерение	Показатель	Описание
Сознание кооперативного взаимодействия (в качестве параметров порядка)	Координация ответственности и полномочий	Чёткость и рациональность распределения функций и ответственности между ведомствами в сфере языковой и письменной работы
	Кооперативное сознание	Уровень межведомственного сотрудничества в сфере языковой и письменной работы, включая частоту, охват и практическую эффективность взаимодействия
Координационные интерактивные действия (существующие флюктуации системы)	Формирование политики	Степень координации ведомств на всех этапах формирования политики, включая проведение общественных исследований, межведомственные консультации и уровень открытости политики
	Реализация политики	Степень соответствия практических действий ведомств целям языковой политики
	Оценка политики	Выполнение вышестоящими органами своей основной ответственности по оценке исполнения политики нижестоящими структурами
	Обратная связь по политике	Состояние получения обратной связи от различных общественных субъектов на этапах формирования, реализации и оценки политики, а также степень учёта и принятия соответствующих предложений ведомствами

Механизмы координационного обеспечения как управляющие параметры

Механизмы координационного обеспечения, выступающие в качестве управляющих параметров межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка, представляют собой внешние условия, определяющие эффективность функционирования данного механизма. Оценка механизмов координационного обеспечения может осуществляться по пяти направлениям: координация кадровых ресурсов, финансовых ресурсов, информационных ресурсов, технологий и инфраструктуры.

Оценка кадровой координации в первую очередь направлена на анализ внутренней и внешней мобильности кадров. Внутренняя мобильность оценивается с точки зрения преемственности и адресности программ подготовки кадров, справедливости и прозрачности процедур отбора, а также гибкости и рациональности механизмов кадрового перемещения. Оценка внешней мобильности сосредоточена на стабильности и эффективности механизмов межорганизационного обмена кадрами, степени полноты совместного использования знаний, навыков и практического опыта, а также на их позитивном воздействии на реализацию языковой политики.

Оценка финансовой координации фокусируется на реальном уровне поддержки языковой и письменной работы за счёт диверсифицированных источников финансирования, при этом ключевым аспектом является эффективность использования средств. Основное внимание уделяется точности и прозрачности распределения государственных ассигнований в приоритетных сферах, вкладу инвестиций со стороны предприятий в технологические инновации и расширение общественного влияния, а также масштабам, охвату и социальному эффекту научно-исследовательских фондов

и результатам трансформации их финансируемых разработок в практические достижения.

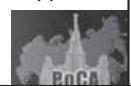
Оценка информационной координации направлена на анализ глубины, широты и практической результативности межведомственного обмена информацией, а также степени институциональной завершённости и устойчивости механизмов информационного взаимодействия. Целью является выявление того, в какой мере эффективные информационные потоки и интеграция данных способствуют повышению управленческой эффективности, научной обоснованности политики и усилению государственного общеупотребительного языка.

Оценка технологической координации сосредоточена на анализе совместного использования современного технологического инструментария различными ведомствами в процессе продвижения государственного общеупотребительного языка. Ключевым аспектом является степень интеграции технологий в такие направления, как популяризация, обучение, разработка нормативов и культурная коммуникация, а также их роль в качестве межведомственного «моста» для повышения общей результативности продвижения.

Оценка инфраструктурной координации фокусируется на совместном использовании различными ведомствами материально-технических ресурсов и инфраструктуры в процессе реализации мероприятий по продвижению государственного общеупотребительного языка. В центре внимания находятся механизмы и процедуры кооперации, фактические формы применения инфраструктуры и достигнутые результаты, которые оцениваются по таким ключевым показателям, как уровень участия, степень удовлетворённости и общественное влияние.

Сознание кооперативного взаимодействия как параметр порядка

Сознание кооперативного взаимодействия, выступающее в качестве параметра порядка межведом-

ственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка, является предпосылкой его эффективного функционирования. Оценка данного измерения может осуществляться по трём основным уровням: координация целевых установок, координация осознания полномочий и ответственности, а также координация кооперативного сознания.

На уровне координации целевых установок анализируется степень согласованности политических целей между вышестоящими и нижестоящими органами. Особое внимание уделяется способности нижестоящих структур глубоко понимать долгосрочные стратегические намерения и ключевые ориентиры вышестоящей политики, обеспечивать высокую степень соответствия собственных целей и мер данным установкам, а также гибко корректировать практику реализации с учётом конкретных условий.

На уровне координации осознания полномочий и ответственности оцениваются чёткость и рациональность схемы межведомственного разделения труда. Такая схема должна ясно определять ведущие и участвующие органы, а также конкретные политические задачи, закреплённые за каждым ведомством, что служит институциональной основой для эффективного взаимодействия.

На уровне координации кооперативного сознания анализируются частота, масштаб и практическая результативность межведомственного сотрудничества. Оценка направлена на выявление того, является ли взаимодействие регулярным и углублённым, охватывает ли ключевые области и этапы работы и приводит ли оно к ощутимым практическим результатам, что в совокупности позволяет судить об уровне координационной эффективности.

Координационные интерактивные действия как ответ на флюктуации системы

Координационные интерактивные действия, обусловливающие флюктуации межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка, представляют собой ключевое условие формирования и повышения его эффективности. Оценка данного измерения может проводиться по четырём основным направлениям: формирование политики, реализация политики, оценка политики и обратная связь по политике.

На этапе формирования политики внимание сосредоточено на координации ведомств на протяжении всего жизненного цикла разработки политики. В фокусе анализа находятся широта и глубина общественных исследований, проводимых до принятия решений, эффективность межведомственного взаимодействия в процессе разработки, а также уровень открытости и прозрачности политики после её утверждения.

На этапе реализации политики оценивается степень соответствия практических действий ведомств заявленным целям политики. Ключевыми параметрами являются эффективность, качество и результативность исполнения, включая степень реализации конкретных мер, наличие отклонений в исполнении и фактическое социальное воздействие.

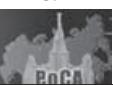
На этапе оценки политики анализируется выполнение вышестоящими органами своей основной ответственности по оценке исполнения политики нижестоящими структурами. Основное внимание уделяется наличию чётко определённых критериев оценки и использованию комплексных методов, таких как анализ отчётных материалов, заслушивание докладов, интервьюирование персонала и выездные обследования, что позволяет объективно оценить результаты реализации политики.

На этапе обратной связи по политике фокус делается на сборе и учёте мнений различных общественных субъектов. Оценка направлена на выявление степени доступности и эффективности каналов обратной связи на протяжении всего политического цикла, а также уровня рационального учёта и интеграции поступающих предложений с целью повышения адресности и результативности политики.

Применение оценочной рамки межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка

В начале 2024 года автор провёл полевое исследование в одном из регионов юга Синьцзяна, характеризующемся чрезвычайно высокой долей национальных меньшинств и уровнем распространённости путунхуа, значительно ниже средненационального показателя. Это обусловило особую актуальность анализа межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка в данном регионе.

Продвижение государственного общеупотребительного языка в регионе осуществляется на двух уровнях. На общественном уровне координацию осуществляет Организационный отдел окружного комитета партии, который отвечает за общее руководство работой по обучению и использованию государственного общеупотребительного языка на всей территории округа; при этом Центр партийного образования непосредственно занимается языковой подготовкой рядовых членов партии и населения. На уровне образования координацию осуществляет окружное управление образования, ответственное за разработку языковой образовательной политики, организацию повышения квалификации педагогических кадров и управление

преподаванием государственного общеупотребительного языка в школах. Ниже, на основе материалов, полученных в ходе исследования, проводится анализ межведомственного механизма координации в продвижении государственного общеупотребительного языка по трём измерениям: механизмы координационного обеспечения, сознание кооперативного взаимодействия и координационные интерактивные действия.

Механизмы координационного обеспечения

В аспекте механизмов координационного обеспечения данный регион демонстрирует тесное взаимодействие между различными ведомствами в сферах кадров, финансирования, информации, технологий и инфраструктуры.

На уровне кадровой координации высшие учебные заведения взяли на себя ключевую роль в подготовке и повышении квалификации преподавателей, что существенно повысило уровень владения государственным общеупотребительным языком в педагогическом корпусе. Одновременно окружной технический колледж и профессионально-технические училища в кооперации организовали обучение государственному общеупотребительному языку для сельского и пастбищного населения, что позволило эффективно повысить коммуникативные способности данной группы.

На уровне финансовой координации государственные ассигнования, средства целевой помощи Синьцзяну и другие источники обеспечили прочную финансовую базу для продвижения государственного общеупотребительного языка в регионе.

На уровне информационной координации между окружными, городскими и уездными управлениями образования и школами была сформирована эффективная система вертикальной передачи информации, обеспечивающая своевременное доведение политических установок и рабочих уведомлений до базового уровня. Кроме того, сельские кадры активно используют социальные сети и мессенджеры (например, группы в WeChat) для оперативного распространения информации о изучении государственного общеупотребительного языка среди жителей деревень.

На уровне технологической координации регион активно продвигает использование различных мобильных приложений для изучения государственного общеупотребительного языка, а также осуществляет мониторинг хода и результатов обучения с использованием бэкэнд-данных. Помимо этого, сельские кадры и жители применяют переводческие программы в качестве вспомогательного инструмента, что заметно повышает эффективность обучения.

На уровне инфраструктурной координации в регионе создано несколько пунктов тестирования по путунхуа, что облегчает доступ населению

к процедурам оценки уровня владения языком. Центр партийного образования сформировал дистанционную видеоплатформу обучения государственному общеупотребительному языку, охватывающую четыре административных уровня округ, город (уезд), посёлок и деревню. Обучение организуется по модели «центральный класс + распределённые классы», что обеспечивает адресное и синхронное преподавание.

Сознание кооперативного взаимодействия

В аспекте сознания кооперативного взаимодействия ведомства региона демонстрируют чёткий консенсус в целевых установках, ясное распределение полномочий и ответственности, а также тесную межведомственную координацию.

На уровне координации целевых установок различные ведомства проявляют высокую степень согласованности целей. Окружное управление образования и Организационный отдел окружного комитета партии совместно разработали программу продвижения государственного общеупотребительного языка, чётко обозначив две ключевые задачи: во-первых, повышение качества преподавания государственного общеупотребительного языка; во-вторых, укрепление навыков его изучения и использования среди молодёжи и лиц среднего возраста в общественной сфере. Наличие общих целевых ориентиров обеспечило единство направлений деятельности. При этом ведомства разработали поэтапные планы реализации, конкретизировав и количественно определив стратегические цели, а также внедрили механизмы регулярного тестирования и повторного обучения для лиц, не достигших требуемых показателей, что позволило динамично контролировать прогресс и корректировать меры.

На уровне координации осознания полномочий и ответственности функции различных ведомств чётко разграничены и при этом взаимодополняемые. Управление образования отвечает за школьное преподавание и подготовку педагогов; Организационный отдел отвечает за обучение государственных служащих и сельского и пастбищного населения, внедряя инновационную модель «центральный класс + распределённые классы» для расширения охвата общественной сферы. Управления по трудовым ресурсам и сельскому хозяйству интегрируют обучение государственному общеупотребительному языку с профессиональной подготовкой фермеров и скотоводов, повышая практическую результативность. Дополнительным элементом координации выступает соразмерность полномочий и ответственности, а также система надзора: Окружная комиссия по языку и письменности при управлении образования осуществляет общее координирование, контроль и оценку выполнения задач различными ведомствами. Механизмы динамического мониторинга,

включая обязательное продолжение обучения для лиц, не достигших стандартов, усиливают обратную связь и обеспечивают реализацию целей.

На уровне координации кооперативного сознания чёткие цели и распределение ответственности заложили основу для углублённого межведомственного сотрудничества. С целью повышения эффективности работы управления образования, организационные органы и органы по трудовым ресурсам сформировали устойчивые механизмы взаимодействия, совместно организуя обучение, обмениваясь качественными ресурсами и реализуя синергетический эффект «1+1>2». Кооперативное сознание также проявляется в широкой мобилизации общественных сил: органы власти активно вовлекают предприятия, общественные организации и волонтёров, формируя модель многоуровневого совместного управления с доминирующей ролью государства и участием общества. Это позволило значительно расширить охват и глубину продвижения. Дополнительным элементом кооперации стали многоканальные информационные кампании и системы стимулирования, включая поощрение «лучших учащихся», что эффективно повышает мотивацию к обучению.

Координационные интерактивные действия

В сфере координационных интерактивных действий в регионе сформирован замкнутый и позитивный цикл, охватывающий разработку, реализацию, оценку и обратную связь по политике. В качестве примера можно привести политику создания школ, соответствующих стандартам языковой и письменной работы.

На этапе формирования политики окружные и уездные органы строго следуют требованиям Министерства образования КНР и Департамента образования автономного района, чётко определяя цели выполнения задач по достижению стандартов и созданию демонстрационных школ. Были разработаны комплексные нормативные документы, охватывающие процедуры подачи заявок, содержание и формы приёмки, что обеспечило ясные ориентиры и операционные основания для практической реализации.

На этапе реализации политики эффективное внедрение обеспечивалось через многоступенчные процедуры, включающие самооценку школ, приёмку на уездном и городском уровнях и выборочные проверки на окружном уровне. Дополнительно проводились целенаправленные программы повышения квалификации учителей по путунхуа, а регулярные исследовательские и консультационные визиты способствовали бесперебойному и качественному исполнению политики.

На этапе оценки политики стандарты охватывали такие аспекты, как управление школами, развитие кадрового потенциала, учебно-воспитательная деятельность, популяризация и научное развитие.

Формализованные процедуры оценки обеспечивали объективность и справедливость результатов, а механизмы оперативного доведения итогов оценки способствовали быстрому устранению выявленных проблем и непрерывному совершенствованию работы.

На этапе обратной связи по политике посредством регулярных отчётов, сбора предложений и публичного информирования (включая систему открытого размещения результатов) были значительно повышены прозрачность политики и уровень общественного доверия.

В целом регион, опираясь на межведомственный механизм координации, добился заметных результатов по всем трём измерениям, что обеспечило стабильную реализацию языковой политики и формирование модели совместного управления по принципу «совместная ответственность и координированные действия».

Вместе с тем сохраняется ряд проблем и ограничений: дисбаланс в структуре педагогических кадров при общей достаточной численности, выражавшийся в дефиците профильных специалистов, особенно преподавателей-билингвов, и зависимости от привлекаемых выпускников из других регионов (Сычуань, Юньнань и др.), при необходимости дообучения местных кадров; несмотря на полный охват, технические сбои в работе дистанционной платформы в отдельных сельских пунктах; противоречие между обучением и практическим использованием языка из-за недостатка реальной языковой среды («изучение без применения»); конфликт учебного времени с трудовой занятостью фермеров и скотоводов; а также возрастной фактор и слабая базовая подготовка части обучающихся, существенно повышающие сложность обучения.

Заключение

Проведённое исследование позволило комплексно рассмотреть межведомственный механизм сотрудничества в продвижении государственного общеупотребительного языка с позиций синергетического подхода и обосновать необходимость его системной оценки. В работе предложена оригинальная оценочная рамка, в которой механизмы координационного обеспечения интерпретируются как управляющие параметры, сознание кооперативного взаимодействия как параметры порядка, а координационные интерактивные действия как ключевой фактор реагирования системы на флуктуации. Данная теоретико-методологическая конструкция расширяет аналитический инструментарий исследований в области языковой политики и межведомственного управления.

Апробация разработанной рамки на материале полевого исследования в одном из регионов юга Синьцзяна показала её высокую аналитическую

применимость. Эмпирический анализ выявил, что эффективное продвижение государственного общеупотребительного языка в условиях этнического многообразия возможно при наличии устойчивой межведомственной координации в кадровой, финансовой, информационной, технологической и инфраструктурной сферах, а также при сформированном консенсусе целей, чётком распределении полномочий и развитом кооперативном сознании. Особое значение имеет замкнутый цикл «формирование – реализация – оценка – обратная связь» языковой политики, обеспечивающий её адаптивность и устойчивость. В то же время исследование выявило ряд структурных ограничений, включая дисбаланс в кадровом обеспечении, технические проблемы дистанционного обучения, противоречия между обучением и практическим использованием языка, а также влияние возрастных и профессиональных факторов на эффективность обучения. Выявленные ограничения подчёркивают необходимость совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия с учётом местной специфики.

Полученные выводы обладают не только теоретической, но и практической значимостью и могут быть использованы при разработке и корректировке региональной языковой политики, а также при построении систем оценки межведомственного сотрудничества в иных сферах государственного управления.

Литература

- Китайская образовательная новостная сеть. Усиление продвижения государственного общеупотребительного языка и письменности как основы строительства сильного государства [Электронный ресурс]. – 22.10.2024. – URL: https://paper-jyb-cn.webvpn.gzws.edu.cn/zgjyb/html/2024-10/22/content_144740_17912196.htm (дата обращения: 24.01.2025).
- Тянь Сюэцзюнь. Продвижение высококачественного развития языковой политики в новую эпоху (углублённое изучение идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи) // Жэнъминь жибао. – 09.01.2023. – С. 9.
- Министерство образования КНР; Государственная комиссия по языку. Уведомление о выпуске «Плана реализации проекта по интенсивному распространению государственного общеупотребительного языка и письменности» [Электронный ресурс]. – 14.03.2017. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s3129/201704/t20170401_301696.html (дата обращения: 24.05.2024).
- Центральное народное правительство КНР. Мнение Канцелярии Госсовета КНР о всестороннем усилении работы в сфере языка и письменности в новую эпоху // Язык и перевод. – 2021. – № 4. – С. 5–7.

- Министерство образования КНР. Уведомление Канцелярии Министерства образования о реализации принципа «один регион – одна стратегия» для усиления продвижения государственного общеупотребительного языка [Электронный ресурс]. – 08.09.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s7066/202309/t20230907_1078854.html (дата обращения: 24.05.2024).
- Цзян Синьмэй. Механизмы и пути координированного продвижения государственного общеупотребительного языка и письменности в национальных районах // Исследования в области этнического образования. – 2022. – Т. 33, № 2. – С. 116–123.
- Лю Яньни, Чжан Ян. Исследование координированных путей воспитания через обучение государственному общеупотребительному языку на основе новых стандартов преподавания китайского языка // Исследования в области этнического образования [Электронный ресурс]. – 2024. – № 3. – С. 1–12.
- Жэнь Е, Ли Чжичжун. Продвижение государственного общеупотребительного языка в Синьцзяне с позиции языкового управления // Вестник Кашгарского университета. – 2024. – Т. 45, № 1. – С. 68–75, 120.
- Центральное народное правительство КНР. Мнение Канцелярии Госсовета КНР о всестороннем усилении работы в сфере языка и письменности в новую эпоху // Язык и перевод. – 2021. – № 4. – С. 5–7.
- Хакен Г. Синергетика: тайны организации природы / пер. с нем. Лин Фухуа. – Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 2005. – 352 с.
- Го Чжиань. Введение в синергетику. – Сычуань: Народное издательство Сычуани, 1988. – 210 с.
- Хакен Г. Высшая синергетика / пер. с нем. Го Чжианя. – Пекин: Научное издательство, 1989. – 415 с.
- У Дацзинь, Цао Ли, Чэнь Лихуа. Принципы синергетики и их применение. – Хэбэй: Издательство Хуачжунского технологического университета, 1990. – 298 с.

A STUDY OF THE MECHANISM OF INTERDEPARTMENTAL COOPERATION FOR PROMOTING THE STANDARD SPOKEN AND WRITTEN CHINESE LANGUAGE

Yin Xiaorong, Zhao Lizhou
Xinjiang Normal University

This article examines the mechanism of interdepartmental cooperation in promoting the standard spoken and written Chinese language (hereinafter referred to as Standard Chinese) in the context of China's contemporary language policy. Drawing on the theoretical framework of synergetics, the author interprets coordination mech-

anisms as control parameters, the consciousness of cooperative interaction as order parameters, and coordinated interactive actions as the system's response to fluctuations. Based on this, a comprehensive evaluation framework for the interdepartmental mechanism for promoting the Standard Chinese is proposed, including three analytical dimensions and corresponding indicators. The empirical part of the study is based on a field survey of a region in southern Xinjiang, characterized by high levels of ethnic diversity and low prevalence of Putonghua. The conducted case analysis demonstrated that effective promotion of the Standard Chinese is possible with sustainable interdepartmental coordination in the human resources, financial, information, technological, and infrastructural spheres, as well as with clearly agreed-upon goals, a division of powers, and a closed-loop implementation of language policy. The findings have theoretical and practical significance and can be used to improve language management mechanisms and evaluate interdepartmental cooperation.

Keywords: the standard spoken and written Chinese language, Interdepartmental Cooperation, Language Policy, Synergetics, Regional Governance

References

1. China Education News Network. Strengthening the Promotion of the National Common Language and Writing System as the Foundation for Building a Strong Country [Electronic resource]. – 22.10.2024. – URL: https://paper-jyb.cn.webvpn.gzws.edu.cn/zgjyb/html/2024-10/22/content_144740_17912196.htm (accessed: 24.01.2025).
2. Tian Xuejun. Promoting the High-Quality Development of Language Policy in the New Era (In-Depth Study of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era) // People's Daily. – 09.01.2023. – P. 9.
3. Ministry of Education of the PRC; State Language Commission. Notice of Release of the "Implementation Plan for the Project for Intensive Promotion of the National Common Language and Writing System" [Electronic resource]. – March 14, 2017. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s3129/201704/t20170401_301696.html (accessed: May 24, 2024).
4. Central People's Government of the PRC. Opinion of the General Office of the State Council of the PRC on Comprehensive Strengthening Work in the Field of Language and Writing in the New Era // Language and Translation. – 2021. – No. 4. – Pp. 5–7.
5. Ministry of Education of the PRC. Notice of the Office of the Ministry of Education on the Implementation of the "One Region, One Strategy" Principle to Strengthen the Promotion of the National Vernacular Language [Electronic resource]. – 09/08/2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s7066/202309/t20230907_1078854.html (accessed: 05/24/2024).
6. Jiang Xinmei. Mechanisms and Ways of Coordinated Promotion of the National Vernacular Language and Writing System in Ethnic Areas // Research in Ethnic Education. – 2022. – Vol. 33, No. 2. – Pp. 116–123.
7. Liu Yanni, Zhang Yang. A Study of Coordinated Paths of Education through Teaching the State Common Language Based on the New Standards of Teaching the Chinese Language // Research in the Field of Ethnic Education [Electronic resource]. – 2024. – No. 3. – Pp. 1–12.
8. Ren Ye, Li Zhizhong. Promotion of the State Common Language in Xinjiang from the Position of Language Management // Bulletin of Kashgar University. – 2024. – Vol. 45, No. 1. – Pp. 68–75, 120.
9. Central People's Government of the PRC. Opinion of the General Office of the State Council of the PRC on Comprehensive Strengthening Work in the Field of Language and Writing in the New Era // Language and Translation. – 2021. – No. 4. – Pp. 5–7.
10. Haken G. Synergetics: Secrets of the Organization of Nature / trans. from German. Lin Fuhua. – Shanghai: Shanghai Translation Press, 2005. – 352 p.
11. Guo Zhi'an. Introduction to Synergetics. – Sichuan: Sichuan People's Publishing House, 1988. – 210 p.
12. Haken, G. Higher Synergetics / translated from German by Guo Zhi'an. – Beijing: Science Publishing House, 1989. – 415 p.
13. Wu Dajin, Cao Li, Chen Lihua. Principles of Synergetics and Their Applications. – Hebei: Huazhong University of Technology Press, 1990. – 298 p.

Война как проявление «традиции» в развитии типа социальной философии России

Кидямин Алексей Анатольевич,
аспирант кафедры философии, «Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева»

Одним из главных предметов философского наследия россиян стало размышление о судьбе русского народа и России. Огромное количество работ философов посвящено воинской традиции России.

В данной статье исследуется не только анализируют события российской истории, но и пути преодоления кризиса традиций социума в своем отечестве, пророчествует о будущем своей державы, в могуществе и жизнеспособности которого не сомневается ни при каких обстоятельствах.

По словам философа «два лагеря, которые совмещают в себе два течения: одно в сторону усиления общественности, другое – в сторону усиления индивидуальности» [11, с. 78]. Одним из главных предметов философского наследия россиян стало размышление о судьбе русского народа и России.

Ключевые слова: социальная традиция, российская философия, социум, война, стратегия, интолерантность, деструкция, аномия

Введение

Сегодня к творчеству представителей отечественной философской мысли возрастает все больший интерес, который обусловлен проблемами духовно-нравственного, религиозного и политического характера, возникшими в современном обществе. В ходе поиска различных направлений выхода из кризисной ситуации для российского государства особое внимание привлекает рассмотрение философом насущных проблем, которые до сих пор являются актуальными.

Методологической посылкой является в данном исследовании исследования базируется на системном подходе, аналитическом, герменевтическом, историко-описательном и сравнительном методах.

Историография

Огромное количество работ философов посвящено России. В них мыслители не только анализируют события российской истории, но и ищут пути преодоления кризиса в своем отечестве, пророчествует о будущем своей державы, в могуществе и жизнеспособности которого не сомневается ни при каких обстоятельствах. Концептуальное и методологическое содержание работ Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.С. Изгоева, Н.И. Кареева, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, Л.С. Франка, В.М. Хвостова, Г.Г. Шпета и др. образует традицию философского осмысливания проявлений социальной традиции в российском обществе.

Основная часть

Русская философия самостоятельно, самобытно и раньше западной философии поняла значение и последствия возможной детерминации социальной тенденции наследия в контексте военно-стратегического управления общественными процессами. Война – это проявление «контр–традиции» явление онтологически противоестественное социосозидающему компоненту бытия россиян.

Как замечает современный исследователь А. Андреев отмечает, что: «Россия демонстрирует собственную модель пути в современность, которую можно назвать традиционалистской модернизацией. При этом российский традициона-

лизм имеет сложный состав, в котором собственно народные обычаи сочетаются с одной стороны с реминисценциями времен Российской империи, а с другой стороны с элементами советского прошлого» [1, с. 79].

В обоих случаях стратегия противостояний российской парадигмы бытия и западной носит всеобъемлющий характер. При этом замечается, что: «таком широком масштабе и размахе, что едва ли может быть когда-нибудь речь об их исчерпывающем и действительном доказательстве в этом их виде» [10, с. 11].

Один из видных представителей философии русского зарубежья Н.А. Бердяев различал две противоположные формы «демонизма»: форму «обоготворения личности, безграничного утверждения её» и форму «презрения к личности, безграничного отрицания её» [3, с. 31–28].

Аналитика Н.А. Бердяева о военных основах бытия российского социума, затрагивает вопрос об применении науки и технологий в военных целях, он писал, что: «кризис, переживаемый человеком, связан с несоответствием духовной и физической организации человека с современной техникой» [2, с. 589].

В ходе поиска различных направлений выхода из кризисной ситуации периода Первой мировой войны для российского государства особое внимание привлекает рассмотрение философом насущных проблем. По словам мыслителя, рассматривает контр-тезис о том, что в условиях дореволюционной системы социальных отношений россиян: «Война обнаружила угрожающую недостаточность созидательной промышленности русских» [2, с. 135].

Одновременно традиция российской мысли утверждала тезис о победоносной сущности российского воинства. По словам Н.А. Бердяева констатируется, что: «Победит сила всего народа, мощь всей страны, как материальная, так и духовная» [2, с. 85].

Современный исследователь А.А. Кокошин, считая войну «сложнейшим социальным и политическим феноменом», относит к научно-философским «измерениям войны» в современных условиях «войну как определённое состояние общества» и «войну как сферу неопределенного, недостоверного». Применение военного насилия, связанного с потерей человеческих жизней, с угрозой для существования государства, с многочисленными рисками для общества содержит в себе много неопределённостей, случайностей и недостоверностей [9, с. 15].

Вопрос о том, является или не является война частью содержания «контр-традиции» как типа социальной традиции, конкретизируется в каждом случае отдельно. С этой точки зрения представляет интерес исследование теоретико-методологических основ «русской философии войны» конца XIX – начала XX века, в частности,

классическое понимание сути Первой мировой войны Е.Н. Трубецким.

Для Е.Н. Трубецкого принципиально важно то, что война может быть «доведена до своего последнего и крайнего предела – до полного разрушения всякой общественности» [15, с. 205]. В этом случае война выступает как «контр-традиции», поскольку сохранение и поддержание общественного устройства и порядка является целью и перспективой достижения в обществе состояния «позитивной» социальной традиции.

На примере России Е.Н. Трубецкой показывает развитие логики «всемирной войны», обращая особое внимание на то, что, став «всеобщей», она «перешла в войну всех против всех». В результате такого перехода всё общество начинает «жить в состоянии войны» и, как итог, «распались все общественные связи, рухнул весь государственный порядок и внутренний мир». С позиции понимания содержания русской философии социальной превенции является принципиальным установление Е.Н. Трубецким связи между войной, революцией и социальной традицией. Он обращает внимание на высокую степень вызванного войной «озверения», которое «разложило общество» [16, с. 247]. Если война и революционная анархия в обществе воспринимаются как проявления аформального типа социальной традиции («контр-традиции»), то мир, отсутствие войны «рождает» социальную традицию. Таким образом, общество без войны и сопровождающих её социальных последствий рассматривается и как результат осуществления типа формальной («позитивной») социальной традиции, и как перспектива понимания в русской социальной философии типа идеальной («собственно») социальной традиции. Как четко указывает Ш.Н. Эйзенштадт «В России нарушение преемственности и разрыв в институциональных структурах и символике сопровождалось наибольшим применением насилия» [17].

В условиях стратегических трансформаций важно осмысление роли фактора «войны» в российской социальной традиции. Создавая идеальный проект будущего отечественной философии от эпохи древнерусского социума до современности не делает прикроенным факт зол современного ей общества, которые при этом могут быть социально иные традиции деструктивными («анти-традиции» и «контр-традиции»), но, напротив, подчёркивает их и ищет объяснения средств и путей их преодоления и устранения, т.е. преобразования в другой тип социальной наследственности. По словам современного исследователя древнерусской терминологии в отечественной культуре и социуме Московской Руси: «Язык должен был иметь или быть способным воспринять философскую терминологию» [13, с. 295].

Дореволюционный мыслитель Н.П. Полторацкий относительно терминологии русской философии

софской традиции аналитики войны в российской гуманитаристике – истории и философии указывает, что «антропоцентризм, исключительная занятость темой о человеке, его судьбе и проблематике» [12, с. 131].

Антропоцентризм свойственный русской философской мысли (труды Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, А. Флоренского и др.) истолковывали типично русское философское понимание социальной антропосферы социальной философии. Многие социально-антропологические контексты касались вопросов военной тематики русской философии.

Рассмотренная этимологизация социальной традиции военно-патриотического воспитания в отечественной социально-философской традиции также весьма актуальна. Данный аспект исследования касается перспективных контекстов философского дискурса российской философии.

Там, где нарушается принцип человечности, нарушается и принцип справедливости. Чаще причиной насилия становится человеческий эгоизм, являющийся свойством человеческой природы. Для того, чтобы ограничить насилие, необходимо ограничить эгоизм человека. Это возможно с помощью правовых законов, нравственных и моральных норм.

Сам термин «насилие» можно понимать в узком смысле, как причинение человеку телесного вреда, и в более широком смысле – как насилие над личностью, выражющееся в ущемлении прав человека на его развитие, самоопределение, духовную свободу путем оказания психологического либо физического давления.

Волевое воздействие на человека на осуществляющееся словесно или через собственный пример смирения и терпения, которое может обратить человека к видению духовных истин, к свободному устремлению навстречу Совершенству, к достижению состояния очевидности, к взаимному согласию и единстве через чувство любви, уже не будет являться заставлением. Такое воздействие Ильин называет свободным воздействием на человека.

Заставление может быть по своей сути как внешнее, так и внутреннее, как физическое, так и психологическое. Внутреннее заставление человек возникает тогда, когда человек сам себя заставляет делать какое-либо дело, которое он не хочет делать по какой-то причине. В этом случае заставление становится самозаставлением. При внешним заставлении – человек принуждается к различным действиям извне через применение некой силы физической или психологической. Таким образом, заставление может быть физическим (с применением физической силы), или психологическим (когда давление оказывается с помощью различных психологических методов). Самозаставление так же может носить как физический, так и психологический характер.

Физическое самозаставление Ильин обозначал термином «самопринуждение», а психическое самозаставление – «самопонуждением». Заставление других Ильин называет «понуждением». Это понуждение может быть как физическим, так и психическим. Последней, крайней формой волевого воздействия на человека является «физическое пресечение», которое в крайней своей форме может заключаться в физическом устраниении злодея или казни преступника [7].

В качестве примера физического самозаставления философ приводит принуждение себя к выполнению какого-либо физического труда, или физических упражнений. К физическому самопронауждению многие мыслители относят аскетические подвиги святых–посты, голод и холод, умерщвление плоти, столпничество.

Нередко физическое принуждение заключает в себе и принуждение психическое, физическая травма часто влечет за собой и травму психологическую. Насилие не может быть приравнено к заставлению. Насилие Ильин характеризует как «явление» возмутительное, насильник для философа является синонимом злодея, угнетателя, поскольку стремиться подчинить себе человеческую личность ради собственного удовольствия и самоутверждения. Он как бы говорит своей жертве: «Ты не автономный дух, а подчиненная мне одухотворенная вещь, ты во власти моего произвола» [7].

Только насилие против объективных ценностей, против божественной природы, является насилием в собственном его смысле, –констатирует философ. Не всякое применение силы есть насилие: «Насильник нападает, пресекающий отражает. Насильник требует покорности себе самому; понудитель требует повинования духу и его законам. Насильник презирает духовное начало в человеке; понудитель чтит его и обороняет» [7]. В противовес учению Л.Н. Толстого, который выдвигал концепцию о непротивлении насилию, обосновывая свои взгляды евангельскими словами Христа: «Если тебя ударят по правой щеке, подставь и левую» (Мф. 5, 39), которые, по мнению Льва Николаевича, отрицают любую форму насилия, Ильин выступает за концепцию, согласно которой противиться злу можно и нужно. Непротивление злу, считает Ильин, приводит к свободе и власти зла. Критикуя позицию Толстого, Ильин считает, что непротивление злу силой выступает у последнего в роли некоего абстрактного принципа, имеющего моральную, но не религиозную основу. Данная позиция Толстого ведет к безволию, эгоцентризму. Такая позиция ведет к «отрицанию родины, ее бытия, ее государственной формы и необходимости ее обороны» [7]. Ильин считает в некоторых случаях применение силы не только возможно, но и нужно, с помощью силы можно и нужно остановить зло, если другие спо-

собы для этого уже исчерпаны. Более того, Ильин считает, что путь «силы и меча», даже если он ведет к смерти насилиника, не только не противоречит христианской нравственности и духовности, но является необходимым и даже спасительным путем для каждого человека, но только в том случае, если другие средства не могут помочь в борьбе со злом. Применение силы против зла является не насилием, а нравственным долгом каждого человека, – утверждает Ильин [7].

Перед внешней силой человек может проявить внешнее смижение и послушание, но эта внешняя сила не может повлиять на внутренний мир человека, изменить его привязанности, мысли, стремления. Внешняя сила может лишь ограничить внешние проявления человеческих чувств и желаний. Полностью переродиться, превратиться из человека плотского в человека духовного, человек может только под воздействием высшей духовной силы. В данном вопросе позиция Ильина полностью согласуется с позицией другого русского философа В.С. Соловьева, который также считал, что никто не может заставить человека путем применения к нему внешней силы, изменить его внутреннее духовное состояние, обратить его к доброму и осознанию истины.

В подтверждение своей теории о противление злу силой Ильин приводит примеры из русской истории. Он вспоминает взаимоотношения преподобного Сергия Радонежского и благоверного князя Дмитрия Донского, когда преподобный благословил благоверного князя и русское воинство на борьбу с врагами отечества.

И.А. Ильин ссылается также на Священное Писание, которое утверждает, что защита ближнего от насилия является основным долгом христианина. «Призываю любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ» [7]. Те, кто посягает на «свободную самобытную жизнь» народа должен получить достойный отпор, неоказание сопротивления Ильин считает «духовным самоубийством». Философ утверждает, что ни при каких обстоятельствах нельзя допустить порабощение народа врагами, но необходимо все силы и физические, а также и духовные направить на защиту своей жизни, свободы и независимости.

Грех убийства идет в разрез и с человеческой совестью. Сам философ, осознавая данное противоречие, заявляет, что в определенных ситуациях люди могут столкнуться с нравственным противоречием. Здесь Ильин говорит о трагизме данной ситуации, из которой нет выхода. Необходимо дать точный и исчерпывающий ответ на вопрос, может ли религиозный человек применить силу в борьбе со злом. Ответ на этот во-

прос, считает философ, каждый должен дать для себя сам. Здесь все зависит от степени духовного совершенства человека, его духовной зрелости и сознательности. Иногда необходимость вынуждает человека принимать непростое для себя решение – сознательно отступить от духовного совершенствования, взять на себя ответственность за совершенный грех, понести на себе свое недостоинство. Конечно, такой поступок требует от человека огромного мужества. Но для каждого человека этот поступок является долгом его совести: «перед лицом сущего злодея совесть зовет человека к таким свершениям, которые доступны только Божеству и Его всемогуществу, и для которых ни мысль, ни язык человека не имеют ни понятий, ни слов» [7]. Героичность такого поступка человека заключается в том, что он добровольно отказывается от своего духовного совершенства и сопряженного с ним духовного счастья, духовной радости, добровольно принимает на себя свое нравственное падение, связанное с убийством злодея, ответственность за которое будет лежать не нем на протяжении всей его жизни. Но при этом, осознавая всю тяжесть выбранного пути, человек не отрекается от своего выбора, напротив, он мужественно противостоит злу, несмотря, на все те последствия, нравственные и духовные испытания, которые ему придется преодолеть. Человек берет на себя неправедность, но не для себя, а во имя Бога. И он совершает свой – человеческий – поступок. Это отступление от совершенства происходит по объективной необходимости и является проявлением личной силы.

Проблему сопротивления злу Ильин рассматривает с двух позиций: теоретической и практической. С теоретической позиции Ильин признает, что убийство любого человека не может расцениваться ни при каких условиях как нравственный поступок.

С практической стороны, Ильин рассматривает данную проблему, исходя из моральных соображений. Духовно совершенный человек с присущей ему рассудительностью и трезвостью добровольно способен взять на себя ответственность за свой противоравнственый поступок ради высшей цели – победы над злом, «запачкать» руки неправедным деянием. Вопрос можно ставить лишь о наименьшем зле и наименьшей неправедности.

В.В. Зеньковский считал, что концепция Ильина расходится с христианской точкой зрения. Он подверг критики понятие Ильина «православный меч», которое, по его мнению, не соответствует православному понятию «христианское воинство». Подмена одного понятия другим приводит кискажению религиозного сознания. Тем не менее, В. Зеньковский увидел в работе Ильина целый ряд положительных сторон. Он отметил, что концепция Ильина отличается логической стройностью, формальной законченностью. В книге

поднимаются одни из самых актуальных проблем современности, которые рассматриваются с христианских позиций [6].

Н.А. Бердяев, утверждал, что в своей концепции Ильин наделил государство несвойственными ему функциями, которые могут принадлежать только Церкви. Борьба со злом находится исключительно в юрисдикции Церкви. Также Н.А. Бердяев считал, что Ильин видит главную цель в уничтожении зла, а не стремлении к добру. В тоже время Бердяев признает, что ни одно государство не может существовать, если оно не ставит перед собой задачи по ограничению зла. Эти претензии к философской концепции Ильина не совсем отражают ее истинный смысл [5]. Главным в работе Ильина является вовсе не призыв к применению силы для противодействия злу, Ильин рассматривает отрицательные последствия употребления силы – последствия нравственного характера: «сопротивляющийся должен всегда искать умственно и практически тот момент и те условия, при которых физическое воздействие сможет быть прекращено, не повредив духовной борьбе, подготовив ей путь» [7]. «Сопротивляющийся должен постоянно проверять подлинные, внутренние истоки и мотивы своей личной борьбы со злом в уверенности, что от этого зависит и предметное постижение побораемого зла, и овладение духовной техникой борьбы, и выбор средств, и осуществление самой борьбы» [7]. И.А. Ильин пишет: «Физическое воздействие допускается тогда, когда оно необходимо, а необходимо оно тогда, когда душевно-духовное воздействие недостаточно, недействительно или неосуществимо» [7].

История Россия в ее земном существовании, как и история любой другой страны, является собой цепь закономерностей, которые необходимо изучать. Но нельзя, ни в коем случае, акцентировать внимание лишь на исторических фактах и событиях, нельзя забывать о внутренней духовной стороне российской истории. Сущность истории составляют не только видимые ее факты, но и дух ее народа. «Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик» [8, с. 130].

Заключение

Для философа Родина является не просто местом, где он родился и вырос, с Родиной человек должен быть связан еще и духовными корнями, которые

поддерживают его на жизненном пути, не дают потерять себя, дают силы для жизни и творчества. С Родиной человек должен быть не только в радости, но и в горе, судьба России, ее страдания должны стать и судьбой, и страданиями для каждого русского человека. Государство должно давать человеку не только права и выгоды, и требовать от него служения своему отечеству.

В ходе предпринятого исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Все творчество дореволюционных российских мыслителей неразрывно связано с христианской традицией, оно проникнуто духом глубокой религиозности и нравственности, незыблемо стоит на христианских позициях рассмотрения человека как духовной личности, как единого телесно-духовно-душевного организма.

2. Человек, его самосознание, пути духовного развития и формирования личности составляют ядро всей философской системы философии России и являются определяющими в его философских изысканиях. Это, прежде всего, связано с той основополагающей ролью, которую философ придавал проблеме духовного развития человека. С точки зрения российских мыслителей духовное развитие человека напрямую связано с духовным развитием всего человеческого общества и предопределяет пути этого развития.

3. С концепцией человека в философии российского социального дискурса связана проблема существования зла в мире и поиск возможных путей противостояния различного рода злу. Говоря об этом, российские философы, прежде всего, имеет в виду внутреннее, духовное сопротивление. Внешнее силовое воздействие философ допускает только в том случае, если все духовные методы противостояния злу исчерпаны, и оно становится реальной угрозой для человека и общества. Когда налицо «злая человеческая воля, изливающаяся во внешнем деянии... духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, безбожная, бесстыдная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающаяся» [17]. В этом случае остановить агрессию может лишь употребление силы.

4. Общественный дискурс российской мысли до 1917 г. сделал Россию философским предметом для постижения и духовным понятием. Причем он исследовал и описывал не только положительные и восхитительные стороны своего предмета, но с горечью отмечал и анализировал недостатки и исторические провалы русского народа и русского государства.

5. Следует подчеркнуть, что с позиций российской религиозной философии мощь и целостность России можно сохранить только через верность ее национальной культуре проникнутой христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Уже в те времена он указывал на пагубное влияние на русскую государственность, ее

правовые устои беспринципности и формализма Запада.

Литература

1. Андреев А.Л. Российский социум как «другая» Европа // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3 – С. 70–89.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря// Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000. – С. 85–671.
3. Бердяев, Н. Новое религиозное сознание и общественность. – СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова. 1907. – С. 28–31.
4. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. – Москва: Эксмо; 2007. – 591 с.
5. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1994. – 480 с. – Текст: непосредственный.
6. Зернов, И.Н. Иван Ильин. Монархия и будущее России / И. Н Зернов. – Москва: Алгоритм, 2007. – 240с.
7. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силую / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 5. – Москва: Русская книга, 1996. – 220 с.
8. Ильин, И.А. Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / И.А. Ильин. – Москва: Русская книга, 2001. – 379 с.
9. Кокошин А.А. Несколько измерений войны // Вопросы философии. –2016., № 8. С. 9–15.
10. Лопатин Л. Неотложные задачи современной мысли // Вопросы философии и психологии. –1917., № 1 (136) – С. 11.
11. Оболенский Л.Е. Борьба между личностью и общественностью // Русская мысль. 1899. Кн. IV. С. 78.
12. Полторацкий Н.П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. –1992. – № 2. – С. 131.
13. Прохоров Г.М. Памятники переводной русской литературы XIV–XV веков. –Л.: Наука, 1987. –293 с.
14. Соловьев В.С. Спор о справедливости: Сочинения. – М.: ЭКСМО -Пресс, Харьков.: Фолио, 1999. – 864 с.
15. Трубецкой Е. кн. Смысл жизни. – М.: Тип-фия Т-ва И.Д. Сытина. –1918. С. 205.
16. Трубецкой Е. Н. кн. Смысл жизни. –Берлин: «Слово», 1922. – С. 247.
17. Eisenstadt Sh.N. The basic characteristics of modernization // Eisenstadt S.N. Modernization,

protest and change. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. – P. 1–19.

WAR AS A MANIFESTATION OF “TRADITION” IN THE DEVELOPMENT OF A TYPE OF SOCIAL PHILOSOPHY IN RUSSIA

Kidyamkin A.A.

N.P. Ogarev National Research Mordovian State University

One of the main subjects of Russian philosophical heritage has been reflection on the fate of the Russian people and Russia. A vast number of works by philosophers are devoted to Russia's military tradition.

This article explores not only the events of Russian history but also ways to overcome the crisis of social traditions in Russia, prophesying the future of its state, the power and viability of which it does not doubt under any circumstances.

According to the philosopher, “two camps that combine two currents: one toward strengthening the public, the other toward strengthening individuality” [11, p. 78]. One of the main subjects of Russian philosophical heritage has been reflection on the fate of the Russian people and Russia.

Keywords: social tradition, Russian philosophy, society, war, strategy, intolerance, destruction, anomie

References

1. Andreev A.L. Russian society as the “other” Europe // Social sciences and modernity. – 2013. – No. 3 – P. 70–89.
2. Berdyaev N.A. The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar // Berdyaev N.A. Spirit and reality. – M.: AST, Kharkov: Folio, 2000. – P. 85–671.
3. Berdyaev, N. New religious consciousness and public. – St. Petersburg.: Publishing house M.V. Pirozhkov. 1907. – Pp. 28–31.
4. Berdyaev, N.A. Russian idea. The fate of Russia / N.A. Berdyaev. – Moscow: Eksmo; 2007. – 591 p.
5. Berdyaev, N.A. Philosophy of the Free Spirit / N.A. Berdyaev. – Moscow: Respulika, 1994. – 480 p. – Text: direct.
6. Zernov, I.N. Ivan Iljin. Monarchy and the Future of Russia / I.N. Zernov. – Moscow: Algorithm, 2007. – 240 p.
7. Iljin, I.A. On Resisting Evil by Force / I.A. Iljin // Collected Works: in 10 volumes. – Vol. 5. – Moscow: Russkaya Kniga, 1996. – 220 p.
8. Iljin, I.A. Who Are We? About the Revolution. About the Religious Crisis of Our Time / I.A. Iljin. – Moscow: Russkaya Kniga, 2001. – 379 p.
9. Kokoshin A.A. Several Dimensions of War // Questions of Philosophy. –2016., No. 8. Pp. 9–15.
10. Lopatin L. Urgent Tasks of Modern Thought // Questions of Philosophy and Psychology. –1917., No. 1 (136) – P. 11.
11. Obolensky L.E. The Struggle between the Individual and the Public // Russian Thought. 1899. Book IV. P. 78.
12. Poltoratsky N.P. Russian Religious Philosophy // Questions of Philosophy. –1992. – No. 2. – P. 131.
13. Prokhorov G.M. Monuments of Translated Russian Literature of the 14th-15th Centuries. –L.: Nauka, 1987. –293 p.
14. Soloviev V.S. The Debate on Justice: Works. Moscow: EKSMO-Press, Kharkov: Folio, 1999. 864 p.
15. Trubetskoy, E. The Meaning of Life. Moscow: I.D. Sytin Press. 1918, Pp. 205.
16. Trubetskoy, E. The Meaning of Life. Berlin: Slovo, 1922, p. 247.
17. Eisenstadt, S.N. The Basic Characteristics of Modernization. Modernization, Protest, and Change. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. Pp. 1–19.

Либертарианские партии и факторы их популярности

Лин Хуанье,

магистратура, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: lin240102@gmail.com

К настоящему моменту в педагогической науке сложилось понимание того, что традиционные репродуктивные методы обучения недостаточно эффективны для формирования у учащихся способности к самостоятельному и глубокому анализу информации. В этой связи особый интерес представляет изучение потенциала эвристического обучения как педагогической технологии, нацеленной на конструирование учеником собственного знания в процессе решения творческих задач. Данная статья посвящена анализу конкретного механизма, посредством которого эвристические методы воздействуют на становление и развитие критического мышления у учащихся средних классов, что является ключевым компетентностным результатом в рамках современных образовательных стандартов. Основное внимание уделяется не просто констатации факта влияния, а раскрытию внутренней процессуальной стороны данного взаимодействия. Автор исходит из положения о том, что эвристическая деятельность, будучи по своей сути поисковой и проблемной, создает уникальную когнитивную ситуацию, в которой школьник вынужден выходить за рамки усвоенного алгоритма. Эта необходимость порождает потребность в самостоятельной постановке вопросов, выдвижении и проверке гипотез, оценке альтернативных путей решения и рефлексии собственных действий. Именно этот комплекс интеллектуальных операций, регулярно воспроизводимый в учебном процессе, составляет ядро критического мышления.

Объект исследования – либертарианские партии как акторы политического процесса

Предмет исследования – совокупность идеологических, социально-экономических и институциональных факторов, определяющих уровень электоральной поддержки и политической популярности либертарианских партий.

Цель исследования – провести комплексный анализ и выявить систему ключевых детерминант, влияющих на электоральные успехи и общественную востребованность либертарианских партий

Ключевые слова: либертарианские партии, факторы популярности, электоральная поддержка, антиэтатизм, идеологическая двойственность, кризис доверия, политический популизм, Аргентина, гибридная идеология.

Введение

В условиях кризиса доверия к традиционным политическим силам и поиска альтернативных идеологических моделей, феномен либертарианских партий привлекает все большее внимание. Эти политические акторы, выступающие за радикальное ограничение роли государства, представляют собой уникальный кейс для изучения адаптации принципиально не этатистской идеологии в рамках современных политических систем. Однако факторы, определяющие степень их электоральной поддержки и общественного влияния, остаются недостаточно систематизированными в политической науке. Существующие исследования часто рассматривают либертарианство преимущественно как философскую или экономическую доктрину, уделяя меньше внимания конкретным условиям политической конкуренции, которые способствуют или препятствуют успеху соответствующих партий. Данная статья направлена на восполнение этого пробела. Ее целью является комплексный анализ ключевых детерминант популярности либертарианских партий.

Объект исследования – либертарианские партии как акторы политического процесса

Предмет исследования – совокупность идеологических, социально-экономических и институциональных факторов, определяющих уровень электоральной поддержки и политической популярности либертарианских партий.

Цель исследования – провести комплексный анализ и выявить систему ключевых детерминант, влияющих на электоральные успехи и общественную востребованность либертарианских партий

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить теоретические основы и эволюцию либертарианства как политической идеологии.
2. Определить ключевые идеологические, социально-экономические и институциональные факторы электоральной поддержки либертарианских партий.
3. На примере победы либертарианской партии в Аргентине (2023) проанализировать конвергенцию факторов популярности в условиях кризиса.
4. Оценить применимость классических моделей объяснения поддержки либертарианских партий в свете новых эмпирических данных.

Материалы и методы. Основу исследования составили фундаментальные и прикладные работы отечественных и зарубежных авторов в области политологии, теории партий и политической соци-

ологии. Теоретической базой послужили ключевые концепции, рассматривающие либертарианство как политическую философию и идеологию, а также модели анализа партийных систем и избирательного поведения. В качестве ведущего метода был использован системный теоретический анализ философской, политологической и социологической литературы, позволивший реконструировать идеиную эволюцию либертарианства и выявить его основные течения. Для классификации либертарианских партий применялся метод типологизации на основе критериев, предложенных в трудах Х.-Г. Бетца и Р. Хармела. Институциональный подход и сравнительный кейс-анализ использовались для выявления и верификации факторов популярности, описанных в моделях Д. Боза, Д. Кирби и Д. Нолана. Анализ конкретных случаев потребовал привлечения данных официальной статистики и социологических опросов, что позволило установить связь между теоретическими детерминантами и конкретными социально-экономическими условиями.

Литературный обзор

Изучение либертарианских партий как политических акторов формируется на стыке исследований идеологии, партийных систем и избирательного поведения. Теоретической основой служат труды, раскрывающие генезис либертарианской мысли. Как отмечается в работах, посвященных истории и принципам либертарианства, его идеиные корни восходят к классическому либерализму, однако оформление в самостоятельное течение связано с интеллектуальным ответом на экспансию этатизма в XX веке. Ключевую роль в этом сыграли экономисты австрийской школы, в частности Людвиг фон Мизес и Фридрих Хайек, чья критика централизованного планирования обосновала философский фундамент для защиты спонтанного рыночного порядка и индивидуальной свободы.

Переход либертарианских идей в плоскость практической политики связан с их институционализацией в форме партий, что породило вопрос о критериях идентификации и классификации таких акторов. Ханс-Георг Бетц, анализируя право-популистские партии Западной Европы, выделил либертарианский подтип, характеризующийся антиэтатизмом, экономическим либерализмом и индивидуализмом. Более детальную типологию предложил Роберт Хармел, классифицирующий партии на основе фундаментальности либертарианской идеологии, выбора между «чистотой» и «релевантностью», а также целевого избирательного электората, что позволяет различать классические, рыночно-фундаменталистские, социальные и консервативные либертарианские партии.

Центральное место в исследованиях занимает анализ факторов избирательной поддержки.

Дэвид Боаз и Дэвид Кирби, исследуя преимущественно американский контекст, выявили, что ядром либертарианского избирателя являются избиратели, одновременно разделяющие ценности как экономической, так и личной свободы. Их исследования также отмечают определенные демографические корреляты, однако подчеркивают вторичность этих характеристик по сравнению с идеологическими установками. Важным теоретическим дополнением стала диаграмма Дэвида Нолана, которая, критикуя традиционную шкалу «левые-правые», визуализировала либертарианство как идеологию, последовательно отстаивающую свободу по обеим осям – экономической и личной. Эта модель предполагает, что либертарианские идеи могут привлекать избирателей, разочарованных в традиционном партийном спектре.

Результаты

Феномен либертарианских партий, изначально занимавший маргинальное положение в политическом спектре большинства стран, в последние десятилетия вышел на новый уровень общественной релевантности. Наиболее ярким свидетельством этого процесса стала беспрецедентная победа аргентинской «Partido Libertario» на президентских выборах 2023 года, впервые в истории приведшая к власти политическую силу, открыто апеллирующую к радикальным либертарианским принципам. Данное событие актуализирует комплексный научный анализ либертарианских партий как особой партийной семьи, требующий осмысливания их идеологических истоков, критериев идентификации и внутренней дифференциации. Исследование этого феномена сталкивается с методологическими сложностями, связанными с относительной новизной объекта, его идеологической неоднородностью и частым синтезом с популистской риторикой, что делает задачу выработки универсальных определений и классификаций особенно значимой [4, С. 23].

Идейные корни либертарианства уходят в классический либерализм XVII–XVIII веков, в частности в философию Джона Локка, разработавшего концепцию естественных прав, включающую неприкосновенность жизни, свободы и собственности. Однако как самостоятельное и структурированное политico-философское течение либертарианство сформировалось значительно позже, в XX веке, в значительной мере как интеллектуальный ответ на угрозы тоталитаризма и экспансию этатизма. Ключевую роль в этом процессе сыграли экономисты австрийской школы, прежде всего Людвиг фон Мизес и Фридрих Хайек. Критика Мизесом невозможности экономического расчета при социализме и анализ Хайеком «пагубной самонадеянности» сторонников централизованного планирования заложили фундамент для последующего

развития либертарианской мысли, сфокусированной на защите индивидуальной свободы и спонтанного рыночного порядка [11].

Во второй половине XX века либертарианская мысль не осталась монолитной, породив ряд влиятельных и зачастую конкурирующих течений. Милтон Фридман, представлявший чикагскую школу, отстаивал либертарианский консеквенциализм, делая акцент на практической эффективности свободного рынка и предлагая такие инструменты, как отрицательный подоходный налог, для замены бюрократической системы социального обеспечения. В противоположность этому, Мюррей Ротбард разработал доктрину анархо-капитализма, призываю к полной ликвидации государства и передаче всех его функций, включая защиту правопорядка, частным конкурентным агентствам. Роберт Нозик занял промежуточную позицию минархизма, отстаивая модель «ультраминимального» или «ночного сторожа» государства, чьи полномочия строго ограничены защитой личности, собственности и исполнением контрактов. Параллельно сформировалось левое либертарианство, ассоциируемое с Джоном Ролзом, которое, признавая принцип самообладания, настаивало на эгалитарном распределении природных ресурсов, что существенно отличало его от правых версий либертарианства [1, С. 234].

Институционализация этих идей в форме политических партий началась с основания Либертарианской партии США в 1971 году, что ознаменовало переход от сугубо академических дискуссий к практике электоральной политики. В последующие десятилетия аналогичные партии возникли во многих странах Европы, Латинской Америки и других регионах, однако их идентификация и классификация до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Одной из первых и наиболее влиятельных попыток систематизации стала работа Ханса-Георга Бетца, который, изучая правопопулистские партии Западной Европы, выделил либертарианский подтип на основе ряда критериев. К ним он отнес антиэтатизм, экономический либерализм, индивидуализм, а также элементы популизма и критики политического истеблишмента, отметив при этом менее выраженный или более гражданский характер национализма у таких партий по сравнению с авторитарными правыми силами [5, С. 417].

Роберт Хармел предложил более детальную типологию, основанную на трех осях: фундаментальности либертарианской идеологии для партии, выборе между идеологической «чистотой» и практической «релевантностью», а также целевых группах избирателя. На этой основе он выделил четыре типа партий: классические либертарианцы, делающие равный акцент на экономической и личной свободе; рыночные фундаменталисты, фокусирующиеся на экономической повестке; со-

циальные либертарианцы, акцентирующие личные и гражданские свободы; и консервативные либертарианцы, сочетающие экономический либерализм с элементами культурного консерватизма или национализма [9, С. 271].

Феномен электорального успеха либертарианских партий, долгое время остававшийся на периферии политических исследований, требует детального анализа движущих сил, которые лежат в основе голосования за эти политические силы. Если идеологические истоки и типологическое разнообразие таких партий составляют первую часть исследовательского уравнения, то вторая, не менее важная, заключается в понимании мотивации их избирателей. Данная проблема отличается особой актуальностью в свете победы аргентинской «Partido Libertario», бросившей вызов традиционным моделям партийной политики. Теоретические подходы к объяснению факторов поддержки либертарианских партий остаются немногочисленными и зачастую сконцентрированными на североамериканском опыте, что делает задачу их адаптации к иным национальным условиям, таким как аргентинские, значимой научной проблемой [6].

Демографические корреляты, выявленные в исследованиях Боаза и Кирби, дополняют портрет либертарианского избирателя, хотя авторы подчеркивают их вторичность по отношению к идеологии. Для американского контекста была характерна заметная гендерная диспропорция со значительным преобладанием мужчин, относительная молодость избирателей, а также более высокая концентрация среди лиц с высшим образованием и доходами среднего и выше среднего уровня. Эти демографические характеристики, однако, следует рассматривать не как универсальные детерминанты, а как возможные корреляты, требующие эмпирической проверки в иных социокультурных условиях. Например, связь с высшим образованием может как подтверждать тезис о либертарианстве как продукте рационального выбора образованных слоев, так и вступать в противоречие с классическими моделями поддержки правого популизма, ориентированными на «лузеров модернизации» [7].

Важное теоретическое дополнение к двухосевой модели предложил Дэвид Нолан, критикуя традиционную шкалу «левые-правые» как неадекватную. Его диаграмма Нолана, основанная на осях экономической и личной свободы, не только визуализировала место либертарианства, но и прогнозировала растущий раскол в обществе между сторонниками автономии и этатизма. Нолан предполагал, что либертарианские идеи могут привлекать разочарованных центристов и молодежь, ищащих последовательную идеологию в условиях кризиса традиционных партий. Эта модель подчеркивает, что успех либертарианцев зависит

от их способности позиционировать себя как «третий путь», предлагающий целостное мировоззрение, отличное от компромиссных позиций мейнстрима [12].

Применение данных теоретических рамок к неамериканским контекстам, включая Россию, подтверждает их адаптивность, но также выявляет необходимость учета специфики. Как отмечает Д.А. Думлер, ключевые механизмы поддержки либертарианцев в современной России, вероятно, схожи с описанными выше: идеологическая двойственность выступает центральным маркером, а мощным драйвером является протестная мотивация и кризис доверия к традиционным партиям, воспринимаемым как коррумпированные или неэффективные. Это указывает на наличие универсального ядра в факторах поддержки, связанного с антиэстабилизационными настроениями и запросом на альтернативную идеологическую идентичность [2, С. 563].

Теоретический анализ идейных оснований и факторов поддержки либертарианских партий находит свое практическое воплощение и проверку в уникальном кейсе – беспрецедентной победе аргентинской «Partido Libertario» на президентских выборах 2023 года. Этот случай представляет собой не просто изолированный электоральный успех, а наглядную иллюстрацию конвергенции долгосрочных структурных кризисов, идеологических сдвигов и конъюнктурных факторов, предсказанных и описанных в рассмотренных теоретических моделях. Практика аргентинских выборов позволяет верифицировать гипотезы о движущих силах либертарианской политики в условиях, радикально отличных от североамериканского или западноевропейского контекста, и выявить специфику латиноамериканского гибридного популистско-либертарианского проекта.

Ключевым экономическим фактором, обуславившим запрос на радикальную смену модели, стала не объективная безработица, а катастрофический рост бедности, достигший исторического максимума в 57.4% населения к 2023 году. Этот показатель, отражающий кризис перераспределительной политики и гиперинфляцию, выступил мощнейшим катализатором протестных настроений. Вопреки классическим схемам, где успех правых популистов часто коррелирует с безработицей, в Аргентине партия победила в период минимальной за два десятилетия безработицы (5.7%). Это подтверждает тезис о том, что драйвером стала именно системная неудача интервенционистской модели государства всеобщего благосостояния, что идеально резонировало с антиэтатистским ядром либертарианской программы, обещавшей демонтаж этой модели [10].

Данный экономический шок был усилен глубоким идеологическим сдвигом в аргентинском обществе. Если в период расцвета киршнериз-

ма доминировала поддержка активной роли государства в экономике (до 70%), то к 2023 году, согласно опросам, почти половина населения (47%) выражала предпочтение модели свободного рынка с минимальным вмешательством. Этот кардинальный поворот в общественных настроениях создал беспрецедентно благоприятную среду для восприятия радикальной либертарианской повестки. Таким образом, гипотеза о базовом идеологическом маркере как сочетании поддержки экономической свободы нашла в аргентинском случае полное подтверждение, став фундаментом успеха. При этом, в отличие от модели Боаза-Кирби, фактор личной свободы отошел на второй план, уступив приоритет экономическим вопросам в условиях остройшего кризиса, что указывает на контекстуальную иерархию внутри самой идеологической конструкции либертарианства [8].

На политическом уровне решающую роль сыграла комбинация трех взаимосвязанных факторов. Во-первых, глубочайший кризис перонизма как доминирующей на протяжении десятилетий идеологии и партийной машины. Системообразующая модель, объединявшая социальный популизм и национализм, исчерпала себя, распавшись на враждующие кланы и утратив способность предлагать убедительные ответы на вызовы. Этот идеологический вакuum стал пространством для альтернативы. Во-вторых, рекордный уровень недовольства функционированием демократии, достигший 60.5%, что сопоставимо с показателями периода после дефолта 2001 года. В-третьих, тотальная утрата доверия к правительству, чей рейтинг на момент выборов опустился до исторического минимума. Эта триада – крах старой идеологии, институциональная эрозия и делегитимизация власти – сформировала мощнейший запрос на «политическое землетрясение», которое и пообещала совершить «Partido Libertario» [3, С. 33].

Обсуждение

Проведенный анализ феномена либертарианских партий и факторов их электорального успеха на примере Аргентины позволяет сформулировать ряд выводов, значимых для сравнительной политологии. Результаты указывают на необходимость уточнения теоретических моделей в свете новых эмпирических данных. Во-первых, подтверждается гипотеза о возрастающей роли гибридных идеологических форм. Аргентинский пример демонстрирует органичный синтез либертарианской доктрины с популистской стратегией, построенной на дилеммии «народ vs. каста». Этот синтез оказался эффективным для мобилизации, требуя разработки более гибких аналитических категорий для описания современных партий. Во-вторых, эмпирическая проверка классических моделей выявила их эвристическую ценность и ограничения.

Модель Боаза-Кирби, выделяющая идеологическую двойственность как ключевой маркер, нашла частичное подтверждение: в условиях кризиса приоритетной стала экономическая свобода, тогда как составляющая личной свободы отошла на второй план. Это указывает на ситуативную иерархию внутри либертарианского комплекса ценностей. Электоральный успех был достигнут вопреки некоторым ожидаемым демографическим коррелятам (например, доле молодежи), что подчеркивает приоритетность структурных и конъюнктурных факторов. В-третьих, исследование высветило критическую роль личностного фактора и цифровых коммуникаций. Харизматическое лидерство Хавьера Милея, мастерское использование социальных сетей для создания вирального контента стали не инструментами, а существенным элементом успеха, трансформируя условия политической конкуренции. С методологической точки зрения, работа подтверждает плодотворность комплексного подхода, сочетающего идеологический, институциональный и социально-экономический анализ. Практическая значимость результатов заключается в их применимости для анализа политической динамики в странах, переживающих схожий кризис легитимности традиционных партий и роста бедности. Перспективы исследований видятся в сравнительном анализе либертарианских партий в разных странах, изучении их трансформации после прихода к власти и долгосрочном воздействии цифровых стратегий на партийное строительство. Аргентинский президент 2023 года служит отправной точкой для новой дискуссии о природе либертарианства как политической силы в XXI веке.

Литература

1. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика: монография / Д. Боуз; пер. с англ. М. Кислова, А. Куряева. – 3-е изд. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 440 с.
2. Думлер Д.А. Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 560–569.
3. Силохина А.С. Популизм в Аргентине: кризис доминирующей идеологии и трансформация политического курса // Управление и политика. – 2024. – Т. 3. – № 2. – С. 27–42.
4. Arlow J. Measuring libertarian ideology with party manifesto data // Contemporary Politics. – 2024. – P. 1–30.
5. Betz H.-G. The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25. – No. 4. – P. 413–427.
6. Boaz D., Kirby D. The Libertarian Vote // Cato Institute. – 2006. – URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/libertarian-vote>
7. Boaz D., Kirby D. The Libertarian Vote in the Age of Obama // Cato Institute. – 2010. – URL: https://ciatext.cc.columbia.edu/wps/cato/0018144/f_0018144_15558.pdf
8. Encuesta exclusiva en que cree y que rechaza el argentino promedio [Exclusive survey on what the average Argentine believes and rejects] // Infobae. – 2023. – URL: <https://www.infobae.com/politica/2023/09/27/encuesta-exclusiva-en-que-cree-y-que-rechaza-el-argentino-promedio/> (In Span.)
9. Harmel R. Right-Libertarian Parties and the «New Values»: A Re-examination // Scandinavian Political Studies. – 2018. – Vol. 41. – No. 3. – P. 253–278.
10. Incidencia de la pobreza y la indigencia en 31 aglomerados urbanos [Incidence of poverty and indigence in 31 urban agglomerations] // Instituto Nacional de Estadística y Censos (INDEC), Argentina. – 2023. – URL: <https://www.indec.gob.ar/indec/web/Nivel4-Tema-4-46-152> (In Span.)
11. Libertarianism | Definition, Philosophy, Examples, History ... – Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/libertarianism-politics>
12. Nolan D. Classifying-And-Analyzing-Politico-Economic-Systems. – 1971. – URL: https://ipedia.org/wiki/File:Classifying-And-Analyzing-Politico-Economic-Systems_1971-01_Nolan.pdf

LIBERTARIAN PARTIES AND FACTORS OF THEIR POPULARITY

Lin Huangye

Kazan (Volga Region) Federal University

Currently, pedagogical science has developed an understanding that traditional reproductive teaching methods are not sufficiently effective for developing students' ability to independently and deeply analyze information. In this regard, the study of the potential of heuristic learning as a pedagogical technology aimed at students constructing their own knowledge through solving creative problems is of particular interest. This article is devoted to analyzing the specific mechanism through which heuristic methods influence the formation and development of critical thinking in middle school students, which is a key competency outcome within modern educational standards. The main focus is not merely on stating the fact of influence but on revealing the internal procedural aspect of this interaction. The author proceeds from the position that heuristic activity, being essentially exploratory and problem-based, creates a unique cognitive situation in which a school student is forced to go beyond the learned algorithm. This necessity generates a need for independent question-posing, hypothesis generation and testing, evaluation of alternative solutions, and reflection on one's own actions. It is this complex of intellectual operations, regularly reproduced in the educational process, that constitutes the core of critical thinking. Object of research – libertarian parties as actors in the political process.

Subject of research – the set of ideological, socio-economic, and institutional factors determining the level of electoral support and political popularity of libertarian parties.

Research goal – to conduct a comprehensive analysis and identify the system of key determinants influencing the electoral success and public demand for libertarian parties.

Keywords: libertarian parties, factors of popularity, electoral support, anti-statism, ideological duality, crisis of trust, political populism, Argentina, hybrid ideology.

References

1. Boaz D. Libertarianism. History, Principles, Politics: Monograph / D. Boaz; trans. from English by M. Kislov, A. Kuryaev. – 3rd ed. – Moscow; Chelyabinsk: Sotsium, 2020. – 440 p. (In Russian)
2. Dumler D.A. Political and Civil Identity of Libertarians in Modern Russia: Problems and Prospects // RUDN Journal of Political Science. – 2021. – Vol. 23. – No. 4. – P. 560–569. (In Russian)
3. Silokhina A.S. Populism in Argentina: The Crisis of the Dominant Ideology and the Transformation of the Political Course // Управление и Политика [Management and Politics]. – 2024. – Vol. 3. – No. 2. – P. 27–42. (In Russian)
4. Arlow J. Measuring libertarian ideology with party manifesto data // Contemporary Politics. – 2024. – P. 1–30.
5. Betz H.-G. The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25. – No. 4. – P. 413–427.
6. Boaz D., Kirby D. The Libertarian Vote // Cato Institute. – 2006. – URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/libertarian-vote> (accessed: 26.04.2025).
7. Boaz D., Kirby D. The Libertarian Vote in the Age of Obama // Cato Institute. – 2010. – URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/cato/0018144/f_0018144_15558.pdf (accessed: 26.04.2025).
8. Encuesta exclusiva en que cree y que rechaza el argentino promedio [Exclusive survey on what the average Argentine believes and rejects] // Infobae. – 2023. – URL: <https://www.infobae.com/politica/2023/09/27/encuesta-exclusiva-en-que-cree-y-que-rechaza-el-argentino-promedio/> (In Spanish, accessed: 26.04.2025).
9. Harmel R. Right-Libertarian Parties and the «New Values»: A Re-examination // Scandinavian Political Studies. – 2018. – Vol. 41. – No. 3. – P. 253–278.
10. Incidencia de la pobreza y la indigencia en 31 aglomerados urbanos [Incidence of poverty and indigence in 31 urban agglomerations] // Instituto Nacional de Estadística y Censos (INDEC), Argentina. – 2023. – URL: <https://www.indec.gob.ar/indec/web/Nivel4-Tema-4-46-152> (In Spanish, accessed: 26.04.2025).
11. Libertarianism | Definition, Philosophy, Examples, History ... – Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/libertarianism-politics> (accessed: 26.04.2025).
12. Nolan D. Classifying-And-Analyzing-Politico-Economic-Systems. – 1971. – URL: https://ipedia.org/wiki/File:Classifying-And-Analyzing-Politico-Economic-Systems_1971-01_Nolan.pdf (accessed: 26.04.2025).

Вахтовая форма организации труда как фактор трансформации института семьи и локальных сообществ

Макшаев Никита Михайлович,

аспирант, кафедра социальных и политических коммуникаций,
Уфимский государственный нефтяной технический
университет

Широкое распространение и устойчивый характер вахтовой формы организации труда в современной России, особенно в ресурсодобывающих и инфраструктурных отраслях в удаленных регионах обуславливает актуальность исследования. Так как данная форма организации труда оказывает глубокое трансформирующее воздействие на фундаментальные социальные институты, прежде всего семью и локальные сообщества, требуя комплексного социологического анализа в рамках предметной области. Объект исследования – социальные группы работников, занятых вахтовым методом, и их семьи. Предмет исследования – влияние вахтовой формы организации труда на трансформацию института семьи и структур локальных сообществ (как мест постоянного проживания работников, так и вахтовых поселков). Цель исследования – выявить и проанализировать механизмы и последствия воздействия вахтовой занятости на функциональные, ролевые и коммуникативные характеристики института семьи, а также на формирование и динамику локальных сообществ. В ходе исследования установлено, что вахтовый труд, выступая фактором вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, одновременно порождает устойчивые социальные дисфункции. Выявлены специфические формы трансформации семейных отношений (партнерских, детско-родительских), приводящие к формированию «дистантной семьи» с особым типом коммуникации и распределения ролей. Показано, что локальные сообщества мест постоянного проживания вахтовиков испытывают эффекты социального ослабления, в то время как в местах несения вахты возникают нестабильные квазисообщества с высокой степенью аномии. Вахтовый метод проанализирован в контексте прекаризации, неформальных практик и социального исключения, что позволило комплексно оценить его роль как противоречивого социального процесса.

Ключевые слова: аномия, прекаризация труда, социальная дистанция, социальная мобильность, форма организации труда, социальный хронотоп, социальное отчуждение, дистантная семья

Введение

Вахтовая форма организации труда представляет собой особый режим деятельности, при котором место работы географически удалено от места постоянного проживания работника, а трудовой процесс осуществляется в рамках чередующихся периодов работы (вахт) и отдыха (межвахтового отпуска) [1]. Исторически и экономически данный метод закреплен в отраслях, связанных с освоением труднодоступных, но ресурсоемких территорий (нефтегазовый комплекс, добыча полезных ископаемых, лесозаготовка, энергетика, строительство масштабных объектов) [2]. Вахта создает уникальный «социальный хронотоп» [3], характеризующийся пространственно-временной сегментацией жизни индивида, когда его существование циклически делится между двумя принципиально разными социальными средами – зоной интенсивного труда в изолированном сообществе и периодом реинтеграции в локальное сообщество по месту жительства. За счет вахтового метода формируются новые социально-групповые общности, обладающие специфическими чертами, прежде всего, это сообщество непосредственно на вахте – временный трудовой коллектив, сформированный в условиях замкнутого пространства (вахтовый поселок, плавучая платформа, лагерь). Внутри него возникает внутренняя иерархия и система неформальных взаимодействий, детерминированные не только должностным статусом, но и длительностью вахтового стажа, принадлежностью к определенной профессиональной или этнической группе. Эта общность характеризуется высокой интенсивностью горизонтальных связей внутри группы и одновременно резкой ограниченностью связей с внешним миром, другой общностью выступает дисперсная группа «вахтовиков» в местах их постоянного проживания. Они объединены общим опытом, специфическими проблемами и стилем жизни, что может служить основой для формирования локальной субкультуры или, напротив, вести к атомизации и маргинализации. Иерархия между этими группами и внутри них зачастую строится на экономическом капитале (уровень дохода, тип контракта) и символическом капитале, связанном с «суворостью» условий и престижем компании-работодателя [4].

Основная часть

Институт семьи в социологической традиции понимается как исторически сложившаяся, устойчивая

форма отношений между супружами, родителями и детьми, выполняющая функции репродукции, социализации, эмоциональной поддержки и экономической кооперации [5]. Локальное сообщество представляет собой совокупность людей, объединенных общим местом проживания, социальными связями, чувством идентичности и общими нормами. Эти два института тесно взаимосвязаны так как семья является базовым элементом локального сообщества, а сообщество, создает инфраструктурную, нормативную и культурную среду для функционирования семьи. Вахтовая форма организации труда становится внешним фактором, вмешивающимся в эту взаимосвязь и трансформирующем оба института.

Циклическая физическая элиминация одного из членов семьи (чаще всего мужа/отца) на продолжительные периоды времени приводит к структурным изменениям в институте семьи. Возникает «модель «дистантной» семьи» [6], для которой характерно перераспределение семейных ролей и функций, когда супруга, оставшаяся в месте постоянного проживания, вынужденно берет на себя исполнение традиционно мужских ролей (финансовое планирование, решение бытовых проблем, представительство семьи вовне), что может как способствовать ее эмансипации, так и порождать хронический стресс от многозадачности. Родительская функция вахтовика реализуется фрагментарно, часто в формате «отпускного отцовства», что влияет на качество детско-родительской связи и процесс социализации детей, то есть эмоциональные связи поддерживаются дистанционно, через цифровые каналы связи, что трансформирует интимность и характер коммуникации в паре.

Локальные сообщества в местах постоянного проживания вахтовиков также претерпевают изменения – финансовые вливания в виде высоких зарплат работников стимулируют локальную экономику, но сообщество теряет значительную часть экономически активного мужского населения на регулярной основе, что ослабляет его социальный капитал, снижает активность в местном самоуправлении, общественных инициативах, культурной жизни. Сообщество становится в значительной степени «женским» и «возрастным» на период вахты, параллельно в местах несения вахты формируются специфические локальные квазисообщества – вахтовые поселки. Это искусственные сообщества, монофункциональные и временные по своей природе. Их социальная ткань крайне непрочна так как отсутствует глубина совместной истории, слабы родственные связи, ограничены возможности для досуга и самореализации вне профессиональной сферы. Доминирует инструментальный тип взаимодействия, высока текучесть населения, что создает почву для аномии, девиантного поведения и формирования суррогатных форм солидарности.

Вахтовая форма труда напрямую связана с социальной мобильностью [7], выступая мощным каналом вертикальной восходящей мобильности для выходцев из депрессивных регионов и малых городов, где альтернативы высокооплачиваемой работе отсутствуют. За короткий срок работник может радикально улучшить свое материальное положение, что является ключевым мотиватором, но эта мобильность зачастую носит «одномерный» характер (финансовый) и не подкрепляется устойчивым изменением социального статуса, образовательного или культурного капитала. Параллельно вахта обеспечивает интенсивную горизонтальную мобильность, как географическую (перемещение между регионами), так и профессиональную (смена видов деятельности в рамках вахтового контракта). Длительная вовлеченность в эту систему может, однако, привести к «застреванию» в специфической профессиональной и социальной нише, создавая барьеры для возврата на обычный рынок труда по месту жительства, что можно трактовать как исходящую мобильность в долгосрочной перспективе. Формы вахтовой организации труда варьируются по ряду параметров – длительность вахты (классическая «15/15», «30/30», «60/30»), тип ротации (региональная, федеральная, «северная»), характер размещения (стационарный поселок, полевой лагерь, плавучее средство), статус работника (штатный сотрудник компании, работник по договору ГПХ, заемный персонал). Каждая из этих форм по-разному воздействует на социальные институты, например, более длинные вахты усиливают степень разрыва с семьей и сообществом, а работа через подрядные организации (аутсорсинг) повышает уровень прекаризации и снижает социальные гарантии.

Вахтовый метод является ярким примером отраслевой и региональной специфики занятости, сконцентрированной в сырьевых секторах экономики и привязанной к удаленным, малоосвоенным территориям, способствуя формированию особого сегмента социально-профессиональной структуры – «вахтового профессионала», чья идентичность и карьерные траектории определяются не столько узкой специализацией, сколько адаптивностью к особым условиям труда и жизни. Этот сегмент играет ключевую роль в экономике целых регионов (например, ХМАО, ЯНАО, северные районы), определяя их демографическую и социальную картину, выступая фактором трансформации традиционной профессиональной структуры за счет притока мигрантов-вахтовиков. Хотя вахта не является новой формой труда, в современных условиях она все чаще комбинируется с прекаризацией трудовых отношений. Распространение схем аутсорсинга, гражданско-правовых договоров вместо трудовых, серая зарплатная схема – все это проникает в вахтовую занятость, особенно в низкоквалифицированных

сегментах. Работник оказывается в двойной ситуации уязвимости: из-за пространственной удаленности и правовой незащищенности. То есть вахта может выступать институциональной рамкой для неформальной занятости и ярким проявлением прекаризации, когда высокий доход сопряжен с высокими социальными и правовыми рисками.

Мотивация к вахтовому труду носит комплексный, но с выраженным доминированием экономических факторов характер. Ключевой мотив – достижение быстрого и значительного материального благосостояния, недостижимого по месту жительства, вторичными мотивами могут выступать желание погасить долги, накопить на крупную покупку (жилье, автомобиль), избежать локальной безработицы или рутинности. Нематериальные мотивы (профессиональный азарт, романтика труда в сложных условиях, мужская солидарность) также присутствуют, но чаще как адаптационные механизмы, позволяющие легитимизировать тяжелые условия и социальные издержки.

Вахтовики как социальная группа сталкиваются с рисками многих негативных социальных явлений, прежде всего – отчуждение, которое проявляется в тройной форме (триаде) от результатов труда (особенно в условиях подряда), от процесса труда (монотонный, тяжелый труд в изоляции) и от своей семьи/сообщества. Маргинализация возможна как в месте вахты (где работник временный, «чужой» для территории), так и по месту жительства, где он постепенно теряет устойчивые социальные связи и чувствует себя «гостем». Дискриминация может иметь этническое или региональное измерение в рамках внутренней иерархии вахтового поселка. Социальное исключение носит циклический характер, когда на вахте человек исключен из полноценной социальной жизни, а в периоды отдыха может испытывать сложности с реинтеграцией в семью и местное сообщество, что создает порочный круг социальной изоляции. Представим Социологические характеристики вахтовой организации труда в таблице 1.

Таблица 1 Социологические характеристики вахтовой организации труда (воздействие на институты семьи и локальных сообществ)

Аспект анализа	Влияние на институт семьи	Влияние на локальные сообщества
Пространственно-временной режим	Цикличность и фрагментация совместного бытия. Формирование «дистантной семьи». Сезонность семейной жизни («праздничная» модель общения).	Биполярность существования сообщества: ослабление связей в месте постоянного проживания; формирование временных, аномичных квазисообществ на вахте.
Ролевая структура и гендерные отношения	Стирание четких гендерных ролей. Маскулинизация роли жены (руководитель домохозяйства). Дефицитарность и фрагментарность отцовской роли («гостевое отцовство»).	Дисбаланс гендерного состава в сообществе места проживания (доминирование женщин, детей, пожилых). Гипермаскулинная среда вахтового поселка.
Экономические функции и отношения	Высокая экономическая эффективность (концентрация дохода). Риск инструментализации семьи как потребительской ячейки. Финансовая зависимость семьи от циклического дохода.	Экономический подъем территории проживания за счет финансовых вливаний.Monoэкономическая зависимость региона от вахтовых компаний. Трансформация потребительского рынка.
Коммуникация и эмоциональные связи	Переход на дистанционные формы коммуникации (цифровая интимность). Эмоциональная асинхронность, накопление неразрешенных конфликтов. Гиперкомпенсация в период межвахты.	Ослабление горизонтальных связей и социального капитала в месте проживания. Инструментальный, поверхностный характер связей на вахте. Ограниченность социальных лифтов внутри вахтового поселка.
Социализация и воспитание	Делегирование социализирующих функций матери, образовательным учреждениям. Риск формирования искаженных паттернов семейной жизни у детей как нормы.	В месте проживания – дефицит мужских моделей поведения для подростков. На вахте – социализация в специфической субкультуре с элементами девиантности.
Нормы, ценности, идентичность	Формирование особой семейной идентичности, основанной на устойчивости к разлукам и высокой адаптивности. Конфликт ценностей (стабильность против дохода).	Формирование субкультуры «вахтовиков» с ценностями выносливости, финансового успеха, временности. Размытие гражданской идентичности с территорией постоянного проживания.
Социальный контроль и поддержка	Ослабление повседневного взаимного контроля супружеских пар. Формирование поддержки в кругу таких же «дистантных» семей. Риск супружеских измен.	В месте проживания – усиление неформального женского контроля. На вахте – контроль со стороны администрации компании и коллег, замещающий общественный.
Стабильность и устойчивость	Повышение рисков развода, эмоционального отдаления. Одновременно экономическая «скрепленность» семьи высоким доходом.	Дестабилизация сообщества места жительства (текущесть мужского населения). Искусственная и неустойчивая природа вахтового поселка.

Источник: разработано автором

Представленный эвристический анализ в таблице 1 отражает глубокую амбивалентность влияния вахтового труда – обеспечивает экономическую стабильность и возможность социального роста, но также системно деструктурирует повседневность семьи, ведя к перегрузкам, ролевым конфликтам и эмоциональному дефициту. На уровне сообществ вахта создает структурные перекосы, истощая социальный капитал «домашних» территорий и порождая неустойчивые, часто девиантные социальные формы на «рабочих» территориях. То есть вахта выступает как институциональный трансформер, перекраивающий традиционные социальные связи. Связь общественной полезности и вахтовой формы организации труда также носит двойственный характер [8], так как на макроуровне полезность вахты неоспорима – это эффективный инструмент освоения территорий, решения кадровых проблем в удаленных регионах, обеспечения сырьевой безопасности страны. На уровне индивида полезность вахтовой формы организации труда измеряется в высоком доходе и решении острых материальных проблем, но социальная цена этой полезности крайне высока и ложится на приватную сферу (семью, здоровье, психологическое благополучие работника) [8]. Это неизбежно порождает эффект социальной экстерналии, когда экономическая выгода корпораций и государства обеспечивается за счет скрытых издержек, которые несут домохозяйства и локальные сообщества, тогда полезность для национальной экономики оборачивается издержками для социального воспроизводства. Данное противоречие требует разработки специфических социальных политик и корпоративных программ, направленных на смягчение негативных последствий – это могут быть программы психологической поддержки семей, организации качественной связи, развития инфраструктуры в вахтовых поселках, гибких графиков для длительно работающих сотрудников. Без осознания этой двуединой природы вахтового труда его экономической эффективности и социальной деструктивности любые управленческие решения будут носить однобокий характер.

Заключение

Вахтовая форма организации труда выступает мощным фактором глубокой трансформации как института семьи, так и локальных сообществ, порождая уникальные социальные формы – «дистантную семью» и временные вахтовые квазисообщества, функционирующие в логике пространственно-временной сегментации. Будучи каналом социальной мобильности и экономического роста для индивидов и регионов, вахта одновременно является проводником прекаризации труда, социального отчуждения и институциональной дестабилизации

и её воздействие носит системный характер, затрагивая ролевые структуры, механизмы социализации, коммуникативные практики и ценностные ориентации. Вахтовый метод предстает не просто как специфический режим занятости, но как комплексный социальный феномен, воспроизводящий на микроуровне фундаментальные противоречия современного общества между требованиями экономической эффективности и потребностями социального воспроизводства, между глобальной мобильностью капитала и проектов и локальностью человеческих связей и идентичностей.

Литература

1. Лексин, В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий / В.Н. Лексин // Регион: Экономика и Социология. – 2021. – № 3(111). – С. 133–153. – DOI 10.15372/REG20210306. – EDN IPIYZG.
2. Садеков, И.Р. Сближение трудового законодательства стран-членов ЕАЭС в области регулирования работодательского контроля / И.Р. Садеков // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11(198). – С. 231–233. – EDN RPHGVK.
3. Кемеров, В.Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания / В.Е. Кемеров // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – № 7. – С. 109–114. – EDN IBBBLH.
4. Васылева-Керян, О.В. Процесс управления кадровым потенциалом современного предприятия / О.В. Васылева-Керян // Human Progress. – 2025. – Т. 11, № 3. – DOI 10.46320/2073–4506–2025–3a-5. – EDN QHFTRL.
5. Пьянов, А.И. Социальный институт семьи как структурный и ценностно-нормативный компонент социума / А.И. Пьянов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3–1(9). – С. 160–168. – EDN OIGLMN.
6. Сурикова, Я.А. Образ отца в дистантной семье как показатель субъективного качества жизни / Я.А. Сурикова, А.С. Ширяева, О.С. Ширяева // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 12. – С. 51–56. – EDN TOUFSD.
7. Туракаев, М.С. Социокультурные факторы воспроизводства мобильной трудовой занятости в российском регионе (на примере северо-востока Республики Башкортостан): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Туракаев Мар-

- сель Салаватович. – Санкт-Петербург, 2016. – 22 с. – EDN ZQGNEZ.
8. Хайруллин, В.А. Труд и полезность / В.А. Хайруллин, Р.Б. Масалимов, Н.Н. Равочкин // Дискуссия. – 2024. – № 12(133). – С. 174–189. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-12-133-174-188. – EDN SYUXRV.

SHIFT WORK AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE FAMILY AND LOCAL COMMUNITIES

Makshaev N.M.

Ufa State Petroleum Technological University

The widespread prevalence and persistence of shift work in modern Russia, particularly in the resource extraction and infrastructure sectors in remote regions, makes this research relevant. This form of work has a profound transformative impact on fundamental social institutions, primarily the family and local communities, requiring a comprehensive sociological analysis within the subject area. The object of this study is the social groups of shift workers and their families. The subject of this study is the impact of shift work on the transformation of the family and local community structures (both permanent residences and shift camps). The objective of this study is to identify and analyze the mechanisms and consequences of shift work on the functional, role, and communicative characteristics of the family, as well as on the formation and dynamics of local communities. The study found that shift work, while acting as a factor in vertical and horizontal social mobility, simultaneously generates persistent social dysfunctions. Specific forms of transformation of family relationships (partnerships, parent-child relationships) were identified, leading to the formation of a "distant family" with a distinct type of communication and role distribution. It was shown that local communities in shift workers' permanent residences experience the effects of social weakening, while unstable quasi-communities with a high degree of anomie emerge in shift work locations. The shift work method was analyzed in the context of precarization, informal practices, and social exclusion, allowing for a comprehensive assessment of its role as a contradictory social process.

Keywords: anomie, labor precarization, social distance, social mobility, work organization form, social chronotope, social alienation, distant family

References

1. Leksin, V.N. New seasonal work and shift work organization in the processes of depopulation and settlement of territories / V.N. Leksin // Region: Economics and Sociology. – 2021. – No. 3 (111). – Pp. 133–153. – DOI 10.15372 / REG20210306. – EDN IPIYZG.
2. Sadekov, I.R. Convergence of labor legislation of the EAEU member states in the field of regulation of employer control / I.R. Sadekov // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 11 (198). – Pp. 231–233. – EDN RPHGVK.
3. Kemerov, V.E. Social chronotope as a problem of integration of modern social science / V.E. Kemerov // Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2007. – No. 7. – Pp. 109–114. – EDN IBBBLH.
4. Vasyleva-Keryan, O.V. The process of managing the human resources potential of a modern enterprise / O.V. Vasyleva-Keryan // Human Progress. – 2025. – Vol. 11, No. 3. – DOI 10.46320/2073-4506-2025-3a-5. – EDN QHFTRL.
5. Pianov, A.I. The social institution of the family as a structural and value-normative component of society / A.I. Pianov // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. – 2011. – No. 3–1 (9). – P. 160–168. – EDN OIGLMN.
6. Surikova, Ya.A. The image of the father in a distant family as an indicator of subjective quality of life / Ya.A. Surikova, A.S. Shiryaeva, O.S. Shiryaeva // Higher education today. – 2014. – No. 12. – P. 51–56. – EDN TOUFSD.
7. Turakaev, M.S. Sociocultural factors of reproduction of mobile labor employment in the Russian region (on the example of the north-east of the Republic of Bashkortostan): specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Turakaev Marsel Salavatovich. – St. Petersburg, 2016. – 22 p. – EDN ZQGNEZ.
8. Khairullin, V.A. Labor and usefulness / V.A. Khairullin, R.B. Masalimov, N.N. Ravochkin // Discussion. – 2024. – No. 12 (133). – P. 174–189. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-12-133-174-188. – EDN SYUXRV.

Влияние настольных ролевых игр (НРИ) на концептуальный дизайн и архитектуру современных компьютерных ролевых игр (RPG)

Низамов Родион Расимович,
студент, Уральский федеральный университет
E-mail: rad.pen@mail.ru

Харисов Азамат Робертович,
кандидат экономических наук, доцент, Уральский
федеральный университет

Статья посвящена исследованию фундаментального влияния настольных ролевых игр (НРИ), в частности системы *Dungeons & Dragons*, на формирование, развитие и современное состояние жанра компьютерных ролевых игр (RPG). В работе проводится сравнительный анализ игровых механик (система атрибутов, стохастические методы определения успеха, классовый баланс) и нарративных структур. Доказывается, что современные RPG, несмотря на технологический прогресс, базируются на цифровой адаптации правил, сформулированных в докомпьютерную эпоху. Особое внимание уделяется феномену «renaissance» классических механик в современных AAA-проектах (на примере *Baldur's Gate 3*).

Ключевые слова: настольные ролевые игры (НРИ), компьютерные ролевые игры (RPG), игровой дизайн, игровые механики, нарратив, эмерджентное повествование, стохастичность, *Dungeons & Dragons*.

Введение

Современная индустрия видеоигр часто воспринимается массовой аудиторией и даже некоторыми исследователями как продукт исключительно цифровой эпохи, возникший на стыке развития вычислительных мощностей и цифровых технологий. Однако такой подход игнорирует глубокий культурный и структурный фундамент, на котором базируется один из самых популярных жанров современности – компьютерные ролевые игры (Role-Playing Games, RPG).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысливания генезиса видеоигр в контексте их преемственности от аналоговых практик. Прадедителем жанра по праву можно считать настольные ролевые игры (НРИ), которые вдохновляясь художественной литературой (в частности, эпохальной трилогией Дж. Р.Р. Толкина), совершили революционный шаг: они не просто описали миры, но сформулировали правила взаимодействия с ними [1].

Цель данной работы – выявить и систематизировать ключевые элементы игрового дизайна (механические и нарративные), перенесенные из настольных практик в цифровую среду, и оценить их актуальность в современных высокобюджетных проектах.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу исследования составляет междисциплинарный подход, включающий:

- Историко-генетический анализ:** рассмотрение эволюции ранних компьютерных адаптаций (*dnd* на PLATO, *Akalabeth*, *Ultima*, *Wizardry*, *Final Fantasy*) как прямых симуляций настольного опыта [2][3].
- Сравнительный анализ механик:** сопоставление аналоговых правил (бросок дайсов, лист персонажа) с их цифровыми эквивалентами (ГСЧ, окно статуса, параметры) [4].
- Нarrатологический анализ:** исследование перехода от линейного повествования к ветвящемуся и эмерджентному,циальному НРИ [7][9].

Эмпирической базой послужили как классические игровые системы (*D&D* различных редакций), так и современные компьютерные игры (*Baldur's Gate 3*, *The Elder Scrolls*, *Divinity: Original Sin 2*).

Литературный обзор

Исторический генезис: от стола к мейнфрейму

Как отмечают исследователи истории видеоигр, первые попытки создать ролевую игру на компьютере были буквально попытками перенести партию в D&D в виртуальное пространство. В середине 1970-х годов, практически одновременно с выходом оригинальных правил Гайгекса и Арнесона (1974), в университетских кампусах США на мейнфреймах PLATO появились игры с говорящими названиями: *dnd* (1975) и *The Dungeon* (1975) [2].

Разработчики этих систем не изобретали велосипед – они перенесли в виртуальное пространство ключевые элементы: подземелья, монстров, прокачку и основанную на бросках кубиков механику. Компьютер взял на себя рутинную функцию: расчет математики, генерацию случайных чисел и отрисовку карты. Однако логическое ядро осталось неизменным. Этот первый опыт заложил фундамент для великих серий *Ultima* и *Wizardry*, *Final Fantasy* ставших «золотым стандартом» индустрии в 1980-х, которые закрепили эту парадигму и в свою очередь, стали школой для всех последующих разработчиков [3].

Цифровая адаптация игровых механик

Наиболее очевидное влияние НРИ прослеживается в математическом аппарате компьютерных игр. Проведенный анализ позволяет выделить три ключевых аспекта заимствования.

А. Стохастичность и эмуляция кубика Центральным элементом НРИ является игральная кость (дайс), вносящая элемент случайности и драматизма. В компьютерных играх физический бросок трансформировался в работу генератора случайных чисел (ГСЧ). Концепции, знакомые любому геймеру – *Damage Variance* (разброс урона), *Critical Hit* (критический удар), *Miss Chance* (шанс промаха), *Saving Throw* (спасбросок) – являются прямой калькой с настольных правил. Запись урона в коде игры в виде формулы $\text{rand}(1, 8) + 3$ есть не что иное, как цифровая запись выражения «1d8+3» (один восьмигранник плюс модификатор). Даже в экшен-ориентированных RPG (например, *Diablo* или *The Elder Scrolls*), где игрок не видит кубиков, а ход игры идет в реальном времени математическое ядро работает по тем же принципам: вероятность события рассчитывается на основе сравнения сгенерированного числа с пороговым значением навыка [4][7].

Б. Система атрибутов НРИ ввели в массовую культуру идею квантификации (оцифровки) личности. Система характеристик S.P.E.C.I.A.L. в *Fallout* или классическая триада «Сила, Ловкость, Интеллект» в фэнтези-играх – это эволюция листа персонажа из D&D. Разделение параметров на базовые параметры (атрибуты) и производные параметры (навыки) позволяет создавать сложные мо-

дели симуляции, где физические и ментальные способности героя напрямую влияют на геймплей, определяя возможности персонажа [4][5].

В. Классовый баланс и архетипы Идея игрового класса с уникальными сильными и слабыми сторонами, зародилась за игровым столом для распределения ролей в группе и превратилась в незыблемые догматы игрового жанра. Баланс, позволяющий могущественному магу и воину быть равными участниками одной истории, тоже был отточен в НРИ. Так в современной терминологии это закрепилось в виде архетипов: «танк» (воин с высокой защитой), «DPS/Glass Cannon» (маг или разбойник с высоким уроном, но низкой выживаемостью) и «саппорт». Эти концепции, которые сейчас кажутся естественными для любой ММО или RPG, были изначально разработаны для того, чтобы группа игроков за столом могла на равных эффективно взаимодействовать, дополняя друг друга [6].

Эволюция нарративной модели: Агентность игрока

Если механики отвечают за «тело» игры, то нарратив – за ее «душу». Пожалуй, самое глубокое, хоть и менее заметное технически, влияние НРИ проявилось в философии повествования. Литература и кино предлагают линейный сюжет. Настольные игры предложили модель ветвящегося нарратива и высокой агентности (способности игрока влиять на мир).

В ранних компьютерных играх сюжет был условлен, но с развитием жанра (*Fallout*, *Baldur's Gate*, *Planescape: Torment*) разработчики стали внедрять именно «настольный» подход к истории:

- Нелинейность:** Выбор игрока имеет вес и долгосрочные последствия (влияние на события, концовку, жизнь NPC). В настольной игре *Мастер Подземелий* (*Dungeon Master*) мгновенно реагирует на решения игроков, адаптируя мир, сюжет и реакции неигровых персонажей (NPC). Этот принцип лег в основу моральных дилемм в таких франшизах, как *Mass Effect*, *The Witcher* и *Dragon Age* [9].
- Эмерджентное повествование:** Принцип, согласно которому лучшие истории рождаются не из заранее прописанного сценария (скрипта), а из взаимодействия игровых систем с игроком, позволяя ему создавать собственную историю. Ситуация, когда игрок в *Divinity: Original Sin 2* случайно поджигает масло, создавая взрыв, который убивает квестового персонажа, меняя ход игры – это чистый пример эмерджентности, характерной для настольных сессий. Такие игры как *Divinity: Original Sin*, *Pillars of Eternity*, *Fallout* и многие другие строятся на этом принципе, позволяя решать задачи множеством непредсказуемых способов, тем самым создавая уникальный опыт для каждого игрока [8][9].

Ренессанс «настольной» парадигмы в современных проектах

К середине 2010-х годов существовало мнение, что классические механики (пошаговый бой, обилие текста, явные броски кубиков) устарели и уступят место кинематографичным экшен-играм. Однако успех таких проектов, как *Pillars of Eternity*, *Disco Elysium* и, в особенности, феноменальный триумф *Baldur's Gate 3*, опровергает этот тезис.

Baldur's Gate 3 нарочито использует правила *Dungeons & Dragons* (*D&D*) и демонстративно визуализирует бросок двадцатигранного кубика (d20) при проверках навыков. Успех *Baldur's Gate 3* – яркое доказательство того, что «простые» механики, унаследованные от настольных предков, ничуть не утратили актуальности. Исследование показывает, что несмотря на рост вычислительной мощности, позволяющей создавать реалистичную графику и динамику – свобода решений и системность мира остаются главными критериями качества ролевой игры [8][10].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что влияние настольных ролевых игр на индустрию компьютерных RPG носит не просто исторический, но системообразующий характер. НРИ предоставили разработчикам видеоигр готовый язык дизайна: от формул расчета урона до принципов построения нелинейного сюжета, которыми разработчики пользуются до сих пор.

Технологический прогресс предоставил новые средства визуализации и автоматизации расчетов, позволил симулировать броски сотен виртуальных кубиков одновременно, но фундаментальная философия осталась прежней. Игра – это структурированное правилами пространство, где игрок становится соавтором истории. Уроки баланса, нарративной глубины и вариативности, заложенные в НРИ, остаются актуальным «золотым стандартом» и продолжают определять развитие жанра в цифровую эпоху.

Литература

1. Ewalt D.M. Of Dice and Men: The Story of Dungeons & Dragons and The People Who Play It. Scribner, 2013. 304 p.
2. King B., Borland J. Dungeons and Dreamers: The Rise of Computer Game Culture from Geek to Chic. McGraw-Hill/Osborne, 2003. 258 p.
3. Barton M. Dungeons and Desktops: The History of Computer Role-Playing Games. A K Peters/CRC Press, 2008. 451 p.

4. Zagal J. P., Deterding S. (Eds.). Role-Playing Game Studies: Transmedia Foundations. Routledge, 2018. 478 p.
5. Tringham N.R. Science Fiction Video Games. CRC Press, 2014. 544 p.
6. Mackay D. The Fantasy Role-Playing Game: A New Performing Art. McFarland & Company, 2001. 198 p.
7. Juul J. Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. MIT Press, 2005. 233 p.
8. Harviainen J. T., et al. The Evolution of RPG Systems: From Tabletop to Digital // International Journal of Role-Playing. 2019. № 9. P. 25–41.
9. Cover J.G. The Creation of Narrative in Tabletop Role-Playing Games. McFarland & Company, 2010. 215 p.
10. Friedl M. Online Game Interactivity Theory. Charles River Media, 2003. 423 p.

THE INFLUENCE OF TABLETOP ROLE-PLAYING GAMES (TRPGS) ON THE CONCEPTUAL DESIGN AND ARCHITECTURE OF MODERN COMPUTER ROLE-PLAYING GAMES (RPGS)

Nizamov R.R., Kharisov A.R.
Ural Federal University

This article examines the fundamental influence of tabletop role-playing games (TRPGs), particularly the Dungeons & Dragons system, on the formation, development, and current state of the computer role-playing game (RPG) genre. The paper provides a comparative analysis of game mechanics (attribute systems, stochastic methods for determining success, class balance) and narrative structures. It is demonstrated that modern RPGs, despite technological progress, are based on the digital adaptation of rules formulated in the pre-computer era. Particular attention is given to the phenomenon of the “renaissance” of classic mechanics in modern AAA projects (using Baldur's Gate 3 as an example).

Keywords: tabletop role-playing games (TRPGs), computer role-playing games (RPGs), game design, game mechanics, narrative, emergent storytelling, stochasticity, Dungeons & Dragons.

References

1. Ewalt D.M. Of Dice and Men: The Story of Dungeons & Dragons and The People Who Play It. Scribner, 2013. 304 p.
2. King B., Borland J. Dungeons and Dreamers: The Rise of Computer Game Culture from Geek to Chic. McGraw-Hill/Osborne, 2003. 258 p.
3. Barton M. Dungeons and Desktops: The History of Computer Role-Playing Games. A K Peters/CRC Press, 2008. 451 p.
4. Zagal J. P., Deterding S. (Eds.). Role-Playing Game Studies: Transmedia Foundations. Routledge, 2018. 478 p.
5. Tringham N.R. Science Fiction Video Games. CRC Press, 2014. 544 p.
6. Mackay D. The Fantasy Role-Playing Game: A New Performing Art. McFarland & Company, 2001. 198 p.
7. Juul J. Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. MIT Press, 2005. 233 p.
8. Harviainen J. T., et al. The Evolution of RPG Systems: From Tabletop to Digital // International Journal of Role-Playing. 2019. № 9. P. 25–41.
9. Cover J.G. The Creation of Narrative in Tabletop Role-Playing Games. McFarland & Company, 2010. 215 p.
10. Friedl M. Online Game Interactivity Theory. Charles River Media, 2003. 423 p.

Зависимость результатов ЕГЭ и успеваемости учащихся в учреждениях профессионального образования

Павлов Олег Иванович,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов
E-mail: pavlov-oi@rudn.ru

Павлова Ольга Юрьевна,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: pavlova-oy@rapera.ru

Статья посвящена обзору литературы и эмпирических данных, отражающих различные подходы к установлению зависимости успеваемости студентов в учреждениях профессионального образования от результатов единого государственного экзамена. В результате исследования делается вывод о том, что такая зависимость, несомненно, существует, однако есть множество нюансов. В первую очередь отмечено, что наибольшая зависимость от результатов ЕГЭ прослеживается лишь для успеваемости студентов первого курса, а впоследствии соответствующая зависимость постепенно снижается под воздействием различных факторов. Также отражён аспект, связанный с тем, что корреляция между результатами ЕГЭ и успеваемостью учащихся неоднородна и варьируется в зависимости как от специфики предметов, по которым осуществлялась сдача ЕГЭ, так и от направления обучения в учреждениях профессионального образования. В заключении сформирован вывод о том, что эта корреляция, как инструмент или категория, не статична, а зависит от множества факторов. Уровень теоретической подготовки по отдельным дисциплинам в рамках освоения образовательной программы, конечно, влияет на дальнейшую успеваемость студента. Немаловажное значение здесь играет также познавательная мотивация, природа соответствующей мотивации, степень интеграции студента в образовательный процесс, его ожидания от такого процесса, сформированные до поступления в учебное заведение, личностные качества, которые будут способствовать освоению программы профессионального образования. Наконец, есть и такие объективные факторы как условия обучения (качество преподавания; материально-техническая база обучения; психоэмоциональная среда в учреждении и т.п.) и внешние обстоятельства (занятость студента; состояние его физического и психического здоровья; его финансово-материальное положение; и др.).

Ключевые слова: единый государственный экзамен, академическая успеваемость, общее образование, профессиональное образование, познавательная мотивация, образовательный процесс.

Введение

С каждым годом вопрос об эффективности системы единого государственного экзамена (далее по тексту – ЕГЭ) и влиянии результатов обучения в школах (в том числе итоговых результатов, отражённых в баллах ЕГЭ), на дальнейшую успеваемость учащихся учреждений профессионального образования, становится всё более актуальным. Одни социологические исследования показывают, что после введения системы аттестации в рамках ЕГЭ в 40% случаях стало сложнее поступать в ВУЗы, и что по большому счёту результаты ЕГЭ лишь косвенно отражают реальные знания, практические умения и способности [5], а также возможный потенциал учеников. Из-за заградительного действия ЕГЭ выпускники школ имеют сложности с поступлением в высшие учебные заведения и учебные заведения профессионального образования, особенно на бюджетной основе.

В других исследованиях показывается, что система ЕГЭ изначально должна была играть роль аттестационной комиссии и содействовать повышению уровня образовательной подготовки будущих студентов. Однако впоследствии оказалось, что из-за ЕГЭ качество образования ухудшилось вследствие переориентации процессов освоения образовательной программы на «натаскивание» учащихся на решение типичных задач по ЕГЭ. Из-за этого сегодня учреждения профессионального образования, в том числе и ВУЗы, «...наводняют студенты, не знающие элементарных вещей» [4; с. 24; 7].

Акцентирование образовательной системы России на ЕГЭ, как на универсальный инструмент отражения степени освоения учащимся теоретических знаний, способствовало искажению природы данного инструмента. И вместо восприятия ЕГЭ как естественного, последовательного средства для всесторонней оценки освоения образовательной программы, не только ученики, но и даже учителя всё чаще стали ставить ЕГЭ во главу всего процесса обучения, воспринимая данный экзамен и его результат буквально как смысл и отправную точку для дальнейшего определения стратегии профессионального обучения выпускника. Уже сегодня почти 45% всех учащихся 10–11 классов считают, что ЕГЭ окажет сильное влияние на всю жизнь учащегося, что говорит о некотором искажении реального влияния результатов ЕГЭ

на дальнейшую образовательную деятельность выпускника [2].

В связи с этим, встаёт актуальный вопрос о том – существует ли в реальности зависимость успеваемости учащихся студентов в учреждениях профессионального образования от результатов ЕГЭ? Ответ на данный вопрос представляется необходимым сформировать в ходе настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

За основу исследования были взяты результаты социологических исследований, опросы, а также аналитические доклады и отчёты фондов, институтов и университетов России. Также за основу анализа зависимости успеваемости студентов в учреждениях профессионального образования от результатов ЕГЭ были взяты работы следующих авторов: А.Н. Данилова; С.М. Ершиков; Т.С. Князевой; А.Г. Куделина; А.В. Мальцева; Н.Б. Медведевой; О.В. Польдина; П.П. Потапова; К.В. Рочева; А.В. Семяшкиной; А.А. Соловьёвой; Т.Г. Суровцовой; Т.Е. Хавенскон; Д.В. Шкурина; Л.В. Щеголевой; и др.

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Проблематике зависимости результатов ЕГЭ и успеваемости учащихся студентов в учреждениях профессионального образования посвящена немалая доля научно-теоретических и практических исследований, экспертных выступлений в педагогической и политico-правовой среде. Отразим наиболее весомые существующие подходы по поставленной проблематике.

Так, научный сотрудник Международной лаборатории анализа образовательной политики Института образования НИУ ВШЭ Т.Е. Хавансон и исследователь лаборатории А.А. Соловьёва, беря за основу исследования материалы приёмных комиссий, аттестационные материалы и другие данные о 19 тыс. студентов пяти российских ВУЗ-ов, пришли к выводу, что в среднем наивысшие результаты ЕГЭ влияют на дальнейшую успеваемость студентов в пределах 25–30%. При этом исследователи отмечают, что наибольшая зависимость результатов ЕГЭ и дальнейшей академической успеваемости прослеживается у студентов, которые имели результаты ЕГЭ выше среднего показателя среди абитуриентов, и которые при

этом являлись призёрами олимпиад. Эффективность успеваемости у таких студентов была выше дополнительно на 10% к ранее указанным 25–30% [9, с. 178].

Немаловажным является заключение Т.Е. Хавансон и А.А. Соловьёвой касательно того, что прямая зависимость успеваемости студентов от результатов ЕГЭ по большому счёту имеется лишь на первом курсе, когда остаточная познавательная мотивация от подготовки к ЕГЭ в совокупности с особенностями адаптации первокурсников к новым образовательным и социальным условиям, оказывают наибольшее влияние на сохранение прилагаемых усилий и ресурсов для обучения. В то же время связь результатов ЕГЭ и академической успеваемости учащихся 2-го и последующих курсов является скорее опосредованной и зависит в большей мере от степени успеваемости и вовлечённости студента в образовательный процесс на первом курсе [9, с. 176].

Развивая данную идею, группа исследователей К.В. Рочев, А.Г. Куделина и А.В. Семяшкина приходят к выводу, что на академическую успеваемость студентов влияют не сами по себе результаты ЕГЭ. Как показывают многочисленные научные исследования, корреляция между результатами ЕГЭ и успеваемостью постепенно снижается уже на втором курсе и достигает минимума на заключительном курсе обучения. Результаты ЕГЭ, будучи относительно объективным отражением системы сформированных знаний и умений выпускника школы, всё же не учитывают последующие факторы мотивации, условий обучения, вовлечённости студента в образовательный процесс, прилежности и дисциплинированности студента.

Как следствие, отмеченные авторы приходят к выводу, что результаты ЕГЭ хоть и влияют опосредованно на дальнейшую успеваемость учащихся в организациях профессионального образования, тем не менее, не определяют однозначно минимальную, среднюю или максимальную степень такой академической успеваемости. В связи с этим, результаты ЕГЭ потенциально можно использовать лишь как инструмент или метрику для достаточно условной оценки знаний личностных характеристик выпускника, которые непосредственно и системно и влияют на его способность дальнейшего освоения профессиональной образовательной программы [8, с. 80].

О возможности использования результатов ЕГЭ для прогнозирования успеваемости учащихся студентов, говорят в своём исследовании и учёные Л.В. Щеголева и Т.Г. Суровцова, отмечая, что подобным образом можно выделить студентов и объединить их в так называемые «группы риска успеваемости» для выстраивания в отношении них специфической траектории дальнейшего обучения уже в учреждениях профессионального образования [10].

Данный вывод прослеживается и в работе О.В. Польдина, отмечающего, что «есть серьезные основания предположить, что получение вузами свободы в выборе весов различных дисциплин ЕГЭ позволит улучшить отбор абитуриентов, наиболее подходящих для конкретной образовательной программы» [6, с. 68]. При этом в содержании исследования О.В. Польдин отмечает прямую и наибольшую зависимость успеваемости студентов от среднего бала ЕГЭ, в особенности по математике, физике и химии, а также хоть и меньшую, но всё же существующую зависимость эффективности и результативности академической успеваемости от результатов ЕГЭ по русскому языку и иностранным языкам [6, с. 58].

Данная позиция противопоставляется, к примеру, в работе С.М. Ершикова, С.Б. Медведевой и П.П. Потапова, отмечающих в результате собственного анализа большого массива данных зависимость академической успеваемости студентов от их результатов ЕГЭ, что баллы по профильным предметам не всегда являются лучшими предикторами. В частности, например, для направления «Физика и инженерно-технические специальности» баллы по русскому языку и математике согласно результатам исследования оказались более значимыми, чем результаты ЕГЭ по профильному предмету [1].

В особенности наименьшую исследуемую корреляционную связь можно проследить по направлениям профессиональной подготовки, где уровень теоретической подготовки не столь многообразен, а большую долю занимают именно практические занятия, в том числе с элементами творческого проявления личности студента. Речь идёт о музыкальном, художественном, краеведческом, архитектурном и даже педагогическом образовании [3, с. 129].

Выводы

Таким образом, можно резюмировать, что зависимость успеваемости учащихся в учреждениях профессионального образования от результатов ЕГЭ, несомненно, существует, но есть несколько нюансов. Во-первых, это то, что наибольшая зависимость прослеживается лишь для успеваемости студентов первого курса, а впоследствии соответствующая зависимость постепенно снижается под воздействием различных факторов. Во-вторых, это аспект, связанный с тем, что корреляция между результатами ЕГЭ и успеваемостью учащихся неоднородна и варьируется в зависимости как от специфики предмета, по которым осуществлялась сдача ЕГЭ, так и от направления обучения в учреждениях профессионального образования.

В конце концов следует прийти к выводу, что существующая зависимость не эфемерна, и при этом также не статична, а зависит от множества

факторов. Уровень теоретической подготовки по отдельным дисциплинам в рамках освоения общеобразовательной программы, конечно, влияет на дальнейшую успеваемость студента, однако, немаловажное значение здесь играет также познавательная мотивация, природа соответствующей мотивации, степень интеграции студента в образовательный процесс, его ожидания от такого процесса, сформированные до поступления в учебное заведение личностные качества, которые будут способствовать освоению программы профессионального образования. Играют роль и такие объективные факторы как условия обучения (качество преподавания; материально-техническая база обучения; психоэмоциональная среда в учреждении и т.п.) и внешние обстоятельства (занятость студента; состояние его физического и психического здоровья; его финансово-материальное положение; и др.).

Литература

1. Ершиков С.М. Результаты единого государственного экзамена как предиктор успеваемости в вузе / С.М. Ершиков, Н.Б. Медведева, П.П. Потапов // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 2. – Режим доступа: <https://science-education.ru/article/view?id=33393> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Каждый третий школьник уверен во влиянии ЕГЭ на всю жизнь // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1895728/2025-06-01/kazdyi-tretii-skolnik-uveren-vo-vlianiii-ege-na-vsuzheniye> (дата обращения: 17.12.2025).
3. Князева Т.С. ЕГЭ предсказывает успешность обучения в вузе. Но почему прогноз ухудшается в выборке музыкантов? / Т.С. Князева // Вопросы психологии. – 2022. – Т. 68, № 2. – С. 124–134.
4. Мальцев А.В. Отношение выпускников школ к Единому государственному экзамену (ЕГЭ) / А.В. Мальцев, А.Н. Данилов, Д.В. Шкурин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1(82). – С. 22–28.
5. Опрос показал мнение россиян, как ЕГЭ влияет на поступление в вузы // РИА. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190531/1555149617.html> (дата обращения: 17.12.2025).
6. Польдин О.В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ / О.В. Польдин // Прикладная эконометрика. – 2011. – № 21. – С. 56–69.
7. Россия: как ЕГЭ за 10 лет отразился на образовании // EurasiaNet. – Режим доступа: <https://clck.ru/3Qsjyj> (дата обращения: 17.12.2025).
8. Рочев К.В. Исследование комплексного влияния ЕГЭ на академическое развитие студентов / К.В. Рочев, А.Г. Куделин, А.В. Семяшкина //

- Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 147. – С. 79–84.
9. Хавенсон Т.Е. Связь результатов Единого государственного экзамена и успеваемости в ВУЗе / Т.Е. Хавенсон, А.А. Соловьева // Вопросы образования. – 2014. – № 1. – С. 176–199.
10. Щеголева Л.В. Результаты ЕГЭ и успеваемость студентов первого курса / Л.В. Щеголева, Т.Г. Суровцова // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <https://III21.petrsu.ru/journal/article.php?id=2946> (дата обращения: 18.12.2025)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAM AND THE ACADEMIC PERFORMANCE OF STUDENTS IN VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

Pavlov O., Pavlova O.

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy, and Public Administration

The article is devoted to a review of the literature and empirical data reflecting various approaches to determining the dependence of the student academic performance in vocational education institutions on the results of the Unified State Exam. The study concludes that there is undoubtedly a correlation between the results of the Unified State Exam and the performance of students in vocational education institutions, but there are many nuances. First of all, it was noted that the greatest dependence can be traced only to academic performance among first-year students, and subsequently the corresponding dependence gradually decreases under the influence of various factors. It also reflects an aspect related to the fact that the correlation between the results of the Unified State Exam and student performance is heterogeneous and varies depending on the specifics of the subject in which the exam was conducted and the direction of study in vocational education institutions. In conclusion, the conjecture is proposed that the existing dependence, as a tool or category, is not static, but depends on many factors. The level of theoretical training in certain disciplines within the framework of mastering the general education program, of course, affects the student's further academic performance. But also important are cognitive motivation, the nature of the corresponding motivation, the degree of integration of the student into the educational process, his expectations from such a process, formed before admission to an educational institution, personal qualities that will contribute to the development of professional education programs. And there are objective factors such as learning conditions (teaching quality; the

material and technical base of education; the psycho-emotional environment in the institution, etc.) and external circumstances (the student's employment; his state of physical and mental health; his financial and financial situation; etc.).

Keywords: unified state exam, academic performance, general education, vocational education, cognitive motivation, educational process.

References

1. Yershikov S.M. Results of the unified state exam as a predictor of academic performance in higher education / S.M. Yershikov, N.B. Medvedeva, P.P. Potapov // Modern problems of science and education. – 2024. – No. 2. – Access mode: <https://science-education.ru/article/view?id=33393> (date of application: 12/18/2025).
2. Every third student is confident in the impact of the Unified State Exam on his whole life // Izvestia. – Access mode: <https://iz.ru/1895728/2025-06-01/kazdyi-tretii-skolnik-uveren-vo-vlianiye-na-vsuzhdenie> (date of request: 17.12.2025).
3. Knyazeva T.S. The Unified State Exam predicts the success of university studies. But why is the prognosis getting worse in the sample of musicians? / T.S. Knyazeva // Questions of psychology. 2022. Vol. 68, No. 2. Pp. 124–134.
4. Maltsev A.V. The attitude of school graduates to the Unified State Exam (USE) / A.V. Maltsev, A.N. Danilov, D.V. Shkurin // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. – 2023. – № 1(82). – Pp. 22–28.
5. The survey showed the opinion of Russians how the Unified State Exam affects university admission // RIA. – Access mode: <https://ria.ru/20190531/1555149617.html> (date of request: 17.12.2025).
6. Poldin O.V. Forecasting academic performance in higher education based on the results of the Unified State Exam / O.V. Poldin // Applied econometrics. – 2011. – No. 21. – Pp. 56–69.
7. Russia: how the Unified State Exam has affected education in 10 years // EurasiaNet. – Access mode: <https://click.ru/3Qsjyj> (date of request: 12/17/2025).
8. Rochev K.V. A study of the integrated impact of the Unified State Exam on the academic development of students / K.V. Rochev, A.G. Kudelin, A.V. Semyashkina // International Scientific Research Journal, 2024, No. 147, Pp. 79–84.
9. Havenson, T.E., The relationship between the results of the Unified State Exam and university performance / T.E. Havenson, A.A. Solovyova // Educational issues. – 2014. – No. 1. – Pp. 176–199.
10. Shchegoleva L.V. The results of the Unified State Exam and the performance of first-year students / L.V. Shchegoleva, T.G. Surovtsova // Continuing education: XXI century. – 2015. – No. 12. – Access mode: <https://III21.petrsu.ru/journal/article.php?id=2946> (date of request: 12/18/2025)

Смысл истории как предмет исторического сознания: К. Ясперс, А. Тойнби, О. Шпенглер

Солдатов Илья Сергеевич,

студент, кафедра гуманитарных наук, этика бизнеса,
Федерального государственного образовательного
бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации»
(Финансовый университет)
E-mail: ilyasoldat2004@mail.ru

В статье всесторонне рассмотрен смысл истории как ключевой предмет исторического сознания. В зависимости от философского подхода, сущность смысла истории можно понимать, как: поступательное развитие, исторические циклы или смену культурных эпох. Каждый из этих подходов открывает совершенно новые горизонты для осмысливания исторических событий и их влияния на современность. На основе работ таких мыслителей, как К. Ясперс, А. Тойнби и О. Шпенглер, были выведены аспекты в понимании исторического процесса, а также доказано, что смысл истории является предметом исторического сознания и представляет собой этическую категорию. Этот аспект позволяет нам глубже осознать, что история, это не просто последовательность событий, а сложная сеть нравственных выборов и последствий, имеющее колossalное влияние на наше мировоззрение. История формирует наше восприятие мира и помогает извлекать уроки из прошлого, что делает ее важным инструментом для анализа настоящего и планирования будущего. Предметом исследования является смысл истории. Для написания статьи были использованы различные методы, включая метод анализа, диалектический метод, компаративистский метод и системный подход.

Ключевые слова: историческое сознание, смысл истории, культура, духовные ценности, этика.

В современную эпоху, когда стремительные изменения бросают вызов традиционным ценностям и размывают историческую память, как никогда остро встает вопрос о поиске устойчивых духовных ориентиров. Философское осмысливание истории становится тем интеллектуальным инструментом, который позволяет не только понять закономерности прошлого, но и обрести этический фундамент для настоящего. Обращаясь к классическим концепциям К. Ясперса, А. Тойнби и О. Шпенглера, мы выявляем смысл истории не как абстрактную категорию, а как нравственный императив, утверждающий примат духа над материей и ответственность человека за сохранение и преумножение культурного наследия.

Смысл истории – феномен многогранный, напрямую взаимосвязанный с историческим сознанием. Согласно новой философской энциклопедии, смысл истории означает восходящий ряд, ведущий к конечному воплощению определенного идеала, иными словами, оно является решающим фактором целеполагания исторического процесса, непременно прогрессирующего вверх. Для исторического сознания оно обладает телеологической функцией создавая ориентир для роста, и, духовные, этические ориентиры в социальном поле. Также, утверждается, что смысл истории создаёт эмоциональную окраску в историческом сознании, влияя на восприятие нами исторических событий. В данном контексте историческое сознание выступает как способ мышления, который ставит перед нами вопрос куда и зачем движется история, первоначально формируется под воздействием духовного плана бытия и, за счёт этого, претерпевает изменения из-за того, что общество становится менее религиозным с течением времени [5].

В данном контексте, определение смысла истории исчерпывающе указывает не только на её главную задачу – дать направление движения, но также и указывает, что является лишь частью более крупного исторического сознания, являясь для него нравственно-ценностным ориентиром. Для данной работы, оно хорошо идёт во взаимосвязи вместе с другими концепциями, рассмотренными далее, так как не берёт на себя задачу конкретизации смысла истории, но хорошо показывает механизм его работы.

Смысл истории был рассмотрен в произведении «Смысл и назначение истории» [10]. К. Ясперс

отрицает существование познаваемого объективного смысла истории, известного наперёд, попытки же скомпоновать всю историю в единый смысл, централизуя вокруг лишь одной ветви социального воззрения, является попыткой выдать конкретный идеал за универсальный закон. По мнению К. Ясперса «осевое время» является главным этическим фундаментом человечества, построенным за счёт первичной рефлексии, временем, когда человек впервые задает себе фундаментальные вопросы, дающие человеку возможность обрести высший смысл, этический идеал.

Процесс появления этических категорий в сознании человека К. Ясперс называет «одухотворением». Человек теряет уверенность в том, что знает себя и за счёт этого открывается окно безграничных возможностей, мы перестаём быть рабами собственного Эго и обращаем свой взор в бескрайнее небо. Именно в эпоху «одухотворения» появляются философы, люди, которые смогли возвыситься над миром и над самими собой [10 с. 34]. С «осевым временем» приходит познание истории, которое формирует в нас историческое сознание. Оно может рассматривать бытие и как круговорот, подъем, либо же движение к упадку. Людьми начинают создаваться различные теории, связанные с ходом исторического процесса и того, как им лучше управлять, какова наша миссия в нашем мире.

Таким образом, «осевое время» для К. Ясперса выступает местом появления универсальных нравственных и экзистенциальных вопросов, стремления к трансцендентному и рациональной рефлексии о смысле жизни, он идеализирует его как время, понимание которого единственное, что способно дать ответы на экзистенциальные вопросы, позволить обрести смысл, нравственные и этические ориентиры. Изучая современную перспективу на работу К. Ясперса, нами было выделено исследование И.И. Алешина «Смысл истории как проблема нравственной философии» [1], К. Ясперс был рассмотрен одним из основополагающих авторов. За центральное понятие из его работы «осевое время» рассмотрено не было, но было взято единство истории, что было раскрыто как целостный духовный процесс, связывающий человечество общими экзистенциальными вопросами и нравственными исканиями. В современных работах К. Ясперс остаётся фундаментальным автором для понимания смысла истории, где представлены нравственные идеалы, но, с другой стороны теория рефлексии смысла истории через «осевое время» проверку временем не прошло, что на самом деле и ранее являлось предметом основной критики автора его современниками, поэтому делаем вывод, что в современных работах его идеи не потеряли былой значимости, но претерпевают изменения.

К. Ясперсом было противопоставлено два подхода к осмыслинию истории:

Первый подход – овладение историей, это утилитарный подход, при котором история используется как инструмент для достижения конкретных целей: идеологических, политических или социальных. Это попытка подчинить прошлое некой системе, извлечь из него «уроки» или найти в нем оправдание для текущих действий. Такой подход, по сути, является возвращением к «доосевому» мышлению, где смысл заранее дан, что ведет к догматизму и тоталитаризму [10 с. 357–358].

Второй подход – заключается в понимании истории, это процесс экзистенциальной коммуникации с прошлым. Мы не извлекаем из истории готовые истины, а вступаем в диалог с великими духовными личностями осевого времени, целью такого диалога является прояснение смысла собственного бытия, осознание своей свободы и ответственности. Благодаря универсалиям «осевого времени» мы лучше понимаем возможности человеческой природы, нам открываются духовные ориентиры [7 т. 1 с. 76].

Таким образом, можно выделить, что К. Ясперс видит историю как открытое поле для человеческих возможностей, где жизнь наполняется смыслом только в процессе выбора человека, универсальный смысл находится в «осевом времени», но уже невозможен для постижения, с другой стороны, он проявляется в практических действиях, направленных на утверждение добра и справедливости. Историческое сознание же может формироваться как политическим строем, создавая чаще всего искаженное представление об истории, за счёт корыстных интересов, либо же формироваться самим индивидом за счёт обращения к осевому времени, оно не даёт истину, но позволяет к ней приблизится.

Немаловажным исследованием в поле исторического сознания, является работа А. Тойнби «Исследование истории» [7 т. 1], где смысл истории человечества рассматривается через цикличность эпох, так называемая закономерность вызов-ответ, которая определяет развитие цивилизации [7 т. 1 с. 385–386]. Главным движущим локомотивом прогресса является вызов, что можно определить как точку бифуркации, которая способна создать направление человеческому развитию вплоть до следующего вызова, либо же, если цивилизация не сможет устоять, поставить на путь, ведущий к её неминуемому упадку.

Для А. Тойнби смысл истории не в результате, а в самом процессе, так как выбор, сделанный нами не предопределен, человечество само конструирует свою судьбу. История выступает чередой испытаний, преодоление которых зависит от степени духовности сообщества, наименее благоприятные сценарии возникают только за счёт человеческих пороков. У развивающихся цивилизаций А. Тойнби выделял несколько этапов жизненного пути [8]: генезис, рост, надлом, распад.

На стадии генезиса общество начинает своё зарождение за счёт вызовов со стороны природной среды, которое стимулирует креативные меньшинства находить ответ на угрозу. Здесь закладываются основы культурных и социальных установок, общество переходит к более сложной социальной структуре. Неспособность на ответ обществом природным вызовам приведет его к гибели, постепенно лишая жизненных сил.

На этапе роста, общество усложняется, обретая сильную культурную и социальную базу за счёт развития языка и письменности, что, в свою очередь, позволяет ему более эффективно организовывать своё развитие, накапливать и передавать знания, институализировать социальный план, находить лучшие способы коммуникации, чтобы развивать взаимосвязи внутри социальных структур. Далее общество доходит до своего пика, в современности, а конкретно автор работы «Тойнби и этапы развития цивилизаций», Измайлова З.З. его также называет «цветением» [4 с. 433], которое характеризуется наивысшим уровнем развития, где общество в полной мере раскрывает свой потенциал. Элита наиболее плодотворно отвечает на вызовы, вдохновляя общество через духовные ценности. Здесь можно выделить высокую степень стабильности, удовлетворенность в обществе, успехи по всем направлениям развития, сильная структура власти, которая была достигнута за счёт общественного одобрения.

Дальнейшее развитие цивилизации по А. Тойнби, предполагает большим шагом на встречу с неминуемым кризисом. «Это трагическое событие означает прекращение роста и наступление того, что можно назвать надломом» [7 с. 254]. Обычно, характеризуется вырождением творческого меньшинства в правящую элиту не способную на инновации, что обрекает на появление проблем в скромом времени из-за неповоротливости социальных институтов, упадка нравственности и отсутствия креативного подхода. Общество будет подвержено расколу на враждующие группы, как пример, кризис в Римской империи, произошедший за счёт утраты гражданских добродетелей и бюрократизации.

После этого, общество приходит к распаду, которое характеризуется всеобщим хаосом и анархией. Формула вызов-ответ говорит, что ответ, порожденный на вызов, будет порождать для общества новую проблематику, а вечная готовность цивилизации к вызовам сопутствовать не будет, и, рано или поздно, оно встретится с таким вызовом, ответ на который, общество без творческого меньшинства, либо вследствие других возникнувших противоречий, найти не сможет, что приведет к серии неудачных ответов на вызов. Будут попытки вернуться к прошлому, ожидая что он есть в предыдущих парадигмах, люди в альтернативу культурному регрессу, могут слепо уверовать в на-

личие единственного ответа в современных технологиях, но проблема заключена во внутренних противоречиях, а успешный ответ находится в поле нравственности. Говоря об поле нравственности, работа Т.Е. Ворониной «Смысл истории в религиозном и философском понимании» [2], становится немаловажным для понимания степени важности духовности и морали с точки зрения А. Тойнби для общества. Автор использует синтез философии и религии, чтобы показать через наследие А. Тойнби, как религия формирует общемировые ценности и становится актором в вопросе современных проблем. Однако, отмечается, что ни религия, ни философия не могут дать ответ на поиск смысла истории, так как подчёркивается её субъективность, и, соответственно, ответ лежит внутри каждого отдельного индивида, зависит от морального выбора и человеческой свободы. С другой стороны, мы видим влияние постмодернистского нарратива касательно усиления значения субъективности в формировании мировоззрения каждого отдельного субъекта, соответственно, теория А. Тойнби не теряет свою непосредственную значимость и актуальность, но видоизменяется под давлением современной философии.

Основа этического нарратива в смысле истории по А. Тойнби, состоит в том, что результативность каждого цивилизационного пути будет лежать в двух возможных путях-решениях после точки бифуркации после этапа распада. Первый путь, лежит в неконтролируемом упадке морали и нравственности в обществе, что приводит к гибели структур из-за разложения духовности, заставляя общество самоустраниться. Это не конец истории, чаще всего, это начало новой, так как на руинах старой цивилизации останутся люди, способные на консолидацию и образование творческого меньшинства для построения на руинах цивилизации прошлого, нового общества. Вдобавок, даже если цивилизация гибнет, она оставляет за собой кладезь духовных ценностей, которая может еще долгое время просуществовать, вдохновлять людей и влиять на события будущего. Историческое сознание выступает неким инструментом позволяющим давать ответ на вызов бытия, соответственно, на нём отражается и упадок морали, искаженное историческое сознание дать правильный на вызов ответ не поможет. Альтернативным, особым сценарием, является трансформация общества за счёт преодоления пороков, к его духовному обновлению, где будет создана экуменическая цивилизация, в которой, преодолев все конфликты, объединятся мировые религии, создадут, сохранив этническое и культурное разнообразие, космополитную структуру.

Далее, нами был рассмотрено произведение «Закат Европы» [9]. Автор труда О. Шпенглер рассматривал историю человечества как циклический замкнутый процесс культурных организ-

мов. Она обладает сквозным единством и жесткой внутренней структурой. Такая организация позволяет ей быть самодостаточной и замкнутой на самой себе, выходя в автономность и относительную изолированность от других. Он выделял 8 культур – египетская, вавилонская, индийская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, западноевропейская и культуру майя, каждой из которых отводил длительность жизни, ориентированочно, в семь тысяч лет.

Можно выделить четыре стадии жизни культуры. Во время первого этапа зарождения, формируется культурная основа, влияющая на всё дальнейшее мировосприятие, происходит это через мифы, символы, легенды и архетипы. Далее происходит становление культуры, общество самовыражается через высшие духовные формы: искусство, философия, религию и социальные институты. Потом культура достигает своего пика, раскрывая свой потенциал в завершенной форме установленных ею систем ценностей, религии, права и философии. В завершении, им была выделена фаза упадка, как неизбежное окончание жизни культуры после её становления, он называл её этапом цивилизации, как нечто искусственное и нехорошее, являющимся внешним проявлением культуры, искажающим саму её суть. Духовные ценности теряют силу уступая материальным, а институты бюрократизируются, культура теряет свою творческую энергию. Для понимания О. Шпенглера через призму современности была взята работа А.А. Горелова и Т.А. Гореловой [3], здесь наиболее важны будут рассуждения авторов работы о проблематике предсказания О. Шпенглера. Здесь не только сказано, что за сотни лет его гипотезы подтвердились, но появляется вопрос появившегося кризиса застоявшейся последней стадии «дряхления» культуры Европы, оно настолько застоялось, что стало угрозой для всего человечества, ведь способно потянуть за собой весь мир из-за нового, техногенного общественного уклада, и развития технологий массового поражения.

Здесь следует провести аналогию с теорией А. Тайнби, но, тем не менее, концепты совершенно различны в плане подхода. Важной основой, является наличие у каждой культуры особенной души, которая определяет её сущность, формирует судьбу, на которую далее никак не повлиять, она будет такой, какова уже есть. Шпенглер отвергает в своей философии схему: Древний мир, Средние века, Новое время. Он считает, что она есть порождение европейского высокомерия и критикует её за то, что другие культуры здесь выступают лишь как периферия, обесценивая не западные культуры, лишая человечество многообразия. Западная культура же вошла в цивилизационную стадию упадка, и, неуклонно движется к своей гибели. Здесь мы видим явный фатализм судьбы каждой культуры, где мы, лишь как субъект процесса, ни на что

не способны в корне повлиять, остаётся лишь двигаться по течению мирового времени, наблюдая за естественными событиями. Самым лучшим, что мы можем делать, это не противиться мировой логике, а жить с духом культуры, в которую ты интегрирован. Главное отличие от А. Тайнби, в фатализме и отсутствии нужды морального выбора для выживания, ведь ты в любом случае будешь зависим от установок твоей культуры, а цивилизация, как закат, неизбежна и лишь вопрос времени.

Подводя итоги, в философии О. Шпенглера, смысл истории заключается в вечном круговороте культур, каждая из которых обладает своей собственной душой, воплощая в мир ценностные установки, где самое для нас значимое есть культурное разнообразие, которое мы должны сохранять и передавать, обогащая высокими ценностями наше бытие. Материализм, это бич человечества, идущий бок о бок с угасанием культуры на этапе цивилизации, запад должен признать свой закат, а не пытаться противиться мировой логике, жалко продлевая существование неестественным путем. Историческое сознание, это возможность увидеть возраст и судьбу своей культуры, а также её предопределенную судьбу в многовековом биологическом ритме.

Теперь же, можно подытожить роль смысла истории как этической категории в историческом сознании. Смысл истории есть в реализации нами идей, ценностей и других установок, находящихся за гранью нашего существа, но которые мы способны прочувствовать за счёт практики философии, искусства и религии, ценность которых была выведена у всех рассмотренных нами философов. Историческое сознание может выступать как диагностический инструмент, создавая для человека моральный компас, но, зачастую, выявляющий несостоятельность духовных оснований настоящего.

Помимо, общим является нарратив отказа от идеи предопределенного прогресса, история понимается как многогранный процесс, где духовные устремления и экзистенциальный выбор определяют траекторию развития. Историческое сознание, по Шпенглеру, пропитано фатализмом: история – это цикл неизбежных рождений, расцветов и смертей замкнутых культур. Главное – понять эти законы и принять свою роль, сохранив наследие. В отличие от него, Тайнби и Ясперс видят историю как арену ответственности и открытости. Тайнби считает, что в переломные моменты цивилизации решающий выбор лежит на «творческом меньшинстве», определяя путь к упадку или возрождению. Ясперс же переносит фокус на индивидуальный экзистенциальный выбор, где каждый человек, действуя во имя добра и справедливости, наполняет историю смыслом, даже не зная общего замысла. В современных работах было выделено три главных подхода – мироизменческий плюрализм, интеграция религиоз-

ного и философского дискурсов и нравственно-антропологический поворот. Таким образом, историческое сознание – это не просто восприятие механизма, а осознание борьбы духа и материи, свободы и предопределенности, где смысл рождается из человеческого выбора и коллективного творчества, будь то в рамках циклов, кризисов или индивидуальных поступков.

Литература

1. Алесин, И.И. Смысл истории как проблема нравственной философии / И.И. Алесин // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2 (64). – С. 61–66. – ISSN 1997-0803
2. Воронина, Т.Е. Смысл истории в религиозном и философском понимании / Т.Е. Воронина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 4. – С. 16–21. – ISSN 2075-9908
3. Горелов, А. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А.А. Горелов, Т.А. Горелова // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 29–43.
4. Измайлова, З.З. А. Тойнби и этапы развития цивилизаций / З.З. Измайлова // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 2 (83). – С. 433.
5. Новая философская энциклопедия – Смысл истории // Электронная библиотека Института философии РАН URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH-01f70b84c075ae3d6d0f0df6> (дата обращения: 12.10.2025).
6. Серегина Т.Н. Модели межкультурной коммуникации // Власть. – 2020. – № 1. – С. 119–124.
7. Тойнби, А. Д Исследование истории / А. Д Тойнби. – Том I, VII–Х: Возникновение, рост и распад цивилизаций. – Москва: ACT, 2009.
8. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – Москва: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.
9. Шпенглер, О Закат Европы / О Шпенглер. – Москва: Мысль, 1993. – 667 с.
10. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва: Политиздат, 1991. – 527 с. – ISBN 5-250-01357-0.

THE MEANING OF HISTORY AS AN OBJECT OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS: K. JASPERs, A. TOYNBEE, O. SPENGLER

Soldatov I.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article provides a comprehensive examination of the meaning of history as a key subject of historical consciousness. Depending on the philosophical approach, the essence of the meaning of history can be understood as progressive development, historical cycles, or the succession of cultural eras. Each of these approaches opens entirely new horizons for understanding historical events and their impact on the present. Based on the works of thinkers such as K. Jaspers, A. Toynbee, and O. Spengler, aspects of understanding the historical process were identified, and it was proven that the meaning of history is a subject of historical consciousness and represents an ethical category. This aspect allows us to more deeply understand that history is not simply a sequence of events, but a complex network of moral choices and consequences that has a colossal impact on our worldview. History shapes our perception of the world and helps us learn from the past, making it an important tool for analyzing the present and planning for the future. The subject of this study is the meaning of history. Various methods were used to write this article, including the analytical method, the dialectical method, the comparative method, and the systems approach.

Keywords: historical consciousness, the meaning of history, culture, spiritual values, ethics.

References

1. Alesin, I.I. The Meaning of History as a Problem of Moral Philosophy / I.I. Alesin // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2015. – No. 2 (64). – Pp. 61–66. – ISSN 1997-0803
2. Gorelov, A. A. “The Decline of the West” by O. Spengler and the Possibility of the Decline of the World / A.A. Gorelov, T.A. Gorelova // Knowledge. Understanding. Skill. – 2016. – No. 1. – Pp. 29–43.
3. Izmailova, Z. Z.A. Toynbee and the Stages of Development of Civilizations / Z.Z. Izmailova // Herald of Science. – 2025. – Vol. 1, No. 2 (83). – P. 433.
4. Jaspers, K. The Meaning and Purpose of History / K. Jaspers. – Moscow: Politizdat, 1991. – 527 p. – ISBN 5-250-01357-0.
5. New Philosophical Encyclopedia – The Meaning of History // Electronic Library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70b84c075ae3d6d0f0df6> (date of access: 12.10.2025).
6. Seregina T.N. Models of intercultural communication // Power. – 2020. – No. 1. – P. 119–124.
7. Spengler, O. The Decline of the West / O. Spengler. – Moscow: Mysl, 1993. – 667 p.
8. Toynbee, A. D. A Study of History / A.D. Toynbee. – Volume I, VII–X: The Rise, Growth, and Decay of Civilizations. – Moscow: AST, 2009.
9. Toynbee, A. Understanding History / A. Toynbee. – Moscow: Iris-Press, 2010. – 640 p.
10. Voronina, T.E. The Meaning of History in Religious and Philosophical Understanding / T.E. Voronina // Historical and Social-Educational Thought. – 2015. – Vol. 7, No. 4. – Pp. 16–21. – ISSN 2075-9908

Цифровизация и ее роль в повышении эффективности социального обеспечения населения России

Сушко Наталья Геннадьевна,

кандидат психологических наук, доцент, высшая школа Социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: nat135@mail.ru

Чуба Андрей Юрьевич,

к.с.-х.н., доцент, кафедра энергообеспечения сельского хозяйства, ФГБОУ ВО Государственный аграрный университет Северного Зауралья
E-mail: chybaandy@gausz.ru

Бакшееев Андрей Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Карзенкова Александра Владимировна,

кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры частного права ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
E-mail: cpe2005@mail.ru

Борисова Татьяна Дмитриевна,

кандидат экономических наук, кафедра Экономика и управление развитием территорий, преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ)
E-mail: borisova_td@inbox.ru

Цифровизация стала движущей силой трансформации системы социального обеспечения в России, кардинально меняя принципы взаимодействия между государством и гражданином. Актуальность обусловлена комплексом вызовов, стоящих перед социальной сферой России. В эпоху цифровых технологий люди привыкли к быстрым и удобным онлайн-сервисам в коммерческом секторе и ожидают того же уровня от государства. Цифровизация позволяет точно идентифицировать нуждающихся, минимизировать ошибки и целенаправленно распределять ресурсы, что критически важно в условиях бюджетных ограничений. Пандемия COVID-19 наглядно показала, что только цифровые каналы могут обеспечить быструю выплату помощи миллионам людей в сжатые сроки. Автоматизация процессов сокращает количество посредников, минимизирует человеческий фактор и злоупотребления. Цель данного исследования – теоретически изучить проблему цифровизации и ее роль в повышении эффективности социального обеспечения населения России.

Ключевые слова: цифровизация, социальное обеспечение, эффективность, население России, технологии.

Введение

Цифровая трансформация – это фундаментальное изменение подхода: от заявительного к проактивному, ориентированному на человека. Когда технологии работают корректно и этично, они действительно становятся мощнейшим инструментом для построения более справедливого и инклюзивного общества, где система социальной защиты действует быстро, точно и с уважением к каждому гражданину.

Цифровизация социальной сферы – это стратегическая необходимость для современного государства. В России с ее огромной территорией и многочисленным населением цифровые технологии кардинально меняют подход к предоставлению социальной поддержки, делая ее более адресной, доступной и эффективной.

Россия не является однозначным аутсайдером или лидером в сфере цифровизации социальных услуг населению. Страна демонстрирует блестящие достижения в области госуслуг и социальных выплат соседствуют с серьезным отставанием в медицине, образовании и, что самое главное, в инфраструктуре. Цифровизация в России часто идет «сверху» – как государственный проект с высокой скоростью внедрения. В то время как в странах-лидерах она часто является результатом общественного запроса и сотрудничества государства, бизнеса и общества, что обеспечивает большую устойчивость и качество. Ключевой проблемой России является цифровое неравенство. Без его преодоления все цифровые инновации останутся привилегией жителей мегаполисов.

Обсуждение и результаты

Роль цифровых технологий в социальной сфере велика. Раньше гражданину нужно было самому узнавать о своих правах, собирать справки и стоять в очередях. Сегодня система Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) работает на опережение. Система автоматически анализирует данные из различных госреестров (ЗАГС, ПФР, ФНС, МВД) и выявляет граждан, которые имеют право на ту или иную выплату, но еще не оформили ее. Это позволяет кардинально сократить временные затраты граждан, исключить бюрократические барьеры и обеспечить полноту охвата социальными гарантиями [1].

«Социально-экономический эффект от внедрения ЕГИССО достаточно широк:

- экономия финансовых средств при установлении социальных выплат на принципах адресности и нуждаемости;
- экономия финансовых средств в связи с расчетами с конрагентами в субъектах РФ на основании учета фактически оказанных услуг;
- введение единого классификатора мер социальной поддержки граждан для их унификации;
- создание инфраструктуры для учета в дальнейшем расходов населения с целью противодействия нелегальным доходам» [7].

Портал «Госуслуги» стал центральным «окном» для взаимодействия граждан с государством. Через него можно подать заявление на большинство пособий, записаться к врачу, получить информацию о своих пенсионных накоплениях и многое другое. Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО) – это «мозговой центр» социальной сферы. Система агрегирует данные из разных ведомств (ПФР, ФНС, ФСС, Росреестр и т.д.), что позволяет автоматически определять право гражданина на ту или иную меру поддержки без необходимости сбора справок.

Мобильные приложения (например, приложение «Госуслуги») позволяют управлять выплатами и получать уведомления в режиме 24/7. Гражданин больше не должен предоставлять справки, которые госорганы могут запросить друг у друга самостоятельно. Это позволило осуществить переход от «принципа очереди» к «принципу клика», экономия времени и ресурсов как граждан, так и чиновников.

Создание единой базы данных о всех получателях льгот и выплат позволяет избежать дублирования и мошенничества. Использование технологий и анализа больших данных помогает строить более точные социальные профиля, прогноз-

зировать потребность в помощи и оценивать эффективность социальных программ. «Социальный кабинет» гражданина на «Госуслугах» позволяет человеку видеть все положенные ему выплаты и льготы, их статус и историю начислений.

Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) позволяет осуществить запись к врачу, электронные больничные, дистанционные консультации (телемедицина), доступ к своей медицинской карте.

Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» позволяет, в том числе, организовать социальное обслуживание на дому, в том числе для пожилых и маломобильных граждан, с использованием электронных заявок и отчетности.

Ключевые преимущества цифровизации:

1. Доступность: граждане могут получать услуги онлайн, не посещая государственные учреждения лично и не стоя в очередях. Яркий пример – портал «Госуслуги» и мобильное приложение.
2. Эффективность: автоматизация процессов ускоряет принятие решений, сокращает бюрократию и снижает административные издержки. Например, автоматическое назначение пособий при рождении ребенка.
3. Качество: упрощается процедура подачи заявлений, уменьшается количество ошибок из-за человеческого фактора, повышается прозрачность – можно отслеживать статус своего заявления в режиме реального времени [3].

Проведем небольшое сравнение цифровизации социальной сферы в России и зарубежных странах по таким критериям, как государственные онлайн-услуги, цифровая медицина, цифровое образование, социальная поддержка и выплаты, инфраструктура и цифровое неравенство. Защита данных. Результаты представим в виде таблицы 1.

Таблица 1

Критерий	Россия	Зарубежные страны
государственные онлайн-услуги	<p>Портал «Госуслуги» – это один из самых ярких примеров успешной цифровизации в мире. Он объединяет огромное количество услуг (от записи к врачу до подачи заявления на паспорт), имеет высокий уровень проникновения и удобства. Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) сократила необходимость в сборе справок.</p> <p>Россия в этой области находится среди лидеров, опережая многие европейские страны по уровню интеграции и охвату услуг.</p>	<p>Эстония: мировой лидер с системой X-Road. Граждане могут голосовать, подавать налоги, управлять своими медицинскими записями онлайн. Ключевая особенность – сквозная цифровая идентификация и прозрачность (гражданин видит, кто и когда смотрел его данные).</p> <p>Сингапур: платформа SingPass предоставляет доступ к более чем 2000 услуг. Акцент на мобильность и удобство.</p> <p>Великобритания, ЕС: GOV.UK (Великобритания) – эталон удобства и дизайна, ориентированного на пользователя. В ЕС развиваются общеверхопейские сервисы (eIDAS), но уровень цифровизации сильно варьируется от страны к стране (лидеры – Дания, Финляндия).</p> <p>США: система менее централизована, много услуг на уровне штатов, что создает некоторую мозаичность.</p>
Россия здесь – мировой лидер или близка к нему, особенно благодаря «Госуслугам».		

Критерий	Россия	Зарубежные страны
цифровая медицина	<p>Создана Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), внедряются электронные медицинские карты (ЭМК), развивается телемедицина (законодательно разрешены консультации, но с ограничениями).</p> <p>Проблемы: фрагментарность данных, не все поликлиники и больницы полноценно интегрированы в ЕГИСЗ. Качество и стандартизация ЭМК различаются. Телемедицина упирается в проблемы идентификации и оплаты.</p> <p>Россия находится в стадии активного развития, но отстает от лидеров (Эстония, Скандинавия) в части создания целостной, сквозной электронной медицинской карты и реального использования данных для лечения.</p>	<p>Эстония: единая электронная история болезни, доступная всем врачам и самому пациенту. Высокий уровень стандартизации.</p> <p>Скандинавские страны: Швеция, Дания, Норвегия имеют централизованные системы обмена медицинскими данными между всеми участниками системы здравоохранения.</p> <p>Германия: внедрение электронной медкарты (ePA) идет медленно, с большим вниманием к защите данных.</p> <p>США: система стимулируется рынком (электронные записи врачей, телемедицина через частные страховки), но отсутствует единная государственная платформа, что ведет к проблемам совместимости.</p>
цифровое образование	<p>Быстрый переход на дистанционное обучение во время пандемии (с использованием платформ типа «Российская электронная школа», «МЭШ», «Сферум»). Развитие цифровых образовательных сервисов.</p> <p>Проблемы: неравенство в доступе к технике и интернету, перегруженность платформ, недостаточная цифровая грамотность части учителей и родителей. Часто цифровизация сводится к оцифровке аналоговых процессов, а не к изменению методик обучения.</p> <p>Россия активно догоняет, особенно в инфраструктурной части, но отстает в глубине интеграции цифровых технологий в педагогику и качестве пользовательского опыта по сравнению с лидерами.</p>	<p>Эстония: система eKool – единая платформа для школ, где есть всё: расписание, домашние задания, журнал, общение учителей с родителями.</p> <p>Финляндия: акцент на индивидуальных образовательных траекториях с помощью цифровых инструментов, а не на простом переносе уроков в онлайн.</p> <p>Южная Корея, Сингапур: Интеграция цифровых технологий в учебный процесс на очень высоком уровне, развитая EdTech-индустрия.</p>
социальная поддержка и выплаты	<p>Система целевых социальных выплат, особенно проявившая себя во время пандемии (выплаты на детей, пособия для потерявших работу). Заявления подаются преимущественно через «Госуслуги», применяется социальный реестр и проактивный подход (госорганы сами начисляют выплаты на основе имеющихся данных).</p> <p>Россия в этой области демонстрирует опережающие темпы и является одним из лидеров, особенно в применении проактивных моделей.</p>	<p>США: во время пандемии были проблемы с выплатами из-за устаревших систем на уровне штатов.</p> <p>ЕС: в разных странах подходы разнятся. В лидирующих странах (Эстония, Скандинавия) система так же эффективна. В Германии и Франции процесс может быть более бюрократичным.</p> <p>ОАЭ, Сингапур: активно используют данные для адресной социальной помощи.</p>
инфраструктура и цифровое неравенство	<p>Колossalное цифровое неравенство между крупными городами и регионами, особенно сельскими и удаленными. Качество интернета, покрытие сетями 4G/5G, доступность техники – ключевые барьеры. Программы по подключению школ к интернету, развитие сотовых сетей.</p> <p>По этому параметру Россия находится в группе аутсайдеров среди развитых стран. Цифровое неравенство – главный тормоз для полноценной цифровизации социальной сферы.</p>	<p>Южная Корея, Сингапур, Эстония: высококачественная интернет-инфраструктура доступна практически везде.</p> <p>США, Канада, Австралия также сталкиваются с проблемой цифрового разрыва между городами и глубинкой.</p> <p>ЕС: существуют программы по ликвидации цифрового разрыва, но в странах Восточной Европы он все еще заметен.</p>
защита данных	<p>Закон о персональных данных (требование локализации баз данных на территории РФ). Жесткий государственный контроль над цифровым пространством.</p> <p>Баланс между безопасностью и удобством. Существуют опасения по поводу использования данных в несанкционированных целях (т.н. «цифровой след»).</p> <p>Россия находится посередине между европейской моделью (защита приватности) и китайской (государственный контроль). Это создает определенные риски для доверия граждан к цифровым сервисам.</p>	<p>ЕС: общий регламент по защите данных (GDPR) – золотой стандарт защиты приватности. Дает гражданам полный контроль над своими данными.</p> <p>США: подход более либеральный, отраслевой, нет единого строгого закона, как GDPR.</p> <p>Китай: активное использование данных государством для системы социального рейтинга, минимальная приватность.</p>

Несмотря на успехи, процесс цифровизации сталкивается с рядом вызовов. Значительная часть пожилых людей и жителей сельской местности не имеет достаточных цифровых навыков или доступа к интернету. Для них переход на циф-

ровые каналы может стать барьером. Создание централизованных баз данных повышает риски их утечки и несанкционированного доступа. Необходимо постоянно усиливать системы кибербезопасности. Зависимость от цифровых систем делает

их уязвимыми. Сбой или ошибка в алгоритме могут лишить тысячи людей выплат. Цифровизация сокращает избыточные функции и полномочия чиновников, что может вызывать скрытое сопротивление на местах [5].

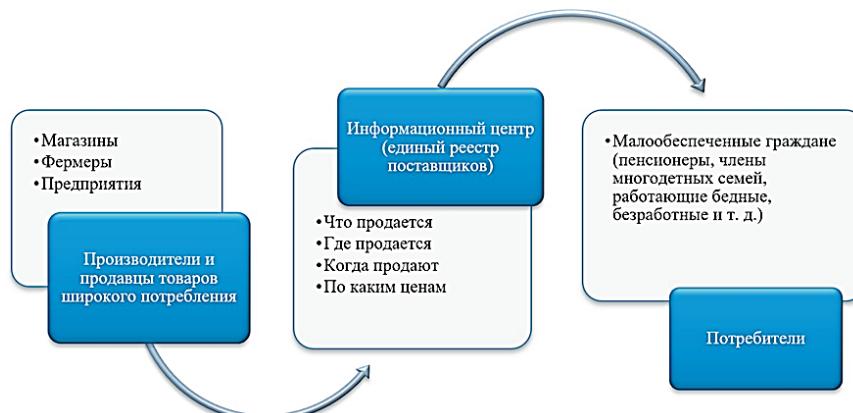
Не у всех, особенно пожилых людей и в удаленных регионах, есть стабильный интернет и необходимые устройства (смартфоны, компьютеры). Даже при наличии техники многие не обладают достаточной цифровой грамотностью для взаимодействия с государственными платформами (табл. 2).

Таблица 2. Обеспеченность средствами связи и телевидения по демографическим и социальным группам

	Все до- мохозяй- ства	Много- детные семьи	Состо- ящие только из пен- сионе- ров	Состо- ящие только из инва- лидов
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0
Из них имеющие				
Цветной теле- визор	99,0	98,5	99,1	98,3
Спутниковая ан- тenna	27,6	42,8	22,2	16,3

	Все до- мохозяй- ства	Много- детные семьи	Состо- ящие только из пен- сионе- ров	Состо- ящие только из инва- лидов
Кабельное теле- видение	47,3	36,7	40,6	35,6
Стационарный телефон	42,2	26,0	51,0	53,9
Мобильный те- лефон	97,6	99,4	93,0	86,9
Домашний ста- ционарный ком- пьютер	67,9	77,2	29,9	17,2

Цифровизация позволяет анализировать реальные доходы и имущество семьи. Это помогает оказывать помощь тем, кто в ней действительно нуждается, и исключать тех, кто не имеет права на поддержку. Автоматизированные системы расчета уменьшают количество ошибок, связанных с ручным вводом данных и их интерпретацией. Система может сравнивать информацию из разных источников (например, данные о зарплате из ФНС и декларацию о доходах для получения субсидии), что эффективно борется с мошенничеством (рис. 1).

Защита данных – это критически важный вопрос. Единые базы данных, содержащие персональную информацию о здоровье, доходах, семейном положении граждан, становятся лакомой целью для хакеров. Необходимы системы кибербезопасности и четкое законодательное регулирование [9]. Алгоритмы могут выявлять несоответствия и подозрительные схемы при назначении выплат, предотвращая нецелевое использование бюджетных средств. Это значит, что помочь точнее доходит до тех, кто в ней действительно нуждается.

Создаются онлайн-платформы для обучения и переквалификации людей с инвалидностью, предпенсионеров и других уязвимых категорий,

помогающие им найти удаленную работу или новую профессию. Актуальны онлайн-платформы для взаимопомощи, где люди в трудной жизненной ситуации могут найти поддержку, совет и общение, преодолевая социальную изоляцию.

Подготовка кадров – не менее важный аспект рассматриваемого вопроса. Государственным служащим необходимы новые компетенции для работы в цифровой среде. Одновременно с этим требуется переподготовка сотрудников, которые раньше работали только в офлайн-формате [8].

К.А. Бульдяева указывает: « ... несмотря на успешные примеры внедрения цифровых технологий в социальное обеспечение, существуют определенные проблемы и вызовы. Среди них

можно выделить низкий уровень цифровой грамотности некоторых слоев населения, недостаточную интеграцию существующих информационных систем, а также вопросы безопасности данных. В связи с этим крайне важно продолжать развивать и улучшать инфраструктуру, обучать граждан использованию цифровых технологий и обеспечивать защиту персональных данных» [4].

Перспективные направления развития цифровизации в социальной сфере можно сформулировать следующим образом:

- Развитие искусственного интеллекта (ИИ) для анализа больших данных и более точного прогнозирования потребностей граждан в социальной поддержке.
- Сквозные цифровые профили: создание единого профиля гражданина, который будет безопасно объединять данные из разных ведомств (ПФР, ФНС, ФСС), что позволит предоставлять услуги проактивно (например, автоматическое начисление пособий без подачи заявления) [6].
- Развитие суперсервисов: для получения сложной услуги (например, оформления инвалидности или ухода за пожилым родственником) все необходимые действия объединены в один удобный цифровой маршрут.

Заключение

Цифровизация стала мощным катализатором трансформации системы социального обеспечения России. Она сместила фокус с пассивного ожидания заявления от гражданина на активную, проактивную поддержку. Это позволило значительно повысить эффективность, адресность и доступность социальных услуг, оптимизировать бюджетные расходы и повысить удовлетворенность граждан. Несмотря на существующие вызовы, прежде всего связанные с цифровым разрывом и защитой данных, вектор развития нацелен на будущее социального обеспечения – глубокую, продуманную и человекоориентированную цифровизацию.

Цифровизация социального обеспечения в России – это не просто техническое обновление, а глубокая системная реформа, направленная на создание человеко-ориентированного, прозрачного и эффективного государства. Ее актуальность невозможно переоценить в условиях XXI века. Она напрямую способствует повышению уровня жизни за счет упрощения доступа к гарантиям, справедливому распределению социальных благ, повышению доверия к государственным институтам, оптимизации бюджетных расходов [2].

Дальнейшая интеграция технологий (включая искусственный интеллект для анализа потребностей) и работа над устранением «цифрового разрыва» будут и впредь определять повестку в сфере социального обеспечения страны.

Главная цель цифровизации – повышение качества жизни получателей социальных услуг. В России она требует развития, что планируется в рамках «Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг.». Процесс предоставления цифровых социальных услуг полностью контролируется государством, тогда как в Европе эффективно привлекаются частные компании. Отмечается активное развитие портала госуслуг.

Литература

1. Андрющенко О. Е., Гоманенко О.А., Данилова Е.О., Попандопуло О.А. Цифровизация системы социальной защиты как фактор повышения качества жизни граждан РФ (на примере Волгоградской области) // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 133–143.
2. Андрющенко О. Е., Кирюхин С.С., Шунин Д.А. Цифровизация общества и проблемы освоения современных технологий // Современное общество: оценка состояния и перспективы развития. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. С. 147–150.
3. Балашов А.И. Цифровизация порядка оказания социальных услуг населению: инновации и препятствия на пути их реализации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (32). С. 6–15.
4. Бульдяева К.А. Тенденции цифровизации социального обеспечения в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 1 (552). С. 129–130.
5. Зуева Н.Л. Цифровизация социальной сферы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 277–287.
6. Зыкова Н.Н. Цифровая трансформация в социальной сфере: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1(56). С. 88–96.
7. Кицай Ю. А. ЕГИССО: Новая информационная реальность в сфере социального обеспечения. Этико-правовые основания регулирования высоких технологий в современном мире // Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2020. С. 117–120.
8. Ларина Д. Н., Игольникова И.В. Цифровизация социальных услуг в РФ. Управление и цифровизация: национальное и региональное изменение // Сборник статей национальной научно-практической конференции с международным участием. Брянск: БГУ, 2021. С. 178–182.
9. Люблинский В.В. Развитие сетевого общества и цифровых технологий в зеркале социальной политики (международный опыт и Россия) //

Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 15 22.

10. Сафонов А.Л. Перспективы использования цифровых технологий для поддержки малообеспеченных граждан // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN323.p> (дата обращения: 09.10.2025).

DIGITALIZATION AND ITS ROLE IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF SOCIAL SECURITY IN RUSSIA

Sushko N.G., Chuba A.Yu., Baksheev A.I., Karzenkova A.V., Borisova T.D.
Pacific National University, State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Perm Institute, M.K. Amosov North-Eastern Federal University

Digitalization has become the driving force behind the transformation of the social security system in Russia, fundamentally altering the principles of interaction between the state and the citizen. This topic is relevant due to the complex challenges facing Russia's social sector. In the digital age, people have become accustomed to fast and convenient online services in the commercial sector and expect the same from the government. Digitalization allows for the accurate identification of those in need, minimizing errors, and targeted resource allocation, which is critical in the face of budget constraints. The COVID-19 pandemic has clearly demonstrated that only digital channels can ensure rapid payment of assistance to millions of people within a short timeframe. Automation of processes reduces the number of intermediaries, minimizes human error, and minimizes abuse. The purpose of this study is to theoretically examine the problem of digitalization and its role in improving the efficiency of social security in Russia.

Keywords: digitalization, social security, efficiency, population of Russia, technology.

References:

1. Andryushchenko O. E., Gomanenko O.A., Danilova E.O., Popandopulo O.A. Digitalization of the Social Protection System

as a Factor in Improving the Quality of Life of Citizens of the Russian Federation (Based on the Volgograd Region) // Logos et Praxis. 2022. Vol. 21, No. 3. Pp. 133–143.

2. Andryushchenko O. E., Kiryukhin S.S., Shunin D.A. Digitalization of Society and Problems of Mastering Modern Technologies // Modern Society: Assessment of the Status and Development Prospects. Volgograd: VolsU Publishing House, 2021. Pp. 147–150.
3. Balashov A.I. Digitalization of the Procedure for Providing Social Services to the Population: Innovations and Obstacles to Their Implementation // Economic, Social, and Humanitarian Studies. 2021. No. 4 (32). P. 6–15.
4. Buldyayeva K.A. Trends in the Digitalization of Social Security in the Russian Federation // Young Scientist. 2025. No. 1 (552). P. 129–130.
5. Zueva N.L. Digitalization of the Social Sphere // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 2 (49). P. 277–287.
6. Zykova N.N. Digital Transformation in the Social Sphere: Trends and Prospects // Bulletin of the Volga State Technological University. Series: Economics and Management. 2023. No. 1 (56). P. 88–96.
7. Kitsay Yu. A. EGISSO: New Information Reality in the Sphere of Social Security. Ethical and legal foundations for regulating high technologies in the modern world // Collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference. Kaliningrad: Baltic Federal University named after Immanuel Kant, 2020. Pp. 117–120.
8. Larina, D. N., Igolnikova, I.V. Digitalization of social services in the Russian Federation. Management and digitalization: national and regional dimensions // Collection of articles from the national scientific and practical conference with international participation. Bryansk: BSU, 2021. Pp. 178–182.
9. Lyublinsky, V.V. Development of a network society and digital technologies in the mirror of social policy (international experience and Russia) // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 2. Pp. 15–22.
10. Safonov, A.L. Prospects for using digital technologies to support low-income citizens // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 3. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN323.p> (accessed: 09.10.2025).

Определение понятия «мигрант» в миграционных исследованиях: от национально-ориентированного подхода к транснационализму

Ходжатов Кемал Байрамович,

аспирант направления 5.4.7 «Социология управления»
Тихookeанского государственного университета
E-mail: 2018104678@togudv.ru

Автор анализирует эволюцию понимания категории «мигрант» в современных социологических теориях». Автор проблематизирует устойчивую методологическую рамку национального государства, в которой мигрант трактуется исключительно как внешний субъект, подлежащий интеграции в принимающее общество. Основное внимание уделяется переходу к транснациональному подходу, позволяющему анализировать мигрантов как субъектов, одновременно включённых в институты, нормы и символические поля нескольких государств. Теоретическая часть опирается на концепции транснационализма Н. Глик Шиллер, Т. Файста, а также переосмысленную теорию ассимиляции Р. Альбы и В. Ни. Эмпирической основой анализа выступают данные исследований, посвящённых мигрантам из стран Центральной Азии в России.

Ключевые слова: национально-ориентированный подход, транснационализм, мигранты из Центральной Азии, адаптация, интеграция

Введение

Современные миграционные процессы радикально трансформировали представление о границах, гражданстве, идентичности и социальной принадлежности. Однако, несмотря на глобальный характер этих изменений, в социологическом и политическом дискурсе по-прежнему преобладает национально-центрическая рамка анализа, связанная с границами суверенитета, согласно которой мигрант воспринимается как внешний элемент, который должен встроиться в социальные институты принимающей стороны. Подобный подход оказывается несостоятельным в условиях множественной включённости мигрантов. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте Российской Федерации, на территорию которой в последние два десятилетия наблюдается устойчивая миграция из стран Центральной Азии. В то время как официальная статистика фиксирует формальные перемещения, а миграционная политика фокусируется на контроле и адаптации, реальные практики мигрантов показывают сложные формы «жизни между» разными социальными, культурными и правовыми пространства.

В работе анализируется, как транснациональная перспектива позволяет по-новому взглянуть на фигуру мигранта. В качестве объекта исследования рассматриваются мигранты из стран Центральной Азии, пребывающие на территории России. Теоретическая рамка включает концепции транснационализма (Н. Глик Шиллер, Т. Файст), ассимиляции (Р. Альба, В. Ни), а также критику методологического национализма. Эмпирическая база включает материалы российских социологических исследований, посвящённых миграционным стратегиям, формам социальной адаптации и сохранению трансграничных связей мигрантского населения.

Цель статьи – показать необходимость смещения аналитического фокуса от моделей линейной интеграции к многоуровневому анализу символических и институциональных пересечений, в которых формируется идентичность современного мигранта.

Теоретические подходы к определению фигуры мигранта

Миграционные процессы все чаще становятся объектом исследования разных сфер научного зна-

ния, включая географию, социологию, экономику, психологию и политологию. Особенный интерес исследователей привлекают тенденции и изменения в контексте этнических процессов. Более всего преобладают исследования в экономическом русле, и это вполне объяснимая тенденция.

Слова «миграция» и «мигрант» не имеют однозначного значения, а представляют собой многогранные понятия. Ключевое, что определяет мигранта – это движение. Однако нелюбое движение мы считаем миграцией и ответ не кроется в том, что общность людей движется куда-то в одном направлении. Здесь явно недостаточно понимать миграцию как простое территориальное перемещение между двумя точками.

Категория «мигрант» не обладает прозрачным пониманием его сущности. Мигрантами при желании можно назвать самый широкий круг общества, а можно вводить ограничительные рамки, которые способствуют сужению до отдельных групп. Ответ на вопрос «кто такой мигрант?» зависит от того, кто и в каком контексте осуществляет это определение. Возможно, стоит рассмотреть этот вопрос в более узких категориях.

Ученый-исследователь теории интеграции Янг Ким в своих работах делает определенный вывод, в котором фиксирует что ученые используют разнообразные термины как синонимы, что приводит к методологическим неточностям данные слова. Употребление тех или иных терминов не является оправданным при описании одного и того же действия, так как по сути своей принадлежат разным научным подходам. [3]

Концепции ассимиляции, аккультурации, адаптации и транснационализма представляют собой неполный перечень для исследований, предназначенных для анализов процессов включения мигрантов в принимающее общество. Для создания полной картины подходов изучения миграции и мигранта как индивидуума, необходимо провести краткий обзор каждой концепции.

Современное научное изучение миграции как социального явления начинается с конца XIX века, когда миграция впервые становится предметом системного теоретического анализа. Одним из первых, кто предпринял попытку выявить закономерности перемещений населения, был Э.Г. Равенштейн, предложивший так называемые «законы миграции», акцентируя внимание на регулярностях пространственного движения. Позднее, в середине XX века, его идеи были концептуально развиты Э. Ли, который сформулировал модель анализа миграционных процессов на основе оппозиции «притяжения–отталкивания» (pull-push factors), ставшую канонической в миграционных исследованиях. [8]

Попытки выработать универсальную теорию миграции (например, теория миграционного перехода В. Зелинского или концептуальные синтезы

Д. Массея) продемонстрировали ограниченность универсалистского подхода и подчеркнули многообразие миграционного опыта. На сегодняшний день существует значительное число теоретических моделей, отражающих различные аспекты миграции. Исследователи констатируют отсутствие теоретического консенсуса и существование множества изолированных подходов к определению и объяснению миграции.

В Штатах исследования миграционных процессов начались в 1910–1920-е гг. Основные работы данного времени принадлежат Чикагской школе. Для теории ассимиляции классической работой является концепция, разработанная Робертом Парком и известная как «цикл расовых отношений». В работе описывается цикл в три этапа: первый контакт с культурой принимающего общества, приспособление и ассимиляция. Таким образом, цикл представляет собой последовательное включение мигрантов через контакт, адаптацию и последующее культурное слияние.[12]

В дальнейшем в 1980-х – начале 1990-х гг. в Америке возникла новая теория адаптации детей мигрантов, которую разработали Портес и Румбо, в рамках лонгитюдного исследования «Children of Immigrants Longitudinal Study (CILS)» (Лонгитюдное исследование детей иммигрантов) в США, начатого в 1990-е гг. Результатом данного исследования стала теория сегментной ассимиляции, авторы выявили следующую закономерность, что дети мигрантов попадают в определенные слои общества по сегментам, а не по общему мейнстриму.

В свою очередь теория кросс-культурной адаптации, предложенная Я.Ким, предполагает дополнительный взгляд на включение мигрантов в принимающее общество. В данной концепции есть три взаимосвязанных элемента: стресс, адаптация и рост. В ходе возникновения стресс, который формируется при нехватке ресурсов и возможностей в новой среде, индивид получает стимул для перехода в трансформационный процесс, предлагаая «взгляд назад» в сторону родной культуры. Находясь между стрессом и адаптацией, в принимающей среде, что требует от него соответствия социальным ожиданиям и нормам. Основным результатом кросс-культурной адаптации в данном случае является гармоничное сочетание родной и новой культуры. Теория Я. Ким фокусируется на межкультурной адаптации и учитывает гендерные и возрастные особенности отдельных групп, включая женщин и молодёжь. [10]

От национально-ориентированного подхода к транснационализму

В повседневном дискурсе понятия «мигрант» и «иммигрант» часто используются как синонимы и имеют одинаковое восприятие в национальной массе. Хотя на самом деле данные слова отличаются по мас-

штабу и контексту употребления: «иммигрант» – в международном контексте, «мигрант» – также в пределах одного государства. Понятие «иммигрант» в соответствии со словарями имеет значение как: «граждане одного государства, прибывших на постоянное (или долговременное) жительство на территорию другого государства, в свою очередь понятие «мигрант» больше применимо к людям сменивших место жительства в пределах территории государства, гражданами которого они являются.

Такая дилемма применения данного термина возникает тогда, когда мы используем национально-государственный взгляд относительно вопроса регуляции миграции. Если же смотреть на данный вопрос с точки зрения мировой экономики, то миграция как внутренняя, так и внешняя является ничем более как частью мировой системы разделения труда. В настоящем исследовании оба термина используются как функциональные синонимы, исходя из социокультурного восприятия «другого». Данная причина лежит в человеческом восприятии и социальной психологии и связана с восприятием «другого» в нашей жизни.

Рассматривая вопрос национально-государственного взгляда как единственно возможного сценария развития событий, поддается критике, так как объектом является нация-государство или национальное государство, но как мы описали выше, уже формируются наднациональные сети, включающие транснациональные диаспоры, трансграничные семьи, интернет-сети и каналы ремиттансов. Однако данный метод не является естественным и существует не более двухсот лет (например, династический или конфессиональный признак также может быть рассмотрен). До того, как мир был поделен на нации-государства, он был поделен между империями. А перемещение в пределах империй не воспринималось как нечто маргинальное. Не говоря уже о том, что границы между династическими государствами были пористыми и, стало быть, более проходимыми, чем между современными национальными государствами.[1]

Критический взгляд на национально-государственный взгляд показан не только по теоретико-методологическим, но и по нормативно-этическим причинам. Он позволяет преодолеть позицию, выраженную в бытовой максиме «где родился, там и пригодился». Миллионы людей как оказалось не пригодились в своей стране и вынуждены искать себе новый «дом». Толкает на данный шаг разные мотивы безработицы, политическая нестабильность или вызвано множеством совокупностью факторов. Интересно в данном вопросе смотреть на мигрантов из постсоветского пространства, в частности из стран Центральной Азии, которые в поисках лучшей жизни перемещались внутри страны, а после раз渲ла оказались в позиции внешних мигрантов. Мигранты из Цен-

тральной Азии, на которых сейчас смотрят, как на нежелательный рабочий ресурс, не виноваты, что их общность как СССР в 1991 году развалилась, и они стали, по сути, мигрантами.

Даже внутри мигрантов существует некое разделение, которое тоже обосновано национально-государственным взглядом – это понятие репатриант они же в нашей риторике соотечественники. Необходимо ли подвергать их изучению также как и всех остальных мигрантов или же данный термин может быть воспринят как некорректный с социологической точки зрения в отношении данных людей. В законах множества национальных государств таких как Германия, Испания, Италия существуют специальные юридические положения в отношении со-этносов – лиц, которые имеют одно этническое происхождение с большей частью коренного населения. Если переселяющийся из России в Германию лицо имеет немецкое происхождение, то данный индивид воспринимается не как иммигрант, а как репатриант. В отношении такого человека действует особый правовой статус, который позволяет миновать множество барьеров и натурализоваться. Достаточно предоставить документ, подтверждающий этническое происхождение одного из предков.[15]

В Российской Федерации после 1992 г. возникла аналогичная ситуация. Кем являются те массы людей, которые покинули территорию РСФСР в разные годы и отправились поднимать одно общее государство на территории бывших советских республик, а в связи с распадом решили вернуться обратно? Возникает ответ – соотечественники и на них распространяется специальный правовой статус, однако вопрос, почему данная мера поддержки долго лежала в долгом ящике, а после слабо регулируется? Возможно, ответ кроется в том, как мы воспринимаем местное и приезжее население.

Граница между «коренным населением» и «мигрантами» представляется очевидной лишь на первый взгляд. Многие из тех, кто относит себя к коренному населению таковым не являются. При анализе генеалогии значительная часть населения также имеет миграционные корни, хотя формально они коренные. С другой стороны, никто не приравняет себя к мигранту, хотя на самом деле ими могут являться, если обращаться к Международной организации по миграции. В данном контексте иммигрантом является в том числе гражданин национального государства, который более года проживал на территории другого.

Наконец существует еще одно обстоятельство, которое усложняет в проведении границы между «нашими» и «чужими». Как определить кем является известный поэт Востока Махтумкули Фраги. По убеждению туркменов, он проживал на территории Туркменистана в предгорьях Копетдага, а по мнению иранцев он жил на территории Ира-

на, в Фирюзе. Все это конечно лишь самые броские случаи, но они выявляют ключевую проблему в данной риторике. Таким образом, даже культурные и исторические символы не принадлежат однозначно определённой нации.

Хотя некоторые примеры выглядят уникальными, они отражают структурные особенности современного миграционного опыта. В данной ситуации национально-ориентированный подход не может дать точного определения понятия «мигранта», так как делит на конкретные категории людей, имеющих определенный юридический статус. Данный подход не позволяет нам детально понять мотивацию и стратегию мигрантских сообществ и в дальнейших исследованиях необходимо перейти от обобщённого анализа миграционных потоков к изучению локализованных мигрантских сообществ, со своей стратегией, мотивацией и социальными связями. Мигранты из Центральной Азии все чаще становятся объектом исследования многих авторов. Основная фиксация в исследованиях – мигрант живет на две реальности: физическая и сетевая, что не может рассматриваться в национально-ориентированном подходе и этому способствуют множество факторов.

Во-первых, после падения железного занавеса больше стран заявили о переходе к демократичному и человекоцентричному государству, что в свою очередь привело к нормализации эмиграции как социальной практики.

Во-вторых, современные средства коммуникаций от сотовой связи до всемирной паутины «Интернет» способствует поддержанию связи со страной-донором, а современные средства передвижения способствуют на регулярной основе посещать родных.

Однако проблема кроется не в том, что мигранты, однажды покинув свою страну, никогда не смогут повернуть время вспять. Ключевым фактором, определяющим современную миграцию, становятся транснациональные сети, которые функционируют вне рамок национальных границ и формируют автономные социальные структуры. Таким образом мигранты «живут» в своем транснациональном пространстве.

Транснационализм как ключ к пониманию центральноазиатских мигрантов

В этой связи теория транснационализма приобретает особый характер, и представляет с собой одну из важнейших современных концепций миграционных процессов. Теория транснационализма оформилась в США в 1990-х гг. в ответ на ограниченность традиционных парадигм миграции. Если ранее говорили, что диаспоры и этнические группы важны в адаптационном процессе, в рамках транснационализма диаспоральные группы перестают быть пассивными формами адаптации.

В 2000-х годах учёные-практики начали переосмысливать классический подход к мигрантам, предлагая рассматривать их не просто как участников перемещения, а как трансмигрантов – людей, чья жизнь развернута по обе стороны границы. Одна из создательниц этой концепции, Нина Глик Шиллер, в своей ключевой статье 1995 года пишет: «Трансмигранты – это иммигранты, чья повседневная жизнь зависит от множественных и постоянных пересечений границ».[18]

Глик Шиллер и её коллеги утверждают, что, несмотря на формальную интеграцию в экономику и институты принимающего государства, трансмигранты не разрывают связи с родиной. Они создают «сверхгосударственный слой» – экономические, социальные, культурные связи между двумя странами своего присутствия. Это – не кратковременное перемещение или так называемая маятниковая миграция, а устоявшийся способ существования, при котором идентичность и принадлежность отвечают реальности «быть одновременно здесь и там».

Транснационализм представляет собой концепцию, разработанную исследователями миграции, с целью преодоления жесткого деления на «там» и «здесь», в контексте перемещения людей. Это понятие позволяет выделить промежуточное состояние, когда индивид одновременно находится и в одной, и в другой стране. Например, среднеазиатский мигрант, который уезжает на длительный срок для работы в России или другой стране, продолжает поддерживать крепкие связи с родным местом. Он общается с родственниками и знакомыми через телефон и интернет, отправляет деньги семье и регулярно возвращается «домой», чтобы подтвердить свою принадлежность к общине.

С распространением интернета и снижением стоимости международной мобильности отъезд из страны не является тяжелым эмоциональным разрывом. Это повлекло за собой перераспределение всей структуры межнациональных связей, сейчас стоит говорить о транснациональных сообществах и сетях. Исследователи связывают транснационализм с теорией мультикультурализма и формируется как новая рамка, чем резкая, смена системы представлений.

Социальное пространство есть пространство отношений. Поскольку в концепции транснационализма они разворачиваются на нескольких уровнях одновременно таких как глобальном, национальном, региональном и локальном, то исследователи отдают себе отчет о взаимной конститутивности как глобального, так и локального. Исследователи вправе сфокусироваться на одной единице, такой как город, однако важно помнить, что понятие город не является совокупностью территории или территориями разного уровня. Город выступает как интерфейс, где пересекаются ло-

кальное и глобальное, институциональное и сетевое. [2] Такая совокупность факторов формируется из-за всемирной глобализации и капитализации городов, современная фаза которого связана с победой неолиберальной моделью капиталистического уклада над кейнсианством.

О двух данных следствиях этого положения свидетельствует исследования миграционоведения Глик Шиллер и Чаглара. Современное изучение миграции невозможно в отрыве от изучения реконструирования городов в постиндустриальном обществе, под воздействием неолиберальной модели глобализации, в соответствие второй отсюда включение мигрантов в социальную структуру города. Следует отказаться от традиционного представления об интеграции как линейном включении меньшинств в «национальное целое». Процесс интеграции в городе определяются не принимающим обществом и не чужими, оно формируется в соответствии с повесткой города в неолиберальной модели.[16]

Глик-Шиллер и Чаглар подчёркивают, что демаркация между «местными» и «мигрантами» – это не нейтральное понятие, а отражение символической власти. Власть может навязывать картину «принимающего общества», институционализируя доступ одних групп к ресурсам и исключая других.

Это ключевой теоретический акцент, показывающий, что категории мигранта и коренного населения – не объективные, а социокультурные конструкт, детерминированные силами, распределяющими ресурсы, права и статус. Эта характеристика особенно актуальна для из стран Центральной Азии, так как то, как они воспринимаются «местным населением», зависит не от их действий, а от того, кто именно контролирует символические коды власти.

Второе понятие «мобильности» само по себе должно быть проблематизировано. Кто сегодня мобилен, а кто нет определяется силой на экономическом и политическом поле. С одной стороны, быть мобильным – привилегия доступная не всем слоям общества и считается роскошью, в первую очередь доступная представителям среднего и высшего классов, тогда как низший класс зачастую лишен возможности ввиду отсутствия ресурсов. Однако, с другой стороны, те, кто сейчас мобилен, мобилен не по своей воле, а под гнетом обстоятельств. За выражением мобильность по мнению авторов стоит два определения включение в пространство (emplacement) и выход из пространства (displacement). Включение в городское пространство сопровождается исключением другого из него. [15]

Третье, так называемое городское развитие имеет различные последствия не только для определенных слоев общества, но и для других городов. Развитие мега-городов и нахождения среди

них малоразвитых формируют определенную закономерность перетока социальных и трудовых ресурсов. Так, например в мега-городах аккумулируются все виды ресурсов (от финансовых до социальных) тогда как в малых городах наблюдается тенденция к социальной депрессии.

Таким образом концепция транснационального формирует новую рамку исследования мигранта не как человека, оторванного от прежнего общества и вынужденного адаптироваться в новом, поскольку он больше не принадлежит тому обществу. Наоборот, современный мигрант в данной связке обладает двумя идентичностями и включен в социальный и экономический слой, и по большей части интегрирован и в политическую жизнь нескольких обществ.

Эмпирические исследования мигрантов из Центральной Азии

Имея разные методологические обоснования различных концепций изучения мигрантов и миграционных процессов, при исследовании постсоветского пространства, где основной страной-реципиентом является Россия, простое изучение стратегий интеграции может быть недостаточен. Мигранты из Центральной Азии осуществляют взаимодействие с двумя пространствами одновременно, тем самым формируя транснациональную сеть. В следствии этого, при изучении особенностей мигрантского сообщества в России необходимо опираться на транснациональную рамку как на аналитический инструмент. В монографии В.И. Мукомеля, К.С. Григорьевой, Г.А. Монусова «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы», где эмпирической основой выступают результаты социологических опросов мигрантов из Центральной Азии, проведенные в 2020 г. и 2017 г., что позволило отследить трансформацию транснациональных стратегий до и во время пандемии COVID-19. Данные периоды выбраны неслучайно, ведь карантинные ограничения могли иметь значительные последствия в поддержании транснациональных связей.

По данным опросов иностранных граждан из постсоветского пространства, фиксируется устойчивая практика транснационального поведения, выраженная в нескольких факторах:

1. Более 60% респондентов из приведенного исследования на регулярной основе (не реже раза в год) выезжают в страну-донор и взаимодействуют с социумом и не разрывают связей с институтами власти.
2. 90% респондентов не теряют социальных связей с страной-донором так как имеют на территории близких родственников. В случае проживания в ином государстве детей или супругов их связи являются разорванными, так как включенность в социальное поле происходит

- «на месте». При этом интенсивность общения с близкими проживающими на Родине так же высока: более 80% осуществляют коммуникацию ежедневно, а период карантинных ограничений данный показатель по отношению к 2017 г. вырос до 90%.
3. Подавляющее большинство вне зависимости от обстоятельств осуществляют денежные переводы на Родину, размер данных переводов может составлять свыше 50% от дохода, полученных в России [1]

Однако стоит провести взаимосвязь между транснациональными практиками мигрантов и связанные с ними миграционные стратегии в априори. Мигранты, ориентированные на постоянное проживание в России, реже выезжают на Родину и менее активно участвуют в совершение денежных переводов. Наличие близких родственников с государством-донором связано с долгосрочностью миграционных стратегий, так как циркулярные мигранты чаще оставляют супругов и детей, чем долгосрочные. Ремиттансы зависят также от миграционных стратегий и от лет проживания в государстве-реципиенте, ведь долгосрочные мигранты, имеющие большой стаж в данном деле, реже посыпают деньги.[13]

В следствии этого можно предположить, что гибкость миграционных стратегий, к примеру перехода из циркулярной миграции в долгосрочную, а цель заработка на ближайшие 2–3 года может способствовать снижению интенсивности транснациональных практик и переходу к интеграционной модели поведения.

Особенное влияние на мигрантов из Центральной Азии и применение ими транснациональных практик обусловлено их непосредственной близостью к России, наличием общей финансовой и транспортной инфраструктуры. Об этом писал А. Портес, подчёркивая: «...транснациональные сообщества основываются на плотных социальных сетях, пересекающих государственные границы, создаваемых мигрантами как ответ на глобализацию; они особенно сильны там, где человеческий труд остаётся локальным, а капитал – глобальным.» [20]

В контексте монографии Мукомеля, где высокая интенсивность транснациональных практик между странами СНГ действительно во многом объясняется упрощённым миграционно-правовым режимом, историческими связями и этнокультурной близостью–важно отметить, что, по Портесу, именно плотные, базовые сети укрепляются там, где миграционные процессы органичны и близки. Для мигрантов из Центральной Азии это означает:

- более лёгкий доступ к финансовым переводам (ремиттансам);
- поддержание постоянных социальных связей;
- активную связь как с родной, так и с принимающей культурой.

При более глубоком анализе отдельных мигрантских групп, также вычленяются транснациональные практики, хотя с одной стороны явно наблюдаются удержание мигрантами из Центральной Азии двух систем, с другой стороны процесс интеграции проходит довольно медленно вне зависимости от длительности проживания, что обусловлено институциональными и культурными барьерами. Подтверждение этому может быть исследование А. Резаева, А. Степанова и П. Лисицына «Транснациональные мигранты в пространстве современного города». В данном исследовании объектом выступали женщины из Центральной Азии, переехавшие в Россию для заработка. Было проведено 28 глубинных интервью с женщинами на выявление применения транснациональных практик и интеграцию в принимающем обществе.

По результатам исследования, гипотеза по применению транснациональных практик женщинами-мигрантами подтвердилась. В ходе глубинных интервью явно прослеживается тенденция в существовании в двух пространствах, которое не ограничивается национальными рамками. Это подтверждается в постоянных социальных связях с родственниками, оставшимися на Родине. Данное общение происходит в ежедневном формате посредством мессенджеров. При этом данный вид общения является более эмоционально насыщенным, чем социальные связи в принимающем обществе.

Однако с точки зрения интеграции в принимающем обществе авторы фиксируют низкий уровень институциональной и культурной интеграции. Метрикой для понимания интеграции в принимающее общество для авторов стал подход Л.Ремменик, которая основывается на нескольких факторах: степень владения языком, наличие квалифицированной работы и разнообразных социальных связях. Авторы фиксируют: «... анализ интервью показал, что повседневность участниц исследования характеризуется стремлением к удовлетворению широкого круга желаний и потребностей. Они стремятся заработать как можно больше денег для того, чтобы помочь родственникам на родине, работая зачастую без выходных по 12–16 часов в день; находясь вдали от родных, они стремятся постоянно поддерживать связь с ними, как правило, посредством мессенджеров и интернета, в то же время перед участницами исследования стоит задача обеспечить свое существование на принимающей территории. Как следует из результатов интервью, удовлетворение этих желаний происходит в том числе посредством транснациональных практик, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что удовлетворение различных желаний и потребностей происходит внутри одного транснационального социального пространства, конструируемого нашими информантами, но в границах разных национальных государств» [Резаев]

Заключение

Современные миграционные процессы, происходящие в рамках постсоветского пространства, ставят под сомнение применимость классических моделей понимания фигуры мигранта. Примечательно другое, мигранты включены в транснациональные сообщества, но при этом более глубокие связи поддерживаются со страной исхода, при этом степень интеграции в принимающее общество крайне мала и стратегия на месте прибывания как у мужчин, так и у женщин фактически не отличается.

Применение этой рамки к анализу мигрантов из стран Центральной Азии в России позволяет выявить устойчивые транснациональные практики, характеризующиеся одновременной привязанностью к принимающему обществу и стране исхода. Устойчивые экономические, культурные и сетевые связи, поддерживаемые мигрантами, демонстрируют, что адаптация не сводится к процессу встраивания в институции принимающего общества. Напротив, формируется множественное присутствие, в рамках которого мигрант действует в нескольких символических полях, балансируя между различными центрами принадлежности.

Таким образом, при дальнейшем изучении выходцев из Центральной Азии представляется необходимым отказаться от универсалистской рамки транснационализма в пользу модели символических полей. Данный термин был описан Т.Файстом в труде «Транснациональные социальные пространства». По определению Файста, транснациональные социальные поля – это «комбинации социальных и символических связей, позиций в сетях и организациях, существующих как минимум в двух географически и политически разнесенных местах...». [18] Эта комбинация напрямую связана с механизмами строительства идентичностей и ориентациями мигрантов: на интеграцию в России или реинтеграцию в стране исхода.

Литература

1. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ РАН. – М.: 2022. – 400 с.
2. Абрашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С.Н. Абрашин // Этнографическое обозрение. – 2020. – Т. 4, – С. 3–13.
3. Резаев А., Степанов А., Лисицын П. Транснациональные мигранты в пространстве современного города/ А.Резаев, А.Степанов, П.Лисицын // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, вып. 2. – С. 234–275.
4. Варшавер Е.А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов: / Е.А. Варшавер. – М.: Московский институт социально-культурных программ, 2014. – 60 с.
5. Варшавер Е. А., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство/ Е.А. Варшавер, Рочева А. // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 14, вып. 3. – С. 315–330.
6. Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры: сб. науч. тр. / Нестор-История. – СПб, 2016. – 304 с.
7. «Жить в двух мирах»: переосмыслия транснационализм и транслокальность: сб. науч. тр. / «Новое литературное обозрение». – М, 2021. – 520 с.
8. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики / В.С. Малахов. – М.: Фонд «Лiberальная Миссия», 2015. – 272 с.
9. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие /Ж. Зайченковская, И. Молодиковая, В. Мукомель. – М.: РОО «Центр миграционных исследований», 2007. – 371 с.
10. Мукомель В.И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда / В.И. Мукомель // Журнал новой экономической ассоциации – 2024. – С. 233–240.
11. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян / В.И. Мукомель // Вестник Российской нации – 2021. – С. 53–66.
12. Осадчая Г.И., Погосян Г.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н., Киреев Е.Ю. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области / Г.И. Осадчая, Г.А. Погосян и др. // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 1, – С. 223–232.
13. Степанов А.М. Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия / А.М. Степанов// Петербургская социология сегодня. – 2018. – Т. 10, – С. 38–48.
14. Флоринская Ю.Ф. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) / Ю.Ф. Флоринская // Социологические обследования – 2020. – С. 118–126.
15. Glick Schiller N. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration / N. Glick Schiller. // Anthropological Quarterly – 1995. – Р. 48–63.
16. Faist T. Transnational Social Spaces (Research in Migration and Ethnic Relations Series): / T.Faist. – UK.: Routledge, 2004. – 256 p.

DEFINING THE CONCEPT OF «MIGRANT» IN MIGRATION STUDIES: FROM THE NATIONORIENTED APPROACH TO TRANSNATIONALISM

Hojatov K.B.
Pacific National University

The author examines the evolution of the concept of «migrant» in contemporary sociological theories. The analysis problematizes the persistent methodological framework of the nationstate, within which the migrant is understood exclusively as an external subject to be integrated into the host society. Particular attention is given to the shift toward a transnational approach that enables the study of migrants as actors simultaneously embedded in the institutions, norms, and symbolic fields of multiple states. The theoretical section draws on the concepts of transnationalism developed by N. Glick Schiller and T. Faist, as well as the revised assimilation theory proposed by R. Alba and V. Nee. The empirical basis of the analysis consists of studies focusing on migrants from Central Asian countries residing in Russia.

Keywords: nationoriented approach, transnationalism, Central Asian migrants, adaptation, integration

References

1. Abrashin, S.N. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism // Ethnographic Review. 2020. No. 4. Pp. 3–13.
2. Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators: monograph / V.I. Mukomel, K.S. Grigoryeva, G.A. Monusova et al.; FCTAS RAS. Moscow, 2022. 400 p.
3. Faist, T. Transnational Social Spaces (Research in Migration and Ethnic Relations Series). UK: Routledge, 2004. 256 p.
4. Florinskaya, Yu.F. Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (Based on Surveys of the Center for Migration Studies) // Sociological Surveys. 2020. Pp. 118–126.
5. Glick Schiller, N. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. 1995. Pp. 48–63.
6. Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality: collection of scientific papers. Moscow: New Literary Observer, 2021. 520 p.
7. Malakhov, V.S. Migrant Integration: Concepts and Practices. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2015. 272 p.
8. Methodology and Methods of Studying Migration Processes: An Interdisciplinary Textbook / Zh. Zaionchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. Moscow: Center for Migration Studies, 2007. 371 p.
9. Mukomel, V.I. Labor Migration in Russia: Adaptation to Labor Market Transformations // Journal of the New Economic Association. 2024. Pp. 233–240.
10. Mukomel, V.I. Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians // Bulletin of the Russian Nation. 2021. Pp. 53–66.
11. Osadchaya, G. I., Pogosyan, G. A., Leskova, I. V., Yudina, T. N., Kireev, E. Yu. The Phenomenon of Diaspora: Analysis of the Current State Through the Lens of Research in This Field // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2021. Vol. 1. Pp. 223–232.
12. Rezaev, A., Stepanov, A., Lisitsyn, P. Transnational Migrants in the Space of the Contemporary City // Sociological Review. 2020. Vol. 19, Issue 2. Pp. 234–275.
13. Stepanov, A.M. Transnational Practices: On the Definition of the Concept // Petersburg Sociology Today. 2018. Vol. 10. Pp. 38–48.
14. The East in the East, in Russia, and in the West: Transborder Migrations and Diasporas: collection of scientific papers. St. Petersburg: NestorHistory, 2016. 304 p.
15. Varshaver, E.A. Twenty Successful Practices of Migrant Integration. Moscow: Moscow Institute for SocioCultural Programs, 2014. 60 p.
16. Varshaver, E. A., Rocheva, A. Migrant Integration: What It Is and What Role the State Can Play in Its Implementation // Journal of Social Policy Studies. 2020. Vol. 14, Issue 3. Pp. 315–330.

